

Искра Васильевна Чуркина родилась 24 ноября 1931 г. в Москве. В 1949 г. поступила на исторический факультет МГУ, где училась на кафедре истории южных и западных славян. После его окончания в 1954 г. два года преподавала в школе и одновременно училась в аспирантуре Института славяноведения АН СССР. С 1958 г. по 2017 г. работала сотрудником Института славяноведения в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в новое время. В 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию, а в 1980 г. – докторскую. Специалист по средневековой и новой истории южных славян и истории их культуры. Наибольшее внимание она уделяла Словении. Чуркиной опубликовано более 250 статей в России, Словении, Сербии, Хорватии, Словакии, Украине, Польше, Австрии, Испании. Помимо этого она участвовала в ряде международных публикаций документов в том числе: советско-чехословацко-югославской «Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф.Раевского. 40-80-е годы XIX в.» (составитель, комментатор), российско-словенской «Русско-словенские отношения в документах» (ответственный редактор, составитель, комментатор). Ею опубликованы несколько монографий, в том числе «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (М., 1978), «Rusko-slovenski kulturni stiki» (Ljubljana, 1995), «Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы» (М., 2011).

Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г.

И.В. ЧУРКИНА

И.В. ЧУРКИНА

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ
в идеологии словенских
национальных деятелей
XVI в. – 1914 г.

*Посвящается моим родителям:
Василию Сергеевичу Чуркину и
Анастасии Климентьевне Извековой*

*Автор выражает глубокую благодарность
Светлане Ивановне Данченко,
Любови Алексеевне Кирилиной и
Юлии Сергеевне Мерецкой,
которые помогли в работе над монографией*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

И. В. ЧУРКИНА

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ
В идеологии словенских
национальных деятелей
XVI в. – 1914 г.

Москва
2017

УДК 930.85
ББК 66.1(4Сло)
Ч93

Рецензенты:

П. А. Искендеров,
кандидат исторических наук

Л. В. Кузьмичёва,
кандидат исторических наук

Дизайн обложки:

Ю. С. Мерецкая

Чуркина И. В.

Ч93

Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. — 1914 г. / Искра Васильевна Чуркина. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 576 с.: ил.

ISBN 978-5-7576-0392-6

Данная монография является результатом 60-летних исследований автора. Она вводит в научный оборот большое количество новых материалов из архивов и прессы, обобщает итоги трудов ученых, занимавшихся этой проблематикой.

В монографии рассматривается роль, которую сыграло в становлении словенской нации осознание словенцами своей этнической и языковой близости с русскими и другими славянами.

Книга представляет интерес для всех, кто интересуется русско-славянскими отношениями, а также историей образования наций, находившихся в течение нескольких веков под гнетом иноземцев.

УДК 930.85
ББК 66.1(4Сло)

ISBN 978-5-7576-0392-6

© Чуркина И. В., 2017
© Мерецкая Ю. С., обложка, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017

Оглавление

Введение	6
Глава 1.	
Зарождение словенского русофильства	9
Глава 2.	
Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период	131
Глава 3.	
Формирование политического панславизма у словенцев	215
Глава 4.	
Пик русофильства у словенцев (1876–1899)	319
Глава 5.	
Накануне Великой войны	405
Глава 6.	
Русские о словенцах	506
Именной указатель	559

Введение

Вопрос о русофильстве в идеологии словенских деятелей давно интересовал как отечественных, так и словенских ученых. Первым подробно остановился на нем профессор Люблянского университета Иван Приятель. Он обстоятельно рассмотрел русско-словенские отношения в своем главном труде «Словенская культурно-политическая и литературная история. 1848–1895 гг.»¹ в пяти томах, вышедших в Любляне сначала в 1938–1940 гг., а затем там же в 1955–1961 гг. Приятель, широко привлекая материалы словенских архивов и прессы, не только дал общую картину развития русско-словенских отношений во второй половине XIX в., но и сделал важное наблюдение: он связывал усиление русофильства в словенских землях с ростом недовольства словенцев политикой австрийских правящих кругов.

Последнее издание книги Приятеля дополнили и обновили комментарии видного словенского историка Душана Кермавнера. Он многое уточнил в освещении процесса формирования русофильских взглядов у словенских политиков, по-новому оценил деятельность словенских русофилов Ф. Подгорника и его соратников, в течение десяти лет выпускавших газету «Словански свет», выявил личность одного из последовательных русофилов Г. Блажа, который был активным корреспондентом либеральной словенской газеты «Словенски народ». Комментарии Кермавнера к пятому тому труда И. Приятеля составили отдельную монографию «Словенская политика в 1879–1895 годы»², опубликованную в 1966 г. в Любляне.

О русско-словенских отношениях писали в своих исследованиях словенские историки В. Мелик, Й. Пирьевец,

---

¹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. 1848–1895. Ljubljana, 1955–1961.*

² *Kermavner D. Slovenska politika v letih 1879 do 1895. Ljubljana, 1966.*

Я. Плетерски³, И. Гантар Година⁴, Ф. Цвиттер, Л. Легиша, А. Слодняк⁵, П. Водопивец⁶. Русско-словенские научные и литературные контакты исследовали русские ученые А.А. Кочубинский⁷, Н.М. Петровский⁸, М.И. Рыжова, Е.И. Рябова, О.С. Плотникова, М.Л. Бершадская, Л.А. Кирилина, Т.И. Чепелевская, Н.Н. Старикова и др. Словенские ученые М. Боршник⁹ и Ш. Барбарич¹⁰ посвятили свои монографии этому вопросу. В 2010 г. в Любляне вышла книга об одном из самых убежденных словенских русофилах Иване Хрибаре под редакцией И. Грдины. Его статья «Иван Хрибар “единственный настоящий словенский радикал”», охватывающая половину сборника, дает новый материал об этом деятеле. Вопрос об отношении Хрибара к России затрагивает также одна из авторов сборника — П. Тестен¹¹. Представляет интерес и статья словенского исследователя К.Я. Козака о путешествии по России известного словенского поэта А. Ашкерца, в которой раскрывается его своеобразное отношение к России и ее роли в истории и будущем славян¹².

В последние десятилетия вышло несколько сборников, представляющих материал русско-словенских конференций. В этом отношении особенно плодотворен 2011 г. В нем была издана книга, посвященная Янко Лаврину, — «Янко Лаврин и Россия» (М., 2011), где был помещен ряд статей, посвященных отношению Лаврина к России, его жизни там, его контактам с русскими деятелями. Авторами их яв-

---

³ *Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965.*

⁴ *Gantar Godina I. Neoslavizem in slovinci. Ljubljana, 1994.*

⁵ *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva. Ljubljana, 1959.*

⁶ *Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18 stoletja do konca 20 stoletja. Ljubljana, 2006.*

⁷ *Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888.*

⁸ *Петровский Н.М. Первые годы деятельности В. Копитаря. Казань, 1906.*

⁹ *Boršnik M. Fran Celestin. Ljubljana, 1951.*

¹⁰ *Barbarič Š. Turgenjev in slovenski realizem. Ljubljana. 1983; Barbarič Š. Тургенев в переводах на словенский язык // Югославо-русские литературные связи 2-й половины XIX — начала XX вв. М., 1975.*

¹¹ *Hribarjev zbornik. Ljubljana, 2010.*

¹² *Kozak K.J. »Pod egido ruskega orla« ali orientalistični izleti A. Aškerca // Primerjalna književnost. Ljubljana, 2011. № 3.*

ляются Ю.А. Созина, О.В. Косик, И.Г. Стаханова, М. Юнгрен и др. В «Slovenica 1» (История и перспективы российско-словенских отношений. СПб, 2011) опубликованы очерки о русско-словенских контактах Д. Рупела, К.В. Никифорова, А. Бенедейчича, Д. Дрновшека, С. Гранды, М.М. Керимовой, Т.И. Чепелевской, М.Л. Бершадской, Н.Н. Стариковой и др. Второй том «Slovenica 2» (Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 2011) содержит труды, касающиеся русско-словенских отношений, Й. Пирьевца, Л.А. Кирилиной, Б. Клабьяна, Н.Н. Стариковой.

Все эти исследования дают богатый материал о словенских идеологах русофильства, о конкретных русско-словенских связях.

Автор предлагаемой монографии на основании достижений указанных историков и литературоведов и собственных изысканий в архивах и прессе постарался обобщить найденный материал. Он поставил перед собою цель:

- 1) Исследовать воздействие на идеологию словенцев сам факт существования России как могущественного славянского государства;

- 2) Проследить влияние русской общественной мысли на общественную мысль словенцев;

- 3) Изучить влияние русской культуры на формирование словенской национальной культуры. Автор монографии много лет исследовал указанную тему. Им изданы по этой проблематике несколько монографий. На русском языке – «Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия» (М., 1978), «Русские и словенцы» (М., 1986); на словенском языке – «Матия Маяр Зильский (Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974) и «Русско-словенские культурные связи» (Rusko-slovenski kulturni stiki. Ljubljana, 1995), а также около двухсот статей. Представляемая автором монография является плодом многолетних исследований и раздумий автора.

Зарождение словенского русофильства

Формирование словенцев как народа происходило в русле развития народов Средней Европы. Уже в VIII в. словенские земли были захвачены немцами и отчасти итальянцами и с тех пор вплоть до 1918 г. находились под их властью. Они сначала входили в состав Франкской империи, затем — Священной Римской империи немецкого народа, затем — в монархию Габсбургов.

Словенцы были завоеваны немцами, когда словенский феодальный класс только начал формироваться, частично его представители погибли в боях с завоевателями, а частично слились с господствующим классом победителей. Поэтому словенская этническая общность уже со средних веков являлась народом с неполной социальной структурой: феодалы и верхушка городов были по национальности немцами (на юге — итальянцами), а крестьяне и низшие городские слои — словенцами. Поскольку интеллектуальная элита, как правило, вербовалась из высших слоев, религиозная, художественная, политическая литература, исторические хроники, документация велись на латинском или немецком языках, а по содержанию выражали взгляды немецкого господствующего класса.

Складывание словенского народа происходило в трудных условиях. Отсутствие словенского дворянства, единственного политически полноправного класса в феодальном обществе, обусловило полное отсутствие у них политических прав как у народа. В течение многих веков словенцы жили в разных провинциях (*Land, dežela*) с их особыми административно-политическими учреждениями, провинциальными рынками, их особыми диалектами, которых

еще в XX в. насчитывалось 50. Эти провинции образовались рано: в 976 г. было учреждено герцогство Каринтия, в 1169 г. — герцогство Штирия, в 973 г. впервые упоминается маркграфство Карниола (Крайна). В середине XVIII в. из Крайны выделились в самостоятельные административные единицы провинции Горица, Градишка, Приморье. Славянские жители этих провинций не осознавали себя единым народом. Жители Крайны, Горицы, Градишки, Приморья называли себя крайнцами, жители Штирии и Каринтии — виндами. По национальному составу в XIX в. Крайна, Горица, Градишка, Приморье были по преимуществу словенскими, хотя в городах жило значительное количество немцев и итальянцев. В Штирии и Каринтии словенцы составляли приблизительно треть населения.

На протяжении столетий на словенских землях практически параллельно развивались две культуры — немецкая и словенская. Немецкая культура вполне соответствовала европейскому уровню, являясь частью общенемецкой культуры. Вторая культура, словенская, создавалась словенскими крестьянами, которые передавали из поколения в поколение песни, предания, сказы, обычаи, тип одежды и жилища. Эта культура не выходила за рамки фольклора, ведь у словенцев вплоть до середины XVI в. не было своей письменности. Письменный язык необычайно важен для развития этноса, без него ни один народ не может считаться цивилизованным. Принятие христианства принесло большинству южных славян письменность: болгарам и сербам кириллицу, хорватам — глаголицу. У этих народов христианство распространяли греческие или римские миссионеры, которых приглашали для этого местные правители, являвшиеся представителями данного этноса. Для них христианизация населения являлась одним из способов укрепления государственности, повышения авторитета своего народа и своего государства среди других народов и государств. Словенцы получили христианство из рук правителей, поставленных над ними завоевателями, которые

не были заинтересованы дать письменность попавшему к ним в подчинение народу. Немецкая и словенская культуры не развивались изолированно, в определенной степени они влияли друг на друга.

С ростом промышленности и торговли в словенских землях укреплялись города, превращаясь из центров феодальных поместий в свободные поселения, нередко находившиеся под защитой государей. В них постепенно увеличивалось словенское население, пополняя средние и низшие слои горожан. Этот процесс происходил по всей Средней Европе, объединенной в Священной Римской империи. В ней уже с XIV в. начался процесс разложения феодального строя, выразившийся в усилении крестьянских волнений и в выступлениях против католической церкви, являвшейся оплотом феодальных порядков. Первые такие выступления охватили одну из наиболее развитых земель империи — Чехию. Они выразились в проповедях Яна Гуса и развернувшегося после его сожжения движении таборитов, продолжавшегося несколько десятилетий. В широких массах народа все большее возмущение вызывала деятельность церкви, служители которой вели себя далеко не по-христиански: распутничали, облагали население непомерными поборами и т.д. Особенно возмущала людей их торговля индульгенциями, письменными свидетельствами, якобы отпускающими любые грехи за соответствующую мзду. Деятельностью католической церкви были недовольны часть феодалов, горожане. В кругах интеллектуалов все большей критике подвергались постулаты католической церкви. Широкое антикатолическое движение развернулось в Средней Европе после того, как священник Мартин Лютер 31 октября 1517 г. обнародовал свои тезисы, направленные против индульгенций и католической церкви вообще. В тезисах говорилось, что церковь не является посредником между людьми и Богом, что истинно не то, что говорит духовенство, а то, что написано в Священном писании. Главной задачей верующих является

его изучение и неуклонное следование его заветам. Следовательно, чтобы быть истинным христианином, необходимо уметь прочитать Священное писание.

В словенских землях первые сторонники Лютера (протестанты) появились уже в 20-е годы XVI в. Это были в основном священники. Потом к ним примкнули горожане. Надо отметить, что к концу XVI в. в городах, находившихся в словенских землях, уже превалировало словенское население. Согласно фискальной переписи 1600 г., в трех городах Крайны и Нижней Штирии преобладало немецкое население, четыре города являлись двуязычными, а в остальных 13 городах жили по преимуществу словенцы¹. В 40-е годы XVI в. в ряды протестантов все более активно стали вступать представители феодального класса, которые, помимо прочего, были недовольны центральной властью, активно ведшей борьбу против сословных собраний, где они преобладали. Крестьяне в словенских землях большею частью оставались верными католической церкви. Сначала протестантов жестоко преследовали, но к середине XVI в. они укрепили свои позиции и действовали легально. Возглавляли словенских протестантов Примож Трубар, Адам Богорич, Юрий Далматин. Они и стали создателями первых словенских книг. Основные причины, побудившие их сделать это, было желание распространить среди своих соотечественников протестантизм, а также ликвидировать их культурную отсталость.

Первые две книги на словенском языке издал в 1550 г. Примож Трубар. Это были «Катехизис» и «Абecedник». Всего за вторую половину XVI в., время активной деятельности протестантов, было издано 50 книг на словенском языке. Благодаря усилиям протестантов в словенских землях появились светские школы. Три из них в Любляне (1563), Целовце (нем. Клагенфурт) (1563), Градце (нем. Грац) (1570) содержались на средства сословий. Это были латин-

¹ *Golec B. Regionalne razlike v jezikovni podobi prebivalstva slovenskih celinskih mest med 16 in 18 stoletjem // Zgodovinski časopis. Ljubljana, 1957. № 1–2. S. 28–30.*

ские школы. Их посещали дети чиновников, дворян, зажиточных горожан, а также довольно много детей из бедных семей. Последние получали от сословий пособия. Причину финансовой поддержки бедных учеников школьные инспекторы объясняли следующим образом: дети из богатых семей редко идут учиться в университеты, а если и идут, то потом становятся чиновниками, офицерами, занимают придворные должности. И редко кто из них желает стать учителем или священником. Молодежь из бедных семей стремится попасть в университет и после его окончания занять должность священника или учителя².

Кроме указанных латинских школ, окончив которые можно было поступить в университет, существовали и школы более низкого уровня в ряде других городов — в Мариборе, Горней Радгоне и др. Трубар в 1564 г. опубликовал «Церковный устав», в котором предлагалось основать школы в каждом приходе для мальчиков и девочек из всех сословий. В них дети обучались бы читать и писать по-словенски, а также молитвам и катехизису на словенском языке. Роль учителя должны были исполнять приходские священники, капелланы или причетники. В городах предлагалось устраивать школы с немецким или латинским языком обучения, однако и в них в младших классах словенский язык использо-

Примож Трубар

² Schmidt V. Zgodovina šolstva in pedagogike na Slovenskem. Ljubljana, 1963. S. 77.

вался бы в качестве вспомогательного. Содержаться школы должны были на средства императора или владетельных князей и знати. «Церковный устав» сразу же был запрещен властями, большая часть книг была уничтожена, а сам Трубар был навсегда изгнан из словенских земель. Однако некоторые положения «Устава» все же использовались при организации школьного дела протестантами³.

Во второй половине XVI в. сформировался слой образованных людей, который можно назвать предтечей словенской интеллигенции. Помимо организации образования, создания словенского письменного языка перед ними стоял вопрос происхождения словенцев, границ их обитания, места словенцев среди других народов. Идеологи нарождавшейся словенской интеллигенции пытались ответить на них, опираясь на последние научные достижения своего времени. Некоторые из них знали труды не только немецких, но и чешских и хорватских писателей, сочинения своего соотечественника Сигизмунда Герберштейна, прославившегося своими «Записками о Московии», вышедшими в свет в 1549 г. на немецком языке. В предисловии к своему труду Герберштейн писал о единстве славянских народов, давал достаточно верные сведения о расселении славянских племен. Более точную картину расселения славянских племен дал только немецкий историк А. Шлёцер в XVIII в.⁴ В изучении Московского княжества Герберштейну помогло знание словенского языка. В своей «Автобиографии» он указывал, насколько он был прав, когда изучал язык крестьян, который не хотели учить его братья. Герберштейн писал, что он «похож на русский язык и без которого я бы не понял народной речи» и не смог бы расспрашивать простых людей о том, что его интересовало, а также прочитать русские летописи⁵.

³ *Rupel M.* Primož Trubar. Življenje in delo. Ljubljana, 1962. S. 177.

⁴ *Хорошкевич А.Л.* Русь и русские в «Записках о Московии» // Сигизмунд Герберштейн. М., 2000. С. 135.

⁵ *Бучар Ф.* Герберштейн и будущее России и Европы // Сигизмунд Герберштейн. С. 8.

Книгу Герберштейна, несомненно, знали словенские протестанты. Но для них вопрос о родстве словенцев с другими славянами имел не только научный интерес, но и являлся вопросом идеологическим — связь словенцев с огромным славянским миром возвышала их в своих глазах и в глазах окружающих народов, была важным аргументом в доказательстве их права на существование.

Примож Трубар, главный автор словенских книг и признанный лидер словенских протестантов, объяснял свое стремление издавать книги на словенском языке любовью к землякам, которых он в предисловиях к своим книгам называл: «мои любимые словенцы», «крайнецы», а сам иногда подписывался — «патриот иллирский». Трубар знал о хорватах, сербах, босанцах, болгарях, чехах, считал их близкими по языку словенцам, но все же отличными от них народами. В предисловии к «Первой части Нового Завета» (1557) он указывал, что хочет писать так, чтобы его легко понимал каждый словенец, будь то крайнец, нижнештириец, красовец, истриянин, нижнекрайнец или безьяк. «Именно поэтому я остановился, — продолжал Трубар, — на крестьянском наречии, на котором говорят в Ращице, где я родился. Я не хотел использовать в нем необычные и хорватские слова и выдумывать новые»⁶. Трубар перечислял

Сигизмунд (Жига) Герберштейн

⁶ *Grdina I. Nekaj opazk o vlogi Primoža Trubarja v začetku slovenskega knjižnjega jezika // Zgodovinski časopis. 1995. № 49/2. S. 31.*

именно те местные названия словенцев, которые существуют до сих пор. Характерно, что он отделял словенцев от хорватов, от народа, близкого словенцам по языку и религии, но который, по его справедливому мнению, все же являлся другим народом.

Юрий Далматин перевел на словенский язык Библию, которая была издана в 1584 г. на средства сословий. Это издание явилось важным шагом в оформлении словенского книжного стандарта. Как и Трубар, Далматин обычно употреблял для словенцев и их языка названия «словенцы», «словенщина», «краинска словенщина» и т. д. Во введении к своим трудам Далматин указывал, что у словенцев имеются ближайшие родственники — славяне, и перечислял поименно все славянские народы за исключением словаков, болгар и лужичан.

Определить место словенцев в мире постарался Адам Богорич, долгое время руководивший латинской школой в Любляне. Он написал первую словенскую грамматику, вышедшую в свет в 1584 г. Она была написана на латыни и предназначалась для образованной, прежде всего дворянской, молодежи. В предисловии к ней Богорич писал о словенцах и близких им славянах, об их роли в истории. Он указывал, что словенцы принадлежат к многочисленному народу славян, который «должно считать очень древним и многочисленным, расселившимся почти по всему свету». Ранее славяне, утверждал Богорич, населяли Венецию, Африку, Азию. Они были известны под другими именами: хетты, венеты, винды, вандалы. Последнее свое имя — славяне — они получили за прославленные деяния, ибо у славян слово «slava» означает «славу». Потому они и назывались «славянами», что были «достойные славь», «прославленные», «знаменитые». Богорич довольно правильно перечислял славянские народы: боснийцы, хорваты, литовцы, поляки, богемцы, лужичане, мораване, влахи, расции, болгары, бесьяки, корушцы, истрийцы, мосхи, рутены. Стремясь доказать, что величайшие правители прошлого

высоко ценили славян, Богорич рассказывал о фантастических привилегиях, якобы полученных ими от Александра Македонского за то, что они помогли ему завоевать мир. Кстати, о грамоте Александра славянам писали и другие средневековые авторы, в частности хорват Винко Прибичевич («О происхождении и истории славян», 1532), дубровчанин Марко Орбини («Славянское царство», 1601). Среди других великих людей, благоволивших к славянам, Богорич называл императора Священной Римской империи и одновременно чешского короля Карла IV, который в Золотой булле настоятельно рекомендовал сыновьям владетельных князей изучать славянский язык, ибо они должны знать язык своих подданных, чтобы правильно управлять ими и справедливо их судить. В качестве примера того, как знание славянского языка помогло знатному человеку сделать блестящую карьеру, Богорич указывал на Сигизмунда Герберштейна, которому владение славянским языком дало возможность успешно выполнить роль посланника императора при дворах польского короля и великого московского князя. С гордостью Богорич отмечал, какое важное положение занимает славянский язык при дворе турецкого султана. В своей грамматике Богорич давал четыре алфавита, которыми пользуются славяне: кирилловский — рутенский и московитский, глаголический (хорватский) и латинский (крайнский). Чтобы показать близость славянских языков, Богорич привел текст молитвы «Отче наш» на шести славянских языках: на латинице (чешский, польский, лужицкий, крайнский языки), на кириллице (икавское наречие хорватского языка), на глаголице (тоже икавское наречие хорватского языка)⁷.

Создание словенского письменного языка протестантами имело важное значение для дальнейшего развития словенского народа как самостоятельной этнической общности. Письменный язык объединил все районы, где

⁷ Pogorelec B. Štiristo let Bogoričeve slovnice // Jezik in slovstvo. 1983/1984. № 6. S. 211–213.

население говорило на различных диалектах словенского языка в единую этническую общность, заложил основу развития единой словенской национальной культуры, стал одним из главных факторов сохранения словенцев как самостоятельного народа. Именно благодаря словенским книгам различные словенские диалектические группы получили общее название — «словенцы». Протестанты впервые выдвинули обоснование значимости словенцев как народа, являющегося частью великого и многочисленного славянства.

* * *

Победа контрреформации отбросила культурное развитие словенцев назад. Было сожжено большое количество словенских книг только за то, что они были изданы протестантами, с 1613 по 1672 г. не вышло в свет ни одной книги на словенском языке. Только в последней четверти XVII в. снова появились словенские книги, представлявшие собой переводы различных религиозных текстов. Школы, созданные протестантами, были ликвидированы или попали под контроль ордена иезуитов, очень активно действовавших в землях Священной Римской империи и ставших там главными борцами католической церкви против Реформации. После изгнания протестантов из словенских земель (в 1599 г. были изгнаны горожане, в 1622 г. — дворяне), представлявших наиболее зажиточные и образованные слои населения, общий культурный уровень в словенских землях понизился. И ранее в народе существовали поверья о колдунах и ведьмах, которые вредят простым людям, посылают на них порчу, уничтожают их имущество, насылают на их поля и виноградники непогоду: град, засуху и т. д. Во второй половине XVII в. преследование колдунов в словенских землях достигло своего пика. По всей стране проходили судилища над ними, обычно кончавшиеся их сожжением. Всего в 1655–1715 годы только в Крайне было уничтожено 400 колдунов. Как правило, это были люди из

низших слоев населения в возрасте от 5 до 80 лет⁸. Католическая церковь поддерживала эти процессы, опираясь на учение одного из виднейших своих деятелей — Фому Аквинского, утверждавшего, что колдовство является связью людей с дьяволом.

Экономическое и политическое положение в словенских землях стало улучшаться со второй половины XVII в. В это время начинает формироваться слой образованных людей, который составляли как выходцы из немецких и итальянских земель, так и из местных жителей. Почти в каждом городе имелись врачи, учителя. Особенно много было юристов — в Любляне в конце XVII в. даже было создано общество юристов. Таким образом, в круг образованных людей влилась значительная струя светских лиц. Более образованным стало духовенство, ибо иезуиты, в руках которых находилось просвещение, большое внимание уделяли его образованию. Правда, светская интеллигенция состояла по преимуществу из лиц немецкой или итальянской национальности, словенские образованные люди являлись в своем большинстве священнослужителями. В последней четверти XVII в. появились первые признаки Словенского Возрождения. Стали печататься книги на словенском языке, главным образом религиозного содержания. Канонник из Нового Места Матия Кастелиц издал несколько таких трудов. Кроме того, он написал латинско-словенский словарь. Хотя он так и не был напечатан, но его рукописью пользовались другие словенские писатели при составлении своих трудов. Словарь Кастелица является одним из лучших лексикографических сочинений словенцев. Капуцин Ипполит (в миру горожанин Нового Места Янж Адам Гайгер) написал троязычный латинско-немецко-словенский словарь. И хотя он остался тоже в рукописи, его использовали в своих трудах последующие поколения словенских просветителей. В предисловии к нему Ипполит сетовал,

⁸ *Simonitti V. Slovenska zgodovina zgodnjega novega veka. Ljubljana, 1998. S. 69, 70, 84, 85.*

что молодые проповедники в своих проповедях нередко искажают родной язык, используя немецкие выражения. Ипполит переиздал грамматику Богорича, сохранив предисловие. По-видимому, взгляды Богорича на словенцев, их происхождение, отношение к славянам соответствовали мироощущению самого Ипполита.

Из религиозных книг особой популярностью пользовались проповеди капуцина Янеза Светокрижского (Тобий Лионелли). В 1691–1707 гг. вышло 5 томов, включавших 600 его проповедей. От других сборников религиозных текстов они отличались тем, что в них наряду с историями из Священного писания, упоминались современные события (осада Вены турками, чума, голодные годы), приводились средневековые легенды, новеллы Ренессанса, анекдоты, народные рассказы, его личные наблюдения. В 1758 г. каринтийские иезуиты опубликовали грамматику Богорича, написав к ней свое предисловие. В нем они призывали изучать словенский язык, поскольку он необходим и благородному, и простому человеку как для торговли, так и для общения — ведь он широко распространен по свету⁹.

В 1726 г. появилось первое издание, предназначенное для простых словенцев — календарь «Нова краньска практика». Он пользовался успехом, иногда его годовой тираж достигал 30 тыс. экземпляров¹⁰.

Наиболее яркой личностью среди предшественников Словенского Возрождения был филолог, словенец по происхождению Янез Жига Попович. Он первым возглавил в Венском университете кафедру немецкого языка (1753–1766). В 1750 г. он опубликовал сочинение «Исследования моря», в котором подчеркивал важность изучения для науки славянского языка. Он указывал на большую роль языка для формирования наций. Особо Попович останавливался на судьбе южнославянских народов, которые рассматривал

⁹ Koruza J. K problematike slovenskega preporeda // Jezik in slovstvo. № 4 (1975–1976). S. 117, 118.

¹⁰ Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 17.

как единое целое. Их культурную отсталость он объяснял многовековой борьбой, которую они ведут против турок. Попович выступал за создание единого латинского алфавита для всех славян и даже предложил вариант его, придуманный им самим¹¹.

* * *

Развитию словенской культуры способствовало и распространение идей Просвещения в Европе. Его идеи в значительной степени были направлены против главной цитадели феодальных порядков — католической церкви. Идеи Просвещения охватили и интеллектуальные круги Габсбургской монархии. Этому способствовала политика ее государей — Марии Терезии и ее сына Иосифа II, которые провели ряд реформ, нанеших серьезный удар феодальным порядкам. В 1782 г. была отменена личная зависимость крестьян, четко определены размеры барщины в зависимости от величины надела. Военная реформа заменила дворянские и наемные войска армией, составленной из рекрутов. По всей стране вводилась всеобщая воинская повинность, касавшаяся прежде всего низших слоев населения. Мария Терезия поддержала решение Папы о ликвидации ордена иезуитов (1773). Иосиф II пошел еще дальше: в 1781 г. он объявил закон о веротерпимости, согласно которому православное, протестантское, а затем иудейское и мусульманское вероисповедания признавались официально, однако равенство их с католической религией не предусматривалось. В 1782 г. были закрыты многие монастыри: в Штирии, Каринтии, Крайне, Горице, Приморье, Триесте ликвидировалось 65 монастырей. В 1783 г. Иосиф II отменил все братовщины.

В своей политике, направленной против католической церкви, австрийский государь опирался на янсенистов, течения в католицизме, широко распространившегося в авст-

¹¹ *Matešič J. O slavenskoj svijesti i njezinoj ulozi u razdoblju slovenskog prosvetiteljstva // Obdobje 3. Ljubljana, 1979. S. 374.*

рийских землях. Янсенисты выступали против монашества, против проведения пышных религиозных процессий. Они считали, что епископы должны назначаться с согласия светских государей. Главой австрийских янсенистов являлся епископ Любляны (1772–1787) Карл Герберштейн, личный друг Иосифа II.

Большое значение для распространения идей Просвещения в австрийских землях сыграла школьная реформа 1774 г. — Школьный устав. Согласно ему все дети от 6 до 12 лет вне зависимости от принадлежности к тому или другому сословию должны были обучаться в школе. Контроль над школами переходил от церкви к государству. В селах устанавливались одноклассные школы (тривиальные), где детей обучали чтению, письму, счету, катехизису. В городских поселениях основывались трехклассные школы (главные), в главных городах земель-провинций — четырехклассные (нормальные). В словенских землях имелось четыре таких города — Любляна (Крайна), Горица (Горицкое графство), Триест (Приморье), Целовец (нем. Клагенфурт, Каринтия). В главных школах помимо обучения тем же предметам, что и в тривиальных школах, давали знания по основам латыни, естествознания, экономики, истории, географии, геометрии, черчению, механике. Те же предметы изучались и в нормальных школах, только в более расширенном варианте. Школьный устав предусматривал начальное обучение с помощью родного языка населения¹².

К 1790 г. в словенских землях насчитывались 141 тривиальная школа, 8 главных и 4 нормальных. Кроме того, в Любляне, Целовце, Мариборе, Горице, Триесте, Копере действовали государственные гимназии, а в Идрии — частная гимназия¹³.

¹² Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 339.

¹³ *Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države.* Ljubljana, 2006. S. 11.

Несмотря на известные успехи к концу XVIII в. 90% словенского населения оставалось неграмотным.

Распространение грамотности в словенских землях привело там к появлению движения буковников (книжников), которое во второй половине XVIII — первой половине XIX в. особенно было распространено в Каринтии и Верхней Крайне. Здесь некоторые грамотные крестьяне стали переводить религиозные произведения с немецкого языка на словенский. Эти рукописи переписывались и распространялись среди населения. Особой популярностью пользовались сочинения с еретическим уклоном. Так, перевод еретического сочинения «Жизнь антихриста», сделанный в 1767 г. крестьянином Матией Жегаром, жившим у Врбского озера, имел большой успех и неоднократно переписывался. До настоящего времени дошло несколько его экземпляров, сделанных в Каринтии, Штирии, Крайне. Мельник Лука Маурер из округа Подклоштера составил сборник религиозных песнопений, также пользовавшийся успехом. Кроме подобных сочинений по рукам ходили рукописи с пословицами и поговорками, с советами по хозяйству¹⁴.

В немецких землях, в том числе и в Габсбургских владениях, просветители вели упорную борьбу за права немецкого языка, ибо в Габсбургской монархии языком науки была латынь, а в театре и высшем обществе главенствующую роль играли итальянский и французский языки. На немецком языке издавались только сочинения, предназначенные для простого народа. Практически вплоть до середины XVIII в. немецкий язык не занимал главенствующего положения в землях Габсбургской монархии, о чем свидетельствует тот факт, что кафедра немецкого языка в Венском университете была открыта только в 1749 г. За права немецкого языка боролись крупнейшие немецкие просветители: И.Г. Гердер, Ф. Аделунг, А.Л. Шлёцер, Ф. Шиллер. Они оказали значительное влияние на словенских буди-

¹⁴ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo*. S. 55, 56.

телей. Важную роль в формировании взглядов последних сыграли идеи французских просветителей-энциклопедистов, Ф. Вольтера, Ж. Руссо.

Представители европейского Просвещения действовали и на словенской территории. В 50–60-е годы в Идрии, славившейся своим ртутным рудником, работал сначала врачом, а затем преподавателем горной школы Антон Скополи. Он издал несколько работ об Идрийском руднике, о болезнях, характерных для идрийских рудокопов. В 60-е годы вышли в свет его книги о растительном мире и насекомых Крайны на латинском языке. Преемником Скополи в должности врача в Идрии был Бальтазар Акэ. Он прослужил в Идрии семь лет, а затем, вплоть до 1787 г., работал в Люблянском лицее в качестве профессора анатомии, физиологии, хирургии и акушерства. Кроме медицины Акэ интересовался ботаникой и минералогией. В 1781 г. он издал в Лейпциге четыре книги о природе Крайны. После отъезда из Любляны Акэ преподавал во Львовском (1787–1805) и Краковском (1805–1810) университетах. Он увлекался изучением славянских областей Австрии, много путешествовал по ним. В 1801–1810 гг. вышли в свет несколько томов его труда под общим названием «Изображение и описание юго-восточных вендов, иллиров и славян». Этот труд касался исключительно южных славян — словенцев, хорватов, сербов. Описывая их быт, обычаи, нравы, Акэ оценивал их отрицательно, противопоставляя их другим европейским народам, которые он считал образцом для подражания. Вместе с тем Акэ, несмотря на предвзятое отношение к словенцам, активно участвовал в просветительских обществах на их территории: в Академии деятельных, в Обществе сельского хозяйства и полезных наук¹⁵.

Коллегой Акэ по Люблянскому лицееу был иезуит Габриэл Грубер. В 1769–1784 гг. он работал там в качестве профессора гидравлики и механики. По его проекту

¹⁵ *Криль М.М.* Славистика в научных исследованиях Бальтазара Гекета // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. М., 2004. С. 119.

в 1772–1782 гг. выкопали канал, с помощью которого осушили болото вокруг Любляны. Грубер проявил себя и как талантливый архитектор, построив одно из красивейших зданий города, в котором он и вел занятия с учениками. Из-за финансовых разногласий с люблянским магистратом он вынужден был бежать из Любляны.

В словенской историографии начальной датой Словенского Возрождения принято считать 1768 год, когда вышла в свет «Краинская грамматика» августинца Марко Похлина. В предисловии к ней он заявлял, что издал свой труд «из-за любви к отечеству и для пользы отечества». Как и его предшественник Богорич, он указывал на принадлежность словенцев к славянам и утверждал, что само слово «славяне» происходит от слова «слава». Он призывал соотечественников изучать родной язык. «Не стыдитесь своего родного языка, — писал Похлин, — ведь он не так плох, как думают». В основу своей грамматики он положил говор люблянских горожан, в котором имелось много германизмов¹⁶. По своему уровню она была хуже грамматики Богорича, хотя Похлин знал ее, но как верный католик не считал возможным использовать грамматику протестанта. К своей грамматике Похлин прибавил поэтику — свод правил сложения стихов на словенском языке. Он советовал брать пример с античных поэтов и даже придумал для греческих богов славянские имена¹⁷. Кроме грамматики Похлин опубликовал на словенском языке несколько житий святых, латинско-немецко-словенский словарь (1781), биографический словарь словенских писателей на латинском языке. В рукописи осталась его «Краинская хроника» — первая история Краины на словенском языке.

В 1773 г. вокруг Похлина собрался кружок словенских патриотов, желавших изучать словенский язык и способствовать развитию словенской культуры. В него входили:

¹⁶ *Pogačnik J. Jernej Kopitar*. Ljubljana, 1977. S. 135, 136, 132, 135.

¹⁷ *Koruza J. Konstituiranje slovenske posvetnje književnosti in njenih žanrov // Obdobje razsvetljenstva v slovenskem jeziku, književnosti, kulturi*. Ljubljana, 1979. S. 9, 10.

собрат Похлина по ордену августинец Феликс Дев, студент богословия Янез Михелич, преподаватель люблянской гимназии Мартин Наглич, советник губернатора Крайны граф Иоганн Эдлинг, гимназисты Йозеф Закотник и Валентин Водник¹⁸. Закотник первым стал собирать народные песни религиозного содержания. После перевода в 1775 г. Похлина в венский монастырь кружок возглавил Феликс Дев. Он стал инициатором и главным автором трех первых сборников словенских стихов светского содержания, вышедших в 1779, 1780, 1781 гг. Они назывались «Писанице од лепих уметности» (Альманах прекрасных искусств). Четвертый том остался в рукописи. Стихи были написаны по правилам поэтики Похлина. Стихи Дева имели некоторые черты преромантизма, в них звучали мотивы одиночества, стремления общаться с природой, зачатки любовной лирики. Дев проявлял интерес к славянским сюжетам. В четвертом, неопубликованном сборнике «Писаниц» сохранилось его стихотворение «На приход великого московитарского князя в Любляну 12 января 1782 г.». Оно было посвящено проезду через город великого князя Павла, будущего российского императора. Официальных данных об этом не сохранилось, но некоторые факты подтверждают мимолетное пребывание Павла в Любляне. Есть данные, что 21 декабря 1781 г. (4 января 1782 г.) он выехал из Вены, а 4(15) января 1782 г. уже писал Екатерине II из Триеста¹⁹. Из других поэтов «Писаниц» выделялся В. Водник. На его стихи «Довольный крайнец» и «Клек» большое влияние оказали словенские народные песни, и именно эти стихи заложили основу словенской национальной поэзии. Остальные литераторы из круга Похлина–Дева были еще тесно связаны со средневековой традицией, просветительские идеи их почти не коснулись.

¹⁸ *Gspan F. Anton Tomaž Linhart. Njegova doba, življenje in delo // Linhart A. Ta veseli dan ali Matiček se ženi. Maribor, 1987. S. 189.*

¹⁹ *Петровский Н.М. Slovenica // Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1906. № 1. С. 158. 160.*

Более отвечающей просветительским настроениям являлась деятельность каринтийского иезуита Ожбальта Гутсмана. В 1777 г. он издал на немецком языке «Словенскую грамматику», опирающуюся на каринтийские наречия. В отличие от Похлина он использовал достижения грамматики Богорича. «Словенскую грамматику» Гутсмана считают лучшей словенской грамматикой, написанной в XVIII в. Он уже понимал, что каринтийские, штирийские и крайнские словенцы представляют собой единую этническую общность. В своем сочинении «Христианские истины» (1770) Гутсман заявлял, что хочет писать так, чтобы «его понимали не только каринтийцы, но также штирийцы и крайнцы»²⁰. В грамматике он утверждал, что его родной язык имеет полное право стать литературным языком, так как словенцы имеют множество «славянских родственников», живущих на пространстве от Северного моря до Адриатики. Словенцы же являются «несчастной ветвью славянского языкового дерева» в том числе и потому, что их язык используют «исключительно низшие слои общества». Именно поэтому лексический состав словенского языка ограничен. Гутсман даже высказал мысль, что по количеству славянского населения Австрию можно считать славянским государством²¹.

В 1778 г. директор люблянкой нормальной школы янсенист Блаж Кумердей при поддержке графа И. Эдлинга организовал просветительское общество — Академию деятельных (*Akademia operozorum*). Оно просуществовало до 1783 г. Первоначально в него вошли 15 человек, потом их число возросло до 23. Своею целью Академия деятельных провозгласила изучение истории, поэзии, ораторского искусства, медицины, юриспруденции, а также — словенского языка. Это общество носило яркую просветительскую окраску и стояло на уровне просветительских обществ Европы. Оно объединяло как деятелей Словенского Возрождения,

²⁰ *Matešič J.* O slavenskej svijesti i njezinouj ulozi u razdoblju slovenskog prosvetiteljstva. S. 375.

²¹ *Domaj T.* Slovenska jezikovna misel na Koroškem v 18. Stoletju // *Obdobja I.* S. 203, 204.

так и просто просветителей европейской ориентации, иногда относившихся к словенцам недоброжелательно. Например, его членом был Б. Акэ. Из словенских просветителей в деятельности Академии принимали участие помимо Кумердея М. Похлин, Ф. Дев, Ю. Япель, А. Линхарт, В. Водник, Ж. Цойс. Сочувствовал словенскому национальному движению и граф Эдлинг. Янсенист Япель при участии Кумердея осуществил новый перевод Библии на словенский язык, опираясь на перевод протестанта Далматина. Члены Академии деятельных высоко оценивали деятельность протестантов и опирались на их достижения.

Наиболее яркой фигурой в Академии являлся Блаж Кумердей. Педагог и филолог, он многое сделал для развития просвещения в словенских землях. Он занимал должность инспектора начальных школ в Крайне и одновременно являлся директором нормальной школы в Любляне, считавшейся одной из лучших в государстве. В 1772 г. он предоставил правительству «Патриотический план, как успешнее всего обучать крайнское население чтению и письму». В нем он утверждал, что безграмотность крестьян — одна из причин отсталости Крайны. Грамотность легче всего получить на родном языке. Она бы способствовала пониманию крестьянами государственных указов, знакомству их с обязанностями подданных, сделала бы крестьянских парней более пригодными к армейской службе. Главная задача начальной школы — обучение детей чтению, письму на словенском языке, чтобы они из книг узнавали о прогрессивных методах ведения хозяйства и тем самым улучшили свое положение и способствовали процветанию Крайны. Обучать детей Кумердей предлагал представителям духовенства²². В центре внимания Кумердея была работа над написанием «Крайнско-словенской грамматики». Первый вариант ее он окончил в 1781 г. В предисловии к ней он сообщал о своем намерении создать общеславянский язык,

²² *Cimperle J. Oris razvoja šolstva na Slovenskem v drugi polovici 18. stoletja // Obdobje razsvetljenstva. S. 433, 434.*

полагая, что для этого наиболее пригоден крайнский диалект. Кумердей утверждал, что крайнцы и русские хорошо понимают друг друга. Под влиянием Линхарта и Цойса он приблизил свою грамматику к чисто крайнской. В новом предисловии, написанном в 1791 г., Кумердей уже писал о крайнско-славянской нации, насчитывающей 1 млн человек. Крайнцы, подчеркивал Кумердей, славяне, и все достижения славян принадлежат также и им²³. Из всех славян Кумердей особо выделял русских. В 1779 г., выступая на заседании Академии деятельных, он заявил: «Наша страна так мала, что не может гордиться среди других. Народ, от которого мы исходим, является самым презренным в так называемом цивилизованном мире; только блестящие труды наших родных братьев, русских, могут это презрение до некоторой степени парализовать»²⁴.

После прекращения существования Академии деятельных словенские просветители стали группироваться вокруг богатейшего человека Крайны — Сигизмунда (Жиги) Цойса. Он являлся не только крупнейшим помещиком, но и владельцем многих рудников и плавилен. Его отец, выходец из Италии, за успешную предпринимательскую деятельность в 1739 г. получил дворянство, мать, дочь инспектора рудников, считала себя словенкой. В семье говорили по-словенски. Цойс был очень образованным человеком, знал европейские языки, увлекался поэзией и музыкой, изучал минералогию. Его секретарь Е. Копитар, будущий известный филолог, писал чешскому слависту Й. Добровскому, что Цойс является центром культурной жизни в Крайне, что он отличный знаток словенского языка и переводит на него некоторые арии гастролирующих в Любляне итальянских артистов²⁵.

В кружок Цойса вошли словенские просветители, ранее участвовавшие в работе Академии деятельных: Кумердей,

²³ Kidrič F. Dobrovsky in slovenski prepoved njegove dobe. Ljubljana, 1930. S. 48.

²⁴ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 290, 201.

²⁵ Kalan F. Anton Tomaž Linhart. Ljubljana, 1979. S. 47.

Линхарт, Япель, Водник, позднее к нему примкнул Е. Копитар. Его члены были словенскими патриотами, мечтавшими о культурном и политическом возрождении своего народа. В первые годы существования кружка центральной фигурой в нем являлся Антон Томаж Линхарт.

Линхарт родился в городке Радовлица в 1756 г. в семье зажиточного ремесленника-чулочника, выходца из Моравии. Мать его была словенкой, в семье говорили по-словенски. В письме к немецкому историку Карлу Готлибу Антону от 28 марта 1789 г. Линхарт указывал, что его родной язык — словенский²⁶. После смерти матери в 1767 г. он поступил в Люблянскую иезуитскую гимназию, которую окончил в 1773 г. Здесь он стал одним из лучших учеников, особенно успевал по гуманитарным предметам — истории, географии, немецкому, древнегреческому, латинскому языкам. После ликвидации иезуитского ордена Линхарт отправился в цистерцианский Стичский монастырь, где пробыл два года. Именно здесь завязалась его дружба с Мартином Куральтом, который к тому времени ушел из монастыря и работал там библиотекарем. Человек радикальных взглядов, Куральт провел жизнь, полную крутых поворотов. Работал библиотекарем, учителем в словенских землях и Галиции. Последние 22 года жизни он был интернирован церковными властями в исправительный дом для священников около Оломоуца. Куральт оказал большое влияние на Линхарта, который вел с ним переписку с 1778 по 1793 г.

В 1778 г. Линхарт покинул монастырь и отправился в Вену. Из писем к Куральту явствует, что в Вене он занимался изучением языков (Линхарт знал словенский, немецкий, французский, английский, латинский, древнегреческий и, возможно, итальянский и чешский языки), читает Шекспира, немецких писателей — представителей течения «Бури и натиска». В Вене Линхарт увлекся про-

²⁶ *Kalan F. Anton Tomaž Linhart. Ljubljana, 1979. С. 51.*

светительскими идеями и сам попытался внести свою лепту в немецкое Просвещение. Под влиянием произведений Лессинга и Шиллера он на немецком языке написал драму «Мисс Дженни Лав», в которой решительно выступил против насилия. В Вене Линхарт примкнул к масонам.

В августе 1780 г. Линхарт приехал в Люблянцу в свите губернатора Крайны графа Ауэрсперга. После отъезда графа он перешел на работу в архив люблянского архиепископа К. Герберштейна. После ссоры с последним покровителем Линхарта стал граф Иоганн Эдлинг, советник крайнского губернатора, управляющий имениями фрейзингского епископа в Шкофье Локе. Будучи родом из Випавской долины, Эдлинг хорошо знал словенский язык и сочувствовал словенскому национальному движению. В 1786 г. Линхарт был назначен школьным инспектором Верхней Крайны, а в 1791 г. — секретарем губернии при сохранении прежней должности. Такая карьера объяснялась как его выдающимися способностями, так, главным образом, его связями с масонами, поскольку его высокие покровители — и граф Ауэрсперг, и граф Эдлинг — принадлежали к их кругу.

В Любляне Линхарт вступил в Академию деятельных. Там он в речи на заседании 5 апреля 1781 г. определил, по его мнению, главные задачи Академии «не меньше, чем просвещение народа»²⁷. Общение с Эдлингом и особенно с Кумердеем привело к тому, что Линхарт перешел в ряды словенских просветителей. В первый год по приезде в Люблянцу Линхарт опубликовал свои стихи на немецком языке (всего более 40) в сборнике «Цветы из Крайны» (*Blumen aus Krain*), вышедшем в 1781 г. По мнению исследователя его жизни и творчества А. Гспана, Линхарт перешел на позиции словенского просветительства весной 1782 г.²⁸

Особенно близко Линхарт сошелся с Кумердеем. Они действовали рука об руку: оба стояли за обучение детей на

²⁷ *Linhart A. Zbrano delo*. Kn. I. Ljubljana, 1950. S. 448.

²⁸ *Gspan A. Anton Tomaž Linhart. Njegova doba, življenje in delo // Linhart A. Ta veseli dan ali Matiček se ženi*. Maribor, 1967. S. 224.

Антон Линхарт

родном языке, оба стремились организовать перевод на словенский язык немецких школьных учебников. В качестве инспектора школ в Верхней Крайне Линхарт смог добиться больших успехов: за четыре года его пребывания на этом посту число начальных школ там увеличилось с 12 до 39. Линхарту удалось восстановить высшие курсы в Люблянском лицее, ликвидированные

в 1785 г. 20 апреля 1787 г. он от имени крайнских сословий составил петицию к венским властям с просьбой восстановить их. В петиции он писал, что чиновники в Крайне обязаны знать крайнский язык. Для обучения чиновников нужно создать учебное заведение по юридическим и финансовым наукам. Кроме того, Крайне необходимы кафедры по химии, механике, медицине. Хотя австрийское правительство не выполнило просьбу сословий полностью, оно все же в 1788 г. восстановило в лицее двухгодичные курсы по философии, а в 1791 г. — по теологии. Петиция, составленная Линхартом, во второй половине XIX в. была использована словенскими национальными деятелями в их борьбе за словенский университет в Любляне²⁹.

В 1791 г. благодаря стараниям Линхарта в Любляне была открыта общественная библиотека, книжный фонд которой составили книги из книгохранилищ закрытых монастырей.

Большое внимание Линхарт уделял театру. Вместе с Цойсом он переводил на словенский язык арии итальян-

²⁹ Gspan A. Op. cit. S. 231–233.

ских опер для гастролировавших итальянских артистов, он стал одним из основателей Общества друзей театра, которое было создано в Любляне в 1786–1788 гг. Оно ставило любительские постановки немецких комедий. Именно для этого общества Линхарт сделал вольные переводы на словенский язык двух комедий — «Сельская мельница» немецкого писателя Й. Рихтера (в словенском переводе — «Жупанова Мицка») и комедию П.О. Бомарше «Женитьба Фигаро». Обе комедии вышли в свет в 1790 г. Действие их было перенесено в словенские земли, крестьяне получили словенские имена, господа — немецкие. Перевод комедии Бомарше, которая получила название «Матичек женится», наиболее полно и откровенно отразила взгляды Линхарта на социальный и национальный вопросы в Крайне. Линхарт усилил антифеодалную направленность комедии Бомарше. В сценах патримониального суда он показал полный произвол помещика в отношении крестьян, пренебрежительное отношение онемеченного чиновничества к словенскому языку. Матичек, требовавший, чтобы ему прочитали указ по-крайински, выступал как защитник прав словенцев. Линхарт был доволен своей комедией. 6 октября 1790 г., отсылая ее Антону, он писал: «Надеюсь, я доказал, как мелодичен наш язык и как он пригоден для изящнейшей и остроумнейшей комедии»³⁰.

Комедия «Жупанова Мицка» была поставлена Обществом друзей театра 28 декабря 1789 г. на сцене сословного театра. Это была первая постановка пьесы на словенском языке. На ней присутствовало 650–700 человек. Комедия имела шумный успех. На следующий день официальная люблянская газета «Лайбахер цайтунг» (*Laibacher Zeitung*) писала: «Вас, мои господа и госпожи из этого Общества, благодарит от всего сердца не только бедняк, весь народ гордится вами, он увековечит вас в литературных летописях и скажет: они положили основание усовершенствованию своего родного языка и сделали его употребитель-

³⁰ *Gspan A. Op. cit. S. 262.*

ным также и для сцены»³¹. Сам Линхарт с удовольствием и гордостью писал Антону 26 января 1790 г.: «Это первая попытка, с тех пор как славяне живут в Крайне. Я с удовлетворением вижу, как те самые славяне, которые столетия подвергались германизации, чувствуют себя всегда славянами и с энтузиазмом пользуются своим языком, обычаями, самобытностью»³². Пьесу «Матичек женится» Линхарту поставить не удалось. После смерти в 1790 г. Иосифа II и его брата Леопольда II, правившего всего два года, на престол вступил сын Леопольда Франц. При нем началась открытая реакция: установился полицейский режим, усилилась цензура, началось гонение на масонов. Общество друзей театра как масонское прекратило свое существование. Линхарт вынужден был прекратить переписку с двумя своими наиболее конфиденциальными корреспондентами — Куральтом и Антоном.

При всей разносторонности деятельности Линхарта главным делом его жизни стало написание исторического исследования «Опыт истории Крайны и других южнославянских земель Австрии». Линхарт издал два тома этого труда (1789 г. и 1791 г.). В предисловии к первому тому Линхарт заявил, что его цель — «проследить через бесконечную цепь событий путь человечества в этом маленьком уголке Европы». При этом он пояснял, что предполагает написать не только историю провинции Крайна, но и всех южных славян Австрии, которые обитают от Сербии и Далмации на востоке, до Тироля и Баварии на западе, от Истрии на юге и до реки Муры в Штирии на севере. Он подчеркивал, что в основу периодизации он положил не правление тех или иных монархов и не смену религий, когда-либо существовавших в этих областях, но движение народов, населявших их в различные времена³³. Принципы

³¹ *Gspan A. Op. cit. S. 258, 260.*

³² *Kalan F. Op. cit. S. 61.*

³³ *Linhart A. Versuch einer Geschichte von Krain und übrigen südlichen slaven Oesterreichs. Laybach, 1788. V. 1. S. 3, 9, 12.*

изложения исторических событий, провозглашенный словенским просветителем, свидетельствовал о его полном разрыве с традицией феодальной историографии. С просветительских позиций подходил Линхарт и к трудам своих предшественников, указывая на отсутствие у них критичности, на их пристрастность. Линхарт расширил круг используемых им источников, привлекая наряду с хрониками эпиграфику, данные языка, этнографии, археологии.

На Линхарта большое влияние оказали труды крупнейших европейских просветителей — Вальтера, Руссо, Шлёцера, Аделунга, Г.В. Лейбница. Особое значение имело для него знакомство с книгами немецкого историка К.Г. Антона, писавшего об истории лужицких сербов. В письме к Куральту от 18 августа 1784 г. он советовал другу прочесть его книгу «Новые подходы к исследованию происхождения древних славян». Линхарт отмечал, что в трудах Антона его особенно привлекает использование в качестве источника языка и этнографии славян³⁴.

Особый интерес для понимания взглядов Линхарта имеет его предисловие ко второму тому. Именно этот том был посвящен собственно истории словенцев, их древнему княжеству Карантания. Это предисловие — своего рода гимн славянам. Линхарт подчеркивал, что он посвящает свою книгу славянам, «потому что славяне, хотя в далеком прошлом почти не упоминаемые, достигли такой многочисленности, как ни один другой народ; потому что они существовали прежде, чем Рим и Византия узнали их имя, грозные, поселившиеся на огромных пространствах, потому что они разрушали и создавали государства, потому что до сих пор они владеют или занимают почти половину Европы и Азии, потому что ни один народ не заслуживает такого внимания историка, философа и политика как славянский». Линхарт утверждал, что «народ, который живет в Южной Австрии, между Дравой и Адриатикой, принадлежит к великому и

³⁴ Linhart A. Zbrano delo. Kn. 1. S. 428.

известному племени славян и представляет по своему языку и происхождению одну и ту же народную ветвь, которую только случайно делят на крайнцев и словенцев», и что словенцы имеют право на свою собственную историю. В этом же предисловии он высказал мысль о том, что «славяне в Австрийской монархии самые большие по числу и силе» и «если бы существовал обычай давать государству имя по наиболее многочисленному ее народу, на который опирается ее величие, то Австрия должна бы была по праву называться славянским государством, как и Россия»³⁵.

Последнее заявление Линхарта некоторые словенские историки считают первым в словенских землях провозглашением австрославистских идей. Но это не так. Первым их высказал О. Гутсман в предисловии к своей «Словенской грамматике» еще в 1777 г. Однако это заявление Гутсмана не нашло отклика среди словенских образованных людей. Через 14 лет высказывание Линхарта получило гораздо больший резонанс. Во-первых, труд Линхарта был распространен среди более широких кругов образованных людей, чем грамматика Гутсмана, во-вторых, время было более удачным. Исследователь исторических взглядов Линхарта видный словенский историк Ф. Цвиттер указывает, что предисловие ко второму тому «Опыта истории Крайны» было написано после смерти Иосифа II, когда сословия различных областей Габсбургской монархии представляли свои требования и пожелания новому государю и его правительству. Именно в это время сербский сабор в Темишваре потребовал для сербской территории в Габсбургской монархии административно-политическую автономию. В этой обстановке, считает Цвиттер, не было случайным открытое провозглашение Линхартом мысли о том, что по составу населения Австрия должна считаться славянской державой³⁶.

³⁵ *Linhart A.* Poskus zgodovine Kranjske in ostalih dežel južnih slovanov Avstriji. T. 2. Ljubljana, 1981. S. 171.

³⁶ *Zwitter F.* Prva koncepcija slovenske zgodovine // Glasnik Muzejskega društva za Slovenijo. Ljubljana, 1939. S. 365.

Говоря об этом, Линхарт, видимо, подразумевал определенное внутреннее переустройство государства, при котором славяне имели бы в нем больший вес. Точка зрения словенского историка мне кажется совершенно справедливой, и выступление Линхарта можно считать первым проблеском политической мысли у словенцев. Тем более что, по сравнению с предисловием к первому тому, в предисловии ко второму тому очень четко прослеживается изменение акцентов, а именно: переход от чисто научных рассуждений о методе и источниках к историческим обобщениям.

Рассказывая о древнем словенском государстве Карантаня, Линхарт подчеркивал, что карантанцы являются предками крайнцев и виндов, которые принадлежат к одной и той же ветви славянского племени. Об этом он писал и в объявлении о выходе своей книги, помещенном в «Лайбахер цайтунг» от 17 августа 1786 г. «Народ, — утверждал он, — который живет в Южной Австрии, между Дравой и Адриатическим морем, относится к великому и значительному племени славян и представляет по своему языку и происхождению одну и ту же ветвь, которую только случайно делят на крайнцев и виндов»³⁷. Этот вывод Линхарт сделал вслед за Гутсманом, но именно благодаря Линхарту он распространился среди словенских патриотов. Он имел огромное значение для развития единого национального самосознания словенцев, проживавших в различных провинциях. Вывод Линхарта был подхвачен последующими поколениями словенских просветителей, а в 1848 г. вылился в политическую программу Объединенная Словения.

Во втором томе описывая жизнь словенских крестьян, Линхарт отмечал, что они до нетерпимости ненавидят своих помещиков, которых считают своими угнетателями³⁸. К властям крайнцы относятся недоверчиво, подчеркивал Линхарт, они не желают служить наемниками и воевать

³⁷ *Gspan A.* Op. cit, S. 239.

³⁸ *Kalan F.* Op. cit. S. 21.

ради чужих выгод³⁹. Он первым среди словенских национальных деятелей подошел к пониманию тех непримиримых противоречий, которые существовали между словенскими крестьянами и немецкими помещиками, первым указал на отрицательное отношение словенцев к властям и первым открыто заявил об этом в своем «Опыте истории Крайны» и в комедии «Матичек женится». Вслед за Поповичем Линхарт объяснял отрицательные черты характера словенцев чужеземным игом, но вместе с тем он считал отличительной чертой их характера любовь к свободе. В своем труде Линхарт довольно критически отзывался о деятельности католической церкви, высмеивая чудеса и необыкновенные события, которые якобы происходили с ее святыми.

Книга Линхарта была издана за счет средств, собранных по подписке. Самый большой вклад внесло Общество сельского хозяйства и полезных наук, членом которого он был. Оно подписало 50 экземпляров его книги. Цойс дал деньги на 20 экземпляров. Всего подписавшихся было 114 человек. А. Гспан проанализировал список подписчиков по социальному и национальному составу. Среди подписавшихся оказалось 63 чиновника, 28 духовных лиц, 16 помещиков, 4 предпринимателя, 2 торговца и 1 ремесленник. Итак, больше половины чиновников, четверть священников, седьмая часть помещиков и 7 горожан. Список показывает, что среди образованных людей, интересовавшихся словенским национальным вопросом, три четверти представляли люди светские и только четверть — духовенство. Такое соотношение в словенских землях повторится только во второй половине XIX в. Что касается национального состава, то большая часть подписчиков являлись словенцами — 73, немцами — 35, 4 француза, 2 итальянца и 1 хорват⁴⁰.

³⁹ *Gspan A. Op. cit. S. 247*

⁴⁰ *Gspan A. Op. cit. S. 238, 249, 259.* По-видимому, не все подписавшиеся указали свою национальность.

Линхарт продолжал работать над третьим томом, о чем свидетельствуют написанные им отрывки к нему, но неожиданная смерть в 1795 г. прервала его работу над ним. Записки Линхарта использовал В. Водник в своем учебнике по истории Крайны и Горицы, опубликованном в 1809 г. на немецком языке. Линхарт умер без покаяния, что можно объяснить как внезапностью его кончины, так и его прохладным отношением к религии.

Смерть Линхарта потрясла его друзей, особенно Цойса. В письме к неизвестному он отмечал, что Линхарт был величайшим крайнским гением, «с ним я потерял литературного друга и критика, общение с которым для меня было единственным отдыхом и радостью»⁴¹.

Деятельность Линхарта получила высокую оценку и у последующих поколений словенских ученых. По словам известного политика и историка Э. Карделя, исторический труд Линхарта призван был доказать, что словенский народ имеет право на место под солнцем⁴². Ф. Цвиттер среди особо важных заслуг Линхарта отмечал, что тот открыл путь развитию общесловенского национального сознания, указал на значение политической и социальной проблематики в его трудах⁴³. В своих аргументах о важности словенцев, как одного из ответвлений славянского племени, он повторял высказывания словенских просветителей, начиная со времен Реформации. Россию он из общей массы славянства не выделял, поскольку надеялся на превращение Австрии в славянское государство.

С обоими учеными можно согласиться. В последние два десятилетия XVIII в. Линхарт являлся единственным словенским будителем, который стоял на уровне деятелей европейского Просвещения. Он внес в словенскую культурную жизнь европейскую струю. Линхарт положил основание словенскому театру, современной словенской историо-

⁴¹ *Gspan A.* Op. cit. S. 301, 302.

⁴² *Kardelj E.* Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. S. 251.

⁴³ *Kalan F.* Op. cit. S. 16, 17.

графии. Его выводы о том, что крайнцы и винды являются одним народом, что Австрия по составу населения может называться славянским государством, легли в основу формирования общесловенского национального самосознания и словенских политических программ XIX в., прежде всего австрославизма.

Кроме Линхарта и Кумердея выдающимся членом кружка Цойса являлся Валентин Водник (1758–1819). Он родился в селе Шишка возле Любляны в семье зажиточного крестьянина. С ранних лет Валентину приходилось ходить с отцом в Хорватию, где они торговали вином и полотном. В семье говорили по-словенски. «Крайнскому меня научила мать, — писал Водник в своей автобиографии, — немецкому и латинскому — школа, итальянскому, французскому и славянским — мое собственное старание»⁴⁴. В 1770–1775 гг. Валентин учился в иезуитской гимназии Любляны, по окончании которой поступил во францисканский монастырь. Еще гимназистом он примкнул к кружку Похлина–Дева и даже написал несколько стихотворений для «Писаниц». После его вступления в 1779 г. в Академию деятельных круг его общения со словенскими просветителями расширился. В 1784 г. он с разрешения епископа Герберштейна покинул монастырь и вплоть до 1793 г. служил капелланом в различных селах. Связь его со словенскими будителями прервалась.

Весной 1793 г. Водник встретился с Цойсом, который специально приехал в Копривник, где он служил, и предложил ему снова включиться в культурную деятельность. Водник согласился, оставил священническую службу и примкнул к кружку Цойса.

В первый период своей просветительской деятельности Водник вращался в кругу словенских будителей, вышедших из духовенства, как правило, по своему образованию и мышлению находившихся на более низкой ступени раз-

⁴⁴ *Valentin Vodnik. Priloga // Vodnikov spomenik. Vodnik-album. Ljubljana, 1859.*

вития, чем европейские просветители. В кружке Цойса он столкнулся с людьми, по уровню своего развития не уступавшим европейцам. По своему положению они большей частью являлись чиновниками, принадлежавшими к янсенистам. Члены кружка Цойса были знакомы с трудами современных им немецких, итальянских и французских писателей и философов, знали и не отвергали трудов словенских протестантов. Под их влиянием Водник стал пренебрежительно относиться к сочинениям Похлина, упрекая его в том, что свою грамматику он написал, ориентируясь на испорченный германизмами язык предместий Любляны. «Он больше онемечивал, чем словенил», — делал вывод Водник⁴⁵.

В первое время сотрудничества Водника с кружком Цойса ему большое внимание уделял Линхарт. Вместе с Цойсом он уговорил его взять на себя редактирование словенского календаря «Велика пратика». Об этом Водник упоминает в своей автобиографии: «Барон Жига Цойс и Антон Линхарт в 1794 г. поручили мне написать календарь»⁴⁶. Однако сотрудничество Водника с Линхартом продолжалось недолго из-за внезапной смерти Линхарта в 1795 г.

Водник принял предложение Цойса и Линхарта — в 1795–1797 гг. он издавал календарь «Велика пратика». В 1796 г. Водник с помощью Цойса получил место капеллана в приходе св. Якоба в Любляне, а спустя два года окончательно расстался со священнической деятельностью, став в ноябре 1798 г. профессором поэзии в Люблянской гимназии.

Цойс побудил Водника вернуться к поэтическому творчеству. Спустя 14 лет он снова стал писать стихи. Цойс, хорошо знавший европейскую поэзию и сам переводивший итальянские арии на словенский язык, давал Воднику советы, как писать словенские стихи. В частности, он рекомендовал ему не брать пример с немецких поэтов, которые

⁴⁵ *Malavašič F. Vodnik in slovenščina // Vodnikov spomenik. S. 19.*

⁴⁶ *Valentin Vodnik // Vodnikov spomenik.*

пишут туманно, усложняя свой язык образами. «Все, что выйдет из-под Вашего пера, — поучал Цойс, — пусть будет написано в народной манере и для народа, поэтому никогда не опускайтесь в область трагической музыки»⁴⁷. Водник во многом следовал советам Цойса, но не во всем был согласен с ним. Так Цойс признавал народными только веселые плясовые песни «поскочицы», а эпические песни считал выдумкой церковников. Водник же одинаково хорошо относился к обоим видам словенской народной поэзии. С 1795 г. вновь появились стихи Водника, опубликованные в календаре «Велика пратика»⁴⁸.

В 1797–1800 гг. Водник, по-видимому, на средства Цойса издавал первую газету на словенском языке «Лубланске новике» (Lublanske novice od vsih krajev sveta). Не случайно, что именно в это время появилась первая словенская газета. В Европе время было тревожное — Наполеон, пришедший к власти, подчинял одно европейское государство за другим. Австрия и Россия стремились ему препятствовать. В 1797 г. газета выходила два раза в неделю, в 1798–1800 гг. — один раз. Издателем газеты сначала выступал Янез Фридрих Эгер, затем — его жена Мария Тереза Эгер. Водник газету не только редактировал, но практически являлся ее основным автором. Главное место

Валентин Водник

⁴⁷ Pogačnik J. Na križiščih zgodovine. Ljubljana, 1981. S. 125.

⁴⁸ Gspan A. Spremnje besede. S. 153, 154.

в газете «Лубланске новице» отводилось политическим новостям, которые трактовались с позиций австрийского патриотизма и преданности династии Габсбургов. Кроме того, в газете публиковались заметки практически познавательного характера: об акушерстве, виноградарстве, прививках оспы. В каждом номере указывались цены на продукты на люблянском рынке, помещались списки умерших люблянцев. Первый исследователь журналистской деятельности Водника, редактор главной словенской газеты второй половины XIX в. «Кметийске ин рокоделске новице» (Kmetijske in rokodeljske novice), Янез Блейвейс справедливо его назвал родоначальником словенской журналистики⁴⁹.

Наиболее полно свои взгляды на славянский вопрос Водник выразил в ряде своих статей, помещенных в газете «Лубланске новице». 18 ноября 1797 г. в газете появился раздел «Рассказы о славянском языке», автором которого являлся он сам. Раздел просуществовал до 4 апреля 1798 г. и предназначался для образованных читателей. Одна из первых статей этой серии была посвящена славянам. «Крайнцы один отросток великого славянского народа, — писал Водник, — который в настоящее время обитает на территории от триестинского моря до холодного моря в Московии более 400 миль в ширину, и от Чехии до области Камчатки на окраине Московского царства более тысячи миль в длину. Почти все народы на этом пространстве — славяне; это крайнцы, словенцы, хорваты, далматинцы, босняки, славонцы, словаки под турецкой или венгерской властью на этой стороне Дуная. На другой стороне Дуная — чехи, мораване, поляки, поморяне, лужичане, вандалы, венды, литовцы, леты и единое неизмеримое пространство московитаров в Московии, Северии и на границе Татарии. Все эти народы называются общим именем — славяне, пользуются языком одной матери, а именно славянским языком»⁵⁰. В других очерках Водник отмечал такие

⁴⁹ Bleiweis J. Vodnikove Novice // Vodnikov spomenik. S. 31–36.

⁵⁰ Vodnik V. Izbrani spisi. Ljubljana, 1890. S. 47.

общие черты славян, как сердечность, гостеприимство, указывая и на особые черты характера крайнцев — любовь к военной службе и патриотизм. С грустью Водник замечал, что славяне ссорятся друг с другом, «потому что они давно позабыли, что являются детьми одной матери». Водник защищал словенский (крайнский) язык от недоброжелателей. Хотя некоторые считают его бедным, но это неправда. «Крайнский язык сам по себе богат, только люди бедны в словах, так как они слишком мало помнят, чему их учила мать»⁵¹. Сравнивая словенский язык с другими славянскими языками, Водник приходил к выводу: «Крайнский язык более всего похож на московитарский, более, чем на другие славянские диалекты. Московитары сохранили достаточно слов, которые у нас позабыты, вышли из употребления»⁵². Главной задачей для словенцев Водник считал создание словаря и грамматики. Он призывал очищать словенский язык от чужеземных слов и выражений, заменяя их словами и выражениями из старославянского и русского языков.

Из всех славян Водник особо выделял русских, или московитаров, как он их называл. И это никак не вступало в противоречие с его австрийским патриотизмом — в эти годы Австрия вместе с Россией противостояла Наполеону. Австрия почти всегда входила в союзы, направленные против него. В 1796 г. австрийские войска потерпели поражение в Италии. Затем французская армия двинулась к Вене и в марте 1797 г. полностью заняла все словенские земли. В середине мая 1797 г. между Францией и Австрией был заключен мир в Кампо Формио, по которому Австрия потеряла все свои владения в Италии, а также земли в Бельгии.

Во время первой оккупации французами словенских земель газета Водника отзывалась сдержанно о французской армии. Но уход ее со словенской территории она приветствовала. Однако уже в то время Водник писал с уважени-

⁵¹ *Vodnik V. Izbrani spisi. Ljubljana, 1890. S. 33, 34.*

⁵² *Malavašič F. Op. cit. S. 19.*

ем о Наполеоне, как об умном и проникательном человеке, который выполняет свои обязательства⁵³.

Австрия не желала мириться со своими потерями. В 1799 г. она снова примкнула к антифранцузской коалиции, в которой участвовала и Россия. Летом 1799 г. русские войска под предводительством А.В. Суворова с согласия венского правительства проходили через чешские и словенские земли в Италию. Водник с воодушевлением приветствовал в своей газете русскую армию. «Прекрасная новость для нас, крайнцев, — писал он в газете «Лубланске новице» 29 июня 1700 г., — русские, наши старшие братья, пришли не просто нас посетить, но также защитить нас от врагов. Полторы тысячи лет тому назад в наши края пришли первые славяне; они были из русского или других славянских народов; в этом причина, что мы легко понимаем русский язык; дело в том, что они славяне — корень, от которого рождены наши отцы. Далеко у Дуная они зародились и постепенно расселились до тех мест, пока самый крайний род не достиг итальянских земель и здесь поселился и страну назвал Крайна. Сейчас мы видим воочию, каких могучих и великих братьев мы имеем в мире, которые наш славянский язык всегда сохраняли чистым. Мы должны брать с них пример, если хотим очистить язык. А также у них учиться, как нужно защищать от врагов родину. Если они пришли издалека, почему же мы, которые здесь близко, не поможем им бороться против врагов?»⁵⁴.

Несмотря на героический переход войск Суворова через Альпы и победу его над французами, коалиции не удалось победить Наполеона. В феврале 1801 г. был вновь заключен мир с Францией, подтвердивший условия мирного договора в Кампо Формио.

На взгляды Водника на словенский язык, несомненно, оказали влияние не только события австро-французских войн, в которых Россия выступала как союзница Австрии,

⁵³ Grafenauer B. Zgodovina slovencev. Zv. 5. Ljubljana, 1962. S. 96.

⁵⁴ Vodnik V. Izbrano delo. Ljubljana, 1970. S. 70.

но и мнения о русских и славянах других словенских просветителей — Ю. Япеля и особенно Блажа Кумердея. Они не только с воодушевлением относились к России, но даже завязали сношения с Императорской Академией наук.

В 70-х годах XVIII в. русская императрица Екатерина II задумала издание универсального словаря под названием «Сравнительный словарь языков всего мира», целью которого являлось сравнение слов из 200 различных языков, в их число входили и 12 славянских. Эти 12 славянских языков выглядели следующим образом: 1. Славянский; 2. Славяно-венгерский; 3. Иллирийский; 4. Богемский; 5. Сербский; 6. Вендский; 7. Сорабский; 8. Полабский; 9. Кашубский; 10. Польский; 11. Малороссийский; 12. Суздальский. Как можно видеть, в этом перечне упоминались не только живые славянские языки, но и мертвые — славянский и полабский. Русский язык, по-видимому, скрывался под названием — суздальский, а словенский — под названием вендский. В связи с изданием словаря в 1773 г. был сделан призыв ко всем ученым Европы присылать материалы для этого словаря. На этот призыв из словенцев откликнулись Б. Кумердей и Ю. Япель. Кумердей отослал свой труд в Петербург в июне 1780 г. В 1787 и 1889 гг. вышли два первых тома «Сравнительного словаря языков всего мира». В 1790–1797 гг. увидело свет второе его издание. Ни в первом, ни во втором издании труды Кумердея и Япеля использованы не были. Однако о труде Кумердея было известно в научных кругах. Чешский славист Й. Добровский с августа 1792 г. по январь 1793 г. жил в Петербурге и Москве. Там он узнал о труде Кумердея «Сочинение о языковедении славян и русских». В 1794 г. во время своего пребывания в Любляне Добровский пытался найти Кумердея для того, чтобы поговорить с ним об этом⁵⁵.

Долгое время считалось, что сочинение Кумердея утеряно безвозвратно. Однако в 1817 г. в России вышла ста-

⁵⁵ Kidrič F. Dobrovsky in slovenski prepored njegove dobe. Ljubljana, 1930. S. 121.

тъя «Сравнение крайнского наречия с российским, взятым собственно за словенский язык»⁵⁶, подписанная главой Императорской Академии наук А.С. Шишковым. Хорватский ученый В. Ягич отзывался о ней, как о главном сочинении Шишкова. Российский историк А.А. Кочубинский высказал предположение, что в этой статье Шишков широко использовал материалы, присланные Кумердеем⁵⁷. Нам такое мнение кажется убедительным. В статье отмечалось 17 различий между славянским (русским) и крайнским (словенским) языками. Они были указаны со знанием дела, что говорит об авторе статьи как о филологе, хорошо знавшем как словенский, так и русский языки. Таким филологом Шишков быть не мог. По словам Кочубинского, он хорошо знал церковнославянский язык, употреблявшийся в Русской православной церкви, но совершенно не знал живых славянских языков⁵⁸. В статье делался вывод, который вполне соответствовал взглядам Кумердея, что существует «совершенное единство крайнского наречия с русским языком, поскольку всякое крайнское слово есть чисто русское», и, несмотря на указанные различия между наречиями, автор подчеркивал, что «язык в началах своих не перестает быть один и тот же»⁵⁹.

Таким образом, первое сочинение о словенском языке, опубликованное в России, принадлежало перу словенского просветителя Блажа Кумердея.

Свои труды по оптике посылал несколько раз в Императорскую Академию наук словенец Юрий Вега, с 1786 г. являвшийся профессором математики в артиллерийской школе в Вене. Труды Веги обсуждались на заседаниях конференции Императорской Академии наук 20 августа 1789 г., 23 февраля 1795 г., 27 ноября 1801 г. На последнем заседании было решено, кроме обычной благодарности за при-

⁵⁶ Известия Российской Академии наук. Т. V. СПб, 1817. С. 23–50.

⁵⁷ Кочубинский А.А. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887–1888. С. 228.

⁵⁸ Там же. С. 23.

⁵⁹ Известия Российской Академии наук. Т. V. 1817. С. 54–55.

сланные книги, обещать Веге, что в скором времени он будет принят в члены Академии, «о каковой чести он просил в своем письме»⁶⁰. Обещание свое Императорская Академия не смогла выполнить, поскольку в 1802 г. Вега был убит.

В кружке Цойса интерес к России был достаточно сильным. На это указывают и отмеченные выше отсылки в Императорскую Академию наук своих трудов Япелем и Кумердеем. Библиотека Цойса считалась одной из лучших в словенских землях, и в ней также имелись русские книги.

После прекращения издания газеты «Лубланске новице» Водник все свои силы стал отдавать педагогической и научной деятельности. В гимназии он вел все предметы до пятого класса, а с 1807 г. начал еще преподавать катехизис и историю в 6 классе. В 1806–1807 гг. Водник исполнял обязанности директора гимназии. Помимо педагогической деятельности он работал над словенской грамматикой и словенским словарем, писал стихи. В 1806 г. вышел в свет его сборник «Поэтический опыт», а в 1809 г. им были опубликованы его стихи, посвященные словенским ополченцам, сражавшимся против французов. Эти стихотворения в художественном отношении значительно превосходили его первые опыты. Советы Цойса не пропали даром: в стиле новых произведений Водника чувствуется большое влияние словенских народных песен. Содержание их носит отпечаток просветительского оптимизма, веры, что воспитание способно изменить человеческую натуру. Воспитательный характер носили его сатирические стихи, в которых он обличал пьянство, паразитизм. В стихотворении «Немецкий конь и крайнская кляча» Водник резко выступал против национального угнетения словенцев немцами.

В 1802 г. Водник начал работать над составлением словенского словаря. В 1806 г. в «Лайбахер Вохенблат» (Laibacher Wochenblatt), который являлся приложением к «Лайбахер цайтунг», появилась заметка, написанная, по-

⁶⁰ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 74–78.

видимому, Водником. В ней говорилось, что словарь будет содержать «чисто славянский лексический запас всех наречий славян, которые живут между верховьями Дравы, Савой, Купой, Триестинским заливом и Сочей». Далее указывалось, что при работе над словарем автор пользовался трудами многих ученых, в том числе Добровского, Стулли, Смотрицкого и др. Использовал он также материалы раннего словенского просветителя отца Ипполита, грамматiku Жиги Поповича. «Так как художники и ремесленники в городе, — продолжал автор, — обыкновенно употребляют немецкие выражения, хотя имеют большой запас славянских, то составитель перевел первые (немецкие. — *И. Ч.*) на второй (словенские. — *И. Ч.*), а того, чего он здесь не нашел, он должен был искать у живущих в деревне местных художников и ремесленников. Таким образом, он снискал своему труду решительное преимущество, причем следует отметить и то обстоятельство, что мы в горном деле обладаем собственной терминологией. Далее крайние естествоиспытатели оказали ему особенную помощь. Благодаря ей он получил возможность дать в виде приложения названия почти всех растений, птиц, рыб и т. д., распределенные по принятым в естественной истории системам». В сборе словарного материала Воднику активно помогали его ученики по гимназии Я. Примец, У. Ярник, а также барон Цойс. Последний собирал ботанические, зоологические и минералогические термины. Ему удалось разыскать 550 названий растений и 220 — животных⁶¹.

Первое десятилетие XIX в. ознаменовалось еще несколькими войнами Австрии с Францией. В 1805 г. Австрия примкнула к русско-английскому союзу против Наполеона. После разгрома русско-австрийских войск под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. война окончилась бесславно для союзников. В январе 1809 г. Австрия попыталась взять реванш, но неудачно: уже в мае 1809 г. французс-

⁶¹ *Петровский Н.М.* Первые годы деятельности В. Копитара. Казань, 1906. С. 25–29. Переводы с немецкого — Н. Петровского.

кие войска снова оккупировали часть южных земель Австрии, в том числе и словенские области. 14 октября 1809 г. в Шенбрунне (Вена) был подписан мирный договор, согласно которому к Франции отходили Горица, Триест, Крайна, Белякский округ Каринтии, часть Хорватии. И в тот же день вышел указ об образовании Иллирийских провинций, куда помимо перечисленных территорий вошли еще Далмация и Дубровник. Столицей их стала Любляна. Закрепление Франции на Адриатике было сделано прежде всего в интересах континентальной блокады Англии, которую Наполеон объявил еще в 1806 г.

Французские власти провели в Иллирийских провинциях ряд прогрессивных реформ. Был отменен патримониальный суд, введен единый налог (земельный, личный, ремесленный), разрешен раздел наделов при наследовании, отменены цехи: право заниматься ремеслом могло быть продано, подарено, передано по наследству и т.д. С 1 января 1812 г. был введен кодекс Наполеона, устанавливавший равенство людей, земельных владений, вероисповеданий. Но наиболее значимым для словенцев являлся указ 30 мая 1810 г., по которому все предметы в начальной школе должны были изучать на родном языке жителей Иллирийских провинций. До оккупации в словенских землях имелось пять гимназий — в Любляне, Новом Месте, Копере, Триесте, Горице. Французы открыли низшие (двух- или трехлетние) гимназии в Кране, Идрии, Постоине, Трбиче, Беляке (нем. — Филлах). В Люблянском лицее стали преподавать теологию, философию, право, медицину. Кроме того, в Любляне открыли ремесленную школу.

Отношение оккупационных властей к просвещению привлекло к ним симпатии некоторых национальных деятелей, в том числе и Водника. Во время существования Иллирийских провинций он занимал должности директора гимназии и ремесленной школы в Любляне и одновременно являлся инспектором народных (начальных) школ. Он всячески старался провести в жизнь указ о введении в

школы национального языка. Для этого он написал учебники на словенском языке — «Катехизис» и «Письменность или грамматика для начальной школы», вышедшие в свет в 1811 г. По ним учились словенские дети. Одновременно Водник работал над словенскими учебниками по истории и географии.

Особый интерес представляет грамматика Водника — первая грамматика словенского языка, написанная по-словенски. До этого они издавались на немецком или латинском языках. Водник первым из филологов представил вариант грамматической терминологии для словенского языка, при этом он опирался на церковнославянскую грамматику М. Смотрицкого, имеющуюся в библиотеке Цойса. Добровский упрекал его в своем сборнике «Слованка», что он больше полагается на грамматики Ломоносова и Смотрицкого,⁶² чем на основательные труды Копитара⁶³.

В грамматике Водника было опубликовано одно из самых удачных его стихотворений «Иллирия возрожденная». В нем говорилось о былом могуществе иллиров, которые успешно сражались с римлянами и Филиппом и Александром Македонскими. Но затем Иллирия утратила свою силу и спала до тех пор, пока Наполеон не разбудил ее⁶⁴.

Связывал ли Водник с Иллирийскими провинциями какие-либо политические, не чисто образовательные планы? Позднее Водник объяснял свой интерес к французам тем, что считал их явлением преходящим. Они должны были разрушить государство и тем самым создать условия для установления Иллирии⁶⁵. Ф. Цвиттер считает, что его «Иллирия возрожденная» является первой формой выражения новой политической идеи у словенцев. Водник недаром назвал ее обручальным кольцом Европы: одну руку она подает Галлии (Франции), а другую — Греции. Фран-

⁶² Грамматика М.В. Ломоносова вышла в Петербурге в 1755 г. Грамматика М. Смотрицкого — в 1619 г. в Вильно и в 1648 г. в Москве.

⁶³ Вестник Европы. 1829. Ч. 165. № 12. С. 256.

⁶⁴ *Gspan A.* Spremnje besede. S. 58–59.

⁶⁵ *Stanonik J.* Smolnikar in Valentin Vodnik // *Zgodovinski časopis*. 1977. № 2–3. S. 225.

пузская власть означала для словенцев, по мнению Цвиттера, «начало, хотя еще и очень неясное, новой эпохи». С этой точкой зрения Цвиттера согласен и крупнейший словенский историк второй половины XX в. Б. Графенауер⁶⁶.

После того как в словенских землях была восстановлена власть Габсбургов, Водник потерял место профессора гимназии. В 1817 г. в Люблянском лицее открылась кафедра словенского языка, на профессию в которой претендовали Водник и молодой янсенист Ф. Метелко. Воднику не помогла ода «Иллирия возвеличенная», написанная им в честь Габсбургов, место получил Метелко. Все время Водник продолжал работать над словенским словарем. Его всячески поддерживал Цойс. В мае 1819 г. уже после смерти Водника он имел беседу с белорусским ученым М.К. Бобровским, которому, в частности, сказал, что хотел бы издать словенский словарь Водника, но автор, к сожалению, умер⁶⁷. Воднику удалось собрать около 140 тыс. слов. Оставленные им материалы были использованы позднее в словарях М. Цигале и М. Плелетершника⁶⁸.

В. Водник умер 8 января 1819 г. Спустя несколько месяцев за ним последовал и барон Цойс. Это означало конец кружка Цойса, действовавшего в словенских землях почти четыре десятилетия, правда, с наибольшей интенсивностью до создания Иллирийских провинций.

И еще один член кружка Цойса оказал большое влияние на развитие словенской культуры — Ерней (Бартоломей, Варфоломей) Копитар (1780–1844). Он примкнул к кружку в 1800 г., когда стал работать у Цойса секретарем. Копитар происходил из семьи крестьянина-середняка, владевшего половиной полного надела земли. Отец Ернея пользовался авторитетом у односельчан — он был избран ими сельским старостой, одновременно являлся церковным старостой.

⁶⁶ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 121.

⁶⁷ *Францев В.А.* Польское славяноведение конца XVIII и первой половины XIX в. Прага, 1906. С. 288, 269, 332.

⁶⁸ *Stabej J.* Nekaj ugotovitev ob popolnem izpisu vodnikova rokopisnega nemško-slovenskega slovarja // *Jezik in slovstvo.* 1980. № 1–2. S. 42, 43.

В 1790 г. Ерней поступил в Люблянскую гимназию, но после смерти родителей в 1794 г. должен был сам себя содержать за счет уроков. Впоследствии Копитар вспоминал время, проведенное в доме Цойса, как лучшее в своей жизни. Кроме словенских национальных деятелей, входивших в кружок, он здесь встречался с высокопоставленными персонами: губернаторами, английскими лордами, австрийскими вельможами, такими, например, как эрцгерцог Иоганн, князь К. Меттерних. Одновременно Копитар учился: за время пребывания в доме Цойса он изучил французский, итальянский, английский языки, много читал.

С приходом Копитара положение в окружении Цойса изменилось. До этого времени, да и впоследствии, одну из главных ролей в нем играл Водник. Несомненно, Копитар был талантливее его. Молодой человек желал, чтобы в спорах с Водником его мнение всегда имело преимущество. Натянутые отношения, сложившиеся между Водником и Копитаром, во многом имели своей причиной сложный характер Копитара, склонного к авторитаризму. «Этот чрезвычайно даровитый и остроумный, но очень раздражительный и беспокойный ученый», — отзывался о Копитаре известный хорватский ученый В. Ягич⁶⁹. В том же роде характеризовал Копитара современный словенский исследователь Й. Погачник. Он отмечал, что в письмах к Цойсу и Добровскому Копитар выступал как человек, «который бы хотел сделать мир по своей воле и при этом был убежден, что мир этого желает»⁷⁰.

Первоначально Копитар старался помочь Воднику в составлении словенского словаря. Он тоже считал этот труд одним из важнейших способов обработки словенского литературного языка, доведения его до уровня развитых европейских языков. В письме к Воднику от конца февраля 1810 г. Копитар указывал на те принципы, которые необходимы для составления словаря: знать другие славянс-

⁶⁹ Ягич И.В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб, 1897. С. III.

⁷⁰ Погачник J. Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 49.

кие языки, искать их в книгах и хорошо понимать язык, на котором объясняются славянские слова; понимать язык не только грамматически, но и философски; черпать слова также из книжных источников; дружить с крестьянами; не брать за основу чужих словарей; не выдумывать новых слов. Эти принципы согласовывались с принципами составления словарей, высказанными Добровским⁷¹. Копитар, как и Водник, считал необходимым брать слова из речи простых крестьян. На первых порах Копитар старался, чтобы Водник скорее издал свой словарь, подыскивал ему сотрудников. Но уже в 1810–1812 гг. Копитар стал выражать недовольство тем, что Водник не следует его советам. Он обвинял Водника в односторонности, непоследовательности, стремлении к монополизации и словотворчеству. Особенно Копитар возражал против «водникизмов», т. е. слов, придуманных или взятых им из других европейских языков. Помимо этого Копитар считал, что Водник недостаточно хорошо знал немецкий язык. Словенская исследовательница И. Орел Погачник считает, что причиной такого резкого отношения Копитара к труду Водника стала его ревность. «Водник для него, — пишет она, — был человеком, который занял место руководителя и не желает уступить его более талантливому»⁷². Водник уж к 1814 г. подготовил словарь к публикации, но Копитар воспрепятствовал ей, что ему было несложно сделать, занимая должность цензора славянских, румынских и греческих книг.

Накануне французской оккупации словенских земель в 1808 г. Копитар создал одно из самых знаменитых своих произведений, а именно «Грамматику славянского языка в Краине, Каринтии и Штирии» (*Grammatik der slawischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark*). Она была написана для его ученицы — дочери графа Бельгарда. Грамматика вышла в свет в феврале 1809 г., хотя и помечена

⁷¹ *Orel Pogacnik I. Kопitar in slovarstvo slovenskega jezika // Kопitarjev zbornik. Ljubljana, 1996. S. 140.*

⁷² Там же. С. 148.

1808 г. Эта была первая грамматика всего словенского языка, а не отдельных его наречий. Она легла в основу формировавшегося словенского литературного языка.

Высоко оценил грамматику русский славист Т.Д. Флоринский. «Труд этот, — писал он, — составляет эпоху в изучении словинского (словенского. — *И. Ч.*) языка. Это было первое после Богорича трезвое и новое слово ... Он дал отчетливый облик словинского языка, устранил из него навязанные ему германизмы и сопоставил его с другими славянскими языками. Грамматика Копитара пробудила среди словинских патриотов живой интерес к дальнейшим наблюдениям над родною речью и оказала значительное влияние на выработку литературного языка»⁷³. По словам русского ученого Н.И. Толстого, «словенский язык... был выработан на общесловенской основе с ориентацией на общий фонд других славянских языков»⁷⁴.

Грамматика Копитара была опубликована, когда он уже жил в Вене. Ее корректуру провел Водник, хотя, как показывает его переписка с Добровским, о труде своего коллеги он отзывался недоброжелательно. Копитар послал свою грамматику крупнейшим славистам своего времени: Й. Добровскому, А.Л. Шлёцеру, карловацкому митрополиту С. Стратимировичу, польскому ученому С.Б. Линде и некоторым другим ученым⁷⁵.

Большой интерес для понимания взглядов Копитара в период его жизни в Любляне представляет его предисловие к грамматике, являвшееся своеобразным манифестом молодого слависта. Именно это предисловие дало возможность русскому ученому Н.М. Петровскому заметить, что грамматика Копитара имела больше общественное, чем научное значение⁷⁶.

⁷³ Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Киев, 1895. С. 383.

⁷⁴ Толстой Н.И. О последней попытке применения общеславянской азбуки к словенскому языку // Проблемы современной филологии. Сб. к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М., 1965. С. 263.

⁷⁵ Петровский Н.М. Первые годы... С. 44, 48, 52, 53.

⁷⁶ Там же. С. 234.

В научном отношении Копитар являлся последовательным сторонником крупнейшего немецкого просветителя и филолога Л. Аделунга. Уже на первых страницах своего труда он приводил его слова о значении языка для народа: «Он (язык. — *И. Ч.*) есть самая тесная и близкая связь родов и наций, самое верное средство соединять и разделять народы, именно то, что делает народы народами». Поэтому в центре изложения Копитара были славяне, их язык, культура, прошлое и будущее. Автор исходил из того, что славяне являются единым народом, с общим языком, делящимся на несколько наречий. Копитар перечислял эти наречия, соглашаясь со взглядами Добровского: русское; польское; иллирское, куда входили наречия болгарское, сербское, боснийское, славонское, далматинское, дубровницкое; хорватское со словенским; чешское с моравским, словацким и силезским.

Большое внимание Копитар уделил истории славян, сильно ее идеализируя, как и обычаи славян. «Никогда славяне не были воинственным и авантюрным народом, как немцы, — утверждал он. — Повсюду они селились постоянно, им нравилось земледелие, особенно скотоводство и хлебопашество. Занимались они также различными домашними ремеслами и везде с пользой торговали изделиями своей страны и своего прилежания». Копитар перечислял торговые центры славян: Винета на острове Рюген, Киев на Днепре, Новгород на Волхове. Особенно отмечал Копитар значение Киева и Новгорода, которые являлись посредниками для европейцев в их торговле с Причерноморьем и Восточным морем (Каспием?). Славяне в немецких землях копали руду, плавили и ковали железо, варили мед, сажали фруктовые деревья, жили весело. Они были добродушны, гостеприимны до расточительства, любили свободу, но, подчеркивал Копитар, были податливы и послушны, враждебно относились к грабегам и захватам пленных. «Чего нехватает философу, — восклицал он, — чтобы признать (славян. — *И. Ч.*) идеальными гражданами мира — только науки и культуры!»

В настоящее время, продолжал Копитар, славяне насчитывают 50 миллионов. «Большое число по сравнению с другими народами, но малое по сравнению с громадным пространством их обитания». Однако многие славяне подчинены иноземцам. Они являлись мирными земледельцами и позабыли думать о войне. Поэтому на юге их захватили венгры и турки, на западе — немцы, на востоке — монголы. До сих пор славяне находятся под чуждой властью, за исключением русских. Однако у русских невысокая культура. Вслед за Шлёцером Копитар полагал, что русских цивилизует не математика, но история и литература. «Еще ни один народ не вышел из варварства благодаря математике — от нее натура не изменится. Только благодаря искусству и науке, писателям и поэтам стали цивилизованными греки и римляне, итальянцы и французы, англичане и немцы»⁷⁷.

Копитар подробно остановился на деятельности Кирилла и Мефодия в словенских землях. Он отметил, что южные славяне первыми среди славян приняли христианство сначала от немецких и итальянских проповедников, затем — от греков Кирилла и Мефодия. Время проповедования христианства Кириллом и Мефодием Копитар считал наилучшим временем в культурной истории славян. «Провозглашение мира и всеобщей любви между людьми, равенства и справедливости должно было быть воспринято миролюбивым славянским народом с большим пониманием». Сравнивая Кирилла и Мефодия с немецкими и итальянскими миссионерами, Копитар указывал, что последние «пришли из вражеских стран и принятие христианства сопровождалось всегда и повсюду введением десятины, наши отцы не отвергали высокой значимости дара, но дарителей боялись». По-другому складывались отношения со славянами Кирилла и Мефодия, которых призвали князья Ростислав, Святоплук и Коцель. Они перевели на

⁷⁷ Цит. по: *Toporišič J. Kopitarjev slovanski svet v slovnici 1808/1809 // Kopitarjev zbornik. S. 2, 3.*

славянский язык Евангелие и Апостол. «Радовались славяне, когда слушали о великих деяниях божеских на своем языке». «Славяне, — подчеркивал Копитар, — получили из Греции божественный дар письменности, условие всякой культуры»⁷⁸. Сведения о проповеднической деятельности Кирилла и Мефодия Копитар брал, как отмечает словенский лингвист Й. Топоришич, из летописи Нестора.

В предисловии к грамматике Копитар еще утверждал, что старославянский язык славянских просветителей имеет в своей основе македонское наречие. Позднее он отказался от этого и стал доказывать его паннонское происхождение. Следует подчеркнуть, что Копитар первым из словенских национальных деятелей столь высоко оценил деятельность среди славян Кирилла и Мефодия. Его грамматика широко распространилась среди словенской интеллигенции, его имя в ее рядах в 30–40-е годы XIX в. пользовалось достаточным авторитетом. Мнение Копитара о Кирилле и Мефодии и их роли в создании славянской азбуки и старославянской письменности много значило для словенцев. Оно способствовало распространению среди них во второй половине XIX в. своеобразного культа Кирилла и Мефодия, затронувшего не только либеральные круги общества, но и значительную часть духовенства.

В вышеуказанном предисловии Копитар не только дал свое толкование истории славян, но и попытался нарисовать картину их будущего. Сожалея о быстро промелькнувшей в истории славян эпохе Кирилла и Мефодия, Копитар замечал: «Представьте себе, что при одинаковом вероисповедании, одинаковом литературном языке — почему и не под властью единого вождя, славянского Владимира, могло бы уже ранее произойти из этого гигантского народа!» И далее Копитар прозрачно намекал, при каких условиях может произойти то, что не свершилось при Кирилле и Мефодии: «Я говорю, пусть Александр уничтожит крепостное

⁷⁸ Цит. по: *Toporišič J. Kопitarjev slovanski svet v slovnici 1808/1809 // Kопitarjev zbornik. S. 4.*

право и ... мировое владычество достанется ему, к счастью нашему и всего мира; мы, славяне, значительное племя и гуманны от природы»⁷⁹.

Убежденный, что славяне единый народ, только волею печальных исторических обстоятельств разделенный на несколько ветвей, Копитар считал, что они должны иметь общий литературный язык, прообразом которого стал бы язык, созданный Кириллом и Мефодием. Славянские наречия, по мнению Копитара, достаточно разошлись друг от друга, поэтому литературные языки славянских наречий должны продолжать существовать. Но постепенно они сольются в единый литературный язык, как это случилось в древней Греции. Там местные языки во времена Александра Великого (Македонского) образовали общий литературный язык всех греков. Насильно это сделать невозможно. Первым шагом к созданию общеславянского литературного языка должно стать изобретение общего алфавита. Копитар был убежден, что самым тяжелым последствием завоевания славян чужеземцами стало их разделение на католиков и православных и в связи с этим использование ими двух алфавитов — кириллицы и латиницы. Копитар высоко оценивал азбуку, придуманную Кириллом. Главное ее достоинство он видел в том, что в ней каждому звуку соответствует своя буква. Но все-таки предпочтение Копитар отдавал латинице, поскольку ею пользуются все европейцы. Общий алфавит поможет общению славян друг с другом, и в конце концов самое достойное из славянских литературных наречий «сделалось бы общим литературным языком»⁸⁰.

Делая обзор всех словенских грамматик, Копитар признавал заслуги протестантов, прежде всего создателя первой словенской грамматики А. Богорича за установление норм словенского литературного языка. Трубар же он критиковал за обилие германизмов в его сочинениях. Остальные

⁷⁹ Петровский Н.М. Первые годы... С. 125, 126.

⁸⁰ Там же. С. 129, 133, 134, 143.

словенские грамматики вызывали неодобрение Копитара, за исключением грамматики Гутсмана, о которой он дал емкое заключение: «говорит мало, но ничего лживого». Положительно он оценивал и грамматику Ж. Поповича и даже утверждал, что свою грамматику Водник списал у него.

Словенских писателей Копитар призывал бороться с германизмами и указывал на способы этой борьбы. Прежде всего, они должны больше общаться с крестьянами, чей разговорный язык сохранил первозданную чистоту, а также делать переводы с латинского или славянских текстов, а не с немецких книг. Копитар предлагал учредить кафедру словенского языка в семинарии, считал необходимым написание словенского словаря⁸¹. На последних страницах грамматики Копитар снова подчеркивал, что словенское и крайнское наречия одно и то же.

Грамматика Копитара и особенно предисловие к ней обобщили все то, что было сделано до него словенскими будителями. На это указывает, в частности, американский ученый Р. Ленчек, отмечая влияние на языковую концепцию Копитара идей Ж. Поповича, Б. Кумердея, Ю. Япеля⁸². К этому бы следовало добавить и Водника, прежде всего его очерк «Рассказы о славянском языке». Все достижения словенских просветителей Копитар изложил четко, отбросив их некоторые заблуждения. Он окончательно утвердил мнения Гутсмана и Линхарта о том, что словенцы и крайнцы являются одной ветвью славянского племени, подчеркнул необходимость чистки словенского языка от германизмов. Считая, как и славянские и немецкие ученые того времени (Гердер, Аделунг, Добровский, Востоков и др.), что славяне представляют собою один народ, Копитар выдвинул программу создания единого общеславянского литературного языка. Идеализация славянской истории, надежды на Россию — все это не выходило за рамки

⁸¹ *Петровский Н.М.* Первые годы... С. 138–141, 146, 147.

⁸² *Lenček R.* Kопитарjevo razumevanje zgodovinskih silnic razvoja slovanskih pisanih jezikov // Kопитарjev zbornik. S. 14.

тех идей, которые бытовали в кружке Цойса. В 1808 г. Копитар переехал в Вену и более никогда не возвращался в словенские земли.

Отношение Копитара к Иллирийским провинциям не совсем ясно. Б. Графенаур считает, что он, как и Цойс, Ярник и Примец был враждебен французам⁸³. Р. Ленчек, не определяя точно отношения Копитара к Иллирийским провинциям, отмечает, что именно их появление привело его к мысли частично воплотить в жизнь свой языковый проект⁸⁴. И. Орел Погачник пишет, что в 1810 г. Копитар намеревался издать свою грамматику на французском языке, а также небольшой французо-славянский словарь⁸⁵. А. Слодняк утверждает, что у него было сотрудничество с французским политическим эмиссаром Севре⁸⁶. Приведенные Ленчеком, А. Слодняком и И. Орел Погачник факты указывают, что если Копитара нельзя причислить к сторонникам французов, то и решительным их противником он тоже не был.

Первые два года после отъезда из Любляны Копитар изучал право в Венском университете, одновременно занимаясь и филологией. В 1810 г. он получил место цензора славянских, новогреческих, а затем и румынских книг, одновременно он стал скриптором (библиотекарем) и кустосом (хранителем фондов) Придворной библиотеки в Вене. Копитар активно сотрудничал в научных журналах, а в одном из них «Винер альгемайне литератур цайтунг» (Венская общая литературная газета. *Wiener Allgemeine Literaturzeitung*) он редактировал славянский отдел. В качестве корреспондентов он привлек туда словенцев М. Равникара, Я. Примца, Цветко, серба Л. Мушицкого, словака Рожная, чеха Й. Добровского и др. В то время Копитар еще оставался на прежних прорусских позициях. Так, в декаб-

⁸³ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 127–129.

⁸⁴ *Lenček R.* Op. cit. S. 14.

⁸⁵ *Orel Pogačnik I.* Op. cit. S. 152.

⁸⁶ *Slodnjak A.* Миодраг Ибровац, Копитар и французи. Прилог биографији са неиздатом кореспонденцијом // *Zgodovinski časopis*. 1955. № 1–2. S. 129.

ре 1809 г. в журнале «Миневра» (Minevra) он опубликовал резкую заметку в ответ на анонимную статью, унижающую славян. В частности, он указывал: «Новгородские славяне, призывавшие в девятом столетии Рюрика, были бесспорно цивилизованнее, нежели этот немец и его окружение». И далее Копитар отмечал, что современные немецкие путешественники признают, что русский крестьянин ловчее и умнее немецкого⁸⁷.

В период Иллирийских провинций симпатии словенцев по отношению к России не уменьшились. Спустя десять лет после пребывания в словенских землях суворовских солдат в 1810 г. моряки адмирала Д.Н. Сенявина, в течение двух лет интернированные французами в Триесте, получили разрешение отправиться пешком через австрийские владения в Петербург. Первыми на их пути были земли, населенные словенцами. О проходе через них русских моряков оставил свои воспоминания русский офицер В.Б. Броневский. Помимо описания природы, он остановился на отношениях, сложившихся между русскими моряками и местным населением. «Они (словенцы. — *И. Ч.*) с того времени, — пишет Броневский, — как бы пробудились от сна, вера, язык и сходство нравов польстили их народной гордости. Для них нет ничего приятнее, как говорить о России, о нашем государстве, правительстве и о счастье быть русским. Мечтания их простираются гораздо далее, нежели можно было ожидать от их ограниченных познаний в политике. Словом сказать, присутствие наше поблизости славянских областей ... сделало сильное на них впечатление, и надобно признать, что как бы правительство, коему они будут подвластны, ни было попечительно, они всегда помышлять будут о России с восхищением»⁸⁸.

Если Кумердей, Водник, Копитар представляли собою элиту нарождавшейся словенской интеллигенции, то Броневский общался с представителями среднего сословия:

⁸⁷ Петровский Н.М. Первые годы... С. 245–249.

⁸⁸ Броневский В.Б. Путешествие от Триеста до С.Петербурга в 1810 г. М., 1828. С. 30, 31.

небогатыми помещиками, зажиточными крестьянами, торговцами, почтовыми служащими и т. д., то есть с теми, к кому на постой отправляли русского офицера. Воспоминания Броневского показывают, что русофильские настроения проникли и в эту среду, значительно более широкую, чем круг просветителей.

Победа над Наполеоном укрепила интерес словенцев к России, их восхищение ею. Об этом свидетельствует переписка словенских просветителей из Каринтии и Штирии: Я. Примича, Я. Зупана, М. Шнайдера, У. Ярника. Так, Примич 11 февраля 1813 г. в письме к Зупану отмечал: «Русские здесь привлекли к себе общее внимание, благодаря победоносному оружию и образцовому поведению в завоеванных провинциях». И далее он приводил отрывки из письма Шнайдера, который выражал надежду, что русские не только прогонят неприятеля, но и перекуют мечи на орала, предоставив и словенцам возможность мирно возделывать свои поля. Еще дальше в своем воодушевлении русскими победами шел Ярник, цитату из письма которого приводил в своем письме Примич: «Север ревет, юг страшится и бахвал бежит, все войска его разбиты ... Вечер покажет, каков был день — говорят молодцы северные славяне. Славнейшее дело они совершат»⁸⁹.

Кажется странным, но именно в этот период, когда Россия вместе с Австрией вела борьбу против Наполеона, когда Россия одерживала победы над французскими войсками, окончательно оформились русофобские взгляды Копитара. Это произошло, на наш взгляд, под влиянием его нового окружения, представлявшего собою немецкую образованную бюрократию, связанную с венскими политическими кругами. В письмах от 1811–1814 гг. к своему ученику Я. Зупану Копитар выражал желание, чтобы оба берега Дуная вплоть до Черного моря отошли к Австрии. Главное препятствие в

⁸⁹ Ягич И. В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб, 1897. С. 292, 293.

осуществлении этих планов он видел в России. Даже победа ее над Наполеоном, которая привела не только к освобождению южнославянских владений Габсбургов, но и к расширению границ австрийского государства, воспринималась Копитаром с определенным сожалением, ибо она означала усиление России. «Итак, никто нас не любит — ни в Польше, ни в Италии, ни в Славонии, ибо мы немцы и неоткуда надеяться на лучшее! — с грустью писал он Зупану 13 июля 1814 г. — Совсем наоборот русские! Они целуются с немцами и татарами, дают ордена грекам и далматинцам. Через сто лет, если так пойдет дело, — мы все станем русскими»⁹⁰. Таким образом, за 5–6 лет пребывания в Вене Копитар перешел от смутных планов создания славянского царства во главе с Россией к резко неприязненному отношению к ней. И все дальнейшие свои славянские проекты Копитар связывал только с Австрией.

Этот переход от русофильства к русофобии у Копитара происходил постепенно. Уже в начале февраля 1810 г. в письме к Добровскому он выразил пожелание, чтобы альманах Добровского «Славин» был возобновлен в Вене. Вокруг него, мечтал Копитар, выросла бы Славянская Академия, а «Пражская, Варшавская, Петербургская, будущие Иллирские были бы многочисленными отделениями этой Akademie Slave». Возглавить эту Академию Копитар предлагал Добровскому. На это Добровский ответил, что Академия сразу же распадется после заседаний, посвященных выработке общеславянского алфавита. Несмотря на такой ответ, в мае 1810 г. Копитар снова завел разговор о Славянской Академии в письме к Добровскому⁹¹. Учреждение Славянской Академии в Вене осталось до конца жизни важным пунктом в славянской концепции Копитара и заложило основу его культурного австрославизма.

⁹⁰ Ягич И.В. Новые письма Добровского, Копитара и других юго-западных славян. СПб, 1897. С. 264.

⁹¹ Петровский Н.М. Первые годы... С. 246, 260.

Следует подчеркнуть, что Добровский, которому Копитар рассказывал о своих планах и которому он отводил в них центральную роль, относился к идеям Копитара скептически. В письме к Копитару от 5 мая 1815 г. он откровенно заявлял, что в Вене Славянская Академия невозможна, так как там действует «дьявольский принцип германизации»⁹².

В первые годы жизни в Вене Копитар старался помочь словенским национальным деятелям. Выше уже говорилось, что он сначала помогал Воднику в создании словенского словаря. Определенную помощь от него получал на первых порах библиотекарь (скриптор) лицея в Граце Янез Примиц. 13 мая тот сообщал своему учителю В. Воднику, что ему удалось уговорить изучать словенский язык 15 богословов из университета. Они собирались три раза в неделю и учили словенский язык по грамматике Копитара. В июне 1810 г. на основе этого кружка образовалось Славянское общество. Копитар проявил к нему интерес. В декабре 1810 г. он предложил, чтобы каждый его член описал свой приход в этнографическом и лингвистическом плане. Примиц поддержал эту идею. Копитар снабжал общество книгами: купил для него восемь экземпляров книг Добровского («Славян» и грамматику). Примиц предложил членам общества собирать материал для словаря Водника. Однако его задания по сбору лингвистического материала и сведений по этнографии оказались, по-видимому, слишком сложными для богословов — они предпочли переводить на словенский язык религиозные сочинения. В конце концов в обществе осталось четыре человека. Но деятельность его имела положительный результат: в 1811 г. в Грацком лицее была основана кафедра словенского языка. В 1812 г. первым ее профессором стал Примиц, получивший этот пост с помощью Копитара. 14 июня 1812 г. Копитар сообщал Добровскому, что у Примица 60 учеников — большею

⁹² *Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 85.*

частью богословов. Правда, уже в ноябре 1812 г. их число сократилось до пяти. В том же году у Примица возник конфликт с Копитаром. По мнению А. Слодняка, Копитар не мог простить Примицу приверженности Воднику, а также воодушевления по поводу русских побед над Наполеоном. Тем более что своим восхищением русскими он заражал своих учеников. По наущению Копитара его ученик Я. Зупан написал отрицательную рецензию на учебник Примица «Немецко-словенская книга для чтения». Эта рецензия стала одной из причин душевной болезни Примица — в октябре 1813 г. он сошел с ума⁹³.

Встречи Копитара с русскими учеными не улучшили его мнения о России. В 1812 г. в Вене побывал граф Н.Н. Новосильцев, член Императорской Академии наук, который встретился там с Копитаром. Тот помог графу осмотреть библиотеку польского графа Оссолинского. Новосильцев искал человека, который смог бы написать «Сравнительный словарь славянских языков». По-видимому, об этом он вел переговоры с Копитаром. «Новосильцев уже уехал, — писал Копитар Добровскому в июле 1812 г. — ...Он простился с прекрасными обещаниями. Я имею разрешение прямо писать ему о русских книгах; с своей же стороны должен быть его агентом для подписки на славянские вещи»⁹⁴. Однако никаких последствий разговор Новосильцева с Копитаром не имел. В 1813 г. глава Императорской Академии наук А.С. Шишков встречался в Праге с Добровским. Узнав об этом, Копитар просил Добровского рекомендовать его Шишкову. «Скажите ему, — писал Копитар, что я, будучи в центре, предлагаю ему услуги посредника между востоком и западом. Это мне тем легче сделать, что у меня уже есть знакомые в Венеции и Дубровнике, сам же я библиотекарь и интересуюсь этим делом»⁹⁵. Предложение Копитара осталось без ответа. Позднее, в 1828 г., он сно-

⁹³ Ягич И.В. Новые письма Добровского, Копитара... С. 266.

⁹⁴ Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 229.

⁹⁵ Ягич И.В. Новые письма... С. 355.

ва предлагал Шишкову свои услуги в интересах славянской филологии. И тоже безрезультатно⁹⁶. Эти неудачные попытки завязать сношения с Императорской Академией наук тоже оказали влияние на изменение взглядов Копитара на Россию.

Новым кредо Копитара стала его статья «Патриотические фантазии славянина», опубликованная им в «Фатерлэндише Блэттер» (*Faterländische Blätter. Отечественные записки*) в 1810 г. В ней он подчеркивал прежде всего величину славянского племени, насчитывающего 50 млн человек и занимающего огромное пространство в половину Европы и треть Азии. В этой статье Копитар не затрагивал историю и обычаи славян, как он это делал в предисловии к своей грамматике, зато подробно останавливался на славянском языке и на его преимуществах по сравнению с другими. Он отметил его великолепное строение — фонетической системы и грамматики, указал на его напевность⁹⁷. Особый раздел он отвел славянским литературам. Писателям славянского языка Паннонии (наречия — крайнское или виндское, хорватское), католического славяно-сербского языка (наречия: дубровницкое, боснийское, славонское) он советовал собирать народные песни, создать общий алфавит. Рассказывая о литературе православных славяно-сербов, Копитар хвалил труды Д.Обрадовича и надеялся, что славяно-сербская литература станет опасной соперницей русской. О русской литературе Копитар представлял сведения самые жалкие. Он полагал, что она началась только со времен Екатерины II, но ничего не знал даже о Ломоносове. Правда, русские словари и грамматики Копитару нравились. Чешскую литературу он давал довольно подробно — по Добровскому; о литературе поляков, лужичан, словаков упоминал бегло. Копитар призывал славян писать на своих поднаречиях, но пользуясь общим алфа-

⁹⁶ Ягич И.В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке // Сб. отделения русского языка и словесности. СПб, 1885. С. XIX.

⁹⁷ Петровский Н.М. Первые годы... С. 253–256.

витом. Затем, по его представлению, все эти поднаречья сольются в единый литературный славянский язык. Копитар полагал, что им станет или старославянский язык, или одно из иллирских поднаречий. Последний раздел Копитар посвятил необходимости учреждения в Венском университете кафедры старославянского языка, ибо Австрия (т.е. Паннония) является его родиной. Организация этой кафедры необходима, чтобы не отдать его изучение во «все портящие руки русских»⁹⁸. Со временем кафедра старославянского языка должна превратиться в Славянскую Академию, к которой присоединились бы в качестве филиалов существующие сейчас вне ее славянские академии, а также те, которые будут установлены позднее, в частности иллирские⁹⁹.

Добровский, прочитав статью, похвалил Копитара за рвение, но одновременно сделал ему немало замечаний. В частности, он считал смешным предположение, что Росийская Императорская Академия наук опустится до уровня филиала Венской Академии.

В том же 1813 г. Копитар опубликовал новый вариант «Патриотических фантазий славянина» в «Винер литературцайтунг» (*Wiener Literaturzeitung*. Венская литературная газета). В этом сочинении он еще увереннее утверждал, что прародиной славян является Паннония, снова выражал желание, чтобы появился новый Кирилл, который усовершенствует латиницу для славян. Свою паннонскую теорию Копитар высказал еще в 1810 г. в рецензии на альманах Добровского «Славин». В 1814 г. он снова написал отзыв на другой альманах Добровского «Слованка». В нем он вновь поднимал вопрос об усовершенствовании латинского алфавита для славян. Копитар надеялся, что в этом случае его примут и православные славяне, отказавшись от кириллицы¹⁰⁰.

⁹⁸ *Hafner S. Jernej Kopitar kot avstroslavist // Kopitarjev zbornik*. S. 28.

⁹⁹ *Петровский Н.М.* Первые годы... С. 261–263, 285, 289, 290.

¹⁰⁰ *Navratil I. Jernej Kopitar // Kopitarjeva spomenica*. Ljubljana, 1880. S. 79, 89.

Первый период развития Словенского Возрождения окончился с победой над Наполеоном, созданием Священного союза. Этот период ознаменовался значительными успехами в развитии словенской культуры и национальной мысли. Для этого существовали объективные условия: политика австрийских государей Марии Терезии и Иосифа II, благодаря которой в стране были проведены реформы, способствующие уничтожению ряда наиболее реакционных феодальных законов и открывшие путь развитию новым капиталистическим отношениям, реформы, проведенные в Иллирийских провинциях французами и введшие в словенских землях буржуазное право. Именно в этот период трудами О. Гутсмана, А. Линхарта, Б. Кумердея, Е. Копитара, В. Водника было определено, что славяне Крайны, Штирии, Каринтии являются одним народом — словенцами и на базе этого были заложены основы единого словенского литературного языка и единой словенской литературы. Появились первые прозаические и поэтические произведения, первые попытки создания словенской драматургии, первая словенская грамматика на словенском языке, первая словенская газета. Получила развитие и национальная мысль словенцев. Они не только осознали себя единым народом, но и частью великого славянского племени, что давало им важный аргумент в борьбе за свои национальные права. Близкое знакомство с русскими во время войн с Наполеоном дало возможность некоторым славянским деятелям поверить в то, что именно Россия поможет им освободиться от чужеземного ига. Причем у Копитара это освобождение было связано с созданием общеславянского государства под эгидой России.

Таким образом, уже в первый период Словенского Возрождения наметились две линии борьбы словенцев за свои права. Первая подразумевала попытку улучшения положения словенцев внутри самой Австрии при известной опоре на других австрийских славян. За это выступали А. Линхарт, поздний Копитар. Это направление превратилось в

идеологию австрославизма. Вторая линия, более радикальная, связывала надежды на освобождение словенцев с Россией, и она заложила основы русофильства в словенском национальном движении. Ее придерживались Кумердей, Водник и ранний Копитар.

* * *

После победы над Наполеоном в Австрии установился режим, в политическом отношении отличавшийся реакционностью. Многие прогрессивные законы, изданные в период просвещенного абсолютизма и существования Иллирийских провинций, были отменены. Но все же часть их власти сохранили. В частности, остались отмена патримониального суда и право помещиков собирать государственные налоги, продолжал действовать закон о всеобщем образовании и др. Все эти реформы способствовали экономическому развитию страны. Кроме того, австрийские земли охватила промышленная революция, начавшаяся в Европе во второй половине XVIII в. В словенские земли она пришла позднее. Особенно она затронула отрасли промышленности, развивавшиеся вне цехов — бумагоделательную, текстильную, горную. В сельском хозяйстве также наблюдался прогресс: во многих местах была введена трехпольная и четырехпольная система севооборота, широко использовались новые сельскохозяйственные культуры: картофель, греча, кукуруза. Вместе с тем возможность раздела надела земли после смерти хозяина его наследниками привела к резкому усилению дифференциации на селе, увеличению числа безземельных и малоземельных крестьян. В отдельных районах по-прежнему сохранялись барщина, поборы помещиков. Все эти остатки феодальных отношений мешали развитию страны.

Если экономическое развитие Австрии делало определенные успехи, то в политическом отношении в ней установился реакционный режим, прозванный по его создателю князю К. Меттерниху меттерниховским. Он отличался засилием бюрократии, цензуры, стремлением подавить в

зародыше всякое проявление вольнодумства. Просветительские идеи преследовались властями, которые видели в них источник свободомыслия.

До 1830-х годов главной фигурой словенской культурной жизни стал Е. Копитар, опиравшийся в своей деятельности на янсенистское духовенство.

Во второй период Словенского Возрождения условия развития словенской культуры ухудшились. В это время перед словенскими национальными деятелями встал вопрос о принципах создания и дальнейшего развития словенского литературного языка. Разлад в этом вопросе уже наметился в первый период Словенского Возрождения, когда появились грамматики Похлина и Гутсмана, опиравшиеся на их родные диалекты — крайнский и каринтийский. Грамматика Копитара, грамматика Водника сделали крупный шаг к созданию единого письменного языка для всех словенцев. Однако в 1820-е годы положение изменилось к худшему. Среди словенских просветителей образовалось три течения, каждое из которых предлагало свой вариант формирования словенского литературного языка.

Янсенисты во главе с Копитаром решительно выступали против светской струи в литературе, против романов и любовной лирики в поэзии. Ближайший сподвижник Копитара М. Равникар, преподаватель Люблянского лицея, словенский литератор, заявлял в 1824 г.: «Романы и другие поэтические творения являются одним из самых действенных средств деморализации не только молодежи, но и целых народов»¹⁰¹.

Свою программу создания словенского литературного языка Копитар сформулировал еще в 1813 г. Он исходил из того, что славян 50 млн и они занимают половину Европы и треть Азии. Но славянский язык делится на несколько наречий. Он призывал славянских писателей писать на своих родных наречиях, но пользуясь общим алфавитом.

¹⁰¹ *Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 81.*

Если это будет так, то впоследствии эти наречия должны будут слиться в единый общеславянский литературный язык. У славян три алфавита — латиница, кириллица и глаголица. Копитар считал, что кириллица более всего подходит для славянских наречий, ибо в ней каждому звуку соответствует своя буква. Однако славянам все-таки лучше принять своим алфавитом латиницу, поскольку ею пользуются все европейские народы¹⁰².

Копитар надеялся, что общеславянский алфавит создаст чешский славист Й. Добровский, взяв за его основу латиницу, но вместе с тем и придав ему достоинство кириллицы — каждый звук должен был иметь свою букву. Добровский не откликнулся на предложение Копитара, зато на него откликнулись два словенских священника — штириец Петр Дайнко и крайнец Фран Метелко. В 1824 г. вышла в свет словенская грамматика Дайнко, опиравшаяся на штирийские диалекты и имевшая собственный алфавит. В 1825 г. была издана словенская грамматика Метелко, базировавшаяся на крайнских диалектах и тоже со своим алфавитом. В Крайне словенские писатели пользовались грамматикой и алфавитом Метелко, в Штирии — грамматикой и алфавитом Дайнко. Метелко был учеником и последователем Копитара, он преподавал словенский язык в Люблянском лицее. Его грамматику и алфавит всячески поддерживал Копитар. Однако больший успех имела грамматика Дайнко. На его алфавите было опубликовано 50 тыс. экземпляров словенских книг¹⁰³. Не без усилий Копитара алфавит Дайнко был запрещен властями.

Во второй половине 1820-х годов словенские книги печатались тремя алфавитами: метелчицей (алфавит, придуманный Метелко), дайнчицей (алфавит, придуманный Дайнко) и богоричицей, на которой издавались словенские книги с XVI в., когда вышла в свет первая словенская грамматика А. Богорича.

¹⁰² *Pogačnik J. Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 163.*

¹⁰³ *Ibid.*

Копитар считал, что словенский язык стоит на довольно низкой ступени развития и его нужно окультурить. Прежде всего, его необходимо очистить от германизмов, которые его переполняют. Для этого при написании книг следует опираться на язык крестьян, а не горожан. Он предлагал заменять немецкие слова словами из словенских диалектов или старославянского языка. Старославянский язык, родиной которого, по мнению Копитара, была Паннония, является непосредственным предшественником современного словенского языка. Паннония же до вторжения в нее венгров являлась частью древнего словенского княжества Карантиния. Паннонская теория Копитара, помимо прочего, была призвана поднять авторитет словенского языка как прямого наследника старославянского языка. Копитар полагал, что на данном этапе развития словенского литературного языка на нем нельзя создавать художественную литературу, но только книги для народа практического и религиозного содержания. Он считал, что со временем, когда язык достаточно отшлифуется, на нем можно будет писать и художественную литературу — в этом он отличался от янсенистов типа Равникара. В настоящее же время Копитар призывал словенских литераторов собирать фольклор. Идея Копитара о необходимости очищать словенский язык от германизмов и других иностранных слов была подхвачена во второй половине XIX в. многими словенскими филологами.

Копитар и его сторонники полностью вписывались в меттерниховскую систему: их национальная деятельность, ограничивавшаяся борьбой алфавитов и изданием книг религиозного и практического назначения, не угрожала ее устоям. Власти поддерживали деятельность этого направления в словенском национальном движении.

Однако уже в конце 1820-х годов концепция Копитара относительно словенского языка и литературы перестала удовлетворять новое поколение словенских просветителей, получивших образование в немецких и итальянских университетах. Выразителем новых веяний в словенском

национальном движении стали просветители, группировавшиеся вокруг альманаха «Краньска чбелица» (Kranjska čbelica. «Крайнская пчелка»). Альманах вышел в свет четыре раза — в 1830, 1831, 1832, 1834 гг. Главными идеологами его стали Матия Чоп (1797–1835) и Франце Прешерн (1800–1849).

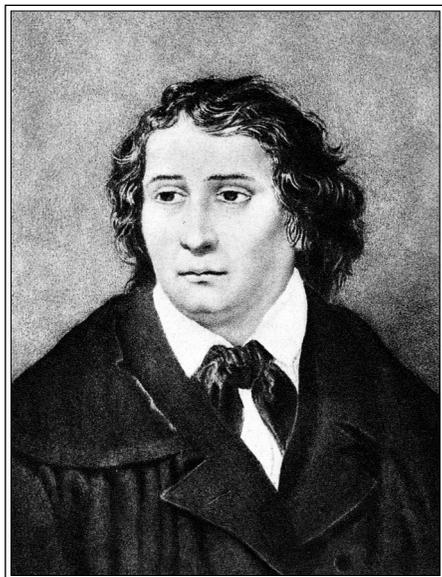
На взгляды Чопа и Прешерна оказала влияние концепция зачинателей немецкого романтизма братьев Августа и Фридриха Шлегелей, организовавших в Иене кружок интеллектуалов. В отличие от просветителей они большее внимание уделяли внутреннему миру человека. Язык они считали главным показателем развития национальной культуры. «Народ, — писал Ф. Шлегель, — у которого язык дичает или находится в первоначальном грубом состоянии, сам остается варварским и грубым». Ф. Шлегель выступал за обучение детей на родном языке, а стремление оторвать язык угнетенного народа от высшей духовной образованности считал гнусным варварством¹⁰⁴.

М. Чоп, критик и историк литературы, являлся одним из образованнейших словенцев. В начале 1820-х годов он работал в Риеке учителем гимназии, с 1822 г. переехал во Львов, где занимал сначала должность профессора гимназии, а в 1825–1827 гг. — преподавателя греческого и латинского языков в университете. Здесь он изучил польский и русский языки. В 1827 г. Чоп возвратился в Любляну, где стал профессором гимназии и одновременно библиотекарем в Люблянском лицее. Согласно прошения, которое Чоп написал 5 июля 1832 г. для получения должности библиотекаря в Венской библиотеке, он владел 19 языками: словенским, немецким, латинским, греческим, итальянским, французским, английским, польским, испанским, старославянским, русским, сербским, чешским, лужицкосербским, португальским, провансальским, венгерским, еврейским, древнегреческим¹⁰⁵. Эрудиция Чопа была хорошо известна.

¹⁰⁴ Дмитриев А. С. Проблемы венского романтизма. М., 1975. С. 231.

¹⁰⁵ *Levec F. Matija Čop // Eseji, študije in potopisi. Ljubljana, 1965. S. 121–125.*

Его знания высоко оценивал Копитар, и именно по его просьбе Чоп написал «Историю словенской литературы» для «Истории славянских литератур» словацкого ученого П.И. Шафарика. Шафарик с похвалой отзывался о труде Чопа. По словам словацкого историка, он представлял собою «огромное и основательное историческое обозрение всего того, что по сию пору было написано и напечатано на языке виндском»¹⁰⁶.

Франце Прешерн

Близким по взглядам Чопу был Ф. Прешерн, талантливый поэт, стоявший на уровне лучших европейских поэтов. В 1831 г. он опубликовал в альманахе «Краньска чбелица» статью «Новое правописание». В ней он утверждал в противовес мнению Копитара и его сторонников, что примитивный крестьянский язык не может служить единственной основой для словенского литературного языка¹⁰⁷. Эта мысль была полнее развита Чопом в статье «Словенская абецедная война», помещенной в «Иллирской газете» (Illyrische Blatt): «Пока язык ограничен только миром понятий простого крестьянина, пока он не может выражать понятий высшей жизни и науки, до тех пор он не может требовать для себя наименования культурного языка, которое, если бы дело было лишь в чистоте, могли бы заслужить многие языки диких народов. Только если язык постепенно приспособлять к запросам

¹⁰⁶ Шафарик П.И. Обозрение новейшей литературы иллирийских славян // Телескоп. 1836. № 12. С. 551–552.

¹⁰⁷ Paternu B. Receptija romantiki v slovenski poeziji // Slavistična revija. 1973. № 2. S. 114.

высшей жизни и науки, его можно правильно культивировать и формировать». Чоп был убежден, что создание словенского литературного языка пошло бы успешнее, если бы к словенской культуре присоединилось больше образованных людей¹⁰⁸.

Кроме того, Чоп поддержал точку зрения тех просветителей, которые считали, что словенцы должны принять в качестве своего алфавита не дайнчицу и не метелчицу, а богоричицу. «Если бы Трубар, — с сожалением отмечал Чоп, — имел более основательное славянское образование, он взял бы кириллицу, единственную настоящую и будущую славянскую азбуку, и азбучной войны словенцы бы не знали, потому что за Трубаром ею теперь бы писал весь славянский юг»¹⁰⁹. В возможности славянского единства в настоящее время Чоп сомневался. «Мы, словенцы, — писал он, — горячие панслависты, когда нужно говорить, а когда нужно учиться, тогда нас нет». И с горечью замечал: «Немецкая культура — наша судьба, наш фатум, от которого мы не можем уйти»¹¹⁰.

Альманах «Краньска чбелица», который Чоп создал вместе с Прешерном, был для него очень важен. Именно с его помощью Чоп мечтал культивировать словенский литературный язык. Он подчеркивал, что огромная заслуга альманаха в том, что он привлек интерес к словенскому языку образованных людей. «Краньска чбелица» предназначена для них, поэтому в ней есть и любовная поэзия. Чоп понимал трудности, которые стоят на пути альманаха. «Нашим главным образом янсенистским духовникам, — жаловался Чоп чешскому поэту Ф. Челаковскому 14 марта 1833 г., — которые составляют основную часть крайнего читающего общества, кажется всякое сочинение, которое не принимает во внимание потребности крестьян, прежде всего их религиозные потребности, совершенно не нужным,

¹⁰⁸ Čop M. Izbrano delo. Celje, 1935. S. 50–53, 33, 34, 38.

¹⁰⁹ Levec F. Matija Čop. S. 134.

¹¹⁰ Ibid. S. 144.

любовная же поэзия до крайности грешной. Они считают, что язык уже полностью создан, если на нем можно писать катехизисы и молитвенники»¹¹¹.

Взглядов Чопа и Прешерна придерживались и некоторые другие представители словенской интеллигенции: профессор гимназии Я. Зупан, молодой лингвист А. Мурко и др. Зупан выступил против грамматики Метелко в журнале «Каринтия» в 1831 г. В 1832 г. вышла в свет грамматика, написанная студентом Антоном Мурко. В ней он отвергал и дайнчицу, и метелчицу и высказывался за единый для всех словенцев алфавит — богоричицу. «До сих пор, — указывал Мурко, — мы, штирийские словенцы, были тесно связаны с крайними как языком, так и графикой. Теперь же между нами воздвигается стена, пагубная как для словенского языка, так и для словенской национальной культуры»¹¹². Среди тех, кто сочувствовал альманаху «Краньска чбелица» были молодой торговец А. Смоле, ссыльный поляк Э. Корытко и др. Странники альманаха смогли добиться определенных успехов — в конце 1833 г. власти запретили использовать метелчицу в школьных учебниках, что практически означало ее запрещение вообще. В ответ Копитар нанес удар по альманаху «Краньска чбелица», запретив в качестве цензора выход ее четвертого номера. Об этом Чоп сообщил С. Вразу, штирийскому поэту и в будущем видному деятелю иллирского движения, в письме от 13 апреля 1834 г., подчеркнув, что это Копитар сделал из-за того, что благодаря Чопу власти запретили использовать метелчицу в школе¹¹³.

К концу 1830-х годов кружок, объединявшийся вокруг альманаха «Краньска чбелица», практически прекратил свое существование. Связано это было не только с преследованием властей, но и смертью таких ее активных членов, как

¹¹¹ Čop M. Izbrano delo. S. 52, 53.

¹¹² Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 550.

¹¹³ Čop M. Izbrano delo. S. 43, 44.

Чоп, Смоле, Корытко. Значение деятельности этого кружка для развития словенской культуры трудно переоценить. Он способствовал установлению в словенских землях единого алфавита, расширил тематику словенской литературы, в нее, благодаря Прешерну, влилась мощная струя романтизма, она приблизилась к уровню европейских литератур и этим способствовала привлечению к словенскому национальному движению части светских образованных кругов.

Во второй половине 1830-х годов XIX в. в словенском национальном движении появилось еще одно течение — иллиризм.

Славянское Возрождение, начавшееся в Австрии во второй половине XVIII в., продолжало развиваться. Наибольших успехов оно достигло в чешских землях. В идеологии чехов в то время особым успехом пользовалась концепция славянского родства, имевшая хождение среди славянских народов со Средневековья. Идеологом нового варианта этой идеи стал Ян Коллар, словак по происхождению. Его поэма «Дочь Славы», вышедшая из печати в 1824 г., стала настольной книгой нового поколения славянской молодежи. Эта поэма носила отпечаток взглядов немецкого философа и просветителя И.Г. Гердера, который писал о высоких моральных качествах славян и считал, что XIX век станет веком их возрождения. В своей поэме Коллар воспевал героическое прошлое славян, их знаменитых деятелей. Он призывал славян извлечь уроки из ошибок прошлого и объединиться, подразумевая под этим не политическое, а культурное объединение. Спустя 13 лет, в 1837 г., Коллар опубликовал статью «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа». В ней он утверждал, что славянская взаимность заключается не в смешении всех славянских языков и создании для славян общего языка и не в принятии ими какого-нибудь одного языка в качестве главного. Коллар полагал, что существуют четыре главных славянских наречия: русское, польское, сербское (иллирское), чешское, и каждый славя-

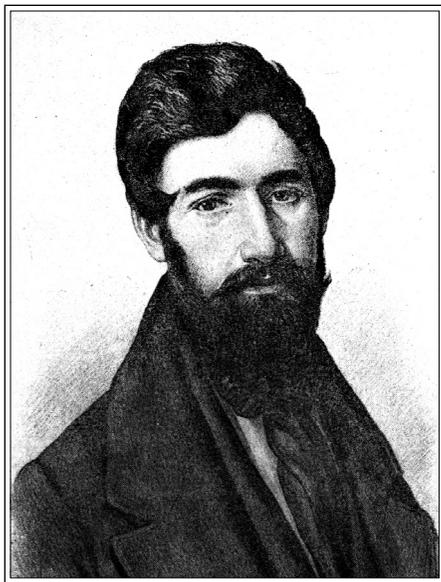
нин, стоящий на первой ступени образованности, должен их знать. Для укрепления славянской взаимности Коллар считал необходимым: создать в главных славянских городах славянские магазины, в которых можно было бы купить книгу на любом славянском языке, учредить славянские кафедры в университетах, основать общеславянский литературный журнал, издать сравнительные грамматики и словари всех славянских народов, организовать книгообмен между славянами, устранить из славянских языков чуждые им формы и слова и т.д. Эта программа находила отклик у многих славянских деятелей на протяжении всего XIX века.

Идеи Коллара по-своему интерпретировал хорватский национальный деятель Людевит Гай, основатель иллирского движения у южных славян. Опираясь на учение Коллара о четырех главных славянских наречиях, он заявил об этническом, языковом, культурном единстве всех южных славян, утверждая, что они являются единым коленом великого славянского народа. Гай полагал, что они должны иметь единый литературный язык, которым станет штокавское наречие сербскохорватского языка. На нем говорили большая часть хорватов и все сербы, его употребляли поэты и драматурги Далмации и Дубровника в период Ренессанса XVI в., на нем издавал свои сербские народные песни Вук Караджич¹¹⁴.

Концепция Гая нашла горячих сторонников среди словенцев, прежде всего в Каринтии и Штирии, где германизация словенцев шла особенно успешно. Уже каринтиец У. Ярник (1784–1844) считал Коллара выдающимся борцом и защитником Славии. В 1840-е годы активным пропагандистом идей Коллара и Гая стал ученик Ярника Матия Маяр Зильский (1809–1892), словенский этнограф, филолог, просветитель. В Штирии сочувствовали иллиризму Д. Трстеняк и особенно С. Враз (1810–1851). Причины, побудившие словенцев примкнуть к иллиризму, варьировались.

¹¹⁴ *Лещиловская И.И.* Людевит Гай // Исторические портреты. Народы Юго-Восточной Европы. Конец XVIII — середина XIX в. СПб, 2012. С. 93.

«Что это за нация, — писал 1 августа 1838 г. С. Враз Прешерну, — которая при создании своей литературы и духовного самосознания не может опереться на какую-либо возвышенную идею. И откуда мы возьмем эту идею, если будем действовать отдельно? А где наша история говорит о них?»¹¹⁵. Именно отсутствие героических традиций в словенской истории стало одной из причин отхода Вряза к иллиризму. При этом он принял его в таком виде, в котором его провозгласил Гай: он начал писать на штокавском наречии и вскоре стал лучшим хорватским поэтом периода иллиризма.

Станко Враз

Другую причину необходимости создания единого иллирского языка для всех южных славян выдвигал Маяр. «Все напрасно, — писал он Вразу, — ... пока иллирские поднаречия не сольются в единое для всех нас литературное наречие... У словенцев, которых немногим более миллиона, не может быть при всем их усердии и искренности столько писателей и читателей, сколько бы их было ... у народа, насчитывающего 10, 20, 50 или 80 миллионов душ»¹¹⁶.

Если Враз принял предложение Гая писать на штокавском наречии, то Маяр выдвинул свое предложение об общем иллирском языке. Он считал, что им должно стать наречие, на котором говорит население между Риекой и Люблянкой, т. е. переходное от хорватского к словенскому.

¹¹⁵ Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana. 1970. S. 290, 291.

¹¹⁶ Majar — Vrazu (1847) //Trezor. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb.

Человек деятельный, Маяр считал необходимым сразу же перейти к созданию общего иллирского языка, пока не сформировались окончательно словенский и хорватский литературные языки. В письме к Вразу он так писал об этом: «Если наши поднаречья окончательно установятся, так сказать ... окаменеют в своих особенностях, будет много тяжелее как-либо договориться и что-либо изменить»¹¹⁷.

Первым шагом к созданию единого иллирского языка должен был послужить общий для иллиров алфавит. Им Маяр предлагал сделать гаицу, чешский алфавит, приспособленный Гаем для хорватов. Маяра привлекала в гаице простота и то, что она была распространена среди всех католических славян Австрии. Следовательно, подчеркивал Маяр, «мы сможем читать их книги, а они наши»¹¹⁸.

Главным средством борьбы за введение гаицы в словенскую литературу для Маяра и других иллиров стала газета «Кметийске ин рокоделске новице» (*Kmetijske in rokodelske novice*. Сельскохозяйственные и ремесленные новости. 1843–1902. — далее — «Новице»), во главе которой стоял ветеринарный врач Янез Блейвейс (1808–1881). Он возглавил умеренно консервативное движение, пришедшее на смену янсенистам. Это движение имело широкую поддержку словенцев благодаря тому, что Блейвейсу удалось добиться разрешения издавать газету на словенском языке «Кметийске ин рокоделске новице», второй словенской газеты после газеты «Лубланске новице», издававшейся еще Водником в конце XVIII в. Газета Блейвейса в течение XIX в. являлась наиболее популярной газетой в словенских землях. Она публиковала статьи на самые разнообразные темы: политические, медицинские, сельскохозяйственные, культурные. Относительно словенской литературы Блейвейс выступал с позиций просветителей, считая, что главной целью литературы для народа является «обучение и душевное облагораживание». Она должна пробуждать у

¹¹⁷ Majar — Vrazu (1847) // Trezor.

¹¹⁸ Kmetijske in rokodelske novice (Novice). 1845.01.01.

Янез Блейвейс

народа любовь к национальности, к родине, императору. Книги подобного содержания должны раздаваться бесплатно или по дешевой цене. Издавать их должны национальные общества, матицы, богатые патриоты, а распространять среди народа — священники, учителя и другие честные люди¹¹⁹. Газета печаталась алфавитом, созданным протестантом Богоричем, — богоричицей.

Литературная программа Блейвейса представлялась шагом вперед по сравнению с янсенистской — у янсенистов центр тяжести лежал в религиозно-моралистической плоскости, у Блейвейса он переместился в просветительно-патриотическую область.

Маяру удалось убедить Блейвейса начать печатать некоторые статьи в газете на гаице наряду со статьями, написанными богоричицей. К концу 1847 г. гаица победила, и газета перешла на нее полностью. Правда, победа далась нелегко. В воспоминаниях Маяра, записанных в 1883 г. Петром Нессием, многие словенские литераторы были против замены богоричицы гаицей, в частности епископ А. Сломшек, который долго не мог смириться с введением гаицы. «Чтобы наконец сломить его упорство, — указывал Нессий, — все знакомые договорились по предложению Маяра, что не будут писать Сломшкеу, тогда уже епископу,

¹¹⁹ Novice. 1844. 29.05, 5.06.

пока он не примет гаицы. Приблизительно полгода Сломшек был без корреспонденции... Когда он увидел, что его старания напрасны, он тоже присоединился к новому правописанию и первым об этом известил Маяра»¹²⁰. Маяр гордился своею ролью в принятии словенцами гаицы. В письме к словенскому литератору Ю. Клейнмайру от 1880 г. он отмечал, что одной из главных своих заслуг он считает свое «активное содействие введению у словенцев правописания, которым пользуются чехи, словаки и хорваты»¹²¹.

На введении гаицы Маяр не остановился. В 1848 г. он издал книгу «Правила, как образовать иллирское наречие и общеславянский язык». В ней он указывал, что каждое поднаречье должно создать свой собственный литературный язык, а затем славянские поднаречия должны слиться в четыре главных наречия, что станет шагом к общеславянскому литературному языку.

В Каринтии сторонники иллиризма имелись уже с конца 1830-х годов. Об этом свидетельствуют, в частности, письма Маяра к лидеру хорватских иллиров Гаю. В письме от 10 марта 1840 г. Маяр сообщал, что в Целовце 10 священников собираются дважды в неделю для изучения иллирского (хорватского) языка. Об этом кружке писал 1 января 1848 г. Гаю еще один его член — Степан Корошец, который представлял Маяра как самого большого патриота и называл некоторых других членов кружка, богословов из семинарии, делавших особые успехи в изучении иллирского языка: Йосипа Таушля, Йосипа Орожена, Лесковшега, Оторепеца. Именно для этих людей Маяр подписывался у Гая на его журнал «Даницу» (*Danica ilirska*. 1835–1867) в конце 1839 г.¹²²

Бурная деятельность Маяра вызвала недовольство со стороны католических властей, и он был отправлен капел-

¹²⁰ Rokopisna zbirka Nacijnalne in univerzitetne knjižnice (далее — Rokopisna zbirka NUK). In. Št. 30/49. Osebni spomini dr. Nessija. S. 14.

¹²¹ Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30/49. Majar — Klejnmayru (1880).

¹²² Horvat J., Ravlić J. Pisma Ljudevitu Gaju. Građa za povijest književnosti hrvatske. Zagreb, 1956. S. 298, 356.

ланом в сельский приход, откуда был возвращен в Целовец в 1844 г. По возвращении Маяр снова организует кружок, на этот раз его члены занимаются изучением словенского языка. В письме к Вразу от января 1845 г. он с радостью отмечал: «У нас, в Целовце, не только я один являюсь другом словенского языка». Своими единомышленниками он считал, помимо семинаристов, профессора риторики в гимназии Карла Робиду, профессора богословия в семинарии Яворника, спиритуала в семинарии М. Пикла¹²³. Осенью 1845 г. Маяр сообщал Вразу о дальнейших успехах кружка: «Три профессора, г. спиритуал Пикл и почти все богословы принялись за словенский язык ... Около 50 нас, кто совместно покупает, владеет и читает книги. Богословы дают каждый месяц по 10 крейцеров серебра, мы, другие, по несколько гульденов в год. На эти деньги покупаются книги славянские или касающиеся славянства». Маяр с удовлетворением отмечал, что в настоящее время они имеют до 200 книг купленных и подаренных — так Метелко подарил им около 50 книг¹²⁴. По сути целовецкий кружок семинаристов являлся читальней. Члены его не ограничивались покупкой и чтением книг. В том же письме Маяр сообщал о желании патриотов установить в Целовце кафедру словенского языка, об их желании видеть в словенских землях все школы словенскими. Читальня продолжала действовать и в 1847 г. Стараниями Маяра она имела тесные связи с хорватами, с Матицей Иллирской. В конце 1847 г. Маяр сообщал Вразу: «Наиважнейшая новость такова: словенцы, особенно юноши, хотят читать «Новине» и «Даницу» (издания Гая. — *И. Ч.*) и вообще произведения иллирской литературы, и в последнее время также обычно переписываются на литературном языке (хорватском. — *И. Ч.*)»¹²⁵.

В Крайне иллиризм имел гораздо меньше сторонников, чем в Штирии и Каринтии, однако и здесь в 1839 г. возник

¹²³ Majar — Vrazu. 27.01.1845 // Trezor.

¹²⁴ Majar — Vrazu. 14.10.1845 // Trezor.

¹²⁵ Majar — Vrazu. 1847 // Trezor.

иллирский кружок во главе с А. Жакелем. Помимо него членами кружка были Ю. Кобе, Л. Пинтар, Л. Еран¹²⁶. Но большинство крайнцев стояли за самостоятельный словенский литературный язык. Так, Прешерн считал иллиризм вредной, нежизнеспособной теорией. Он писал, что если бы исполнились желания иллиров, то славяне лишились бы культуры четырех живых славянских народов: кайковских хорватов, словенцев, русинов и словаков. У них была бы отнята возможность культурно говорить, и они, следовательно, были бы осуждены оставаться в невежестве. Прешерн не верил в возможность формирования единого славянского литературного языка. «Объединение всех славян в едином литературном языке, — писал он Вразу в 1837 г., — останется, по всей вероятности, только благим пожеланием»¹²⁷.

Надежда на славянскую взаимность в борьбе за свои права у словенцев в 30–40-е годы XIX в. была более сильной, чем на помощь России. Но вместе с тем на второй период Словенского Просвещения падает возникновение контактов между русскими и словенскими учеными. После войн с Наполеоном в России увеличился интерес к славянам, и русские ученые начали ездить в славянские земли для изучения языка, обычаев, истории славян. Одним из первых побывал в славянских землях белорусский ученый Михаил Кириллович Бобровский, доктор богословия, магистр философии и филологии. Хотя он являлся униатским священником, но считал себя белорусом. Бобровский знал сирийский, халдейский, арабский, древнееврейский, греческий, латинский, старославянский, польский, русский, немецкий, французский языки. Свои письма и сочинения он писал по-латыни и по-польски, но проповеди произносил на родном языке. Бобровский придерживался достаточно радикальных взглядов — его близким другом являлся польский историк и революционер Й. Лелевель.

¹²⁶ Чепелевская Т.И. Литература эпохи Просвещения и романтизма (вторая половина XVIII в. — первая половина XIX в.) // Словенская литература (от истоков до рубежа XIX–XX веков). М., 2010. С. 134.

¹²⁷ *Prijatelj I. Duševni profili slovenskih prepovediteljev*. Ljubljana, 1935. S. 150, 151.

В 1817–1822 гг. Бобровский путешествовал по Европе, в том числе по славянским землям Австрии. Хотя его дневник путешествия и отчеты о нем утеряны, однако некоторые сведения о пребывании Бобровского в славянских землях сохранились. В «Записках о путешествии по землям славянским» он дал описание Далмации¹²⁸. В своих путевых заметках Бобровский сообщает, что 16 марта 1818 г. он встретился с Копитаром, осмотрел его собрание старопечатных славянских книг, а затем Копитар разрешил ему ознакомиться с рядом интересовавших его книг в Придворной библиотеке¹²⁹. В феврале 1819 г. Бобровский с рекомендательным письмом от Копитара поехал к Добровскому в Прагу, а затем вернулся в Вену и оттуда в мае 1819 г. отправился в Рим через Грац, Любляну, Флоренцию. В заметках Бобровский отмечал сходство словенской женской одежды и домов с белорусскими.

В Любляну Бобровский приехал 30 мая и сразу же отправился в дом барона Цойса, где должен был по просьбе Копитара передать секретарю барона две грамматики А. Мразовича. Несмотря на тяжелую болезнь, Цойс любезно принял Бобровского и говорил с ним в течение трех часов. Во время беседы Цойс утверждал, что диалекты Крайны и Штирии не отличаются друг от друга, что М. Похлин в своей грамматике искажил крайнский диалект, поскольку не опирался на труды предшественников и даже не упомянул Богорича, написавшего лучшую словенскую грамматику. «Простонародье, — продолжал свою запись разговора с Цойсом Бобровский, — сохраняет краинский диалект в самом чистом виде ... Год назад вышел императорский рескрипт, который указывает изучать в школах этот язык, отсюда в местном лицее есть профессор краинского языка и литературы, к которому приходят духовные лица и профессор

¹²⁸ Вестник Европы. 1824. № 22. С. 122–135.

¹²⁹ Наиболее выдающиеся случаи во время путешествия из Вильны в Австрию и Италию с 1817 по 1820 г., записанные по памяти Брестским кафедральным каноником кс. Михаилом Бобровским // Описание рукописного Отделения Виленской публичной библиотеки. Вып. 5. Вильна, 1906. С. 74.

пастырской теологии, уже год обучающиеся этому языку». Цойс говорил Бобровскому о своем желании издать немецко-крайний словарь, подготовленный Водником, но этому помешала смерть автора. Цойс жаловался на трудности приобретения книг Трубара, напечатанных кириллицей или глаголицей, поскольку большинство из них было сожжено духовенством. Этих книг Цойс не сумел достать, но ему удалось купить Библию Далматина, которых осталось всего 5 экземпляров. Попечителю Виленского учебного округа Адаму Чарторыйскому Бобровский сообщил, что беседу с Цойсом он может сравнить только с уроками, который ему давал Добровский. «Местные писатели, — указывал Бобровский, — почитают в нем мецената, а карниольская (крайняя. — *И. Ч.*) литература обязана ему своим возрождением и развитием». В подтверждение этих слов Бобровский приводил следующие факты: материальная помощь Цойса при издании истории Линхарта, грамматики Копитара, участие Цойса в сборе материала для словаря Водника.

Кроме Цойса Бобровский встретился в Любляне с некоторыми другими словенскими национальными деятелями, которые призвели на него самое благоприятное впечатление. «Самая встреча с представителями лица и другими литераторами, — писал Бобровский в отчете Чарторыйскому, — откровенность их речей, искренность обхождения и гостеприимство убедили меня в том, что они истинные представители славянского племени». Особо Бобровский указывал на свое знакомство с ректором Люблянской духовной семинарии, видным словенским писателем 20-х годов М. Равникаром и с Я. Зупаном. С Зупаном он вел беседы о глаголических памятниках, о сокращении количества славянской литургии в Хорватии и Далмации.

Русский славист В.А. Францев выделил двух представителей славяноведения, оказавших наибольшее влияние на профессора из Вильно, — Добровского и Копитара¹³⁰.

¹³⁰ Францев В.А. Польское славяноведение конца XVIII — первой четверти XIX в. Прага, 1906. С. 268, 269, 332.

Ягич полагает, что результаты поездки Бобровского были ничтожными для славяноведения¹³¹. С этим нельзя согласиться. В «Библиографических листах» была опубликована статья «Записка о путешествии по словенским (т.е. славянским. — И. Ч.) землям и архивам», которая являлась очень важной рекомендацией для славистов, желавших ознакомиться со славянскими народами Австрии. Большая часть сведений базировалась на личных наблюдениях Кешпена, но в разделе о южнославянских землях, в которых Кешпен не был, он использовал данные, полученные им от Бобровского. В «Записке» Кешпен прямо отсылал ученых, желавших совершить поездку по славянским землям с ученою целью, к канонику Бобровскому, который особенно много сведений может предоставить по Иллирии¹³².

Впоследствии «Запиской», написанной Кешпеном и Бобровским, пользовались русские слависты И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, П.И. Прейс, В.И. Григорович, посланные русским правительством в 40-е годы XIX в. в славянские земли для изучения славистики с тем, чтобы занять первые кафедры славянской истории и филологии в российских университетах. Бобровский опубликовал в «Библиографических листах» первые сведения о древнейшей глаголической печатной книге «Миссал по закону Римского двора» (февраль 1483 г.). Интерес Бобровского к старопечатным славянским книгам не был случаен — он собирал материал для труда «История славянских книгопечатен в Литве», который, к сожалению, был утерян.

Кроме того, Бобровский обнаружил в униатском монастыре у Белостока Супрасльскую рукопись, один из древнейших памятников старославянского языка, представлявший собою сборник житий святых, память которых праздновалась в марте, и бесед Иоанна Златоуста. Даже Ягич вынужден был признать эту его заслугу¹³³. Современный рус-

¹³¹ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб, 1910. С. 227, 229.

¹³² Библиографические листы. СПб, 1825. № 33 (30.XII). С. 474–475.

¹³³ Ягич И.В. Письма Добровского и Копитара... С. LXII.

ский историк Ю.А. Лабынцев, исследовавший деятельность М.К. Бобровского, считает его пионером отечественной и мировой славистики, самым крупным белорусским славистом и ориенталистом первой половины XIX в.¹³⁴ Точка зрения Лабынцева подтверждается тем фактом, что Бобровский был избран членом Римской академии древностей, Парижского и Лондонского азиатских обществ, Московского общества истории и древностей российских.

В 1821 г. произошло событие, которое произвело большое впечатление на словенцев и вспоминалось ими многие десятилетия. Любляна почти на пять месяцев стала центром, в котором вершилась европейская политика. Это было связано с проведением в ней Лайбахского (Люблянского) конгресса Священного союза, который проходил там с 10 января по 22 мая 1821 г. Целью его являлась организация подавления революционных выступлений в двух итальянских государствах: Королевстве двух Сицилий (или Неополитанском) и в Пьемонте и возвращение туда прежних абсолютистских режимов.

Из России на конгресс прибыл император Александр I с внушительной свитой, в состав которой входили крупные дипломаты и военные: два министра иностранных дел — И. Каподистрия и К.В. Нессельроде, русский посол во Франции К.О. Поццо ди Борго, генералы П.М. Волконский, И.И. Дибич, А.П. Ермолов и др. Всего свита Александра I насчитывала около 80 человек¹³⁵. Спустя несколько лет англичанин Тобин побывал в Любляне, и местные жители ему рассказывали, что во время пребывания русских в словенских землях словенцы и русские хорошо понимали друг друга¹³⁶. В 1860 г. русский славянофил И.С. Аксаков, путешествовавший по южнославянским землям, встретился в Мариборе с пожилым словенским чиновником, который

¹³⁴ Лабынцев Ю.А. Первая книга, напечатанная глаголицей, и ее исследователь Михаил Бобровский // Советское славяноведение. 1983. № 4. С. 88.

¹³⁵ Кирилина Л.А. Александр I на Лайбахском конгрессе 1821 г. // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границей. М.—СПб, 2016. С. 113.

¹³⁶ Mal J. Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1928. S. 296.

рассказал ему о Лайбахском конгрессе. Согласно воспоминаниям Аксакова, тот также сообщил, что «все офицеры русс[кие], вся его (императорская. — *И. Ч.*) свита недели через две свободно понимали крайнцев, а они русских»¹³⁷.

То, что русские и словенцы хорошо понимали друг друга, делало возможным свободное общение между ними. Некоторые представители словенской интеллигенции пытались вести с русскими даже научные споры. Так, Я. Зупан имел беседу с русским князем П.Л. (предположительно — Петр Лопухин¹³⁸), о содержании которой он опубликовал заметку в газете «Иллиришес блат» (*Illirisches blatt*) в 1831 г. В статье Зупан рассказывал о своем споре с князем по поводу того, чей язык чище, а следовательно, и ближе к старославянскому, русский или словенский (крайнский) языки. П.Л. высказал мнение, что крайнский язык является испорченным славянским наречием. «Я возразил, — пишет Зупан, — хотя и взволнованно, но с почтением, подобающим такому оппоненту: “Позвольте, Ваша светлость, смею ли предложить несколько вопросов в ответ? Какое из ныне употребляемых славянских наречий должно считаться наименее испорченным? Разве не то, которое наиболее близко церковнославянскому?” Князь: “Само собой разумеется”». И затем Зупан указал, что в словенском языке, как и в церковно-славянском, одинаково произносятся слова «млеко», «крава», «глава», «конь», «пес», в то время как по-русски они звучат: молоко, корова, голова, лошадь, собака. «Князь признал большую схожесть крайнского языка с церковнославянским, чем русского, и признал себя побежденным»¹³⁹.

Особое внимание люблянцев привлекала фигура русского царя Александра I. Современник конгресса, тогда еще молодой чиновник, Хенрик Коста, подробно описавший в своем дневнике события Лайбахского конгресса, отмечал, что царь часто гулял по городу и его окрестностям в простой городской

¹³⁷ ОР ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 6.

¹³⁸ Кирилина Л.А. Александр I ... С. 117.

¹³⁹ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914). М., 2010. С. 94.

одежде и расспрашивал обо всем, что казалось ему важным. «Даже наш крайнско-славянский диалект он не оставил без внимания»¹⁴⁰. Об отношениях Александра I, сложившихся у него с простыми люблянцами, писал в 1860 г. И.С. Аксаков. «Он (Александр I. — И. Ч.), — передавал И.С. Аксаков рассказ пожилого чиновника, — был здесь очень популярен, был самый доступный, обходительный и человечный из всех монархов. Хотя я и не большой почитатель Алекс[андра] I-го, но все же он был здесь представителем России, и это меня очень порадовало»¹⁴¹.

Александр I

В 1858 г. молодой словенский писатель и этнограф Янез Трдина собирал сведения о словенской возлюбленной русского царя девушке Маричке, которая считалась лучшей прачкой в Любляне и была приставлена к Александру I для стирки. С русским царем она разговаривала по-словенски, а он с ней по-русски, и они хорошо понимали друг друга. Вообще Александр, писал Трдина, «часто общался с нашими сородичами. Ему это нравилось уже потому, что он понимал их». По словам Трдины, Маричка имела от царя сына. После отъезда из Любляны он посылал ей ежегодно 600 голд., через 2–3 года после его смерти Николай I прекратил эту выплату¹⁴². Кроме того, Александр I подарил

¹⁴⁰ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914). М., 2010. С. 91.

¹⁴¹ ОР ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 3. Оп. 5 Д. 25. Л. 5 об.

¹⁴² Кирилина Л.А. Александр I... С. 118.

Маричке дом недалеко от Любляны. Еще в 70-е годы XX в. в нем находился трактир «Руски цар», в котором, по преданию, хозяевами были потомки русского царя.

Словенский историк Й. Мал приводит сведения о некоем двадцатилетнем ученике Йожефе Павличе, сыне чиновника из Шмарья, который просил русского царя взять его в Россию. Тот отослал его за ответом к князю Волконскому. Люблянская полиция докладывала австрийскому императору, что Павлича после его посещения князя, ждали на улице несколько учеников, которые спрашивали его, чем закончился его разговор с князем, так как они сами хотели поступить на русскую службу¹⁴³.

Слухи о популярности русского царя среди словенцев дошли через сто лет и до Ф.Л. Тумы, словенского либерала, жившего во время Первой мировой войны в России. Он отправил в 1916 г. записку в Министерство иностранных дел России, в которой рассказывал о Лайбахском конгрессе и отмечал, что Александр I «был самой популярной личностью» и что «популярность его происходила только от того, что он был славянской крови»¹⁴⁴.

Помимо всего этого популярности русского царя способствовала его невиданная щедрость. В дневнике Косты описываются дары Александра I ряду люблянцев, как выдающихся, так и простых. Например, люблянский епископ получил крест, украшенный драгоценными камнями, стоимостью 5000 или 6000 голдинеров и цепь к нему, а художник, написавший для русского и австрийского императоров пейзажи люблянских окрестностей, — золотые часы с цепочкой. Сам Коста был награжден царем за три романа, написанных им на темы из истории Российского государства с посвящением русскому императору, 25 золотых дукатов. «Царь многих одарил деньгами», — заканчивал свой длинный перечень царских подарков люблянцам Коста¹⁴⁵.

¹⁴³ *Mal J. Zgodovina slovenskega naroda. S. 296.*

¹⁴⁴ *Кирилина Л.А. Александр I... С. 119.*

¹⁴⁵ Там же. С. 118.

Несмотря на ухудшившиеся политические условия русско-словенские культурные, особенно научные, связи в 1820-е годы продолжали развиваться. Одной из причин этого стало возникновение в России научного славистического центра, получившего в историографии название кружок Румянцева. В 1811 г. граф Николай Петрович Румянцев, сын знаменитого екатерининского фельдмаршала, испросил у Александра I разрешение издать за свой счет все русские государственные грамоты. Назначенный в 1809 г. царем канцлером, он в 1814 г. ушел в отставку и занялся изучением и изданием документов по русской и славянской истории. Его ближайшими помощниками в этом деле стали управляющий Московской государственной коллегии архивов иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский, его преемник на этом посту А.Ф. Малиновский, ученые К.Ф. Калайдович, П.М. Строев. К кружку Румянцева примыкали профессор Московского университета М.Т. Каченовский, епископ Калужский, а затем Киевский Евгений Болховитинов, а также петербуржцы — хранитель рукописного отделения Публичной библиотеки в Петербурге А.И. Ермалаев, помощник хранителя рукописного отделения Публичной библиотеки А.Х. Востоков, П.И. Кеппен и др. Деятельность кружка Румянцева способствовала заложению основ научного славяноведения в России, и именно его члены стали первыми, кто установил постоянные связи со словенскими учеными. Главным корреспондентом со стороны словенцев был Е. Копитар.

Е. Копитар в 1820-е годы уже приобрел славу одного из выдающихся филологов Европы. Русские слависты, выезжая в Европу для пополнения своих знаний, старались с ним пообщаться. Со своей стороны Копитар, будучи серьезным ученым, старался внимательно следить за развитием славистики, а российская славистика, делавшая только первые шаги, не могла не привлечь внимания знаменитого слависта, несмотря на его русофобские настроения.

Вопрос о русофобии Копитара занимал многих ученых. Словенский литературовед Л. Легиша писал, что Копитар не любил Россию за отсталость и феодальные порядки¹⁴⁶. К такому же мнению склонялся и Ягич¹⁴⁷. Русский ученый Н.М. Петровский считал, что причиной плохого отношения Копитара к России являлось слабое развитие в ней просвещения и малочисленность серьезных русских ученых. Однако против того, что Копитару не нравились порядки в России, Петровский возражал: «Ссылки Копитара на крепостное право как на причину его нерасположения к России едва ли имеют серьезное значение»¹⁴⁸. Это замечание Петровского, по нашему мнению, вполне справедливо. Ведь меттерниховская Австрия, которую любил и защищал Копитар, не так уж далеко ушла от России по пути прогресса. Другая причина, которую выдвинул Ягич, объясняя русофобство Копитара, кажется нам более весомой: являясь австрофилом, Копитар завидовал России ее успехам в науке и политике, видел в ней главную соперницу Австрии на Балканах. Неприязненное отношение Копитара к России дало повод словенскому ученому Й. Погачнику прийти к сомнительному выводу. «С русскими каких-либо приятельских связей он не имел, — утверждает Погачник, — ведь его австрославистская концепция по сути своей была враждебна русскому царизму, о тогдашних русских славистах он имел довольно низкое мнение». Здесь смешаны два понятия — царизм и русские ученые, между которыми поставлен знак равенства. Кроме того, если Копитар не ко всем русским ученым относился с уважением, то о некоторых из них он был самого высокого мнения. Об этом пишет и сам Погачник¹⁴⁹.

Петр Иванович Кешпен (1793–1864) был первым из русских ученых, с кем Копитар завязал постоянные сноше-

¹⁴⁶ *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva. Zv. 2. Ljubljana, 1959. S. 30.*

¹⁴⁷ *Ягич И.В. Письма Добровского и Копитара в повременном порядке // Сборник ОРЯС. Т. 39. СПб, 1885.*

¹⁴⁸ *Петровский Н.М. Первые годы... С. 744.*

¹⁴⁹ *Pogačnik J. Jernej Kopitar. S. 36, 45.*

ния. Кеппен не был выдающимся ученым, Ягич называл его «просвещенным дилетантом». В этом определении есть доля истины. Но прав и советский исследователь С.Г. Потепалов, отметивший, что «Кеппен стоит у истоков отечественной славистики». Главную заслугу Кеппена Потепалов видел в том, что он первым из русских ученых установил связи с ведущими представителями славянской науки и тем самым заложил основы дальнейшего сотрудничества между русскими и зарубежными славистами. Кроме того, Кеппен был издателем и редактором первого органа русского славяноведения «Библиографические листы» и, наконец, благодаря его усилиям были опубликованы и блестяще объяснены Востоковым Фрейзинские отрывки, древнейший памятник словенского языка¹⁵⁰.

Таким образом, Потепалов совершенно справедливо подчеркивал организаторскую роль Кеппена в становлении русско-словенских научных связей.

Из всех словенских ученых Кеппен общался только с Копитаром. Первая их встреча состоялась в 1822 г. Кеппену удалось сблизиться с Копитаром благодаря рекомендательному письму от его тестя Ф.П. Аделунга, воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей. Внешне их отношения складывались благоприятно. «Особенно оживленными были его сношения с Копитаром, — сообщает сын П.И. Кеппена Ф.П. Кеппен, — с которым он часто виделся и нередко проводил вечера в любимой его гостинице “У белого волка”»¹⁵¹. Сам П.И. Кеппен в своей автобиографии тоже отмечал, что в Вене он «удостоился приятни и благосклонного внимания славистов Копитара и Вука Стефановича (Жараджича. — *И. Ч.*)»¹⁵².

Копитар рассказал Кеппену о нахождении в городе Фрейзинг, старом епископском центре, древней славянской рукописи, которая получила название Фрейзинские

¹⁵⁰ Потепалов С.Г. О роли П.И. Кеппена в истории русско-славянских культурных связей в 20–30 годах XIX в. // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. М., 1962. С. 177–211.

¹⁵¹ Кеппен Ф.П. Биография П.И. Кеппена // Сборник ОРЯС. Т. 89. № 5. СПб, 1911. С. 32, 51, 59.

¹⁵² Юбилей Петра Ивановича Кеппена 29 декабря 1859. Приложения. СПб, 1860. С. 5, 6.

отрывки. Они представляют собою три религиозных текста в рукописной обрядной книге фрейзингского епископа Абрахама (умер 944), активно проводившего миссионерскую деятельность в словенских землях. Фрейзингские отрывки — первый памятник славянского языка, написанный латиницей, были найдены в 1803 г. и скопированы в 1812 г. Добровским. Кеппен съездил в Фрейзинг и тоже скопировал их. Фрейзингские отрывки мечтал опубликовать Копитар — ведь это был, по его мнению, старейший памятник его родного языка. Задумав издать Фрейзингские отрывки, Кеппен не только сообщил об этом Копитару, но и предложил ему принять участие в этом издании. Копитар на предложение не ответил, но Добровского не преминул предупредить 29 ноября 1826 г.: «Но одно меня сокрушает, чтобы Вы не предложили сокровищницы Вашего знания этим невеждам для объяснения исключительно нашего достояния. Кроме Вас, не боюсь никого. Знаю, что опасен Востоков, но только руководимый Вами»¹⁵³

Объяснение Фрейзингских отрывков взял на себя Александр Христофорович Востоков (1781–1864). С 1815 по 1844 г. он работал в Публичной библиотеке в Петербурге сначала помощником хранителя рукописного отделения, а затем хранителем. Одновременно с 1824 по 1844 г. Востоков был библиотекарем в библиотеке графа Н.П. Румянцева, описывал принадлежащие ему рукописи. Славу ему выдающегося слависта принесла его статья «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оног письменным памятникам»¹⁵⁴. Эту статью привез в Вену П.И. Кеппен и подарил ее Копитару, который высоко оценил ее. Получив в подарок от Кеппена еще ряд книг, вышедших в России, Копитар написал Добровскому 25 марта 1822 г., приглашая его в Вену для ознакомления с ними, отме-

¹⁵³ Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 175.

¹⁵⁴ Цейтлин Р.М. Востоков Александр Христофорович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 111–112.

тив, что «самая любопытная вещь — статья Востокова»¹⁵⁵. В том же 1822 г. Копитар в «Винер Ярбюхер фюр литератур (Wiener Jahrbücher für Literatur. Венский литературный ежегодник)» поставил имя Востокова рядом с именем Добровского, написав: «Мы из пределов бывшей епархии св. Мефодия с радостным энтузиазмом встречаем давно желанную денницу настоящей славянской филологии на восточном небосклоне славянской земли и сердечно приветствуем Добровского и Востокова с их результатами, правда вытекавшими из различных источников, но в общем так прекрасно согласующимися между собою»¹⁵⁶.

Востоков никогда не бывал в словенских землях или Вене, никогда не встречался ни с Копитаром, ни с другими словенскими учеными, но значение его в развитии русско-словенских связей достаточно ощутимо. И главная его заслуга заключается в написании им «Грамматических объяснений» к изданию Фрейзингских отрывков, предпринятому Кепшеном на деньги Румянцева. Публикация вышла в 1827 г. в Петербурге под заглавием: «П.И. Кепшен. Собрание словенских памятников, находящихся вне России». В издании были помещены факсимиле Фрейзингских отрывков, а затем они были напечатаны латинским и кирилловским шрифтами. Помимо этого имелось предисловие, «Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингской рукописи» Востокова. В начале своей статьи Востоков указывал, что Фрейзингские отрывки с комментариями намеревался издать Копитар и что он (Востоков), не входя с ним в состязание, «рад будет, ежели трудом своим сколько-нибудь облегчит исследования г. Копитара». Востоков выражал надежду, что крайнский ученый даст рукописи более удовлетворительные комментарии¹⁵⁷. На этот призыв Востокова Копитар ответил в 1836 г. в своей публикации глаголического

¹⁵⁵ Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 200.

¹⁵⁶ Там же. С. 167.

¹⁵⁷ Срезневский И.И. Филологические наблюдения А.Х. Востокова: (Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи). СПб, 1865. С. 7, 8.

памятника старославянского языка Глаголита Клоцианус. В приложении к ней он поместил Фрейзингские отрывки с «Грамматическими объяснениями» Востокова, снабдив их своим примечанием. Отметив, что ему не хватало времени для того, чтобы самому издать их, Копитар писал: «И мы отнюдь не обескуражены, но даже приветствуем то, что [нас] опередили весьма дружественные [нам] русские П. Кепшен и Ал. Востоков, которые в 1827 году среди прочих “Славянских памятников” издали в Петербурге также и эти Фрейзингенские памятники, причем не только все тексты сами по себе, но и объяснение к ним, основанное на тщательном изучении и поразительных знаниях. Так что нам едва ли остается что-либо иное, как точно, в нашей копии, добавить к нашим прочим памятникам в высшей степени необходимую часть их редкого у нас издания»¹⁵⁸.

По-видимому, о существовании Фрейзингских отрывков Кепшен и Востоков знали до поездки Кепшена в Австрию. На это указывает переписка Румянцева с Востоковым в первой половине 1822 г. Румянцев послал ученому список книг, которые он выписал из Вены, все, «что там напечатано, было на пользу разных колен славянского племени, дома Австрийского подданных». В ответном письме от 1 мая 1822 г. Востоков отметил 12 книг, которыми он хотел бы воспользоваться, в том числе 7 книг на словенском языке или посвященных словенскому языку и словенцам¹⁵⁹. Такое внимание к словенскому языку можно объяснить и тем, что еще до отъезда Кепшена в Вену Востоков и Кепшен запланировали издание Фрейзингских отрывков. О существовании рукописи они могли узнать из сборника Добровского «Слованка», который вышел в свет в 1815 г. и где он рассказал об этой рукописи.

Издание Фрейзингских отрывков и объяснение к ним Востокова были высоко оценены научной общественностью.

¹⁵⁸ Срезневский И.И. Обзорение научных трудов А.Х. Востокова. С. 23, 24.

¹⁵⁹ Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке // Сборник ОРЯС. 1873. С. 24, 26, 27.

А.А. Кочубинский назвал их гордостью молодой русской науки¹⁶⁰. И.И. Срезневский справедливо указывал: «До того времени ни один памятник не был издан столь тщательно и учено, и после очень немногие были подвергнуты такому разбору и не были объясняемы так внимательно»¹⁶¹. Известный словенский лингвист первой половины XX в. Р. Нахтигал назвал это издание образцовым¹⁶².

Встречи Кеппена со славянскими учеными привели его к мысли о необходимости издания славистического журнала, объединявшего всех славистов. С помощью Румянцева ему удалось добиться разрешения на это издание. В октябре 1824 г. Кеппен дал объявление о выходе в свет «Библиографических листов», где четко формулировал цели предполагаемого журнала. «Главное назначение сих листов, — писал он, — состоит в том, чтобы сообщать полные заглавия новых книг, на разных языках в России издаваемых, и предлагать краткое изложение их содержания. По мере возможности к сему присовокупляемы будут и суждения о достоинстве ученых произведений»¹⁶³. В предисловии к «Библиографическим листам» Кеппен перечислял тех славистов, которые согласились участвовать в них: М.К. Бобровский (Вильно), Й. Добровский (Прага), В. Ганка (Прага), А.И. Ермолаев (С.-Петербург), К.Ф. Калайдович (Москва), В. Караджич (Вена), Я. Коллар (Пешт и Вена), Е. Копитар (Вена), С. Линде (Варшава), П. Шафарик (Нови-Сад). «Тогда, в 1825 г., — вспоминал впоследствии Кеппен, — мне некоторым образом удалось сосредоточить здесь, в С.-Петербурге, сведения о трудах разных словенских (славянских. — *И. Ч.*) литераторов. Мне к этому подали руку помощи ученые из крайнцев, сербов, богемцев, словаков, русняков и поляков»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 204.

¹⁶¹ Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова... С. 432.

¹⁶² Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949. S. 20.

¹⁶³ Библиографические листы. Объявление.

¹⁶⁴ Кеппен П.И. Литература славянских народов // ЖМНП. 1836. № 2. С. 423.

«Библиографические листы» издавались с января 1825 г. по август 1826 г. Кроме рецензий и отзывов в них были опубликованы ряд важных статей, в том числе: описание Востоковым Супрасльской рукописи, перечень старопечатных славянских книг, составленный Кеппеном и Востоковым, заметки о литовском языке и др. В «Библиографических листах» из словенцев сотрудничал только Копитар. И те материалы о словенцах, которые были помещены в них, так или иначе были связаны с ним. Так, скорее всего от Копитара были получены грамматики Дайнко и Метелко, на которые Кеппен написал рецензии. О грамматике Дайнко Кеппен писал, что она является шагом назад по сравнению с грамматикой Копитара, хотя и хвалил автора за введение новых правил на основании разговорной речи. Новую азбуку Дайнко Кеппен считал неудачной, поскольку она «более служит к отделению их (штирийцев. — *И. Ч.*) от ближайших соседей (крайнецев. — *И. Ч.*)»¹⁶⁵. В следующем году Кеппен поместил в «Библиографических листах» отзыв на грамматику Метелко. Он пересказал ее содержание и отметил, что Метелко создал свой алфавит, противопоставив его алфавиту Дайнко¹⁶⁶.

Что касается других русских славистов, то они оценивали грамматику Метелко высоко, например И.И. Срезневский. А И.А. Бодуэн де Куртенэ считал ее лучшей из всех словенских грамматик¹⁶⁷.

Уже в № 1 «Библиографических листов» в большой статье «Словенская (славянская. — *И. Ч.*) литература» была кратко описана деятельность П. Трубара и давалась оценка словенским реформаторам. «Бескорыстной ревности Трубара, — говорилось в статье, — щедротам барона Унгнада и христианскому трудолюбию Георгия Далматина юго-западные словене обязаны как переводом Священного

¹⁶⁵ Библиографические листы. 1825. № 18 (29.06). С. 255–257.

¹⁶⁶ Библиографические листы. 1826. № 39 (31.03). С. 584, 585.

¹⁶⁷ *Grafenauer I.* Stolica za slovenski jezik na ljubljanskem liceju in slomšekovi tečajji v celovskem semenišču // *Zgodovinski časopis.* 1958 /1959. S. 277.

писания, так и вообще основанием своей словесности»¹⁶⁸. В перечне старопечатных славянских книг, данном в ряде номеров журнала, упоминались 29 книг, изданных словенскими реформаторами. Несомненно, материалы об этом были предоставлены Е. Копитаром.

«Библиографические листы» вскоре прекратили свое существование. Причиной этого были преследование церковных властей, но главным образом смерть Н.П. Румянцева, содержавшего их за свой счет.

«Библиографические листы» получили в историографии самую высокую оценку. Современник их и один из авторов Добровский писал 14 января 1826 г. Кеппену: «Ваши “Листы” полны для меня интереса и поучают о многом, что было нам здесь совсем неизвестно»¹⁶⁹. В. Ягич отмечал, что Кеппен издавал «очень замечательные и очень полезные...» Библиографические листы», в которых сообщалось много критико-библиографических сведений не только из русской, но также и из прочих славянских литератур»¹⁷⁰. Советский исследователь жизни и деятельности П.И. Кеппена С.Г. Потепалов считает «Библиографические листы» подлинным органом русского славяноведения. «Издания, — заключает он, — в котором бы столь блестяще была поставлена информация о новейших достижениях науки о славянах, мы не имеем, к сожалению, и сейчас»¹⁷¹.

После прекращения выхода «Библиографических листов» контакты Кеппена с Копитаром не прекратились, но в них преобладала одна сторона — обмен книгами. И это было чрезвычайно важно: почтовые сношения между Австрией и Россией стоили очень дорого. Контакты между русскими и австрийскими учеными осуществлялись через русское посольство в Вене, через русских путешественников. Добровский так писал об этом Кеппену: «Посольство ниче-

¹⁶⁸ Библиографические листы. 1825. № 1 (6.01). С. 7.

¹⁶⁹ Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 206.

¹⁷⁰ Ягич И.В. История славянской филологии. С. 225.

¹⁷¹ Потепалов С.Г. О роли П.И. Кеппена... С. 186, 201.

го не принимает, путешественники редки. На курьера рассчитывать нельзя». Выписка книг по почте стоила очень дорого, и ее мог себе позволить только очень богатый человек, как, например, граф Румянцев¹⁷². В 1830-е годы положение не изменилось. М.П. Погодин отмечал, что «общая жалоба всех этих господ (славянских ученых. — И. Ч.) на затруднительность и почти, можно сказать, невозможность порядочных сношений с Россиею, которой литература их крайне интересует»¹⁷³.

Копитар получал книги от Кепшена не только для себя, но и для Добровского и Ганки. В письме от 21 августа 1826 г. Копитар сообщал Добровскому о посылке ему и Ганке от Кепшена через Бентковского трех пакетов книг. 30 мая 1827 г. Копитар снова сообщал Добровскому о получении для него от Кепшена пакета книг¹⁷⁴.

Кепшен пытался по мере сил помочь своим зарубежным друзьям. По просьбе Копитара Кепшен ходатайствовал перед министром народного просвещения А.С. Шишковым о пенсии для Вука Караджича. Это ходатайство было удовлетворено благодаря хлопотам Шишкова перед Николаем I. В результате с 1826 г. до конца жизни Караджич получал ежегодную пенсию в 100 дукатов (червонцев). Сам Копитар не без содействия Кепшена был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук¹⁷⁵. По просьбе Шишкова в 1826 г. Кепшен спрашивал у Копитара, Шафарика и Ганки, желают ли они занять славянские кафедры в русских университетах, которые предполагалось там открыть. Копитар отказался поехать в Россию. Летом 1827 г. Кепшен уехал в Крым и связи его с Копитаром прервались¹⁷⁶.

Кепшен до конца своей жизни не знал о пренебрежительном отношении к нему Копитара. Только публикация

¹⁷² Кочубинский А.А. Начальные годы... С. 220–224.

¹⁷³ Погодин М.П. Иностранная литература славянских наречий // ЖМНП. 1839. № 1. С. 213, 214.

¹⁷⁴ Ягич И.В. Письма Добровского и Копитара. С. 553, 602.

¹⁷⁵ Плетнев П.А. Отчет имп. Акад. Наук по отделению русского языка и словесности. 29.12. 1844 // ЖМНП. 1845. № 2. С. 39.

¹⁷⁶ Кеппен Ф.П. Биография П.И. Кеппена. С. 112–114.

писем Добровского и Копитара, осуществленная Ягичем, показала, как мало уважал Копитар своего русского корреспондента.

Отношения Копитара и Востокова складывались совсем по-иному. Они никогда не встречались друг с другом, вместе с тем их научные интересы совпадали. В 1830 г. Копитар нашел в библиотеке графа Клоца древнюю глаголическую рукопись, вошедшую в науку под названием Глаголита Клоцианус. Задумав ее издать, Копитар 26 сентября 1830 г. написал письмо Востокову, прося его помощи. «Вы самый опытный человек в этом деле», — отмечал Копитар¹⁷⁷. Для издания Глаголиты Клоцианус Копитару потребовались старославянские памятники письменности, прежде всего Супрасльская рукопись, о которой Копитар знал из бесед с Бобровским и из описания ее Востоковым, опубликованного в «Библиографических листах». Востоков написал Бобровскому о просьбе Копитара в мае 1831 г. «Вам известно, может быть, уже, — писал Востоков, — что г. Копитар, ученый словенский филолог в Вене, открыл недавно глаголическую рукопись, замечательную по древности языка и по правописанию ее, которое согласно с правописанием Остромирова Евангелия и Вашей Супрасльской рукописи. Г. Копитар желает издать в свет свою находку с надлежащими учеными пояснениями и на сей конец просил меня сообщить ему из древнейших кирилловских рукописей верные копии тех самых статей, отрывки которых помещены в его глаголит. кодексе ... Вы, М[илостивый] Г[осударь], оказали бы величайшую услугу г. Копитару и всем любителям словенского языка, если бы сообщили ему копию с показанных выше трех статей Супрасльской рукописи». Востоков добавлял, что Копитар обещал заплатить переписчику. На это письмо Бобровский не ответил. В октябре 1831 г. Копитар снова обратился к Востокову с просьбой достать для него копии статей Супрасльской рукописи, а Востоков в свою очередь

¹⁷⁷ Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова. С. 280, 281.

написал об этом Бобровскому. 5 ноября 1831 г. Бобровский ответил Востокову, что рукописи у него на руках нет¹⁷⁸. В своей «Истории славянской филологии» Ягич утверждает, что в 1830–1831 гг. Востоков послал Копитару «различные полезные выписки, между прочим, из Супрасльской рукописи». Последнее письмо Востокову Копитар послал 28 июня 1844 г., то есть буквально за полтора месяца до своей смерти, последовавшей 11 августа 1844 г.

В какой-то степени общение с Востоковым заменило Копитару его переписку с Добровским, скончавшимся в 1829 г. «И я полагаю, что поскольку в Вашем распоряжении, — писал Копитар Востокову 29 апреля 1841 г., — находится больше вспомогательных средств по нашей специальности, чем располагаем мы, все вместе взятые, то мы с Вами вместе заменим его (т. е. Добровского. — *И. Ч.*)»¹⁷⁹.

Глаголита Клоцианус была издана в 1836 г. Ее издание поставило на научную основу изучение глаголицы. В публикации Копитар высказал мнение, что глаголица старше кириллицы и является варварскою азбукой славян, которою они пользовались до прихода к ним Кирилла и Мефодия. Его мнение противоречило взглядам Добровского, который считал, что глаголица появилась у славян уже позже кириллицы. Помимо Глаголиты Клоцианус в издании Копитара были опубликованы Фрейзингские отрывки и выдержки из Остромирова Евангелия.

Публикация Копитара вызвала отклик со стороны славистов. М.П. Погодин в 1836 г. побывал в Вене, где беседовал с Копитаром о его издании. И уже в том же году еще до выхода публикации в свет в статье «Иноземная литература славянских наречий» поместил свой отзыв о ней. «В комментариях к этой рукописи, — писал Погодин, — Копитар снова будет доказывать, что глаголитские письма гораздо древнее кирилловских ... Теперь кто прав, Добровский или Копитар? Не знаю. Во всяком случае про-

¹⁷⁸ Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова. С. 291–296.

¹⁷⁹ Там же. С. 348, 349.

честь любопытно»¹⁸⁰. Один из первых русских славистов П.И. Прейс высказался о комментариях Копитара не слишком воодушевленно. «Glagolita Clozianus, — отмечал он в черновой заметке о своих занятиях в 1823–1839 гг. — думал я, объяснит мне многое ... К сожалению, я нашел здесь только то, что сей последний уже прежде говорил в «Wiener Jahrbücher» (Венский ежегодник), и то, что заимствовано из трудов А.Х. Востокова»¹⁸¹. И.И. Срезневский сомневался в более древнем происхождении глаголицы, а В.И. Григорович поддержал мнение словенского ученого¹⁸².

Ягич приветствовал издание Глаголиты Клоцианус, однако упрекал Копитара, что он в своих грамматических замечаниях недалеко ушел от Добровского, не используя даже исследования Востокова в отношении церковнославянского языка. Исторические замечания Копитара Ягич считал предвзятыми, полностью соответствующими его паннонской теории¹⁸³.

Каковы бы не были недостатки публикации Глаголиты Клоцианус, она сыграла большую роль в развитии славистики, предоставив ученым один из древнейших памятников славянской письменности. Императорская Санкт-Петербургская Академия наук присудила Копитару за этот труд большую золотую медаль. Копитар обменял ее на деньги, которые разделил между В. Караджичем и П. Шафариком.

Супрасльскую рукопись Копитар получил от Бобровского уже после выхода в свет Глаголиты Клоцианус: первую часть в 1836 г., а вторую — в 1839. По словам Срезневского, эта рукопись была послана Копитару благодаря стараниям Востокова. Копитар лично переписал всю рукопись, но отослал Бобровскому только первую часть, оставив вторую

¹⁸⁰ *Погодин М.П.* Иноземная литература славянских наречий // ЖМНП. 1836. № 1. С. 215.

¹⁸¹ Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафарыку, Куршату и др. (1836–1846). СПб, 1892. С. 14.

¹⁸² *Срезневский И.И.* О глаголитской письменности // Известия ОРЯС. 1852. Т. 1. С. 353–358; *Григорович В.И.* О древней письменности славян // ЖМНП. 1852. № 3. С. 165.

¹⁸³ *Ягич И.В.* История славянской филологии. С. 203, 204.

у себя. Однако опубликовать ее Копитару не удалось — это сделал его ученик Ф. Миклошич в 1852 г.

В 1835 г. произошло первое путешествие за границу историка М.П. Погодина (1800–1875). В центре его интересов стояла история России, но его интересовала и славистика. Вместе с С.П. Шевыревым он перевел на русский язык книгу Добровского о Кирилле и Мефодии. В 1827 г. Погодин издавал журнал «Московский вестник», на страницах которого помещались статьи по славянской тематике. Так, в нем сообщалось о новом издании анонимной хроники IX в. «Об обращении баварцев и хорутан в христианство», пересказывалось мнение Добровского о разделении славянского языка на наречия, публиковалась рецензия на «Собрание словенских памятников, находящихся вне России», изданного Кеппенем и Востоковым, и др. В 1835 г. Погодин побывал в Праге и Вене, где познакомился с чешскими будителями Й. Юнгманом, Ф. Палацким, В. Ганкой, а также В. Караджичем и Копитаром. Главное, о чем они договорились, — налаживание книгообмена. Спустя несколько лет Погодин признавался, что его коллеги сумели достать для него только 10 книг из своих дуплетов и случайных покупок. Среди своих дарителей он указывал на Копитара, Шафарика, Ганку, Караджича¹⁸⁴. Во время своего приезда в Австрию в 1839 г. Погодин снова побывал в Вене, где общался с Копитаром и Караджичем. К этому времени отношения между чешскими учеными и Копитаром ухудшились, и Погодин от чехов услышал неблагоприятные отзывы о словенском ученом. Несмотря на дружеские отношения с чехами, Погодин не встал на их точку зрения. «Он (Копитар. — *И. Ч.*) не разделяет славянских восторгов, — отмечал Погодин, — не верит никакой лучшей будущности для славянских народов, выражает резко свои мнения и поэтому подвергается разным подозрениям. Я не верю им, потому что Копитар любит славянский язык, за-

¹⁸⁴ Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки (далее — ОР ГНБ). Ф. 588. Оп. 1. Д. 16.

нимается им беспрестанно и принимает живое участие во всяком новом открытии. К его характеристике прибавить надо, что он пылкий католик в душе и имеет нечто вольтеровское, саркастическое во взгляде на предметы. Жаль, что такой знаменитый славянин находится в неприязненных, хотя только и повидимому, отношениях к своим единоплеменникам и встречает насмешками и недоверчивостью все самые радостные для них явления. Повторяю, это происходит из его характера и убеждения, а не из умыслов и из видов»¹⁸⁵.

Рубежом в развитии русского славяноведения явился 1835 год, когда был принят новый университетский устав, согласно которому в четырех российских университетах (С.-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском) предполагалось открыть кафедры истории и литературы славянских наречий. Для замещения должности профессоров на этих кафедрах избраны были четверо молодых ученых, которые на казенный счет отправлялись за границу в славянские земли для совершенствования своих знаний по славистике. Это были: Осип Максимович Бодянский, Петр Иванович Прейс, Измаил Иванович Срезневский, Виктор Иванович Григорович.

Первым поехал в научное путешествие О.М. Бодянский (1808–1877), ученик М.Т. Каченовского, профессора Московского университета. Он находился в славянских землях Австрии 5 лет, начиная с 1837 г. За это время Бодянский побывал в Чехии, Моравии, Словакии, в землях лужицких сербов, в Вене и Пеште. Бодянский хотел поехать и в словенские земли, в Хорутанию, о чем он писал Погодину осенью 1838 г. и весной 1839 г.¹⁸⁶. Но ему так и не удалось попасть туда, поскольку он серьезно заболел. С 1842 г. после смерти Каченовского он занимал славянскую кафедру в Московском университете.

¹⁸⁵ Погодин М.П. Дорожный дневник. Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1836–1861). М., 1870. С. XI, XII.

¹⁸⁶ Погодин М.П. Дорожный дневник. Письма к М.П. Погодину. С. 76, 77, 100.

Однако определенные отношения у Бодянского со словенскими деятелями наладились. В письме к Погодину из Праги от 20 февраля (5 марта) 1838 г. он отмечал: «Станко Враз, молодой писатель, собирает и скоро издаст в свет песни крайнцев, хорутан, штирийцев и кроатов»¹⁸⁷. Молодой словенец заинтересовал Бодянского потому, что последний предполагал написать «Всеславянский учебник» по славянским народным песням. На эту тему Бодянский переписывался некоторое время с Вразом. В письме от 7 июня 1843 г. он просил Вряза прислать ему неопубликованные хорватские песни, а также изданный им сборник народных словенских песен, при этом Бодянский просил исправить в указанном сборнике ошибки в передаче произношения. «Без образцов словенского языка в народных песнях, — замечал Бодянский, — я никак не смею печатать моего “Всеславянского учебника”». Враз прислал Бодянскому то, что он просил, и 13 июля 1844 г. русский ученый благодарил его за посылку¹⁸⁸. Сведений о последующих контактах Бодянского и Вряза не сохранилось.

Как и все русские слависты, Бодянский в Вене встретился с Копитаром. Однако отношений у них не сложилось. В апреле 1838 г. в письме к Погодину Бодянский довольно резко отзывался о словенце, указав, что он всю честь открытия Реймского Евангелия присвоил себе, умолчав о его истинном открывателе — А.И. Тургеневе¹⁸⁹.

Другим стипендиатом Министерства народного просвещения, который должен был заместить кафедру истории и литературы славянских наречий в С.-Петербургском университете, явился П.И. Прейс (1810–1846). Перед отъездом в славянские земли он год занимался с Востоковым. Позднее В.И. Ламанский так оценивал его вклад в славистику: «В истории славяноведения по времени и по уче-

¹⁸⁷ Погодин М.П. Дорожный дневник. Письма к М.П. Погодину. С. 28, 29.

¹⁸⁸ Кулаковский П.А. Письма О.М. Бодянского к Станку Вразу в Загреб // Живая старина. 1895. № 1. С. 40, 53.

¹⁸⁹ Погодин М.П. Дорожный дневник. Письма к М.П. Погодину. С. 36.

ной подготовке, по дарованиям и по заслугам Прейс стоит непосредственно за Добровским, Востоковым, Копитаром и Шафариком»¹⁹⁰. Прейс отправился в славянские земли, предварительно просмотрев многие славянские словари и грамматики, в том числе словенские Мурко и Метелко.

По плану путешествия, одобренному Востоковым, Прейс должен был посетить после Вены Штирию, Каринтию, Крайну, Крoацию, Славонию, Италию. «Страны, где господствует наречие хорутанское, — указывалось в плане, — должны особенно обратить на себя внимание путешествующего. Труды Копитара и других сделали это наречие чрезвычайно важным в отношении историческом и филологическом». В Вене предполагалось, что Прейс встретится с Копитаром и воспользуется его руководством. Такое отношение к Копитару показывало уважение к нему как Востокова, так и молодого слависта. В своих черновых заметках Прейс подчеркивал, что труды Добровского и Копитара дали ему критическое направление при его занятиях славистикой¹⁹¹.

Мнение Прейса о Копитаре было очень высоким. Когда индолог Агатой Бенари сказал ему, что Копитар плохо знает старославянский язык, Прейс ответил ему довольно резко. «Я не утерпел, — писал Прейс Куторге в августе 1840 г. из Праги. — Желательно было бы, отвечал я, чтобы индологи так основательно знали санскритский, как Копитар славянский». Но все же отрицательное мнение о Копитаре некоторых славистов одно время поколебали восторженное отношение к нему Прейса. 12 января 1841 г. он признавался Куторге, что теперь может уважать Копитара только как ученого. На такое отношение Прейса к Копитару повлияло и мнение о нем И.И. Срезневского, находившегося с Прейсом в дружеских отношениях. В феврале 1841 г. Прейс с грустью писал своему другу: «Из Вашего же письма усматриваю довольно ясно, что накануне давно, нетерпеливо

¹⁹⁰ Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафарику, Куршату и др. (1838–1846). СПб, 1892. С. 1.

¹⁹¹ Там же. С. 16–19, 11.

ожиданного свидания с К[опитаром] я должен похоронить его в моем сердце, похоронить, может быть, навсегда. Се горько!»¹⁹². Однако личная встреча с Копитаром развеяла предубеждения Прейса. «К счастью моему, в Вене еще Вук, и Надеждин, и Копитар, — рассказывал Прейс Срезневскому 22 марта 1841 г. — В обществе их мне очень приятно ... Каждый день вижусь с Вуком (и Копитаром) и профитрую от него в отношении к сербскому». Немного погодя Прейс в письмах Срезневскому с сожалением отмечал, что из-за болезни Копитара не мог с ним часто видаться и «говорить столько, сколько душа требовала».

Помимо Копитара Прейса из словенских ученых интересовал Урбан Ярник. По пути из Вены в Триест Прейс думал заехать в Клагенфурт (слов. — Целовец), «чтобы познакомиться с Ярником, «которому столько обязан»¹⁹³. Прейсу удалось побывать в словенских землях, но, как признавался он Куторге 19 мая 1841 г., «как мне ни было тяжело, но должно было спешить. От этого я не успел в этих странах (Штирии и Крайне. — *И. Ч.*) воспользоваться всем, чем бы можно располагать»¹⁹⁴. Говоря о необходимости спешить, Прейс имел в виду назначенную на 1 мая встречу в Триесте с Д.М. Княжевичем, Надеждиным, Срезневским и Караджичем, с которыми он намеревался отправиться путешествовать по сербским землям.

Кроме Копитара и, возможно, Ярника, Прейс встречался в Любляне с Ф. Метелко. 20 лет спустя Метелко показывал И.С. Аксакову автограф Прейса, подаренный ему. В нем было написано: «Вперед, чада Кирилла и Мефодия!»¹⁹⁵. Познакомился Прейс и с молодым штирийцем Даворином Трстеняком¹⁹⁶. Прейсу, несмотря на интерес, проявленный

¹⁹² Письма П.И. Прейса М.С. Куторге, И.И. Срезневскому, П.О. Шафартику, Куршату и др. (1838–1846). СПб, 1892. С. 32, 40, 47.

¹⁹³ Там же. С. 51, 57, 58.

¹⁹⁴ Там же. С. 58.

¹⁹⁵ И.С. Аксаков. Дневник. Приложение // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. М., 1892. С. 115.

¹⁹⁶ РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 2 об.

им к словенцам, ничего не удалось написать о них — вскоре после возвращения из командировки в 1846 г. он умер.

Одновременно с Прейсом и другими стипендиатами Министерства народного просвещения в славянских землях побывал Николай Иванович Надеждин (1804–1856), необычайно одаренный человек. Он выступал и как историк, и как филолог, и как этнограф, и как журналист. В первой половине 1830-х годов он являлся профессором Московского университета и одновременно издавал журнал «Телескоп». Из-за публикации в нем «Философических писем» П.Я. Чаадаева журнал был закрыт, а Надеждин уволен из университета и отправлен в ссылку. Уже в «Телескопе» Надеждин показал свой интерес к славянскому вопросу, опубликовав в нем статьи о славянах, в том числе статью П.И. Шафарика «Обозрение новейшей литературы иллирийских славян». В 1838 г. Надеждин поселился в Одессе, где подружился с Д.М. Княжевичем, попечителем Одесского учебного округа и основателем Общества истории и древностей в Одессе. Предки Княжевича были сербами, перебравшимися в Россию. Желая отыскать место, откуда они приехали, Княжевич решил совершить путешествие по сербским землям, взяв себе в качестве сопровождающего Н.И. Надеждина. С сентября 1840 г. по сентябрь 1841 г. они путешествовали по югославянским землям. Зимой 1840/41 г. Надеждин провел в Вене, где близко сошелся с Копитаром и Караджичем. «Богатые сокровища Императорской библиотеки были отворены мне радушием известного Копитара, — вспоминал Надеждин. — Поучительные беседы этого маститого Нестора славянской филологии и палеографии я причисляю к лучшим приобретениям моего странствования». Весной Надеждин выехал из Вены в Триест через Штирию и Крайну. Население этих провинций приятно удивило его. Надеждин указывал, что в них, особенно в Крайне, «славянская жизнь не только звучит в народном слове, но, можно сказать, осязаема во всех мелочах домашнего быта. Особенно вокруг Лайбаха, по-славянски

Любляны, можно позабыться и подумать, что находишься в нашей Руси — так поразительно сходство крайнской ветви великого славянского семейства с русской»¹⁹⁷. Это же Надеждин подчеркивал и в своем отчете, где с удивлением указывал на идентичное строительство домов у крайнцев и русских¹⁹⁸.

Изучение славянских языков, сравнение их с русским привело Надеждина к новым выводам о месте, которое русский язык занимает в общей системе славянских языков. Свои наблюдения Надеждин сообщил Копитару. Тот попросил его написать статью. Исследование русского ученого в виде рецензии на издание Копитара «Гезихиев эпиглосист», вышло в свет в 1839 г. «Я написал эту рецензию по вызову самого г. Копитара, — указывал Надеждин, — однако патриарх славянского языкознания нашел ее столь любопытною, что взял у меня для препровождения в один из немецких ученых журналов»¹⁹⁹. Статья была опубликована в журнале «Винер Ярбюхер фюр литератур» (*Wiener Jahrbücher für Literatur*. Венский литературный ежегодник. 1841. Т. 95). Копитар высоко оценил труд Надеждина. В письме к Ганке от 31 октября 1841 г. он советовал ему прочесть статью Надеждина. «Его введение о “Ш”, — писал Копитар, — как и все другое, я имел право найти поверхностным, но его выводы о русском диалекте являются новыми и оригинальными. Он очень ученый русский»²⁰⁰.

И позднее Надеждин отзывался о Копитаре с большим почтением, считая его одним из «неутомимых исследователей и глубоких знатоков славянской палеографии» наряду с Шафариком и Добровским²⁰¹. Одновременно Надеждин отмечал и слабые, с его точки зрения, стороны взглядов

¹⁹⁷ *Надеждин Н.И.* Записка о путешествии по южнославянским странам // ЖМНП. 1842. № 4/6. С. 90, 91.

¹⁹⁸ *Надеждин Н.И.* Отчет о путешествии, совершенном в 1840 и 1841 годах по южнославянским землям // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 546.

¹⁹⁹ *Надеждин Н.И.* Записки о путешествии... С. 100, 101.

²⁰⁰ *Ягич И.В.* Новые письма Добровского, Копитара... С. LXX.

²⁰¹ *Надеждин Н.И.* Русская литература // Северная пчела. 1842. № 77 (7.04). С. 30.

словенского ученого, а именно односторонность его исторических верований, под которыми он подразумевал скорее всего его паннонскую теорию.

Самое большое значение как для развития словенской филологии, так и для славистики в целом имело пребывание в землях австрийских славян Измаила Ивановича Срезневского.

И.И. Срезневский (1812–1880) родился в Ярославле в семье профессора русской словесности Демидовского училища Ивана Евсеевича Срезневского, происходившего из рода священнослужителей Срезневских, которые в течение многих десятилетий были настоятелями церкви в селе Срезнево Рязанской губернии. Должность настоятеля местной церкви переходила по наследству членам этой семьи. Вскоре после рождения Измаила семья переехала в Харьков, где И.Е. Срезневский получил должность профессора красноречия, поэзии и славянского языка.

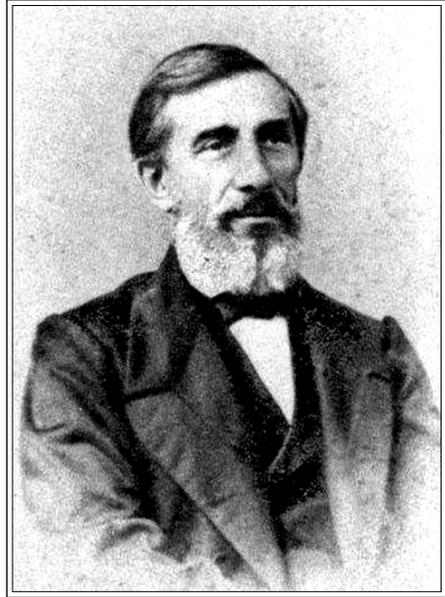
В 14 лет Измаил Иванович поступил в Харьковский университет, где примкнул к либеральному крылу украинского национального движения. Хотя он учился на юридическом факультете, но много времени уделял сбору украинской старины и фольклора. Результатом этого стало издание им в 1833–1838 гг. четырех томов «Запорожской старины», которые одобрили Т.Г. Шевченко и Н.В. Гоголь. Одновременно Срезневский писал о польской поэзии, собирал словацкие народные песни, записывая их от словацких мелких торговцев, приходивших в Украину на заработки. В 1832 г. в Харькове выходит его сборник «Словацкие народные песни». Помимо этого Срезневский публикует заметки о Зеленогорской и Краледворской рукописях, знаменитых фальсификатах чешского просветителя Вацлава Ганки, о чешском словаре Й. Юнгмана, о далматинско-сербском предании о короле Радославе. Таким образом, уже в 1830-е годы И.И. Срезневский активно занимался славистикой. Неудивительно, что, когда Харьковскому университету предложили послать на казенный счет в славянские земли

стипендиата с целью совершенствования знаний по славистике, чтобы потом занять место профессора истории и литературы славянских наречий, выбор пал на Срезневского.

При посылке за границу Срезневский получил от Министерства народного просвещения инструкцию, согласно которой он должен был зимой изучать славянские рукописи и книги в архивах и библиотеках городов, а летом совершать пешеходные путешествия по селам.

В феврале 1839 г. Срезневский прибыл в Прагу, а 23 сентября 1843 г.

вернулся в Харьков. За это время он обследовал Чехию, Моравию, Силезию, Верхние и Нижние Лужицы, Словакию, южнославянские земли Австрии, Галицию, Польшу, Познань, Варшаву. Срезневскому удалось выполнить казалось бы невыполнимые требования инструкции, «благодаря природным дарованиям, опытности, приобретенной в работах по сбору украинской этнографии и умению легко и попросту сходитья со всяким без различия его общественного положения»²⁰². За время своего пребывания в славянских землях Срезневский завязал сношения не только с видными славянскими национальными деятелями (чехи — В. Ганка, Й. Юнгман, словаки — Я. Коллар,

*Измаил Иванович
Срезневский*

²⁰² Шахматов А.А. Вступительное слово на торжественном собрании Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, посвященном памяти И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Кн. 1. Петроград, 1916. С. VI.

Ф. Челаковский, Л. Штур, словенцы — Е. Копитар, Ф. Метелко, С. Враз, М. Маяр, серб — В. Караджич, лужицкие сербы — Я. Смолер, Я. Иордан, русин — Я. Головацкий и др.), но и со многими незаметными деятелями славянских национальных движений из священников, учителей, гимназистов, интересовавшихся историей, этнографией и языком своих народов. Все они охотно помогали русскому ученому ознакомиться с их родными диалектами и обычаями. Особое внимание Срезневский уделил диалектам лужицких сербов, словаков, словенцев, русин, сербохорватов. Судя по сохранившимся записям Срезневского, больше всех его интересовали диалекты словацкого и словенского языков. Это объясняется, по-видимому, тем, что, во-первых, в это время словенцы и словаки находились на стадии формирования своих литературных языков, а во-вторых, — диалекты словенцев и словаков были менее всего изучены лингвистами.

Путешествие по словенским землям Срезневский начал весной 1841 г. До этого он довольно долго жил в Вене, где общался с Вуком Караджичем и Ернеем Копитаром. Отношения с Копитаром у Срезневского сразу же не сложились. Это было связано как с недоброжелательным отношением Копитара к России, так и с настроением самого Срезневского, который подружился в Праге с чешскими учеными, плохо относившимися к Копитару. Причиной этого был тот факт, что Копитар уже в то время выражал сомнения в подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописей. В январе 1841 г. Срезневский так писал своей матери Елене Ивановне Срезневской (урожденной Кусковой) о встречах с Копитаром: «Был два раза у Копитара. С ним едва ли буду иметь дело ... Лучше не подходи, а то смотри и укусит»²⁰³. В том же духе отзывался Срезневский о Копитаре и в письме к Ганке: «С Копитаром виделся два раза, более нет охоты. У него хоть и есть душа, но не по мне»²⁰⁴. Однако, несмотря на неприязненные отношения к Копитару, Срезневский

²⁰³ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель (1839–1842). СПб, 1895. С. 167.

²⁰⁴ Ягич И.В. Славянская филология. С. 322.

старался выполнить его просьбы. На это указывает письмо Копитара Востокову от 29 апреля 1841 г., в котором он просил поблагодарить Срезневского за присылку ему каталога славяно-русских рукописей Захарова²⁰⁵.

Весной 1841 г. Срезневский обошел почти все словенские земли. По подсчетам Н.И. Толстого, он посетил Градец Штирийский (нем. — Грац), Марибор, Лимбуш, Птуй, Великую Неделю, Ормож, Метлику, Ново Место, Любляну, Крань, Накло, Целовец, Зильскую долину, Резьянскую долину, Горицу, Триест²⁰⁶.

Все эти места Срезневский обследовал пешком, собирая народные песни и записывая различные словенские говоры. Его спутниками и руководителями в этом путешествии были известные словенские литераторы и просветители: П. Дайнко, С. Враз, Ф. Метелко, У. Ярник, Я. Зупан, М. Маяр и другие. Они не только давали ему советы, но и знакомили с результатами своих лингвистических и этнографических изысканий. Среди тех, кто оказал ему наибольшую помощь в Штирии, особо следует отметить Антона Мурко, издавшего словенскую грамматику и словенско-немецкий и немецко-словенский словари, Петра Дайнко, автора словенской грамматики с придуманным им новым алфавитом, где латинские буквы перемежались с кирилловскими. Азбука и грамматика Дайнко были запрещены властями. Встреча с Дайнко запомнилась Срезневскому. По его словам, Дайнко мечтал посвятить себя словенской литературе, но запрещение его грамматики охладило ученого. «А от Дайнко можно было ожидать многое, — замечал Срезневский, — он любит народ, изучает его, знает и все еще продолжает изучать ... Грамматика его известна. Издание народных песен тоже стоит внимания»²⁰⁷.

²⁰⁵ Срезневский И.И. Переписка А.Х. Востокова. С. 349.

²⁰⁶ Толстой Н.И. О работах И.А. Бодуэна де Куртенэ по словенскому языку // И.А. Бодуэн де Куртенэ (к 30-летию со дня смерти). М., 1960. С. 73.

²⁰⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 436. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 с об.

Крайну и Горицу, почти полностью словенские провинции, Срезневский обошел пешком вместе с поэтом Станко Вразом. Они вместе слушали словенские песни в кофейне городка Метлика, бродили по люблянскому базару, угощали в небольшом кабаке возле Краня крестьян вином и слушали их песни. В письме к своей матери от 1 апреля 1841 г. Срезневский описывал собрание народного творчества в Метлике. «Пошли в кофейню, — рассказывал он своей матери в письме от 2 апреля 1841 г., — и тут набрали всего с три короба. Кофеджия, сам любитель песен, сам краинец, имеет 70-летнюю мать, простую, предобрую старушку, да назвал одетых по-праздничному девушек и женщин, стариков, знающих предания: от 4 до 9 (часов. — *И. Ч.*) то и дела было, что записывать и рисовать»²⁰⁸. Срезневский слушал народную речь, улавливал ее изменение в разных районах.

В главном городе Крайны, Любляне, Срезневский серьезно занимался словенским языком под руководством автора еще одной словенской грамматики Метелко, встречался там с рядом словенских национальных деятелей. «Время провожу тут вот каким порядком, — сообщал Срезневский матери, — одевшись, отправляемся пить кофе в кофейню к Императору Австрийскому (речь идет о названии кофейни. — *И. Ч.*); оттуда в библиотеку, потом домой обедать, после обеда я иду к профессору Метелко и занимаюсь с ним крайним наречием, потом опять в библиотеку, а каждый вечер проходит в том или другом кабаке, здесь собираются наши знакомые пить вино. Знакомые наши — д-р Прешерн (он лучший из живых поэтов крайних), д-р Хорват, адвокат, библиотекарь, несколько профессоров»²⁰⁹.

В Каринтии, которую Срезневский посетил после Крайны, он встретился со словенским поэтом и лингвистом Урбаном Ярником. «Очень ученый и очень милый старик», — отзывался о нем Срезневский²¹⁰. Ярник рабо-

²⁰⁸ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского. С. 38.

²⁰⁹ Там же. С. 203, 204.

²¹⁰ Там же. С. 207.

тал над сравнительной грамматикой славянских наречий. Знакомясь с материалами к этому труду, Срезневский пробыл у него три дня. Впоследствии он высоко оценил работу словенского ученого. «Ознакомясь лично с некоторыми частями этого труда, — писал Срезневский, — я могу свидетельствовать, что труд Ярника был очень замечательным явлением в области славянской филологии. В нем не было забыты ни одно из славянских наречий, сделавшихся достоянием литературы, не были забыты даже некоторые из наречий народных. Так, между прочим, занимаясь им как хорутанин, Ярник обращал особое внимание на свое родное наречие, на его каринтийский оттенок, еще почти совсем неисследованный и очень замечательный, и с помощью его думал объяснить некоторые любопытные свойства славянской фонетики, этимологии и синтаксиса, в той мысли, что в этом наречии долин, отделенных от треволнений света грядями гор, сохранилось много остатков древнего языка. Кроме того, имея случай пользоваться некоторыми редкими рукописями глаголическими, он надеялся с пользою для сравнительного изучения славянских наречий, представить в своем труде грамматические извлечения из них, еще более любопытные для изучающего древности языка»²¹¹.

Кроме Ярника Срезневский встречался в Каринтии с Матией Маяром, настоятелем прихода св. Михаила в Рожеке (Зильская долина). Этот уголок словенской Каринтии интересовал Срезневского, во-первых, потому, что «жители сохранили там более народности, нежели в других местах Хорутании», а во-вторых, потому что там жил выдающийся словенский просветитель и собиратель фольклора, ученик и друг Ярника М. Маяр. В письме к матери Срезневский характеризовал Маяра как любителя и знатока народности хорутанской, с которым он провел целый день 23 апреля 1841 г. «в разговорах и прогулках по очаровательному

²¹¹ Срезневский И.И. Библиографические записки // Известия АН ОРЯС. Т. 1. СПб, 1852. Л. 3–5. С. 58, 50.

Рожню (так в тексте. — *И. Ч.*)»²¹². Маяр отдал Срезневскому несколько песен, записанных им. В бумагах И.И. Срезневского сохранилась записная книжка «Песни, пословицы и сказки хорутанских словенцев, собранные во время путешествия»²¹³. Большинство материала для нее предоставил, скорее всего, Маяр. Спустя десять лет Срезневский на основе заметок, сделанных им в Зильской долине, и песен, отданных ему Маяром, опубликовал статью «Хорутанские песни из Зильской долины»²¹⁴. Оба каринтийца: и Ярник, и Маяр, интересовались Россией. Так, в перечне книг, полученных в наследство от Ярника, Маяр в письме к Вразу выделил, как наиболее ценные, следующие книги: «Священное писание» Далматина, «Священное писание», изданное кирилловским шрифтом, «Русская грамматика» Гейма, «Русская грамматика» Востокова, «Чешская грамматика» Добровского, Краледворская рукопись²¹⁵.

После Зильской долины Срезневский отправился в Венецианскую Словению, в долину Резии и земли словинов. Туда ему рекомендовал поехать С. Враз. Срезневский обошел территорию венецианских словенцев, записывая их говор, предания, песни. Ганка, получив письмо Срезневского из Випавы с рассказом о его путешествии по тем краям, писал ему: «Вы, верно, для того и созданы, чтобы обшарить все славянские углы и возбудить в них новую жизнь»²¹⁶. Свои заметки Срезневский опубликовал в 1842 г. сначала в «Журнале Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП), а затем в 1875 г. издал отдельной книгой «Фриульские славяне».

С помощью словенских помощников Срезневский сумел классифицировать словенские наречия и уже в 1841 г. опубликовал

²¹² Срезневский И.И. Путевые письма. С. 207.

²¹³ Описание выставки на память со дня рождения И.И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. С. 319.

²¹⁴ Памятники и образцы народного языка и словесности русских и западных славян. СПб, 1852, 1856. Тетр. 1–4. С. 125–128.

²¹⁵ Письмо Маяра Вразу. 1844 // Trezor.

²¹⁶ Францев В.А. И.И. Срезневский и славянство. С. 166.

ликовал статью о них. Отмечая большую раздробленность словенского языка на диалекты, он указывал, что причиной этого является недостаток населения и промышленности в словенских землях. Показав разрозненность различных частей словенского народа, Срезневский констатировал: «Общего литературного словенского языка нет и не было. Каждый писатель писал и пишет своим местным наречием ... Так действовали не только писатели, но и самые лексикографы и грамматики: Гутсман и Ярник — корушцы, Копитар и Метелко — крайнцы, Мурко и Дайнко — штирийцы; это заметно, сколько ни желали они стереть со своего языка, со своих понятий о языке словенском местный колорит»²¹⁷. В этой статье Срезневский разделил словенский язык на 18 наречий. В 1845 г. он предложил новое деление словенского языка на диалектические группы, сузив их число до 8: 1) верхнекраинская; 2) нижнекраинская; 3) среднекраинская; 4) хорутанская (каринтийская); 5) штирийская; 6) венгерская; 7) резыанская; 8) белокраинская.

Словенские лингвисты приняли классификацию словенских диалектов, предложенную Срезневским. Крупнейший словенский диалектолог Фран Рамовш, создавший карту распространения словенских наречий, высоко оценивал его заслуги в этом отношении. «Лучше всех понимал расчленение словенского языка Измаил Срезневский»²¹⁸, — писал он. В другом месте Рамовш прямо указывал, что для словенской диалектологии Срезневский «сделал столько, сколько никто до него и после него»²¹⁹.

Помимо словенских Срезневский изучал словацкие, сербские, хорватские, серболужицкие, чешские, моравские наречия. И если он и им не уделил такого пристального внимания, как словенским, то ознакомление с ними дало ему возможность создать новую классификацию славянских языков. В 1845 г. в ЖМНП была опубликована ста-

²¹⁷ Срезневский И.И. О наречиях славянских // ЖМНП. 1841. № 9. С. 1–29.

²¹⁸ Ramovš F. Karta slovenskih narečij v prirečni izdaji. Ljubljana, 1957. S. 11.

²¹⁹ Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. Ljubljana, 1949. S. 23.

тья Срезневского «Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских», в которой он дал наметки новой классификации славянских языков. Он указал, что существуют 3 главные ветви славянских наречий:

1. Восточная, которую составляют русский и малорусский языки;

2. Юго-западная, включающая болгарский, сербский, хорватский (кайковское и чаковское наречия), хорутанский (верхнекраинское, нижнекраинское, словинское, резьянское, зильское, забельское, штирийское, угрословинское наречия) языки;

3. Северо-западная, в которую входят полабский, польский, лужицкий, чешский, словацкий языки²²⁰.

Путешествие Срезневского по словенским землям дало многое и для славистики, в том числе словенистики, и для самого ученого как слависта. Принесло оно ощутимую пользу и для местных любителей этнографии и языка своего народа. Один из учеников Срезневского — В.А. Францев указывает: «Его обширные и разнообразные изучения ... особенно собирательная деятельность, любовь к простому народу и постоянное общение с ним, пробуждали ревность славянских ученых и вызывали на это благодатное поле свежие славянские местные силы... У Срезневского кое-где они учатся приемам собирания песенного богатства, изучения народа, его творчества и быта»²²¹.

Н.И. Надеждин, П.И. Прейс, И.И. Срезневский были последними русскими учеными, которые общались с Копитаром. Его смерть в августе 1844 г. вызвала отклик со стороны русских научных кругов. П.А. Плетнев²²² в отчете по Отделению русского языка и словесности, сообщая о его кончине, подчеркнул важность его трудов для развития науки: «Эти сочинения по глубоким исследованиям автора

²²⁰ Срезневский И.И. Обозрение главных черт сродства звуков в наречиях славянских // ЖМНП. 1845.

²²¹ Францев В.А. И.И. Срезневский и славянство. С. 185, 166.

²²² Плетнев Петр Александрович (1792–1865) — профессор русской словесности, с 1840 г. — ректор Петербургского университета, с 1841 г. — член С.-Петербургской Академии наук.

и замечательным выводам касательно различных особенностей славянских языков доставили ему в Европе почти такое же уважение, каким пользуется известный филолог Яков Гримм». Плетнев предложил купить библиотеку Копитара, на чем настаивал и М.П. Погодин, который в донесении от 1840 г. о своем путешествии по славянским землям так характеризовал ее: «Собственная библиотека Копитара единственная в Европе по богатству словенских (славянских. — *И. Ч.*) книг и рукописей»²²³. Однако библиотека Копитара так и не была приобретена Императорской Санкт-Петербургской Академией наук. Ее купила библиотека Люблянского лицея.

Русские ученые высоко оценивали роль Копитара в развитии славяноведения. Даже А.С. Будилович и А.Ф. Гильфердинг, хотя и писали о вредном влиянии Копитара на славянское движение, все же признавали большое значение его деятельности для славистики. Так, Будилович писал, что Добровский и Копитар сделали «предостаточно для славы не только отдельного человека, но, пожалуй, и целого общества, целой славянской Академии наук»²²⁴. Т.Д. Флоринский считал Копитара одним «из замечательнейших западнославянских ученых эпохи Возрождения»²²⁵.

Взаимодействие Копитара с русскими учеными, несмотря на его часто пренебрежительное отношение к ним, сыграло большую положительную роль в становлении славистики как науки. Именно благодаря в значительной степени Копитару были изданы старейшие памятники славянской письменности: Фрейзингские отрывки (латинское письмо), Глаголита Клоцианус (глаголическое письмо), Супрасльская рукопись (кирилловское письмо). Встречи и беседы молодых русских ученых с Копитаром составили важную часть их славистического образования, способствовали их становлению как серьезных ученых.

²²³ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 5. СПб, 1892. С. 341.

²²⁴ Будилович А.С. Добровский и Копитар // ЖМНП. 1865. № 6. С. 414.

²²⁵ Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Т. I. Киев, 1895. С. 363.

Последний стипендиат Министерства народного просвещения Виктор Иванович Григорович (1815–1876) отправился путешествовать по славянским землям в 1844 г. Главное его внимание привлекали южные славяне, находившиеся под властью Оттоманской империи, — болгары и сербы. Особенно удачной была его поездка в Болгарию, где он собрал значительное количество старославянских рукописей как кирилловского, так и глаголического письма. Григорович предполагал посетить и другие южнославянские земли, находившиеся в Австрии. В своем «Проекте путешествия по славянским землям» он отводил на них 3 месяца. В словенских землях он собирался посетить Грац, Марибор, Радгонь, Птуй, Целье, Целовец, Любляну, Горицу. Больше всего его интересовала Любляна, «где в лицее преподается словенский язык, а библиотека барона Цойса познакомит меня с собранием хорутанских книг»²²⁶.

После посещения земель турецких славян, Григорович отправился в Вену, а оттуда — в Грац, Марибор, Целье, Любляну. «Любляну можно назвать среднюю точку хорутанского поселения, — отмечал Григорович в донесении попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мушину-Пушкину. — Здесь, следственно решил остановиться для ознакомления с языком сего поселения». В письме к М.Ф. Раевскому, с которым он познакомился в Вене, от 29 (30) мая 1846 г. Григорович писал: «Намеревался было остаться дней на семь в ней, но библиотека и гостеприимство ученых удержали дольше». Всего Григорович прожил в Любляне 20 дней, где встречался с Метелком, Блейвейсом, Кастелицем, Прешерном, т.е. приблизительно с тем кругом лиц, с которыми встречался Срезневский и который, по-видимому, проявлял интерес к России. Лицейская библиотека, где большею частью занимался Григорович, произвела на него самое благоприятное впечатление. «Библиотека приобретает имя у славянистов, — сообщал Григорович Раевско-

²²⁶ Донесения В.И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. Казань, 1915. С. 30.

му в указанном письме. — Могу сказать, что теперь в лицее собраны, как нарочно, все пособия для славяниста. Есть рукописи драгоценные, есть книги редкие и старой печати»²²⁷. Столь же восторженно о лицейской библиотеке отзывался Григорович и в донесении попечителю: «Доселе не видел так богатого пособия к славянской филологии, в одном месте соединенного... Принимая к сведению книги и рукописи знаменитейшего филолога (Копитара. — *И. Ч.*), особенно замечал те, с которыми после не надеялся встретиться»²²⁸.

Григорович являлся одним из немногих русских славистов, который поддерживал паннонскую теорию Копитара. Кроме словенского языка русский ученый интересовался и словенской литературой. В донесении он писал, что в библиотеке лицея он «ознакомился, конечно, поверхностно, со всеми произведениями хорутан от Трубара и Богорича, до Япеля и Водника». Впечатления от Любляны у Григоровича остались самые приятные, о чем он писал в донесении, указывая, что нашел в Любляне «довольно пособий к полезным трудам и подлинно благих людей, содействовавших ежечасно всячески навсегда им благодарному путнику»²²⁹. Среди этих благих людей Григорович на первое место ставил М. Кастелица, библиотекаря лицея, в 1830-е годы активно сотрудничавшего в альманахе «Краньска чбелица». Кстати, и Кастелиц сохранил самые теплые воспоминания о Григоровиче. Спустя 20 лет лицейскую библиотеку посетил В.И. Ламанский, который отметил, что хранитель, «ворчливый, но добрый старик, вспоминал с видимым удовольствием» о Григоровиче²³⁰.

Поездка первых русских стипендиатов Министерства народного просвещения в целях занятия в русских университетах кафедр истории и литературы славянских наречий имела огромное значение для развития славяноведе-

²²⁷ Русско-словенские отношения в документах. С. 174.

²²⁸ Донесения В.И. Григоровича. С. 234.

²²⁹ Там же. С. 234, 235.

²³⁰ Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. № 5/6. С. 129.

ния в России. Будучи крупными учеными, О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович внесли существенный вклад в отечественное славяноведение. Помимо этого они, став преподавателями в университетах, создали школу русских славистов, сделали славяноведение доступным сравнительно широким массам студентов. Не все они публиковали труды по словенистике, но в своих лекциях активно использовали словенский материал.

Укрепление научных связей между русскими и словенцами способствовало распространению более точных знаний о словенцах среди российской интеллигенции. В этом сыграл известную роль славист Ю.И. Венелин (Георгий Хуца) по происхождению карпаторус, как он сам себя называл. В начале 1820-х годов он вместе со своим другом и дядей Иваном Молнаром тайно эмигрировал из Австрии в Россию. Здесь вскоре взял его под свое покровительство М.П. Погодин. Венелин занялся изучением славян. В 1829 г. вышла его книга «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». Ее выходу в свет содействовал Погодин, и она имела большой успех у болгарской колонии в России. Впоследствии болгары в Одессе поставили памятник Венелину с надписью, что он «напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение»²³¹.

Венелина интересовали и прибалтийские славяне, а с 1830 г. его внимание привлекли словенцы. Историк литературы С.П. Шевыреву, который в то время уезжал в Италию, он писал: «Прошу Вас от имени всех славянолюбцев на возвратном пути не оставить без внимания славянских жителей Крайна, Каринтии, Карниолии (латинское название Крайны, Венелин употребил его, полагая, что это разные области. — *И. Ч.*), Штирии и даже живущих по ту сторону Изонцо в Венецианском королевстве». Венелин

²³¹ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. Ч. 1. Одесса, 1841. С. 33, 125.

дал Шевыреву целую программу наблюдений, которые он должен был сделать в этих областях²³². Книга Венелина о словенцах вышла в 1841 г. под названием «Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». Это была первая в России книга о словенцах. На ее первых страницах давалась их краткая характеристика, определялись границы их расселения, устанавливалось их этническое имя, предлагался список книг по их истории и литературе. Эта часть книги содержала достоверные сведения. Венелин указывал, что словенцы занимают нижнюю часть провинций Штирии и Каринтии, Крайну, два округа Венгрии. Всего он насчитывал их более 800 тысяч²³³. Приводя эти данные, Венелин был довольно точен (Горица и Приморье с Триестом входили в состав Крайны). Венелин отмечал, что жители Штирии, Каринтии и Венгрии называют себя словенцами, а жители Крайны — краинцами, хотя «язык тех и других составляет одно и то же наречие». Сам Венелин считал, что правильным названием этой группы славян является «словене». Об этом он писал еще в предыдущей книге, подчеркивая, что имя «словене» принадлежало всегда исключительно одному славянскому племени — паннонцам и италоукраинцам²³⁴. «Если бы в нынешнем 1834 году, — писал Венелин, — нужно было назвать часть упомянутых стран и самое Иллирийское королевство по имени их обитателей, то должно бы назвать их Словениею, *Slovenenland, la Slovenie*»²³⁵. Следует отметить, что италоукраинцами Венелин называл словенцев, проживавших в Италии, т.е. венецианских словенцев. Венелин был первым, кто опубликовал в печати само название «Словения». Сами словенцы это сделали впервые в 1844 г., когда в оде

²³² Пыпин А.Н. Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. 1893. № 6. С. 728.

²³³ Венелин Ю.И. Древние и нынешние словене в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Ч. 2. М., 1841. С. 1.

²³⁴ Там же. С. 65, 66.

²³⁵ Там же. С. 2.

И. Весела Косеского, написанной по поводу приезда австрийского императора в Любляну, впервые было названо слово «Словения»²³⁶.

Венелин утверждал, что словенцы являются самостоятельным славянским народом. «Наречие словен, — писал он, — отличается от всех других славянских наречий, словенин не есть ни чех, ни серб, ни поляк, ни кроат ни по имени, ни по наречию, ни по одеянию, ни по нравам, ни по истории». Венелин полемизировал с Копитаром относительно его теории паннонского происхождения старославянского языка и указывал, что старославянский язык не может называться словенским, как язык москвитян — польским²³⁷.

В библиографии Венелин упоминал все словенские грамматики, вышедшие до 30-х годов XIX в. (Богорича, Похлина, Гутсмана, Зеленко, Шмигоца, Копитара, Водника, Метелко, Дайнко), а также исторические труды Вальвасора, Линхарта, Шафарика, Гердера, Шлёцера и др. Историческая часть книги Венелина носила фантастический характер. Его смелые заключения и предположения часто базировались не на исторических источниках, а на филологических сопоставлениях, основанных на случайном созвучии слов. Методика исследования соответствовала той методике, которая существовала до эпохи Просвещения, в XIX в. она уже устарела. Для исторической науки книга Венелина не являлась шагом вперед, но она знакомила русского читателя со словенцами, в этом было ее определенное значение.

В 40-х годах XIX в. в России уже существовали журналы, проявлявшие интерес к славянам и славянскому вопросу. В 1842–1843 гг. в Варшаве выходил журнал «Денница», издававшийся П.П. Дубровским на русском и польском языках. В «Деннице» помещали свои статьи такие крупные славянские деятели, как С. Враз, В. Ганка, Я. Смолер, И.К. Пуркине, В.А. Мацеевский и др. О словенцах в «Деннице» были напечатаны статьи П.Й. Шафарика

²³⁶ Lončar D. Politično življenje slovencev. Ljubljana, 1906. S. 5.

²³⁷ Венелин Ю.И. Древние и нынешние словене. С. 2, 8.

«О резьянах и фурлянских словинах» и И.И. Срезневского «Словенцы в Фриуле». Обе статьи рассказывали о западной ветви словенцев — венецианских словенцах. Статья И.К. Пуркине «О литературном единстве между славянскими племенами» касалась истории словенцев. В разделе об иллирской литературе чешский ученый подчеркивал, что главным препятствием для успешного развития словенской литературы стали контрреформация и влияние, которое оказывала немецкая и итальянская культура на словенскую интеллигенцию²³⁸. О словенской литературе писал в своих заметках Враз. В числе прочих книг он представлял читателям историю Антона Кремпля, указывая, что его сочинение написано «простым штирийско-словянским языком, потому что предназначено для простого народа»²³⁹. В большой статье «Обозрение литературы южных славян за 1842 г.» Враз обратил внимание на книгу А. Сломшека «Блаже ино Нежица», представлявшую собою учебник для воскресных словенских школ. Отметив, что у словенцев много религиозных книг, он подчеркнул, что «г. Сломшек в пору явился со своим энциклопедическим сочинением; оно написано легким разговорным языком и заключает в себе наставления о вседневных потребностях жизни». Враз призывал словенских писателей уделять внимание не только религиозному вопросу, но и другим сторонам жизни своего народа²⁴⁰. В статье «Библиографическое обозрение сборников словянских народных песен» он перечислял все изданные сборники словенских народных песен, при этом в список попали и те из них, где наряду с народными песнями публиковались и другие произведения, например альманах «Краньска чбелица»²⁴¹. «Денница» опубликовала и несколько словенских народных песен: одну крайнскую, две штирийские.

²³⁸ Денница. Варшава. 1842. № 10. С. 129.

²³⁹ Денница. 1842. № 13. С. 170.

²⁴⁰ Денница. 1842. № 3. С. 47–49.

²⁴¹ Денница. 1842. № 23. С. 285.

Второе издание, уделявшее внимание славянскому вопросу, — «Москвитянин» (1841–1846), в одном из своих первых номеров уведомляло читателей, что «почитает своей миссией распространять в России сведения о племенах славянских, которые составляют треть всего европейского народонаселения»²⁴². В «Москвитянине» печатались статьи Шафарика и Срезневского по словенской этнографии и диалектологии чисто научного содержания. П.П. Дубровский и Н.А. Ригельман писали в журнал заметки о современной культурной жизни словенцев. Дубровский хвалил газету «Кметийске ин рокоделске новице» за ее не только местное, но и общеславянское направление. Отметив большое количество подписчиков на нее (1000 человек), он подчеркивал, что большинство из них являются поселянами, т. е. крестьянами²⁴³. Ригельман также писал об этой газете. Он объяснял ее большой тираж высоким уровнем образования населения в словенских землях²⁴⁴. В 1846 г. Дубровский напечатал статью о деятельности в Любляне Исторического общества в Крайне, отметив его успехи в приобретении исторических книг и рукописей²⁴⁵.

Благодаря русским славистам русская общественность получила первые достоверные сведения о словенцах. В 1820–1840-е годы были заложены основы для дальнейшего развития русско-словенских научных связей. В это время интерес к России не угасал как среди словенской интеллигенции, так и среди простых людей. Официальная Россия у словенской интеллигенции не вызвала особых симпатий, особенно после подавления польского восстания 1830 г. Австрийские власти с подозрением следили за интересом словенцев к России, несмотря на то, что и Австрия, и Россия являлись членами Священного союза. Русские путешественники и их встречи со словенцами вызывали недовольство

²⁴² Москвитянин. 1841. № 2. С. 461.

²⁴³ Москвитянин. 1845. № 9. С. 82.

²⁴⁴ Москвитянин. 1845. № 10. С. 43.

²⁴⁵ Москвитянин. 1848. № 4. С. 180.

австрийских чиновников. Так, Вряза, путешествовавшего со Срезневским по словенским землям, они заподозрили в том, что он содействовал русскому ученому в привлечении симпатий словенцев к России. По этому поводу возмущался люблянский сторонник иллиризма Антон Жакель. В письме к Врязу от 25 ноября 1845 г. он писал: «Какой разумный австриец мог бы помыслить о такой измене? Я думаю, что меньше всего мы, иллиры. И какая бы нам была от этого польза? Разве Россия может нам дать законы, которые бы соответствовали нашим нравам и нашим обычаям?»²⁴⁶.

В идеологии словенских национальных деятелей славянская идея продолжала развиваться, но первенство перешло к идее славянской взаимности, выработанной словаком Яном Колларом и предполагавшей налаживание культурного сотрудничества славян в существующих государственных границах. Однако интерес к России и ее культуре не перестовал развиваться, особенно в кругах образованных людей, это был интерес к русской литературе и науке. В свою очередь и в российских общественных кругах появились реальные знания о словенцах и их культуре.

---

²⁴⁶ Dolenc J. Anton Žakelj-Podoljub Ledinski // Loški razgledi. Zv. 3. Škofja Ljka. 1956. S. 211.

Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период

К революции 1848–1849 гг. словенское национальное движение достигло определенных успехов: был создан словенский литературный язык с единым алфавитом, словенские будители подняли вопрос о введении словенского языка в школах, среди них распространились идеи славянской взаимности и т. д. Вместе с тем словенцы еще не имели политической национальной программы и в этом отношении они отставали от большинства других народов Австрийской империи. Неслучайно поэтому уже в самом начале революции словенцы заявили свои политические требования.

Революция началась во Франции, где 22–24 февраля король был свергнут. 13 марта вспыхнуло восстание в Вене, меттерниховский режим пал. 15 марта императорскими указами были объявлены свобода печати и собраний, а также создание Национальной гвардии. Австрийский император Фердинанд I дал согласие на созыв рейхстага для выработки конституции. 17 марта венское правительство признало самостоятельность Венгрии в рамках империи, а в двадцатых числах марта провозгласили свою независимость итальянские владения Габсбургов: Венеция, Милан, Пьемонт.

Революция, охватившая всю Европу, в каждой из стран имела свой характер. Так, во Франции она приобрела облик политической революции, в Австрии же она имела ярко выраженный национальный характер¹.

---

¹ *Исламов Т.М.* Революция 1848 в Австрийской империи. Национальные и межнациональные аспекты // *Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии.* М., 2001. С. 135.

До словенских земель революция докатилась 16 марта. По замечанию Л.А. Кирилиной: «Словенцы по-разному откликнулись на революцию в Вене. Так, в Любляне буржуазные круги и чиновничество во главе с бургомистром (жупаном) отметили это событие театральным представлением, низшие слои — разгромом таможни, нападением на дом бургомистра и т. д.»².

Инициаторами создания словенской политической программы выступили словенские иллиры. И это неслучайно, потому что они были более политизированы, чем другие словенские просветители: иллиры тесно общались с хорватами, которые уже с 1832 г., начиная с Диссертации графа Я. Драшковича, высказывали свои политические требования об объединении земель, где жили хорваты (Хорватия, Славония, Далмация) в единое административное целое под властью австрийского императора³. Говоря о том, что словенские иллиры активно участвовали в событиях 1848 г., надо отметить, что часть их (Сломшек, священник Лука Еран) безоговорочно встали на сторону контрреволюции.

Но в то же время иллир Матия Маяр Зильский стал создателем первой политической программы словенцев. Маяр с конца 1830-х годов сотрудничал с хорватскими иллирами. Особенно он был близок со Станко Вразом, с которым подружился, когда помогал ему собирать в 1837 г. словенские народные песни в Каринтии. Всего сохранилось 19 писем Маяра Вразу за 1842–1849 гг. Враз через Маяра распространял книги иллиров среди каринтийцев. Кроме Вராза Маяр лично знал из хорватских иллиров Л. Гая, В. Бабукича, Л. Вукотиновича, Д. Деметра, Д. Раковца, А. Мажуранича. В борьбе, которая развернулась между хорватскими иллирами по поводу литературного языка, Маяр принял сторону Вராза, который считал, что литературный иллирский язык должен опираться на со-

² Кирилина Л.А. Революция 1848–1849 гг. в словенских землях // История Словении. СПб, 2011. С. 161.

³ Лещиловская И.И. Хорватская матица // Славянские матицы. Ч. 1. М., 1996. С. 122.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — временный народный язык, в то время как часть хорватских иллиров, группировавшаяся вокруг поэта Д. Деметра, стремилась подражать языку дубровницких поэтов XVII в.⁴ Маяр высоко ценил журнал «Коло» (Kolo), издававшийся Вразом, и предлагал сделать его органом Иллирской Матицы, учрежденной в 1842 г., и которую Маяр рассматривал как общую для всех южных славян.

Мысли о том, что население Крайны, южных Штирии и Каринтии, славянских областей Северной Италии является одним словенским народом, появилась у Маяра во время его хождения по словенским селам для сбора народных песен. О своих наблюдениях он сообщал в письме к Вразу от 1842 г. «Путешествовал я в Горицу, — писал он, — в Венецианскую область к тамошним словенцам, именно так называют себя сами наши братья вплоть до самого Триеста, а не склавонты, как их именуют иностранцы». Маяр с радостью отмечал, что женская одежда на Кресе похожа на ту, которую носят женщины Штирии, Крайны и всей Горицы, а танец, который он наблюдал в Горичких Бердах, похож на тот, что широко распространен в Штирии, Крайне и Каринтии⁵. Сознание языковой и этнической общности словенцев уже в 1842 г. стало неотъемлемой частью мировоззрения Маяра.

Словенский историк Я. Плетерски считает, что уже 17 марта, т. е. практически сразу после прибытия в Целовец известия о революции в Вене, Маяр написал свою знаменитую статью «Чего мы, словенцы, требуем»⁶. Точка зрения Плетерского оправдана, поскольку уже до революции Маяр пришел к мыслям, которые он сформулировал в указанной статье. В печати она появилась 29 марта в газете «Новице» Блейвейса. В статье Маяр писал: «Теперь должно начаться счастье нашего народа. Прежде всего мы должны сохранить мир в стране ... Мы не презираем ни одного на-

⁴ Лещиловская И.И. Иллиризм. М., 1969. С. 231, 303, 304.

⁵ Majar — Vrazu 1842 // Trezor. Nacionalna i sveučilišna biblioteka. Zagreb.

⁶ Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. S. 31.

рода ... Пусть каждый живет в своей стране, как ему нравится ... Мы, словенцы, также требуем со всей энергией от имени всех — пусть нам дадут возможность жить дома по-своему ... Ни мы над итальянцами, немцами, венграми, ни они — над нами ... Наши посланцы в Вене пусть потребуют, чтобы мы могли в Словении свободно, где хотим и когда хотим, ввести словенский язык в школы и учреждения»⁷. В этой статье Маяр первым в печати выдвинул основные требования словенцев: введение в школах и учреждениях словенского языка, объединение словенских земель в одно целое. Последнее требование еще не было сформулировано, но оно подразумевалось, когда он говорил о Словении, в которой словенцы должны жить по-своему.

Помимо этой статьи Маяр написал ряд рукописных петиций (листовок), в которых пытался разъяснить словенцам смысл словенской национальной программы. Свои петиции Маяр стремился распространить и в Штирии, о чем свидетельствует письмо А. Сломшека штирийскому аббату Матии Водушеку. «Целовецкий славист Матия Маяр также потерял разум и написал на свой риск и страх петицию, под которой он собирает подписи. Если с этим он обратится к духовенству Нижней Штирии, то, пожалуйста, откажите ему в каком бы то ни было содействии»⁸. Содержание этой петиции излагалось в корреспонденции из Целовца в газете Гая «Иллирске новине» («Illirske novine») 11 апреля 1848 г. В ней говорилось, что Маяр составил петицию, в которой требовалось, чтобы словенцам дали особое провинциальное собрание, рассматривая их как единый народ, и чтобы им разрешили вступить в союзные отношения с Хорватией, Славонией и Далмацией. Корреспондент указывал, что при сборе подписей под ней в Целовецкой семинарии спиритуал Пикл уничтожил 39 подписей семинаристов⁹.

⁷ Novice. 29.03.1848.

⁸ Pleterski J. Narodna in politična zavest. S. 31.

⁹ Ibid. S. 435.

Опасения Сломшека о возможности посылки Маяром своей петиции штирийским священникам, были не напрасны, о чем свидетельствует заметка штирийского священника Даворина Трстеньяка в газете «Новице», в которой он, в частности, писал: «Господин Маяр, наш известный патриот в Целовце, послал в наши края несколько действительно необходимых петиций»¹⁰. Как можно видеть, Маяр через несколько дней после публикации статьи «Чего мы, словенцы, требуем», дополнил свои требования требованием объединить словенские земли с Хорватией, Славонией и Далмацией.

В то же время 29 марта 1848 г. словенцы, проживавшие в Вене, составили свой «Адрес крайним сословиям», под которым подписалось 44 человека. В нем они призывали защитить права словенцев в словенских землях. В начале апреля словенские студенты-юристы М. Семрайц и А. Глобочник написали воззвание «Милые словенские братья», в котором горячо одобряли статью Маяра в газете «Новице» и поддерживали идею объединения словенских земель в единое административное целое. А. Глобочник написал для чешских и хорватских депутатов, прибывших в Вену со своими прошениями к императору, воззвание «Братьям словенцам в Крайне, Приморье, Штирии и Каринтии», которое было опубликовано 5 апреля в Вене. В воззвании говорилось о необходимости единства и взаимопомощи всех славянских народов в новой конституционной Австрии. Оканчивалось воззвание призывом: «Создайте в своих мыслях и сердцах Словению, которой еще не существует политически! ... Подайте по-братски руку нашим соседям в Хорватии, Славонии и Далмации и признайте в них тех, к кому вы должны прежде всего обратиться, чтобы в союзе с ними достичь вашей высокой цели»¹¹.

Таким образом, первым об объединении словенцев заговорил Маяр, и этот его призыв был дополнен мыслью

¹⁰ Novice. 19.04.1848. S. 67.

¹¹ Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000. С. 34.

о необходимости им сотрудничать с хорватами. Призыв Маяра нашел отклик у словенцев, проживавших в Вене, прежде всего у студентов Венского университета. В начале апреля дальше союза с хорватами, т. е. чисто иллирской идеи, перенесенной из культурной плоскости в политику, мысль словенских деятелей не шла.

В апреле же 1848 г. были организованы первые словенские политические общества в Вене, Граце, Любляне. Наиболее влиятельным и деятельным стало венское общество Словения, основанное 20 апреля. Возглавил его молодой славист, ученик Копитара — Ф. Миклошич. На первом заседании общество приняло программу, в которой были четко выражены требования словенцев и которая стала официальной политической программой словенцев на протяжении многих десятилетий. В ней говорилось: «1. Политически раздробленный народ словенцев в Крайне, Штирии, Приморье и Каринтии как единый народ объединить в единое государство, чтобы он имел свое собственное провинциальное собрание; 2. Словенский язык у нас должен иметь полностью те же права, какие имеет немецкий в немецких землях, и чтобы от нашей воли зависело введение его в школы и учреждения; 3. Словения должна быть неотъемлемой частью Австрийской, а не Германской империи»¹².

18 апреля образовалось словенское общество в Граце, а 22 апреля оно опубликовало в газете «Грацер цайтунг» (*Gratzer Zeitung*. Грацкая газета) проект петиции к императору, в которой практически повторялась программа Объединенной Словении, представленная венской Словенией. Грацкие словенцы уделили особое внимание отношениям словенцев с хорватами. В частности, в петиции требовалось уничтожение таможенной границы между хорватскими и словенскими землями, организация словенской и хорватской высшей школы по общему образцу. На штирийских словенцев явно оказали влияние их иллирские симпатии.

¹² Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000. С. 36, 37.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —

Дальнейшая судьба этой петиции неизвестна. В конце апреля был опубликован проект конституции, предложенный императором, в котором Австрия провозглашалась единой и неделимой. В ответ члены грацкого словенского общества составили петицию с требованием Объединенной Словении. Под ней им удалось собрать 11 тыс. подписей¹³.

Сравнивая политические программы сербов, хорватов, словенцев, Кирилина приходит к обоснованному выводу, что «Программа Объединенной Словении явилась первой национальной программой в истории Австрийской империи, основанной исключительно на этническом принципе»¹⁴.

В программе венской Словении появилось новое требование, которое не выдвигалось ни Маяром, ни другими словенскими национальными деятелями в конце марта — первой половине апреля, а именно требование, чтобы Словения обязательно входила в состав Габсбургской империи. Этот вопрос не вызывал сомнения. Однако положение изменилось к середине апреля.

В марте в немецких государствах произошли революционные события, в результате которых их государи вынуждены были пойти на установление в своих землях конституционных порядков. К власти там пришли либералы. С 31 марта по 3 апреля 1848 г. немецкие либералы заседали во Франкфурте-на-Майне. На этих заседаниях было решено созвать во Франкфурте общегерманское Национальное собрание, на котором бы присутствовали представители всех немецких государств, включая Австрию. На Национальном собрании должен был решаться вопрос об объединении немецких земель в единое государство¹⁵. Подготовка выборов во Франкфуртское собрание проходила с середины апреля по середину мая.

¹³ Кирилина Л.А. Национальная программа словенцев в контексте революции 1848 г. в Австрийской империи // Европейские революции 1848 года. С. 332, 333.

¹⁴ Кирилина Л.А. Революция 1848–1849 гг. С. 169.

¹⁵ Оболенская С.В. Германская национальная идея и ее метаморфозы в XIX столетии // Европейские революции 1848 года. С. 60.

27 марта Союз немцев Богемии, Моравии и Силезии выступил в печати с заявлением, в котором утверждал неправомерность требования чехов ввести в школах и учреждениях чешский язык. В ответ на выступление Союза немцев лидер чешских национальных деятелей Ф. Палацкий 11 апреля опубликовал статью «Письмо во Франкфурт». В нем Палацкий объяснял свой отказ принять участие в выборах в германский парламент. Он мотивировал это так: «Мы чехи, а не немцы, чехи славянского рода». Вхождение Австрии в Объединенную Германию привело бы к распаду Австрийского государства, а его существование отвечает интересам всей Европы. «Если бы Австрийского государства не существовало, — заключал Палацкий, — мы должны были бы в интересах человечества немедленно его создать». В противовес программе Объединенной Германии Палацкий выдвинул идею превращения Габсбургского государства в конституционную федеративную монархию, основанную на равноправии всех ее народов¹⁶.

Эта статья Палацкого легла в основу программы австрославизма. Основные ее идеи имели хождение еще до революции. Так, культурный вариант австрославизма проповедовал Е. Копитар. Письмо Палацкого во Франкфурт было перепечатано многими славянскими газетами. Словенская либеральная газета «Словения» (Slovenija) опубликовала его уже 22 апреля.

Деятельность немецких либералов по созданию единой Германии, выступление против этого Палацкого и его план создания федеративной Австрии заставили словенских иллиров понять, что чисто иллирскими связями трудно будет противостоять немецкому натиску, и словенцам надо подключаться к другим австрийским славянам для совместной борьбы против германизации. В начале апреля наиболее дальновидные словенские националь-

¹⁶ Кирилина Л.А. Национальные идеи у чехов в 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года. С. 314.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
ные деятели выступали против голосования словенцев во Франкфуртское Национальное собрание и даже вели против этого агитацию среди словенских крестьян. В начале апреля 1848 г. Маяра его целовецкое начальство за бурную агитационную деятельность направило на службу в отдаленный приход Вишарье. Проезжая через Беляк (нем. — Филлах), где собрались крестьяне для голосования во Франкфуртское собрание, он выступил перед своими земляками из Зильской долины и убедил их не голосовать. Главным аргументом, подействовавшим на них, было заявление Маяра о том, что если они проголосуют, то будут иметь двух императоров и вынуждены будут платить налоги обоим¹⁷.

Программа объединения немецких земель, проведение выборов во Франкфуртское собрание, которое должно было осуществить ее, вызвали ответную реакцию со стороны австрийских славян. «Письмо во Франкфурт» Палацкого явилось сигналом для славянских политиков начать свои действия в противовес немецким либералам. У славянских политиков зародилась идея созыва Славянского съезда. Первым предложил сделать это хорватский либерал, историк И. Кукульевич-Сакцинский. Об этом он написал 20 апреля в либеральной хорватской газете «Новине далматинско-хорватско-славонске» (*Novine dalmatinsko-horvatsko-slavonske*)¹⁸.

30 апреля 1848 г. группа чешских и польских патриотов встретилась в Праге и приняла решение созвать Славянский съезд в чешской столице. Подготовительный комитет, созданный чешскими и польскими политиками, напечатал приглашение всем славянам приехать на Славянский съезд, который должен был начаться 31 мая. От имени словенцев приглашение подписал Ф. Миклошич. Из словенцев наметили пригласить на съезд Блейвейса, Враза, Миклошича, Яворника, Маяра, Муршеца, Цафа.

¹⁷ *Apih J. Slovenci in leto 1848. Ljubljana, 1888. S. 107.*

¹⁸ *Šidak J. Studije iz hrvatske povijesti za revolucije 1848–1849. Zagreb, 1979. S. 102, 103.*

Член общества Словения П. Козлер в письме к Й. Мурпещу от 25 мая сообщал, что в Прагу собираются поехать 3–4 человека, но Миклошича среди них не будет, так как он заболел. Из Вены поехали два словенца: А. Шпаровец и А. Глобочник. Они привезли с собой адрес, в котором перечислялись требования словенцев. Крайнские политики никак не реагировали на приглашение из Праги. Зато штирийские словенцы встретили идею созыва Славянского съезда благожелательно. Глава грацкого словенского общества Й. Драгони-Крженовский послал приветствие съезду уже до середины мая. Полномочия своего делегата штирийцы вручили С. Вразу, который ехал в Прагу как представитель хорватов. Помимо этого О. Цаф 27 мая послал приветственное письмо съезду, в котором он предлагал в королевство Словения включить кроме Штирии, Крайны и Каринтии прекомурских словенцев из Венгрии, а также наладить выпуск общеславянской газеты, организовывать ежегодные встречи славянских ученых, а следующий Славянский съезд провести в Белграде. Из Каринтии Славянскому съезду направили приветствие А. Эйншпиллер, М. Маяр, П. Яворник и др. В нем говорилось о необходимости поддержки словенских требований в будущем австрийском рейхстаге. «Ни в коем случае не допустите, — писали каринтийцы, — чтобы хоть один клочок словенской земли навеки был отобран у славянства»¹⁹.

Славянский съезд продолжался с 2 по 12 июня. На нем присутствовало 300 делегатов. Польский революционер Ф. Зах разработал Программный документ Славянского съезда, который так и не был принят из-за разгона съезда после Пражского восстания. В нем предусматривалось преобразование Австрии в союз равноправных народов с общим парламентом в Вене. Каждое национальное объединение имело бы свое провинциальное собрание и правительство. Делегаты съезда высказывали поддержку борьбе

¹⁹ Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. С. 60–62.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — южных славян против турецкого ига и выражали надежду, что они после освобождения присоединятся к Австрии, как к федеративному славянскому государству²⁰.

Пражское восстание немецкая и венгерская пресса оценили как выступление панславистов, желавших устроить резню немцев в Чехии. Франкфуртское Национальное собрание в постановлении от 21 июня одобрило его подавление и обещало австрийскому правительству помощь в защите немецкого населения.

Словенцы встретили весть о подавлении Пражского восстания по-разному. Умеренные круги заняли нейтральную позицию. Либеральная же «Словения» (4.07, 18.07.1848) опубликовала «Манифест европейским народам» и статью из либеральной чешской газеты «Пражские новости» «Историческое описание Славянского съезда»²¹.

Как справедливо отмечает отечественный историк Т.М. Исламов, «Поражение Пражского восстания было поражением не только славянского дела в Австрии, но и самой австрийской революции в целом»²². С этого времени наметившаяся неприязнь между славянами и немцами стала все быстрее набирать обороты и к концу октября 1848 г. достигла своего апогея.

В июле 1848 г. стала выходить словенская либеральная газета «Словения» (Slovenija. 4.07.1848 — 29.03.1850). Кроме нее появилось еще несколько местных словенских газет. С июля издавались «Цельские словенские новости» (Celjske slovenske novine), «Словенские церковные часопис» (Slovenski cerkveni časopis), «Ведеж» (Vedež). В Новом Месте появилась газета на немецком языке «Словенише блат» (Slovenische Blatt), которая защищала программу Объединенной Словении. У этих газет было разное направление, они вы-

²⁰ Кирилина Л.А. Национальные идеи у чехов в 1848–1849 гг. // Европейские революции 1848 года. С. 318.

²¹ Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. С. 83, 64.

²² Исламов Т.М. Революция 1848 г. в Австрийской империи: национальные и межнациональные аспекты // Европейские революции 1848 года. С. 163.

ражали взгляды разных слоев словенского общества. Наиболее популярной была «Словения», на страницах которой формировалась национальная программа словенцев.

Первым выступил на страницах «Словении» молодой юрист, депутат рейхстага в Вене и Кромержиже Й. Крайнци. Он в статье «Славяно-немецкие отношения» поддержал программу Объединенной Словении. Крайнци не сомневался, что «будущее славян в Австрии и только в Австрии», а немцам, если они уж так стремятся к Франкфурту, советовал отделиться от австрийских славян и вступить в Германский союз. Венграм Крайнци также предлагал отделиться от Австрии. В той же статье Крайнци поддержал идею о расширении границ Австрии за счет турецких славян. Он был убежден, что конституционная Австрия подтолкнет страдающих под турецким гнетом славян к выступлению против угнетателей и они с помощью австрийских братьев разобьют турок и поспешат в «лоно Австрии, которая даст им свободу»²³.

Но самым активным корреспондентом «Словении», наиболее подробно разрабатывавшим национальную программу словенцев был М. Маяр. Он высоко оценивал деятельность этой газеты и после прекращения ее выхода так отзывался о ней: «Она за это короткое время так много сделала для нашего народа, что этого никогда уже нельзя будет зачеркнуть; она больше сделала, чем многие большие журналы за 50 лет»²⁴.

Еще до Пражского восстания в своей первой статье «Славяне и немцы», помещенной в газете «Словения», Маяр доказывал необходимость создания Словении, опираясь на факт номинального существования Иллирии. Он утверждал, что к указанной Иллирии, объединявшей Люблянскую и Триестинскую губернии, надо только присоединить Штирию и в результате получится Словения. В этой

²³ Slovenija. 11.07.1848.

²⁴ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Kn. I. Ljubljana, 1955. S. 178.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
же статье Маяр отмечал, что славян 80 млн и они являются одним из величайших народов мира, занимая половину Европы, треть Азии и часть Америки. «Над славянами никогда не заходит солнце», — с гордостью заявлял Маяр²⁵. В своей второй статье «Славянское согласие» он уже более определенно и точно высказывался о словенской национальной программе. «Пусть словенцы в Словенском королевстве (Крайна и Каринтия. — *И. Ч.*), в Штирии, в Железном комитате в Венгрии (Прекомурье, входившее в состав Венгерского королевства. — *И. Ч.*), и в Венеции объединятся в единый народ. Пусть будем мы иметь общее провинциальное собрание и общее провинциальное правительство. Пусть в наших словенских землях в канцеляриях и высших и низших школах будет введен словенский язык. Пусть в Словении во всех общественных службах, во всех учреждениях — духовных, гражданских и военных — будут служить наши люди, которые хорошо знают наш язык и любят наш народ»²⁶. В этой статье для Маяра не имело значение современное административное деление, он уже прямо говорит об Объединенной Словении, созданной по чисто национальному признаку, не обращая внимания на административные границы. Он призывал включить в Объединенную Словению не только крайних, штирийских и каринтийских словенцев, как это делали многие словенские либералы, но также словенцев, проживавших в Италии и Венгрии.

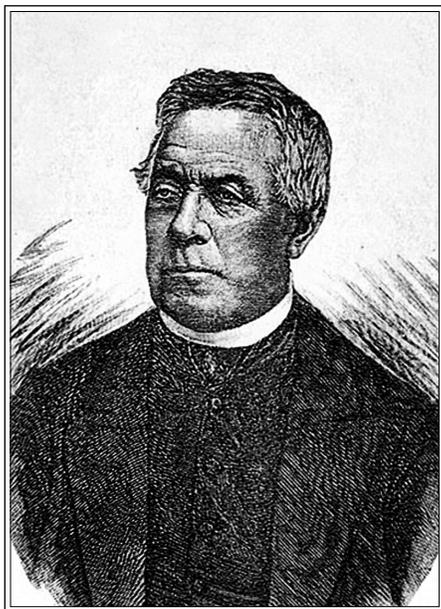
В своих статьях основное внимание Маяр уделял Словении, но одновременно высказывался и об отношениях словенцев с другими славянами. В статье «Славянское согласие» он выдвинул план объединения с хорватами и сербами. Его планы по отношению к другим славянам были не так ясны. Он ратовал пока за то, чтобы все австрийские славяне соединились в один народ и действовали согла-

---

²⁵ Slovenija. 14.07.1848.

²⁶ Slovenija. 25.07.1848.

сованно. «Если мы будем согласны, — утверждал Маяр, — будем братски любить друг друга и объединимся, мы станем могучими и значительными, ... мы будем свободны, т.е. над нами не будет господствовать ни один народ, мы сможем защитить свои старые права и позаботиться о новых»²⁷. В статье «Славянское согласие» еще ясно прослеживаются иллирские симпатии Маяра, его стремление обеспечить более тесный союз между южными славянами. Маяр выступал за сохранение Австрии, но, как и Крайнци, он мечтал о славянской Австрии.

Матия Маяр

Славяне вовсе не собираются мешать мадьярам и немцам делать то, что они хотят, подразумевая под этим их выход из Габсбургской монархии. «Мы, славяне, — продолжал он, — придерживаемся своего императора. Ему еще останутся прекрасные славянские королевства Словения, Хорватия, Славония, Далмация и Воеводина Сербская, а также Чехия, Галиция, Владимирия и Моравия с венгерской Словенией (Словакией. — *И. Ч.*)»²⁸. Эта славянская Австрия должна была быть конституционной монархией. Именно за эту Австрию боролся в то время Маяр.

Но программа у Маяра не оставалась неизменной. Причиной этого была меняющаяся обстановка в империи. В июне было подавлено восстание в Праге. В июне же на-

²⁷ Slovenija. 18.07.1848.

²⁸ Slovenija. 15.07, 18.07.1848.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
чалась война между венграми, с одной стороны, и сербами
и хорватами, с другой, из-за нежелания революционного
венгерского правительства признать национальные права
югославян. Словенцы приняли сторону сербов и хорватов,
они даже собирали средства для них. В числе тех, кто внес
пожертвования, были Блейвейс и Маяр.

После июньских событий у Маяра изменилось отношение к немцам и венграм. В своей первой статье «Чего мы, словенцы, требуем» он писал: «Все мы братья — славяне, немцы, итальянцы, венгры»²⁹. После июньских событий Маяр стал говорить о немцах и венграх гораздо жестче. В своей статье «Славяне и немцы» он писал, что немцы хотят одни пользоваться свободами и правами, дарованными конституцией, что они игнорируют славянскую национальность и язык и хотят силой заставить славян присоединиться к немецкому союзу³⁰. И все же, подчеркивал он в следующей статье, словенцы искренне хотят дружбы с немцами, но только на равноправных началах³¹. В статье «Славянское согласие» Маяр отзывался о немцах еще более резко. Немцы говорят, что словенцы их не любят. Но как же можно любить насильников, запрещающих пользоваться родным языком? Маяр клеймил действия Виндишгреца в Праге, расстрел его солдатами чехов и далее делал вывод: «Справедливость немцы не могут расстрелять». Но даже в этой статье он писал, что, несмотря на то что славяне многое вытерпели от других народов, они не желают им зла³². Только после октябрьского восстания в Вене всякие симпатии к немцам и венграм у Маяра исчезли. При этом он не видел разницы между либералами и революционерами, для него они все франкфуртисты и бунтари, все ненавистники славян. И такое отношение к немцам у Маяра сохранилось до конца революции.

---

²⁹ Novice. 29.03.1848.

³⁰ Slovenija. 07.06.1848.

³¹ Slovenija. 18.06.1848.

³² Slovenija. 25.07.1848.

После разгрома октябрьского восстания в Вене вопрос о присоединении австрийских немцев к Германскому союзу отпал. И Маяр выдвинул новый план преобразования Австрии. В статье «Провинции нашей империи» Маяр подробно развернул свою австрославистскую программу. В ней он исходил из того, что в Габсбургской монархии будут жить пять народов: славяне, немцы, венгры, румыны, итальянцы. Между ними необходимо установить границы, принимая во внимание только один принцип — где какой народ живет. Вся Австрия должна иметь общий парламент, центральное правительство, в компетенцию которого входят сношения с иностранными государствами, финансы, армия, торговля. Для всех других дел каждый народ избирает свой собственный парламент и правительство. «Только в таком союзе свободных народов, — подчеркивал Маяр, — возможно нашу империю, состоящую из многих народов, сделать крепкою, мощною и счастливою». Исходя из того, что славянские племена составляют единый народ, Маяр полагал, что они образуют внутри империи особую, автономную, единицу Славию с центром в Праге. В ней должны собираться общеславянское собрание, находиться общеславянское правительство, в котором каждое славянское племя имеет своего представителя. Правительство Славии ведет дела с центральным австрийским правительством. Но и сама Славия должна быть устроена по федеративному принципу. Каждое славянское племя имеет свое собрание, своего губернатора и своего командующего войсками. Славянские племена (их Маяр насчитывал 8 — словенцы, далмато-хорвато-славонцы, сербы, чехи, мораване, словаки, поляки, русины) равноправны, никто не может господствовать над другими. В частности, Маяр считал, что поляки должны иметь свое управление, а русины — свое³³.

В письме к Вразу от 22 ноября 1848 г. Маяр сообщал о принципах славянской федерации. «По моему мнению, все

³³ Slovenija. 26.12.1848.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — славяне нашей империи должны придерживаться двух правил, — писал он. — 1. В нашей империи существует только один-единственный славянский народ; против правительства и против остальных народов нашего государства мы никогда не должны выступать разрозненно по племенам. Это было бы для нас гибелью. 2. Все эти племена являются ... полностью между собою равноправными. Если первого правила мы не будем придерживаться, то окажемся слабыми против правительства и против остальных австрийских народов. Если пренебрежем вторым правилом — пропадут наше согласие, взаимность и братство; несогласие и ссоры установятся между нашими отдельными племенами. Это же мне кажется величайшим национальным несчастьем»³⁴.

Из последней программы Маяра видно, что славяне не являются единым народом, а в Австрии существуют восемь самостоятельных славянских народов (племен). Но он был убежден, что против австрийского правительства и других неславянских народов они должны выступать как единое целое, ибо каждый из славянских народов (племен) слишком слаб. Любопытен один нюанс: в письме к Вразу Маяр рассматривает австрийское правительство не как союзника, но как противника славян, что в своих прежних статьях он не делает.

На австрославистскую программу Маяра конца 1848 г., несомненно, оказали влияние программы Палацкого и Славянского съезда в Праге. В своем последнем проекте он отошел от иллирских позиций и не затрагивал вопроса об особо близких отношениях южных славян, а, наоборот, прямо подчеркивал, что каждое славянское племя должно объединиться со всеми австрийскими славянами, а не с одним из племен — например, словенцы с хорватами, а чехи со словаками.

В статьях, напечатанных в газете «Словения», Маяр сформулировал четкую австрославистскую программу, са-

---

³⁴ Majar — Vrazu. 22.11.1848 // Trezor.

мую детальную из всех программ, написанных словенскими национальными деятелями. Основные программные статьи, опубликованные в «Словении», принадлежали именно Маяру, который в известной степени являлся главным идеологом словенских либералов. И это признавали многие словенские национальные деятели.

Уже первая статья Маяра в газете «Новице» вызвала отклик у словенцев. 12 апреля два венских студента, впоследствии активных членов венского общества Словения Мартин Семрайц и Антон Глобочник, в опубликованном в «Новицах» обращении к словенцам писали: «Хвала тебе, дорогой словенский брат господин Майер, своим горячим словом в «Новицах» обнаружившим свою искреннюю заботу о нашем словенском языке»³⁵. Член венской Словении Хладник и штирийский священник Д. Трстеняк с симпатией отнеслись к почину Маяра собирать подписи под петицией об Объединенной Словенией. В газете «Словения» имя Маяра не раз упоминалось в числе наиболее уважаемых. Каринтийский священник А. Эйншпиллер (псевдоним — «Свечан») называл Маяра первым в ряду словенских патриотов. Чех из Любляны Янез Навратил видел в Маяре патриота, искреннего и ученого словенца. Он полностью разделял мысли Маяра о том, что кириллица должна стать единственным алфавитом славян. Свою статью Навратил заканчивал здравицей: «Слава, слава г. Маяру!»³⁶. В ряде статей газеты «Словения» проводились идеи Маяра. Так, в очерке «Радослава» «Мое путешествие» говорилось о миссии славян, возложенной на них богом, — распространять на земле свободу, равенство и братство³⁷. Идеи Маяра проводил в своих статьях А. Эйншпиллер, особенно защищая требование введения словенского языка в школах и учреждениях. Сочувствовал взглядам Маяра и умеренный Блейвейс. Летом 1848 г. он предпринял путешествие в далекий приход Вишарье, куда

³⁵ Novice. 12.04.1848.

³⁶ Slovenija. 02.02.1848.

³⁷ Slovenija. 18.07.1848.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — был сослан Маяр. Об этом путешествии он опубликовал статью, в которой говорил о Маяре как о своем друге и друге «Матери Славь»³⁸. Сам Маяр с гордостью сообщал Вразу в конце 1848 г.: «Мое слово ценится у словенцев»³⁹.

В конце июня 1848 г. прошли выборы в рейхстаг, на котором должны были обсудить и принять конституцию. Австрийский рейхстаг был избран на основе демократического по тем временам избирательного права. И его состав в значительной степени отражал национальный и социальный состав Австрийской империи. Из 383 депутатов только 160 были немцами по национальности. Остальные являлись представителями национальных меньшинств — чехов, поляков, словенцев, румын, при этом главным образом из средних и низших слоев населения. Так, в числе депутатов находилось 94 крестьянина. В рейхстаг попало 17 словенских депутатов. Из них 6 были крестьянами, 11 — представителями светской интеллигенции. Ни одного помещика и ни одного священника словенцы не избрали. Среди словенских депутатов твердыми сторонниками программы Объединенной Словении были М. Амброж, М. Кавчич, Й. Крайнци, Ф. Миклошич⁴⁰.

Заседания рейхстага открылись 22 июля 1848 г. Председателем рейхстага был избран поляк Ф. Смолька, руководящую роль в нем играли чехи Ф. Палацкий и Ф. Ригер. Славянские деятели чувствовали себя хозяевами положения. 11 сентября на заседании рейхстага Ригер заявил: «Мы, славяне, представляем величайшую силу этого государства, оно держится нашими деньгами и нашей кровью, но оно будет стоять столько, сколько мы захотим, а мы хотим этого»⁴¹.

Рейхстаг избрал конституционную комиссию, в которую от словенцев вошли Миклошич, Крайнци, Амброж, Кавчич,

³⁸ Novice. 06.09.1848.

³⁹ Majar — Vrazu. 22.11.1848 // Trezor.

⁴⁰ Кирилина Л.А. Словенцы в революции 1848–1849 гг. С. 83.

⁴¹ Исламов Т.М. Революция 1848 г. в Австрийской империи. С. 167–169.

Горьюп⁴². Во время работы в Вене рейхстаг обсуждал вопрос об отмене феодальных повинностей. Что касается национального вопроса, то против объединения с Германией и за федерализацию Австрии выступали правые или Славянская партия. Она выступала за то, чтобы Австрия была конституционной монархией, состоящей из равноправных национальных областей. До Кромержижа, австрийского города, куда перебрался австрийский рейхстаг во время венского восстания, национальный вопрос подробно в нем не обсуждался.

Летом и осенью 1848 г. работали и провинциальные собрания (ландтаги). В крайнском собрании работа закончилась очень быстро. Когда на заседании был поставлен вопрос о повинностях, крестьянские депутаты заявили, что этот вопрос решит рейхстаг, а крайнское собрание ничего решить не может. Поэтому собрание самораспустилось и более не собиралось. В штирийском и каринтийском провинциальных собраниях обсуждался национальный вопрос. Там словенские депутаты не затрагивали тему Объединенной Словении в полном объеме, но выступали с требованием введения словенского языка в школах и учреждениях. В августе 1848 г. каринтийское провинциальное собрание приняло резолюцию с требованием в провинции Каринтия образовать автономную область Нижняя Каринтия со словенским населением. Некоторые каринтийские словенцы выступали на страницах газеты «Словения» за Объединенную Словению, но они вынуждены были признать, что большинство каринтийских словенцев эту программу не поддерживает⁴³.

В дни Венского восстания в рейхстаге произошел раскол: большая часть его депутатов из правых и центра уехала в Оломоуц. Подавляющее большинство словенских политиков осудило это восстание, определив его как «бунт

⁴² Кирилина Л.А. Словенцы в революцию 1848–1849 гг. С. 89.

⁴³ Slovenija. 28.08, 26.09.1848.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — против славян». В восстании словенцы, как и другие славяне, увидели угрозу распада империи. Словенских депутатов, которые остались в Вене, словенская пресса заклеймила как «изменников родины, продавшихся венграм и немцам»⁴⁴.

После подавления восстания в Вене словенские национальные деятели переживали определенный подъем. 22 ноября 1848 г. в Кромержиже возобновил свою работу рейхстаг. В нем образовалось несколько клубов, из которых наиболее многочисленным был Славянский клуб, объединявший 120 депутатов. Национальную программу, с которой выступил Славянский клуб, составил Палацкий. В январе он предоставил план преобразования Австрии в федеративное государство. При этом он считал, что новые провинции империи должны создаваться по национальному принципу, их границы должны совпадать с границами проживания того или иного этноса. В словенскую провинцию Палацкий предлагал включить Крайну и словенские части Каринтии и Штирии. При голосовании большинство депутатов проголосовало за централистскую программу. Из словенских депутатов программу Палацкого поддержали Горьюц, Крайнци и Миклошич.

При обсуждении национального вопроса в штирийском провинциальном собрании было принято положение о том, что Штирия должна оставаться единой и неделимой. Против этого выступили только два словенских депутата. Крестьянин Я. Крефт единственный из депутатов высказался за Объединенную Словению, и его поддержал только немец Кнафл⁴⁵. Однако некоторые словенские политики в Штирии являлись верными сторонниками и Объединенной Словении, и союза ее с южными славянами. К ним относились Й. Муршец и О. Цаф. В январе 1849 г. О. Цаф с горечью писал одному из активнейших членов грацкого

⁴⁴ Кирилина Л.А. Словенцы в революцию 1848–1849 гг. С. 124.

⁴⁵ Novice. 25.08, 27.09.1848.

общества Словения Й. Муршецу: «Мы останемся уродами и испорченными людьми, пока не объединимся полностью с крайнцами и хорватами»⁴⁶.

В начале декабря 1848 г. на австрийский престол с помощью Виндишгреца и Елачича был возведен Франц Иосиф, племянник предыдущего императора — Фердинанда I. Он дал определенные обещания славянским народам, прежде всего хорватам и сербам, почти полгода боровшимся с венграми. В середине декабря австрийская армия под руководством Виндишгреца вторглась в Венгрию и 5 января 1849 г. заняла Пешт. Чем больше укреплялись позиции венского двора, тем активнее австрийское правительство стало наступать на завоевания революции.

4 марта 1849 г. император провозгласил Октроированную конституцию. Она утверждала «свободную, самостоятельную, неделимую и неразъединимую конституционную австрийскую наследственную монархию». Это был удар по надеждам славян на федерализацию Австрии — она оставалась централизованным государством. Правда, в новой конституции провозглашалось национальное равноправие. Введение конституции было отсрочено, она так никогда не была проведена в жизнь⁴⁷.

Резкое изменение политики властей остро почувствовали словенские национальные деятели. Майр в тот же день, 4 марта, когда была провозглашена Октроированная конституция, делился своими мыслями по поводу создавшейся обстановки с Вразом. «Нас снова хотят продать Франкфурту, — с горечью писал он, — фарисеи и писаки всеми силами препятствуют словенскому языку. Бояре и чиновники действуют как при Меттернихе. Епископы послали министерству прошение, чтобы их верных овец не освобождали

⁴⁶ Кирилина Л.А. Революция 1848–1849 гг. в словенских землях // История Словении. СПб, 2011. С. 156.

⁴⁷ Исламов Т.М. Переход реакции в наступление. Освободительная война венгерского народа // Освободительные движения народов Австрийской империи. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1840 г. М., 1980. С. 379.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — от десятины и барщины. Комитет учредительного собрания (рейхстага. — *И. Ч.*) постановил, чтобы штирийские словенцы слушали немецкий Градец (нем. — Грац. — *И. Ч.*), каринтийцы — немецкий ландтаг в Целовце, крайнцы же чтобы отделились от остальных словенцев, также и наши приморские словенцы. Раньше все мы словенцы были объединены в одном королевстве (Иллирийское королевство номинально существовало до 1849 г. — *И. Ч.*)... Мы желали присоединить только штирийских словенцев. А теперь нас раздробят на еще более мелкие части, чем прежде». Майяр отмечал усиление германизации в Каринтии. И все же он не терял надежды на конечную победу словенцев. Он перечислял Вразу причины своей надежды: справедливость бога, словенцы требуют то, что им обещали два императора, словенцы имеют много искренних патриотов: «наш народ проснулся, пробудился к национальной жизни, те же самые простые крестьяне уже осознают потребности нашего словенского племени», «с великой надеждой мы смотрим на своих братьев хорватов, сербов, чехов и т. д., надеясь, что они не оставят нас в болоте»⁴⁸. Майяр, хотя и упоминал об обещании словенцам двух императоров, все же чувствовалось, что главную свою надежду он возлагал на своих соотечественников, осознавших себя словенцами, и на помощь братских славянских народов.

7 марта 1849 г. власти разогнали рейхстаг, затем вышел закон о цензуре, а 17 марта была запрещена деятельность политических организаций. Эти события были встречены словенскими либералами с горечью. «Мы, словенцы, — писала «Словения» — по-прежнему должны остаться раздробленными»⁴⁹. Спустя десять дней после разгона рейхстага «Словения» подчеркивала: «Словенский народ ... не радовался последним событиям, особенно обращению с депутатами ... Все ходили как побитые, за-

⁴⁸ Majar — Vrazu. 4.03.1849 // Trezor.

⁴⁹ Slovenija. 09.03.1848.

думчивые, мрачные ... Этот март принес нам зиму вместо весны»⁵⁰. После того как было установлено отдельное управление для Каринтии, Крайны, Приморья, надежды либералов на создание Объединенной Словении были окончательно разрушены. М. Семрайц и А. Эйншпиллер составили и опубликовали в газете «Словения» петицию к императору с просьбой о создании Объединенной Словении, включающей Люблянскую, Триестинскую и Грацкую губернии⁵¹. Это были последние попытки поднять вопрос о политической программе словенцев. В 1850 г. газета «Словения» перестала выходить.

Во время революции была создана еще одна словенская политическая программа, опубликованная в итальянской газете «Предвестник» («Il Precursore»). Ее написал молодой словенец Винко Клун. Уроженец Любляны, он в качестве воспитателя переехал с богатой семьей в Венецию, где накануне 1848 г. закончил исторический факультет Падуанского университета. Когда 22 марта 1848 г. в Венеции началась революция, направленная против австрийцев, Клун примкнул к республиканцам, группировавшимся вокруг Н. Томазео. Томазео и его соратники боролись за республику, которую они полагали установить в союзе со славянскими народами. В своей статье, посвященной панславизму, Клун предлагал способ ликвидировать разобщенность славян. Для этого славяне должны принять единый алфавит и единый язык, которым он предлагал сделать иллирский. Языковое и экономическое объединение приведет славян к объединению политическому. Славянская конфедерация должна была включать территории, где проживали поляки, чехи, русские, иллиры. Осуществить это объединение должны, по мнению Клуна, австрийские славяне, ибо Россия, хотя и является независимым государством, но сами русские не свободны. Программа Клуна выходила за рам-

⁵⁰ Slovenija. 17.03.1848.

⁵¹ Slovenija. 03.07.1849.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
ки австрославизма, она выступала за объединение всех славян. Программа Клуна не предусматривала монархического строя для конфедерации, как об этом говорилось в других славянских программах 1848 г.⁵² Однако она не оказала влияния на словенское национальное движение, поскольку ее словенцы не знали.

Во время революции главным доводом немцев и венгров в дискуссиях со словенцами и другими славянами по поводу их национальных программ являлось утверждение, что они хотят выйти из состава Австрии и присоединиться к России. Этот вопрос имеет принципиальное значение, поэтому мы специально остановимся на нем. На отношение словенских политиков к России оказала большое влияние статья Палацкого «Письмо во Франкфурт». Высказываясь против вхождения Австрии в Объединенную Германию, Палацкий одновременно выступал и против ее автономизации, ибо считал, что в этом случае она станет легкой добычей России. «Подумайте о том, что раздробленная на кучу республик и республичек, — писал он, — Австрия бы стала желанным материалом для создания русской универсальной монархии»⁵³. И в таком взгляде на Россию Палацкий не был одинок. Словацкий национальный деятель Людовит Штур на встречах в Вене со славянскими национальными деятелями в апреле 1848 г. высказал опасение, что возможна интервенция России, которую он назвал «самым большим неприятелем славян Центральной Европы»⁵⁴.

Маяр, который в революцию являлся главным идеологом словенцев, также был настроен по отношению к России отрицательно. В июле 1848 г. в статье «Славяне и немцы», отвечая на обвинения немцев, что славяне якобы хотят пойти под власть России, он писал: «Нам свобода милее, чем любое насилие, будь оно русское или франкфуртское»⁵⁵. В декабре 1848 г. М. Маяр в ответ на

⁵² Pierazzi J. Vincenc Klun in Beneška revolucija 1848–1849 // Zgodovinski časopis. 1972. № 2. S. 74–77.

⁵³ Исламов Т.М. Революция 1848 г. в Австрийской империи. С. 160.

⁵⁴ Рокина Г.В. Ян Коллар и Россия. Йошкар-Ола, 1998. С. 80.

⁵⁵ Slovenija. 18.07.1848.

обвинение немецких националистов, что славяне ориентируются на Россию, повторил слова Палацкокого: «Мы, славяне, говорим, если бы Австрийской империи не было, мы основали бы ее заново»⁵⁶.

Венская Словения, стоявшая на наиболее радикальных позициях в словенском национальном движении, весной вела полемику с графом Антоном фон Ауэрспергом, уроженцем Крайны, известным немецким поэтом (псевдоним — Анастасиус Грюн). Ауэрсперг упрекал своих соотечественников, что они действуют вопреки воле Австрии. В своих письмах к обществу Ауэрсперг утверждал, что перед словенцами стоит выбор: либо вместе с Австрией присоединиться к Германии, либо отойти к России. Членам Словении оба варианта казались неприемлемыми. Они твердо стояли за сохранение независимой Австрии. При этом они не исключали, что австрийским народам придется воевать с Россией ради сохранения Австрии. «Нам, словенцам, не следует бояться русских, — писали члены Словении Ауэрспергу. — Мы полагаем, что в союзе со всеми нашими австрийскими братскими народами мы сможем с честью выдержать бой с русскими так же, как сначала с татарами, затем с турками и, наконец, с французами». Члены Словении считали, что Австрия, преобразованная в федерацию, станет могучим государством, с которым Германия и Россия будут жить в мире и дружбе⁵⁷.

Против вхождения словенцев в Россию выступали и словенские политики: Й. Крайнци, Я. Бучар, Й. Драгони-Крженовский. Газета «Цельске словенске новине» в июле 1848 г. писала, что немцы потому считают словенцев панславистами, поскольку сами являются пангерманистами. Словенцы же не стремятся к объединению всех славянских земель, они желают остаться в Австрийской империи⁵⁸. У некоторых словенских политиков было не просто отрица-

⁵⁶ Slovenija. 12.12.1848.

⁵⁷ Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 г. С. 50, 51.

⁵⁸ Там же. С. 65–67.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
тельное отношение к России, они, воспитанные немецкой
литературой, относились к ней с известным пренебрежени-
ем и даже превосходством. Глава грацкой Словении Дра-
гони-Крженовский в марте 1849 г. высказывал мысль, что
австрийские славяне должны нести цивилизацию славянс-
ким народам Турции и России, как некогда просвещенный
Запад принес цивилизацию в Америку⁵⁹.

Вообще словенская пресса почти ничего не опубликова-
ла о России, только иногда перепечатывала о ней статьи из
других славянских изданий. Так, в октябре 1848 г. «Слове-
ния» поместила статью из хорватской газеты «Новине дал-
матинско-хорватско-славонске», написанную хорватским
национальным деятелем Е. Ткалчевичем. Автор писал о
великой миссии славян, которые принесут миру справед-
ливость и равноправие. Ткалчевич делал сравнительный
анализ истории русского, польского и сербского народов, су-
мевших создать сильные государства. «Кто глубоко изучит
историю, — писал Ткалчевич, — поймет, что зря говорят,
что русские любят рабство, — они очень любили свободу.
Обстоятельства сделали из русских рабов». Ткалчевич от-
мечал этапы порабощения русских: приход норманнов, та-
таро-монгольское иго, правление Ивана Грозного. От своих
предков-норманнов русские цари унаследовали правила
абсолютистского правления. И далее Ткалчевич заключал:
«Абсолютизму в России сопротивляются образованные слои
населения»⁶⁰. Все-таки у славянских политиков где-то в
глубине души тлела надежда на то, что в будущем Россия
станет такой, какой они желали ее видеть.

Положение изменилось, когда русские войска по
просьбе австрийского императора вторглись в пределы
Австрийской империи и при Вилагоше вынудили венгер-
скую армию капитулировать. С начала военных действий
газета «Словения» помещала сообщения о ходе боев меж-

⁵⁹ Slovenija. 09.03.1849.

⁶⁰ Кирилина Л.А. Словенцы и революция 1848–1849 гг. С. 67.

ду венграми и русскими. В них русские характеризовались как храбрые солдаты, а их руководство — как мудрое и хладнокровное. В корреспонденциях отмечались добросердечие русских, их религиозность, рассказывалось, что крестьяне в славянских селах принимали русских солдат как своих освободителей и встречали их хлебом-солью. Благодаря непосредственным контактам с русскими у словенцев менялось представление о них, как о покорных рабах. Росту симпатий к России у словенцев содействовал и тот факт, что русские войска освобождали территории сербов, захваченные венграми, — ведь словенцы с самого начала военных действий между венграми, с одной стороны, и сербами и хорватами, с другой, симпатизировали славянской стороне.

Венские власти, зачеркнув достижения революции, решительно возвращались к дореволюционным порядкам. Началась эпоха баховского абсолютизма, названная так по имени ее творца — министра А. Баха.

* * *

После окончания революции и введения баховского режима, практически возрождавшего в стране режим Меттерниха, словенцы, как и другие славянские народы Австрии, в значительной степени потеряли надежду добиться реорганизации Габсбургской монархии на желательных для них основаниях. Разочарование в Габсбургах коснулось прежде всего либералов. Часть их группировалась вокруг Маяра, приобретшего авторитет своей деятельностью во время революции. Маяр призывал в существующих условиях заняться развитием культуры. Сам он увлекся созданием общеславянского литературного языка.

В конце 40-х — начале 50-х годов XIX в. словенские либералы начали выработать новую тактику в борьбе за национальные права словенцев. Эйншиллер предложил программу развития словенской прессы, проведения учительских собраний. Он также полагал, что словенцы

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — не должны прекращать заниматься политикой, ибо иначе «мы не можем надеяться, что наша духовная и литературная жизнь будет иметь какую-либо пользу и значение»⁶¹. Эйншпиллера полностью поддерживал Маяр. После смерти Враза наиболее близким его корреспондентом стал Й. Муршец. 7 декабря 1849 г. Маяр писал ему: «Мы под властью Меттерниха заботились о своем народе и трудились для него, почему бы мы и впредь не могли делать это?»⁶². Закрытие газеты «Словения» в декабре 1849 г. и запрещение заниматься политической деятельностью лишило словенцев возможности иметь политическую газету. Маяр, как и Эйншпиллер все же считал нужным создать новую словенскую газету, хотя бы и не политическую. Об этом он рассказал Муршецу в письме от 2 июня 1850 г.: «Народ без политической газеты то же самое, что человек без языка: он не может говорить и защищать свои права, он слуга других народов. ... Мы политическую газету должны иметь!» Несмотря на наступление реакции, Маяр считал, что национальное развитие словенцев сделало большие успехи: «Наше дело не так уж плохо ... Наше правописание введено официально. Словенцы пробуждены, они знают, что являются словенцами, они знают, что нужно ввести словенский язык в школы и канцелярии». В Каринтии большая часть образованной молодежи стоит на национальных позициях, в Любляне продолжает действовать Словенское общество. И хотя газета «Словения» перестала существовать, «будущее нашего народа мы не создавали на основе бумажной «Словении», которая прекратила свое существование, наша Словения существует и будет существовать». Главным для словенцев, по мнению Маяра, является создание политической газеты, которая должна носить югославянский характер. Цель ее — объединить патриотов Словении, Триединого королевства и

⁶¹ Slovenija. 1849. № 11, 12, 14.

⁶² *Ilešič F.* Korespondenca dr. Jos. Muršeca. Ljubljana, 1905. S. 114.

сербской Воеводины как в языке, так и в политике. «Словенцы стояли бы в «Югославянской газете» крепче, чем в газете «Словения», так как опирались бы на всех остальных югославян, и для хорватов наше присоединение к ним было бы полезно». Маяр полагал, что новая газета должна иметь своих корреспондентов в Градце, Мариборе, Целье, Любляне, Каринтии и Горице, чтобы в каждом ее номере имелись бы статьи из Словении. Маяр сообщал Муршецу, что о плане создания югославянской газеты он напишет Трстеньяку и Мацуну⁶³.

Спустя несколько месяцев Маяр понял, что создать политическую газету невозможно. 5 декабря 1851 г. он с горечью признавался Муршецу: «С политикой сейчас нечего и начинать, нужно только быть настроже, случись что, и заботливо поддерживать литературную деятельность... Это сейчас наша политика. Сейчас нам нужна литературная газета, какой была некогда «Даница илирска» в Загребе»⁶⁴. Маяр не отказывался от дальнейшей политической деятельности, он полагал, что это временное отступление, вызванное полицейскими репрессиями.

В письмах к Муршецу Маяр не упоминает ни австрийское правительство, ни других австрийских славян. Во второй половине 1849 г. он уже отказался от надежд на венские власти и автрославизм и вернулся к своим дореволюционным иллирским взглядам, от которых он не отказывался и в годы революции. Об этом свидетельствует и выход в Праге осенью 1848 г. его брошюры «Правила, как образовать иллирское наречие и общеславянский язык». Основное содержание ее было следующим. Единый славянский язык уже в древности был богатым, просвещенным, широко распространенным языком. В настоящее время он разделен на четыре наречия (чешское, польское, иллирское, русское) и 14–16 поднаречий. Из-за того, что каждое

⁶³ *Ilešič F.* Korespondenca dr. Jos. Muršeca. Ljubljana, 1905. S. 117–119.

⁶⁴ *Ibid.* S. 119.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — поднаречье создало свой литературный язык, славянская литература отстает в своем развитии от литератур других европейских народов. Единственный путь к расцвету славянской литературы — создание вместо 14–16 мелких литератур одной великой литературы. Для этого нужно сначала свести все поднаречья к четырем главным славянским литературным наречиям. Южным славянам следует сформировать свое иллирское литературное наречие, руководствуясь правилом: «Пиши на своем иллирском поднаречии так, чтобы было, насколько возможно, похоже на все иллирские поднаречия и не отдалялось бы от других славянских наречий»⁶⁵. Для расцвета славянской литературы она должна опираться на единый общеславянский литературный язык. Таким образом, уже в 1848 г. Маяр рассматривал иллирский язык как переходный к единому общеславянскому литературному языку.

«Правила» Маяра, несмотря на свой филологический характер, отражали его политические взгляды. Если в политических статьях Маяра в 1848 г. наблюдался только переход от иллиризма к австрославизму, то «Правила» уже намечали переход от иллиризма к всеславянским идеям. Таким образом, Маяр и в 1848 г. не был убежденным австрославистом. Австрославистская программа Маяра 1848 г. исходила из конкретной обстановки в стране, которая давала возможность строить ближайшие планы объединения только австрийских славян. Тот факт, что Маяр, развивая австрославистскую программу, вместе с тем разрабатывал план создания общеславянского языка, указывает на то, что для него австрославизм, как и иллиризм, были всего лишь шагом к всеславянскому объединению.

Вся литературная деятельность, которую развил Маяр и его сторонники в 50-е годы XIX в., была подчинена его политическим идеям, о которых он писал в своих статьях в 1848 г. Иллирские идеи у него в это время вышли на

---

⁶⁵ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična zgodovina*. Kn I. Ljubljana, 1955. S. 279, 280.

первый план. В конце 1849 г. в «Словении» появилась его статья «Иллирско-славянский язык», в которой он писал: «Братская любовь пусть свяжет нас, югославян. Пусть она станет скалой, на которой мы создадим будущее нашего народа». В этой же статье Маяр приводил высказывание Яна Коллара: «Кто в славянском народе уменьшит количество наречий, тот сделает столько, сколько славнейший автор и писатель»⁶⁶. Создание иллирского языка для Маяра в то время являлось способом уменьшить количество славянских наречий. В уже упомянутом письме Муршецу от 5 декабря 1851 г. Маяр сообщал, что окончил свою общеславянскую грамматику, которую написал кириллицей по правописанию Вука Стефановича Караджича. «Дело было довольно трудным, самым трудным был алфавит, легче правописание, стиль и синтаксис у нас, славян, едины, в них нет никакого различия между наречиями». Говоря о литературной газете, Маяр подчеркивал, что сначала она будет печататься латиницей, а впоследствии должна постепенно перейти на кириллицу. В газету бы стали принимать статьи, написанные по-чешски, по-польски, по-русски. «И все это печаталось бы кириллицей по правописанию Вука... И единый литературный язык был бы готов»⁶⁷.

Таким образом, после революции 1848 г. Маяр, не отказываясь от иллирских идей, все больше внимания стал уделять общеславянскому языку. Однако его практическая деятельность была направлена на формирование иллирского языка. Совместно со своими идейными сподвижниками А. Эйншпиллером и учителем гимназии в Целовце А. Янежичем Маяр становится деятельным участником издания ежемесячного журнала «Словенска бчела» («Slovenska bčela». Словенская пчела. Апрель 1850 — июль 1853). В объявлении о его выходе редакция подчеркивала, что цель журнала — пробудить словенский дух и любовь к от-

⁶⁶ Slovenija. 04.12, 07.12.1849.

⁶⁷ *Ilešič F.* Korrespondenca. S. 119.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
чизне, облагородить словенцев, познакомить их с литерату-
турой славянских братьев⁶⁸. Газета издавалась в Целовце.

Само название журнала «Словенска бчела» явно пре-
рекликалось с названием альманаха Чопа и Прешерна
«Ќраньска чбелица». И это неслучайно. «Ќраньска чбелица»
начала выходить в период засилья в словенской литературе
церковной тематики, и «Словенска бчела» тоже стала изда-
ваться, когда в словенской печати при поддержке австрий-
ского правительства тон стало задавать духовенство — ок-
ружение епископа А. Сломшека и издателя клерикальной
газеты «Згодnja даница» (Zgodnja danica) Луки Ерана. Как
и «Ќраньска чбелица» «Словенска бчела» вела борьбу с ка-
толическим засильем. В то время как Сломшек и Еран вы-
ступали против светской литературы на словенском языке,
Маяр и Янежич, всячески популяризируя народные песни,
не принимали в свой журнал песен на религиозную тема-
тику. В одном из его первых номеров Маяр писал, обраща-
ясь к сторонникам Ерана: «Светские [песни] ... те, которые
созданы самой жизнью ... Если же ты так не любишь жизнь,
стань пустынным»⁶⁹. Маяр вместе с другими прогрессив-
но настроенными католическими священниками, так на-
зываемыми либеральными католиками, выступал против
конкордата, заключенного между Римом и австрийским
правительством в 1855 г. и дававшего преимущество като-
лической церкви перед другими конфессиями.

В журнале «Словенска бчела» публиковались истори-
ческие повести Янеза Трдины и Йосипины Урбанчич, пе-
реводы из «Иллиады» Гомера, произведения Вергилия,
биографии знаменитых славянских писателей: Я. Коллара,
Ф. Прешерна, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А. Мицкеви-
ча, И. Гундулича, Е. Копитара, С. Враза; описания славян-
ских обычаев, отрывки из «Истории славянских литератур»
Шафарика; статьи об иллирском и общеславянском язы-

⁶⁸ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*. Kn. I. S. 219.

⁶⁹ *Ibid.* S. 223.

ках; рассказы из русской истории, прежде всего из времен Петра I.

Маяр активно писал в журнал. Большинство его статей было посвящено фольклору. В очерке «Народные песни» он подчеркивал важность для патриотов изучения народного творчества, утверждая, что они для понимания словенской истории дают больше, чем старые грамоты и надписи. «Эти песни — зеркало, в котором видно, как думали наши предки, как они веселились, как горевали». Народные песни учат оратора, что нравится словенцам, поэта — как нужно складывать стихи, певца и музыканта — какие должны быть напевы, филолога — особенностям различных словенских диалектов⁷⁰.

Хотя «Словенска бчела» и не являлась политической газетой, направление ее было либеральное. Это проявлялось не только в ее антиклерикализме, но и в оценке ею различных событий. Уже в первом номере была помещена статья о Прешерне, которая оканчивалась обращением к поэту: «Проси Бога о победе над нашими врагами, проси о свободе, равенстве и братстве, особенно же о сердечном единстве славянского народа»⁷¹. Все эти пожелания являлись лозунгами словенских либералов в революцию 1848 г. Эйншпиллер в своей статье восторженно приветствовал Октроированную конституцию. В 1851 г. уже было ясно, что она не имеет практического значения. Перечисление Эйншпиллером тех благ, которые она якобы давала славянам, означало завуалированные пожелания самого автора: «Нет больше в нашей империи народов избранных и угнетенных — по конституции они все равны, все пользуются одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности»⁷².

Главное, что роднило журнал «Словенска бчела» с либералами 1848 г., — идея славянской взаимности. Осозна-

⁷⁰ Slovenska bčela. Celovec. 08.1850. S. 89, 90.

⁷¹ Slovenska bčela. 07.1850. S. 32.

⁷² Slovenska bčela. 15.05.1850. S. 154.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
ние многочисленности славян укрепляло у словенских политиков веру в конечную победу их идеалов. С гордостью писал Эйншпиллер: «Славянский народ божьей милостью еще существует и насчитывает 80 млн человек, столько, сколько ни один другой народ Европы»⁷³. Славян много, но чтобы стать силой, они должны объединиться. «Важнейшей идеей, которая одна может объединить славян всех наречий духовно и сделать их более сильными, является славянская взаимность, — писал журнал в статье, посвященной Я. Коллару. — Она — единственный путь, на котором славянские народы могут надеяться на лучшее будущее»⁷⁴.

Идея всеславянского единства рассматривалась журналом «Словенска бчела» только в культурном плане, в плане создания общеславянского языка. Все корреспонденты журнала сходились в том, что создание общеславянского языка необходимо. Но пути к этому они видели разные.

Эйншпиллер считал, что создание общеславянского языка — дело далекого будущего. «Мы согласны с теми славянами, — писал он, — которые говорят, что мы должны соединиться в четыре наречия, в четыре литературных языка». Для южных славян — главное создать свой литературный иллирский язык⁷⁵.

Янежич поддерживал точку зрения Эйншпиллера. «Ясно, как белый день, светло, как золотое солнце, — отмечал он, — что славянские наречия должны чем дальше, тем больше сближаться, чтобы в конце концов слиться в единственный общеславянский язык». Однако Янежич тоже подчеркивал, что прежде всего должны объединиться югославяне⁷⁶.

С Эйншпиллером и Янежичем был солидарен и анонимный автор статьи «Взаимность». Он полагал, что единственным способом сделать славян достойными своего

⁷³ Slovenska bčela. 07.1850. S. 27.

⁷⁴ Slovenska bčela. 15.07.1851. S. 25.

⁷⁵ Slovenska bčela. 01.07.1851. S. 9.

⁷⁶ Slovenska bčela. 1852. № 1. S. 7.

предназначения является принятие ими общеславянского языка. Однако он одновременно указывал: «Для нас, словенцев, всего нужнее принять иллирский язык, не пренебрегая при этом общеславянской лексикой»⁷⁷.

Несколько другого мнения придерживался штирийский юрист Радослав Разлаг. Он тоже был сторонником общеславянского языка и даже издал два альманаха «Зора» («Zora»), посвященных этой проблеме. Один альманах вышел в 1852 г. в Градце, второй — в 1853 г. в Загребе.

В объявлении о выходе альманаха он писал, что язык «Зоры» будет в духе соединения южных наречий с оглядкой на северные наречия. Янежич приветствовал выход в свет альманаха: «“Зора” — благороднейший перл нашей молодой литературы»⁷⁸.

Разлаг являлся и активным корреспондентом журнала «Словенска бчела». Он предложил свою концепцию создания общеславянского языка: «Пусть будет нашей первой заботой очистить наш язык в общеславянском смысле и писать и говорить так, как нас учит славянская взаимность, чтобы наши художественные произведения стали общим достоянием всех славян... Мы должны стараться, чтобы разные наречия и поднаречия слить в один-единственный литературный язык, чтобы нас перестали считать маленьким народом, но увидели, что мы, славяне, единый славянский народ, один за всех и все за одного»⁷⁹. В вводной статье второго номера «Зоры» Разлаг писал: «Необходимо, чтобы мы, западные славяне, опять научились общеславянской азбуке, которую пользуются около 50 миллионов родных братьев. Кириллица — истинно славянская, выражение нашего богатого языка, нашего характера, нашего будущего. Кириллицу мы с полным правом можем назвать своей собственностью». Разлаг призывал славянские журналы печатать некоторые ста-

⁷⁷ Slovenska bčela. 01.06.1851. S. 142.

⁷⁸ Zora. Zagreb. 1853. S. 8,9.

⁷⁹ Slovenska bčela. 10.1850. S. 126,

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
тьи кириллицей, придерживаясь старославянского и рус-
ского правописания⁸⁰.

Некоторые сторонники общеславянского языка полага-
ли, что его не нужно создавать искусственным путем, а сде-
лать им один из существующих языков. Наиболее подходя-
щими для этого они считали русский или старославянский
языки. Так, автор статьи «Литературный славянский язык»
писал, что самой важной задачей для патриота является
создание общеславянского литературного языка. Он приво-
дил мнение некоего известного венского филолога: «Зачем
четыре языка вместо одного? Победит ли русский или старо-
славянский, в этом мнения расходятся. По моему мнению,
последний легче ввести потому, что это первый славянский
язык, да и поляки не относятся к нему враждебно»⁸¹.

Как и автор предыдущей статьи, корреспондент «Р.В.»
в очерке «О проблеме одного-единственного славянского
языка», перепечатанном из газеты «Новице», высказывал-
ся о необходимости общеславянского языка, но не для про-
стого народа, а для образованных людей. Каждому обра-
зованному славянину легче выучить один литературный
язык, чем четыре. «Р.В.» выступал против создания обще-
славянского языка путем смешения славянских наречий.
Он считал, что им нужно сделать старославянский язык, а
русский язык не может быть общеславянским из-за враж-
ды к нему поляков⁸².

«Словенска бчела» для создания общеславянского ли-
тературного языка использовала методы, разработанные
Маяром. Он еще перед революцией считал иллирский язык
переходной ступенью к общеславянскому. В 1851 г. Маяр
стал работать над написанием русской грамматики, оче-
видно считая, что общеславянский язык в значительной
степени будет опираться на русский язык. «Русская грам-
матика, над которой я прилежно тружусь и которая чем

⁸⁰ Zora. Zagreb. 1853. S. 8–10.

⁸¹ Slovenska bčela. 01.08.1851. S. 39.

⁸² Slovenska bčela. 01.10.1851. S. 103–107.

дальше, тем больше доставляет мне радости, — писал он в журнале «Словенска бчела», — будет написана на иллирском наречии, как мои «Правила», и будет иметь следующее название: «Железная дорога из иллирского наречия в русское», то есть «Грамматика юго-восточного славянского языка»⁸³. Само название новой книги Маяра указывало на ее цель — создать возможность сближения иллирского языка с русским. Это отмечала и «Словенска бчела», сообщая об окончании работы Маяра над книгой: «Она много поможет славянскому согласию и сближению славянских наречий»⁸⁴. «Зора» тоже приветствовала грамматику Маяра и надеялась, что «наша молодежь, когда ее изучит, пойдет дальше к животворному славянскому согласию»⁸⁵. Дальнейший шаг к созданию общеславянского языка Маяр видел в сближении иллирского языка с русским. Как можно понять из его более поздних высказываний, русскому языку в формировании общеславянского языка он отводил главную роль.

В среде сторонников всеславянских идей Маяр пользовался большим авторитетом. С восторгом писала о нем «Зора», указывая, что наиболее полно отвечает сущности характера Маяра слово «взаимность». «Зора» подчеркивала, что Маяр искренне любит свой народ и готов пожертвовать на благо родины счастьем и имуществом. «Пусть Маяру, как человеку будущего, — желала «Зора», — даст бог здоровья еще «многая лета» и дальше трудиться во имя огромного славянства, огромный мир которого он с полным правом может назвать своей родиной»⁸⁶.

Под большим влиянием идей Маяра находилась «Словенска бчела». Некоторые ее статьи печатались на иллирском наречии, создававшимся по методу Маяра: статьи Янежича, целые разделы журнала. В его первом номере прямо говорилось, что раздел «Смешнице» «будет впредь печа-

⁸³ Slovenska bčela. 15.01.1851. S. 31.

⁸⁴ Slovenska bčela. 01.08.1851. S. 49.

⁸⁵ Zora. Gradec. 1852. S. 138.

⁸⁶ Ibid. S. 137, 138.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — таться по Маяру на литературном славянском языке; таким образом, наши словенские патриоты узнают, что наш словенский и литературный иллирский языки очень похожи и что каждый словенец может очень легко научиться иллирскому языку»⁸⁷. Эйншпиллер при создании иллирского литературного языка призывал руководствоваться «Правилами» Маяра⁸⁸. Это же рекомендовал и анонимный автор статьи «Взаимность»⁸⁹.

«Словенска бчела» пропагандировала труды Маяра. Уже в первом номере была помещена рецензия на сборник религиозных песен, составленный и изданный им. «От нашего славного господина М. Маяра получили мы «Песмарицу церквену», — говорилось в ней, — прекрасный сборник национальных церковных песен ... чтобы ими словенцы повсюду в церквах могли пользоваться. К этой «Песмарице» приложены также народные напевы»⁹⁰. В следующем номере читатели оповещались о выходе в свет «Грамматика для словенцев» Маяра. Журнал отмечал его заслуги, поскольку он написал «для всех славян, особенно же для южных, очень важную книгу «Правила, как образовывать иллирское наречие и общеславянский язык». Этой книгой, по мнению журнала «Словенска бчела», Маяр «стяжал себе бессмертную славу»⁹¹. Позднее журнал с одобрением сообщал, что 18 учеников школы в Боровлье делают хорошие успехи, пользуясь книгой Маяра «Списовник»⁹². Учителям «Словенска бчела» рекомендовала пользоваться книгой Маяра «Предписи латинско-кириллицко-славянские»⁹³.

В первой половине 1850-х годов идеи создания общеславянского языка имели успех у ряда словенских национальных деятелей главным образом в Штирии и Карин-

⁸⁷ Slovenska bčela. 01.01.1851. S. 16.

⁸⁸ Slovenska bčela. 01.07.1851. S. 9.

⁸⁹ Slovenska bčela. 01.05.1851. S. 142.

⁹⁰ Slovenska bčela. 07.1850. S. 29.

⁹¹ Slovenska bčela. 08.1850. S. 60.

⁹² Учебник, написанный Маяром «Spisovnik za slovence» // Slovenska bčela. 15.03.1851. S. 95.

⁹³ Slovenska bčela. 15.09.1851. S. 90.

тии, где еще перед революцией были распространены идеи иллиризма. Интерес к общеславянскому языку проявили и некоторые крайние политики, например Ловро Томан и Лука Светец. Но все же подавляющее большинство словенских патриотов не приняло идеи Маяра об общеславянском языке. В Крайне они группировались вокруг газеты Блейвейса «Новице», которая сумела пережить революционную бурю и эпоху баховского режима, продолжая просветительскую деятельность среди народа.

К середине 50-х годов XIX в. стала понятна бесперспективность развития словенской культуры на общеславянском или иллирском языках. В 1853 г. прекратилось издание журнала «Словенска бчела» из-за финансовых трудностей, о чем прямо писал Янежич в последнем номере журнала, указав, что средств, поступавших от его подписчиков, хватало только на половину типографских расходов⁹⁴.

«Словенска бчела» оказала определенное влияние на словенскую молодежь. Под воздействием Янежича гимназисты Целовца стали выпускать свою рукописную газету «Славия». Их примеру последовали гимназисты Целья и Любляны. Об этом с удовлетворением сообщала «Словенска бчела», с сожалением отмечая, что подобных «Славий» не выпускают гимназисты Горицы, Градца, Марибора и Триеста⁹⁵. Янежич помещал в своем журнале стихи и очерки из ученических «Славий». Гимназисты Целовца и Целья организовали свои ученические библиотеки (люблянским учащимся это сделать не позволили). Этим библиотекам дарили свои книги словенские патриоты. «Словенска бчела» писала, что многие гимназисты из Целовца, Целья, Любляны изучают не только иллирский язык, но и язык северных славян⁹⁶. В ученических «Славиях» приняли участие тогда еще совсем юные будущие видные деятели младословенского движения — Фран Левстик и Йосип Стритар.

⁹⁴ Slovenska bčela. 02.07.1853. S. 209.

⁹⁵ Slovenska bčela. 01.06.1851. S. 161.

⁹⁶ Slovenska bčela. 01.05.1851. S. 142.

В словенском национальном движении все более сильные позиции стали занимать русофилы. К ним принадлежали представители нового поколения либералов, переживших революцию в детские годы. Непосредственно под ее воздействием у них формировалось отношение к национальному вопросу. Их разочарование в политике австрийского правительства было, пожалуй, более острым, чем у зрелых патриотов. В своих русофильских симпатиях они были убежденнее, чем их предшественники. Уже в 1850 г. студент Ф. Ериша писал своему другу каринтийскому словенцу Д. Рудежу о желательности введения русского языка у славян в качестве дипломатического. «И бог весть, что бы произошло, — заключал он, — со временем. Знаешь, немцам при таких мыслях даже страшно становится»⁹⁷. В 1857 г. Ю. Кобэ, бывший иллир, призывал молодежь изучать русский язык. «Вскоре уже никому не покажется смешным, писал он, — когда будут говорить о русской образованности, о русской науке и искусстве, о русском языке»⁹⁸.

Позднее, в 1854–1855 гг., в Любляне вместо «Славий» стал выходить рукописный журнал «Вае». Среди его авторов были такие в будущем известные литераторы, как поэт Симон Енко (1835–1869) и Фран Левец (1846–1916), впоследствии редактор словенского литературного журнала. Они интересовались Россией и русскими писателями, особенно Н.В. Гоголем. Такие симпатии к России объяснялись начавшейся Крымской войной, которую многие славянские и русские деятели рассматривали как войну за освобождение славян из-под турецкого ига. Особенно глубокие симпатии к России испытывал талантливый поэт С. Енко. По свидетельству его друга Ф. Левца, «крупнейшим славянским поэтом он считал Лермонтова»⁹⁹. Идеи славянской

⁹⁷ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. I. S. 317.*

⁹⁸ *Прияатель И. А.С. Пушкин у словенцев // А.С. Пушкин в южнославянских литературах. СПб, 1901. С. 371–372.*

⁹⁹ *Бершадская М.Л. Литература между романтизмом и реализмом // Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010. С. 159.*

взаимности пронизывали все творчество поэта. Несколько стихотворений Енко посвятил Крымской войне. В стихотворении «День славянский» он приветствовал первые русские победы на Балканах, а в стихотворении «Слезы словенцев» печалился по поводу поражения в войне России, выражая все же уверенность, что единство славян спасет их от гибели¹⁰⁰. Левец в очерке о Енко писал, что он мечтал о создании единого могущественного славянского государства и считал, что без русского народа славяне не имеют будущего¹⁰¹. В своих воспоминаниях один из видных деятелей словенского либерализма 1860–1880 гг. Йосип Вошняк писал о симпатиях словенской молодежи к героическим защитникам Севастополя¹⁰².

Кроме Левца и Енко в журнале «Вае» участвовали будущие младословенцы В. Зарник, Ф. Эрьявец, Й. Стритар. Зарник написал очерк о русском царе Петре I, в котором упрекал его за то, что он проводил реформы, чуждые духу своего народа, перенес столицу из Москвы в Петербург, приглашал на высшие должности в России иностранцев. Последние привели дело к тому, что русское дворянство стало стыдиться родного языка и говорить по-французски. Только Пушкин, заключал Зарник, сумел очистить русский язык от искажений и первый понял, что русский является славянином¹⁰³.

Не только гимназисты интересовались славянством. Многие молодые словенские литераторы увлекались сюжетами из истории славян, не очень сообразуясь с исторической правдой. В 1850-е годы на эту тему писали Лука Светец, Йосипина Урбанчич Турноградская (Турнограйская), Янез Трдина. Сюжеты, разрабатывавшиеся ими, были фантастичны, но они привлекали сочувствие и интерес читателей к славянам.

¹⁰⁰ *Legiša L., Slodnjak A. Zgodovina slovenskega slovstva. Zv. 2. Ljubljana, 1959. S. 218.*

¹⁰¹ *Boršnik M. Fran Celestin. Ljubljana, 1951. S. 213, 214.*

¹⁰² *Vošnjak J. Spomini. Zv. 1. Ljubljana, 1905. S. 37.*

¹⁰³ *Gorše V. Doktor Valentin Zarnik. Ljubljana, 1940. S. 30, 31.*

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —

Литераторы, писавшие в журнал «Словенска бчела», не поддержали призыв «Новиц» выступить за создание Словенской Матицы. «Мы за объединенную Югославянскую Матицу, — писал Янежич, — за исключительно словенскую мы никогда не будем». Вместе с тем он считал нужным установить общество по изданию хороших словенских книг для просвещения простого народа, для поддержки отечественной литературы¹⁰⁴. Скорее всего, Янежич полагал, что Матица должна издавать книги для интеллигенции на иллирском языке. Только так можно объяснить нежелание сотрудников журнала «Словенска бчела» поддерживать план создания Словенской Матицы. Ведь они способствовали установлению Общества св. Могора, за которое агитировал Сломшек. В сентябре 1851 г. журнал объявил о начале деятельности Общества св. Могора. В числе тех, кто подписал обращение о содействии его созданию, были Эйншпиллер, Янежич, Маяр¹⁰⁵. Общество св. Могора имело цель публиковать книги на словенском языке для простого народа религиозно-нравоучительного и практически-хозяйственного содержания.

Таким образом, можно констатировать, что словенские деятели, писавшие для «Словенской бчель», не представляли интересы узкого круга, они активно участвовали в национальном движении словенцев, и некоторые их идеи находили понимание у молодежи.

* * *

Россия всегда оказывала покровительство православным народам Османской империи и при заключении с нею мирных договоров учитывала их интересы. После войн с Наполеоном сначала русские ученые, а затем и представители российской общественности обратили внимание и на славянские народы, находившиеся под властью Габсбур-

¹⁰⁴ Slovenska bčela. 01.01.1851. S. 2, 3.

¹⁰⁵ Slovenska bčela. 01.10.1851. S. 65.

гов. В 30–40-е годы XIX в. в русском образованном обществе распространялись симпатии к славянам. Особенно они усилились к середине 1850-х годов, накануне и в период Крымской войны. Этому было несколько причин.

Во-первых, в это время обострилось разочарование русских дипломатических и общественных кругов в позиции европейских держав, прежде всего членов Священного союза по отношению к России. Все они во время переговоров России с Турцией заняли антироссийскую позицию — или откровенно враждебную, или враждебно-нейтральную. Об этом прямо говорил в 1869 г. профессор русской истории Московского университета Михаил Петрович Погодин: «Крымскую войною мы узнали, каковы друзья наши, не только англичане и французы, но даже австрийцы и пруссаки, с которыми мы составляли Священный союз и которых боялись тревожить сочувствием к славянам»¹⁰⁶. Тогда даже в придворных кругах стали прислушиваться к идеям Погодина, который уже с 1820-х годов пропагандировал необходимость для России помочь славянам в их борьбе за свои права.

Во-вторых, славянские идеи, широко распространенные среди образованных кругов славян, прежде всего Габсбургской монархии, благодаря ученым и путешественникам, побывавшим в славянских землях, стали привлекать внимание и представителей русского общества. Одним из самых горячих пропагандистов в России идей славянской общности был М.П. Погодин. Со второй половины 1830-х годов он несколько раз посещал славянские земли Габсбургской монархии. По возвращении он писал записки, предназначенные российским государственным деятелям или даже лицам императорской фамилии. В записке от 1838 г. Погодин сообщал наследнику престола Александру Николаевичу, что в славянах, живущих от Венеции до Константинополя и от Балтийского моря до Мо-

¹⁰⁶ Погодин М.П. Сочинения. Т. 3. М., 1872. С. 589.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — реи, не угасло еще чувство славянской взаимности. Они «говорят одним языком и, следовательно, по закону природы нам сочувствуют ... составляют одно нравственное целое с нами по происхождению и языку»¹⁰⁷. Через год в 1843 г. в записке министру народного просвещения С.С. Уварову Погодин прямо указывал, что славяне «мечтают о славянском федеративном государстве с Россией во главе»¹⁰⁸.

Накануне Крымской войны симпатии к славянам имели хождение в довольно широких кругах русского общества. Так, издатель и редактор официальной российской газеты «Северная пчела» Ф.В. Булгарин, человек, безусловно преданный императорской семье Романовых, в 1852 г. писал в своей газете: «Россия — единственная сильная, самостоятельная и могущественная славянская держава, с драгоценным русским царским родом Романовых, выступавшая твердой стопой в области общей европейской образованности, но сохраняющая еще свой славянский первообраз». Булгарин утверждал, что защита славян является обязанностью России¹⁰⁹. Еще более определенно Булгарин высказался в 1856 г. Указав, что славяне являются особым племенем, которое пытаются уничтожить другие народы, он подчеркивал, что в мире есть особенная часть света — Россия, «сохраняющая славянский характер и язык. Это магнит для славянского сердца». На основании этого и других высказываний Булгарина польский исследователь П. Глушковский делает вполне справедливый вывод: «Булгарин выступал за объединение всех славян под эгидой Российской империи ... Он ... неоднократно подчеркивал, что Россия является единственной страной, способной защитить интересы всех славян»¹¹⁰. Свои взгляды Булгарин открыто распространял через газету, и они, по-видимому, не

¹⁰⁷ Погодин М.П. Историко-политические письма в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 2.

¹⁰⁸ Там же. С. 24.

¹⁰⁹ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб, 2013. С. 83.

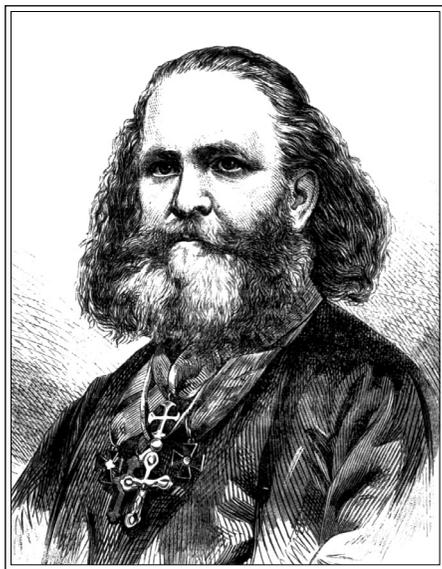
¹¹⁰ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях. С. 45.

встречали противодействия властей. Имея в виду, что «Северная пчела» являлась в первой половине XIX в. одной из самых популярных в России газет, тираж которой в некоторые годы поднимался до 10 тыс., можно предполагать, что значительное число ее читателей сочувствовало взглядам ее редактора.

В начале 1850-х годов большую роль в установлении контактов между русскими научными и общественными кругами и австрийскими славянами стал играть протоиерей церкви при русском посольстве в Вене Михаил Федорович Раевский (1811–1884). Он родился в семье арзамасского священника, в 1833 г. окончил Петербургскую духовную академию, получив звание кандидата богословских наук. В 1834 г. Раевский был назначен священником церкви при русском посольстве в Стокгольме. С этого времени он находился в двойном подчинении — Св. синода и Министерства иностранных дел. В Швеции он пробыл 8 лет. За это время помимо своих священнических обязанностей он занимался изучением состояния шведского просвещения. Его статьи — «Упсальский университет», «О народных и элементарных школах в Швеции», «Специальные школы в Швеции» — впервые открыли систему образования в Швеции не только для России, но и для Европы: после выхода в свет в России они были переведены на немецкий язык и опубликованы в немецкой прессе.

Протоиереем церкви при русском посольстве в Вене Раевский был назначен по предложению обер-прокурора Св. синода. Он прибыл на место службы в 1843 г. и пробыл там вплоть до своей смерти в 1884 г. В Вене, наряду со своими прямыми обязанностями, Раевский выполнял и задания Министерства иностранных дел, осуществляя неофициальную связь со славянскими национальными деятелями Австрии. Любопытный и отзывчивый, с симпатией относившийся к борьбе славян за свои права, он приобрел расположение многих славянских деятелей. Уже до революции его дом в Вене стал своеобразным центром

общения русских ученых и общественных деятелей со славянами. Раевский в то время познакомился с выдающимися деятелями славян: чехом В. Ганкой, словаками П. Шафариком, Я. Колларом, Л. Штуром, хорватами Л. Гаем и Й. Штросмайером, сербами В. Караджичем и Й. Раячичем, словенцем Е. Копитаром. После революции Раевский активно включился в деятельность русских благотворителей, сочувствующих славянам. Они группировались вокруг графини Антонины Дмитриевны Блудовой —

*Михаил Федорович
Раевский*

дочери видного государственного деятеля Д.Н. Блудова. С образованием Московского Славянского благотворительного комитета (1858) Раевский стал его активным членом и главным агентом среди славян Австрии. И в этом отношении он сыграл большую роль в установлении культурных и научных связей между словенцами и русскими¹¹¹.

В период революции 1848 г. особую симпатию русских вызывала борьба сербов против наступления венгров. Война сербов и союзных с ними хорватов продолжалась с 31 мая 1849 г. до середины марта 1850 г. На территории Воеводины, где проживали сербы, было уничтожено во время военных действий много церквей, жилых домов, школ. Патриарх Й. Раячич обратился к Раевскому с просьбой содействовать получению воеводинскими сербами помощи от

¹¹¹ Чуркина И.В. Протоиерей Михаил Федорович Раевский и югославы. М., 2011.

Русской православной церкви и правительства. Раевский написал об этом графине А.Д. Блудовой. 3 декабря 1849 г. она сообщила Раевскому, что обер-прокурор Св. синода граф Н.А. Протасов посоветовал сербскому патриарху написать об этом официальную просьбу русским властям¹¹².

Раяич с помощью Раевского написал письмо Николаю I, в котором умолял его помочь восстановить разрушенные церкви. Это обращение было напечатано в «Северной пчеле»¹¹³. В ответ на обращение сербского патриарха Св. синод разрешил в течение года собирать по всем русским церквям пожертвования в пользу воеводинских сербов. В связи со сбором средств для воеводинцев и образовался кружок А.Д. Блудовой, в который входили некоторые чиновники, русские аристократки и даже несколько членов императорской фамилии. Русские благотворители собрали значительные средства, на которые в Воеводине были восстановлены и снабжены церковной утварью несколько десятков православных церквей и несколько народных школ¹¹⁴.

Весть о том, что русские помогли сербам, распространилась среди австрийских славян. К Раевскому стали обращаться за помощью национальные деятели Далмации, Хорватии и даже Боснии и Герцеговины и княжества Сербии. Блудова через Раевского посылала им книги и русскую прессу. С начала 1850-х годов ее интересовали и дела католических славян Австрии. Она регулярно читала газету Л. Гая «Народне новине», с симпатией воспринимала выступления молодого дьяковского епископа Й.Ю. Штротмайера.

Скорее всего, через Раевского Блудова получила «Зору» Разлага за 1852 г. В марте 1852 г. в «Северной пчеле» вышла рецензия на нее. В мае 1852 г. Блудова отправила эту

¹¹² Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 347. Д. 14.

¹¹³ Северная пчела. 1850. № 139.

¹¹⁴ Русь. М., 1884. № 11. С. 27.

рецензию к Раевскому с просьбой: «Перешлите, пожалуйста, этот номер «Северной пчелы», экземпляр Ярославского сборника и памятную книжку военную за нынешний год г-ну Разлагу в Грац, издателю маленького альманаха «Зора», и напишите, если на будущий год выйдет опять «Зора», то просят прислать через Вас экземпляра 3 для Петербурга»¹¹⁵. В рецензии о «Зоре» подчеркивалось, что в альманахе несколько стихотворений напечатаны кириллицей. «Новый опыт употребления кирилловских букв, — писал рецензент, — забытых многими из славянских племен

*Антонина Дмитриевна
Блудова*

и неудачно замененных латинскими, свидетельствует о стремлении, как говорят сами издатели альманаха, к единству языка литературного в отношении ко всем славянским племенам»¹¹⁶. Это стремление автор рецензии всячески приветствовал. Из писателей, принявших участие в альманахе, он особо останавливался на молодой словенской писательнице Йосипине Урбанчич Турноградской, именно на ее рассказе об обращении болгарского царя Бориса в христианство одним из знаменитых солунских братьев — Мефодием¹¹⁷.

¹¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.

¹¹⁶ Северная пчела. 21.03.1852.

¹¹⁷ Там же.

В июне 1852 г. Блудова рекомендовала Раевскому студента К.Д. Петковича, как молодого болгарина «с нежной и пылкой любовью к отечеству и дружескими воспоминаниями о России»¹¹⁸. Через Петковича Блудова завязала контакты со словенскими деятелями — писательницей Йосипиной Урбанчич Турноградской и Разлагом.

Константин Дмитриевич Петкович (1824–1894) родился в Македонии, но образование получил в России. Он учился в Ришельевском лицее и Одесской духовной семинарии, а в 1848–1852 гг. прослушал курс славянской филологии в Петербургском университете. К этому времени и относится его знакомство с графиней А.Д. Блудовой. В 1852 г. Петкович путешествовал с научной целью по славянским землям, посетив Константинополь, Македонию, Сербию, Хорватию, Словению, Австрию, Чехию, Польшу. Во время своего путешествия он неоднократно посылал письма графине. Судя по ним, из всех славянских деятелей наиболее доверительные отношения у него завязались с Урбанчич и Разлагом.

После Вены, где он общался с Раевским, Петкович посетил в Граце Разлага. 19 августа 1852 г. он сообщил протоиерею о встрече с ним. «Он ознакомил меня со всем, что есть тут славянского. Мало и бедно! ... Он прекрасный словенец с пламенной душой и чистой любовью к своей родине и вообще к славянству; он имеет желание учиться по-русски, и я сердечно жалею, что не мог исполнить единственную маленькую его просьбу — дать ему какую-нибудь русскую книжку». Петкович просил Раевского выполнить пожелание Разлага и послать ему книгу на русском языке. В том же письме Петкович сообщал Раевскому, что читал «Зору» Разлага у графини Блудовой¹¹⁹.

Второй выпуск альманаха Разлага от 1853 г. тоже нашел отклик в русской прессе. На этот раз его рецензировал серьезный ученый И.И. Срезневский, и его мнение су-

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 14.

¹¹⁹ Там же. Д. 58.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — щественно отличалось от мнения дилетанта из «Северной пчель». «Составитель этого сборника, — писал Срезневский, — родом хорутанский словенец (Разлаг был штирийцем. — *И. Ч.*). Не довольный ни своим родным наречием и никаким другим местным, как непригодным для общего литературного употребления, он желал бы, чтобы южные славяне употребляли все вместе в книгах один и тот же язык, для всех одинаково понятный». Срезневский упомянул двух авторов, поместивших в «Зоре» отрывки из своих общеславянских грамматик: Б. Раича и Цафова (О. Цафа. — *И. Ч.*)¹²⁰. Альманах «Зора» не вызвал восторга у Срезневского.

Помимо Разлага Блудова имела контакты с Йосипиной Урбанчич. С ней также встречался Петкович. Об этой встрече свидетельствует письмо Блудовой от 11 (23) марта 1853 г. Раевскому, в котором она просила переслать прилагаемые ноты русских народных песен Йосипине Урбанчич от имени Дмитриева-Пятковича¹²¹. Просьба Блудовой была исполнена. Об этом Петкович сообщил графине в письме из Стамбула от 24 июля 1853 г. «Благодарю Вас также со всею искренностью славянского сердца, — писал он, — за благоклонное внимание, которое Вы оказали моей словенской посестрине Иосифине, позаботившись послать ей русские песни и мою книжку “Борис”. Она заслуживает такого любезного внимания, потому что в моей бытности в их прелестном замке я внушил ей чувства уважать и любить Вас. Она любит святую Русь со всею горячностью восторженного славянского сердца, и я уверен, что молодая графиня Иосифина Урбанчич, напевая унылые звуки нежной русской песни в виду величавого со снежными вершинами Триглава, отца словенцев, будет вспоминать о своем по Славе матери брате, и особенно о русской доброй графине, которая одушевлена такими благородными чувствами к чело-

¹²⁰ Срезневский И.И. Новые книги (рец). Зоря. Zora jugoslavenska, od Raqdoslava Razlaga. U Zagrebu. 1853 // Известия ОРЯС. Т. 3. 1854. Л. 12–14. С. 195.

¹²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 15.

веческому добру и всеславянскому братству»¹²². 5 февраля 1858 г. в Люблянском театре было организовано празднование столетнего юбилея со дня рождения словенского поэта Валентина Водника. На празднике исполнялись песни разных славянских народов: словенские, чешские, сербские и одна русская — «Сарафан», популярный в то время романс Варламова. Можно предположить, что этот романс был взят исполнительницей из нот графини Блудовой, присланных несколько лет назад Урбанчич. Сама она не могла его исполнить, поскольку к тому времени уже умерла.

Кружок графини Блудовой конституировался как официальная организация в 1856 г. Он получил название Петербургского Славянского благотворительного комитета. Целью его провозглашалось снабжение книгами и богослужебными предметами православных церквей и школ на Балканах. И в дальнейшем комитет действовал именно в этом направлении¹²³.

Гораздо большее значение для развития русско-словенских связей имело другое русское общество — Московский Славянский благотворительный комитет. Оно было организовано при поддержке правительственных кругов. После Крымской войны среди русских дипломатов, военных деятелей, даже у членов императорской фамилии появилось отрицательное отношение к Западным державам, в том числе к членам Священного союза. В то же время возросли симпатии к славянам, как к потенциальным союзникам России. После смерти Николая I (1855) его преемник Александр II резко изменил внешнюю политику. К.В. Нессельроде и его окружение, проводившие линию дружбы с Австрией и Пруссией, были отстранены. Министром иностранных дел России весной 1856 г. стал князь А.М. Горчаков. На важнейшие дипломатические должности он поставил близких ему по взглядам людей, многие из которых сочувст-

¹²² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1274. Д. 2264. Л. 37.

¹²³ Чуркина И.В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан. XVIII—XX вв. М., 1987. 62—75.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
вовали славянам, в частности новый директор Азиатского
департамента МИД Е.П. Ковалевский, новый посланник в
Вене В.П. Балабин, видный дипломат граф Н.И. Игнатьев
и др. Дипломатические круги России проявляли интерес не
только к православным славянам, но и к славянам-католи-
кам. Так, в проекте инструкции В.Ф. Кожевникову, отпра-
влявшемуся в 1860 г. вице-консулом в Риеку, рекомендо-
валось отговаривать славян от открытого противодействия
австрийскому правительству и не внушать им слишком
больших надежд на Россию, при этом указывалось: «Вы ...
будете выказывать постоянное и наибольшее сочувствие к
нашим единоверцам. Но не отвращайте от себя религиоз-
ною исключительностью славян-католиков»¹²⁴.

Славянофилы, подвергавшиеся гонениям при Нико-
лае I, превратились в близкую к властям группировку.

Зимой 1857/58 г. видные представители российской
интеллигенции: профессора московского университета
С.М. Соловьев, М.П. Погодин, О.М. Бодянский, Ф.И. Бус-
лаев, технолог и экономист чех М.Я. Киттары, известный
терапевт Ф.И. Иноземцев, анатом И.М. Соколов, осно-
ватель Археологического общества граф А.С. Уваров, из-
датель «Русского вестника» М.Н. Катков, славянофилы
К.С. Аксаков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин и др. учредили
Московский Славянский благотворительный комитет¹²⁵.
Он был официально утвержден царем 26 января 1858 г.
Этот комитет и примкнувшие к нему в конце 60-х годов
Петербургский (1868) и Киевский (1869) комитеты, а так-
же Одесское славянское благотворительное общество ста-
ли теми центрами, которые вели сношения с зарубежными
славянскими учреждениями.

Московский Славянский благотворительный комитет
заботился об оказании славянам благотворительной по-
мощи, организовывал обучение славянских студентов в

¹²⁴ АВПРИ. Гл. арх. V. A2. Оп. 181. Д. 1014. Л. 6 об.—8.

¹²⁵ Никитин С.А. Славянские комитеты в России. М., 1960. С. 34, 35.

российских университетах и т. д. Он издавал сборники, периодические издания, в которых печатались не только статьи, излагавшие взгляды славянофилов на различные события, на реформы в России, но и материалы о зарубежных славянах, их языке, истории, обычаях, современном положении. Нередко с очерками о своих народах выступали и славянские ученые и журналисты. Первым периодическим изданием славянофилов явился журнал «Русская беседа» (1856–1860). Его редактором-издателем был видный славянофил А.И. Кошелев, а в числе соредакторов И.С. Аксаков. Корреспондентов для журнала из числа славян обычно рекомендовал М.Ф. Раевский, с середины 1850-х годов активно сотрудничавший со славянофилами.

*Александр Иванович
Кошелев*

В начале 1856 г. один из видных славянофилов славист А.Ф. Гильфердинг от имени редакции «Русской беседы» попросил Раевского подыскать среди славян авторов для журнала. Раевский дал на это согласие¹²⁶. Среди словенцев Раевский предложил писать для «Русской беседы» Винко Клуну, одному из радикальных словенских деятелей. В 1848 г. он активно участвовал в революции в Венеции, направленной против австрийцев. Клун после ее поражения уехал сначала в Триест, а затем в Люблян. Там в 1849–1856 гг. он был редактором газеты «Лайбахер цайтунг» (Laibacher Zeitung) и

¹²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 25.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — одновременно секретарем Исторического общества Краины, редактором его изданий. Клун писал статьи в приложение «Лайбахер цайтунг» «Иллиришес блат» (Illirisches Blatt). В начале 1849 г. это издание было запрещено из-за статьи Клуна о революции в Венеции¹²⁷. Среди словенских политиков Клун пользовался репутацией хорошего журналиста и патриота либеральных взглядов.

Неудивительно, что именно Клуна Раевский рекомендовал в качестве корреспондента в «Русскую беседу». Клун сразу откликнулся на предложение Раевского и уже в 1856 г. послал в редакцию свою статью «Словенцы». В письме к Раевскому от 25 ноября 1856 г. Клун сообщал, что уже закончил вторую статью для журнала под названием «История словенской литературы от XVI в. до настоящего времени». Клун выражал надежду, что успехи южнославянских литератур вызовут интерес у русского общества к южным славянам. Помимо названных статей он предлагал написать для «Русской беседы» «Словенскую библиографию» и несколько биографий знаменитых словенцев¹²⁸.

Раевский сразу же сообщил о предложении Клуна Кошелеву. Тот ответил уже 20 декабря 1856 г. «Статьи д-ра Клуна чрезвычайно интересны, — отвечал Кошелев, — и весьма охотно мы заплатим ему по 40 талеров за лист печати Gegenwart или 80 талеров за наш лист... Сверх того, д-ру Клуноу можно предоставить право поместить свою статью о словенцах в Gegenwart через шесть месяцев после напечатания ее в «Русской беседе». Что касается до других сочинений д-ра Клуна — до его «Истории литературы словенской» и до биографий знаменитых словенцев, то предмет крайне важен и мы охотно будем их принимать... Впрочем, вероятно, и то и другое будет интересно, ибо видно, что д-р Клун славно пишет — живо и глубокомысленно. Возвращаю его письма, дабы Вы могли ему отвечать. Сде-

¹²⁷ Pierazzi J. Vincenc Klun in Beneška revolucija 1848–1849 // Zgodovinski časopis 1972. № 2. S. 74–77.

¹²⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 360. Д. 49. Л. 2 об.

лайте милость, не упустите его — он славным будет нашим сотрудником»¹²⁹.

Столь высокая оценка относилась к первой статье Клуна «Словенцы», опубликованной в «Русской беседе». Редакция очень тепло представляла нового сотрудника русским читателям: «“Русская беседа” с особенным удовольствием помещает на своих страницах эти любопытные сведения о славянском племени, которое доселе оставалось почти неизвестным не только у нас, но и в западных литературах. Автор сам принадлежит к тому племени, которому посвящает труды свои»¹³⁰.

В предисловии к своей статье Клуна выступал как истинный славянофил. «Изучение славян будет одним из приобретений нашего века, — писал он. — Мы завоюем себе признание и останемся победителями». Отметив, что словенцев немного — и по числу населения, и по пространству, которое они занимают, Клуна подчеркивал, что все же «в сознании своей народности, в своих надеждах и энергии» они не уступают другим славянским народам. Словенцы живут в точке соприкосновения трех стихий Европы: славянской, немецкой и итальянской. «Словенцам, стесненным с обеих сторон итальянцами и немцами, грозит большая опасность лишиться своей народности и, право, должно считаться за чудо, что усилия стольких веков почти ровно ничего не сделали»¹³¹.

По мнению Клуна, словенцев можно разделить на три группы: словенцы крайнские, живущие в Крайне, словенцы штирийские, живущие в Штирии, Прекмуре, Каринтии; словенцы приморские, живущие в Приморье, Горице, Венецианской Словении. В своей статье Клуна охарактеризовал только первую группу — крайнцев. Он описал обитателей Внутренней Крайны, Нижней Крайны, Верхней Крайны. Из нижнекрайнцев он особенно подробно оста-

¹²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 4.

¹³⁰ Русская беседа. 1857. № 3. С. 65.

¹³¹ Русская беседа. 1867. № 3. С. 70.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — новился на нравах и обычаях жителей Белой Крайны, отметив их схожесть как с сербами, так и со словенцами. Он указывал, что среди белокрайнцев имеются как католики, так и православные. И это неслучайно: отец Клуна был родом из Белой Крайны, где селились с разрешения императора Священной Римской империи бежавшие из турецких владений сербы и хорваты. Они получали землю и за это охраняли границы империи от турецких набегов. Часть сербов сохраняла православную веру.

Клун описывал праздники словенцев: Новый год, Троицу, Пасху, Иванов день и др., стараясь подчеркнуть сходство многих словенских обрядов с обрядами русских и других славян. Заканчивал Клун свою статью в полностью славянофильском духе: «Я только старался и, надеюсь, успел показать, что словенцы даровитое и энергическое племя, выступающее на поприще всемирной истории во всей силе юности, с живым сознанием своей народности с горячею любовью к вере. В этом убеждении смело и честно протягивают они дружественную руку своим соплеменным братьям, дабы все мы слились в единую семью»¹³².

14 сентября 1858 г. И.С. Аксаков просил Раевского заплатить Клуноу за вышедшую статью и дать ему вперед, потому что в ближайших номерах «Русской беседы» будут напечатаны его следующие очерки¹³³.

Вторая статья Клуна «Словенцы. Очерк истории их словесности» была опубликована в первом и втором номере «Русской беседы» за 1859 г. В начале статьи Клун заявлял, что он первым решил написать «Историю словенской литературы», поскольку из-за ее отсутствия на словенцев обращают мало внимания. Вместе с тем, продолжал автор, «и по способностям и успехам духовной деятельности словенцы выдержат сравнение с любым из соплеменников и не будут последними в их ряду». Клун указывал, что он же-

¹³² Русская беседа. 1857. № 3. С. 121–122.

¹³³ ОР ГПБ. Ф. 14. Д. 648. Л. 9.

лает, чтобы со сведениями о словенцах познакомилось как можно больше людей, «поэтому я и пожелал, чтобы первая история словенской литературы явилась на главном из славянских языков — на русском, и доставила моим землякам лестную и могучую дружбу русского народа»¹³⁴.

В самом начале своего очерка Клуна писал: «Коллар вложил в сердце каждого мыслящего славянина: да будет славянская литература общею связью, которой не могут разорвать ни моря, ни далекие страны и которая невидимо охватывает все племена и наречия, дабы хотя в области духовной деятельности образовался у славян один язык, одно отечество, один народ»¹³⁵. Таким образом, уже в самом начале статьи Клуна заявил, что он является сторонником славянской взаимности в ее колларовском, чисто культурном варианте. Однако на Клуна, помимо Коллара, оказал известное влияние и Копитар. Так, он полностью принял у последнего деление славянского языка на две подгруппы. Одну из них составляли русский, словенский и иллирский языки, а другую — чешский и польский языки. Словацкий язык Клуна считал переходным между первой и второй группами. Перенял у Копитара Клуна и идею создания единой азбуки для всех славян на основе латиницы. В статье он выразил в довольно безапелляционной форме пожелание, чтобы русские оставили «греческие крючки» и приняли латинский алфавит. Предложение Клуна принять русским латинский алфавит вызвало замечание редакции «Русской беседы». «Вообще как с этим, так и многими другими мнениями г-на Клуна, — отмечала редакция, — мы положительно не согласны, но тем не менее признаем за его трудом неоспоримое достоинство первого полного и стройного обзора литературы словенцев»¹³⁶.

¹³⁴ Клуна В. Словенцы. Очерки истории их словесности // Русская беседа. 1859. № 1. С. 88–89.

¹³⁵ Там же. С. 90.

¹³⁶ Там же. С. 65.

Клун принял паннонскую теорию Копитара и Миклошича. Он начал историю словенской литературы с трудов Кириллы и Мефодия, указав, что работы Копитара и Миклошича доказали, что церковнославянский язык по своей сути является древнесловенским, т. е. непосредственным предшественником современного словенского языка. Затем Клун перешел к рассказу о Фрейзингских отрывках (X в.), подчеркнув, что они являются древнейшим памятником южнославянского языка. За этим заявлением следовал вывод: «Итак, наши памятники суть древнейшие, за ними по старшинству следуют русские». Потом, согласно Клуноу, возникли чешские памятники (XII в.) и сербские (конец XII в.). В примечании Клун утверждал, что летопись киевского монаха Нестора была открыта в 1526 г. ученым словенцем Сигизмундом Герберштейном, послом австрийского императора в Москве. Это утверждение тоже вызвало протест редакции как «ни на чем не основанное уверение»¹³⁷.

Клун признавал, что затем развитие словенской литературы отстало от других славянских литератур. «Но все-таки, — подчеркивал он, — словенский язык еще имеет такие преимущества, которые беспристрастно позволяют сказать, что он нисколько не уступает образованным языкам Европы, стоит даже выше многих из них, и его внутреннее строение представляет много таких свойств, которые неславянские языки вовсе не знают». Провозглашение преимуществ словенского языка перед неславянскими европейскими языками показалось Клуноу недостаточным. Опираясь на высказывание словенского поэта Поточника, он утверждал, что из всех славянских наречий словенский язык наряду с сербским «имеет всего менее жесткости в произношении и есть самый благозвучный»¹³⁸.

Это предисловие к изложению самого предмета показывает, насколько был преувеличен патриотизм Клуна, что в

¹³⁷ Клун В. Словенцы. Очерки истории их словесности // Русская беседа. 1859. № 1. С. 92–95.

¹³⁸ Там же. С. 98.

той или иной мере являлось характерным для многих деятелей Словенского и Славянского Возрождения, к которым отчасти можно отнести и таких серьезных славистов, как Копитар и Миклошич. Словенский язык, в течение многих столетий являвшийся языком низших, необразованных слоев населения, словенскими будителями всячески возвышался, значение его преувеличивалось, они должны были доказать его значимость всему миру, своему народу и самим себе.

Историю словенской литературы Клуун разделил на два периода: протестантский и католический. Протестантский священник Примож Трубар издал первые книги на словенском языке. Его деятельность Клуун оценивал очень высоко: «Он перевел на словенский язык разные духовные книги и тем положил основу словенской литературе»¹³⁹. Кроме Трубара Клуун особо отметил среди протестантских писателей Юрия Далматина, первого переводчика Библии на словенский язык, а также создателя первой словенской грамматики Адама Богорича. По мнению Клууна, «Далматин по глубине и объему своей филологической учености был гораздо выше Трубара», ибо искал помощи не в немецком языке, а в народной речи южных славян. Богорич же в своей грамматике придерживался языка Трубара, и у них обоих язык отличался пристрастием к германизмам. Вывод Клууна о роли Трубара, Богорича, Далматина в развитии словенской литературы звучал так: «Труды этих трех названных нами писателей, которые при первом своем появлении тотчас стали отличаться грамматической правильностью и последовательностью, составляют основу словенской литературы»¹⁴⁰.

Характеризуя католический период словенской литературы, Клуун подчеркивал большую роль католического духовенства в ее развитии. «С конца XVI в., — указывал

¹³⁹ Клуун В. Словенцы. Очерки истории их словесности // Русская беседа. 1859. № 1. С. 101.

¹⁴⁰ Там же. С. 102, 112.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
Клун, — и до нашего времени католическое духовенство может назваться главным представителем словенской литературы, самым ревностным и деятельным двигателем в исследовании, развитии и дальнейшей обработке нашего языка... Положение духовенства само необходимо почти обуславливает, а существующая, хотя еще и слабая, словенская литература показывает на деле, что духовенство есть самый главный представитель словенизма, хотя тот в настоящее время, без сомнения, может насчитывать много достойных деятелей и капитальных произведений и по другим направлениям научной и литературной деятельности»¹⁴¹.

Очерк о католической литературе Клун начал с Томажа Хрена, люблянского епископа, ярого гонителя протестантов, сжегшего много сотен словенских книг, изданных протестантами. Об этом Клун не упомянул, отметив только, что Хрен издал свой перевод Евангелия на словенский язык.

После изгнания протестантов в течение 57 лет не вышло ни одной словенской книги. Клун описал деятельность двух замечательных ученых, живших в XVII в. в Крайне, — И.Л. Шенлебена и И.В. Вальвасора. Оба они писали свои труды по-немецки и по-латыни.

Шенлебен был первым историком и археологом Крайны. Главную заслугу его Клун видел в том, что он начал «сбирать материалы для крайнской истории и действительно успел собрать огромную массу». Шенлебен имел заслугу и перед словенской литературой, опубликовав в 1672 г. после длительного перерыва словенскую книгу — перевод Евангелия на словенский язык, сделанный Хреном.

И.В. Вальвасор, младший современник и ученик Шенлебена, не написал по-словенски ни одной строчки. Но Клун не ошибся, рассказав о нем русскому читателю. Путешественник, естествоиспытатель, математик, военный, дипломат Вальвасор издал несколько книг, главная из ко-

---

¹⁴¹ Клун В. Словенцы. Очерки истории их словесности // Русская беседа. 1859. № 2. С. 95.

торых «Слава герцогства Крайны» вышла в четырех томах на немецком языке в 1689 г. Этот труд был замечательным не только для своего времени. Его украшали 533 гравюры, изображавшие города, замки, церкви Каринтии и Крайны и их обитателей в национальных костюмах. «Велика заслуга Вальвасора, — справедливо отмечал Клуун, — в топографии Крайны и в истории ее нравов XVI–XVII столетий, недостижимы его трудолюбие и любовь к родине, бессмертна его “Слава герцогства Крайны” — достойный памятник великого мужа и его времени»¹⁴².

Некоторые данные Клуун привел о двух Академиях деятельных — начала и конца XVIII в. Более подробно он характеризовал деятельность словенских литераторов второй половины XVIII в., когда началась эпоха Словенского Возрождения: Паглавца, Марко Похлина, Линхарта, Водника. Особенно высоко он оценивал Ю. Япеля, который с помощью Кумердея сделал новый перевод Библии на словенский язык. О Кумердее Клуун писал не только как о литераторе, но и как о человеке, много сделавшем для распространения просвещения среди народа.

Часть, посвященную словенской литературе XIX в., Клуун так и не прислал. В декабре 1857 г. Кошелев настоятельно просил Раевского поторопить Клууна с окончанием статьи¹⁴³. По-видимому, на вопрос Раевского о сроках присылки окончания статьи Клуун сообщил русскому священнику, что собирается ее дописать¹⁴⁴. Однако окончание статьи так и не появилось в журнале. Возможно, это было связано с тем, что «Русская беседа» прекратила свое существование в 1860 г.

Клуун сотрудничал и с другим славянофильским изданием — «Вестник промышленности» (1858–1861), возглавлявшимся видным славянофилом Ф.В. Чижевским. «Упросите Клууна, — писал Чижев Раевскому 10 мая 1858 г., — чтобы ответы

¹⁴² Клуун В. Словенцы. Очерки истории их словесности. С. 113–114.

¹⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 25.

¹⁴⁴ АВПРИ. Ф. 360. Д. 42. Л. 4.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — на мои вопросы в отдельной от обозрения статейке прислал мне к началу или много к 10 нашего июня». Присланные Клуном материалы Чижову не понравились. 25 июля 1858 г. он жаловался Раевскому: «Кроме нескольких страничек, посланных Вами, от Клуна я ничего не имею, а их напечатать нельзя, потому что это похвала моему журналу, следовательно, скажут: оржаная каша сама себя хвалит». Далее Чижов обещал, что будет платить Клуноу 250 талеров в год при условии, что он будет посылать ему по статье в месяц. Но уже первое обозрение, присланное Клуном, разочаровало Чижова. «Потрудитесь попросить его, — писал он Раевскому в сентябре 1858 г., — не присылать таблицы ценностей австр[ийских] бумаг, нам они не нужны, а хотелось бы иметь шире промышленные новости. У него почти все одни цифры. Статью его отдельную я хотел бы не столько о коммерческом, сколько о промышленном (индустриальном) обучении». Немного позднее, 5 октября 1858 г., Чижов высказывался Раевскому еще резче о статьях Клуна. «Обозрение моего корреспондента жидко и пусто ... Писать мне к нему не хочется ... Трудно так написать, чтоб не оскорбить самолюбия. Мало жизни: там плавание по Дунаю, там Ллойд, там банкир, наконец, там промышленность, там ремесленные стеснения скверными уложениями, там обременительные налоги, там цехи, там жалоба на бедность, там племенные несогласия — такое множество всего»¹⁴⁵. Спустя некоторое время Чижов отказался сотрудничать с Клуном, мотивируя свой отказ в письме к Раевскому слабостью статей и большой платой, требуемой Клуном за них¹⁴⁶.

В «Вестнике промышленности» в 1856 г. вышли четыре статьи Клуна: «Взгляд на торгово-промышленное положение Австрии», «Положение промышленности Австрии», «Обозрение промышленности в Австрии», «Обозрение про-

---

¹⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 75.

¹⁴⁶ Там же.

мышленности и торговли в Австрии». Замечания о них, высказанные Чижовым Раевскому, — справедливы. Материал тематически раздроблен и перегружен цифрами. Вместе с тем Клуун в своих статьях четко проводил свои либеральные взгляды: восхвалял либеральную крестьянскую реформу 1849 года в Австрии, выступал против различных тарифов, мешающих развитию торговли и промышленности, за расширение в стране политической свободы. Чижов, комментируя в журнале взгляды Клууна, высказывал свое мнение об австрийских порядках, критикуя бессмысленность коммерческих и банковских законов, мешающих движению вперед, бюрократический хаос, притеснения полиции, отсутствие кредита, плохие пути сообщения и т. д.¹⁴⁷. Компетентный российский читатель понимал, что все эти высказывания Чижова относятся не столько к Австрии, сколько к родной России.

После прекращения сотрудничества в славянофильской прессе Клуун по-прежнему находился в добрых отношениях с Раевским и русскими путешественниками, приезжавшими в Вену. Он виделся в 1860 г. с И.С. Аксаковым, побывавшим в австрийских землях в мае–июне 1860 г. и дал ему рекомендательные письма к Трстеньяку в Марибор и к Трдине в Риэку.

Помимо «Русской беседы» Клуун в 1856 г. пытался установить контакты со Срезневским и Русским географическим обществом в Петербурге, которым через Раевского он послал 30 сентября этого же года письма. Неизвестно, что ответил Срезневский. Что касается Русского географического общества, то оно сообщило Раевскому 14 ноября о получении его письма вместе с посылкой Клууна. Общество благодарило Раевского и просило передать Клууну посылку и письмо. По-видимому, между Клууном и Русским географическим обществом произошел обмен книгами. О дальнейших отношениях между ними сведений не имеется.

¹⁴⁷ Вестник промышленности. М., 1856. № 6. С. 293.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —

В 1856 г. Клуна покинул Любляну и переселился в Вену. Он по-прежнему продолжал участвовать в словенском национальном движении и пользовался влиянием среди словенских патриотов. В 1867 г. Клуна избрали депутатом в крайнское провинциальное собрание и в венский рейхсрат. В рейхсрате Клуна примкнул к немецким либералам, нередко голосовал против словенских интересов. Так, он голосовал за введение дуализма. Когда в 1868–1871 гг. по всем словенским землям прокатилась волна митингов в защиту словенских национальных прав и с требованием создания Объединенной Словении, Клуна выступил в рейхсрате с утверждением, что «не существует никакой Словении», а Крайна для получения автономии слишком мала¹⁴⁸.

Такая вот метаморфоза произошла с Клуном за двадцать лет — от горячего революционера, затем пламенного словенского патриота до немецкого либерала, равнодушно и к революционным лозунгам 1848 г., и к своему народу, который он так возвеличивал в славянофильской прессе.

* * *

В конце 50-х годов в словенских землях снова появились русские ученые. Так, проездом из сербских земель в Вену в Любляне побывал профессор Харьковского университета историк славянской культуры и лексикографии П.А. Лавровский¹⁴⁹.

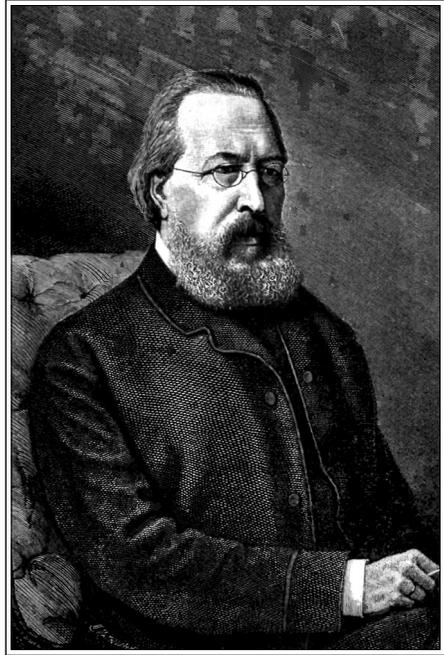
В 1858 г. в Вене останавливался будущий историк славянских литератур А.Н. Пыпин, близкий в то время Н.Г. Чернышевскому. Пыпин познакомился там с Миклошичем, ходил на его лекции. «Слушатели его исключительно славяне, сербы, чехи, — писал Пыпин в ноябре 1858 г. В.И. Ламанскому. — Читает он хорошо. В Вене он довольно известен»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Mladoslavenci. Zv. IV. Ljubljana, 1961. S. 133.

¹⁴⁹ *Лавровский П.А.* Письмо к редактору о южных славянах // Известия ОРЯС. 1859. Т. VIII.

¹⁵⁰ Документы к истории славяноведения в России. С. 18.

Славянофилы стремились расширить свои связи с зарубежными славянами. В 1860 г. один из видных славянофилов Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) посетил славянские земли. Официальной целью его поездки являлось ознакомление со славянскими движениями и их деятелями, подыскание среди них корреспондентов для будущего славянофильского издания, которое он предполагал начать через год. Первым пунктом пребывания для И.С. Аксакова стала Вена, где он познакомился с русским посланником В.П. Балабиным и с М.Ф. Раевским.

*Иван Сергеевич
Аксаков*

Из словенцев И.С. Аксаков встретился с Ф. Миклошичем и В. Клуном. В письме к матери он советовал, чтобы его брат Константин в случае приезда в Вену познакомился со словенским ученым Миклошичем, однако не очень бы ему доверял. С Клуном у И.С. Аксаковым сложились более доверительные отношения, Клуно дал ему несколько советов по поводу посещения тех или иных мест, а также снабдил его рекомендательными письмами к некоторым словенским деятелям.

Из всех словенских земель наиболее благоприятное впечатление на И.С. Аксакова произвела Крайна, показавшаяся ему очень похожей по языку и обычаям на Россию. «Крайна вся славянская сплошь, — писал он матери 26 мая 1860 г., — так что народ вовсе и не понимает немецкого

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — языка, сохранил свою одежду и обычаи (большею частью праздничные и обрядные). Мужская одежда совершенно разнится, но женская совершенно напоминает наши сарафаны, когда на плечи накинута платок ... Постройка изб напоминает Польшу ... Я говорил с ними, и мы понимали друг друга ... В филологическом отношении верхнеукраинское наречие в высшей степени замечательно своею близостью к великорусскому наречию, так что крайнец легче понимает русского, чем чеха, даже ближе сербского»¹⁵¹.

В словенских землях И.С. Аксаков встречался с рядом словенских культурных деятелей. В их числе были штирийцы Д. Трстеняк (1817–1890), О. Цаф, Б. Раич. Среди них наибольший интерес представлял Даворин Трстеняк. В 1830–1840-е годы он был убежденным сторонником иллиризма, другом С. Вряза, сотрудником журнала «Даница иллирска» (*Danica Ilirska*). В 1848 г. в печати впервые появились его статьи на исторические темы. После переезда в Марибор в 1850 г. Трстеняк стал писать по-словенски. Большинство его статей публиковались в газете «Новице» Блейвейса, некоторые он посылал в «Славише Ярбухер» Иордана, в газету «Москва» И.С. Аксакова и др. Цель его исторических изысканий заключалась в доказательстве, что славяне обитали между Карпатами и Адриатикой задолго до нашей эры. В этом он шел по стопам славянских ученых первой половины XIX в.: М.П. Катанчича, Венелина, Шафарика. В 1837 г. Шафарик написал Трстеняку письмо, в котором приветствовал его выводы об автохтонности славян на территории от Карпат до Адриатики¹⁵². Наряду с занятием историей и филологией Трстеняк участвовал в словенском национальном движении, примыкая к его либеральному крылу.

Штирийские патриоты при встрече с И.С. Аксаковым откровенно делились с ним своими взглядами. Штирийцы

¹⁵¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Приложение. Дневник И.С. Аксакова. М., 1892. Т. 3. С. 432, 436, 337.

¹⁵² *Fekonja F. Davorin Trstenjak slovenski pisatelj*. Ljubljana, 1887. S. 5–9, 19, 22.

произвели на Аксакова самое благоприятное впечатление. Беседа с Д. Трстеньяком, Б. Раичем, учителем Я. Майцигером носила откровенный характер. «Язык развязался и много душевного было высказано», — вспоминал позднее Аксаков. Суть высказываний его собеседников сводилась к следующему: «Мы не австрийцы, не немцы ... Появись здесь русский флаг, мы — русские»¹⁵³. Аксаков не преминул воспользоваться встречей со штирийцами, чтобы поднять вопрос об общине. Трстеньяк с грустью ответил, что ничего подобного у словенцев не сохранилось, поскольку они более 800 лет находятся под немецким управлением. «Чудо, необъяснимое чудо, — продолжал Трстеньяк, — что в народе сохранился язык, сохранились обычаи (праздники, свадьбы), что в народе есть сознание народности, он знает, что он словенец». После откровенных разговоров со штирийцами Аксаков высоко оценил их патриотическую деятельность. «Мое посещение, — записал он в дневнике, — оживило их. Я много говорил им. Сколько веры и терпения нужно славянину! Сколько страданий при виде утраты народности и постепенного онемечивания при сознании своего бессилия. Почтенна деятельность этих людей, упорно верующих в будущность славянства»¹⁵⁴.

Со штирийцами зашел разговор и об их научной деятельности. Трстеньяк произвел на Аксакова самое благоприятное впечатление. «Трстеньяк выводит, — отметил Аксаков в своем дневнике, — что словенцы были исконные обитатели этой области еще во времена римлян; отсюда пошли и чехи в Чехии. Потом уже пришли племена хорватские, сербские и проч.». Более критично отнесся русский путешественник к трудам О. Цафа. Отметив его страстную любовь к славянской филологии, Аксаков все же констатировал, что живого знания языков у Цафа нет и материалы, над которыми он работает, невелики. И Цаф, и Трстеньяк

¹⁵³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 110.

¹⁵⁴ Там же. С. 434, 111.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — жаловались, что нигде не могут опубликовать свои труды. Тогда Аксаков предложил им создать Словенскую Матицу. «Я говорил им, — указывает он в своем дневнике, — об устройстве Словенской Матицы, наподобие чешской. Они все обрадовались этой мысли... “Поговорите об этом в Клагенфурте, в Лайбахе с Блейвейсом”, — сказал мне Трстеньяк. Раич хотел написать статью. У них нет средств. Я обещал, не ручаясь за успех, что буду собирать средства в Москве, и обещал присылать книг. Нет возможности снабжать нам книгами каждого в отдельности. Другое дело, если у них будет центральная библиотека»¹⁵⁵.

Каринтийские словенцы понравились Аксакову меньше. Маяра встретить ему не удалось. Янежич показался ему скромным, не слишком выдающимся, но полезным деятелем. Что касается Эйншпиллера, то он произвел на Аксакова двойственное впечатление. С одной стороны, ему импонировали пылкость и откровенность каринтийца, с другой — огорчили его католические и австрийские симпатии¹⁵⁶. Поскольку И.С. Аксаков был не менее ревностным православным, чем Эйншпиллер католиком, именно их религиозная нетерпимость не дала им возможности понять друг друга. В Каринтии Аксаков ознакомился с деятельностью Общества св. Могора, которое в то время насчитывало 1100 человек. «Оно издает книги духовные и нравоучительные для народа и для детей, — записал Аксаков в своем дневнике, — все проникнутые католическим духом. Это полезно в том отношении, что есть что читать народу по-словенски... высшая деятельность ученая словенцев не имеет ни органа, ни центра, ни средств»¹⁵⁷. Аксаков полагал, что необходимо установить другое издательство, а именно Словенскую Матицу. «Но в Эйншпиллере, — писал Аксаков, — я нашел сильного противника мысли о Мати-

¹⁵⁵ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 108–110.

¹⁵⁶ Там же. С. 116.

¹⁵⁷ Там же. С. 116–117.

це. Он чувствует, что высшее словенское развитие ускользает из рук духовенства. Не нужно нам Матицы, довольно дружества (Общества св. Могора. — *И. Ч.*); сюда должны стекаться все капиталы и усилия. — Но ведь изданиями подобного рода вы не подвигаете высшую умственную деятельность. Народность сохраняется высшим сознанием самой сущности народа ... Но Эйншпиллер католик и враг этой мысли. Для него в католицизме все. “Пусть присоединяются к хорватской Матице, — сказал он. — Мы сами по себе слишком слабы, у нас не из кого и составить Матицы”. “Отчего же не присоединяются? — спросил я. “Хорваты не хотят”. Этого он мне не объяснил ясно, почему не хотят. Я думаю, тут причина та, что словене не хотят жертвовать своею народностью и языком хорватскому”¹⁵⁸.

С крайними национальными деятелями у Аксакова тоже возникло полное взаимопонимание. В Любляне он встретился с Янезом Блейвейсом, лидером словенцев. «Это человек пожилой, т. е. за 40 лет, белокурый, — записал Аксаков в своем дневнике, — по виду флегматичен. Но основательный, упорный славянин, очень хорошо и широко понимающий. Мы после двух-трех минут разговора сошлись как нельзя лучше»¹⁵⁹.

Аксаков подчеркивал, что словенская светская интеллигенция желает вести свой народ «к высшему народному самосознанию и опасаются влияния *Des Pfarrenthums* (нем. духовенство. — *И. Ч.*) на народ ... Они хорошо понимают, что католицизм враг народности и вносит в народ начало латинское. Я особенно старался развить эту мысль. Не только Блейвейс, но и Трстеняк, и Раич со мною согласились вполне». Как и с остальными словенскими патриотами, Аксаков поднял перед Блейвейсом вопрос о необходимости создания Словенской Матицы. Очевидно, Аксаков пересказал ему мнение по этому вопросу штирийцев и каринтийцев, поскольку Блейвейс прямо высказал свою

¹⁵⁸ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 116–117.

¹⁵⁹ Там же. С. 114.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — точку зрения на этот вопрос. «Блейвейс вполне за самостоятельное развитие словенства и не хочет слияния с хорватами. Он рад был бы Матице... Время удобное. Но едва ли дело состоится. Епископы и старые почти все словенцы этого не захотят»¹⁶⁰. Таким образом, дневник И.С. Аксакова свидетельствует, что в начале 1860-х годов Блейвейсу были близки мысли русского славянофила о необходимости выволить словенское национальное движение из рук католической церкви, чтобы оно развивалось свободно.

Позднее Б. Раич в небольшой заметке подтвердил, что И.С. Аксаков, путешествуя по словенским землям в 1860 г., горячо агитировал за Матицу и обещал ей послать книги¹⁶¹. Это отмечает и историк словенской культуры И. Приятель¹⁶².

Агитация И.С. Аксакова за создание Словенской Матицы, конечно, не явилось главной причиной ее установления. Но она, несомненно, способствовала активизации деятельности словенских культурных деятелей в этом направлении.

Во время своего путешествия И.С. Аксаков сталкивался не только со словенскими лидерами, но и с людьми из народа, особенно с молодежью. В своем дневнике он с удовлетворением отмечал, что среди молодежи «славянское чувство, чувство славянского братства ... очень живо»¹⁶³.

И еще с одним словенским национальным деятелем произошла встреча у И.С. Аксакова, правда, не в словенских землях, а в хорватской Риеке. Речь идет о словенском писателе Янезе Трдине (1830–1905), служившем в Риекской гимназии учителем. «Трдина, — записал в дневнике Аксаков, — бодрый, искренний, прямой человек. Часа два я проговорил с ним, и уже разговор его оживил и меня совсем. И в тоне самом слышно было сознание славянской

¹⁶⁰ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 115, 116.

¹⁶¹ Slovenec. Celovec. 1865. № 3. S. 10.

¹⁶² *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Kn. II. Ljubljana, 1956. S. 271.

¹⁶³ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 114.

силы ... Разумеется, Тердина читал и “Беседу” и хорошо знаком с состоянием русской литературы¹⁶⁴. Тердина познакомил Аксакова с хорватскими патриотами. После возвращения на родину Тердина подружился с И. Хрибаром и оказал большое влияние на формирование идеологии главного словенского русофила конца XIX — начала XX в. Российский литературовед Т.И. Чепелевская, исследовавшая творчество Тердины, утверждает: «Он отстаивает необходимость единения не только жителей разных провинций, но и всех славян ... И в первую очередь с русским народом»¹⁶⁵.

После путешествия по словенским землям Аксаков записал в своем дневнике: «Послать Трстеньяку, Раичу и Блейвейсу “Русскую беседу”, что-нибудь Майцигеру, стихотворения, книги — Цафу. Заставить их участвовать в “Р[усской] беседе”»¹⁶⁶. Осуществить свои намерения Аксакову не удалось, поскольку «Русская беседа» в 1860 г. прекратила свое существование.

И.С. Аксаков много сделал для того, чтобы установить постоянные контакты со словенскими национальными деятелями, стал среди них первым пропагандистом славянофильских идей. Мысли Аксакова о необходимости тесного сотрудничества славян в борьбе за свои права, о создании Матицы, как издательства для широкой палитры словенских книг, нашли положительный отклик у словенских национальных деятелей. Однако его идеи, направленные против католической церкви, не могли иметь успеха среди массы словенских национальных деятелей, большинство из которых являлись католическими священниками.

Поездка Аксакова познакомила славянофилов с настоящими потребностями словенского (как и вообще славянских) национального движения, возбудила интерес у

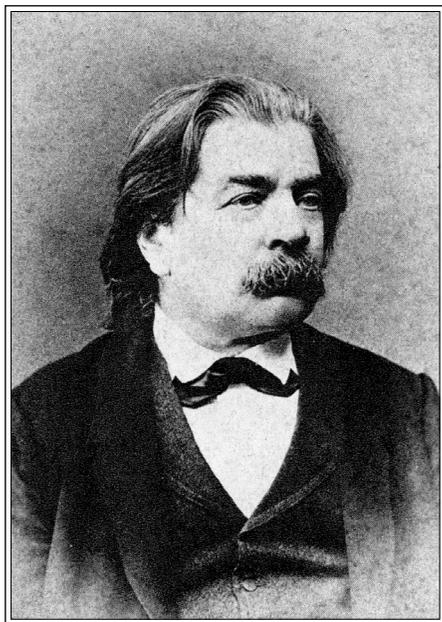
¹⁶⁴ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 3. С. 140.

¹⁶⁵ Чепелевская Т.И. Русско-словенские литературные связи во второй половине XIX века. Творчество Янеза Тердины и С.В. Максимова // Славянский филологический сборник. Эстрика. Корни и крона. М., 2009. С. 376.

¹⁶⁶ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 25. Л. 18 об.

словенцев к русской общественной мысли, прежде всего славянофильской.

В 1848–1860 гг. продолжали развиваться научные связи между русскими и словенцами. В центре их со стороны России стояли И.И. Срезневский, Н.И. Надеждин, М.П. Погодин, а со стороны словенцев — Ф. Миклошич. Миклошич интересовался Россией, что было связано с его интересом к славистике. По свидетельству В.И. Ламанского, еще в 1846 (или 1847) г. он обратился в Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук с предложением подготовить к изданию за ее счет старославянские памятники письменности. Академия одобрила предложение Миклошича, но не предприняла никаких мер к его осуществлению¹⁶⁷.

Франц Миклошич

Посредником в контактах русских ученых со словенцами выступали М.Ф. Раевский и Вук Караджич. Надеждин, будучи в 1847 г. в Вене, договорился с Миклошичем о совместном издании некоего кодекса на греческом языке. Тот должен был обеспечить его переписку. Миклошич поручил ее эллинисту И. Мюллеру. Однако летом 1848 г. он жаловался Надеждину, что переписчик работает медленно, поскольку получил место в Придворной библиотеке. Все же Миклошичу удалось получить у Мюллера переписанную часть. Миклошич перевел ее на латынь и собирался

¹⁶⁷ Ламанский В.И. Франц Миклошич // Живая старина. 1891. №. 3. С. 251.

отослать копию и перевод Надеждину¹⁶⁸. В октябре 1849 г. В. Караджич сообщал Надеждину, что получил от Раевского 50 дукатов и 100 рублей. Вук полагал, что часть этих денег должна пойти на издание книжки о раскольниках, а часть «г. Миклошичу на покрытие расходов по греческой рукописи». Через месяц Караджич уведомил Надеждина, что получил для него от Миклошича несколько листов греческой рукописи. Одновременно Караджич передавал Надеждину предложение словенского ученого опубликовать эту рукопись в Вене и чтобы Надеждин прислал ему свои примечания¹⁶⁹. Скорее всего, это предложение Надеждину не понравилось, но сотрудничество продолжалось. 5 марта 1851 г. Надеждин сообщал Раевскому о получении от Миклошича 7 тетрадей и посылал ему 50 червонцев. В следующем письме, от 15 мая 1851 г., Надеждин просил Раевского поторопить Миклошича с перепиской кодекса. Письмо Надеждина Раевскому от 16 мая 1852 г. указывает, что переписка его не была закончена к этому времени. Кодекс так и не был опубликован Надеждиным. По небезосновательному предположению русского историка Н.А. Попова, этот греческий кодекс был издан Миклошичем и Мюллером в их совместной публикации «Acta et diplomata Graeca medii aevi sakra et profana»¹⁷⁰.

С Миклошичем имел контакты и М.П. Погодин. Он познакомился со словенским ученым, по-видимому, в 1842 г. во время своей поездки по славянским землям Австрии. Эти контакты ограничивались книгообменом, который осуществлялся через Раевского. В 1847 г. Раевский передал Погодину просьбу Миклошича прислать ему каталог книг Румянцевской библиотеки¹⁷¹. В письме от 27 января Миклошич просил Раевского вернуть ему книгу, которую

¹⁶⁸ Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н.И. Надеждину // Русский архив. 1873. № 26. С. 1218, 1219.

¹⁶⁹ Письма Платона Атанацковича... 1873. № 8. С. 1170; № 10. С. 1186; № 11. С. 1188, 1189.

¹⁷⁰ Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. — 1914 г. М., 1986. С. 50, 51.

¹⁷¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 231/III. К. 27. Д. 3 б.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — он предназначал для Погодина, поскольку он собирается послать русскому ученому другой экземпляр¹⁷².

В 1840-х годах появилась и первая рецензия в российской печати на труды Ф. Миклошича. П.С. Билярский (подпись — «П.Б.») напечатал ее в ЖМНП. Билярский характеризовал Миклошича очень лестно: «достойный приемник знаменитого Копитара в Императорской венской библиотеке», один из немногих ученых, «которые с первого шага ознаменовали свое учение поприще важными услугами ученой литературе». Его работа «*Rodices lingue veteris dialecti*» оценивалась как «прекрасное и совершенно необходимое пособие для филологов». Первые отрывки из Супрасльской рукописи, изданные Миклошичем, горячо одобрялись рецензентом, особенно же его комментарии к ним. В них Билярский видел «труд самостоятельного филолога, который не останавливается на том, что приобретено для науки лучшими славянистами». И далее Билярский заключал: «Но мы особенно ценим в этом объяснении методу: она отстраняет своею положительностью те произвольные толкования, какие нередко встречаются в подобных исследованиях»¹⁷³.

Наиболее постоянные и длительные отношения у Миклошича установились с И.И. Срезневским. И это не случайно. Из всех русских ученых, побывавших в первой половине XIX в. в словенских землях, только Срезневский продолжал серьезно заниматься словенскими сюжетами — филологией, этнографией, лингвистикой. Главной трибуной публикаций Срезневского стали «Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности» (далее — Известия ОРЯС). Они выходили в 1852–1863 гг. Всего вышло 10 томов. Главным редактором их был И.И. Срезневский. Оригинальных статей, посвященных специально словенцам, Срезневский опубликовал

¹⁷² НИОР РГБ. Ф. 231/II. К. 27. Д. 3 б.

¹⁷³ П.Б. Новые иностранные книги // ЖМНП. 1848. Ч. IX. С. 159–165.

немного. Уже в первом томе появилась его заметка «О глаголитской письменности», в которой он разбирал издание Копитара «Глаголита Клоцианус». В ней Срезневский полемизировал с Копитаром, считавшим глаголицу более древней письменностью славян, чем кириллица. Срезневский был убежден, что кириллица старше глаголицы, поскольку глаголицкий алфавит составлен по образцу кирилловского. В приложении к первому тому «Известий ОРЯС» «Памятники и образцы народного языка и словесности» Срезневский опубликовал небольшой этнографический очерк о жителях Зильской долины¹⁷⁴. Словенскую народную песню «Млада Бреда» Срезневский напечатал в том же сборнике. В комментариях к публикации он отмечал, что эту песню ему спел молодой словенец, который слышал ее от своей старой матери¹⁷⁵.

Но главная заслуга Срезневского заключалась в том, что он вел в «Известиях ОРЯС» раздел рецензий, большинство из которых он писал сам. Лично Срезневский и Миклошич никогда не встречались, но обмен книгами между ними происходил регулярно. Но не только книгами обменивались они. Письма Срезневского Раевскому указывают, что ученые обменивались также мыслями по поводу своих находок старых рукописей.

Контакты между Миклошичем и Срезневским наладились не сразу. В феврале 1857 г. Срезневский признавался Раевскому, что когда-то давно писал Миклошичу, но не получил от него ответа. «Это, конечно, — добавлял Срезневский, — не мешает мне уважать его и быть признательным за присылки его изданий, отвечал на это, чем могу»¹⁷⁶. Письмо Миклошича Срезневскому от 5 октября 1858 г. указывает, что и Срезневский посылал словенскому ученому книги, в том числе книгу Ю. Венелина «Древние и нынеш-

¹⁷⁴ Срезневский И.И. Хорутанские песни из Зильской долины // Памятники и образцы народного языка и словесности. СПб, 1852. № 1–2. С. 125–128.

¹⁷⁵ Срезневский И.И. Хорутанская песня Mlada Breda // Памятники и образцы... 1856. № 3–4. С. 427.

¹⁷⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 68.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период — ние словене»¹⁷⁷. В 1863 г. Срезневский через Раевского передал Миклошичу свою статью об изображениях св. Бориса и Глеба с описанием на их примере древнерусской одежды. О своих находках старых рукописей Срезневский спешил сообщить словенскому ученому опять-таки через Раевского. Так, обнаружив Евангелие XI в., Срезневский 27 июля 1865 г. писал Раевскому: «Прилагаю и страницу из Евангелия, о котором упомянул выше. Если Миклошичу нужно будет какое-нибудь чтение или место из него, то с радостью сообщу». В свою очередь, если Срезневскому были необходимы выписки из материалов, над которыми работал Миклошич, он просил его об этом через Раевского. Заинтересовавшийся одной грамотой из «*Monumenta Serbia*» (Т. III) Срезневский обратился с просьбой к Раевскому, чтобы он достал ему необходимые выдержки у Миклошича¹⁷⁸.

Как можно видеть, Миклошич, являвшийся профессором Венского университета, предпочитал общаться с русскими учеными не напрямую, а через Раевского, чтобы не навлечь на себя подозрения со стороны австрийских властей. Для Миклошича, по-видимому, важнее всего при его общении со Срезневским было получение от него рецензий на свои труды, которые он исправно посылал русскому ученому.

В 50-е годы почти в каждом выпуске «Известий ОРЯС» Срезневский давал оценку тому или другому труду Миклошича. Тем более что автором словенский ученый был чрезвычайно плодовитым: за свою жизнь он опубликовал 34 книги в 44 томах и 106 прочих работ — статей, рецензий и др. Уже в первом томе «Известий ОРЯС» в своем обозрении трудов по старославянскому языку Срезневский отмечал: «И прежде всего считаем долгом приветствовать заслуги ученого хорутанина, который, пошедши по пути своего соотича В. Копитара, в короткое время занял между филологами славянскими одно из самых видных мест: мы говорим о профессоре Венского университета Фр. Миклошиче».

¹⁷⁷ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 293.

¹⁷⁸ ОПИ ЕИМ. Ф. 347. Д. 68.

Срезневский перечислил несколько трудов словенского ученого, изданных в 1845–1851 гг., подчеркнув особую важность его работ, касавшихся грамматики старославянского языка. «Основывая свои наблюдения на открытиях Востокова и Копитара, — продолжал Срезневский, — он умножил их некоторыми новыми выводами и, без сомнения, был бы еще счастливее в своих замечаниях, если бы мог пользоваться большим количеством древних рукописей». Последнее замечание совпадало с мнением А.Х. Востокова, который, говоря о старославянском словаре Миклошича, указывал: «материалы, которыми пользовался автор, не очень богаты». Несмотря на это, Востоков был убежден, что «словарь Миклошича содержит в себе довольно богатый запас древних и редких слов, которым любители языка не оставят воспользоваться». Срезневский высоко оценивал издание Миклошичем Супрасльской рукописи, однако не соглашался с его намеками, что она якобы появилась в Паннонии¹⁷⁹.

Спустя год Срезневский положительно отзывался о книге Миклошича «Сравнительная грамматика славянских наречий» (Вена. 1852)¹⁸⁰. Но уже следующая книга словенского ученого, а именно его публикация сербского памятника XIV в. Шишатовацкий Апостол, была воспринята Срезневским более строго. «Трудолюбивый обработыватель славянских древностей профессор Миклошич открывает нам новое сокровище древнего языка», отметил Срезневский. Но одновременно он указывал на недопустимость ряда допущенных Миклошичем ошибок, например несоблюдения им сокращений в тексте и т.д.¹⁸¹.

Срезневский опубликовал рецензии на книги Миклошича: «Хрестоматия старославянского языка» (Вена, 1854), «Корни старославянского» (Вена, 1857), «Славянская библиотека или материалы к славянской филологии и истории» (Вена, 1858. Т. 2), издание документов по истории

¹⁷⁹ Срезневский И.И. Библиографические записки // Известия ОРЯС. 1852. Т. I. С. 12, 22–24.

¹⁸⁰ Срезневский И.И. Новые книги // Известия ОРЯС. 1852. Т. 2. С. 68.

¹⁸¹ Там же. С. 346–348.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
Сербии, Боснии и Рагузы, «Славянские элементы в румынском» (Вена, 1861)¹⁸² и др. Благоприятную оценку Срезневский дал труду Миклошича «Образование имен в старославянском языке» (Вена, 1868). В нем автор рассматривал образование имен существительных, прилагательных, причастий и числительных. «Всюду, где возможно было, взяты во внимание домыслы современной сравнительной филологии, — указывал Срезневский. — На каждой странице виден основательный труд и мысль; всюду встречаются любопытные замечания и соображения». Срезневский был убежден, что трудом Миклошича филологи будут пользоваться «как очень богатым подбором имен по видам их образования»¹⁸³.

Столь же высокую оценку Срезневского получила и книга Миклошича «Образование славянских личных имен» (Вена, 1860). Срезневский подчеркнул, что тема еще не разрабатывалась учеными, «труд этот принял на себя д-р Миклошич и исполнил его с успехом, дающим ему право на общую признательность. Огромен в его книге и подбор имен ... и рассмотрение их по их образованию и по значению». Недостатком книги русский ученый считал то, что Миклошич не использовал в ней славянские имена из греческих и латинских источников. Однако «основания для дальнейших разработок положены», заключал Срезневский¹⁸⁴.

Но издание Миклошичем «Повести временных лет», древнейшей из русских летописей, написанной, по преданию, монахом Нестором, Срезневского не удовлетворило. Его неудовольствие вызвало произвольное изменение Миклошичем языка источника и переделка его «в искусственный, которым русские никогда не писали». Но в це-

---

¹⁸² Срезневский И.И. Библиографические заметки // Известия ОРЯС. 1856. Т. 5. С. 170, 172; он же. Библиографические заметки // Известия ОРЯС. 1857. Т. 6. С. 365, 366; он же. Библиографические заметки // Известия ОРЯС. 1858. Т. 7. С. 29; он же. Библиографические заметки // Известия ОРЯС. 1858. Т. 7. С. 204; он же. Библиографические записки // Известия ОРЯС. 1861–1863. Т. 10. С. 143–147.

¹⁸³ Срезневский И.И. Библиографические записки // Известия ОРЯС. 1858. Т. 7. С. 358–361.

¹⁸⁴ Срезневский И.И. Библиографические записки // Известия ОРЯС. 1859. Т. 9. С. 93–99.

лом Срезневский был высокого мнения об отношении Миклошича к источникам: «Миклошич своими прежними разнообразными трудами заявил свое знание древнего языка: уважение к древним текстам, умение ими пользоваться»¹⁸⁵.

В 1857 г. Миклошич был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Представлял его на это звание И.И. Срезневский. Он еще в письме от февраля 1857 г. просил Раевского узнать у Миклошича «краткий перечень его движения в жизни, начиная с воспитания (с указанием места рождения) и его мелких трудов (большие мне известны) ... Мне бы очень хотелось, чтоб биограф[ический] очерк, сделанный мною, был бы не недостоин его имени, по крайней мере по внешности, по отметке фактов»¹⁸⁶.

К середине 70-х годов контакты между Миклошичем и Срезневским прекратились. Инициатором этого был Миклошич, о чем свидетельствует письмо Срезневского Раевскому от 13 января 1875 г. «Усердно прошу Вас, — обращаясь Срезневский к русскому священнику, — при удобном случае спросить Миклошича, не сердит ли он на меня, и если сердит, то за что. С некоторого времени я перестал получать от него его издания, тогда как прежде получал его дары очень постоянно. Это, конечно, может быть и вовсе не по его желанию, а может быть и по обстоятельствам, от него не зависящим. Не зная этого наверно, не решаюсь писать к нему сам, и прошу Вас спросить его. Если он в самом деле сердит на меня, то за что? Я с своей стороны положительно недоумеваю, что бы за причина могла быть и уважаю его по-прежнему, хоть по-прежнему кое на что гляжу иначе»¹⁸⁷.

Удалось ли Срезневскому наладить снова отношения с Миклошичем, сведений у автора нет.

Пытался завязать контакты с Миклошичем и Гильфердинг. Гильфердинг познакомился со словенским уче-

¹⁸⁵ Срезневский И.И. Библиографические записки // Известия ОРЯС. 1860–1861. Т. 9. С. 239–246.

¹⁸⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 68.

¹⁸⁷ Там же.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —
ным в 1855 г. во время своего путешествия по Австрии. В своем первом письме Раевскому от 1855 г. Гильфердинг сообщал ему, что Миклошич просил прислать ему издания Московского университета. 10 (22) февраля 1856 г. Гильфердинг послал Раевскому письмо и шесть книг, которые он просил передать Миклошичу и А.В. Шембере, а Миклошичу помимо этого Гильфердинг посылал и рукописную тетрадь. В том же письме Гильфердинг обращался к Раевскому: «Весьма обяжете также, если позволите Миклошичу отдавать Вам вещи, им для меня назначаемые, и вообще сделаетесь благосклонным посредником между им и мною. Он может быть мне чрезвычайно полезен, потому что в качестве библиотекаря следит за всем, что выходит по части югославянской истории (не говоря уж о филологии), и по своим связям в Вене может доставать многие материалы легче, чем другие общие знакомые наши». 24 марта 1856 г. Гильфердинг просил узнать у Миклошича, не имеются ли у него новые данные по болгарской истории X–XII вв.¹⁸⁸. Эти данные были нужны русскому ученому в связи с его работой над трудом «Письма об истории сербов и болгар».

Скорее всего Гильфердинг так и не получил весточки от Миклошича. Спустя несколько лет, в 1862 г., когда Гильфердинг обсуждал с Раевским список для награждения выдающихся славянских деятелей в честь празднования Тысячелетия Русского государства, он так отозвался о своем словенском коллеге: «Миклошича, конечно, нельзя исключить из списка, потому что он после смерти Шафарика сделался чуть ли не первым ученым авторитетом между славянами. Но Вы знаете, что он в полном смысле австриец и вовсе отстраняется от народной деятельности своей родины. Потому он и не принадлежит собственно народности словенцев»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 25.

¹⁸⁹ Зарубежные славяне и Россия. С. 134.

Из других словенских литераторов благожелательное внимание Срезневского привлек Антон Янежич, но не как редактор «Словенской бчель», а как серьезный филолог и национальный просветитель. Его деятельность не выходила за рамки словенской филологии, но она имела большое значение для развития словенской культуры. Он являлся издателем первого словенского литературного журнала «Словенски гласник» (Slovenski glasnik. 1858–1868) и приложения к нему «Цветы с отечественных и иноземных лугов» (Cvetje iz domačih in tujih logov. 1861–1868). Янежич занимался словенской филологией и в то время, когда увлекался общеславянским языком. Янежич опубликовал «Полный карманный словарь словенского и немецкого языка». В 1850–1851 гг. вышли в свет весь словенский раздел и первая часть немецкого раздела. В своей рецензии на этот труд Срезневский хвалил Янежича за то, что он использовал в словаре язык народа, слова из диалектов¹⁹⁰. В следующем году Срезневский приветствовал издание Янежичем фольклорных материалов «Цветы славянского народа. Словенские народные песни, пословицы и поговорки» (Целовец, 1852). «Хорутанский словарь А. Янежича, — отмечал он, — подавал надежду, что автор, выразивший в нем сознание важности языка народного, не остановится на одних словарных богатствах, а пойдя далее, познакомит и с богатствами народной поэзии хорутан, еще очень мало известной ... Означенной книжкой выполняется эта надежда как началом сборника произведений народной словесности хорутан»¹⁹¹.

Особенно положительно Срезневский отзывался о труде Янежича еще и потому, что сборники словенского фольклора были очень немногочисленны. Сборники Э. Корытко, изданные Блазником в 1838–1842 гг., оценивались специалистами невысоко, а сборник словенских песен Враза стал уже библиографической редкостью¹⁹².

¹⁹⁰ Срезневский И.И. Новые книги // Известия ОРЯС. Т. 1. 1852. С. 119, 120.

¹⁹¹ Срезневский И.И. Новые книги // Известия ОРЯС. Т. 2. 1853. С. 171.

¹⁹² Срезневский И.И. Новые книги // Известия ОРЯС. Т. 3. 1854. С. 250–252.

— Славянские идеи в 1848 г. и в послереволюционный период —

О грамматике Янежича, изданной в 1854 г. в Целовце, Срезневский высказался с большим уважением. Он подчеркивал, что Янежич уже на готовом материале, созданном его предшественниками, написал свою грамматику. В качестве положительной черты этой грамматики Срезневский отметил то, что она является первой словенской грамматикой на словенском языке, за исключением краткой грамматики Водника. Грамматика Янежича вводила новый алфавит (чешский или гаицу), а также новую словенскую грамматическую номенклатуру. «Придуманы названия, — писал Срезневский, — для всех грамматических понятий, довольно часто с помощью терминов, употребляемых у нас»¹⁹³.

Период 1848–1860 гг. явился важным этапом в развитии словенского этноса. Благодаря революции 1848–1849 гг. словенское национальное движение поднялось с уровня просветительского до политического. Именно в это время сформировалась словенская политическая программа Объединенная Словения, которая действовала вплоть до середины XX в. В годы революции сформировалась окончательно идея австрославизма, которая в годы просветительства только намечалась в высказываниях отдельных словенских национальных деятелей. В годы революции австрославизм занимал главное место в идеологии словенских политиков, идеи всеславянства, если и прощальзовали в их планах, успеха не имели.

Положение изменилось в послереволюционные годы. Надежды словенцев, как и других славян, на то, что их права будут обеспечены австрийским правительством за их действия во время немецко-венгерского конфликта, не оправдались. Австрийские власти попытались установить тот же режим, который был до революции. 31 декабря 1851 г. была отменена Октроированная конституция, так и не вступившая в силу. Один за другим были ликвидированы

---

¹⁹³ Срезневский И.И. Новые книги // Известия ОРЯС. Т. 3. 1854. С. 250–252.

рованы либеральные законы, закрыты газеты, распущены общества. С 1850 г. законы и указы печатались только на немецком языке. Все это показало словенским политикам, что увеличения национальных прав от Вены ожидать не приходится. Поэтому в 1850-е годы среди словенцев, прежде всего среди молодежи, стали распространяться русофильские настроения. Они поднялись на новую ступень — симпатии к русским, всегда характерные для словенцев, стали превращаться в надежду на их помощь. Эти русофильские тенденции обрели под собой почву и в связи с появлением в России новых общественных организаций — Петербургского Славянского благотворительного комитета и Московского Славянского благотворительного комитета, среди целей которых были оказание помощи славянам и ознакомление с ними русской общественности.

К началу 60-х годов славянская идеология у словенских национальных деятелей стала приобретать все более четкие очертания.

Формирование политического панславизма у словенцев

Начало 60-х годов XIX в. стало важным рубежом в развитии России. Поражение в Крымской войне показало необходимость проведения в ней радикальных реформ, главной из которых была отмена крепостного права. Эти реформы начали проводиться уже сразу после смерти Николая I, в частности была ослаблена цензура, благодаря чему смогли выходить такие оппозиционные издания как славянофильская «Русская беседа», «Московские ведомости» М.Н. Каткова и др. Но только после отмены крепостного права 19 февраля 1861 г. и проведения ряда реформ (судебной, военной и др.) началось интенсивное развитие России.

Поражение в Крымской войне нанесло ущерб России как в международных делах, так и сознании широких слоев русского народа. Для поднятия престижа страны при поддержке общественности, главным образом славянофилов, правительство в 1860-е годы организовало два грандиозных торжества — празднование Тысячелетия России в 1862 г. (862 год — год приглашения Рюрика княжить в Новгороде) и Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве в 1867 г. Оба эти события стали для российского общества и правительственных кругов одним из факторов, способствующих укреплению национальной гордости, поднятию уверенности в могуществе своего государства.

На Тысячелетие России славян не пригласили, празднование его состоялось в Новгороде и было проведено достаточно пышно. Однако по поводу этого события было награждено орденами 30 зарубежных славянских деятелей, в том числе 27 — из Австрии. При награждении во внимание

принимались политический вес того или иного деятеля среди своего народа, его заслуги в защите прав своего народа, его научная весомость. Инициатором награждения зарубежных славянских деятелей выступила императорская семья. 19 августа (1862 г. — *И. Ч.*) М.Ф. Раевский писал графине А.Д. Блудовой из Петербурга: «По случаю Тысячелетия России (это говорю Вам по секрету) просили Балабина (русского посланника в Вене. — *И. Ч.*) представить к орденам наиболее знаменитых славянских деятелей Австрии». В этом же письме Раевский замечал, что видел императрицу и она изъявила желание встретится с ним, когда она переедет в Царское село¹. Встреча состоялась. Скорее всего, именно тогда было предложено Раевскому составить список славянских деятелей для награждения. Правда, кроме графини Блудовой, Раевский так никому не обмолвился об этом ни словом, даже Гильфердингу, одному из самых своих близких друзей из числа славянофилов, хотя они вместе потом составляли список награжденных. 24 августа 1862 г. Гильфердинг приветствовал в письме к Раевскому предложение о награждении славян орденами: «Какое прекрасное дело Вы затеяли, многоуважаемый Михаил Федорович, советуя оказать западным славянам внимание и сочувствие России по случаю ее тысячелетия раздачею русских орденов лучшим ее деятелям! Могу представить, какое прекрасное впечатление это произведет»². Гильфердинг высказался по поводу кандидатур, предложенных Раевским, одобрив почти все. Вместе с тем он добавил в список и другие лица. Так, согласившись, что от словенцев необходимо дать орден слависту Миклошичу, Гильфердинг добавлял, что Миклошич по своим взглядам настоящий австриец, поэтому «словенцев необходимо почтить наградой не в его лице, а в лице докт[ора] Блейвейса, издателя «Новиц» [в Любляне], того человека, который более всех других содействовал пробуждению славянского духа в Крайне

¹ РГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 136 об, 138.

² Зарубежные славяне и Россия. С. 132.

— Формирование политического панславизма у словенцев —
и Штирии. Недавно бывший его юбилей выказал огромное
его значение между его соотечественниками»³.

При награждении русскими орденами, по-видимому, требовалась не только рекомендация Раевского или Гильфердинга, но и характеристика кандидата со стороны местных национальных деятелей. Сохранилась такая характеристика Блейвейса за 1862 г. В ней перечисляются его заслуги перед словенцами: его труды на словенском языке (учебники, сочинения по ветеринарии и др.), указывается его роль как редактора и издателя главной газеты на словенском языке «Кметийске ин рокоделске новице». Особо подчеркивались его заслуги во введении в словенской литературе современного алфавита (чешский или гаица), который является общим с чехами, словаками и хорватами. Вывод был однозначен: за 20 лет своей деятельности на благо своего народа Блейвейс стал «одним из величайших благодетелей словенцев и имеет заслуги, за которые ни одна награда не является слишком высокой»⁴.

Из 30 славян, награжденных российскими орденами, двое были словенцами. Ф. Миклошич получил орден св. Анны 2-й степени, вместе с ним удостоились такой награды русин А.И. Добрянский, серб В. Караджич. Янез Блейвейс был награжден орденом св. Владимира 4-й степени вместе с хорватом А. Мажураничем и русином Я. Головацким⁵.

Гильфердинг был прав, когда включил Блейвейса в список для награждения. Этот жест русского правительства был с воодушевлением воспринят словенцами. Корреспондент «Новиц» из Вены писал: «Сегодня радуемся и мы, словенцы, что наряду с одним из деятелей общеславянской литературы господином, профессором, доктором Миклошичем, также и к Вам, господин редактор, пришла награда за двадцатилетний великий труд на поле словенском, особен-

³ Зарубежные славяне и Россия. С. 134.

⁴ Русско-словенские отношения в документах. С. 124, 125.

⁵ День. 1862. № 38. С. 14, 15.

но с изданием “Новиц”⁶. Восторженно откликнулись горицкие патриоты. «С каким-то необычным удивлением, — писал Блейвейсу 19 октября 1862 г. горицкий либеральный политик Андрей Винклер, — восприняла пораженная Европа известие, что среди шума и суматохи новгородских торжеств русский царь не забыл австрийско-славянских литературных деятелей, показав миру, насколько выше надо ценить перо, чем сталь, и крепость ума, чем силу руки... Удовлетворение, радость, которыми наполняет словенцев эта полная значения награда, огромны»⁷.

Еще более откровенно оценил значение награждения Блейвейса русским орденом словенский купец и журналист Грегор Блаж. В своем письме к Раевскому от 29 сентября 1867 г. он с любовью и гордостью представлял ему свой народ. «Словенцы, — писал он, — хотя они насчитывают лишь 1,5 млн душ, заслуживают всяческого внимания со стороны самого сильного славянского народа; они являются чрезвычайно одаренным, сильным, упорным, сердечным, трудолюбивым, промышленным и, в сущности говоря, еще не испорченным народом. Географическое положение Словении тоже очень важно. Словенцы сохранили свой язык, несмотря на то, что во время тысячелетнего немецкого господства были использованы все средства для их германизации». Блаж был чрезвычайно доволен тем, что российские властные структуры обратили внимание на словенцев. «Когда во время празднования Тысячелетия Российской империи, — продолжал Блаж, — Россия наградила выдающихся нерусских славян, и такой орден получил мой друг и соотечественник д-р Блейвейс, я почувствовал несказанную радость. С этого момента мне стало легче на душе, так как я переполнился уверенностью, что Россия включает нас в круг своих интересов — что мы, таким образом, можем не опасаться быть поглощенными Италией

⁶ Novice. 08.10.1862.

⁷ *Tominšek J. Dr. Janez Bleiweis, vitez Tersteniški // Bleiweisov zbornik. Ljubljana, 1909. S. XIX.*

или кем-либо другим. А я как раз и добивался того, чтобы Россия о нас никогда не забывала. Мы, словенцы, станем прочным камнем в здании славянства. Пусть Россия примет это во внимание и вспомнит об этом, если когда-нибудь для славян грядет великий день решения»⁸.

* * *

В начале 60-х годов XIX в. наступил черед реформ в Австрии. Политика австрийских властей, пытавшихся вернуть ее к дореволюционному состоянию в политическом отношении, не увенчалась успехом, вызвав неприятие у большинства австрийского населения. Окончательный удар ей нанесла неудача Габсбургской монархии во внешней политике. В 1859 г. Австрия попыталась помешать объединению Италии, начав войну против Франции и Сардинии, и потерпела в ней поражение. В результате она потеряла большую часть своих итальянских владений. Устойчивость абсолютизма были значительно ослаблены, и правительство вынуждено было провести реформы. В октябре 1860 г. и феврале 1861 г. оно издало постановления, в результате которых в стране были введены некоторые конституционные нормы: избираемые населением представительные учреждения (рейхсрат и провинциальные собрания), определенная свобода слова и собраний. Октябрьский диплом законодательно устанавливал автономию провинций. Условия каждой провинции выбирали провинциальное собрание, однако его решения утверждал назначаемый правительством губернатор.

Политические перемены, введение определенных конституционных норм оживили политическую жизнь словенцев, как и других народов Габсбургской монархии. Главный вопрос, который встал перед ними, был вопрос реформирования страны. Для обсуждения были выдвинуты три варианта. Немецкие либералы и часть венских

---

⁸ Зарубежные славяне и Россия. С. 42.

правлящих кругов выступали за усиление централизма. Немецкие консерваторы из местного дворянства боролись за федерализацию страны при усилении прав провинций. Федерализация должна была проходить на основе исторического права, т. е. сложившихся исторически провинций (земля, дежела, ланд). Эту программу поддерживали многие славянские политики, внося в нее свое понимание. Третий вариант реформирования страны выдвинули венгерское дворянство и некоторая часть венского двора. Он предусматривал образование конфедерации с двумя центрами власти — в Вене и Будапеште. Общими для обеих частей являлся монарх (Габсбург) и ряд министерств: иностранных дел, военное, финансов и др. Эта программа называлась дуалистической.

Из словенских политиков первым снова выступил М. Маяр. 13 марта 1861 г. он опубликовал статью «Наше положение», в которой вновь поставил вопрос об Объединенной Словении и о братском союзе словенцев с хорватами и укреплении их взаимности со всеми славянами, особенно с австрийскими⁹. Его поддержали многие словенские политики. Они написали петицию главе австрийского правительства А. Шмерлингу, в которой говорилось об объединении словенских земель в единое административно-политическое целое и введении там во всех школах и учреждениях словенского языка. Под этой петицией подписалось 20 тыс. человек. Осенью 1861 г. в «Новицах» Блейвейса появилась статья о необходимости создания югославянского объединения в границах Габсбургской монархии¹⁰. Словенские политики вновь выдвинули программу 1848 г.

Однако вскоре они от нее отказались. Причина заключалась в том, что большинство славянских политиков (чехи, поляки, хорваты) выступали за принцип исторического права при создании административно-исторических единиц в Австрии. Словенцы, стремясь не нарушать славянскую вза-

⁹ Novice. 13.03.1861.

¹⁰ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. II. Ljubljana, 1956. S. 56.

имность, попытались приспособить свою программу к историческому праву. Эйншпиллер предложил вместо Объединенной Словении потребовать установления Внутренней Австрии, административной единицы, существовавшей в 1564–1747 гг. и включавшей провинции Штирию, Каринтию и Крайну. 25 сентября 1865 г. на собрании ведущих словенских политиков в Мариборе была принята Программа Внутренней Австрии, получившая название Мариборской программы. Последовательным сторонником ее был Эйншпиллер, который считал, что во Внутренней Австрии словенцы лучше смогли бы защитить свои права от немцев и итальянцев, если им не удастся добиться создания Объединенной Словении¹¹. Мариборская программа никак не решала словенский национальный вопрос, ибо словенцы во Внутренней Австрии составляли меньшинство населения. Словенский историк В. Мелик справедливо замечает, что программа Внутренней Австрии не могла помочь словенцам отстаивать свои права, поскольку словенцев в этом образовании было всего 43%¹². Желая усилить словенский элемент в будущем словенском объединении, Маяр, а затем и Эйншпиллер стали пропагандировать создание Иллирского королевства, которое включало бы всю Каринтию и Крайну, а также и южную словенскую часть Штирии. Это образование тоже было нежизнеспособным, хотя словенцы и составляли в нем большинство, ибо вряд ли немцы, жившие в Северной Каринтии, пожелали бы в него войти.

Уже с самого начала Мариборская программа вызвала протест со стороны части словенских национальных деятелей, прежде всего со стороны молодого поколения словенских либералов, начавших политическую деятельность в послереволюционный период. Их не удовлетворяла Мариборская программа, они не довольствовались осторожными методами политиков, группировавшихся вокруг Блейвейса и его газеты. Против Мариборской программы

¹¹ *Einspiller A.* Političen katekizem za slovence. Celovec, 1878. S. 28.

¹² *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. S. 146.

и программы Иллирского королевства, базировавшихся на принципах исторического права, выступила и часть сторонников Блейвейса. Так, Л. Светец дал развернутую критику этих программ в «Новицах». «Я утверждаю, — писал он в 1866 г., — что среди всех австрийских народов историческое право менее всего пригодно нам, словенцам, что оно много больше, чем нам, подходит немцам и венграм. Историческое право для доброй половины австрийских славян является историческим бесправием. История милее всего тому, кто имеет фактическую власть ... Мы хотим жить, развиваться и идти к прогрессу — это и есть наше историческое право, наше право на века»¹³.

Отказ многих славянских политиков от опоры на историческое право был с одобрением встречен русскими славянофилами. «Видя ощутительно бесплодность борьбы своей с немцами и венгерцами за начала исторические, они (австрийские славяне. — *И. Ч.*) стали обращаться теперь на защиту одних прав национальности, т. е. на защиту одного славянства, — писал Раевский В.И. Ламанскому 1 ноября 1866 г., — что значительно сближает нас с ними. Прежде заявили себя в пользу одной национальности словенцы, им стали вторить словаки, русские (русины. — *И. Ч.*), румыны... Переход здешних славян к началу национальному есть поворот к сближению с Россиею»¹⁴.

Высказывание Раевского о переходе ряда славянских народов к славянской идеологии в начале 60-х годов подтверждают и воспоминания К. Устияновича, известного украинского художника, стоявшего сначала на позициях русофилов, а затем разочаровавшегося в них и примкнувшего к украинофилам. В начале 1860-х годов он учился в Вене, общался с различными славянскими студенческими обществами. Среди самых горячих русофилов он называл словаков, словенцев и лужицких сербов¹⁵.

¹³ Novice. 03.10.1866.

¹⁴ Отдел рукописей Государственной национальной библиотеки (далее — ОР ГНБ). Ф. 608. Письма М.Ф. Раевского.

¹⁵ Устиянович К. М.Ф. Раевский и российский панславизм. Споминки з пережитого и передуманного. Львов, 1884. С. 7.

Разногласия в словенском национальном движении начались уже в начале 60-х годов XIX в. Часть молодых словенских национальных деятелей, получивших название «младословенцы», подняла вопрос о необходимости словенской политической газеты. Этому воспротивились Блейвейс и его сторонники, поскольку не желали иметь соперника для своей газеты «Новице». Они предлагали основать словенскую политическую газету на немецком языке. Сподвижники Блейвейса стали называться старословенцами.

В 1863 г. Мирослав Вильхар, помещик и поэт, основал газету «Напрей» (Naprej. Вперед). Ее редактором и автором большинства ее статей был журналист и политик Фран Левстик (1831–1887). Первое его значительное выступление в прессе произошло в 1858 г., когда он опубликовал статью «Ошибки словенского правописания». В ней он призывал словенских литераторов бороться за чистоту словенского литературного языка, опираясь на крестьянскую речь, очищать его от иностранных, прежде всего немецких, слов. Важным орудием борьбы за чистоту словенского языка он считал написание словаря словенского языка, а также создание полноценной критики, способной поднять словенскую литературу на европейский уровень. Газета «Напрей» пропагандировала Объединенную Словению, укрепление связей между южными славянами. Через год она была запрещена властями за статью, которая предлагала унич-

Фран Левстик

тожить в Австрии старые границы между провинциями и провести новые по национальному признаку.

После закрытия газеты «Напрей» младословенцы стали публиковаться в газете «Словенец» (Slovenec. 1865–1867), издававшейся в Целовце Эйншпиллером. Эйншпиллер определял задачи своей газеты так: «“Словенец” будет всегда католиком, словенцем и австрийцем»¹⁶. Вместе с тем он обладал широтой взглядов и предоставлял страницы своей газеты и деятелям левого направления. В. Мелик, оценивая деятельность Эйншпиллера, подчеркивает, что он всегда стоял за права и равноправие словенцев, за католическую веру и федерализацию Австрии и отличался бескорыстием и чрезвычайной активностью¹⁷.

Определенные конституционные свободы создали условия для появления в словенских землях многочисленных национальных обществ. Самыми массовыми из них были читальни. Первая читальня появилась в 1861 г. в Триесте. Она называлась Славянской читальней, так как объединяла всех славян, живших в городе. В том же году были основаны читальни в Любляне, Мариборе, Целье. К середине 1869 г. в словенских землях уже насчитывалось 47 читален: в Крайне — 14, в Горице — 15, в округе Триеста — 6, в Штирии — 11, в Каринтии — 1. Читальни возникали в больших и малых городах и даже в селах¹⁸. Их членами было около 4 тыс. человек. Читальни являлись подлинными центрами словенской культурной жизни, в них проводились беседы, на которых читались познавательные доклады на разнообразные темы, выступали местные хоры, обсуждались политические события, иногда ставились небольшие пьески, устраивались танцы. Обычно при читальнях имелись небольшие библиотечки со словенскими и славянскими книгами, газетами и журналами. Кроме читален в словенских землях организовалось множество других национальных обществ — хоров, пожарных команд, спортивных объединений.

¹⁶ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*. Ljubljana, 1966. S. 145.

¹⁷ *Melik V. Einspielerjevo mesto v slovenski zgodovini // Einspielerjev simpozij v Rimu*. S. 65.

¹⁸ Русско-словенские отношения в документах. С. 248–249.

В 60-е годы Любляна становится национальным центром словенцев. В 1863 г. в ней было установлено спортивное общество Южный Сокол, в 1864 г. создана Словенская Матица. Главной целью Матицы являлось издание и распространение книг на словенском языке. В отличие от Общества св. Мохора она ориентировалась на более образованные слои населения, в ее ежегодном издании «Летопис Матице Словенске» (*Letopis Matice Slovenske*) публиковались труды словенских ученых по истории, языку, этнографии. Это были сочинения на словенском языке, постепенно формировалась словенская научная терминология. Матица издавала книги о славянах, художественную литературу как словенскую, так и переводную, а также словенские учебники для гимназий, духовных семинарий, различных средних учебных заведений, что способствовало введению в них обучения на словенском языке¹⁹. В 1866 г. в Любляне было основано Драматическое общество, дававшее представления на словенском языке.

За преобладание в этих обществах младословенцы и старословенцы вели борьбу. В Словенской Матице младословенцы потерпели поражение, и Левстик, являвшийся в первое время ее секретарем, должен был оставить свой пост. В Драматическом обществе младословенцы занимали прочные позиции, в молодежном Южном Соколе они тоже имели значительное влияние.

В первой половине 1860-х годов в словенские земли снова стали ездить русские слависты. В октябре–ноябре 1862 г. в Любляне побывали М.П. Петровский и Е.Ф. Фортунатов.

Мемнон Петрович Петровский (1833–1912), молодой ученый, ученик В.И. Григоровича, был послан в славянские земли Казанским университетом. О его пребывании в Любляне «Новице» опубликовали заметку, в которой говорилось, что Петровский много дней работал в Лицейской библиотеке Любляны. По обилию славянских книг и рукописей он ставил

¹⁹ *Bernik F. Sto let kulturnega poslanstva // Slovenska Matica 1864–1964. Ljubljana, 1964. S. 14, 15.*

ее на второе место в Австрии после библиотеки в Праге. Вместе с тем Петровский выражал сожаление, что в ней имеются не все славянские книги, изданные в последнее время²⁰.

Кандидат Петербургского университета Евгений Федорович Фортунатов был командирован в славянские земли для приготовления к профессорскому званию на кафедре славянских наречий Петербургского университета. Газета «Новице» также отметила пребывание русского ученого в Любляне, охарактеризовав его как кандидата на должность учителя славянских языков в Петрограде (Петербург. — *И. Ч.*), желающего ознакомиться со словенским языком²¹. Фортунатов, в отличие от Петровского, большую часть времени проведенного в Лицейской библиотеке, активно разъезжал по словенским землям, изучая словенские диалекты и знакомясь с национальными деятелями словенцев. Об этом свидетельствует его письмо неизвестному словенскому корреспонденту из Любляны, которого он называл Иваном Францевичем (возможно, Хрибар. — *И. Ч.*). Это письмо было отправлено из Черномеля 23 (11) марта 1863 г. «Не думал я, не гадал, — писал Фортунатов, — что так долго пробуду в Рыбнице: 15 дней! Жалеть не об чем. Две недели пролетели весело и полезно в разговорах с бесценным Карлом Осиповичем (Рудежом. — *И. Ч.*) и другими рыбничанами, в прогулках, чтении и т. п. Радущие и предупредительность моего хозяина не имели пределов. Спасибо ему! Он проводил меня и в Кочевье. Тут я провел один день, познакомился со Светицем, был у декана, который снабдил меня рекомендательным письмом к священнику Трга. Здесь я жил дня 3, немножко прислушался к крестьянскому говору». Затем Фортунатов поехал в Виницы, где остановился у местного жупана. «К жупану часто приходили крестьяне крайнские и хорватские, так что мне удалось несколько освоиться с местной речью». После Виниц Фортунатов отправился в Черномель. В письме он просил Ивана Францевича

²⁰ Novice. 05.11.1862.

²¹ Novice. 12.11.1862.

сообщить Левстику некоторые лингвистические заметки, сделанные им в Рибнице и Белой Крайне. «Славной читавнице мой большой поклон, — заключал свое письмо Фортунатов, — особенно Томану, Левстику, др. Блейвейсу, брату Вашему и, если К.О. Рудеж в Любляне, так ему. Будьте здоровы и веселы!» С особым удовольствием русский путешественник поздравлял словенцев с основанием Матицы²².

С 15 июня 1862 г. по 15 декабря 1863 г. по славянским землям Австрии путешествовал с ученою целью профессор Киевского университета В.Я. Яроцкий. Он посетил и словенские земли, о чем можно судить по его отчету, напечатанному в «Университетских известиях» Киева. В нем Яроцкий с большой симпатией отзывался о борьбе славянских народов Австрии за свои национальные права. При этом наиболее передовыми в этом отношении он считал чехов и словенцев, отмечая все же, что у словенцев культурная жизнь слабее. Причину этого Яроцкий видел в административной раздробленности словенцев, в более сильном немецком гнете, в отсутствии у словенцев исторических традиций. Яроцкий указывал на большую роль католического духовенства в словенском национальном движении. Самой передовой личностью у словенцев он считал Янеза Блейвейса, ибо «ни один народный успех, в чем бы то ни было, не обошелся без содействия г. Блейвейса». Помимо Блейвейса Яроцкий в своем отчете упоминал Д. Трстеньяка, сотрудника Блейвейса, и главу Словенской Матицы Л. Томана. Особо останавливался киевский славист на газете «Напрей», издававшейся М. Вильхаром и Ф. Левстиком. «Оба эти журналиста, — подчеркивал Яроцкий, — известны также своими поэтическими опытами, и, между прочим, г. Левстик перевел Краледворскую рукопись на словенский язык». О закрытии газеты Яроцкий сообщал, что она пала жертвой закона о прессе, хотя и приобрела популярность среди словенцев. Особое выделение из словенской прессы «Напрей» указывает на тесное общение Яроцкого с душою

²² Rokopisna zbirka NUK. Ms. 491.

этого издания Левстиком и на его сочувствие последнему. Из других словенских национальных деятелей Яроцкий в своем отчете упоминал филологов Й. Марна и А. Лесара, а также М. Цигале, автора немецко-словенского словаря, О. Цафа, занимавшегося составлением сравнительного словаря славянских языков. Несколько добрых слов Яроцкий сказал о каринтийцах Эйншпиллере и Янежиче, о П. Козлере, издавшем «прекрасную карту всей Словении и статистическое описание оной»²³.

В 1862 г. через словенские земли проезжал Владимир Иванович Ламанский (1833–1914)²⁴. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета со степенью кандидата. Служил чиновником в Петербургской Публичной библиотеке, старшим архивариусом в министерстве иностранных дел. В 1862–1864 гг. он путешествовал по Европе, побывал в Италии, Греции, Турции, особое внимание уделил австрийским славянам. На святках 1862 г. приехал в Любляну для работы в Лицейской библиотеке. Однако библиотека была закрыта, что послужило причиной его скорого отъезда из города. Все же в этот свой приезд Ламанский посетил читальню, где виделся с Левстиком. 1 августа 1867 г. Левстик так вспоминал об этой встрече в письме к Рудежу: «Он был в Любляне очень мало времени, и я имел только один случай немного поговорить с ним в читальне, возле печки, рядом с которой мы оба стоя грелись»²⁵. О своих впечатлениях от поездки по славянским землям Ламанский поместил статью в «Отечественных записках». «Поистине нельзя не удивляться, — подчеркивал он, — тем быстрым успехам, которые сделал русский язык в это время в немецко-венгерско-славянских провинциях (в Вене, Лайбахе, Пеште и Праге)»²⁶. Очевидно, не случай-

²³ Отчет исполняющего должность экстраординарного профессора Яроцкого по случаю командировки в славянские земли с ученою целью с 15 июня 1862 по 15 декабря 1863 года // Университетские известия. Киев, 1864. № 2. С. 78–99.

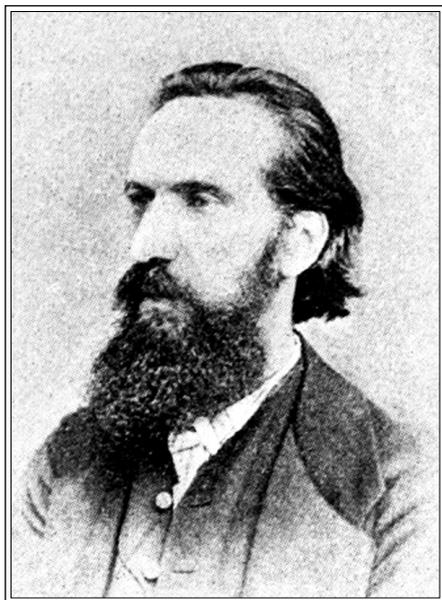
²⁴ По предложению Ламанского русские ученые второй половины XIX в. называли «словенский» и «словенцы» — «словинский» и «словинцы», чтобы отличить их от словаков.

²⁵ Levstikova pisma. Ljubljana, 1931. S. 249.

²⁶ Ламанский В. И. Национальность итальянская и славянская в политическом и литературном отношении // Отечественные записки. 1864. № 11. С. 186.

но после Вены Ламанский сразу назвал Любляну, а затем уже Пешт и Прагу. Несмотря на краткое пребывание в Любляне, он сумел заметить интерес словенцев к русскому языку. Такой же интерес к нему обнаружили и другие славяне Австрии.

После этого путешествия Ламанский изложил свою концепцию общеславянского языка, которая оказала наиболее сильное влияние на идеологию младословенцев. Он попытался конкретно определить роль русского языка в развитии культуры остальных славянских народов. Относительно южных славян Австро-Венгрии — хорватов, сербов, словенцев — Ламанский был убежден, что их литература никогда не сможет вытеснить немецкий и итальянский языки из культурной жизни этих народов. «Мы принуждены указать, — продолжал он, — как на единственный исход из этого печального положения, на необходимость для них принять русский язык органом науки и высшей образованности, языком дипломатическим, с сохранением своих наречий и словесностей для местных потребностей»²⁷. Те же самые мысли Ламанский развивал и в статье «Непорешенный вопрос». В ней он указывал, что славянам необходимо «иметь два славянских языка в своем употреблении, т. е. свое народное наречие для местной

*Владимир Иванович
Ламанский*

²⁷ Ламанский В.И. Из записок о славянских землях // Отечественные записки. 1864. № 2. С. 683.

словесности, для домашнего и чисто народного обихода, а другой — язык русский для общих дел, для сношений между собою и прочими соседями славянскими и иноплеменными, для высшего образования и науки»²⁸. Как можно видеть, русский язык, по мнению Ламанского, должен был не заменить собой у австрийских славян остальные славянские языки, а занять у австрийских славян место немецкого языка, который как раз выполнял у них те функции, которые Ламанский определил для русского языка.

В мае 1862 г. в словенских землях гастролировал русский скрипач Свечин, ученик Паганини. О его выступлении в Славянской читальне Триеста написал в «Новице» Левстик. Вместе со Свечиным там выступили два словенских хора — хор словенских крестьян и хор членов читальни²⁹. В июне 1862 г. Свечин дал концерт в Любляне. Перед его приездом туда немецкая пресса распространила слух, что Свечин плохой музыкант, так как у славян не может быть искусства. Помимо этого Свечина обвинили в панславизме. Однако на концерте Свечина в Любляне зал был переполнен. Газета «Новице» поместила восторженную статью о нем. «Чистота, нежность, сила, плавность его волшебных звуков, — писал корреспондент, — соединенные с глубоким чувством и совершенной техникой, превосходит, по словам знатоков, все, что мы до сих пор слышали в Любляне». Как и в Триесте в концерте Свечина принял участие словенский хор читальни³⁰.

Прием русских ученых и артистов словенцами показывает, что симпатии к России у них не угасли и после введения в Габсбургской монархии конституционных норм и развернувшейся борьбы за ее переустройство. Сохранению и дальнейшему развитию интереса к России у словенцев способствовали политика русского правительства и еще больше Московского Славянского благотворительного комитета и славянофилов.

²⁸ Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. № 7–8. Ч. CXII. С. 121.

²⁹ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. II. Ljubljana, 1956. S. 386.

³⁰ Novice. 18.06.1862.

После вступления на престол Александра II русско-австрийские отношения значительно охладели. Новую политику по отношению Австрии проводило русское посольство. Неофициально в этом направлении действовал М.Ф. Раевский. Ему было поручено написать план, как нужно воздействовать на славян с пользой для России. Можно с уверенностью полагать, что этот план ему поручили написать дипломатические круги, но не обошлось и без влияния на его содержание славянофилов.

Записка, представленная Раевским, называлась «Какими средствами Россия может действовать с пользой для себя на славян». Главное внимание в ней Раевский уделял русинам, но ряд положений он считал возможным использовать для всех славян Габсбургской монархии. Раевский полагал, что основным средством воздействия на славян должны быть литературные сношения. Для их развития он предлагал следующие меры.

Изменить почтовую конвенцию с Австрией, чтобы в австрийских землях было проще получать русские книги по почте. «Славяне, даже имеющие средства, не могут получать русских газет и книг через почтамт и, по нашей вине, останутся в совершенном неведении относительно России».

Устроить русские книжные лавки в Киеве, Варшаве, пограничных с Австрией городах. Организовать торговлю русскими книгами в Вене и Праге, при этом русское правительство должно давать на нее дотацию. С Белградом предлагалось установить прямой книгообмен через Валахию, минуя Австрию. Присылать русские книги и другие пожертвования частным путем: через комиссионеров, что очень дорого, или через курьеров Министерства иностранных дел, которым надо доплачивать за это. Книги следует переправлять в Варшаву, а оттуда с курьером в Вену.

Кроме этого Раевский предлагал, для того чтобы «действовать на славян и направлять умы и сердца их по возможности в пользу России», организовать в Австрии издание газет на русском и немецком языках «в русском направле-

нии». Русскую газету следует издавать в главном городе Венгрии — Пеште. Во-первых, в соседней с Пештом области Галиции живут русские (русины. — *И. Ч.*), а во-вторых, рядом живут словаки и сербы, активно интересующиеся русским языком. Русская газета должна носить литературно-политический характер и ограничиваться подачей фактов из жизни славян и России. В Вене или Праге Раевский предлагал создать газету на немецком языке для чехов и хорватов. Главной целью этой газеты должно являться ознакомление славян с Россией и отражение немецкой клеветы на нее.

Наконец, важным средством воздействия на славян Раевский считал оказание материальной помощи бедным славянским студентам, школам и литературным обществам. Нужно давать деньги австрийским славянам, чтобы «привязать к себе сердца этих людей теплою благодарностью и найти в них для себя верных и ревностных сотрудников». Славянам очень трудно получить образование, организовать национальное просвещение, ибо у них «аристократии нет, богатых людей нет, одни поселяне. Вот тут подать руку помощи русскому брату несчастным труженикам славянства». И эта помощь, по мнению Раевского, окупится с лихвой: «Вечною благодарностью мы расположим к себе сердца главных умных деятелей славянства в Австрии, а умственные деятели славянства вне России преимущественно славяне австрийские».

В своей Записке Раевский подчеркивал необходимость прежде всего культурно-идеологического воздействия на славян в Австрии. Конечной целью предлагаемого им плана являлось усиление симпатий славян к России, воспитание у них преданности к ней. Но Раевский был подлинным славянофилом, он был уверен, что в будущем Россия обязательно столкнется с Европой. «Славяне будут для нее, — утверждал он, — положительными союзниками ... а западные державы могут служить ей только союзниками отрицательными». Раевский был уверен, что «без меча при освобождении славян не обойдется»³¹.

³¹ ОР ГНБ. Ф. 627. Записки М.Ф. Раевского. 1864. Л. 1–18 с об.

Раевский не только представил план усиления русского влияния на славян, но и активно старался претворить его в жизнь. Когда в 1864 г. была установлена Словенская Матица, у российских учреждений, сочувствующих славянам, появилась возможность иметь дело не с отдельными лицами в словенских землях, а с центральной организацией, объединявшей национально ориентированных словенцев. В 1866 г. через Раевского Словенская Матица получила 200 русских книг, подаренных научными учреждениями России. Этот дар был высоко оценен комитетом Матицы. 18 ноября он послал письмо Раевскому за подписью ее председателя Л. Томана. «С радостью Вам сообщаем, — говорилось в письме, — что комитет Словенской Матицы на своем 5-м заседании от 15 ноября сего года ... по предложению, представленному председателем др. Томаном, согласно избрал Вас первым почетным членом Матицы Словенской в Любляне. Основанием, которым он подкрепил это предложение, были Ваше великодушие, которое уже подарило библиотеке нашего счастливого общества множество книг, и Ваше благое старание, благодаря которому Вы благосклонно достали этой библиотеке столько превосходнейших и очень дорогих книг, что она теперь насчитывает больше русских, чем всех других славянских книг. Пусть это избрание будет Вам некоторым доказательством того, как высоко чтим и признаем мы Ваши бесценные заслуги перед нашим благим, но до сих пор еще бедным обществом». Однако согласно дополнению, внесенному властями в устав Словенской Матицы, она не имела права избирать в почетные члены граждан других государств без предварительного согласия крайнего правительства. Поэтому 18 ноября 1866 г. комитет Матицы обратился к нему с просьбой разрешить ей избрать своим почетным членом Раевского. Мотивация этого избрания была следующей: «Причиной этого были великодушие Раевского, благодаря которому он даровал Матице книги, и усердие, с которым он склонил русские литературные общества [подарить] ей много драгоценных русских и других

славянских книг». Правительство подтвердило избрание Раевского, и вплоть до Первой мировой войны он являлся единственным почетным членом Словенской Матицы, не имевшим австрийского гражданства.

В благодарственном письме Словенской Матице от 29 ноября 1866 г. Раевский писал: «Все, что я сделал для Матицы Словенской, я сделал, как всякий другой славянин должен был сделать ... И что могу и впредь сделать для своих словенских братьев, сделаю с радостью, только прикажите»³².

Слова Раевского не были пустым обещанием. При его активном содействии Словенская Матица завязала отношения с рядом русских научных учреждений, которые заключались главным образом в книгообмене. Так, в 1873 г. Матица вела книгообмен с 32 обществами, из которых 12 были русскими³³. Благодаря связям с русскими научными учреждениями и стараниям славянофилов библиотека Словенской Матицы была хорошо укомплектована русской литературой.

В Вене Раевский общался и с предпринимателем и картографом П. Козлером. В 1853 г. Козлер издал «Карту словенских земель и областей», которая обозначала границы Объединенной Словении, за которую словенские политики боролись в 1848 г. Власти справедливо заподозрили в появлении этой карты пропаганду программы Объединенной Словении и запретили ее. Второе ее издание было осуществлено после ослабления цензуры в 1861 г. 20 экземпляров этой карты Козлер передал Раевскому для отправки в Россию. 24 сентября Раевский обратился к В.И. Ламанскому с письмом, в котором говорилось: «Препровождаю Вам при сем 20 экземпляров карты с описанием Козлера Словении. Вы знаете, что 1-е издание этой карты было запрещено австрийским правительством. Это второе издание. Карты эти Вы можете раздать по библиотекам или сами, или через

³² Чуркина И.В. Матица Словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия. М., 1972. С. 118.

³³ Lah E. Matica Slovenska // Letopis Matice Slovenske. 1885. S. 403.

министра народного просвещения. Достоинно и праведно избрать Козлера членом Географического русского общества, и Вы, надеюсь, постараетесь это сделать»³⁴. Раевский не случайно обратился с этим предложением к В.И. Ламанскому. В то время он являлся доцентом кафедры славянской филологии в Петербургском университете и одновременно занимал пост председателя Этнографического отдела Русского географического общества (1865–1871). Рекомендация Раевского была положительно воспринята и Ламанским, и Русским географическим обществом. В начале 1866 г. Козлер был избран его почетным членом. «Знает ли Козлер, — писал Раевский руководству Словенской Матицы 20 марта 1866 г., — что он стал членом Русского географического общества? Диплом ему еще не был готов, когда я выехал из Петербурга»³⁵. Позднее Русское географическое общество через Раевского регулярно высылало свои труды Козлеру.

Избрание Козлера членом Русского географического общества означало не только признание русской общественностью его научных достижений, но прежде всего признание его политических заслуг в борьбе за национальные права словенцев. И это отметил Раевский, подчеркивая, что первое издание «Карты словенских земель и областей» Козлера было запрещено австрийским правительством. Избрание Козлера означало поддержку со стороны русского общества программы Объединенной Словении, против которой и выступало австрийское правительство, заметив политический смысл карты Козлера.

Таким образом, первая половина 60-х годов XIX в. ознаменовала собой важный этап в отношениях русских и словенцев. Как в славянофильских кругах, так и у русской научной общественности безоговорочную поддержку получили младословенцы и их программа Объединенной Словении. Мариборская программа и программа Иллирского королевства так и не завоевали на свою сторону значи-

³⁴ ОР ГНБ. Ф. 608. Письма М.Ф. Раевского к В.И. Ламанскому.

³⁵ Arhiv Matice Slovenske. 1866. št. 48.

тельного количества словенцев. Объединенная Словения продолжала оставаться главной целью для словенских политиков, особенно младословенцев, среди которых крепили русофильские настроения.

Кроме программы Объединенной Словении в 60-х — начале 70-х годов XIX в. среди словенских политиков были популярны югославянские идеи, которые пропагандировали многие словенские национальные деятели. Выступая за Объединенную Словению в федерализированной Австрийской империи, словенские политики искали для нее верных союзников. Ближайшими из них являлись южные славяне — хорваты и сербы. Традиция поисков союза с ними шла от времен иллиризма (1830–1840-е годы). Югославянские идеи приобрели политический характер в период революции 1848 г. В 60-е годы они ожили. Их сторонниками были редактор газеты «Словенски народ» (Slovenski narod. 1868–1945) А. Томшич, видные младословенцы Ф. Левстик, В. Зарник, Й. Вошняк. Вошняк в брошюре «Словенцы, чего мы хотим?», обосновывая необходимость для словенцев добиваться Объединенной Словении, добавлял, что она затем должна соединиться с сербской Воеводиной и хорватским Триединым королевством³⁶. Идеи югославизма поддерживали многие хорватские политики и часть воеводинских сербов. Союз югославян мыслился как федерация автономных Словении, Хорватии, сербской Воеводины, входящая в состав переустроенной на федеративных началах Габсбургской монархии. Таким образом, югославянские планы не выходили за рамки австрославизма.

Югославянские политики делали определенные шаги к осуществлению своих планов. В ноябре 1870 г. состоялась встреча в Сисаке словенских и хорватских политиков. На ней присутствовало 30 человек, в том числе от словенцев — Р. Разлаг, Д. Трстеняк, А. Томшич, от хорватов — Ф. Рачки, М. Мразович. Во время встречи был согласован предва-

³⁶ *Vošnjak J. Slovenci, kaj čemo? Ljubljana, 1867. S. 76.*

рительный проект политического объединения Словении и Триединого королевства на автономных началах в пределах Венгерского королевства (Транслейтании). 1–3 декабря 1870 г. состоялся югославянский конгресс в Любляне, поводом для которого послужила годовщина рождения словенского поэта Ф. Прешерна. На нем кроме хорватов и словенцев присутствовали и воеводинские сербы. Среди делегатов из сербов был поэт Л. Костич, сподвижник С. Милетича, из хорватов — М. Мразович, Л. Вончина, И. Данило, из словенцев — многие младословенцы и некоторые старословенцы, например Я. Блейвейс. Люблянская резолюция была более расплывчатая, чем сисакская. Она призывала словенцев, хорватов, сербов объединить моральные и материальные силы, укрепить единство в области литературы, экономики и политики. В резолюции заявлялось о намерении югославян помогать своим братьям за границей³⁷.

Сисакское и люблянское совещания привлекли внимание русского вице-консула в Фиуме Л.В. Березина. В донесении Министерству иностранных дел от 18 декабря 1870 г. он отмечал: «На последних съездах в Сисеке (Сисак. — *И. Ч.*) и Лейбахе (Любляна. — *И. Ч.*) была принята за руководство политическая программа Аграмского (Загребского. — *И. Ч.*) сейма 1848 г. ... Описанное мною движение само по себе уже отвергает всякую связь с официальной сферой». Березин полагал, что слухи о поддержке габсбургским правительством югославистов мало правдоподобны. В донесении он останавливался на противоречиях, возникших между сербами и хорватами по поводу того, в Цислейтанию или Транслейтанию будет входить югославянское объединение³⁸.

Кроме тех противоречий между хорватами и сербами, которые отмечал Березин, существовали противоречия внутри самих сербов. Большинство сербских либералов выступало против Люблянской резолюции, поскольку они

³⁷ *Milutinović K. Problematika jugoslovenskog progama kod srba i hrvata // Zgodovinski časopis. 1956/1957. S. 160–166.*

³⁸ АВПРИ. Гл. арх. V-A2. Оп. 181. Д. 1030. Л. 156–157 об, 160–161.

были против объединения сербов в Габсбургской монархии, а стремилось присоединить воеводинских сербов к фактически независимому княжеству Сербии.

У словенцев в начале 1870-х годов отношение к идеям югославизма складывалось по-разному. Часть их (Левстик, Зарник) стали возлагать свои надежды на Россию. Некоторые словенские политики полагали, что Хорватия должна сыграть роль Пьемонта для австрийских югославян. Этой точки зрения придерживался, например, Ф. Кочевар, корреспондент газеты «Словенски народ» из Хорватии («-р»). Он призывал югославянские народы объединиться перед лицом немецкой угрозы, более страшной, чем турецкая: турки только поработили славян, а немцы стремятся их ассимилировать. Вместе с тем Кочевар рассматривал югославизм как первый шаг к решению славянского вопроса в целом³⁹. Большие сомнения в выгодности для словенцев югославизма высказывал Г. Блаж, один из постоянных корреспондентов газеты «Словенски народ». Он писал, что в политическом отношении югославизм сложен, поскольку южные славяне находятся в разных государствах, а в культурном — принятие хорватского языка словенцами ничего им не даст, так как хорватский язык не более образован, чем словенский⁴⁰.

Горицкие словенцы на страницах своей газеты «Соча» тоже обсуждали югославянский вопрос. Лидер горицких либералов К. Лаврич (1818–1876) в 1871 г. представил программу создания югославянской федерации, очень близкую к Сисакской резолюции. Ее поддержали горицкие либералы и консерваторы. Все они официально признавали, что югославянская федерация должна входить в состав монархии Габсбургов. Но в печати проскальзывала мысль, что ядром объединения может стать свободное княжество Сербия⁴¹.

³⁹ *Milutinović K. Problematika...* S. 169–171.

⁴⁰ *Slovenski narod*. 10.07.1869.

⁴¹ *Zwitter F. Narodnost in politika pri slovincih*. S. 41.

Близки к этой точке зрения были взгляды тогда еще гимназиста Ф. Левца. В своем выступлении на съезде учащихся в Любляне в сентябре 1869 г. он заявил, что Хорватия не сможет стать Пьемонтом для южных славян, но это лучше сделает Сербия⁴².

Югославянские планы в разных вариантах продолжали развиваться в идеологии словенских политиков в 60–70-е годы XIX в.

* * *

Второе крупное мероприятие, которое было проведено российским правительством при активной поддержке славянофилов, стала Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве, состоявшиеся в 1867 г. Между празднованием Тысячелетия России и Всероссийской этнографической выставкой в Москве в Российском государстве проводились реформы — крестьянская, судебная, военная и др., расчистившие путь новым отношениям в стране. В 1863 г. был принят новый университетский устав, разрешавший открывать при университетах научные общества. В том же году при Московском университете было основано Общество любителей естествознания, а уже в 1864 г. ее руководство предложило организовать Антропологическо-этнографическую выставку народов России. Эта идея с самого начала получила поддержку правительства и царской семьи, ее почетным президентом стал младший сын Александра II великий князь Владимир Александрович. На выставку предполагалось истратить 20 тыс. рублей серебром. 24 ноября 1865 г. на заседании Общества было представлено мнение профессора Московского университета Нила Александровича Попова (1833–1891) о создании на выставке специального отдела, посвященного зарубежным славянам. Необходимость этого Попов аргументировал следующим образом: во-первых, славяне должны служить предметом первого сравнения при изучении русской

---

⁴² *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. Ljubljana. 1961. S. 86.*

народности, как родственные ей племена; во-вторых, многие славяне живут в России (поляки, сербы, болгары), а многие приходят в нее на заработки. Предложение Попова было принято с воодушевлением. Сношение с австрийскими славянами и приобретение у них предметов быта и национальных костюмов поручили М.Ф. Раевскому.

Раевский с энтузиазмом взялся за дело. В 1866 г. он издал в Вене на немецком языке брошюру «Русская этнографическая выставка в Москве». Обращение комитета выставки с призывом принять в ней участие, а также инструкции по сбору этнографического материала были напечатаны во многих славянских газетах. По просьбе Раевского редактор венской газеты «Славише Блаттес» («Slavische Blattes») хорват Абель Лукшич в мае 1866 г. посетил Пешт, Нови-Сад, Вуковар, Загреб, Люблян, где он вел переговоры с виднейшими национальными деятелями славян по поводу участия их в выставке.

Подготовка к Этнографической выставке в Москве происходила в то время, когда обострились национальные отношения в Габсбургской империи. С начала 60-х годов в ней шла борьба за реформу государственного устройства страны. Выдвигались три плана ее реформирования: централистский, дуалистический и федералистский. Федералистский план поддерживало местное дворянство и все славяне. В 1866 г. Австрия потерпела поражение в войне с Пруссией. В правящих кругах Вены поддержали дуалистический план переустройства монархии. Против этого решительно возражали славянские политики. Чехи и словенцы, которые оставались под властью Вены, опасались усиления германизации, хорваты, сербы, словаки, русины, отходившие в Венгерское королевство, боялись мадьяризации.

Наиболее четко выразил отношение славян к дуализму чешский лидер Ф. Палацкий в серии статей «Идея австрийского государства», опубликованной им в 1865 г. В них Палацкий доказывал, что дуализм опаснее, чем полная централизация, и представлял свой план преобразования

Австрии на основе федерализма. Он отвергал обвинение чехов в панславизме, однако недвусмысленно замечал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме ... Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»⁴³. Подобные настроения были характерны и для элиты других славянских народов.

Этнографическая выставка в Москве стала для славян способом выразить свое недовольство политикой австрийского правительства и одновременно — свой отказ от австрославистских надежд.

Для сбора этнографических предметов Раевский обратился с просьбой к наиболее влиятельным славянским культурным организациям и наиболее уважаемым их национальным деятелям. В словенских землях Раевский написал самому влиятельному политику Я. Блейвейсу, одному из руководителей Словенской Матицы. Он был хорошо известен славянофилам благодаря награждению его русским орденом в празднование Тысячелетия России. 20 октября 1866 г. Блейвейс сообщил Раевскому, что по уставу Словенская Матица не может принять участия в Этнографической выставке. Однако он обещал прислать на выставку мужской и женский национальные костюмы с необходимыми фотографиями. Блейвейс также сообщал, что он послал письма каринтийскому священнику Матии Маяру и штирийскому адвокату Радославу Разлагу с просьбой прислать на выставку костюмы каринтийских и штирийских словенцев⁴⁴. Блейвейс исполнил свое обещание: вместе с братьями, а также с Томаном и Костой он купил костюмы крайнцев и фотографии к ним и отослал их Раевскому. В октябре 1866 г. пришел богатый дар от Маяра. 26 октября Раевский радостно сообщал об этом Н.А. Попову: «Словенцы присылают нам краинскую (каринтийскую. — *И. Ч.*) свадьбу из шести лиц со

⁴³ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 168.

⁴⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 44.

всем прибором, только без коня и телеги»⁴⁵. Славянофильская печать приветствовала дар Маяра. «Один из замечательнейших деятелей между небольшим племенем словенцев, — писала газета «Москва», — Матия Маяр пожертвовал Московскому музею чрезвычайно красивую и интересную свадебную группу из Южной Штирии (Каринтии. — *И. Ч.*) со всей обстановкой»⁴⁶. О даре Маяра Этнографической выставке были оповещены и словенцы. Эйншпиллер, многолетний соратник Маяра, писал в своей газете «Словенец»: «Матия Маяр купил костюмы зиян и зиянок и послал их на всеславянскую выставку в Москву. В числе их костюмы невесты, жениха, подружки, сватов и т. д., приданое невесты — сундук, постель, прялка»⁴⁷. За этот дар Маяр заплатил большую сумму — 400 гульденов⁴⁸. Годовое же жалованье Маяра в 1870 г. составляло 315 гульденов⁴⁹.

Уже в конце 1865 г. славянофилы, активно подключившиеся к сбору материалов для выставки, стали думать о том, чтобы воспользоваться приездом славян в Москву для проведения в Москве Славянского съезда. 23 октября 1865 г. Ламанский делился своими соображениями по этому поводу с Н.А. Поповым: «Знаете, что бы надо устроить у вас в Москве по случаю Этнографической выставки в 1867 г.? Во-первых, устроить несколько публичных чтений о славянстве. Вы бы прочли две-три лекции, я бы тоже не отказался, можно бы пригласить Лавровского и пр. Во-вторых, устроить в то время в Москве первый славянский съезд ... Но чтобы удалось это дело, теперь надо начать и провести его без шума»⁵⁰.

Славянофилы эту идею одобрили, главным проводником ее в жизнь стал опять-таки Раевский, который должен был рассылать приглашения на съезд славянским обществам и видным славянским деятелям. Персональные

⁴⁵ Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 169.

⁴⁶ Москва. 25.01.1867.

⁴⁷ Slovenec. 12.03.1867.

⁴⁸ Osební spomini drža Nessija // Rokopisna zbirka NUK. Št. 30 /49.

⁴⁹ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 19.

⁵⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 167.

письма с приглашением посылали своим друзьям М.П. Погодин и И.И. Срезневский.

В ответ на приглашение видных славянских деятелей в Москву в австрийской немецкой прессе началась настоящая травля тех, кто желал поехать на Этнографическую выставку. Особенно резко выступили газеты «Прессе» (Presse), «Дебатте» (Debatte), «Нойе Фрайе Прессе» (Neue Freie Presse), всегда отличавшиеся недоброжелательством по отношению к славянам. Они называли встречу славян в Москве «панславистским сборищем» и утверждали, что «побратимство на панславистской основе — это заговор против Австрии: кто в нем участвует, тот вызывает всю Австрию, и вопль негодования — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»⁵¹.

Пресса в данном случае выражала мнение правительственных кругов в Вене. В полицейских архивах зафиксировано их отношение к поездке славянских деятелей в Москву. «Панславистское течение, — отмечалось там, — которое в российских кругах, во всяком случае петербургским кабинетом, откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением ... По-видимому, она имеет не только этнографическое значение»⁵².

Австрийское правительство даже пыталось сорвать поездку славян в Москву. Так, австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера попытался говорить на эту тему с министром иностранных дел А.М. Горчаковым⁵³, но тот занял позицию невмешательства. Когда же Ревертера обратился к российскому министру внутренних дел П.А. Валуеву, тот заявил, что российское правительство стоит в сторо-

⁵¹ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 171.

⁵² Главачка М. Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.

⁵³ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 171–173.

не от организации Этнографической выставки и предложил австрийскому посланнику дать ему список тех лиц, приезд которых в Москву был бы нежелателен австрийскому правительству. Это предложение поставило Ревертеру в тупик. Тогда министр иностранных дел Австрии прислал Ревертере инструкцию с тем, чтобы он прочитал ее Горчакову. В ней указывалось, что австрийское правительство не примет никаких мер, если в Галиции будет проведена манифестация с участием подданных России. Бейст недвусмысленно намекнул на поляков, которые в Галиции и Париже решительно выступили против Славянского съезда в Москве.

Ко всем этим демаршам австрийского правительства русское правительство отнеслось более чем прохладно. Горчаков в ответ на инструкцию Бейста заметил: «В России найдется мало охотников принять в ней (манифестации. — *И. Ч.*) участие». Кроме того, он подчеркнул, что императорский двор покровительствует Этнографической выставке, которая ничего общего с утопиями московской партии (славянофилов. — *И. Ч.*) не имеет. Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал австрийским властям совет объявить всех, кто поедет на выставку, в государственной измене и арестовать.

Так сурово австрийские власти не поступили, но местные чиновники пригрозили тем славянским деятелям, которые были приглашены поехать в Москву, различными репрессиями после их возвращения.

В таких условиях славянские национальные деятели должны были решать вопрос о своей поездке на Этнографическую выставку. Всего было приглашено 55 славянских национальных деятелей, в том числе 10 словенцев, а именно: Л. Томан, Я. Блейвейс, А. Эйншпиллер, А. Янежич, Д. Трстеняк, Р. Разлаг, А. Винклер, Э. Коста, М. Маяр, а также безымянный представитель Словенской Матицы⁵⁴. Приглашения были разосланы в начале января 1867 г.

⁵⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 239. К. 17. Д. 12.

Уже 8 февраля Блейвейс поблагодарил за присланные приглашения и сообщил, что он и, по-видимому, Коста и Томан не смогут поехать в Москву, поскольку являются депутатами провинциального собрания и рейхсрата, а там в нынешнем году будут решаться важные дела, поэтому они не смогут надолго отлучаться из дома. И тем не менее Блейвейс просил все же прислать 2–3 бесплатных железнодорожных билета для словенцев⁵⁵. 18 апреля Блейвейс ответил на новое письмо Раевского, посланное 15 апреля, и благодарил за приглашение от своего имени и от имени Э. Косты, но снова отказывался ехать в Москву, на этот раз ссылаясь на слабое здоровье и на невозможность оставить на долгое время службу. Блейвейс также привел причины, почему не может приехать Коста — Коста бургомистр Любляны, а в мае пройдут выборы нового главы города, в которых он будет участвовать. Если Коста уедет из города, победит немецкая партия. В этом же письме Блейвейс сообщал, что послал копию приглашения Матии Маяру⁵⁶. 25 апреля 1867 г. Блейвейс сообщил Раевскому, что, возможно, в Москву поедут Томан и Светец. Одновременно он рекомендовал Раевскому в качестве представителя словенцев купца Ивана Вильхара, «славянина душою и телом», имя которого известно всем словенцам. Важным аргументом Блейвейса при рекомендации Вильхара стал факт, что тот «взял на себя обязательство писать в “Новице” о славной московской выставке». В следующем письме к Раевскому от 26 апреля 1867 г. Блейвейс представлял Раевскому кандидата в доктора права А. Худеца, которого характеризовал как искреннего словенского патриота. Наконец, судя по письму Блейвейса от 5 мая 1867 г., в Москву желал отправиться П. Грасели, который им характеризовался как «славянин душой и телом, собственник дома в Любляне, хорошо знает всю славянскую литературу, патриот высшей пробы»⁵⁷.

⁵⁵ Русско-словенские отношения в документах. С. 118.

⁵⁶ Там же. С. 119.

⁵⁷ Зарубежные славяне и Россия. С. 45, 46.

В конце концов в Москву отправились трое словенцев: Маяр, Вильхар и Худец. Из остальных словенцев свой отказ поехать на Этнографическую выставку, кроме Блейвейса, объяснил только Л. Томан в письме Раевскому от 30 апреля 1867 г. «Для меня это жертва, — писал Томан. — Всю мою жизнь у меня было желание увидеть когда-нибудь прекрасный Петроград и святую Москву. Несомненно, я бы однажды поехал туда, если бы время, дела и все обстоятельства мне это позволили. И теперь — прекрасный случай, а я не могу исполнить свое горячее желание!»⁵⁸.

Кроме Грасели, Светеца, Томана, по-видимому, имелись и другие словенцы, желавшие отправиться в Москву. Один из лидеров младословенцев, Й. Вошняк, утверждает в своих воспоминаниях, что хотел поехать в Москву, но у него не хватило на это средств⁵⁹.

Отказ Блейвейса, Томана, Светеца, Косты от поездки в Москву объясняется прежде всего осторожностью, боязнью навлечь на себя репрессии со стороны властей. Все они занимали определенные должности и боялись их потерять в случае, если они ослушаются приказа из Вены. Не побоялся поехать в Москву Матия Маяр, хотя его начальник — епископ Виери — возражал против этого⁶⁰. Отказ Блейвейса участвовать во Всероссийской этнографической выставке в Москве был воспринят некоторой частью словенской общности отрицательно, например газетой «Словенски господар» (Slovenski gospodar)⁶¹.

Всего в Москву отправился 81 славянский деятель, из них 65 являлись представителями австрийских славян: 27 чехов, 15 австрийских сербов, 10 хорватов, 4 русина, 3 словака и 3 словенца⁶². Такое большое количество политиков из Габсбургской монархии объяснялось их протестом против введения в 1867 г. в ней дуализма. Особенно резко выступа-

⁵⁸ ОР ГНБ. Ф. 808. Письмо Л. Томана М.Ф. Раевскому.

⁵⁹ *Vošnjak J. Spomini. Zv. 1. S. 248.*

⁶⁰ *Čurkina I. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974. S. 58.*

⁶¹ *Lončar D. Janez Bleiweis in njegova doba // Bleiweisow zbornik. Ljubljana, 1909. S. 217.*

⁶² *Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 174, 175.*

ли против этого чехи, для которых новый порядок означал усиление германизации. Во время прусско-австрийской войны 1866 г. военные действия велись на чешской территории, пруссаки в течение нескольких месяцев оккупировали Прагу. Для чешских национальных деятелей угроза поглощения части австрийских земель Пруссией означала быструю их германизацию в самой жесткой форме. Эту угрозу они уже ощутили, в отличие от словенцев, для которых германизаторский натиск со стороны пруссаков был пока еще умозрачительным. Именно поэтому в Москву направилась столь большая делегация чехов, включавшая как лидеров старочехов (Палацкий, Ригер) и младочехов (Э. Грегр, Э. Вавра) так и просто чешских культурных деятелей.

Следует отметить, что для приглашенных поездка в Москву была практически бесплатной. Комитет Этнографической выставки оплатил им дорогу от Вены до Москвы и обратно. В письме к чеху А. Патере, жаловавшемуся на нехватку средств для поездки в Москву Ламанскому, русский славист писал: «Довольно будет 200 гульденов ... Будут наняты квартира, стол, обед, чай, завтрак, экипажи. По железной дороге в Москву отправим вас даром»⁶³.

4 мая 1867 г. 62 представителя славянских народов пересекли австрийско-российскую границу и отправились в Москву. Путь туда пролегал через Варшаву, Ченстохов, Гродно, Вильно, Остров, Псков, Петербург, Тверь. Во всех этих городах для славянских гостей устраивались торжественные встречи с музыкой, речами, обедами. Особенно горячий прием ожидал славян в Петербурге, где уже на вокзале их встречала восторженная толпа в две тысячи человек. Славян обнимали, кричали: «Слава!». Затем началась череда различных мероприятий, приглашений, обедов. На первом обеде Ригер заявил: «Наибольший и первенствующий на земле народ — славянский ... Но вот взошло солнце взаимности славянской, и мы убедились, что мы все один на-

⁶³ Лаптева Л.П. Славянский съезд 1867 г. и участие в нем чешской делегации // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994. С. 80.

род, убедились, что, если мы станем друг друга поддерживать, мы будем народ великий не только числом своим, но и своими делами»⁶⁴. Именно в таком духе и проходили мероприятия в Петербурге. Петербургские чиновники и знать наперебой приглашали славянских гостей. Они побывали на обеде у графа Шереметьева и графа Кушелева-Безбородко, в Дворянском собрании. В Дворянском собрании выступил министр народного просвещения граф Д.А. Толстой. 11 мая славяне присутствовали на торжественном богослужении в Исаакиевском соборе. Воспоминания об этом напечатал Маяр в своем журнале «Славян». «Когда мне представлялась возможность, — писал он, — я с удовольствием смешивался с русской толпой ... Теперь я имел полную возможность своими глазами в действительности увидеть то, о чем я читал и что изучал дома, сидя за своим письменным столом»⁶⁵. Кроме того, славяне посетили заседание Отделения русского языка и словесности, музей Академии наук, Эрмитаж, Зимний дворец. На всех этих мероприятиях присутствовали и словенцы. Правда, на встречи с высшими чинами России они, как и другие рядовые славянские деятели, не всегда бывали приглашены. Так, 10 мая Палацкого, Ригера и представителей княжества Сербии принял министр иностранных дел А.М. Горчаков, а 12 мая Палацкого и Ригера встретил великий князь Константин Николаевич. 12 и 13 мая в два приема были обеды у Д.А. Толстого, где роль хозяйки дома исполняла графиня А.Д. Блудова. 12 мая славяне присутствовали на концерте М. Балакирева, на котором исполнялись произведения славянских композиторов. Но кульминацией пребывания славян в Петербурге явилась их встреча с Александром II в Царском селе, произошедшая 14 мая. На нее были приглашены 26 славян, словенцев среди них не было. Речь царя была краткой и благожелательной. «Здравствуйте, господа! — сказал он. — Я рад видеть вас, славянских братьев, на родной славянс-

⁶⁴ Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 179, 180.

⁶⁵ Slavjan. 1873. № 9. S. 139, 149.

кой земле. Надеюсь, что вы останетесь довольны приемом как здесь, так и особенно в Москве. До свидания!»⁶⁶.

15 мая славянские гости отправились в Москву. Они останавливались на обед в Твери и в древнюю столицу России прибыли 16 мая. На вокзале их встретили до пяти тыс. человек во главе с городским головой князем А.А. Щербатовым. Вечером того же дня в честь гостей был дан ужин, на котором присутствовали И.С. Аксаков и М.П. Погодин.

17 мая славяне осмотрели Кремль, часть их обедала у московского митрополита Филарета. С трех часов начался осмотр Этнографической выставки. Мероприятие, ради которого приехали славяне, продолжалось всего несколько часов. Выставка производила большое впечатление. Костюмы были надеты на восковые фигуры, лица которых мастера по присланным фотографиям старались сделать похожими на представителя того народа, костюмы которого они представляли. Фигуры славян были расположены среди природы или предметов быта, характерных для их среды обитания. Всего было представлено 116 фигур, одетых в национальные костюмы неславянских народов России, 118 фигур, одетых в одежды восточных славян, 66 фигур, одетых в одежды зарубежных славян⁶⁷.

В отделе зарубежных славян наибольшее впечатление производила свадебная группа каринтийских словенцев, присланная на выставку Маяром. Когда вскоре после открытия выставки 24 апреля ее посетил Александр II, его внимание особо привлекли некоторые сцены. «Общая обстановка группы, изображающей словенскую или вендскую свадьбу в Каринтии, фигура хорвата-граничара ... и некоторые фигуры, слушающих подле монастырской стены слепого певца, заслужили лестную похвалу его величества»⁶⁸.

Подробно остановился на каринтийской свадебной группе и корреспондент «Современной летописи», славист

⁶⁶ Всероссийская этнографическая выставка. С. 221, 232.

⁶⁷ Путеводитель по московской этнографической выставке. М., 1867. С. 3–35.

⁶⁸ Всероссийская этнографическая выставка. С. 50.

П.А. Лавровский, в статье «Впечатления, вынесенные из обзора русской этнографической выставки в Москве». «Мы пожалели только об одном, — отмечал он, — что в отделе славянском так мало изображено характерных сцен и почти исключительное внимание сосредоточено на одних человеческих фигурах, а между тем ... сцена в группе словинцев, представляющая со всеми местными подробностями, столь знаменательными для целого славянства, свадебные обряды с полною обстановкою предметов, а отчасти и обычаев, говорит ясно, как много бы выиграл этот отдел, если бы при группах других славян были представлены, хотя и с меньшей сложностью, чем у словенцев, некоторые характеристические сцены из их народной жизни»⁶⁹.

Москва, где гостей принимали не столь высокопоставленные чиновники и вельможи, как в Петербурге, а главным образом славянофилы и их сторонники, к Маяру отнеслась значительно душевнее. В сборнике «Всероссийская этнографическая выставка», вышедшем вскоре после отъезда славян, наряду с описанием самой выставки были помещены биографии наиболее выдающихся ее гостей. Самой полной была биография Маяра. Она была более обстоятельной, чем биографии таких известных чешских лидеров, как Палацкий и Ригер. Ее написал Н.А. Попов⁷⁰. В ней давалась блестящая характеристика Маяру: «Это один из деятельнейших между южными славянами проповедников славянской взаимности и братства, и вместе с тем литературные труды его дают ему почетное место в ряду южнославянских писателей». В биографии сообщалось, что одна из лучших групп на Этнографической выставке была подарена им, что в 1848 г. он выдвинул программу Объединенной Словении, а позднее написал взаимную славянскую грамматику. «Путем, который предложил Маяр, — заключал Попов, — может при усилиях славянских писателей различных племен совершенно органически развиться действительное литературное общение»⁷¹.

⁶⁹ Современная летопись. 28.05.1867. № 19. С. 3,4.

⁷⁰ Чуркина И.В. Словенское национальное движение в XIX в. и Россия. С. 173.

⁷¹ Всероссийская этнографическая выставка. С. 135–139.

Встречи славян в Москве носили научно-культурный характер, окрашенный славянофильскими идеями, в отличие от встреч в Петербурге, носивших в значительной степени официально-политический характер.

18 мая состоялось заседание профессуры Московского университета, на котором присутствовали помимо славянских гостей представители 18 российских научных обществ. На следующий день Московский университет дал в честь славян обед, на котором профессор Г.Е. Щуровский поднял вопрос об издании журнала «Славянское обозрение». В нем предполагалось публиковать исследования по этнографии, филологии, истории славянских народов. Свою речь Щуровский окончил здравицей в честь славянских гостей, которые принесли самые богатые дары Этнографической выставке, а именно Головацкому, Маяру, Эрбену, Вукашиновичу и др. 20 мая произошло заседание Общества любителей российской словесности, на которое были также приглашены славяне. На заседании в числе других выступил П.А. Бессонов с докладом «О славянском народном творчестве». В нем он упомянул среди прочих имен заслуженных фольклористов трех словенцев: Станко Врза, Антона Янежича, Матию Маяра. Последнее имя вызвало взрыв аплодисментов⁷². По-видимому, аплодисменты предназначались тому, кто присутствовал на заседании. Спустя несколько месяцев, 22 декабря 1867 г., Общество любителей российской словесности избрало Маяра вместе с четырьмя представителями славянской науки своим действительным членом⁷³. Своим сотрудником избрало Маяра и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии за дар выставке интересных экспонатов и обстоятельные объяснения к ним. За присылку грамоты от Общества любителей естествознания Маяр благодарил Раевского в письме в мае 1868 г.⁷⁴. Надо отметить, что кроме экспонатов Маяр

⁷² Беседы в Обществе любителей российской словесности при императорском Московском университете. Вып. 2. М., 1868. С. 28.

⁷³ Там же. С. 32.

⁷⁴ Зарубежные славяне и Россия. С. 281.

предоставил в Комитет выставки «Объяснение группы». По словам российского ученого М.Н. Сперанского, исследовавшего его, это «Объяснение» представляло собою «целый небольшой трактат, излагающий соображения и взгляды М. Маяра по поводу обычаев и прошлого словенцев, а также отчасти иных славянских племен». «Объяснение группы» сохранилось в переводе Н.А. Попова на русский язык. Сперанский, просмотревший все бумаги с этнографическими описаниями, считает, что «как в количественном и качественном отношении, так и по историческому интересу среди бумаг на первом месте следует поставить бумаги Матфея Маяра, священника из Зильской долины»⁷⁵. Сперанский подчеркивал, что сообщения Маяра о быте и обычаях зильских словенцев могут дать правильное представление о состоянии их народного быта, хотя в отношении научной методики он не выходил за пределы XVIII в. и был последователем школы Гримма. Общий вывод Сперанского о материалах, предоставленных Маяром следующий: эти материалы дают право «отнести Маяра к числу заметных работников, если не исследователей, то собирателей». Таким образом, присвоение Маяру звание действительного члена Общества было вполне справедливым. Маяр не только числился членом Общества естествознания, антропологии и этнографии. В феврале 1869 г. он послал ему свою рукопись «Сборник народных песен, загадок и пословиц иллирско-словенских», итог его многолетних трудов по сбору словенского фольклора. Эта рукопись некоторое время находилась в России, а затем ее взял И.В. Ягич и передал К. Штрекелю, который с конца XIX в. работал над многотомным изданием словенских народных песен⁷⁶.

21 мая был устроен большой прием в Сокольниках, на котором выступил И.С. Аксаков. Подчеркнув, что в Москве происходит первая всеславянская сходка, он заявил: «Братство на пространстве полсвета, полвселенной, братство в раз-

⁷⁵ Сперанский М.Н. К истории славянской историографии // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Сер. VII. Л., 1931. С. 988–1000.

⁷⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 282.

мере 90 миллионов братьев! ... Призвание России — осуществить на земле славянское братство и призвать всех братьев к свободе и жизни». После выступали славянофилы князь В.А. Черкасский, Ф.В. Чижев, а также профессор Московского университета, автор «Истории России» С.М. Соловьев. Последний отверг утверждение, что существует исконная славянская рознь. «Будем уповать, — заключил Соловьев, — что скоро, очень скоро чужие народы вместо славянской розни станут указывать на славянское примерное единодушие»⁷⁷. 22 мая славяне были на приеме у председателя Общества любителей российской словесности Н.В. Калачева, где обсуждался вопрос о развитии литературной взаимности и упрощении книжной торговли между славянами; 24 мая они посетили Троице-Сергиеву Лавру, а 25 мая в их честь был дан большой концерт в Зоологическом саду.

Концерт в Зоологическом саду начался исполнением русского гимна. Затем на нем прозвучали песни разных славянских народов: чешские, болгарские, сербские, словенская, украинская и несколько русских народных песен. Спустя три года после Этнографической выставки Маяр, объясняя М.П. Погодину и Н.А. Попову, каким должен быть задуманный им журнал «Славян», сравнил его с концертом в Зоологическом саду: «Пели преимущественно песни русские, затем следовали песни остальных славянских племен, концерт же был, однако, московский»⁷⁸.

Утро 26 мая видные славянские деятели Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Й. Суботич, Я. Шафарик, Л. Гай, А. Перониевич, В.Д. Ламбл и др. провели у М.П. Погодина. Пожалуй, эта встреча являлась одной из немногих, где они могли побеседовать в узком кругу, не на виду у любопытствующей публики. Среди присутствующих Погодин не упоминал Маяра, но, по-видимому, тот все же присутствовал на встрече. Об этом собрании Погодин написал спустя неделю

⁷⁷ Всероссийская этнографическая выставка. С. 341–347, 349, 355, 365, 366.

⁷⁸ Чуркина И.В. Общественно-политические взгляды М. Маяра в 50–70-е годы XIX в. // Славянская историография и археография. М., 1969. С. 141.

после отъезда славян из Москвы. И в этих своих записях он отметил, говоря о 26 мая: «Большую часть времени до обеда провел я с Матиею Маяром, католическим священником, живущим в углу Каринтии между немцами и итальянцами. Он прислал первые вклады для Этнографической выставки. Говорят, ему грозят опасности наибольшие по возвращении в отечество и что едва ли он удержит свое место. Он обещал уведомить меня немедленно о своих обстоятельствах. Это есть добродушнейший человек, дитя природы чистой». Таким образом, встреча Погодина со славянскими лидерами и с Маяром совпадают по времени: первая половина 26 мая. И если Маяр и не присутствовал на этой встрече, то, несомненно, содержание разговоров на ней были ему известны. Во время встречи Погодина со славянскими лидерами выяснилось, что по многим вопросам мнения их совпадают. Во-первых, все они считали необходимым создать сравнительную грамматику славянских языков и общий словарь всех славянских наречий. Во-вторых, всеми признавалась необходимость учреждения всеславянского журнала. Погодин так писал об этом в своем дневнике: «Нужен всеславянский журнал, где 1) в скорых и верных известиях изображалась бы ученая и литературная деятельность всех славянских племен; 2) помещались бы статьи на всех славянских наречиях с краткими пояснениями для уразумления общего... В таком журнале обозначались бы осязательным, так сказать, образом близкое родство всех племен и племена начали бы сближаться и знакомиться между собою всего удобнее»⁷⁹.

На этой же встрече славянских деятелей поднимался вопрос о необходимости введения у славян общей азбуки (кириллицы), о посылке русских книг в Вену, Белград, Загреб, Любляну, Прагу и пр. Мысли и пожелания, изложенные на совещании у Погодина, соответствовали взглядам Маяра, практически они стали руководством в его последующей деятельности. Спустя несколько лет Маяр в своем

⁷⁹ Русский. Москва. 05.06.1867.

журнале «Славян» попытался претворить план издания всеславянского журнала в жизнь, правда, со своими коррективами: журнал стал для него средством пропаганды создаваемого им общеславянского языка.

Маяр полностью присоединился к мнению Погодина о значении Всероссийской этнографической выставки, приводя слова русского слависта в своем журнале: «И все (славяне. — *И. Ч.*) чувствовали себя братьями от одного корня, одним народом, разделенным на разные племена, одним языком, разделенным на разные наречия»⁸⁰.

Вечером того же 26 мая для славян был дан обед в купеческом собрании.

Во время пребывания славян в Москве группа русских ученых вместе с некоторыми славянскими политиками составили записку о созыве будущих славянских съездов. В число составителей записки с русской стороны входили М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, П.А. Лавровский, профессор математики Московского университета Н.Б. Бугаев, со стороны славян — русин Я.Ф. Головацкий, сербы Й. Суботич и М. Полит, чехи Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен⁸¹. Записка была составлена на русском и чешском языках, ее подписали 2/3 приехавших в Москву славян.

27 мая славянские гости покинули Москву и отправились в Петербург. 3 июня они уехали на родину.

Многие из тех, кто пожертвовал экспонаты на Этнографическую выставку, удостоились специальных наград. Высшие награды получили: Хорватское общество изучения славянских языков и истории, Галицко-русская матица во Львове, М.Ф. Раевский, а также правящие особы: сербский князь Михаил Обренович, черногорский князь Никола, вдовствующая черногорская княгиня Даринка. М. Маяр получил почетную награду второй категории. Вместе с ним этой награды удостоились М.Г. Черняев, болгарин

⁸⁰ Slavjan. 1873. № 7. S. 99.

⁸¹ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 230, 231.

К. Палаузов, серб А. Вукашинович, Галицко-русский дом во Львове, Сербское ученое общество в Белграде. Помимо этих главных наград большое количество золотых, серебряных и бронзовых медалей получили и другие дарители. Блейвейс был награжден серебряной медалью.

По возвращении на родину Маяр был вызван в Целовец к своему начальству. Он написал подробную объяснительную записку, подчеркнув чисто познавательные цели своей поездки в Москву. «Этнографическая выставка в Москве была очень интересна, — писал Маяр, — и поучительна... Половину Европы и третью часть Азии нужно бы посетить, чтобы посмотреть все то, что можно было узреть там, собранное в одном месте. Подобно другим путешественникам, хотел я осмотреть чужие страны, земли, города и людей отдаленных краев, куда лишь редко заедет житель Хорутании. Для меня было большой честью, что я мог путешествовать в сопровождении ученых мужей, так как там был собран цвет славянской интеллигенции». Маяр в своей объяснительной записке подчеркивал, что для него было важным, что он совершил эту поездку почти бесплатно, за счет организаторов выставки⁸².

Очевидно, руководство епархии такое объяснение удовлетворило, ему было выгодно не видеть политической подоплеки путешествия. Маяр отделался сравнительно легко, уплатив штраф в 25 гульденов, т. е. сумму дохода с прихода за время своего отсутствия⁸³.

Поездка Маяра на Этнографическую выставку показала ему Россию с праздничной стороны, укрепила его веру в возможность союза славянских народов под ее руководством. Буквально через несколько недель после возвращения на родину Маяр издает «Грамматику русскую для словенцев». Спонсором при ее издании выступил Г. Блаж. С начала 60-х годов он вел активную торговлю каринтийским лесом, часто бывал в Каринии, где подружился с Мая-

⁸² Санкт-петербургский филиал архива Российской академии наук (далее — СПФ РАН). Ф. 241. Оп. 1. Д. 85. Л. 855–856 с об.

⁸³ Rokopisna zbirka NUK. In. št. 30 / 49. 1 об. (1567).

ром⁸⁴. Историю появления грамматики описал Г. Блаж в письме к М.Ф. Раевскому от 29 сентября 1867 г. Блаж сообщал ему, что он уже несколько лет пытался найти автора для написания «Русской грамматики для словенцев». Наконец этот труд согласился взять на себя Маяр, при этом он обещал сделать ее по плану Блажа. Однако то, что он написал, по словам Блажа, «было менее всего русской грамматикой, но учебником для русских и словенцев, как они должны писать впредь». Блаж отказался ее издавать в таком виде, и Маяру пришлось ее переделывать. Но и после переработки грамматика оказалась перегруженной теми деталями, которые Маяр «сам выдумал». Блажу пришлось самому ее редактировать, чтобы придать ей приемлемый вид. Блаж полагал, что желающие изучить русский язык все же могут пользоваться грамматикой Маяра. Кроме того, Блаж написал к грамматике предисловие. Правда, это предисловие ему пришлось переделывать по настоянию Маяра. В том варианте предисловия, который был опубликован, Блаж призывал словенцев изучать русский язык для знакомства с русской культурой, а главное — для развития торговли с Россией, которую Блаж рисовал словенцам как страну неограниченных возможностей в этом отношении. Здесь же Блаж высказывал мысль, что под властью царя Александра II Освободителя Россия решит социальный вопрос для всего мира.

«Кроме того, — продолжал Блаж, — я имел целью дать возможность словенцам, которые знают Россию лишь по немецким книгам и газетам (следовательно, совершенно неверно) или совсем ее не знают, изучить русские условия и тем самым рассеять предубежденность, которая преобладает у моих соотечественников, принадлежащих к образованному классу». Далее Блаж указывал, что продажа книги идет хорошо и он надеется продать весь тираж в 1000 экземпляров. «Больше всего книгой интересуется светская и

⁸⁴ Kermavner D. Slovenski apostol rusofilstva pred stoletjem // Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. 1848-1895. . Zv. IV. Ljubljana, 1961. S. 556.

духовная молодежь. Только слушатели теологии в Герце (Горица. — *И. Ч.*) купили 60 экземпляров. Некоторые монахи-францисканцы в Истрии также купили “Словницу.” Вообще молодежь из духовенства обнаруживает очень большой интерес к русскому языку, и даже выходящая в Лайбахе (Любляне. — *И. Ч.*) газета католической церкви “Даница” (*Danica*) весьма благосклонным для книжки образом приветствовала ее появление. Впрочем, удивительно, что наш словенский деревенский люд, который так боится иноверцев, совершенно по-другому относится к русским, о которых ему ведь известно, что они не принадлежат к римско-католической церкви. Наш крестьянин, когда он говорит о России, проявляет к этой известной ему лишь понаслышке и мало знакомой стране такую симпатию, как ни к какой другой, даже к соседней Хорватии, родственной по религии и национальности». Во время польского восстания среди словенцев не было никакого участия к ним, хотя были попытки объяснить словенцам, что поляки проливают кровь за веру. Далее Блаж просил Раевского передать Погодину несколько экземпляров «Русской грамматики» Маяра⁸⁵.

Не только на Маяра и Г. Блажа оказала большое влияние Этнографическая выставка. С 1867 г. среди словенцев резко возросли антиавстрийские и русофильские настроения. Для словенских либералов австрославизм перестал быть безусловным. В конце 1870 г. газета «Словенски народ» писала: «Нам нет никакой радости жертвовать собою ради Австрии, если она к нам несправедлива. У нас еще никто не выдвигал лозунга — “Мы с радостью умрем за Австрию даже и тогда, когда она не даст нам гарантии нашего существования как народа и как славян”»⁸⁶.

* * *

К 1867 г. благодаря деятельности различных национальных обществ, определенной свободе печати нацио-

⁸⁵ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 39-42.

⁸⁶ *Milutinović K. Problematika ljubljanskog jugoslavenskog programa kod srba i hrvata // Zgodovinski časopis. 1956/ 1957. S. 160, 161.*

нальное самосознание словенцев возросло. Введение дуализма вызвало отпор не только образованных кругов, но и широких народных масс. По инициативе младословенцев, поддержанной затем и старословенцами, в словенских землях было проведено за 1868–1871 гг. 18 таборов, митингов под открытым небом, в которых участвовали десятки тысяч человек. Первые два табора прошли в Штирии: в Лютомере (8 августа 1868 г.) и Жалце (6 сентября 1868 г.). Если на первом таборе присутствовало 6–7 тыс. человек, то на второй их пришло 15 тыс.⁸⁷ Затем таборы были проведены в Крайне, Горице, Приморье, Каринтии. Самым крупным был табор в Вижмарьях у Любляны, на который пришло 30 тыс. человек. На остальных таборах присутствовало не менее 5 тыс. на каждом⁸⁸. На таборы приходили как словенские политики, так и простые крестьяне, горожане. Противостояние дуализму объединило все слои словенского общества. На всех таборах без исключения поднимался вопрос об Объединенной Словении, а на некоторых говорили и об объединении словенцев с южными славянами. На таборе в Жопрачах выступил Маяр. Этот табор он описал в письме к Н.А. Попову. «Таборы очень поучительны для народа, — указывал он, — 18 (6) сентября имели мы, почти погибшие каринтийские словенцы, еще более блистательный табор, на который сошлось десять тысяч человек. Произнесли шесть речей. Первую речь об Объединенной Словении поручили мне, на что я с радостью согласился. Когда я кончил [всё. — *И. Ч.*], трижды громко воскликнули “Словении слава!”⁸⁹. Маяр говорил не только об Объединенной Словении. Он поделился с присутствующими своими воспоминаниями о России. «Когда я путешествовал по России, — сказал он, — мне говорили, что мы, каринтийцы, потерянный пост. Сегодняшний день показал, что этот потерянный пост превратился в могучую крепость»⁹⁰. Маяр

⁸⁷ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. III. Ljubljana, 1958. S. 100, 101.

⁸⁸ *Melik V.* Slovenski tabori // *Kronika.* 1969. S. 74, 75.

⁸⁹ НИОР РГБ. Ф. 23. К. 13. Д. 19.

⁹⁰ Slovenski narod. 02.08.1879.

выступал и на последнем таборе в Бухлях около Целовца, где он произнес главную речь о петиции каринтийского словенского общества Трднявы министерству внутренних дел Австро-Венгрии с требованием Объединенной Словении⁹¹.

Успешная деятельность словенских политиков по проведению таборов во всех провинциях, где проживали словенцы, активное участие в них широких народных масс вызвали ответную реакцию со стороны немецких националистов, особенно в Нижней Штирии, где их позиции были особенно сильны. В противовес словенским таборам они организовали свои митинги, которые называли «днями конституции». Организаторами этих мероприятий выступили Прогрессивное общество в Мариборе и Конституционное общество в Целье. Они сумели провести в 1869 г. три «дня конституции»: 30 мая в Словенской Бистрице, 8 августа в Целье и 5 сентября в Радване. На «дни конституции» им удалось собрать немного народа: так, в Словенской Бистрице присутствовало, по разным данным, от 400 до 600 человек, а на собрание в Целье пришли: из Любляны — 50 чел., из Марибора, Птуя и Градца — 150 чел., из Целья и его округа около 200 чел. На «днях конституции» ораторы решительно выступали против лозунгов словенских таборов. Программой для них стала речь профессора из Целья В. Марека. Он заявил, что крестьянство в Нижней Штирии желает жить в мире и согласии, оно хочет уменьшения налогов, развития сельского хозяйства и промышленности, духовного и материального благосостояния. Желания словенцев, подчеркнул Марек, — это и наши желания. Словенцы желают равноправия, и конституция Австрии его провозгласила. Хотя словенский язык еще не полностью введен в школы и учреждения, но либеральные власти сделают все, чтобы исправить положение. Уже на селе школы словенские, а в средних школах изучают словенский язык обычно по два часа в неделю. Поскольку словенский язык находит-

⁹¹ *Pleterski J. Narodna in politična zavest na Koroškem. Ljubljana, 1965. S. 143.*

ся на начальной стадии своего развития (он не имеет литературы, у него отсутствует научный аппарат), то введение его в средние школы привело бы к снижению уровня образования в них. Марек выражал уверенность, что словенцы будут иметь свою среднюю школу, когда их язык достигнет соответствующего уровня. Что касается Объединенной Словении, то Марек решительно выступал против нее, утверждая, что она не может быть осуществлена ни при каких обстоятельствах, поскольку она противоречит австрийской конституции. Положения, выдвинутые Марекком, практически повторяли и остальные ораторы на «днях конституции». Тех, кто выступал за Объединенную Словению, прямо называли врагами австрийской конституции. Марек, провозглашавший себя сторонником австрийской конституции на «дне конституции» в Словенской Бистрице, на «дне конституции» в Целье, прошедшем всего немногим больше, чем через два месяца, заявил, что целостность Штирии сможет спасти только присоединение ее к Германии⁹².

Таким образом, в Нижней Штирии в 1869 г. четко определилось два лагеря: словенский, выступавший с требованием объединения словенских земель и введения словенского языка в школы и учреждения, и немецкий, противившийся этому.

Однако решительное наступление немецких националистов на словенцев началось позднее — в 1880-х годах.

Националистические настроения немцев формировались задолго до 1860-х годов. Но во второй половине 1870-х они были теоретически обоснованы немецкими националистами. Их теории должны были доказать неполноценность словенцев и их культуры по сравнению с немцами и их культурой. И в создании подобной теории значительную роль сыграли немецкие националисты из Целья. Депутат от Целья Рихард Фореггер в 1880 г., выступая в рейхсрате, утверждал, что словенцы не могут требовать

⁹² *Cviri J. Nemški tabori na Slovenskem (1869) // Zgodovinski časopis. 1992. № 2. S. 175–184.*

автономии до тех пор, пока не достигнут того же уровня, что и немцы. По его мнению, словенцев нельзя сравнивать с чехами, которые имеют собственную историю и культуру. Народ, который не может показать своих оригинальных достижений в культуре, по утверждению Фореггера, не должен считаться полноценным и требовать своей национальной самостоятельности.

Еще более откровенно выступал Юлиус Брауди, напечатавший статью в «Цилли дер цайтунг» (Ciller der Zeitung) в то же время, когда там была опубликована речь Фореггера. Каждый народ, писал Брауди, копирует своего более культурного соседа. Оригинальная культура не может появиться там, где существует более развитая культура. Так было с басками, бретонцами, индейцами. Так было и со славянами-вендами, которые некогда являлись сильнейшим народом Европы и от которых остались только немногочисленные лужицкие сербы. Такая же судьба ожидает и словенцев, которые переняли от немцев их культуру. «Народ, который сильнее, более здоров и способен к развитию культуры, безусловно, поглотит другой народ». Немцы из Целя утверждали, что словенцы — не полноценный народ, а этнос, который осужден на ассимиляцию, как ирландцы, бретонцы, баски⁹³.

В 1871 г. Австрийское правительство запретило проведение таборов — не только потому, что они были направлены против его политики, но и потому, что считало их происками российских властей. Русский консул в Риеке Л.В. Березин писал директору Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухову в донесении от 4 мая 1869 г. относительно табора в Вижмарье недалеко от Любляны (3/14 мая): «Мне доверительно сообщено, что австро-венгерское министерство, уведомленное о панславистических заявлениях собрания в Вижмарьи, а также о том, что двое русских (имена коих по сие время мне не известны) от-

⁹³ *Cvinn J. Celjsko nemštvo In problem nacionalne identitete Zgodovinski časopis. 1992. № 4. 452, 459.*

правляются будто бы с революционными прокламациями в Вижмарью, а оттуда намерены совершить поездку по Триединому королевству, не преминуло дать здешним местным властям тайное приказание: не позволять кроатам принимать участие на помянутой сходке и арестовать означенных русских, если они прибыли на территорию Триединого королевства»⁹⁴. Слухи, переданные Березиным Стремоухову, имели определенное основание. Русофильские взгляды открыто высказывались словенцами и хорватами. 2 июня 1867 г. Березин сообщал Стремоухову о банкете, состоявшемся недалеко от Любляны. На нем помимо многочисленных словенцев присутствовало и 500 хорватов. «Тост за здоровье нашего императора был принят громким "Ура", потом музыка исполнила наш гимн, который по общему желанию был многократно повторен»⁹⁵.

Против дуализма выступили и словенские депутаты провинциальных собраний. Когда венское правительство объявило в начале 1867 г. о введении дуализма, крайнское провинциальное собрание 26 февраля приняло адрес императору, в котором призывало его придерживаться федералистских принципов. За это оно было распущено.

Под влиянием таборского движения в сентябре—октябре 1868 г. словенские депутаты в провинциальных собраниях Крайны и Штирии выступили с требованием расширения прав словенцев. Особенно ярким было выступление в штирийском провинциальном собрании депутата Михаила Германа, немца по происхождению, принявшего сторону словенцев. 8 октября словенские депутаты огласили интерпелляцию, составленную им. В ней требовалось создание Объединенной Словении и установление действительного равноправия словенцев. 30 октября 1869 г. подобная интерпелляция была прочитана в горицком провинциальном собрании, но подписали ее только два словенских депутата.

⁹⁴ АВПРИ. Гл. арх. V-A2. Оп. 181. Д. 1029. Л. 43 с об.

⁹⁵ Там же. Д. 1025. Л. 91 об.

Крайние сословия подали императору адрес 30 августа 1870 г., в котором требовалась Объединенная Словения⁹⁶.

Таким образом, введение дуализма вызвало рост антиавстрийских настроений среди самых широких кругов словенцев. Они были связаны с потерей ими надежд на возможность улучшения положения своего народа в рамках Габсбургской монархии. И именно это привело словенских национальных деятелей к поиску новых союзников. С последних десятилетий XVIII в. среди них зрело убеждение, что ими могут стать другие славянские народы, близкие словенцам по происхождению и языку. На протяжении нескольких десятилетий идеи славянской взаимности служили им опорой и надеждой. Но развитие политических событий, начиная с 1848 г., показало им, что только опора на самый сильный славянский народ — на русских — может дать положительные результаты словенцам в их борьбе за свои права. Росту этой убежденности способствовала и политика определенных российских кругов, поддержанная русским правительством. Интерес к славянскому вопросу и стремление оказать славянам материальную и духовную помощь проявили прежде всего славянофилы, но существовала и другая часть русского общества, не разделявшая основных постулатов славянофильства, но желавшая оказывать помощь славянам.

Сочувствие русского общества славянам и благожелательное отношение к ним со стороны российских властей продемонстрировали празднование Тысячелетия России и проведение Всероссийской этнографической выставки. Последнее совпало с резким обострением антиавстрийских настроений в словенских землях. Все эти события привели к увеличению русофильских тенденций среди словенцев.

Молодежь не скрывала своих русофильских симпатий. Они выразились прежде всего в стремлении изучить русский язык. Особенно большой интерес к этому проявили словенские студенты в Вене и Граце. Русофильскими на-

⁹⁶ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. III. Ljubljana, 1958. S. 125–128, 138.

строениями они были заражены уже на родине. В конце 1860-х годов на страницах газеты «Словенски народ» обсуждался вопрос о необходимости создания общеславянского языка. С этим были согласны все выступавшие, правда, не все прямо называли этот язык. Так, М. Плелершник, будущий составитель словенско-немецкого словаря, писал в своей статье, что из-за своей малочисленности словенцы никогда не смогут достичь того уровня культурного развития, который соответствует современности. Он полагал, что все славяне должны объединиться и принять общеславянский литературный язык, а именно язык того племени, «которое по числу или образованности самое мощное и имеет наиболее развитую литературу». Плелершник вместе с тем утверждал, что принятие общеславянского языка не приведет к исчезновению других славянских языков. «У отдельных племен ... общеславянский язык долгое время был бы принадлежностью только образованных людей»⁹⁷. Прямо назвать общеславянский язык русским Плелершник опасался, очевидно, из-за цензурных соображений.

Г. Блаж был более прямолинеен. В своих статьях «Словенцы и славянская взаимность» и «Еще раз о славянской взаимности», опубликованных в газете «Словенски народ», он указывал, что русский язык самый распространенный и самый чистый из славянских языков, и «среди славян одни только русские имеют достаточно оригинальных книг, полностью отвечающих требованиям современности». Блаж утверждал, что словенцы заложат краеугольный камень своего будущего, если примут русский язык в качестве общеславянского. Он призывал не отказываться от родного языка, но настаивал: «Наш совет таков — пусть каждый образованный славянин кроме своего наречия знает также русское»⁹⁸. Накануне съезда учащейся молодежи 31 августа 1869 г. в газете «Словенски народ» была опубликована

⁹⁷ Slovenski narod. 04.05.1868.

⁹⁸ Slovenski narod. 15.07; 31.08.1869.

вторая часть статьи Г. Блажа «Еще раз о славянской взаимности», в которой он защищал идею принятия русского языка в качестве общеславянского.

В это же время Блаж написал письмо к Левстику, в котором подчеркивал: «Если бы приняли предложение, что русский язык должен быть общеславянским, это бы оказало большое влияние на весь славянский мир». Блаж просил Левстика повлиять в этом отношении на молодежь⁹⁹. 4 сентября 1869 г. в Любляне состоялся съезд учащихся. По вопросу об общеславянском языке выступил Левец. По совету Левстика, который на съезде не присутствовал, он заявил: «Мы выражаем свое твердое убеждение в необходимости принятия в качестве языка для высшей литературы русского языка». Его предложение было принято единогласно¹⁰⁰. Выступление Левца о русском языке полностью соответствовало его личным взглядам. В том же 1869 г. он писал своему другу, будущему словенскому писателю Я. Керстнику: «Ведь у нас нет будущего. Мы будем или пруссаками, или русскими»¹⁰¹.

Со взглядами Блажа был согласен и редактор газеты «Словенски народ» Й. Юрчич.

Представитель славянских комитетов России в Вене М.Ф. Раевский очень четко чувствовал эти настроения молодежи. В 1868 г. по его инициативе было основано русинское общество Русская основа, где проводились занятия русским языком и читались лекции по истории русской культуры. Это общество регулярно посещалось славянскими студентами. «После словаков посещают Основу словенцы, — писал Раевский 1 марта 1870 г. славянским комитетам в Москве и Петербурге, — также принявшие за изучение русского языка, число их простирается до 80 человек». Помимо этого, продолжал Раевский, венские словенцы организовали занятия в своем обществе Слове-

⁹⁹ *Kermavner D. Opombe // Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. S. 558.*

¹⁰⁰ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. S. 87, 88.*

¹⁰¹ *Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1965. S. 80.*

==== Формирование политического панславизма у словенцев ====

ния¹⁰². И. Приятель тоже указывает, что Словения нанимала учителя русского языка. Но не без ехидства он замечает, что русскому языку не смогли научиться ни Левец, ни Шуклье, ни Огринец, ни Керсник, ни Стритар. Можно понять из этого замечания, что именно эти люди ходили на занятия русским языком¹⁰³.

В Граце словенские студенты организовали общество Славянская беседа. В 1868 г. его члены попросили Раевского прислать им русскую газету. Раевский взял это общество под свою опеку. 31 января 1869 г. он обратился к Н.А. Попову с письмом, в котором писал: «Вот в Граце словенцы, студенты университета, открыли Слав[янскую] беседу и просят о присылке газет русских». Попов выполнил просьбу словенцев и послал обществу не только газеты, но и книги. 3 апреля 1869 г. один из руководителей общества Ф. Облак поблагодарил Раевского за вторую партию русских книг. «Ваша дарящая благо рука, — писал он, — помогла тому, что мы, славянские юноши, можем научиться языку, который сейчас имеет такую огромную литературу, что вскоре воодушевит собою не только все славянские сердца, но будет импонировать всей Европе»¹⁰⁴. В течение ряда лет Раевский регулярно снабжал Славянскую беседу русской литературой. В 1873 г. в отчете Московскому славянскому комитету он сообщал, что отправил в Славянскую беседу 234 книги¹⁰⁵. Славянская беседа также фигурировала в «Списке славянских обществ, журналов и частных лиц для пересылки книг и журналов», составленном в 1876–1878 гг. в Петербурге¹⁰⁶. В Граце же некоторое время действовал кружок студентов-техников Вендия, которому тоже посылали русские книги через Раевского. Кружок сотрудничал с обществом Слога, которое провоз-

¹⁰² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1750. Д. 13. Л. 3, 9 об.

¹⁰³ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. Ljubljana, 1961. S. 89, 90.*

¹⁰⁴ ОР ГНБ. Ф. 608. Ф. Облак.

¹⁰⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 17. Д. 14.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 651. Оп. 1. Д. 830.

гласило своей целью распространение идей славянской взаимности. Слога и Вендия были запрещены правительством в 1875 г., по-видимому, из-за слишком больших славянских симпатий.

Кроме словенских студенческих обществ в университетских городах на собственно словенской территории тоже возникали кружки по изучению русского языка, в которых состояли гимназисты, семинаристы, учителя и другие представители образованных слоев. В деле пропаганды русского языка интересна деятельность учителя Йосипа Вовка. Одно время он служил в Церкнице, где основал кружок по изучению русского языка, затем, после переезда в Черни Врх у Идрии, организовал подобный кружок и там. Летом 1871 г. Вовк написал письмо в Московский Славянский благотворительный комитет с просьбой прислать ему русские книги в обмен на словенские издания, в том числе — 14 годовых подшивок газеты «Новице». Так у Вовка завязалась переписка с Н.А. Поповым. 27 августа 1871 г. Вовк послал ему письмо на словенском языке, но кирилловской азбукой Вука Караджича, в котором Вовк излагал свои взгляды. Вовк был убежден, что только Россия является гарантом счастливого будущего славян, что «священной задачей каждого славянина является изучение насколько возможно русского языка». Однако для этого надо упростить кирилловскую азбуку: его друзья рады бы читать по-русски, но кирилловская азбука их пугает. В этом же письме Вовк сообщал о посылке им обещанных книг¹⁰⁷. 15 августа 1874 г. Вовк пояснял Попову, как он представляет себе роль русского языка в качестве общеславянского: «Для нас, словенцев, хорватов, чехов и поляков, пусть русский язык станет тем, чем сейчас является немецкий язык»¹⁰⁸. Эту мысль Вовк считал практической, поскольку она не предполагала создание чего-то нового, но просто замену функций, которые выполнял один язык, другим язы-

¹⁰⁷ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 6. Д. 38.

¹⁰⁸ Там же.

==== Формирование политического панславизма у словенцев ====

ком. Его взгляды вполне соответствовали концепции Ламанского о роли русского языка у славян.

В письме от 17 ноября 1872 г. Попов писал о получении им от Вовка книг «28 названий в 40 переплетах литературного, учебного и музыкального содержания», а также 4 фотографии и медали о таборе и др. Попов обещал все это передать в библиотеку Московского Славянского комитета и Обществу любителей естествознания¹⁰⁹. В письме от 15 октября 1871 г. Вовк называл своих друзей, с которыми он вместе читал русские книги: учителя в Терновом Ранта, учителя в Випаве Гантаря, учителя в Орехеке Доминцеля¹¹⁰. Позднее, после переезда в Черни Врх, к кружку Вовка примкнул Богдан Терновец. Друзья Вовка были высокого мнения о нем, как это можно видеть из письма к Попову Б. Ранта от 15 февраля 1872 г. Он характеризовал Вовка как славянина душой и телом. «Он пишет своим друзьям всегда кириллицей, — продолжал Рант, — и их неустанно агитирует за общеславянский язык. Скажу Вам, высокоученый государь, что в лучшие руки, чем руки Вовка, Вы не могли дать книги и газетъ». Вовк не только дает читать русские книги своим друзьям, но несколько книг подарил местной читальне¹¹¹. Вовк получал книги через Раевского и в 1875 г.¹¹².

Мнения Вовка о роли русского языка придерживались не только его друзья — оно было широко распространено среди словенских учителей. В сентябре 1868 г. в Любляне проходил их съезд, на котором присутствовало около 300 человек. Й. Вовк так писал о нем Н.А. Попову: «Между прочими резолюциями мы приняли решение, чтобы с этих пор и далее в учительских семинариях на словенской территории русский и хорватский языки стали бы обязательными предметами»¹¹³.

---

¹⁰⁹ Arhiv Matice Slovenske. 1872. Št. 1.

¹¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 6. Д. 38.

¹¹¹ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 17. Д. 20.

¹¹² Там же. Д. 17.

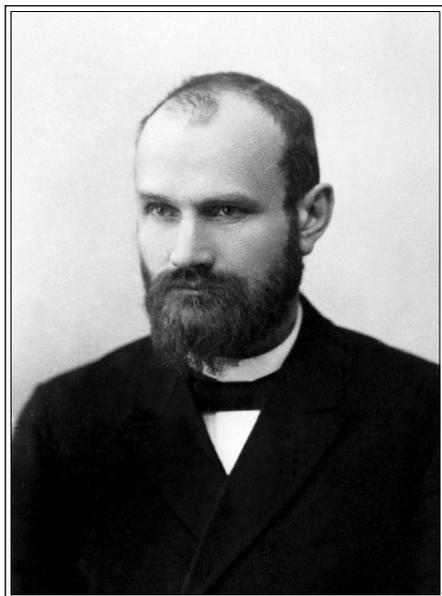
¹¹³ Там же. К. 6. Д. 38.

Кроме кружка Вовка довольно длительное время существовал подобный кружок в Горице. Еще в 1867 г. Блаж, сообщая Раевскому о распродаже «Грамматики русского языка для словенцев», написанной Маяром, отмечал, что горицкие семинаристы купили ее 60 экземпляров¹¹⁴. Не только горицкие семинаристы стремились изучить русский язык. Польско-русский лингвист И.А. Бодуэн де Куртенэ, направленный в 1872 г. Министерством народного просвещения России в земли австрийских славян для изучения их языка, культуры, этнографии, основное внимание во время своей командировки уделил юго-западным словенцам, центром территории которых являлась Горица. Оттуда он совершал свои походы по деревням и селам. В апреле 1872 г. он делился своими впечатлениями о горицких словенцах с Раевским: «Везде выражали мне желание учиться по-русски. Для членов здешней читальницы (основана в 1862 г. — *И. Ч.*) я устроил три раза в неделю общие уроки русского языка: более всего их сокрушает то, что они не в состоянии понимать получаемые ими русские газеты. Некоторые из членов здешней читальницы, особенно г. Лаврич, просили меня доставить лучшие русские песни (музыку и слова)... Здешний профессор естественных наук Эрьявец издает популярную зоологию и хотел бы воспользоваться для этой цели русскою терминологией. Поэтому не найдете ли Вы возможным прислать какую-нибудь русскую зоологию»¹¹⁵. Как показывает письмо Бодуэна де Куртенэ, круг вопросов, интересовавших горицких словенцев, был достаточно широк: газеты, народные песни, терминология. Раевский быстро откликнулся на просьбу ученого. Уже 9 июля 1872 г. Бодуэн де Куртенэ благодарил его за присланные книги. «И я со своей стороны, — писал Бодуэн де Куртенэ, — считаю обязанностью душевно поблагодарить Вас, почтеннейший Михаил Федорович, от имени всех моих учеников и других молодых людей, желающих изучать рус-

¹¹⁴ Зарубежных славяне и Россия. С. 41.

¹¹⁵ Там же. С. 66, 67.

ский язык. Они несказанно радуются и усердно взялись за работу, насколько, разумеется, им позволяют их обязательные занятия. Вы благодетельствовали Горицкую читальницу так, что, кажется, не остается желать ничего больше: все есть, и грамматики, и словари, и практические руководства, и значительный запас книг из всех отраслей литературы. Этого материала, я думаю, хватит надолго, и поэтому я, по крайней мере, не позволю себе беспокоить Вас новыми требованиями». В этом же письме Бодуэн де Куртенэ утверждал, что со-

*Иван Александрович
Бодуэн де Куртенэ*

хранению славянского характера словенцев «лучше всего может способствовать сочувствие русских и ознакомление словенцев с русским языком, русскою литературой и с русскою жизнью». «Это преимущественно необходимо здесь, на окраинах славянского мира, — продолжал ученый — где слабому пока в умственном отношении славянскому элементу приходится вести борьбу с превосходящим его во многих отношениях элементом романским. Общеславянское чутье, подкрепляемое взаимным ознакомлением славян между собою, будет в состоянии вдохнуть новую жизнь в слабые славянские народы и успешно противодействовать чужим, губительным для славянской национальности влияниям»¹¹⁶.

Свое мнение о словенцах Бодуэн де Куртенэ, человек достаточно беспристрастный, изложил в отчете Министерст-

¹¹⁶ Зарубежные славяне и Россия. С. 66.

ву народного просвещения. Говоря о словенцах, Бодуэн де Куртенэ имел в виду прежде всего приморцев, среди которых он прожил почти полные 2 года своей командировки. «Кроме ученых и людей общеобразованных, — отмечал он в своем отчете, — подобную же потребность знакомиться с русским языком чувствуют также купцы, которые таким образом желают получить возможность расширить свои непосредственные торговые сношения ... Живой интерес для всех проявлений русской жизни и сочувствие к России вообще будут все более развивать в южных славянах настоящую потребность знакомиться с русским языком и с сочинениями, появляющимися на этом языке. Ученые же люди, особенно по некоторым специальностям, все более и более нуждаются в русских книгах хотя бы только потому, что не хотят отстать от прогресса науки»¹¹⁷. При обучении русскому языку горичан Бодуэн де Куртенэ использовал «Русскую грамматику для словенцев» Маяра, о которой отзывался следующим образом: «Словенец, изучающий русский язык только с помощью названной грамматики, о некоторых явлениях этого языка должен получить самое неточное и неверное понятие. Но при содействии опытного учителя можно за неимением лучшей пользоваться успешно и грамматикой Маяра»¹¹⁸.

Занятия русским языком у Бодуэна де Куртенэ проходили очень живо, учитель и ученики испытывали друг к другу большую симпатию. При его отъезде из Горицы ученики устроили ему теплые проводы. Тронутый вниманием, ученый поместил в газете горичских патриотов «Соча» письмо, в котором благодарил своих учеников за сочувствие и доброту. «Я буду стараться, — писал он, — чтобы оправдать, насколько это возможно, Ваше доверие и Ваше сочувствие. Навсегда останутся в моей памяти ясные и веселые мгновения, которые я испытал при общении с некоторыми из Вас,

¹¹⁷ Бодуэн де Куртенэ И.А. Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с ученою целью И.А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг. // Изв. и уч. Зап. Имп. Казанского университета. 1876. Т. XII. № 1. С. 64.

¹¹⁸ Там же. С. 67.

а день 5 августа 1872 г. я всегда буду считать одним из замечательнейших дней в моей жизни. Ничего более не желаю, только бы повсюду встречать ту открытую сердечность и истинную симпатию, которую я нашел среди горицких словенцев вообще, а среди словенских учеников в Горице особенно. Да здравствуют благородные словенские ученики, надежда и опора будущего словенского народа»¹¹⁹.

По-видимому, существовали и другие кружки по изучению русского языка. Славянский благотворительный комитет в Петербурге с самого начала своей деятельности взял курс на установление культурных связей со славянскими обществами. На его заседании 3 мая 1870 г. было постановлено «составить список всем читальням в славянских землях и, сообщив его Московскому комитету и Киевскому отделу, просить их принять на себя снабжение сих читален русскими книгами, журналами и газетами»¹²⁰. Что касается словенских читален, то их список вместе со списком всех словенских обществ был получен Раевским в письме секретаря Словенской Матицы А. Лесара еще 28.08.1869 г.¹²¹.

В 1871 г. Петербургский Отдел Славянского благотворительного комитета вступил во все славянские матицы в качестве члена-установителя. Члену-установителю за взнос в кассу Матицы в 100 гульденов полагалось получить все ее издания, вышедшие в свет, и будущие. Получила взнос члена-установителя от Петербургского Отдела и Словенская Матица. В письме к Раевскому от 20 июля 1871 г. секретарь Матицы А. Лесар подтвердил, что Матица получила 100 гульденов от Петербургского Отдела Славянского благотворительного комитета, и сообщал о посылке ему всех изданий Словенской Матицы, вышедших до сих пор¹²².

По указанию комитетов Раевский рассылал русскую литературу по читальням. В словенских землях он это де-

¹¹⁹ Соца. 22.08.1872.

¹²⁰ НИОР РГБ. Ф. Пог. IV. Оп. 2. Д. 27.

¹²¹ Русско-словенские отношения в документах. С. 248, 249.

¹²² Там же. С. 249.

лал через Словенскую Матицу. 21 декабря 1871 г. Раевский сообщил руководству Матицы, что отправил на ее адрес 13 пакетов книг для читален в Целье, Целовце, Горице, Идрии, Ипаве (Вишава), Камнике, Каставе в Истрии, Кране, Любляне, Мариборе, Новом Месте, Постойне, Триесте¹²³. Уже 28 декабря 1871 г. Словенская Матица разослала упомянутым читальням уведомление о присылке для них Раевским книг и просила сообщить ей, «если сл[авная] читальница желает принять упомянутые книги, пусть нам сообразовалит коротко сообщить свое решение, чтобы мы ей их послали». Всего русские книги были отправлены в девять словенских читален: в Целье, Марибор, Каставу, Горицу, Вишаву, Циркно, Целовец, Триест, Крань. Этими читальнями были присланы в Матицу уведомления о получении книг. Наверняка получила посланные Раевским книги и читальня в Любляне, которой посылать уведомление в Матицу о получении книг не имело смысла, так как они находились в одном городе.

Не все словенские читальни были учтены в списке Лесара. 5 января 1874 г. секретарь читальни в Айдовщине Карел Баллог просил Попова прислать читальням, действующим в Вишавской долине, славянские книги. Баллог характеризовал эти читальни следующим образом: две читальни в Вишаве и Айдовщине — господские, а две других — в Локавце и Комне, чисто крестьянские. И те, и другие — либерального направления. Для себя лично Баллог просил «Современные известия», «чтобы можно было также и нам, южным славянам, из первых рук узнавать что-нибудь о наших славных братьях русских»¹²⁴.

Кроме Матицы и читален помощь от славянских комитетов получали и другие общества, в частности либеральное Драматическое общество в Любляне, тесно связанное с младословенцами. В сентябре 1870 г. один из его видных деятелей Й. Мурник встретился в Вене с Раевским по по-

¹²³ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 2. Д. 2.

¹²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 33.

ручению общества. «Г. Раевскому, — рассказывал Мурник главе общества П. Грасели, — я отдал все, что мне прислало Драматическое общество. Епископ меня очень приветливо принял, и эта приветливость нисколько не уменьшилась, когда я ему объяснил, чего я хочу. Просил я его также о книгах драматического содержания. Он мне обещал, что поддержит просьбу и сделает все, что в его силах, чтобы общество получило денежную и литературную помощь. При этом мы говорили (я — по-словенски, он — по-русски) также и далее о Драматическом обществе. Я ему все точно рассказал, и ему это обращение общества очень понравилось. Он заявил также, что ему бы очень хотелось, чтобы я его посещал»¹²⁵. По-видимому, то, что Мурник передал Раевскому, было письмо к нему руководителей Драматического общества от 15 сентября 1870 г., в котором они просили поддержать их просьбу о денежной помощи перед Славянским благотворительным комитетом в Петербурге. 18 мая 1871 г. Драматическое общество получило через Э. Косту 200 гульденов, присланных Петербургским Славянским благотворительным комитетом. «Будьте уверены, преосвященнейший господин епископ, — подчеркивали в своем благодарственном письме от 29 мая 1871 г. Грасели и Ноли, — что общество будет всегда достойно ценить этот благородный жест действенной любви своих благих северных братьев и что оно будет как и до сих пор, так и впредь искренне способствовать развитию и прогрессу своего бедного словенского народа»¹²⁶. 30 июня 1871 г. Раевский «за литературные вспомоществования, оказанные словенцам», был избран почетным членом литературно-драматического общества словенцев в Любляне¹²⁷.

Дар Петербургского Отдела Славянского благотворительного комитета был одним из самых крупных, полученных Драматическим обществом за первые годы его су-

¹²⁵ Mestni arhiv. Ljubljana. F. P. Grasseli. Murnik.

¹²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 8.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 3. Л. 16 об.

ществования. На его заседании 18 мая 1877 г. только два взноса были признаны учредительным взносом (установиной) — дар Томана по завещанию в 1000 гульденов и дар Славянского благотворительного комитета в Петербурге в 200 гульденов¹²⁸.

Помимо денежного взноса Драматическое общество получило из Петербурга книги, за которые Грасели и Ноли благодарили его¹²⁹. 2 января 1872 г. Петербургский Отдел Славянского комитета поручил Раевскому переслать Драматическому обществу пять экземпляров сочинений русского драматурга А.Н. Островского¹³⁰.

15 октября 1873 г. руководство общества снова ходатайствовало перед Раевским о денежной помощи. А 10 октября 1873 г. общество отослало Московскому Славянскому комитету письмо с подобной же просьбой. В нем, в частности, говорилось, что Славянский комитет в Москве должен ценить «большое значение словенского народа как стража на берегах Адриатического моря и его культурную борьбу в интересах всего славянства»¹³¹. 20 апреля 1874 г. Грасели и Ноли повторили свою просьбу Раевскому, указав необходимую Драматическому обществу сумму — 2000 форинтов. В письме сообщалось, что с такими же просьбами они обратились к славянским комитетам Петербурга, Москвы и Одессы¹³². Сведения о дальнейших контактах Драматического общества со славянскими комитетами России отсутствуют.

Большое значение для укрепления русофильских взглядов словенцев имели путешествия русских ученых с научными целями по словенским землям.

В 1867 г. в словенских землях побывал А.Ф. Гильфердинг. Об этом упоминает в своем письме к Бодуэну де Куртенэ от 3 марта 1876 г. Д. Трстеняк. Эта встреча произвела на него большое впечатление. Беседа шла о жителях Но-

¹²⁸ Slovenski narod. 26.05.1877.

¹²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 28.

¹³⁰ ОР ГПБ. Ф. 608. Славянский благотворительный комитет в Петербурге.

¹³¹ РГАДА. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 426. Л. 237, 238.

¹³² ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 28.

рика, Римской провинции, которую они исследовали оба. «В своем сочинении о венетах, — писал Трстеньяк, — он обещал писать также о норичанах, и сам сказал, что поддержит меня, когда посетил меня в 1867 г.». По вопросу о норичанах (или нориках) оба ученых, и Трстеньяк, и Гильфердинг, имели общее мнение: в Норике славяне жили еще с доисторических времен. Трстеньяк спрашивал Бодуэна де Куртене, успел ли Гильфердинг опубликовать свое сочинение об этом?¹³³ Норик располагался в восточноальпийских землях, в теперешней Каринтии. Гильфердинг успел опубликовать свое сочинение, о котором спрашивал Трстеньяк в 1868 г., за несколько лет до своей смерти в 1872 г. Оно называлось «Древнейший период истории славян». В нем Гильфердинг доказывал, что венеты, жившие в Северной Италии, являлись славянами и были родственны славянам в Норике.

Гильфердинг был известен словенским образованным кругам и его деятельность вызывала у них сочувствие, однако с его научными выводами они не всегда соглашались. На смерть Гильфердинга от холеры в 1872 г. во время этнографической экспедиции на севере России откликнулось несколько словенских газет. «Он был известен всему образованному славянству, — писала «Соча», — благодаря своим научным и литературным трудам филологического и исторического характера, а еще более своей ревностной и горячей деятельностью, целью которой было распространение и проведение в жизнь общеславянских идей». Полностью одобряя общественную деятельность Гильфердинга, автор некролога значительно сдержаннее отзывался о его научных трудах, отмечая, что они были иногда чересчур фантастичны¹³⁴.

Весной и летом 1868 г. в словенских землях во второй раз побывал В.И. Ламанский, тогда еще молодой ученый, с интересом изучавший не только культуру и историю славянских народов, но и их современное положение, их борь-

¹³³ СПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 298. Л. 20, 9, 23.

¹³⁴ Soča. Gorica. 08.08.1872.

бу за национальные права. По дороге из Вены в Загреб он заезжал в Штирию, а именно в Марибор, Шентюр, Целье. В Шентюре Ламанский встретился с Трстеняком, который был там настоятелем прихода. Во второй половине июля Ламанский находился в Любляне. В Любляне он, во-первых, хотел ближе ознакомиться с национальным движением словенцев, центром которого к тому времени стала Любляна, а во-вторых, он хотел поработать в Лицейской библиотеке, зная, что в ней находится собрание книг Копитара. Староболгарская рукопись, найденная им в библиотеке, заставила его пробыть в Любляне дольше, чем он предполагал: «ежедневно с 18 по 28 июля сидел я в библиотеке над этой рукописью»¹³⁵.

Но одновременно Ламанский активно изучал деятельность словенских патриотов. «Я остановился в Любляне, — писал он в своей статье, — в которой, к радости каждого славянина, так быстро и заметно усиливается славянское движение. Мне хотелось проверить лично, в какой степени пробудилась и развилась народность словинская в последние годы с того времени, как я был в последний раз в Любляне в декабре 1862 г., хотелось сравнить деятельность словинских деятелей в Штирии ... с деятельностью их сподвижников в Крайне, лично повидаться со старыми знакомыми в Любляне и сойтись с молодыми деятелями, недавно начавшими свою благодарную работу на родной ниве славянской». Кто же были эти деятели? В своей статье Ламанский отметил Левстика как наиболее выдающегося словенского деятеля. Левстик, как указывалось выше, стремился встретиться с Ламанским еще в 1862 г., но ему удалось побеседовать с ним инкогнито только один раз. В 1868 г. их знакомство все же состоялось. И они сошлись довольно близко. Ламанский характеризовал Левстика очень положительно. «Особенно выдается как деятель преимущественно литературный, — указывал он, — г. Левстик;

¹³⁵ Ламанский В.И. Непорешенный вопрос // ЖМНП. 1869. № 5/6. С. 350.

краткая, но полная умных замечаний грамматика словинская, уже напечатанная им, и богатые рукописные материалы для изготавливаемого им словаря дают полное право ожидать от него труда, важного для нации славянской». Говоря о словаре, над которым работал Левстик, Ламанский имел в виду, что тот в 1866–1868 гг. работал над созданием словенско-немецкого словаря в качестве редактора. На этот словарь оставил по завещанию деньги люблянский епископ Вольф. Левстик, очевидно, жаловался Ламанскому, что ему мешают крайние власти, которые назначили его редактором, требуя скорейшего завершения работы. Русский ученый в этом вопросе полностью встал на сторону Левстика. «Пожелаем только, — писал Ламанский, — чтобы местный крайнский сейм, поручивший ему эту работу, не столько бы торопил г. Левстика из желания поскорее видеть ее готовую, сколько бы позаботился о лучшем его материальном обеспечении, чтобы он мог всецело посвятить свое время этому важному труду».

Кроме Левстика Ламанский общался в Любляне с другими национальными деятелями, прежде всего младословенцами. Об этом свидетельствует письмо Мурника Ламанскому от 22 июля 1868 г. В нем он сообщал о присылке его фотографий, сделанных во время его пребывания в Любляне, и добавлял: «Левстик и Ноли пришлют Вам портреты вскоре»¹³⁶. То, что Ламанский общался по преимуществу с младословенцами, не было удивительным. Именно они являлись горячими русофилами, и именно младословенцы наиболее сочувственно воспринимали идеи Ламанского.

Мнения Ламанского относительно роли русского языка у славян придерживались и некоторые другие славянофилы, в частности А.С. Будилович¹³⁷.

Выступая за то, чтобы русский язык играл роль общеславянского языка, Ламанский вместе с тем не был сторон-

¹³⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 435.

¹³⁷ Будилович А.С. Мечта ли панславизм // Беседа. 1872. № 1. С. 212, 213.

ником политического объединения славян с Россией. Относительно австрийских славян он придерживался мнения Палацкого, что Австрию следует славянизировать. «Не похерить Австрию, — писал Ламанский И.С. Аксакову 5 ноября 1858 г., — а ее надо ославянить, и не подлыми немецкими средствами, а децентрализацией, предоставлением ей большего самоуправления... Не бойтесь онемечения при свободе и децентрализации, оно не станется никогда. Есть много сил в славянах австрийских, особенно если мы приготовим умственное и литературное общение»¹³⁸.

В 1872 г. в Любляне проездом в Италию останавливался В.В. Макушев (1837–1883). Он окончил Петербургский университет, где изучал славистику у Срезневского. Несколько лет Макушев работал в Министерстве иностранных дел, в том числе секретарем консульства в Дубровнике. В 1871–1883 годах являлся профессором славянской филологии в Варшавском университете. В Любляне Макушев посетил прежде всего Блейвейса, «чье имя стал уважать еще на студенческой скамье, узнав о нем у своего учителя Срезневского 15 лет назад». Встреча с Блейвейсом и определила круг знакомых Макушева в Любляне. Блейвейс познакомил его с профессором богословия и словенского языка в лицее Й. Марном и с секретарем Словенской Матицы А. Лесаром, преподавателем Закона Божьего и словенского языка в реальном училище. «Этими лицами ограничился круг моего знакомства в Любляне, — отметил Макушев, — с другими Блейвейс не считал нужным знакомить меня». Макушев желал познакомиться и с представителями младословенцев, а именно с Левстиком, о котором русская общественность узнала благодаря статьям Ламанского. Он завел об этом разговор с Лесаром. «С 1866 г. — сделал на основе этого разговора запись Макушев, — по смерти известного словенского лингвиста Левстика, Лесар занимает место секретаря Словенской Матицы в Любляне». Старословенцы не хотели встречи

¹³⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 4. Д. 395. Л. 3–3 об., 4.

Макушева с лидером младословенцев и предпочли сделать его покойником за 15 лет до его действительной смерти. Поэтому свои впечатления о словенской национальной жизни Макушев почерпнул из рассказа Блейвейса и его сподвижников. На первый план в своем описании словенского национального движения Макушев поставил Блейвейса, его он представил читателю как главного виновника национального возрождения словенцев. «Блейвейс, — утверждал Макушев, — стал настоящим главою народа, словенец слушает его как своего отца и прибегает к нему за советом в своих домашних делах». И далее Макушев добавлял: словенцы «под руководством опытного и практического Блейвейса постоянно идут вперед, без задержки, осторожно, не раздражая без пользы своих врагов, и в народном деле достигли таких результатов, каким могут позавидовать другие австрийские славяне». Наиболее благоприятное впечатление из его словенских знакомых на Макушева произвел Й. Марн. «Марн чрезвычайно скромн, хорошо образован и искренно предан народному делу, — писал Макушев. — Он знаком с историей славянства, читает на всех славянских наречиях и свободно объясняется по-сербски. Последователь земляка своего Маяра, он ревностный защитник и распространитель славянской взаимности и славянского объединения путем кириллицы и общего литературного языка». Макушев особенно подчеркивал, что Марн преподает своим ученикам старославянский язык и даже издал в 1863 г. его грамматику, что он обучает своих учеников кирилловской азбуке¹³⁹.

В начале 70-х годов словенские земли посетили еще некоторые русские ученые. В июле–сентябре 1872 г. по славянским землям путешествовал А.А. Кочубинский (1845–1907), с 1871 г. преподававший славянскую филологию в Новороссийском университете (Одесса). Побывал ли он в словенских землях или нет, точных данных об этом не имеется. Во всяком случае, он интересовался положением дел

¹³⁹ Макушев В.В. Словенцы // Русский вестник. 1863. Т. 6. С. 345–367.

там. Об этом свидетельствуют его воспоминания о поездке за границу, с которыми он выступил на заседании Славянского общества в Одессе 11 мая 1873 г. В своем выступлении он подчеркнул невыгодность дуализма и прямых выборов в рейхсрат для многих славян. «Если кому из славянских народов Цислейтании, — сказал он, — прямые выборы и могут принести пользу, то это словенцам в провинциях Крайна, Штирия, Каринтия: своей государственной жизни у них никогда не было, следовательно, терять нечего, а приобрести кое-что и можно». Кочубинский отмечал, что успехам совместных выступлений за права словенцев мешает борьба между младословенцами и старословенцами¹⁴⁰.

В 1872–1874 годах в Австро-Венгрии побывал молодой славист А.С. Будилович (1846–1908). Он и до этой поездки интересовался славянами. В 1869 г. вышла его статья «Славянские матицы и ученые дружества», в которой он среди прочих останавливался на деятельности Словенской Матицы. Будилович отметил, что она имеет небольшие материальные средства и небольшое число членов, но при этом выражал надежду, что она сыграет свою роль в пробуждении словенцев. «Сумрачный краинец, — писал Будилович, — спит еще в своем угрюмом логовище, и чужды ему Копитары и Миклошичи, мало знакомы даже Водники и Прешерны. Дай бог, чтобы расшевелить их удалось Вончинам и Косам, Лесарам и Блейвейсам»¹⁴¹. О пребывании Будиловича в словенских землях в 1874 г. дают материалы его письма к Ламанскому, Попову, Раевскому. Из письма к Ламанскому от 11 (23) ноября 1872 г. можно узнать о его знакомстве с Миклошичем. «Миклошич принял меня очень любезно, — писал русский ученый, — но он не имеет способности или желания делиться с другими своими знаниями. Раз у него побываете, а другой раз идти как-то не идетя». Будилович слушал в университете лекции Миклошича.

¹⁴⁰ Кочубинский А.А. Мы и они (1711–1878). Очерки истории и политики славян. Одесса, 1878. С. 188, 190.

¹⁴¹ Будилович А.С. Славянские матицы и ученые дружества // ЖМНП. 1869. № 2. С. 474.

Но они не полностью удовлетворили русского слависта. Один его курс он считал достаточно известным по его статьям, другой — чересчур сухим и схематичным. Все же Будилович признавал и положительные моменты в чтении им лекций. «Впрочем, я должен сказать, — добавлял Будилович, — что как профессор Миклошич производит хорошее впечатление тем одушевлением, с которым он трактует о самых сухих материалах». Весной 1874 г. Будилович оставался в Любляне. В письме из Загреба к Ламанскому от 14 (26) февраля 1874 г. он просил Ламанского написать ему в Люблян на имя Левстика. По-видимому, Будилович познакомился с Левстиком еще в Вене, где последний жил в 1872 г. как раз во время пребывания там Будиловича. Первое письмо из Любляны, имеющееся у нас, Будилович написал 23 марта 1874 г. (ст. ст.) Н.А. Попову. В следующем письме от 15/27 мая 1874 г. к нему же Будилович сообщал, что он только что вернулся из десятидневной поездки в Штирию и Хорутанию¹⁴². Во время этого путешествия он посетил в Поникве Трстеньяка, познакомился в Граце с профессором славянской филологии в Грацком университете Грегором Креком. Об их встрече свидетельствует письмо Крека Потеему от 1874 г., в котором он назвал Будиловича своим другом¹⁴³.

Письмо Будиловича Раевскому было отправлено им из Любляны 3 (15) апреля 1874 г. «Познакомился я здесь с некоторыми тузами местного литературного и народного движения, — делился своими впечатлениями Будилович со своим корреспондентом. — Печальный раздор и разлад царит в их среде, и причин его было бы ошибочно искать лишь на одной из двух сторон: старой или молодой. Мне только кажется, что последняя с каждым днем здесь усиливается и с тем вместе умнеет. Конечно, наше положение должно быть совершенно нейтральным»¹⁴⁴.

¹⁴² НИОР РГБ. Ф. 239. К. 5. Д. 41.

¹⁴³ Центральний державний історичний архів України (Харків). Ф. 781. Д. 92. Л. 3.

¹⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 13.

В 1873 г. в словенские земли приезжал А.А. Котляревский (1837–1881), один из наиболее прогрессивных и образованных русских славистов. После окончания Московского университета он был арестован и заключен на 6 месяцев в Петропавловскую крепость из-за подозрений в антиправительственной деятельности. С 1867 г. Котляревский работал в Дерптском университете, где после защиты магистерской диссертации «О погребальных обычаях языческих славян» в 1868 г. стал экстраординарным профессором. В 1872–1874 гг. Котляревский находился в заграничной командировке для сбора материала к докторской диссертации. В словенских землях Котляревский познакомился с Трстеньяком, стремился встретиться с Г. Креком, однако последнего ему увидеть не удалось. В 1890 г. А.Н. Пыпин, которому нужно было написать биографию Котляревского, нашел в его архиве несколько писем Крека и обратился к последнему с просьбой рассказать ему о встречах с Котляревским. 24 ноября 1890 г. Крек ответил Пыпину, что он лично не был знаком с Котляревским, но получил от него его книгу в двух экземплярах: один экземпляр в 1868 г. или 1869 г., а другой — в 1873 г. На втором экземпляре была надпись: «Госп. Креку от уважающего его труды автора. Любляна, 1873 г. 24 октября». На оборотной стороне титульного листа, по словам Крека, Котляревский написал: «Быть может, Вы найдете возможным дополнить мое изложение чертами родных Вам словенских обычаев, тогда прошу Вас о дружеском сообщении их через посредство господина Левстика». В этом же письме к Пыпину Крек отмечал, что Котляревский много работал в Лицейской библиотеке, а позднее прислал Креку еще одну свою книгу¹⁴⁵. Вторая книга Котляревского, подаренная им Креку, называлась «Древности юридического быта балтийских славян» (1874).

Целую эпоху в развитии русско-словенских научных связей составила деятельность слависта, много сделавше-

¹⁴⁵ Отдел рукописей Института русской литературы и искусств (Пушкинский дом) (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 250. Оп.3. № 127.

го для русского и польского славяноведения Ивана Александровича (Ян Игнац Нецислав) Бодуэна де Куртенэ. Он сочетал в себе талант ученого-лингвиста со способностями полиглота, свободно владел русским, польским, немецким, французским, итальянским, словенским, литовским, чешским, лужицко-сербским и другими языками.

Научная деятельность Бодуэна де Куртенэ получила самую высокую оценку в научном мире. Один из крупнейших филологов XX в. В.В. Иванов указывает: «Ни в одном лингвистическом сочинении, написанном в 70–80-х годах прошлого века, нельзя найти мыслей, настолько созвучных современной нам науке, как те, которые в изобилии рассыпаны в казанских работах Бодуэна де Куртенэ»¹⁴⁶.

И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845–1929), сын польского землемера, потомка французских эмигрантов, окончил Варшавский университет, затем слушал лекции в Праге, Иене, Берлине, изучал славистику в Петербурге у И.И. Срезневского. В 1872 г. Бодуэн де Куртенэ был направлен в научную командировку в словенские земли. В середине марта 1872 г. он прибыл в Вену с рекомендательным письмом к Раевскому от Гильфердинга. «Позвольте мне рекомендовать, — писал Гильфердинг, — подателя сего, магистра славянской филологии и отличнейшего знатока по своей части Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ. Хоть он поляк, но без политических тенденций, а полезный труженик науки. Он едет изучать на месте наречия словенцев и далматинцев. Дайте ему все необходимые указания и снабдите его рекомендациями, особенно к Блейвейсу и Трстенияку»¹⁴⁷.

1 апреля Бодуэн де Куртенэ отправился из Вены в Грац, познакомился там с Г. Креком, затем в Марибор и далее в Поникву, где встретился с Трстенияком. Знакомство с Трстенияком завершилось их сотрудничеством. Перепис-

¹⁴⁶ Иванов В.В. И.А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков // И.А. Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти. М., 1960. С. 37.

¹⁴⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 25.

ка между ними продолжалась с 1872 до 1879 г. Бодуэн де Куртенэ отмечал, что Трстеняк все свои знания добыл «собственным, самостоятельным трудом. Вследствие чего его лингвистические и мифологические соображения лишены твердого научного основания и являются скорее — иногда, впрочем, весьма блестящими — творениями фантазии». Но все же Бодуэн де Куртенэ приходил к выводу, что «можно извлечь из его трудов и бесед с ним много полезного»¹⁴⁸. Затем Бодуэн де Куртенэ поехал в Целье, Загреб и 9 апреля прибыл в Люблян. Здесь он встретился с Блейвейсом, Разлагом, Вошняком, Грасели. Однако в Любляне он не задержался, поскольку, по его словам, «в столице словенцев нет вовсе людей, занимающихся языковедением». Местом своего пребывания Бодуэн де Куртенэ избрал Горицу с целью изучить словенские диалекты в ее округе. Он регулярно посещал местную читальню, чтобы изучить словенский и итальянский языки. В результате за месяц он так хорошо освоил словенский язык, что многие отказывались верить, что он не словенец. В ответ Бодуэн де Куртенэ обучал словенцев русскому языку.

В Горице ряд образованных людей помогал ему в сборе и обработке материалов. В их числе были лидер горицких либералов К. Лаврич, учителя Ф. Эрьявец и Ф. Левец, а также многие гимназисты и семинаристы. Среди знакомых Бодуэна де Куртенэ преобладали люди либеральных взглядов. Он сотрудничал в горицкой газете «Соча», где опубликовал цикл статей под названием «Некоторые заметки русского профессора». В них он одним из первых в словенских землях выступил поборником эмансипации женщин¹⁴⁹. Через газеты «Соча» и «Словенски народ» Бодуэн де Куртенэ обратился к словенским учащимся, образованным людям с просьбой присылать ему фольклорный материал, словенские слова из местных диалектов. «Ува-

¹⁴⁸ Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с ученою целью И.А. Бодуэна де Куртенэ о занятиях по языковедению в течение 1872–1873 гг. Ч. 1 // Известия и ученые записки Императорского Казанского университета. 1876. Ч. 1. С. 60, 62, 63.

¹⁴⁹ Soča. 02.01.1873; 27.06.1872.

жая авторские права, — писал он в обращении, — я не выдам чужой труд за свой и при всяком слове и всякой грамматической особенности не премину сослаться, кто мне ее прислал»¹⁵⁰. В своем отчете Бодуэн де Куртенэ отмечал, что после этого призыва ему стали присылать свои материалы ученики гимназии и даже простые крестьяне. Сам Бодуэн де Куртенэ кроме говора приморских словенцев занимался словенскими говорами Верхней Крайны, где он побывал дважды в районе озера Блед. Многие помогали ученому, особенно молодежь, о которой он был высокого мнения. «Здесь почти все члены молодого поколения грамотны, неграмотных очень мало, — писал Бодуэн де Куртенэ в своем отчете, — потребность читать и образовываться сильно развита ... Почти все представители словенской интеллигенции вышли из народа»¹⁵¹. Результатом первой командировки Бодуэна де Куртенэ в словенские земли стала книга «Опыт фонетики резьянских говоров», вышедшая в 1875 г. в Лейпциге и получившая Уваровскую премию.

Бодуэн де Куртенэ еще несколько раз бывал в словенских землях: в 1877, 1890, 1899 гг. он ездил в Резью, в 1901 г. — на Теру.

За время своих командировок в словенские земли Бодуэн де Куртенэ приобрел там много знакомых. С особым вниманием он относился к ученикам, которые помогали ему в сборе материалов. Так, он первые труды горицких гимназистов — М. Лютмана, М. Голоба, М. Вуги, К. Штрекеля — пытался пристроить в словенские журналы «Вестник» и «Зора», где большое влияние имел Трстеняк. Эта попытка ему не удалась. Но дружеские отношения с одним из них — Драготином (Карлом) Штрекелем (1859–1912), с которым он переписывался 25 лет, помогла последнему найти себя как ученого. Штрекель в конце XIX — начале XX в. издал в нескольких томах народные песни словенцев, собрав их как из рукописных сборников, так и из печатных материа-

¹⁵⁰ Slovenski narod. 08.1873.

¹⁵¹ Отчеты ... Бодуэна. Ч. 1. С. 68–70.

лов. Помог Бодуэн де Куртенэ стать серьезным ученым и Ватрославу Облаку. В письме к отцу рано умершего молодого ученого он высоко оценивал его вклад в словенскую лингвистику. Он подчеркивал, что Облак, «несомненно, самый значительный словенский филолог и один из первых филологов всего славянства»¹⁵².

Поддержал Бодуэн в начале его пути и Даворина Хостника, создателя первых словенско-русского и русско-словенского словарей, соответственно с грамматикой словенского языка для русских и грамматикой русского языка для словенцев. Работа Гашпара Крижника на Бодуэна де Куртенэ помогла ему стать известным собирателем фольклора.

В 1874 г. к Бодуэну де Куртенэ обращался с письмом М. Маяр. Ответа его на это письмо не сохранилось. Но статья Бодуэна де Куртенэ «Украинский вопрос» доказывает, что вопрос об общеславянском языке вызывал у него интерес. В ней он писал: «Нельзя отрицать, что различия для взаимного понимания даже между всеми славянскими языками ничуть не больше различий между отдельными французскими, итальянскими и т. п. говорами». На этом основании Бодуэн де Куртенэ делал вывод: «Стало быть, если у немцев, у французов и итальянцев и т. д. есть один литературный язык, то точно так же мог бы существовать один общий литературный язык для всех славян, и никакой беды от этого не произошло бы»¹⁵³. Это было мнение не восторженного фантазера, а крупнейшего филолога, владевшего многими языками.

Пребывание Бодуэна де Куртенэ в словенских землях способствовало не только созданию им важных трудов по словенской филологии и этнографии, но и имело большое значение для развития словенской научной мысли. Бодуэн де Куртенэ критиковал те труды, которые не соответствовали современному уровню науки, ободрял молодые талан-

¹⁵² The correspondence between Jan Baudoin de Courtenej (1845–1929) and Vatroslav Oblak (1864–1896) by Rado Lenček. München. Slavica Verlag. 1992. S. 375.

¹⁵³ Григорьев И.А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика // Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти. С. 58, 60, 61.

ты, став для ряда молодых словенцев настоящим учителем, способствовал становлению их научных интересов. В статьях, помещенных в словенской прессе, Бодуэн де Куртенэ выступал как просветитель, ратующий за образование широких народных масс, за равноправие женщин.

Говоря о русских путешественниках по словенским землям, нельзя не упомянуть о Л.В. Березине (1836–1889), который в 1863–1871 гг. служил русским консулом в Риеке и в своих донесениях МИД часто сообщал и о событиях в словенских землях. В 1874 г. он опубликовал в России статью «Словены и избирательная реформа». В ней он сочувственно писал о таборах, на которых выдвигалось требование «о необходимости всему словенскому племени соединиться в одно административное и, насколько возможно, государственное целое». Березин подчеркивал, что тяжесть борьбы словенцев за свои национальные права усугубляется расколом словенского национального движения. Консерваторы во главе с Блейвейсом и Косом поддерживают требование автономии австрийских провинций. Против этого выступают младословенцы, выдвинувшие программу Объединенной Словении. Березин отмечал стремление младословенцев пойти на соглашение со старословенцами во время выборов в рейхсрат в 1874 г. Однако этому воспротивились последние. «Фанатизм старословенцев, — писал Березин, — не имел пределов: священники с церковной кафедры предавали анафеме политические заявления младословенцев, называя их вождей безбожниками, масонами, богоотступниками». Духовенство запрещало верующим читать либеральные газеты. Березин осуждал не только эту, по его словам, «иезуитскую шайку», но и консервативных литераторов, которые, «сыпали целые потоки ругательств на головы защитников политических интересов своего отечества». Подводя итоги выборов 1874 г., печальные для словенцев, Березин обвинял в них старословенцев¹⁵⁴.

---

¹⁵⁴ Березин Л.В. Словены и избирательная реформа // Сын отечества. 10/22. 09.1874.

Статья Березина вызвала недовольство старословенцев. Их газета «Словенец» обвинила Березина в том, что он придерживается точки зрения либералов и их органа «Словенски народ»¹⁵⁵.

* * *

Таким образом, в конце 60 — начале 70-х годов XIX в. вновь наладились научные связи между русскими и словенскими учеными. При этом почти у всех русских исследователей особо тесные сношения завязывались с Левстиком. Это объяснялось тем, что последний сам стремился к общению с ними. После его отхода от политической деятельности в 1872 г. он не отказался от русофильских симпатий. Для Фортунатова, Котляревского, Будиловича он являлся как бы связующим звеном с их словенскими знакомыми. Влияние Левстика чувствовалось в высказываниях о словенцах таких русских ученых, как Яроцкий, Ламанский, Будилович.

В указанный период стал постоянным книгообмен благодаря деятельности культурных организаций, прежде всего Словенской Матицы со словенской стороны и Славянских комитетов со стороны России. Российская общественность смогла получить от русских ученых, побывавших в словенских землях, более полную и разностороннюю информацию о словенцах, чем это было в 1840–1850-е годы. Статьи о словенцах, появлявшиеся в прессе, были написаны сведущими лицами и даже иногда словенскими интеллектуалами. Словенская общественность со своей стороны проявляла большой интерес к русскому языку и культуре, стремясь использовать их в своей борьбе за свои права против политики германизации.

То поколение русских ученых, которые общались со словенскими национальными деятелями в 30–40-е годы XIX в. (О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, Н.И. Надеждин и др.), отличалось от поколения

---

¹⁵⁵ Slovenec. 13.10.1874.

ученых 1850–1870-х годов. Это различие отметил еще А.Н. Пыпин, известный русский историк русской и славянской литературы. Он подчеркивал, что первое поколение русских славистов при всем своем сочувствии к славянам, питало к ним романтически-этнографический интерес. Второе же поколение смотрело на них с национально-политической точки зрения¹⁵⁶. Вывод Пыпина справедлив. Объяснение этих различий кроется в самом словенском национальном движении. Русские слависты первого поколения бывали в словенских землях в то время, когда политическая борьба там отсутствовала, а все силы словенских национальных деятелей сосредотачивались на культурной деятельности. Именно эти взгляды словенских будителей и были восприняты молодыми русскими славистами. В 50–70-е годы XIX в., после революции 1848 г., политическая борьба стала важным содержанием общественной жизни славян, и словенцев в том числе. И эта борьба велась не только против властных структур за свои национальные права, но и между разными течениями словенского национального движения (старословенцами и младословенцами) за пути достижения национальных прав. Русские ученые, беседовавшие со словенскими национальными деятелями, должны были принимать доводы той или другой стороны. Обычно они старались соблюдать нейтралитет, но все же большинству импонировали более решительные, русофильско настроенные младословенцы.

Общение с русскими учеными, знакомство с русской литературой не могли не оказать влияние на словенских национальных деятелей. Некоторые из них проявили интерес к славянофильским теориям. Выше уже говорилось о том, какое воздействие на взгляды словенских патриотов оказало понимание Ламанского роли общеславянского языка у славян. Некоторые словенские национальные деятели проявили интерес к трактовке славянофилами значения русской общины и русской артели.

---

¹⁵⁶ Пыпин А.Н. Литературный панславизм // Вестник Европы. 1879. № 8. С. 718, 719.

Одним из первых сторонников политического русофильства являлся Г. Блаж. Он пропагандировал введение русского языка в качестве общеславянского и считал, что это имело бы благоприятные последствия не только для культуры, но и для политики словенцев. В качестве примера он приводил поход Наполеона на Россию, который ничего не смог сделать против русского народа и вынужден был уйти из России без армии. Блаж был убежден, что если русское национальное самосознание смогло сделать так много, то словенское самосознание, опираясь на русское, способно на большее. «Нам, словенцам, — заключал Блаж, — не надо было бы заботиться, что будет с нами, если Габсбургская держава распадется»¹⁵⁷. Блаж пропагандировал русскую общину и русскую артель. О них он писал в предисловии к «Русской грамматике для словенцев» М. Маяра. Приветствуя отмену крепостного права в России, он указывал, что благодаря этому был освобожден «самый крепкий элемент политической жизни и социального движения в России». Среди многих достоинств русского крестьянина Блаж выделял его умение заниматься ремеслом и торговлей. Блажу нравилась организация русской промышленности. Он сравнивал два центра текстильной промышленности — английский Манчестер и русское Иваново. По его мнению, «бедные английские рабочие трудятся на несколько богачей, русские же крестьяне — на себя», ибо Блаж полагал, что русская промышленность в Иваново организована на артельных началах. «Такие большие объединения (т. е. артели. — *И. Ч.*) именно только веточка общины славянской, прекрасный и важный элемент для развития материального благосостояния в России. Они заменяют миллионы и миллионы капиталов отдельных лиц и будут способствовать народному благосостоянию больше, чем промышленность, созданная по западному образцу. Без смешных социалистических мечтаний великорус первым из всех народов демократизировал промышленность»¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Slovenski narod. 15.07.1869.

¹⁵⁸ *Majar M.* Slovnica ruska za slovence. Dunaj, 1867. S. 1–7.

Как можно видеть, Блаж полагал, что русская промышленность была организована по принципу артели, а артель представляла собою русскую общину, перенесенную из сельского хозяйства в промышленность. По его мнению, она занимала такое же место в промышленности, как сельская община в деревне. В промышленности Блаж восхищался артельным принципом, в то время как в торговле он отдавал предпочтение предприимчивому одиночке, т. е. купцу. Позиция Блажа объяснялась тем, что в словенской промышленности немецкий капитал значительно преобладал над словенским. Представители словенской буржуазии мечтали о такой форме организации промышленности, которая бы превосходила немецкую и позволила бы им успешно конкурировать с немецким капиталом. Блаж считал, что такую форму он нашел в русской промысловой артели. Что касается торговли, то там словенцы занимали более сильные позиции, и процветание словенской торговли он связывал только с купеческим капиталом.

Русская община интересовала и Целестина, который в 1869–1873 гг. служил учителем в России. В первое время он присылал корреспонденции «Письма из России» в «Звон» Стритара. В них он высказывал предположение, что мысли некоторых славянских деятелей, видящих в русской общине те начала, которые дадут славянам возможность не копировать бессмысленно Запад, а идти своим путем, не являются бесосновательными мечтами¹⁵⁹.

Й. Вошняк (1834–1911) тоже обратил внимание на русскую общину. Однако он трезво оценивал невозможность перенесения ее в словенские земли. Несовместимыми со словенскими условиями он считал передел земли, совместное пользование угодьями и др. Но его привлекала система административного самоуправления общин, установившаяся в сельской местности в России 1860-х годов. В брошюре «Словенцы, чего мы хотим?» он выдвинул план общинного

---

¹⁵⁹ Zvon. 16.08.1870.

самоуправления. В нем самым низшим звеном являлась сосеска, которая охватывала все деревни, принадлежащие к одному приходу, несколько сосесок объединялись в общину, а несколько общин — в жупанию. Таких жупаний Вошняк предлагал создать 4 в Крайне и 3 — в Нижней Штирии¹⁶⁰. Наряду с Вошняком подобную систему общинного самоуправления предлагал и А. Эйншпиллер в своей брошюре «Словенский политический катехизис»¹⁶¹.

Кроме подобных сведений о русской общине, весьма отдаленных от действительности, в словенской печати попадались и более реальные ее описания. Так, в июле 1869 г. Ф. Кочевар опубликовал статью «Социальный вопрос», в которой восхвалялась славянская община (задруга, мир), порядки в которой провозглашались полностью демократичными и коммунистическими. Автор утверждал, что нигде в Европе община не имеет столько автономии и свободы, как в России. Кочевар указывал, что сведения о русской общине он брал из сочинений Аксакова. Обращаясь к истории словенцев, он приходил к выводу, что требования крестьян возврата к «Старой правде», которые они выдвигали во время крестьянских восстаний в XV–XVII вв., означали требование восстановления у них старой, славянской социалистической общины. В настоящее время, советовал Кочевар, в случае возникновения крестьянских движений, надо направлять их в русло стремления преобразовать общину. По мнению Кочевара, славянская Россия должна служить примером для всех славян в решении социального вопроса. Он подчеркивал, что социалистическое движение славян имеет свою основу в крестьянстве, в его древних славянских обычаях¹⁶².

Еще более горячо пропагандировал русскую общину автор статьи «Лига за международный мир и всеобщую свободу», который не поставил под ней никакой подписи.

¹⁶⁰ *Vošnjak J. Slovenci, kaj čemo?* S. 26–31.

¹⁶¹ *Einspiller A. Političen katekizim za slovence.* Celovec, 1873. S. 8–18.

¹⁶² *Slovenski narod.* 22, 24, 29.07.1869.

«Коммунизм русской территориальной общины и коллективизм русских ремесленных артелей, — писал он, — эти два славянских учреждения являются сейчас в социалистических кругах Западной Европы примером социального строя, и все европейское социальное движение стремится к тому, чтобы эти два специфически русских учреждения перенести на европейский Запад»¹⁶³. Решение социального вопроса в Европе автор статьи связывал с распространением там повсеместно русской общины и артели.

Более подробно изучал русскую общину один из видных деятелей младословенцев Йосип Сернец. Свое исследование он опубликовал в брошюре «Материализм и славянство». Он решительно критиковал капиталистический строй, утвердившийся в Западной Европе и Северной Америке и приведший к непримиримой вражде эксплуататоров и эксплуатируемых. Эта вражда может быть разрешена только кровавыми столкновениями и социальными революциями. Капиталистическому строю Сернец противопоставлял строй славянский, базирующийся на общине-мире, артели и задруге. Основное внимание он уделял русской общине-миру, главное достоинство которой он видел в том, что она делает невозможным переход земель из рук крестьян в руки капиталистов. Однако Сернец считал, что община нуждается в улучшении. Так, он выступал против разобщенного труда крестьян на отдельных участках. По его мнению, крестьянин оставит систему передачи наделов отдельным лицам на короткое время, а «взамен он должен сообща пахать поля, сеять и собирать хлеб и, по мере возможности, только уже смолоченное зерно, солому и т. д., равно как и остальные полевые плоды, делить между членами общины»¹⁶⁴. В личной собственности крестьянина, полагал Сернец, должны оставаться дом, усадьба, движимое имущество. Отдельные члены общины будут соревноваться друг с другом, что приведет к росту трудолюбия

¹⁶³ Slovenski narod. 02.08.1871.

¹⁶⁴ *Sernec J.* Der Materialismus und das Slaventhum. Marburg, 1874.

и благосостояния всего русского народа. Подобное переустройство общины должно происходить с помощью русской интеллигенции и русского правительства. Впоследствии к такому решению придут и на Западе, где тоже мирно, с согласия капиталистов будут внедрять подобные порядки. Таким образом, Сернец видел в русской общине зародыш социализма, но не в той общине, которая существовала, а в той, которая будет улучшена в соответствии с рецептами социалистов-утопистов.

Уже сразу по выходе брошюры 18 августа 1874 г. Сернец послал ее в Московский Славянский благотворительный комитет на имя Н.А. Попова и просил обсудить ее. Одновременно он обещал послать 100 экземпляров брошюры с тем, чтобы ее разослали редакциям русских журналов¹⁶⁵. Новое письмо Попову от 6 декабря 1874 г. явилось ответом на не дошедшее до нас письмо Попова Сернецу от 13 (25) сентября. По-видимому, Попов в нем обещал провести обсуждение брошюры Сернеца на заседании Славянского комитета. Не получив информации об этом заседании, Сернец сделал вывод, что его работа не была одобрена. Он просил Попова присылать ему все рецензии на нее, которые будут выходить в России. В том же письме Сернец писал, что его брошюра писалась «горячим славянским сердцем в убеждении, и теперь еще твердом, что предназначение славян — перестроить социальную жизнь». В письме Сернец рассказал историю публикации своего труда. Сначала он отдал его в «Прешернов альманах», редактором которого был Юрчич, но он пролежал там полтора года. Тогда Сернец перевел его на немецкий язык и издал в Мариборе. Однако его брошюра не предназначена для немцев, ибо «все немецкие социалисты отвергают все, что в какой-то степени относится к коммунизму». Сернец не послал ее в Германию, а в Россию послал в количестве 150 экземпляров¹⁶⁶. Среди тех, кому

¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 426. Л. 258 с об.

¹⁶⁶ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 18. Ед. хр. 23.

он отправил свою брошюру, был Бодуэн де Куртенэ. Тот написал рецензию на труд Сернеца, в которой довольно подробно пересказывал ее содержание. Он упрекал автора в пристрастности и односторонности, в растянутости изложения. Но вывод его был достаточно доброжелателен: Бодуэн де Куртенэ указывал, что книга «не лишена интереса и ... заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание русской читающей публики»¹⁶⁷. 9 апреля 1876 г. Сернец благодарил Бодуэна за внимание к труду «Материализм и славянство». «От своей брошюры я не получил ничего радостного, — жаловался Сернец, — и если бы Вы в письме из Лейпцига от 29 августа 1874 г., а также профессор Нил Александрович Попов из Москвы не написали бы мне так приветливо, у меня пропала бы всякая охота к дальнейшему изучению национально-экономических вопросов»¹⁶⁸.

Таким образом, большинство словенских теоретиков, интересовавшихся русскими общиной и артелью, видели в них вариант социально-экономического развития, отличный от капиталистических порядков, утвердившихся на Западе. С помощью общины и артели они полагали возможным для словенцев и других народов избежать капиталистического пути развития. Не случайно все высказывания словенцев об общине и артели падают на конец 60-х — 70-е годы XIX в., когда в Габсбургской монархии начался самый разрушительный и долговременный социально-экономический кризис.

Кроме славянофилов большой интерес у ряда словенских национальных деятелей вызывал А.И. Герцен. Его взгляды оказали значительное влияние на некоторых словенских идеологов. Одним из них являлся Йосип Стритар (1836–1923), словенский писатель и поэт. Несмотря на то что большую часть своей жизни он провел в Вене, работая там учителем классических языков в гимназии, он активно

¹⁶⁷ Сборник государственных знаний. Т. 3. СПб, 1877. С. 112–113.

¹⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 283.

участвовал в словенском национальном движении, поддерживая в нем младословенцев. Стритар принадлежал к их левому крылу, тесно сотрудничал с Ф. Левстиком. Из русских общественных деятелей ему особенно был близок Герцен. В 1870, 1876–1880 гг. он издавал журнал «Звон» («Zvon»), названный так в честь журнала «Колокол» Герцена. Особые симпатии к Герцену отмечали и его политические противники. В этом отношении любопытно письмо к Мурнику сторонника Блейвейса Д. Боле, эмигрировавшего в Россию и работавшего там учителем гимназии. «Стритар, — писал Боле 8 апреля 1870 г. Мурнику, — хотел бы наш народ переделать в смысле русского “Колокола” и его редактора Герцена»¹⁶⁹. Стритар высоко оценивал деятельность Герцена. В некрологе, помещенном в «Звоне», говорилось: «Умер великий русский Александр Герцен, который, живя в изгнании, своими книгами, написанными на классическом русском языке, особенно же своим издаваемым в Лондоне еженедельником «Колоколом» (Звоном), после смерти царя Николая и до польской революции, можно сказать, властвовал над Россией и благодаря своему неизмеримому влиянию в России больше всего содействовал всем либеральным реформам последних лет. Герцен был вдохновенным славянином чисто республиканского характера, одним из главных представителей всей европейской демократии»¹⁷⁰. Стритар не был единственным словенцем, который симпатизировал Герцену. Многие младословенцы чтили его, но не столько за его борьбу за либеральные реформы, сколько за его сочувствие славянам. О Герцене помещались заметки в газете «Словенски народ». Так, в 1869 г. там появилось две заметки под заглавием «Мелочи из Лондона». В первой из них корреспондент писал: «С тех пор, как вождь русских эмигрантов Герцен со своим лучшим другом Огаревым и с изданием «Колокол» переселились в Женеву в Швейцарии, ни в Лондоне, ни где-либо в

¹⁶⁹ *Boršnik F. Fran Celestin. S. 85.*

¹⁷⁰ *Zvon. 15.03.1870.*

Англии нет никакой значительной славянской партии»¹⁷¹. Вторая заметка под тем же названием с известной издевкой описывала деятельность польской эмиграции¹⁷². В некрологе Герцену, помещенном в газете «Словенски народ», основное внимание было уделено его национальным взглядам. «Рожденный в 1812 г., — говорилось в некрологе, — он уже студентом был неугоден правительству из-за своих демократических убеждений и был сослан на границу Сибири. Позднее ему было разрешено покинуть Россию. Богатый человек, он объездил всю Европу. В Генте он написал свой известный труд «С того берега», в котором доказывал, что германо-латинская культура идет к угасанию, а новая культура придет от славян. В Лондоне он позднее издавал свой ежемесячный журнал «Колокол» (Звон), который хотя и запрещен в России, но даже при дворе был читаем тайком и имел большое влияние на русскую молодежь»¹⁷³. Скорее всего, автором некрологов в газетах «Звон» и «Словенски народ», а также двух маленьких заметок в последней был русский, ибо в его оценке чувствуется знание русской жизни человека, хорошо знакомого с ней. Корреспондент отмечал сочувствие Герцена славянам, но все же главной его заслугой считал деятельность как публициста, боровшегося за прогрессивные преобразования в России. Кроме того, можно с уверенностью сказать, что этот корреспондент жил в Лондоне и сочувствовал идеям славянофилов. Возможно, это была журналистка О.А. Киреева (Новикова), имевшая связи со словенским либералом П. Турнером, помогшая ему впоследствии стать корреспондентом славянофильской газеты «Современные известия». Она жила в Лондоне и часто бывала в землях Габсбургской монархии, общалась с Раевским.

Ф. Целестин, проживавший четыре года в России и не одобрявший ее порядков, тоже хорошо отзывался о де-

¹⁷¹ Slovenski narod. 23.02.1869.

¹⁷² Slovenski narod. 25.02.1869.

¹⁷³ Slovenski narod. 27.01.1870.

тельности Герцена, хотя и упрекал его за то, что он не препятствовал революционным выступлениям своих сторонников¹⁷⁴.

* * *

И. Приятель, исследовавший на огромном материале развитие словенской национальной идеологии в XIX в., утверждает, что политический панславизм появился у словенцев лишь во второй половине 1860-х годов. При этом он подчеркивает, что эти идеи были присущи прежде всего учащейся молодежи¹⁷⁵. С ним полностью согласен Ф. Цвиттер. Указав на возросшие среди младословенцев русофильские настроения в политической форме, он одновременно отмечает, что они не коснулись старословенцев¹⁷⁶.

Однако первая панславистская программа была создана Матией Маяром, близким младословенцам, но все же относящимся к первому поколению словенских либералов, появившихся в 1848 г. Он активно участвовал в политической жизни в 1860-е годы, но деятельность его в то время ограничивалась в основном Каринтией. В 1870-е годы в словенских землях началась активная германизация, сопровождавшаяся усилением гонений на словенских деятелей. В Каринтии эти гонения проходили особенно интенсивно. Одним из наиболее преследовавшихся политиков был Маяр. В июне он написал два аналогичных письма Н.А. Попову и М.П. Погодину. «Прошу Вас, — писал он Попову, — помогите мне и спасите меня из этого отдаленного села Горье, предоставив мне какую-нибудь должность, при которой я бы мог по мере моих скромных возможностей работать на пользу славянства не только написанием книг, но и более действенным способом, например, обучать в каком-либо училище славянской грамматике ... по книге своей «Узајемни правопис», или начали бы издание об-

¹⁷⁴ Boršnik M. Fran Celestin. S. 130.

¹⁷⁵ Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. III. Ljubljana, 1958. S. 147.

¹⁷⁶ Zwitter F. Narodnost in politika pri slovincih. S.

щеславянского журнала и поставили бы меня редактором, или, что мне было бы особенно приятно, я бы стал учителем истории праславян, о чем я теперь пишу»¹⁷⁷. Русские друзья Маяра попытались устроить Маяра в Одессе, но им удалось добиться для него только должности католического священника в одной из южных колоний переселенцев в России. В письме к Попову от 13 (25) января 1871 г. Маяр писал: «Я ... послал прошение на получение звания латинского священника, но в каком-нибудь таком месте, где бы была библиотека и русская типография ... Но много успешнее я бы мог действовать в интересах славянской взаимности как редактор взаимного журнала в Вене»¹⁷⁸.

Переезд в Россию Маяра не состоялся, по-видимому, потому, что его не устраивало место священника. Он остался на родине, где принял должность бенефицианта на Крестной горе у Целовца с пенсией 210 гульденов в год (половина жалованья приходского священника).

В 1869 г. либералы основали в Целовце общество Трднява (крепость). В этом обществе участвовал и Маяр, в частности, он дважды выступал на таборах, организованных им. Он пользовался уважением у младословенцев, которые отметили его 65-летие в читальне Целовца.

Однако главным для Маяра являлось создание всеславянского журнала. Еще в письме к Погодину от 16 июня 1871 г., когда шли переговоры о переезде в Россию, Маяр развертывал перед ним план издания журнала. Отметив, что книги и газеты, предназначенные для простого народа, должны печататься на разных славянских наречиях, он подчеркивал, что издание научных трудов для интеллигенции должно осуществляться на общеславянском литературном языке. К созданию его ведут два пути. Первый путь — принять в качестве него русский язык. Но он пригоден только для отдельных лиц. Второй путь — «если бы начали писать научные книги и журналы взаимно, то есть

¹⁷⁷ НИОР РГБ. Ф. 230. К. 13. Ед. хр. 19.

¹⁷⁸ Там же.

приближаясь к русскому языку». При этом общеславянским алфавитом должна стать гражданская кириллица, принятая в России»¹⁷⁹. В письмах к Погодину и Попову от июня 1870 г. Маяр описывал задачи и план издания журнала: «Журнал должен быть всеславянским, то есть таким, чтобы писатель любого наречия сразу же мог бы писать в него без большого обучения и труда. Делалось бы это так: на первом месте каждого номера журнала стояла бы непременно всегда статья на русском языке, потому что русская литература и русский язык должны быть для нас, славян, примером, т. е. образцом и целью, к которой бы стремился журнал. После русской статьи следовали бы статьи, написанные на каком-либо из главных славянских наречий — югославянском, чешско-славянском, польском, но все статьи на любом наречии должны быть написаны и напечатаны исключительно гражданской кириллицей». Маяр сравнивал свой план издания с концертом в зоологическом саду во время Этнографической выставки в Москве: «...пели преимущественно песни русские, затем следовали песни остальных славян, концерт же был, однако, московский»¹⁸⁰.

Относительно направления журнала Маяр писал в письме к Попову от 25(13) января 1871 г. «Журнал должен быть литературным, — указывал он, — не политическим и не религиозным, чтобы он не вмешивался в дела политические и религиозные и его бы радостно и с приязнью встречали повсюду»¹⁸¹. В своем журнале «Славян» Маяр придерживался этого принципа, но в редакционной статье первого номера он все же отметил, что, хотя журнал не будет ни религиозным, ни политическим, он будет принимать к печати статьи политического и религиозного содержания¹⁸².

Цели задуманного журнала Маяр определил в письме к Погодину накануне закрытия журнала в 1875 г. «Мы на-

¹⁷⁹ НИОР РГБ. Ф. 230. К. 13. Ед. хр. 19.

¹⁸⁰ Там же. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 19; РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 222. Л. 1 об.

¹⁸¹ Там же. Ф. 239. К. 18. Ед. хр. 19.

¹⁸² Slavjan. Celovec. 1873. № 1.

ходимся, — писал он, — близко от опасности, что славянские наречия так разойдутся и отделятся друг от друга, что образуются не только наречия, но и особые славянские языки с особыми литературами и народностями ... Таким образом, разделится бы 80-ти миллионный славянский народ на отдельные части, что было бы невознаградимой потерей и вредом для всех славян, русских и нерусских»¹⁸³.

Поставленные Маяром цели были недостижимы, ибо единого славянского народа уже давно не существовало, а имелось несколько славянских наций, со своим языком и культурой.

Журнал «Славян» издавался Маяром с 1873 по 1875 г. Кроме некоторых корреспонденций основным его автором был Маяр. Да и сама идея Маяра, чтобы все статьи в нем писались на кириллице, тоже оказалась неосуществимой: кириллицей печаталось только сочинение Маяра «Следы праславян».

Маяр выступал за литературную славянскую взаимность. Но он ее понимал по-своему. В одной из своих статей он приводил слова Коллара: «Из словаков никого не останется, из чехов и мораван тоже (Маяр в скобках добавлял: и из югославян тоже), если они останутся раздробленными. Если же они соединятся, если будут держаться сообща и помогать друг другу, то они смогут героически отражать нападки врагов на их язык и народность»¹⁸⁴. Маяр видел главный смысл славянской взаимности в их совместной борьбе за свои права, против попыток их ассимиляции со стороны господствующих наций. Его идея славянской взаимности имела смысл чисто политический.

Главную роль в установлении славянской взаимности должна была сыграть Россия. «Русско-славянское племя, — писал Маяр, — многочисленное и могучее племя, русская литература так велика, что уже сейчас имеет европейское значение. Русские могут идти вперед и без славянской

¹⁸³ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 55. Л. 26.

¹⁸⁴ Slavjan. 1873. № 9.

взаимности». Но тут же Маяр добавлял: «Но и они, оставив литературную славянскую взаимность причинили бы себе большой вред». Если и русским нужна славянская взаимность, то «остальным славянским племенам славянская взаимность так же необходима, как душа телу». Ни одна из славянских литератур не сможет достигнуть мирового уровня и не сможет выдержать сравнения с английской, французской или немецкой¹⁸⁵.

Маяр выдвигал основные принципы славянской взаимности. Во-первых, славянские народы не должны отказываться от своих языков и обычаев. «Пусть каждое племя сохраняет свои отличительные черты и особенности, свое имя, свою историю, свою литературу и свои права». Потому что невозможно, чтобы все славянские племена превратились бы в болгар, сербов, чехов и т. д.¹⁸⁶. Во-вторых, «славянская наука, славянская взаимность и кириллица должны распространяться умственно и литературно, при помощи книг и статей, пером и перочинным ножичком, бумагой и чернилами, но не войной, не острой саблей, не пушками и ружьями. В-третьих, согласие и взаимность должны охватить все славянские племена, потому что полезны ... как каждому славянскому племени в отдельности, так и всем славянам вместе. В-четвертых, славянская взаимность должна быть действенной, активной, о ней нужно не только мечтать, но ради нее нужно трудиться практически».

В этой же статье Маяр подчеркивал, что он является сторонником литературной взаимности, взаимность же политическая ему совершенно чужда. Однако здесь же через несколько строчек он замечал: «Ученый славянин должен обращать внимание не только на литературу, но и на все, что касается славянского народа, он должен обращать внимание и следить за делами литературными и политическими и содействовать всесторонне всеми своими силами народу»¹⁸⁷.

¹⁸⁵ Slavjan. 1873. № 9.

¹⁸⁶ Slavjan. 1874. № 4.

¹⁸⁷ Slavjan. 1875. № 1.

Несомненно, что за культурно-просветительскими всеславянскими проектами Маяра стояли политические чаяния. Но они были обозначены только пунктиром. В частной переписке Маяра проскальзывают отдельные высказывания по этому поводу. «На что я и не надеялся, — писал он Попову в январе 1871 г., — даже польские журналы стали писать воодушевленно о славянстве и славянской федерации. Это очень радостно»¹⁸⁸.

В своих всеславянских планах Маяр ни словом не упоминал о Габсбургской монархии. Судя по тому, что в создании общеславянского языка и общеславянской культуры он отводил главную роль русскому языку и русской культуре, можно предположить, в создании славянской федерации такая же роль отводилась России. Однако в 1870-е годы Маяр ни в своих статьях, ни в своей переписке ни словом не упоминал русского императора, не развивал планов славянской федерации.

Идея славянской взаимности — главная тема «Славяна». С точки зрения преданности этой идее Маяр подходил и к оценке других славянских национальных движений. После русских наибольшее его внимание привлекали русины (галичане) и словаки, которые по уровню своего развития и по положению были наиболее близки словенцам. Так, он несколько раз публиковал сообщения о словацкой газете «Цирквени листь» (Cirkveni listy), которые издавал Йозеф Мирослав Гурбан, протестантский пастор, один из руководителей словацкого национального движения. На страницах «Славяна» пересказывалась статья из этой газеты, в которой подчеркивалась необходимость литературного сближения чехов и словаков, ибо в противном случае словакам не удастся противостоять мадьяризации¹⁸⁹.

В чехах Маяр видел своих учителей. Среди наиболее выдающихся чешских деятелей он называл Добровского, Юнгмана, Коллара, Шафарика, Ганку, Челаковского, т. е.

¹⁸⁸ НИОР РГБ, ф. 239, к. 9, Ед. хр. 31.

¹⁸⁹ Slavjan. 1875. № 1.

тех чехов и словаков, которые пропагандировали идею единства славян¹⁹⁰. Характерно, что среди выдающихся деятелей, чехов и словаков, Маяром не были упомянуты ни Палацкий, ни Ригер, относившиеся к идее объединения славян прохладно. Само название журнала «Славян» было заимствовано у чехов. С мая 1850 г. по август 1851 г. журнал «Слован» (Slovan) издавал видный чешский политик К. Гавличек Боровский, в 1863 г. чех Иезбера стал издавать всеславянскую газету «Словенин», которая печаталась гражданской кириллицей, принимая статьи на всех славянских языках. В газете «Словенин» была опубликована статья о Маяре, который активно сотрудничал в ней: он напечатал там несколько статей, в том числе свою работу «Святые братья Кирилл и Мефодий, славянские апостолы и основатели славянской литературы», статью о преимуществах кириллицы перед латиницей¹⁹¹. Несомненно, он считал свой журнал как бы продолжением изданий чешских национальных деятелей. Маяр приветствовал журнал чеха Машека «Славянски педагог» (Slavjansky pedagog), выходящий в то же время, что и «Славян», подчеркивал, что «Славян» и «Славянски педагог» должны поддерживать друг друга¹⁹². И это неслучайно — уже в первом номере журнала Машек поместил статьи на сербском, чешском, болгарском, русском языках, написанные кириллицей и латиницей.

Основывая журнал «Славян», Маяр надеялся на помощь своих русских друзей. В письме к Н.А. Попову от ноября 1872 г. он писал: «Прошу покорнейше Вас, милостивый государь и покровитель мой! Сobleговолите поддержать меня в издании моего журнала тем, что распределите экземпляры первого номера журнала среди своих друзей и этим поможетe получить мне несколько подписчиков». В начале 1873 г. Маяр благодарил Попова за распростра-

¹⁹⁰ Slavjan. 1873. № 6.

¹⁹¹ Словенин. Прага, 1864. № 1. С. 118–119.

¹⁹² Slavjan. 1874. № 2.

нение журнала, за то, что ему удалось найти 50 подписчиков¹⁹³. Однако дела обстояли совсем не так. Все деньги за подписку на журнал были уплачены из фонда Московского Славянского благотворительного комитета, о чем свидетельствует переписка Попова с И.С. Аксаковым. «Известный Вам Матия Маяр, ученый словенец, — сообщил Попов Аксакову 19 ноября 1872 г., — издает небольшой журнал “Slavjan”, весь посвященный защите кириллицы и доказательствам ее превосходства над латинским шрифтом в славянских литературах. Он намерен пропагандировать впоследствии и распространение русского языка между остальными славянами. Я нахожу не только справедливым, но и необходимым оказать немедленную поддержку от комитета высылкою ста рублей». На этом письме И.С. Аксаков надписал: «Конечно, согласен». Здесь же сохранилась и приписка Попова: «Матии Маяру было послано ... сто рублей в декабре».¹⁹⁴ В этом же году Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета послал Маяру через Раевского 98 русских книг¹⁹⁵. В декабре 1873 г. Маяр так оценивал эту помощь со стороны русских: «Без этой поддержки было бы тяжело содержать журнал»¹⁹⁶.

В 1874 г. Московский комитет снова выслал Маяру 100 рублей. В январе 1875 г. Маяр писал Московскому Славянскому комитету о плачевном положении журнала: «Журнал имел так мало доходов, что они едва оплачивали типографию, бумагу и почтовые расходы на пересылку журнала подписчикам». Сам Маяр ничего не получал за редакторскую работу, «но радостно утешался мыслью, что делаю нечто полезное для славянства ... Я действовал и трудился ради славянской науки всю свою жизнь безвозмездно, даже в ущерб себе, так как мною власти из-за любви моей к славянам всюду пренебрегали». Маяр просил

¹⁹³ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 19.

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 73. Л. 45–46.

¹⁹⁵ РГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 7. Л. 83.

¹⁹⁶ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 19.

Славянский комитет взять «Славяна» полностью на свое содержание. В начале 1875 г. он получил снова от Московского комитета 100 руб.¹⁹⁷.

В дальнейшем помощь журналу не оказывалась. Вероятнее всего, невозможность увеличить дотацию Маяру объяснялась тем, что в 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, потом началась война Сербии и Черногории против турок. Вследствие этого почти все имеющиеся средства славянские комитеты направили балканским славянам. Маяр понял это. 31 декабря 1875 г. (12.01.1876 г.) он писал Попову: «Многое мы, славяне русские и нерусские, говорили и писали о взаимности славянской. Слава всевышнему, наступило счастливое время, когда блистательно скажется действительная взаимность народа нашего»¹⁹⁸.

Однако дело было не столько в Восточном кризисе, сколько в отсутствии подписчиков на журнал. Сам Маяр прекрасно понимал это. «Среди славян, — замечал он Попову, — пользующихся латиницей, кириллица еще мало употребляема. Школы у нас вообще не славянские, вследствие чего профессора, ученики и вообще грамотные люди славянского происхождения мало воодушевлены славянством и взаимностью. «Славян» же предназначен прежде всего им, и поэтому из их среды мало подписчиков. До последнего времени на журнал подписывались только наши самые искренние и ученые патриоты, каких имеется немного, следовательно, и подписчиков мало»¹⁹⁹.

В 1860–1870-е годы среди словенской молодежи имелось достаточно лиц, настроенных русофильски. Однако «Славян» с его идеей создания искусственного общеславянского языка не вызывал их доверия. Они считали это бесполезным занятием. Еще в 1863 г. лидер нового поколения либералов Левстик в своей газете «Напрей» писал, что нет смысла тратить драгоценное время краткой жизни «на пустое дело со-

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 74. Л. 44.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Ед. хр. 19.

ставления всеславянских грамматик, так как этот путь нас никуда не приведет»²⁰⁰. Он выработал свою концепцию панславизма, которая оформилась в конце 1870-х годов.

Значение Левстика в развитии словенского национального движения высоко оценивается историографией. Словенский политик и социолог Эдвард Кардель писал: «Левстик после 1860 г. был самой ясной головой, высшим достижением словенской демократической мысли того периода»²⁰¹. Историк словенской литературы А. Слодняк называет Левстика «величайшим нашим критическим талантом», который наряду со словенским писателем Й. Стритаром был ведущим писателем того времени²⁰². Отечественный литературовед М.Л. Бершадская дает Левстику более развернутую характеристику: «Выдающийся борец за демократизацию общественной жизни и искусства, за народность и подлинную художественность литературы, неподкупный народный трибун»²⁰³.

Во времена существования Югославии Левстику было посвящено немало статей и книг, авторами которых были Б. Патерну, М. Кмецл, Д. Кермавнер и др. Их оценки его деятельности во многом совпадали.

Фран Левстик (1831–1887) родился в бедной крестьянской семье. Учился в гимназии, затем в духовной семинарии чешского города Оломоуц, которую так и не окончил. Выход в свет в 1854 г. его первого сборника стихотворений, в котором он воспевал свою любовь к девушке, был оценен семинарским начальством как «соблазн и богохульство», и он был изгнан из семинарии. После этого Левстик занимался частными уроками, журналистской деятельностью. Публикация им в 1858 г. статьи «Ошибки словенского правописания» сделала Левстика популярным среди радикальной молодежи. В ней он призывал словенских литераторов бороться за чистоту словенского литературного

²⁰⁰ *Levstik F. Zbrano delo. Zv. 8. Ljubljana, 1959. S. 118.*

²⁰¹ *Kardelj E. Razvoj slovenskega narodnega vprašanja. Ljubljana, 1970. S. 344.*

²⁰² *Slodnjak A. Slovensko slovstvo. Ljubljana, 1968. S. 148, 150.*

²⁰³ *Бершадская М.Л. Литература между романтизмом и реализмом (50-е — 80-е гг. XX в.) // Словенская литература от истоков рубежа XIX–XX веков. М., 2010. С. 154.*

языка. Для этого, по его мнению, они должны обратиться к крестьянской речи и с помощью ее очищать литературный язык от иностранных, главным образом немецких, слов. Важным орудием борьбы за чистоту словенского языка он считал написание словенского словаря, а также создание полноценной литературной критики. Статья Левстика стала для словенской молодежи знаменем борьбы за словенский литературный язык и словенскую литературу, соответствующую европейскому уровню.

Левстик ненавидел чужеземную, главным образом немецкую, власть над словенцами. Он первым среди словенских политиков после Линхарта указал, что национальное угнетение немцев является одновременно и классовым. Особенно ясно он это высказал в своей статье «Пята чужеземца», написанной им в ответ на заметку в официальной люблянской газете «Лайбахер тагеблатт» (*Laibacher Tageblatt*. 11.09.1868). В этой заметке доказывалось, что именно немцы принесли словенцам культуру. Левстик дал отпор этой статье, которая выражала взгляды немецких чиновников и онемеченной интеллигенции. Указав, что и до немецкого завоевания все славяне имели высокую культуру, Левстик подчеркивал: «Немецкая культура прежде всего взяла у нас то, что мы имели. ... Она отняла у нас нашу родину, святую славянскую землю, которую наши деды добыли своею кровью и тяжким трудом обработали, отняли у нас наши исконные обычаи, нашу историю, наше народное самосознание и почти отняли наш язык. И что они дали нам взамен? Немцы и славянские отступники паслись среди нас, а нас угнетали и обращались с нами как с заразными животными. Немецкие замки топтали нас и сажали в колодки славянского крестьянина, первого хозяина этой земли, если он на пять минут опаздывал на барщину... Страшный немецкий террор вбил нам в голову, что все плохо, что искони наше, отвратительны славянские обычаи, отвратительна славянская речь»²⁰⁴.

²⁰⁴ *Levstik F. Zbrano delo*. Kn. 9. Ljubljana, 1961. S. 34–35.

Стержнем политической программы Левстика являлась программа Объединенной Словении. «Мы, словенцы, — писал он, — или объединимся как нация, или погибнем»²⁰⁵. Вместе с тем Левстик никогда не предполагал, что Словения когда-нибудь станет самостоятельным государством. «Мы, бедные словенцы, — замечал он, — никогда не имели на этой земле своего царства и не будем его иметь»²⁰⁶. Вплоть до введения дуализма в Австрии Левстик надеялся, что Объединенная Словения войдет в преобразованную в федеративное государство Габсбургскую монархию. После австро-венгерского соглашения 1867 г. Левстик изменил позицию. Он пришел к выводу, что словенцы смогут добиться своих прав только с помощью России. В 1867 г. Левстик выступил в газете «Словенски народ» со статьей, в которой заявлял: «Словенский народ больше не может опираться или надеяться на то или иное министерство, он может надеяться только на себя и на помощь своих родных братьев, на славянскую взаимность»²⁰⁷. Конечно, прямо о своих надеждах на Россию Левстик говорить не мог. Но австро-венгерская цензура допускала в печати дискуссию об общеславянском языке, которая велась тогда филологами. И в этой дискуссии Левстик выступил сторонником того, чтобы им стал русский язык. В мае 1868 г. он опубликовал статью, в которой призывал ввести в школы обучение русскому языку наряду с немецким, английским, французским. «Знание этого языка, — писал он — необходимо каждому, кто хочет торговать с русским народом или поступить на службу в России». Статья заканчивалась словами: «Мы ожидаем лучших времен, оглядываясь на наших родных братьев»²⁰⁸. Д. Кермавнер обоснованно считает, что уже с середины 1860-х годов Левстик был убежден, что общеславянским литературным языком может быть только русский язык²⁰⁹.

²⁰⁵ *Levstik F. Zbrano delo*. Kn. 9. Ljubljana, 1961. S. 314.

²⁰⁶ *Levstik F. Zbrano delo*. Kn. 7. Ljubljana, 1958. S. 50.

²⁰⁷ *Ibid.* Kn. 9. S. 222.

²⁰⁸ *Ibid.* S. 221–222.

²⁰⁹ *Kermavner D. Opombe // Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina*. Zv. III. Ljubljana, 1958. S. 509–511; *Levstikova pisma*. Ljubljana, 1931. S. 248.

В личной переписке Левстик был более откровенен. В июле 1867 г. он писал своему другу Д. Рудежу: «Брат, кроме панславизма, у нас ничего нельзя отнять, ибо все остальное пустая солома»²¹⁰. Открыто о том, что русский язык должен стать общеславянским литературным языком, Левстик высказался в статье «Славянский письменный язык», опубликованной в феврале 1872 г.: «То, что только русский язык достоин быть общим литературным языком среди нас, признают почти все славяне, достоин потому, что на нем говорит самое большое и могучее единственное правящее славянское племя, и потому, что он также самый чистый из всех славянских наречий в отношении синтаксиса и словарного запаса». Левстик даже делал такие категорические выводы: «Столько славян будет сохранено для будущего, сколько их примет русский язык, остальных поглотит частью немецкое, частью итальянское моря». Перечисляя все причины, почему русский язык нужно сделать общеславянским, Левстик признавался в конце статьи, что главную роль в этом выборе все же играла политика: сила и независимость России, возможность для нее реально помочь славянам²¹¹.

Д. Кермавнер сопоставил эту статью Левстика со статьей славянофила Ламанского «Из записок о славянских землях. Сербия и южнославянские провинции Австрии», напечатанной в журнале лидера лужицких сербов Я. Смолляра «Цайтшриффт фюр славише литератур, кунст унд виссеншафт» («*Zeitschrift für slavische Literatur, kunst und Wissenschaft*»). 1864–1865). Этот журнал имелся в библиотеке Люблянского лицея и, несомненно, читался Левстиком. Кермавнер пришел к выводу, что многие положения статьи Левстика были взяты из статьи Ламанского²¹². Этот вывод Кермавнера подтверждает и факт встречи Ламанского с Левстиком в 1868 г., когда русский славист неко-

²¹⁰ Levstikova pisma. S. 248.

²¹¹ *Levstik F. Zbrano delo*. Kn. 7. S. 59–61.

²¹² *Kermavner D. Opombe*. S. 509–511.

торое время работал в Любляне. Он активно общался со словенскими национальными деятелями и на него особо благоприятное впечатление произвел Левстик.

Левстик пользовался большим влиянием у словенской молодежи, о чем свидетельствует речь Й. Юрчича, произнесенная им на обеде после первого съезда студентов в августе 1868 г. Юрчич поднял тост за Левстика, «мужа, которого молодежь почитает как первого среди живущих словенских поэтов, врагов которого мы также считаем своими врагами, который всегда с молодежью и за которого всегда будет стоять молодежь»²¹³. Популярность Левстика среди молодежи указывает на популярность среди нее и его идей.

После ухода из политики, который Левстик провозгласил в 1872 г. из-за клеветы, обрушившейся на него как со стороны старословенцев, так и со стороны его прежних сподвижников-младословенцев, Левстик не потерял связей с русскими учеными. В 70-е годы он встречался с А.А. Котляревским, А.С. Будиловичем. Свои взгляды на Россию Левстик сохранял и позднее. Во время русско-турецкой войны он попытался вернуться к политической жизни. В архиве Словенской Матицы сохранилось его письмо к ее руководству с предложением, как обеспечить словенцам изучение русского языка, и с прогнозом, к чему это приведет и как поможет словенцам сохранить свою национальность.

В письме Словенской Матице от 21 июня 1877 г. он предлагал ее руководству совместно с Обществом св. Мохора издать 6 томов русской грамматики для словенцев и основать журнал на русском языке, напечатанный кириллицей. С помощью этих грамматик и журнала словенцы могут изучить русский язык как родной. «И тогда эта великая литература, — утверждал Левстик, — которая называется русской, будет называться русско-словенской, то есть нашей, как и великий язык, который мы хорошо выучим, станет нашим приобретением, собственностью, которую у нас ни один враг

²¹³ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. IV. Ljubljana, 1961. S. 59.*

отнять не сможет. Благодаря кириллице словенцы смогут читать и другие книги других южных славян (сербов, болгар)». «Без знания русского языка и кириллицы, — добавлял Левстик, — мы всегда будем хорошей пищей для германизации со стороны наших врагов». Мечтания Левстика простирались еще дальше. Если все австрийские славяне, утверждал он, пойдут по пути словенцев, то тогда и в венском рейхсрате они будут все выступать по-русски, а не по-немецки, и это заставит немцев выучить славянский язык²¹⁴. Предложение Левстика руководством Матицы даже не было обсуждено. И в 80-е годы Левстик и его идеи продолжали оказывать влияние на радикальную молодежь. Ф. Левец, изрядно поправевший к тому времени, в письме к своему другу Я. Керснику жаловался на И. Хрибара и его сторонников, требовавших более активной национальной политики и отличавшихся симпатиями к России. Перечисляя наиболее активных радикалов, Левец на первое место среди них ставил Левстика²¹⁵.

К середине 70-х годов XIX в. в словенских землях стало уменьшаться внимание к России. Это было связано с рядом обстоятельств. Во-первых, со стороны русских общественных кругов упал интерес к австрийским славянам в связи с разразившимся в 1875 г. Восточным кризисом, начавшемся с сербского восстания в Боснии и Герцеговине. Он повлек за собой увеличение внимания и средств русских общественных организаций к балканским славянам. Во-вторых, у словенских национальных деятелей стало меняться отношение к России, что было вызвано некоторой стабилизацией внутреннего и внешнего положения в Австро-Венгрии. Хорваты, чехи, поляки, получившие некоторые уступки со стороны правительства, примирились с дуализмом. У словенцев началось усиление германизаторского натиска в связи с приходом к власти немецких либе-

²¹⁴ Русско-словенские отношения в документах. С. 243–254.

²¹⁵ Pisma Frana Levca. Ljubljana, 1965. S. 152.

ралов, правивших страной в 1873–1879 гг., что привело к соглашению старословенцев с младословенцами, при этом своими принципами поступились последние. Укрепилось внешнеполитическое положение Австро-Венгрии, вопрос о включении ее в состав Германии не стоял пока на повестке дня. Наконец, в России после выстрела Д.В. Каракозова в царя началось поправление русской внутренней политики. Об этом словенские политики были осведомлены своей эмиграцией, появившейся в России с конца 60-х годов. Словенские эмигранты были призваны туда в качестве учителей латинского и древнегреческого языков, поскольку русских учителей в связи со школьной реформой не хватало. Словенцы, эмигрировавшие в Россию, по большей части являлись либералами и русофилами. Знакомство с российскими порядками разочаровало их. Некоторые эмигранты писали корреспонденции в словенскую прессу о своих впечатлениях, другие, приезжая в отпуск на родину, рассказывали о ней своим землякам.

В этом отношении интересны изменения во взглядах одного из самых горячих русофилов Франа Целестина. Он прожил в России несколько лет (1869–1874) и активно писал в «Звон» Стритара. В своих корреспонденциях он описывал красоту Петербурга, празднование Масленицы в Москве, православную церковь²¹⁶. Он останавливался на взглядах нигилистов, на борьбе за эмансипацию женщин. В целом он благоприятно отзывался о России. Если он и писал о недостатках, то объяснял их обширностью ее пространства, редким населением. При этом Целестин подчеркивал, что правительство всячески старается бороться с ними, строя дороги и колонизируя пустующие земли²¹⁷. В личной переписке Целестин был более откровенен. Так, в письме к Юрчичу от 10 ноября 1870 г. он с горечью признавался, что русское правительство стало реакционным,

²¹⁶ Zvon. 1879. № 9. S. 137–140; № 15. S. 229–231; № 16. S. 246–249.

²¹⁷ Zvon. 1870. № 16. S. 246, 247.

что Александра II, человека с благородной душой, запугали неразумными заговорами²¹⁸. Немного позднее он тому же Юрчичу откровенно писал, что самодержавие в значительной степени изменило славянский характер русских. «Такое утверждение, — продолжал он, — покажется, может быть, обидным тебе, который с таким воодушевлением ждет великих дел от русского народа, когда придет время и для нас, славян»²¹⁹.

В дневнике, который Целестин вел в России, он окончательно расстался с иллюзиями относительно общины, описывая нищету, забитость крестьян, эксплуатацию их со стороны помещиков и попов. Целестин указывал, что община не является им защитой, что при рассмотрении спорных вопросов общинным судом дело решает водка: «Обиженному судьи кричат: “Ставь водку на стол!”». Низкого мнения Целестин был и о русском купечестве, указывая на его нечестность и необразованность, о чиновниках, низшие слои которых малограмотны и нищи, а высшие заботятся только о своей выгоде²²⁰.

Через три года проживания в России Целестин высказывался еще резче. В письме к П. Грасели от 12 июня 1872 г. он констатировал полное равнодушие крестьян и купечества к политике, скудость культурной жизни, сохраняющиеся сословные предрассудки и т.д. Особенно огорчало Целестина равнодушие русской общественности к славянскому вопросу. Западники, к которым он причислял либералов, нигилистов, социалистов, прямо говорили ему: «Зачем нам других умывать, если мы сами грязные». «В России славянство спит, — заключал Целестин, — в этом я день ото дня все более убеждаюсь, т.е. славянство в том смысле, как его понимаем мы и все на Западе». Целестин считал, что австрийские славяне должны рассчитывать только на себя. «Мы только сами себя обманываем, когда

²¹⁸ *Boršnik M. Fran Celestin. S. 94.*

²¹⁹ *Ibid. S. 102.*

²²⁰ *Ibid. S. 102, 103.*

думаем, что Россия нам когда-нибудь поможет». Однако это заключение не означало, что Целестин полностью разочаровался в России и русском народе. «Но не подумайте, — заканчивал свое письмо Целестин, — что я разочаровался в России, я верю в ее будущее, в ее счастливое будущее, а счастливое будущее, которое придет, когда пробудится мысль в этой массе тел, и в 19 столетии этот процесс пойдет быстрее, чем прежде. Только сегодняшняя Россия не такова, какой мы себе ее представляем дома, и в настоящее время мы должны надеяться только на самих себя, если не хотим себя обманывать, ибо в настоящее время Россия имеет слишком много своих собственных дел»²²¹. Также Целестин признавался с грустью Бодуэну де Куртенэ 2 августа 1872 г.: «Должен Вам сказать, что в России я излечился от панславизма, опирающегося на насилие»²²².

В 1873 г. Целестин вынужден был покинуть Россию, поскольку из-за сурового отношения к ученикам Министерство народного просвещения не рекомендовало принимать его на должность учителя гимназии. Свои впечатления о России он изложил в книге «Россия после отмены крепостного права», которая вышла на немецком языке в Любляне в 1875 г. Резкой критике Целестина подверглись российская администрация, суд, цензура и пр. Книга была запрещена в России. Словенские либералы оценили ее положительно. Так, Стритар в своем журнале похвалил книгу Целестина, указав, что он не знает другой такой книги на немецком языке, из которой можно было бы так основательно узнать о России²²³. Похвалил книгу Целестина и русский либеральный литератор П.Д. Боборыкин. Он отзывался о труде Целестина как о «весьма толково и талантливо составленной книге о России». «С русским языком ознакомился он очень хорошо, — отмечал Боборыкин, — и его

²²¹ Mestni arhiv. Ljubljana. F. P. Grasselli.

²²² СПФ АРАН. Ф. 108. Д. 331. Л. 1.

²²³ *Boršnik M. Fran Celestin*. S. 153.

книга показывает, что русское общество, наши государственные и общественные порядки изучены им довольно старательно и без предубеждений»²²⁴.

Хотя многие словенские либералы разделяли новый взгляд на Россию, который проповедовал Целестин, но это совершенно не означало, что они полностью отказались от надежд на нее. Так, И. Хрибар в своих воспоминаниях рассказывает о том, как один из словенских политиков в присутствии Й. Юрчича заявил, что «австрийские славяне не имеют от России никакой пользы, что, если бы Россия захотела, она могла бы что-нибудь сделать для нас, чтобы нас здесь не так угнетали». На это Юрчич ответил: «Самая большая заслуга России перед австрийскими славянами заключается в том, что она вообще существует»²²⁵. В той или иной степени такой взгляд на Россию был характерен для многих словенских национальных деятелей как либерального, так и консервативного направлений. Несмотря на известное разочарование в России, симпатии к ней, надежды на нее у словенцев не исчезли.

---

²²⁴ *Боборыкин П.Д.* На славянском распутье // Отечественные записки. 1878. № 6. С. 204.

²²⁵ *Hribar I. Moji Spomini.* 1 Del. Ljubljana, 1928. S. 84.

Пик русофильства у словенцев (1876–1899)

В 1870-х годах начался экономический кризис в Австро-Венгрии. Он был вызван развитием капиталистических отношений, конкуренцией на мировом рынке русского, американского и аргентинского хлеба, большими налогами на крестьян, упадком деревенских подсобных промыслов (ремесел, извоза) в связи с развитием фабричной промышленности и железнодорожного сообщения. Усилению кризиса способствовала политика либерального венского правительства. В 1866 и 1868 гг. были отменены законы, ограничивавшие проценты по займам, разрешалось брать даже проценты с процентов. В 1870-е годы проценты на ссуду в Крайне достигали 250 в год. Кризису способствовала и череда неурожайных годов, начавшаяся с конца 1860-х годов.

В словенских землях кризис проходил гораздо интенсивнее, чем в других областях. Так, в Штирии, население которой на 2/3 было немецким, а на 1/3 — словенским, разорение словенских крестьян шло гораздо быстрее, чем немецких. В конце 1870-х годов 80% распродаж всех имуществ за долги падало на словенцев¹. Словенцы, основную часть которых составляли низшие слои населения (крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники), разоряемые крупным капиталом, разочарованные во властях, олицетворявших для них социально-экономическое и национальное угнетение, боялись возможной германизации, ставшей особенно реальной для них после создания в 1871 г. Германской империи. Помимо того, в начале 1870-х годов к власти в Вене

---

¹ Kardelj E. Razvoj slovenskog narodnega pitanja. Ljubljana, 1970. S. 355.

пришли немецкие либералы, которые стали проводить активную германизацию словенцев и чехов. Венское правительство поддерживало немецкие националистические организации, особенно в Штирии и Каринтии, где большинство населения было немецким по национальности, а во главе местных провинциальных правительств стояли немецкие политики.

На рубеже 70–80 годов XIX в. в Австрии возникло несколько группировок пангерманистов, из которых наибольшим успехом пользовалась группа Г. Шенерера, выступавшего как глашатай интересов мелкой немецкой буржуазии. Он в 1879 г. покинул ряды либералов, а в 1881 г. обратился с воззванием к немцам Австрии, в котором провозглашал своей конечной целью объединение немецкого народа в едином государстве. Предварительным условием этого он считал превращение Цислейтании в область с чисто немецким населением, для чего требовалась ассимиляция чехов и словенцев. Шенерер выставил проект ограничения прав крупного капитала, предлагал организовать поддержку мелких собственников города и деревни, улучшить положение рабочих, ограничив рабочий день и запретив на предприятиях детский труд. Шенерер выдвигал и демократические требования: расширение избирательного права, уменьшение налогов, сокращение армии и др. Вместе с тем пангерманисты являлись яркими националистами, что выражалось в откровенном расизме, антисемитизме и ненависти к славянам. Они выступали за укрепление связей между Австрией и Германией. Для ускоренной германизации чехов и словенцев немецкие националисты создали специальные общества Зюдмарк (Грац) и Шульферейн (Вена), которые вели активную германизаторскую политику. Зюдмарк действовало главным образом в Штирии. Оно скупало земли разорившихся словенских крестьян и поселяло на них немецких колонистов. Шульферейн проводило германизацию через учебные заведения, создавая немецкие детские учреждения (детские сады, школы), в которые

охотно принимались словенские дети на льготных условиях. Многие немецкие предприниматели требовали от своих рабочих и служащих во время переписи отказа от своей национальности. Борясь против словенских патриотов, немецкие либералы подчеркивали, что они выступают не против словенцев как народа, но против феодализма, клерикализма, реакции. Эта политика имела определенный успех в словенских землях. Так, почти полностью Словенская Крайна во время выборов в австрийский рейхсрат в 1870 г. послала в него 7 депутатов от словенской партии и 3 — от немецкой, а во время выборов 1877 г. были избраны 9 депутатов от немецкой партии и 1 — от словенской². Особенно быстро шло онемечивание в пограничных районах Штирии и Каринтии, в данных провинциях словенцы составляли примерно 1/3 всего населения.

В этих обстоятельствах словенские национальные деятели, поддерживаемые широкими народными массами, пытались найти выход из положения, опираясь на славянскую взаимность, в которой главную роль играла Россия. Эту взаимность словенцы трактовали не только как идейную солидарность в общем стремлении к национальному освобождению, но и как непосредственную взаимную помощь друг другу. Подобная ориентация была характерна как для младословенцев, так и для старословенцев.

В 1875 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Герцеговине и Боснии, послужившее началом Восточного кризиса. Повстанцы вызвали сочувствие по всей Европе. В Париже был создан Международный комитет помощи повстанцам, председателем которого избрали сербского митрополита Михаила, а вице-председателем — дьяковского архиепископа Штросмайера³. Однако деятельность комитета продолжалась недолго. Для Австро-Венгрии восстание представляло опасность. «Оно могло усилить имевшееся неудовольствие ее многочисленных славянских поддан-

² Melik V. Volitve na Slovenskem. Ljubljana, 1965. S. 211–215.

³ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 270.

ных, — пишет С.А. Никитин. — Поэтому австро-венгерское правительство стремилось к сохранению Турции и было враждебно освобождению подвластных ей славян». Русское же правительство стремилось помочь славянам и по причине своей многовековой политики оказания поддержки православному населению, проживавшему в Османской империи, и для укрепления своих международных позиций, ослабленных после поражения в Крымской войне⁴.

Словенцы, как и другие славяне Австро-Венгрии, сочувствовали сербам. В сентябре 1875 г. в Любляне был создан комитет помощи беженцам из Боснии и Герцеговины. Он занимался сбором средств для них и повстанцев. Так, Д. Трстеньяк 21 августа 1875 г. писал Бодуэну де Куртенэ, в то время являвшемуся профессором в Казанском университете, о развернувшемся среди словенцев сборе пожертвований в пользу герцеговинцев⁵. В Люблянский комитет вошли как представители младословенцев, так и представители старословенцев. По опубликованным данным, всего словенцами было собрано для беженцев 9157 гульденов 3 крейцара деньгами, большое количество санитарных материалов, одежды, обуви. Комитет помощи беженцам действовал легально. Однако имелся еще нелегальный комитет помощи повстанцам, возглавлявшийся лидерами младословенцев Й. Вошняком и Й. Юрчичем, который на свои средства покупал для повстанцев оружие и порох⁶.

Словенские политики относились к восстанию с полным сочувствием. Оно определялось не только их симпатиями к повстанцам, но и тем, что с успехами боснийско-герцеговинского восстания они связывали улучшение национального положения словенцев. «Завоеванная ими свобода будет нашей, — писал в августе 1875 г. корреспондент «Словенского народа», — так как то, что одна часть

⁴ Никитин С.А. Славянские комитеты. С. 267.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 298. Л. 17 об.

⁶ Luković P. Odnos slovenaca prema ustanku v Hercegovini i Bosni, najvažnijm dogodjajima na Balkanskom poluostrvu i rešenju bosansko-hercegovinskog pitanja 1875–1878. Sarajevo, 1977. S. 76–81.

югославян завоюет себе национальную свободу, принесет пользу всем югославянам»⁷.

В середине сентября 1875 г. «Словенски народ» опубликовал две статьи «Борьба югославянства» и «Опасность для Австрии». В них критиковалась позиция австро-венгерского правительства по отношению к созданию большого югославянского государства на Балканах. В статьях подчеркивалось, что такое государство пользовалось бы большими симпатиями славян Австро-Венгрии и было бы для них притягательным центром. За публикацию этих статей главный редактор газеты Юрчич 4 ноября 1875 г. предстал перед окружным судом Любляны. На суде он выступал смело, обвинив правительство в туркофильстве и антиславянской политике⁸. Возможно, автором этих статей являлся Г. Блаж, который в 1870–1878 гг. активно сотрудничал в газете «Словенски народ». В мае 1871 г. редактор газеты Й. Юрчич сообщал Й. Вошняку: «Среди других мне пишет из Риеки купец Блаж, самый лучший из всех внешних сотрудников “Народа”»⁹.

Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии, на успех которого сначала надеялись словенцы, тоже подробно освещалось в словенской прессе. Словенцы приветствовали и вступление в войну с Турцией в конце июня 1876 г. Сербии и Черногории. Вновь появились статьи о создании на Балканах крупного югославянского государства. Несколько десятков словенцев приняли участие в боснийско-герцеговинском восстании и в войне Сербии и Черногории против турок¹⁰. Однако подавление болгарского восстания, поражение сербов и черногорцев привели словенскую общественность к убеждению, что только с помощью России славянские народы могут освободиться от турецкого ига.

⁷ Slovenski narod. 03.08.1875.

⁸ Luković P. Odnos slovenaca... S. 73.

⁹ Kermavner D. Slovenski apostol rusofilstva. S. 557.

¹⁰ Melik V. Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. Stoletja // Zgodovinski časopis. 1974. № 3–4. S. 273.

«Нет сомнения, — писал один из видных младословенцев Янко Сернец, — что весь русский народ страстно желает войны против Турции, и не из эгоистических побуждений, но лишь потому, чтобы освободить своих братьев от четырехстолетнего ига»¹¹. «Словенски народ» выражал уверенность, что в случае русско-турецкой войны «черногорские соколы и сербы вновь начнут бой за освобождение южных славян, мощно поддержанные великой Россией»¹².

Объявление Россией войны Турции 24 апреля 1877 г. было встречено восторженно как младословенцами, так и старословенцами. «Весь славянский мир с воодушевлением и великими надеждами, с верой и с горячими пожеланиями самых больших успехов, — писал «Словенски народ» спустя несколько дней после начала войны, — приветствовал русскую освободительную армию, которая в день св. Юрия перешла Прут, чтобы уничтожить врага, четыреста лет державшего в рабстве и страшной неволе наших болгарских и сербских братьев ... Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая прольется в Болгарии, что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»¹³.

С победой России словенские либералы связывали самые смелые планы. Еще до начала войны корреспондент газеты «Словенски народ» из Петербурга пересказывал статью из консервативного издания князя В.П. Мещерского «Гражданин», в которой начало войны с Турцией трактовалось как первый шаг к победе всего славянства¹⁴. Позднее «Словенски народ» опубликовал статью хорватского русофила П. Томича, изданную ранее в хорватской газете «Приморац» (Primorac). В ней он проводил мысль о том, что решение Восточного вопроса принесет «решение также

¹¹ Slovenski narod. 23.03.1877.

¹² Slovenski narod. 03.01.1877.

¹³ Slovenski narod. 28.04.1877.

¹⁴ Slovenski narod. 11.04.1877.

чешского, польского и хорватского вопросов». К этому редакция добавляла: «с хорватским (вопросом. — *И. Ч.*) будет также решен и словенский»¹⁵.

Открыто объяснять, что редакция газеты «Словенски народ» подразумевала под решением словенского вопроса, она не могла. Но некоторые высказывания на ее страницах дают право предполагать, что в своих планах ее редакция рассчитывала на государственную самостоятельность. В июле 1877 г. в газете «Словенски народ» была помещена статья «Новое славянское государство». В ней приветствовалась деятельность России по формированию болгарской администрации и болгарской армии, в чем автор видел закладывание основ для создания будущего Болгарского государства. Статья заканчивалась словами: «Как падение Царьграда в 1453 г. стало рубежом во всемирной истории, так и уничтожение османского ига в Европе станет рубежом во всемирной истории, знаменующим собою возрождение славянства и изменение всего лица Юго-Восточной Европы»¹⁶. Под возрождением славянства и изменением всего лица Юго-Восточной Европы автор скорее всего подразумевал не его культурное возрождение, которое уже столетие шло полным ходом, а его политическое возрождение, т. е. создание славянами своих собственных государств.

Временные неудачи русской армии под Плевной изменили тон словенской прессы. Уже в августе 1877 г. «Словенски народ» поместил статью из «Дейли ньюс» (*Daily News*), в которой автор пытался проанализировать причины русских неудач. Он полагал, что они кроются в бездарности русского командования, хотя отмечал исключительную храбрость русских солдат¹⁷. Спустя несколько дней «Словенски народ» опубликовал корреспонденцию из Вены некоего «*R.*», который считал, что война затягивается из-за нехватки у русских способных генералов и допол-

¹⁵ Slovenski narod. 15.06.1877.

¹⁶ Slovenski narod. 06.07.1877.

¹⁷ Slovenski narod. 18.09.1877.

нительных ста тысяч солдат на поле боя. «R. P.» указывал, что русские военачальники вербуются по кастовому признаку: из князей, графов, сыновей высшего военного командования, чиновников. Чтобы русские военачальники были способны, их надо назначать не по происхождению, а по способностям. «R. P.» выражал уверенность, что «Россия, увидев свои ошибки, исправит их и достойно решит свою историческую задачу»¹⁸. В октябре 1877 г. в газете даже появилась статья, в которой выражалось опасение, что Россия может проиграть войну с Турцией. Некий «S-n» допускал такую возможность, но все же полагал, что и тогда война с турками не будет напрасной. Во-первых, «кровь героев, павших в бою за свободу, будет непрестанно звать к отмщению», и Россия рано или поздно снова начнет войну с Турцией и освободит славян. Во-вторых, Европа впервые смогла по-настоящему узнать славян благодаря русско-турецкой войне и оценить благородство тех, кого она считала варварами. Наконец, «наибольшая польза для славян заключается в том, что они сами признали друг друга братьями, и между ними начала развиваться действительная взаимность»¹⁹.

Словенские политики осенью 1877 г. стали гораздо скромнее оценивать перспективы для австрийских славян победы России. Кроме ее неудач на фронте, сказывалась и агитация венгерской и немецкой прессы против славянских национальных деятелей, сочувствовавших России. Их обвиняли в панславизме и антиавстрийских настроениях. Корреспондент из Гореньско (Верхней Краины) в начале сентября 1877 г. вновь поднял вопрос об Объединенной Словении, указывая, что это будет способствовать распространению просвещения, с одной стороны, а с другой — создаст крепкий заслон против итальянцев, стремящихся присоединить к себе некоторые территории Австро-Венг-

¹⁸ Slovenski narod. 23.09.1877.

¹⁹ Slovenski narod. 13.10.1877.

рии²⁰. Во второй статье тот же корреспондент призывал к сплочению Словении с Хорватией, что способствовало бы их успешной борьбе против германизации, италянизации и мадьяризации, а также созданию на юге прочной опоры для Габсбургской монархии²¹. Вопрос о русско-турецкой войне автором не затрагивался совсем, он писал только о расширении прав словенцев с помощью союза с хорватами в Австро-Венгрии.

Более откровенно говорил о стремлениях словенских либералов словенский журналист Павел Турнер, проживавший в Будапеште. В 1878–1879 гг. он писал корреспонденции в близкую славянофилам газету «Современные известия». Поскольку он мог не опасаться цензуры, он выступал достаточно откровенно. В своих статьях Турнер резко критиковал порядки в Габсбургской монархии, подчеркивая лживость тех свобод, которые провозглашала австро-венгерская конституция. «Настоящая конституция, — писал он, — построена, как известно, на единственной основной идее и с единственной целью упрочить господство в Австрии за немцами, в Венгрии — за мадьярами. Оттеснение, унижение и угнетение славян считается спасением для монархии и даже для всей Европы». В Габсбургской монархии идет постоянная борьба между народами угнетателями и народами угнетенными. «От недостатка единства воли Австрийская империя перестала быть великой державой, распалась на два второстепенных государства»²². Особую неприязнь Турнера вызывали венгры. После того как они получили относительную самостоятельность и изгнали немецких чиновников, в Венгрии было уничтожено само понятие «справедливость». «При таких условиях, — констатировал Турнер, — австро-венгерские славяне, естественно, должны стремиться к панславизму и безгранично любить все русское». В конце

²⁰ Slovenski narod. 05.09.1877.

²¹ Slovenski narod. 07.09.1877.

²² Современные известия. Москва, 1878. № 141 (25.05); № 305 (05.11); № 323 (23.11).

1878 г. Турнер высказался еще более откровенно: «Балканские славяне очень хорошо знают и чувствуют, что всем, что они есть и чем могут сделаться, они обязаны одной России. Австрийские славяне также хорошо понимают и чувствуют, что их национальное существование и дальнейшее освобождение обуславливаются сохранением могущества России»²³. Турнер указывал и способ действия для австрийских славян: славяне должны усвоить себе, что «противника, действующего насиллием, можно победить только насиллием... Равномерное угнетение славян в Австро-Венгрии соединит их всех как братьев для общей борьбы против врагов»²⁴. Все же Турнер не считал, что славяне могут самостоятельно добиться освобождения. В одной из корреспонденций он приводил высказывание некоего опытного и высоконравственного южнославянского деятеля, что под протекторатом русской нации должна быть основана большая южнославянская империя. «Россия должна вести дело к тому, — цитировал Турнер письмо вышеназванного южнославянского деятеля, — чтобы все южные славяне собирались на имперский сейм в Константинополе или, в крайнем случае, в Белграде». Далее тот же деятель выражал надежду, что Россия заключит соглашение с Ватиканом, поскольку славяне «должны сохранить и оживить христианские принципы»²⁵. Тот деятель, слова которого приводил Турнер, скорее всего был епископом Й.Ю. Штросмайером, с которым он находился в дружеских отношениях.

Симпатии к славянским народам Балкан и России, ведшим борьбу против турецких войск, были широко распространены не только среди словенской интеллигенции, но и среди простых словенцев. Корреспондент газеты «Словенски народ» из центра словенской угольной промышленности Трбовлье сообщал, что и простой крестьянин, и рудокоп, и чернорабочий с нетерпением ожидают победы

²³ Современные известия. 1878. № 177 (30.06); № 140 (10.12); № 254 (15.09).

²⁴ Современные известия. 1878. № 291 (22.10).

²⁵ Современные известия. 1878. № 340 (10.12).

русских над турками. До сих пор простые люди из Трбовель мало что слышали о русских, но теперь, читая сообщения о ходе русско-турецкой войны, «они желают нашим братьям русским самого большого счастья». Корреспондент из Трбовель указывал, что только среди «лучших кругов» имеются люди, симпатизирующие туркам²⁶. По-видимому, говоря о «лучших кругах», автор имел в виду немшкитаров, т. е. лиц словенского происхождения, поддерживавших в словенских землях немецкую партию.

Взятие 10 декабря 1877 г. русскими Плевны, осаду которой русские войска при поддержке румын вели несколько месяцев, вызвало особенное воодушевление словенцев. «Славный и радостный день сегодня для каждого славянина, — писал «Словенски народ». — Плевна пала! Уничтожены все надежды врагов славянских, которые они связывали с именем Плевны. Славен день, исторический для всего славянства и всего мира, этот день, который нам принес столь великую новость. Здесь победили дикую азиатскую храбрость славянское постоянство, славянская непреклонность, славянское будущее! Слава русским! Исход войны с падением Плевны уже предрешен»²⁷.

По всей Словении горели костры, которые словенцы зажигали по обычаю еще языческих времен в дни народных праздников. Во Внутренней Крайне (Нотраньско) словенские патриоты разожгли большой праздничный костер на горе Грмада, вокруг которого собрались все вместе, пили за братьев-славян, пели песни разных славянских народов, австрийский и русский гимны. В Радовлице в честь победы над турками горело два костра, вокруг которых веселилась молодежь. Повсюду слышались здравицы в честь русского народа, принесшего много жертв для освобождения славян. В Шент Петре в честь взятия Плевны жгли костры и пускали фейерверки²⁸. В Горице и ее округе — Дорнберге,

²⁶ Slovenski narod. 06.10.1877.

²⁷ Slovenski narod. 12.12.1877.

²⁸ Slovenski narod. 18.12.1877.

Черничихах, Квишком, Локавце — молодежь тоже жгла костры, пела славянские песни. В Мозирье (Савиньская долина) члены словенской читальни иллюминировали свое помещение, устроили праздник, на котором пили за здоровье «храбрых и героических русских, предводителей южных славян»²⁹. Патриотически настроенные словенцы и хорваты из Копера устроили экскурсию в ближайшую словенскую деревню. «Собрались около нас жители, — сообщал участник экскурсии, — и слушали с открытыми ртами песни, здравицы освободителю бедной райи и речь словенского кандидата о русско-турецкой войне и падении Плевны. Народ был сильно воодушевлен русскими»³⁰. В Черномеле все дома, кроме домов чиновников, были иллюминированы; в ближайшей от него деревне Лока зажгли огромный костер и пускали фейерверки. По домам парни расходились с песней «Гей, славяне»³¹. Взятие Плевны словенцы отметили как свой национальный праздник.

В словенской печати прославлялись мужество и отвага русских солдат. В статье «Словенского офицера» «Краткий обзор русско-турецкой войны в Европе и ее характер» автор высоко оценивал боевые качества русской армии. Подчеркивая, что при Шипке русские сражались «храбрее спартанцев при Фермопилах», он утверждал, что в прошедшей войне «русский солдат доказал, что его нужно считать первым среди солдат всех государств в отношении храбрости, стойкости, умения, когда нужно, идти на самопожертвование ради родины»³².

Радостно приветствовали словенцы и заключение Сан-Стефанского мира. Однако против него решительно выступили европейские державы, прежде всего Австро-Венгрия и Англия. Уже в декабре 1877 г. в связи с продвижением русских войск к Константинополю (Стамбулу) англичане

²⁹ Slovenski narod. 16.12.1877.

³⁰ Slovenski narod. 19.12.1877.

³¹ Slovenski narod. 03.01.1878.

³² Slovenski narod. 10.03.1878.

стали угрожать России введением своего флота в проливы. 19 (31) января русский посол в Вене Е.П. Новиков с опасением сообщал об идентичности взглядов австрийских дипломатических кругов со взглядами англичан³³. Используя затруднительное положение России в связи с угрозой Англии, Австро-Венгрия стала активно готовиться к оккупации Боснии и Герцеговины, решительно протестуя против создания на Балканах сильного славянского государства³⁴.

Эти события широко комментировались европейской прессой. Много писали об этом и словенские журналисты. Теперь они уже не строили планы создания славянских государств, а в своих статьях подчеркивали необходимость союза Австро-Венгрии с Россией. «Влияние и силу на Востоке Австрия может иметь только в дружбе с Россией, — утверждал «Словенски народ». — Для этой дружбы Австрии нужно добиться симпатий славян Балканского полуострова, а также и своих собственных славян»³⁵.

Еще резче против политики Австро-Венгрии по отношению к России выступил на одном из заседаний рейхсрата словенский депутат Й. Вошняк. Он заявил, что война Австрии против России была бы воспринята как «удар кулаком в лицо 16 млн австрийских славян, она бы стала началом конца Австрии»³⁶. Ту же мысль Вошняк повторил и в другой своей речи 7 июня 1878 г., выступая в защиту Сан-Стефанского договора. Он подчеркнул: «Славяне были бы против всякой акции, которая могла бы повредить нашим братьям в Турции, и никогда австрийские славяне не отдали бы своего имущества и своей крови на то, чтобы разрушенное турецкое господство продолжалось и далее». Вошняк снова утверждал, что любое действие Австрии в пользу сохранения Турции являлось бы самоубийством для Австрийского государства³⁷.

³³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 2. М., 1964. С. 429.

³⁴ Там же. С. 491, 512.

³⁵ Slovenski narod. 08.03.1878.

³⁶ Melik V. Slovenska politika. S. 275.

³⁷ Slovenski narod. 16.06.1878.

Трения между Россией и Австро-Венгрией словенские политики пытались объяснить венгерскими кознями, прежде всего министра иностранных дел Д. Андраши, которого они ненавидели как одного из создателей системы дуализма. Вошняк, например, прямо заявлял, что опасность для Австрии заключается в том, что в один из важнейших моментов ее истории «во главе нашего правительства стоит человек, который руководствуется только венгерскими племенными интересами, а не пользой для всей Австрии»³⁸. Обвиняя венгров в антиславянской политике, словенские либералы снимали с Габсбургов ответственность за поддержку Турции.

Словенские публицисты стремились подчеркнуть, что против войны Австрии с Россией выступает не только интеллигенция, но и крестьяне. «Когда наши крестьяне слышат о войне с Россией, — писал корреспондент газеты «Словенски народ» из Краса, — в которую нас хотят втянуть наши мадьяры, они смеются над этим желанием как над детским лепетом ... Русско-турецкая война сильно повлияла на нашего крестьянина. Крестьяне питают священное уважение к русскому народу, не поддающееся описанию. Как думают высокоученые господа, так думает и необразованный, никем не уважаемый мужичок»³⁹.

Причины такого сочувствия словенцев борьбе славянских народов Балкан и русской армии против турок совершенно справедливо объясняет В. Мелик. События на Балканах, отмечает он, стали для словенцев неотъемлемой частью их собственной политической борьбы, поскольку симпатии немецкой партии и правительственных кругов были на стороне турок, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение — также и словенским поражением»⁴⁰.

³⁸ Slovenski narod. 16.06.1878.

³⁹ Slovenski narod. 29.03.1878.

⁴⁰ Melik V. Slovenska politika. S. 272.

Победа в войне значительно подняла авторитет России не только среди словенской интеллигенции, но и среди широких трудящихся масс. «Русский в глазах нашего крестьянина, — писал корреспондент из Краса, — храбрый силач, которого никто не может победить»⁴¹. Во время таборов простые словенцы познакомились с Россией, во время русско-турецкой войны они прониклись симпатией к ней, увидев ее помощь балканским славянам и надеясь в дальнейшем получить от нее поддержку своих национальных требований.

Выступление практически всех европейских держав против попыток России в полной мере воспользоваться своей победой над Турцией значительно уменьшило надежды словенских политиков на скорое освобождение с ее помощью. В газете «Словенски народ» уже не встречались заявления о том, что победа русского оружия принесет немедленные плоды для славян Габсбургской монархии. Там была помещена статья лидера старочехов Ф. Ригера, в которой он заявлял, что в ближайший год славянский вопрос не будет решен полностью, что русско-турецкая война принесет свободу только балканским славянам, а для австрийских славян она создаст условия, которые они затем смогут использовать в своих интересах⁴². С этой точкой зрения, по-видимому, была согласна и редакция, поскольку никаких комментариев к этой статье она не дала. Уже упоминавшийся корреспондент «S-n» в статье «Над Балканами восходит солнце» приветствовал освобождение славян от турецкого ига. Он подчеркивал, что только во время русско-турецкой войны идея славянской взаимности стала плодотворной. «Могучий русский народ взял на себя гигантскую задачу спасти балканских славян от рабства и освобожденных ввести в славянскую семью»⁴³. Указывая на роль русско-турецкой войны в укреплении славянской взаимности, «S-n»

⁴¹ Slovenski narod. 19.03.1878.

⁴² Slovenski narod. 09.01.1878.

⁴³ Slovenski narod. 17.01.1878.

ничего не сказал о значении ее для словенцев. Этот вопрос попытался осветить корреспондент из Верхней Крайны. Он указывал, что освобождение Балкан от турецкого ига открыло туда торговые пути. Корреспондент призывал словенцев взять в свои руки посредническую торговлю между освобожденными славянскими землями и Европой⁴⁴.

Анонимный «Словенский офицер» рассматривал победу России с политической точки зрения. Ее главное значение он видел в распространении идей славянской общности: «Великая идея распространилась далеко. Как во дворце, так и в крестьянской хижине чувствуется воодушевление ею, весь славянский мир осознал свою национальность, величину и силу славянства». «Словенский офицер» выражал надежду на быстрое экономическое и культурное развитие Балкан⁴⁵.

Корреспондент из Триеста вообще не писал о политических надеждах. Он просто призывал словенцев учить русский язык, подчеркивая, что для триестских словенцев это особенно важно. «Торговый город Триест, — указывал он, — имеет особенно много связей с великой Россией». Вместе с тем переписка с русскими ведется на итальянском или французском языках. Русский язык скоро станет мировым, и его должен знать каждый, кто имеет с нею торговые сношения. Автор корреспонденции удивлялся, почему словенцы учатся итальянскому, немецкому, французскому, английскому языкам, «а языка наиболее близкого нам, на котором говорит самый большой братский нам народ в Европе, языка, который имеет прекрасную, великую и развитую литературу, огромное количество научных трудов и прекрасную беллетристику, все то, чем гордятся первые европейские народы, этого языка мы не знаем». Корреспондент предлагал, чтобы каждое национальное общество вменяло в обязанность своим членам изучать русский язык. Это нетрудно, потому что русский язык, как и словен-

⁴⁴ Slovenski narod. 15.02.1878.

⁴⁵ Slovenski narod. 12.03.1878.

ский, является славянским языком. «Познаем же славяне друг друга, обопремся лучше брат на брата, чем на иноземца». Тогда и другие народы будут уважать славян⁴⁶.

Таким образом, если в начале русско-турецкой войны словенские либералы возлагали надежды на серьезное улучшение национального положения словенцев, вплоть до освобождения от немецкого гнета, то к концу войны их надежды свелись к констатации распространения идей славянской взаимности в народе, призыва изучать русский язык и к мечтам об участии словенцев в посреднической торговле между Балканами и Европой. Причины этого поворота словенские либералы очень четко осознавали. «Некто» в статье «Взгляд на Балканы» делал вполне резонный вывод: «В этой битве мы видели начало славянской федерации, т.е. объединения славянских сил в достижении общей славянской цели, и видели также действия во имя человечности и цивилизации». Однако, по мнению «Некто», сбыться всем этим надеждам помешала Европа, не разрешившая сначала русским войти в Константинополь, а затем наложившая «вето» на Сан-Стефанский договор⁴⁷.

По настоянию Англии и Австро-Венгрии на Берлинском конгрессе 1878 г. между Россией и Турцией был заключен Берлинский трактат, в значительной мере урезывавший территорию Болгарии по сравнению с Сан-Стефанским мирным договором. Южная Болгария превращалась в автономную область в пределах Османской империи, Македония и Фракия снова отошли к Турции, Босния и Герцеговина переходили под временное управление Австро-Венгрии. Последнее устраивало как словенских консерваторов, так и словенских либералов, которые считали, что увеличение славянского населения в Австро-Венгрии даст славянам возможность более успешно бороться за свои права. 5 октября 1878 г. все словенские депутаты крайнего провинциального собрания направили Францу Иосифу адрес, в

⁴⁶ Slovenski narod. 05.04.1878.

⁴⁷ Slovenski narod. 01.11.1878.

котором выражали благодарность за оккупацию Боснии и Герцеговины. В этом же адресе содержалась просьба улучшить избирательную систему и в очередной раз поднимался вопрос о создании Объединенной Словении⁴⁸. Любопытный момент: большинство немецких либералов выступило против присоединения Боснии и Герцеговины к габсбургским владениям из-за опасения увеличения славянского населения в государстве.

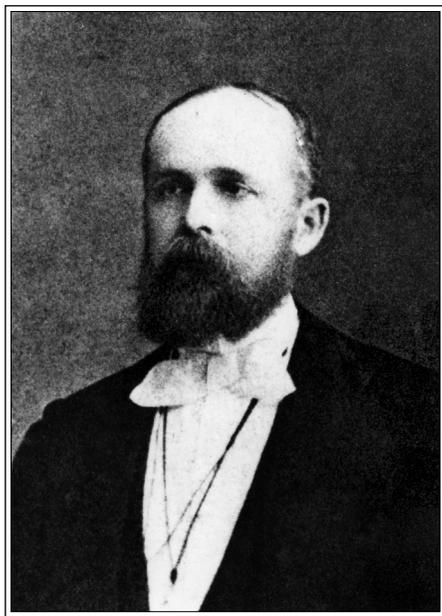
* * *

Несмотря на то что надежды словенских национальных деятелей на освобождение словенцев отодвинулись на неопределенное время, эти надежды приобрели реальные очертания. Prestиж России в их глазах поднялся на небывалую высоту. Освобождение славянских народов Балкан Россией от турецкого ига, воссоздание сербами, болгарами, черногорцами своей государственности давали мечтам и проектам словенцев реальное направление. Вера в освободительную миссию России окрепла.

Первым с открыто русофильских позиций выступил Ф. Целестин, тот самый, который в 1875 г. выпустил книгу, направленную против российских порядков. С 1881 г. в Любляне стал выходить литературный журнал «Люблянски звон», редактором которого стал Ф. Левец. Русскую тематику в нем вел Целестин. Взгляды его в 1880-е годы во многом соответствовали взглядам русских славянофилов. Как и они, Целестин исходил из положения, что славянство представляет собою особый культурный тип. При этом православные славяне сохраняют черты славянского типа в большей степени, чем католические, которые утратили часть славянских черт. Западная буржуазная цивилизация была ненавистна Целестину. «Капитализм, — писал он 20 декабря 1881 г. Ф. Левцу, — бессердечная эксплуатация целых народов со стороны капиталистов, которые пожирают

⁴⁸ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. S. 202.*

сначала мелких собственников, а потом и крупных, что увеличивает число социальных рабов... Капитализм, развивающийся согласно своей природной тенденции, грозит, по моему глубокому убеждению, цивилизации вообще»⁴⁹. Целестин полностью поддерживал лозунги Великой французской революции, однако считал, что они так и не были осуществлены буржуазией. Для славян Целестин видел выход в «постоянном прогрессе не только господствующих классов, как это было и есть на Западе, но всего славянского мира в целом, вплоть до самых низших слоев»⁵⁰.

Фран Целестин

На страницах журнала «Люблянски звон» Целестин рассказывал о выдающихся русских деятелях. Он высоко оценивал деятельность В.Г. Белинского, отмечая, что он всю свою жизнь «страстно стремился к свободе мысли и жизни, как условию здорового прогресса»⁵¹, и видел спасение России «в успехах цивилизации, просвещения, человечности, в пробуждении у народа чувства человеческого достоинства»⁵². Но Целестина не устраивал «космополитизм» великого русского демократа. Он объяснял это преувеличением со стороны Белинского роли личной свободы, некритичным его отношением к Западу. Высоко ставил

⁴⁹ *Boršnik M.* Fran Celestin. S. 178

⁵⁰ *Ljubljanski zvon.* 1887. № 11. S. 680.

⁵¹ *Ljubljanski zvon.* 1886. № 4. S. 225.

⁵² *Ibid.* S. 223.

Целестин и других «западников» 1840-х годов: К.Д. Кавелина, Н.В. Станкевича, Т.Н. Грановского и особенно А.И. Герцена, указывая, что они «хотели служить обществу, народу»⁵³.

Наибольшие симпатии у Целестина вызывали славянофилы. Он их уважал за то, что они призывали общество «любить весь народ и заниматься также и положением самых низших народных слоев, и такой важной и интересной русской общиной (миром)»⁵⁴. Целестин признавал заслуги К.С. Аксакова в развитии славянофильской теории, но значительно выше ставил деятельность его брата — И.С. Аксакова, который, по его мнению, много сделал для отмены крепостного права и «с таким ясным сознанием и без всяких предрассудков, такой горячей любовью любил все славянство»⁵⁵. Особенно высоко оценивал Целестин деятельность И.С. Аксакова в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Наряду с В.Г. Белинским и И.С. Аксаковым Целестин восхвалял и консервативного журналиста М.Н. Каткова. «Он любил царя и отечество, — писал Целестин о Каткове, — был полезен царю, будил патриотизм, любил славянство и все благородное в человечестве»⁵⁶. В Белинском Целестина привлекала его любовь к угнетенным, в И.С. Аксакове — интерес к общине и сочувствие славянам, в Каткове — его национализм.

Целестин во многом являлся последователем славянофилов. Но он не был безусловным сторонником всех их взглядов. 17 июня 1883 г. Целестин изложил свою позицию М.Ф. Раевскому в ответ на письмо последнего от 9 мая 1883 г. Суть его Раевский изложил в письме к профессору Киевской духовной академии А.Д. Воронову. «Недавно я писал к хорватам (Раевский считал Целестина хорватом

⁵³ Ljubljanski zvon. 1886. № 1. S. 40–41; № 2. S. 102.

⁵⁴ Ljubljanski zvon. 1886. № 3. S. 170.

⁵⁵ Ibid. S. 169.

⁵⁶ Ljubljanski zvon. 1887. № 9. S. 539–546.

из-за его работы в Загребском университете. — *И. Ч.*) послание, — сообщал он Воронову, — некоторыми вопросами к стене их прижал, именно, что у них нет национальности, что обычаи их немецко-католические, совсем не такие, как у православных ...славян, что культуру свою они сами называют западной, что в руках Рима они вечно служили и служат орудием в пользу немцев, что у них нет, как у католиков, опоры в славянстве, что им никогда не дадут сделаться самостоятельными»⁵⁷. «Я верю, что славянство не проживет даром, — отвечал Целестин Раевскому, — не внеся своей самобытной доли в культурную жизнь. Но это “что-то другое, чего на Западе и у нас нет” (как Вы изволили выразиться), хотел бы я видеть более определенным, чтобы Россия и остальное славянство могли все более приближаться [к] этой ясно осознаваемой ... правде». Сам Целестин полагал, что у православных славян, особенно у русских, есть элементы, необходимые для выполнения своей мировой задачи, но вместе с тем отмечал, что в России «процесс ассимиляции с Западом в политической и экономической жизни — к моему очень большому сожалению — идет так быстро вперед», что он, Целестин, боится за их сохранность. «Русская самобытность, — продолжал Целестин, — находится под двойным сильнейшим давлением: с одной стороны, под давлением всей западной цивилизации, а с другой — течением своей домашней жизни, которая, к сожалению, в слишком многих — очень важных — отношениях идет как западная». Целестин предвидел, что «западный капитализм, а с ним все прелести, которыми и на Западе не восхищаемся, будут водворяться с еще большей силой, нежели это бывает теперь». Целестин был уверен, что Россия, пойдя по капиталистическому пути, не пропадет, но она в этом случае испытает лишние мучения»⁵⁸. Спустя три года Целестин желал славянофилам в России крепнуть и увеличивать свои ряды, «но без непродуктивного романтизма и мистицизма

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф.347.

⁵⁸ Зарубежные славяне и Россия. С. 459, 460.

... и без этого самодовольства и самохвальства, без этой слишком большой влюбленности в самих себя, которые так ограничивают национальное развитие и прогресс и вредят национальной жизни вообще»⁵⁹.

Первым печатным органом, в котором русофилы играли решающую роль, стала литературная газета «Слован» (Slovan), издававшаяся И. Хрибаром и И. Тавчаром в 1884–1887 гг. Тавчар выразился в беседе с Ф. Левцем, что целью «Слована», с одной стороны, является проведение радикальной политики, а с другой — содействие публикации переводов произведений писателей других славянских народов.

Говоря о необходимости радикальной политики, Тавчар имел в виду изменившиеся политические обстоятельства. В 1879 г. в Вене к власти пришли консерваторы во главе с Э. Таафе. Умеренный консерватор, он предоставил некоторые права славянам, ослабив тем самым германизаторский натиск на них. Он проводил политику некоторых национальных уступок славянам и итальянцам и этим добился их поддержки в рейхсрате. Словенские депутаты рейхсрата, как и депутаты многих других славянских народов, вошли в клуб Гогенварта, поддерживавший правительство. На протяжении всех 14 лет правления Таафе его поддерживали все словенские консервативные политики и большинство либеральных. Оппортунистическая политика руководства словенских либералов, которых прозвали эластичарами, активно сотрудничавших с правительством и с консерваторами, вызвала недовольство ряда словенских либералов, которые получили в историографии название «радикаль», требовавших проведения более активной национальной политики. Во главе них встали банкир Иван Хрибар и писатель Иван Тавчар. Они-то и явились учредителями и редакторами «Слована». В целом они поддерживали политику Таафе, но одновременно проводили

⁵⁹ Ljubljanski zvon. 1886. S. 280.

линию в известной степени оппозиционную эластичарам. Ф. Левец, редактор журнала «Люблянски звон», не одобрял действия радикалов. В письме к своему единомышленнику, писателю Я. Керснику, в декабре 1883 г. он жаловался, что люблянские радикалы во главе с Тавчаром, Железникаром, Зарником объявили бой эластичарам, что новорожденный «Слован» все более показывает когти «Люблянскому звону», что «Слована» поддерживают Г. Крек, Д. Трстеняк, Б. Раич. В начале 1884 г., в связи с потерей части подписчиков, ушедших к «Словану», а также с укреплением позиций Хрибара в люблянском магистрате, Левец впал в паническое состояние, утверждая в письме к Керснику от 19 апреля 1884 г., что еще немного — и в Любляне произойдет Парижская коммуна⁶⁰. Неприязненное отношение к Хрибару и другим радикалам сохранилось у Левца и спустя много лет после закрытия «Слована». Помимо прочего, такой неприязни содействовала боязнь конкуренции с его стороны журналу «Люблянски звон».

Вторая цель «Слована», указанная Тавчаром в разговоре с Левцом, определялась Хрибаром в его воспоминаниях более четко. «Я хотел словенцев познакомить с жизнью других славянских народов, — писал он, — и таким образом будить в них чувство славянской взаимности»⁶¹. Уже само название газеты «Слован» было символичным. Оно не только подчеркивало «всеславянскую» идейную направленность газеты, но и указывало на ее преемственность по отношению к газете Маяра «Славян». Духовная преемственность идей Маяра видна и из двух статей о нем, помещенных в газете. В первой из них Маяр характеризовался как искренний патриот, которому только в будущем история отдаст заслуженное место и воздаст причитающиеся ему почести⁶². Другая статья была опубликована в связи с приездом в Прагу словенской делегации для празднования 1000-ле-

⁶⁰ *Levec F. Pisma. Ljubljana, 1967. S. 131–138, 150.*

⁶¹ *Hribar I. Moji spomini. D. 1. Ljubljana, 1928. S. 106.*

⁶² *Slovan. 1884. № 27. S. 211, 212.*

тия со дня смерти Мефодия. В этой статье Маяр оценивался как один из лучших сынов словенской земли, как один из первых славянских будителей. О его газете «Славян» писали, что она в течение трех лет воодушевляла славян идеей славянской взаимности. «Докажем, — призывал автор статьи, — что идея славянской взаимности, которой он посвятил свою жизнь, стала плотью и сопровождала нас на пути в братскую чешскую землю». По всей вероятности, автором второй статьи был Хрибар. Именно он подал словенской делегации мысль посетить «своего дорогого соотечественника» Матию Маяра и устроить в его честь банкет⁶³.

В программе «Слована» говорилось, что славяне являются единым народом, что «словенский народ — только малая часть всего славянства, подобная изолированному озеру, которое постепенно высохнет, если не получит притока из великого славянского моря»⁶⁴. «Слован» много писал о культуре и политике разных славянских народов, особенно большое внимание уделял России. В его программе указывалось, что славянское самосознание необходимо словенцам для успешной борьбы с врагами. «Для этого, — отмечалось в ней, — мы создали «Слован», который, прежде всего, будет защищать целостность всего словенского народа, а во-вторых, возбуждать славянское самосознание и славянскую гордость в широком смысле этого слова, чтобы всякий словенец гордился тем, что является членом великой и славной славянской семьи». Газета обещала освещать политические, экономические и культурные вопросы, рассказывать о сербах, хорватах, болгарях, поляках, чехах, русских⁶⁵.

На первое место «Слован» ставил борьбу за «целостность всего словенского народа», то есть за Объединенную Словению. Хотя в «Словане» мало писали о политике, некоторые опубликованные в нем материалы дают возможность полагать, что он стремились к тому, чтобы Австро-Венгрия

⁶³ Slovan. 1884. № 20. S. 311.

⁶⁴ Slovan. 1884. № 1. S. 1.

⁶⁵ Ibid.

стала славянским государством. Так, в газете под портретами Александра III и Франца Иосифа была помещена заметка, в которой говорилось: «Естественное развитие таково, что Австрия должна стать славянским государством»⁶⁶. Австрославизм радикалов отмечает и Д. Кермавнер⁶⁷.

Вместе с тем уже в программной статье «Слован» высказывал сомнение, что словенцы могут удовлетворить свои национальные требования с помощью правительства. Борьбу за свои права словенцы ведут конституционными методами, но она не дает результатов. «Мы, следовательно, видим, — продолжала газета, — что помощи от правительства нет ... При этом мы не являемся в принципе врагами правительству: все, что оно сделает хорошего для нашего народа, мы рады поддержать». И все же «Слован» советовал словенцам надеяться на самих себя. «Мы убеждены, что можем многого достичь сами»⁶⁸.

Славянским вопросам «Слован» уделял значительное внимание. Особенно его интересовала Россия и ее культура. Он поместил на своих страницах ряд статей о русских писателях, написанных Целестином. Из русских общественных течений «Слован» особенно привлекали славянофилы. В нем была перепечатана статья из журнала, издававшегося Хорватской Матицей «Виенац» (*Vienac zabavi i rouci*) о И.С. Аксакове. В статье превозносилась партия славянофилов. Она, по мнению ее автора, впервые обратила внимание русской общественности на самую важную часть народа, а именно на крестьянское сословие, показав его обычаи, способ мышления, характер и потребности. Славянофилы указали на гигантские различия в русском обществе и предложили способ их уничтожения. «Изучая свой народ, — говорилось в статье, — узнала эта партия естественным образом также родственные, славянские племена, которые также пробудились к новой духовной жизни

⁶⁶ Slovan. 1885. № 19. S. 264.

⁶⁷ *Kermavner D. Slovenska politika*. S. 278.

⁶⁸ Slovan. 1884. № 1. S. 1.

в первой половине нашего столетия. Те чувства, которые эта партия питала к русскому народу, она перенесла также на другие славянские племена»⁶⁹. Таким образом, славянофилы рисовались автором «Виенаца» (а также и редакцией «Слована») как партия, имеющая влияние в обществе, горячо сочувствовавшая крестьянам, а также и славянам, партия, которая знает, как уничтожить различия между высшими классами и народом. Последнее было особенно привлекательно для мелкобуржуазных словенских деятелей, мечтавших о гармонии внутри общества.

Вопрос о церкви тоже рассматривался журналом «Слован». В статье «Национальная церковь» «Словенский священник» доказывал, что она необязательно должна быть православной. Он выступал за введение славянской литургии в церкви при подчинении ее римскому Папе. За это боролся в течение многих лет и хорватский архиепископ и руководитель хорватской Национально-либеральной партии Йосип Юрай Штросмайер. По-видимому, взгляды на церковный вопрос совпадали у некоторых радикалов со взглядами Штросмайера.

Именно со времени издания «Слована» в первые ряды словенских политиков вошел Иван Хрибар (1851–1941). Он происходил из крестьянской семьи, в 1870 г. стал служащим филиала чешского банка Славия в Любляне, а с 1876 г. уже возглавлял его. В 1882 г. его впервые избрали в Совет общины Любляны, в 1896–1910 гг. он являлся жупаном (бургомистром) Любляны. За это время, благодаря его усилиям, она превратилась в современный город⁷⁰. В 1889–1908 гг. Хрибар был депутатом крайнского провинциального собрания, в 1907–1911 гг. — депутатом венского рейхсрата.

В своих воспоминаниях Хрибар объяснил свой особый интерес к России: «...потому что я ее считал непобедимой

⁶⁹ Slovan. 1884. № 17. S. 131, 132.

⁷⁰ Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 2011. С. 110.

представительницей неисчерпаемой славянской мощи и ... страной невероятных природных богатств». Во время своих путешествий по России, совершенных в 1899, 1900, 1903 гг., он посетил не только Петроград, Москву и Варшаву, но и Кавказ, и Поволжье. Особое впечатление на него произвело путешествие в 1903 г., которое продолжалось два месяца. «Это было самое прекрасное путешествие в моей жизни, — вспоминал Хрибар. — Такого и столького разнообразия обычаев и жизни, которое развернулось передо мною, можно найти только на огромных просторах России. И особенно радовало мое сердце, воодушевляло гордостью сознание, что на всем этом величии лежит печать славянской культуры»⁷¹.

Уже первая поездка Хрибара в Россию вызвала резкое неудовольствие местных властей. После возвращения на родину в 1899 г. у него произошел откровенный разговор с главой Крайны бароном В. Хайном. Хайн заявил Хрибару, что не верит, что он имел своею единственной целью знакомство с Россией, поскольку он встречался с некоторыми панславистами. Хрибар отклонил обвинения Хайна, подчеркнув, что в России он не стремился завязать какие-либо политические связи⁷².

Не только Россия интересовала Хрибара. Он старался ознакомиться и с другими славянами. Так, в 1870 г. он посетил Белград, в 1888 г. — Сербию и Болгарию, в 1889 г. — Черногорию, польские земли Габсбургской монархии⁷³.

В 1870–1880-е годы Хрибар пытался наладить отношения с некоторыми русскими учеными-славистами. Так, в 1874 г. он отправил письмо В.И. Ламанскому, предложив написать статью для «Славянского сборника», издававшегося в России, «о нравственной жизни и естественных способностях словенского народа». Это письмо, как и все другие письма русским корреспондентам, Хрибар писал

⁷¹ *Hribar I. Moji spomini. D. 1. S. 229, 230.*

⁷² *Кириллина Л.А. Иван Хрибар и Россия. С. 113.*

⁷³ *Grdina I. Ivan Hribar, «jedini resnični radikalec slovenski» // Hribarjev zbornik. Ljubljana, 2010. S. 49.*

на русском языке. В приведенных цитатах сохраняется орфография Хрибара. Первое письмо осталось без ответа. Через 13 лет Хрибар возобновил переписку с Ламанским. «Мой друг Мартин Матвеевич Хостник (Круторогов), — писал он 30 сентября 1887 г., — просил меня подослать к Вам список всех словенских периодических изданий до (для. — *И. Ч.*) опубликования в «Известиях»... Имею честь в удовлетворение этого желания приложить таковой список ...Изучение русского языка у нас идет довольно вперед. За две генерации — я, смотря на историю славянства, пессимист, — наверно, не будет интеллигентного словенца, который не познавал бы русского языка и не мог бы черпать непосредственно из русской литературы». В третьем письме от 23 марта 1894 г. Хрибар сообщал, что он выполнил просьбу русского ученого и передал его письмо П.А. Кулаковскому. Наконец, четвертое письмо Ламанскому от 11 декабря 1895 г. было посвящено нескольким сюжетам. В нем говорилось о высылке ему словенско-немецкого словаря М. Плелершника, о согласии Словенской Матицы и Музейного общества Словении посылать русскому ученому свои издания в обмен на этнографический журнал «Живая старина», редактором которого являлся Ламанский⁷⁴. Интерес к Ламанскому можно объяснить тем, что его концепция о превращении русского языка в язык межславянского общения отвечала взглядам Хрибара на конкретные формы славянской взаимности.

В 1880-е годы Хрибар стал активно заниматься распространением русского языка и культуры в словенских землях. 15 апреля 1885 г. он писал в С.-Петербургское Славянское благотворительное общество: «Распространение русских книг между западными славянами должно быть главной задачей Славянского благотворительного общества. Западные славяне, особенно мы, словенцы и хорваты, начали очень настойчиво изучать русский язык, но кни-

⁷⁴ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 502, 503.

гопродавние отношения у нас столь грустные, что прежде возможно получить у книгопродавца тысячу немецких, чем одну русскую книгу. Не смотря к тому, русские книги и очень дорогие и потому особенно у учащейся молодежи очень усердно занимающейся с изучением русского языка, но не распоряжающей обыкновенно материальными средствами, невозможно покупать русские книги. Я разделяю каждый год по нашим гимназиям и между университетскими слушатели несколько русских книг, но требование так велико, что мене невозможно удовлетворить ни десятой части просящих». Хрибар просил Славянское общество прислать книг, чтобы он мог бесплатно раздавать их студентам. «Результат уже тепер видим, — заканчивал свое письмо Хрибар, — ибо нет почти ни одного словенского гимназического абитуриента, который б не читал русских книг в оригинале, а это для будущности славянства дело многозначущее».

22 сентября 1885 г. Хрибар благодарил Славянское общество за присланные книги. «С раздачею я начну завтра, — отмечал он, — потому что только тепер сехались студенты с вакаций по городам. Я позабочусь, чтобы на всякой гимназии собрался кружок учеников с целию изучения русского языка и чтобы этие ученики под конец всякого года с перевода из русских книг доказали, что успевали в своем предприятии»⁷⁵.

В 1895 г. в Любляне произошло страшное землетрясение, в результате которого одна десятая домов в городе была полностью разрушена. С просьбой помочь люблянцам к Славянскому благотворительному обществу обратился Хрибар, поддержанный профессором Варшавского университета П.А. Кулаковским и ректором Юрьевского университета А.С. Будиловичем. Общество послало 500 руб.⁷⁶.

Уже в начале 1880-х годов имя Хрибара появляется на страницах русской печати. В «Известиях С.-Петербург-

⁷⁵ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 504–505.

⁷⁶ Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия. С. 112.

ского Славянского благотворительного общества» (1883–1910) всегда уделялось значительное место сообщениям о славянских народах. В 1884 г. там была помещена статья «К. Г.» «Из воспоминаний о Любляне». «К. Г.» указывал, что с 1884 г. Иван Хрибар, «один из самых образованных и энергических молодых патриотов», издает газету «Слован»⁷⁷.

Просуществовав 4 года, «Слован» был закрыт, принесся ее издателям 1300 гульденов убытку, как пишет в своих воспоминаниях И. Хрибар⁷⁸. Приятель и Кермавнер считают, что главной причиной этого была его недостаточная популярность у подписчиков. Но следует, на наш взгляд, отметить еще одну причину его закрытия. С конца 1887 г. австрийские власти и католическая церковь начали гонения на словенских русофилов.

«Слован» уделял главное внимание культурным вопросам. Политические взгляды радикалов освещались на страницах главной газеты либералов «Словенски народ». Она находилась под контролем Хрибара, который был директором Национальной типографии. Главными публицистами «Словенского народа» являлись Ф. Подгорник и Д. Хостник. Подгорник освещал внутреннюю политику Австрии, борьбу словенцев за свои права. Хостник, подписывавшийся «Круторогов», публиковал корреспонденции о России.

Даворин (Мартин Матвеевич) Хостник (1853–1929) родился в зажиточной крестьянской семье в Нижней Крайне, учился в Цельской гимназии, которую вынужден был оставить, несмотря на блестящую учебу. В 1872–1873 гг. сотрудничал в газете «Словенски народ», затем поступил на военную службу. Сдав экзамены на аттестат зрелости в 1877 г., в 1878 г. поступил на филологический факультет Венского университета. Там принял активное участие в создании всеславянского альманаха, выпущенного в 1879 г. и вызвавшем неодобрение австрийского правительства. Хостник вынужден был оставить университет и в 1879 г.

⁷⁷ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1884. № 4. С. 22.

⁷⁸ *Hribar I. Moji spomini*. S. 88.

тайно уехать в Россию, где в 1880 г. сдал экстерном экзамены в Харьковском университете, получив русский диплом. После этого он стал учителем немецкого и французского языков, сначала — в прогимназии Борисоглебска, затем — в прогимназии уездного городка Курской губернии Рыльска. В последнем он проработал более 40 лет.

Интерес к России у Хостника возник еще в гимназические годы. В марте 1874 г. он написал письмо Бодуэну де Куртенэ, в котором просил указать, с помощью каких книг он сможет выучить русский язык, который хотел бы знать не хуже родного. Через три года Хостник снова обратился к Бодуэну де Куртенэ с просьбой помочь ему получить русскую стипендию в Лейпцигском университете для изучения древнегреческого языка и латыни, чтобы затем отправиться в Россию в качестве учителя древних языков в гимназии⁷⁹.

Уже на родине у Хостника сформировались русофильские убеждения, которые он спустя 18 лет пребывания в России откровенно сформулировал в письме к сыну своего покойного друга А. Забрета. «Пусть (словенцы. — *И. Ч.*) примкнут к славянству, — писал он, — пусть они знают, что только в нем их спасение, пусть полностью отвергнут все, что их связывает с немцами, этими заклятыми их врагами, ... пусть не думают, что сами, одни, смогут что-то сделать, но все славянство должно объединиться, если на него нападут все немцы»⁸⁰.

Несмотря на отдаленность Рыльска от крупных культурных центров, Хостник не прерывал связей с родиной. Он не только активно переписывался с друзьями, но и являлся корреспондентом словенских либеральных изданий. Особенно известным и в какой-то степени судьбоносным явилось его сотрудничество в «Словенском народе» с марта 1886 г. по ноябрь 1887 г. Статьи Хостника сыграли известную роль в формировании словенской русофильской

⁷⁹ СПФ АРАН. Ф. 102. Оп. 2. Д. 326. Л. 1 об, 2, 9.

⁸⁰ NUK. Rokopisna zbirka. In. Št. 104 54.

идеологии. Его публицистическая деятельность была отмечена И. Приятелем. «Круторогов, — писал он, — в этом году (в 1887 г. — *И. Ч.*) самое знаменитое имя в Словении, был профессором в России и оттуда посылал «Народу» корреспонденции, написанные не без темперамента на пестром русско-словенском языке. Он был духовным последователем поздних славянофилов и находился полностью под влиянием Каткова»⁸¹. Суждение Приятеля имеет под собою основание, но вместе с тем оно страдает односторонностью. На это обратил внимание Д. Кермавнер в комментариях к последнему изданию главного труда Приятеля «Словенская культурно-политическая и литературная история 1848–1895 гг.». И действительно, утверждение о том, что Хостник являлся сторонником Каткова, одного из консервативных публицистов России 80-х гг. XIX в., неправомерно. Во всяком случае, в вопросах внутренней политики России Хостник являлся скорее его антиподом. В некрологе Каткову словенский публицист подчеркивал, что в вопросах внутренней политики Катков часто ошибался⁸². Приятель же использовал только те статьи Хостника, которые касались внешней политики России и с которыми полностью был согласен Хостник.

Серия статей Хостника под заглавием «Письма из России» начала публиковаться в газете «Словенски народ» 31 марта 1886 г. В первом очерке Хостник останавливался на двадцать пятой годовщине со дня освобождения крестьян от крепостного права. С горечью он отмечал, что этот юбилей прошел в России незамеченным, «хотя нет дня, который был бы так важен для культурной и социальной жизни огромного северного царства». Хостник подчеркивал, что по прошествии многих лет после освобождения крестьян, они все еще должны выплачивать выкуп помещикам. «Мужик, — заключал он, — останется заклятым

⁸¹ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. 1848–1895. Zv. V. Ljubljana, 1966. S. 275, 276.*

⁸² *Slovenski narod. 06.08.1887.*

врагом помещика, пока он будет видеть малейшее воспоминание о прежних днях»⁸³. Таким образом, противоречий между помещиком и крестьянином царский манифест не отменил: вражда между ними осталась прежней. И Хостник оценивал эту вражду вполне определенно: как крестьянский сын он сочувствовал крестьянам.

В «Письмах из России» Хостник рисует русских помещиков как грубых, полубразованных людей, у которых атрофированы чувства даже по отношению к собственным детям. Совсем другую оценку он давал русским крестьянам. Хостник призывал своих соотечественников не верить немцам, которые утверждают, что русский мужик пьяница и вор. Русский мужик крадет лишь для того, чтобы не умереть с голоду, а пьет он с горя и с радости. Он сотни лет жил как животное и поэтому не развит в нравственном отношении. Но в этом виноват не он, а те, у кого он был рабом. «Русский народ благороден, добр, честен, — писал Хостник, — не забывайте, что он за 25 лет до настоящего времени был еще рабом, скотиной помещика»⁸⁴. Хостник оправдывал крестьян даже тогда, когда они восставали и убивали своих помещиков. Им неоткуда было ждать защиты, объяснял он, ибо все власти являлись выходцами из помещичьей среды и отстаивали интересы последней. Хостник верил, что противоречия могут быть сглажены мирным путем. Для этого необходимо всеобщее обязательное образование. «Мужик должен подняться, — писал он, — помещик спуститься; оба способны на это, так как лучшего и более благородного народа, чем русские, нельзя найти»⁸⁵.

Отдельный очерк Хостник посвятил российскому самоуправлению. Оно не удовлетворяло его, поскольку избирательными правами могли пользоваться только собственники недвижимости (дома, земли). Поэтому наряду с беднейшими слоями населения вне круга избирателей ос-

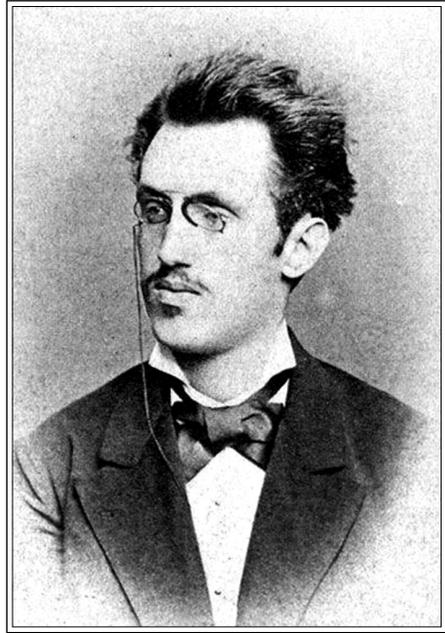
⁸³ Slovenski narod. 31.03., 8.04.1886.

⁸⁴ Slovenski narod. 08.04.1886.

⁸⁵ Slovenski narod. 22.05.1886.

тавались многие представители интеллигенции и чиновничества. «Как ваша конституция, — резюмировал Хостник, — дает возможность сильному душить и давить слабого, так в точности и наше русское самоуправление»⁸⁶.

При всем своем сочувствии беднейшим слоям населения и неприязни к помещикам и богачам Хостник являлся убежденным царистом. Он считал царя защитником народа перед лицом его угнетателей. Только императрица Екатерина II воспринималась им как представительница дворянства. К ней Хостник относился отрицатель-

*Мартын Матвеевич (Даворин)
Хостник*

но главным образом из-за ее немецкого происхождения. Идеалом для Хостника являлся Александр II, которого он называл освободителем «рабов русских и турецких»⁸⁷. В царе Хостник видел не только защитника русского народа, но и представителя «русской идеи, которая является и славянской»⁸⁸. В таком понимании роли царя для России Хостник был солидарен с Катковым, который был убежден: «С самодержавной властью русского государя неразрывно соединено самое существование России»⁸⁹.

При таком восприятии роли царя в жизни России Хостник резко отрицательно относился к народолюбцам, анар-

⁸⁶ Slovenski narod. 26.05.1886.

⁸⁷ Slovenski narod. 08.04.1886.

⁸⁸ Slovenski narod. 06.04.1887.

⁸⁹ Хевролина В.М. Власть и общество. 1878–1894. М., 1999. С. 17.

хистам. Он считал, что это «евреи или подкупленные немцами подлецы»⁹⁰. Даже в оценке внутренних событий в России чувствовалась ненависть Хостника к немцам.

Антинемецкая направленность взглядов еще сильнее проявлялась у Хостника в его рассуждениях о внешней политике России. И здесь действительно мнения словенского публициста оказались очень близки к идеологическим установкам М.Н. Каткова. Катков считал главным врагом России Германию. На этой позиции он твердо стоял с 1886 г. после действий Германии в Болгарии вразрез с интересами России, считая, что именно благодаря политике Бисмарка Россия терпит неудачи на Балканах⁹¹.

И это вполне соответствовало точке зрения Хостника. Представитель маленького народа, испытывавшего сильный натиск со стороны германизаторов, угрожавший ему гибелью как самостоятельной этнической общности, Хостник враждебно относился ко всему немецкому. Для него являлось несомненным, что «историческая цель немцев — убить славянина»⁹². Это убеждение обеспечивало его полную солидарность с Катковым. Хостник видел в нем «искреннего патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи», который в своих суждениях о русской внешней политике был всегда прав и являлся для России тем же, чем Бисмарк для Германии⁹³.

Хостник был убежден, что истинно русские люди вне зависимости от того, к какой партии они принадлежат, придерживаются одинакового мнения с Катковым в вопросах внешней политики, по-другому думают в России только немцы и немецкие шпионы. В статье «Немецкое шпионство» он относил к немецким шпионам русских нигилистов, французских анархистов, болгарских либералов и всех, кто связан с Ватиканом⁹⁴.

⁹⁰ Slovenski narod. 31.03.1886; 30.03.1887.

⁹¹ Хевролина В.М. Указ. соч. С. 29–38.

⁹² Slovenski narod. 29.10.1887.

⁹³ Slovenski narod. 06.08.1887.

⁹⁴ Slovenski narod. 14.04.1887.

Главное зло для Хостника представляла бисмарковская Германия. Он посвятил ей статью «Будущая война между Россией и Германией». В ней автор утверждал неизбежность этой войны, которая будет означать «борьбу не на жизнь, а на смерть между славянством и германством». После победы над Францией главным врагом Германии стала Россия. Немцы хотят ее уничтожить, и, если им удастся это сделать, немецкая военщина «будет играючи держать в своих руках другие славянские народы и топить их один за другим в немецком море». Поэтому целью России является уничтожение германского милитаризма, после чего славянин станет хозяином в своем доме, в своей стране⁹⁵.

В России Хостник видел естественную защиту славян от германского насилия. «Россия, как независимая, могущественная славянская держава, — подчеркивал он, — которая насчитывает в настоящее время около 100 млн граждан, является естественной стеной, которая охраняет славян от насилия немцев. Чем сильнее будет Россия, тем труднее будет держать в узде ее родных братьев»⁹⁶. Но и России нужны славяне. «Как славяне имеют опору своей нравственной силы в России, самостоятельной, великой и могущественной державе, — подчеркивал Хостник, — так и Россия черпает большую часть своего могущества в сочувствии австрийских славян»⁹⁷. Таково было кредо славянской взаимности Хостника — союз России со славянами для победы над германством, одинаково угрожающим им. Те славяне, которые выступают против этого (сербский король Милан, болгарский премьер-министр С. Стамболов, польская шляхта), являются, по его мнению, проводниками немецкой политики. На польском вопросе Хостник останавливался особо. У него, как горячего приверженца России, борьба поляков против нее не вызывала сочувствия. Он указывал, что польский народ не един. Он делится на

⁹⁵ Slovenski narod. 03.04, 5.04.1886.

⁹⁶ Slovenski narod. 05.06.1886.

⁹⁷ Slovenski narod. 03.10.1887.

«шляхту, которую держат в своих руках политизированные ксендзы, и простой народ, который шляхта называет “быдлом”». В России правительство не разрешает польскому дворянству так угнетать народ, как это делается в австрийской Галиции. «Нужно четко отличать польский народ от польских графов и князей и их союзников польских священников, которые являются фанатичными врагами всего непольского»⁹⁸. Шляхта не спасет польский народ, ее революционные выступления враждебны простым полякам. Оправдывая отношение российского правительства к польскому революционному движению, Хостник все же не преминул подчеркнуть, что польским вопросом в России занимаются чиновники, являющиеся немцами по происхождению⁹⁹.

Кроме политических вопросов Хостник в своих корреспонденциях останавливался и на вопросах культуры. Он знакомил словенцев с творчеством Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Островского. Для того, чтобы читать русскую литературу, постигать русскую культуру, Хостник призывал соотечественников учить русский язык. Но он убеждал изучать его не только ради знакомства словенцев с русской культурой. Он полагал, что русский язык сможет стать языком общения между собою славянских народов, заменив в этом отношении немецкий язык. «Пусть нашим культурным языком станет русский, — призывал он, — ибо каждый не может выучить все славянские языки»¹⁰⁰. «Учитесь языку, — отмечал он, — на котором говорит 80 млн человек и который имеет такую богатую литературу, что в последние годы французы ... ее переводят и вырывают друг у друга книги Тургенева, Достоевского, Писемского, Толстого, Гончарова». Немцы, заклятые враги славян, тратят время и деньги, чтобы изучить русский язык, а затем вторгнуться в пределы России и завоевать ее. «Они учат

⁹⁸ Slovenski narod. 23.06.1886.

⁹⁹ Slovenski narod. 14.09.1886.

¹⁰⁰ Slovenski narod. 27.09.1887.

русский язык из ненависти к России, славянству, — продолжал Хостник, — вы же учите его из-за любви к ней. Изучайте русский язык, русскую литературу, русские обычаи, русский народ! И путь к этому — словенский патриотизм и поддержка словенской не по языку, а по духу прессы». Таким образом, Хостник объединял словенский патриотизм с любовью к России.

В своих корреспонденциях Хостник резко критиковал католическую церковь. Он выступал против утверждения словенских клерикалов, что католическое вероисповедание является основным признаком словенской национальности. Будучи сторонником кирилло-мефодиевской церкви, Хостник требовал от Ватикана, чтобы он разрешил словенцам и чехам вести богослужение на родном языке. Выступления Хостника против католической церкви вызвали негативную реакцию со стороны клерикалов. Их орган «Словенец» опубликовал серию статей профессора Й. Марна, в которых он подчеркивал, что католицизм сохранил словенцам их национальность и поэтому славянское богослужение им не нужно¹⁰¹. В ответ Хостник писал, что главное для определения национальности не вероисповедание, а язык и самосознание. Все славяне, католики и православные, должны объединиться в любви к своей общей матери — Славе. В качестве примера того, что католичество не спасет словенцев от денационализации, Хостник указывал, что католический Рим договаривается с лютеранином Бисмарком, а верным католикам, чехам и словенцам, не разрешает ввести славянское богослужение.

Столь откровенные антинемецкие и антикатолические высказывания Хостника привлекли к себе внимание местных властей Крайны. Дважды из-за его статей были арестованы выпуски «Словенского народа»: 23 ноября и 4 декабря 1886 г. Дело не ограничилось одной Крайной. В конце октября — начале ноября 1887 г. «Словенски на-

¹⁰¹ Slovenec. 1887. № 160, 202, 203, 248.

род» опубликовал статью Хостника, написанную в очень резких тонах. Автор критиковал правительство за то, что оно содействовало германизации ряда славянских областей, а также выступил против римского Папы, назвав его извергом человечества. В конце статьи автор призывал славян готовиться к решительному бою с немецким гнетом¹⁰². Сразу после этого австрийский император Франц Иосиф упрекнул словенского депутата в рейхсрате Й. Поклукара в русофильской направленности словенской прессы. Этот разговор был напечатан немецкой газетой «Фатерланд» (Faterland. 6 декабря 1887 г.). Высказывание императора послужило сигналом к наступлению клерикалов против либералов. Горицкий архиепископ Я. Миссия опубликовал 26 ноября 1887 г. послание, которое подписали все епископы горицкого архиепископства. В нем всем священникам и верующим католикам строго запрещалось писать корреспонденции в «Словенски народ» и даже подписываться на него. Либералы должны были отступить. 18 декабря на собрании акционеров Национальной типографии было принято решение создать новую редакцию для газеты «Словенски народ» и установить контроль за ее деятельностью. Произошли изменения и в руководстве Национальной типографии — Хрибар был вынужден уйти из него. Последняя статья Хостника была напечатана в газете 10 ноября 1887 г. И. Грдина полагает, что Хостник не ожидал столь отрицательной реакции со стороны властей, поскольку в своей статье не затрагивал ни Австрийской монархии, ни императора¹⁰³.

И. Приятель оценил сотрудничество Хостника в газете «Словенски народ» отрицательно. По его мнению, статьи Хостника помогли клерикалам нанести удар по словенскому либерализму. «Круторогов, — пишет Приятель, — бросил в «Словенски народ» роковую бомбу ... Тогда Миссия

¹⁰² Kermavner D. Slovenska politika. S. 402–405.

¹⁰³ Grdina I. Ivan Hribar. S. 21.

поднялся из своего затишья и ударил своею мощной рукой не только по словенским русофильским фантастам, но и по словенскому либерализму вообще»¹⁰⁴. На мой взгляд, корреспонденции Хостника послужили не причиной, а поводом решительного наступления клерикалов на либерализм. Не было бы их, католический клир, объединившийся политически, нашел бы другую возможность начать наступление против либералов. Борьба же Хостника с католическим мракобесием сыграла определенную положительную роль так же, как и ознакомление словенской общественности с российской действительностью и культурой. Надо иметь в виду, что и репрессии венских властей против русофилов не были последствием выступления Хостника. В 1879–1882 гг. сложился военно-политический Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии, Италии, направленный в том числе и против России. И австрийские власти, конечно, рано или поздно должны были начать борьбу против русофильства в своих владениях.

Кроме словенских либеральных изданий, выходивших в словенских землях, существовало словенское издание в Вене, которое возглавлял словенский поэт Й. Стритар. Он не был столь ярким русофилом как люблянские радикалы, но начиная с русско-турецкой войны стал активно проповедовать славянский мессионизм и даже мечтать о славянской федерации. Из русских общественных деятелей Стритар особенно высоко ценил Герцена. Его привлекала и деятельность русских народников. В письме к Ф. Левцу от 5 февраля 1884 г. Стритар выражал свое разочарование в российских порядках и одновременно восхищался хождением в народ русской интеллигенции. «Это единственно волнующее, что мы видим в этой несчастной стране, — отмечал Стритар. — Это и есть любовь к родине. Такой любви к родине я бы желал нашей интеллигенции, нашим господам». Но, как справедливо указывает Кермавнер, Стритар

¹⁰⁴ *Prijatelj I. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. V. S. 279–281.*

рассматривал хождение в народ русских интеллигентов только с сентиментально-филантропических позиций и совсем не симпатизировал их революционности¹⁰⁵.

Близок к Стритару по взглядам на Россию был К. Штрекель, филолог, один из постоянных корреспондентов Бодуэна де Куртенэ. Он писал, что западная культура не может рассматриваться в качестве врага русского народа. «Единственно верно то, — отмечал он, — что западная культура должна быть для славянских народов, особенно русского, несколько подготовлена, переделана. И в таком виде она должна войти в возможно более тесную связь с отечественной цивилизацией». С симпатией Штрекель писал о хождении в народ русских интеллигентов, которые видели награду для себя лишь в сознании, что они делают что-то полезное для народа и свободы. Он воспринимал хождение в народ «как паломничество убежденных и доверчивых людей в народную жизнь, чем как действительно продуманную акцию осознавшей себя и организованной революционной партии»¹⁰⁶. Похожих взглядов придерживались Ф. Висталер, А. Феконя.

В конце 1887 г. закончился первый период развития русофильства в словенских землях. Он начался после 1849 г. и достиг своего пика во время Восточного кризиса и последующих двенадцати лет. Развитие русофильской идеологии происходило преимущественно в рамках либерального движения, его идеологи выступали во всех либеральных органах: «Словенски народ», «Люблянски звон», «Слован» и др. Для него были характерны вера в спасительную для славян миссию России, уверенность в необходимости для славян принять кирилло-мефодиевскую церковь и русский язык в качестве общеславянского. Несколько особняком в когорте словенских русофилов стоял Й. Стритар и некоторые словенские либералы.

¹⁰⁵ *Kermavner D. Slovenska politika*. S. 285.

¹⁰⁶ *Ljubljanski zvon*. 1884. № 8. S. 483.

* * *

Экономический кризис, начавшийся в словенских землях в начале 1870-х годов, продолжался до середины 1890-х годов. В начале 1890-х годов крестьянские хозяйства в словенских землях имели только зафиксированных долгов 120 млн гульденов¹⁰⁷. Разорившиеся крестьяне десятками тысяч эмигрировали из родных мест — главным образом в Америку. С начала 1870-х до середины 1890-х годов уехало около 100 тыс. человек, что составило более половины естественного прироста словенского населения¹⁰⁸.

Кризис способствовал модернизации словенских социально-экономических отношений, формированию в словенских землях двух новых классов — капиталистов и наемных рабочих. Изменение классового состава словенцев способствовало дальнейшему размежеванию словенского национального движения. В 1890-х годах в словенских землях оформились три партии современного типа, просуществовавшие до начала Второй мировой войны. Одной из причин ускорения их создания послужил тот факт, что после прекращения правления Таафе нарушилось согласие между немецкими консерваторами и словенскими либералами-эластичарами. Последний раз совместно они выступили в Крайне на выборах в рейхсрат в 1891 г.

Начиная с конца 1870-х годов усилилась активность католиков. Это было связано с изменением политики Ватикана. Возшедший на папский престол Лев XIII (1878–1903) изменил политику католической церкви, повернув ее к завоеванию широких народных масс. Поворотным пунктом в его политике стало издание в 1891 г. энциклики «Рерум новарум» (*Rerum novarum*), в которой Папа призывал католических священников уделить внимание социально-политическому положению народа. В этой энциклике Папа осуждал новейшее рабство, созданное капитализмом, и одновременно

¹⁰⁷ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina*. S. 166.

¹⁰⁸ *Pleterski J. Nekaj vprašanj slovenske zgodovine v desetletju 1894–1904 // Zgodovinski časopis*. 1977. № 1–2. S. 7, 8.

выступал против отмены частной собственности и активной борьбы против капитала. Он указывал, что решить социальный вопрос можно лишь на основе христианской морали при тесном взаимодействии церкви, государства, работодателей и рабочих¹⁰⁹. В австрийских землях стали появляться католические общества, объединявшие лиц различных национальностей. Однако резкого противостояния католиков и либералов в словенских землях еще не наблюдалось.

Положение изменилось, когда после смерти люблянского епископа Янеза Погачара (1875–1884), придерживавшегося довольно либеральных взглядов, люблянский епископский престол занял Я. Миссия (1884–1896). При нем активную роль стал играть профессор богословия в Горицкой семинарии Антон Махнич (1897–1920 — Кршский епископ). Ярый католик, убежденный монархист, противник всяких выступлений против властей и всякого демократического переустройства общества, Махнич, по мнению словенских историков В. Мелика и Ф. Гестрина, много способствовал тому, чтобы словенский клерикализм получил «наиболее реакционную и обскурантистскую форму, чем где-либо в более развитых странах Европы»¹¹⁰. Свою деятельность в сфере культуры он начал с наступления на словенскую литературу, на таких ее писателей и поэтов, как Й. Стритар, Я. Трдина, Ф. Левстик, Й. Юрчич, А. Ашкерц. «Истинный словенский художник лишь тот, — утверждал Махнич, — кто несет словенцам сверхъестественную христианскую красоту ... Кто скрывает христианские истины, тот враг христианства и предатель словенского народа». О великом поэте Ф. Прешерне он писал, что поэт «преподносит нам яд грешной страсти в золотом, искусно сделанном сосуде»¹¹¹.

После событий 1887 г. положение в словенских землях изменилось. Выступление императора против русофильст-

¹⁰⁹ *Pirc J.* Utopija »nove krščanske družbe« // *Cerkev, kultura in politika. 1890–1941.* Ljubljana, 1993. S. 110.

¹¹⁰ *Gestrin F., Melik V.* Slovenska zgodovina. S. 210.

¹¹¹ *Paternu B.* Cerkev in poezija // *Vloga cerkve v slovenskem kulturnem razvoju 19. Stoletja.* Ljubljana, 1989. S. 147.

ва словенской либеральной прессы и послание Горицкого архиепископа, а также смена руководства Люблянской епархии открыли путь активной пропаганде католиков против либералов. Их обвиняли не только в борьбе против католической церкви, но и в антиавстрийских выступлениях. Все эти факторы способствовали усилению католического движения.

В 1892 г. в Любляне прошел первый католический съезд, принявший политическую программу словенских католиков. В 1895 г. Католическое общество стало называться Католической национальной партией, а с 1902 г. — Словенской народной партией. Она объединяла самые различные слои словенского общества, от высшего духовенства до рабочих, что делало ее и политически неоднородной. В Католическую национальную партию входило и крайне реакционное крыло, возглавлявшееся А. Махничем, и демократически настроенные христианские социалисты. Идеологом и главою последних являлся профессор семинарии в Любляне Янез Крек (1865–1917). Он искренне сочувствовал трудящимся, прежде всего крестьянам. Крек считал, что все зло и несчастья исходят от капитала. В то же время он выступал против классовой борьбы и диктатуры пролетариата и полагал, что освобождение от капитализма может произойти путем создания кооперативов при поддержке государства. Крек требовал отмены оставшихся долгов, ограничения процентов по займам, создания ссудно-сберегательных и закупочных кооперативов, повышения заработной платы для рабочих, сокращения рабочего дня, введения социального страхования. Крек не только провозглашал свои идеи, но и много сделал для воплощения их в жизнь в словенских землях. К 1910 г. им и его сторонниками было создано до 560 кооперативов, объединявших мелких собственников и рабочих¹¹². Деятельность кооперативов способствовала адаптации словенских крес-

¹¹² Melik V. O razvoju slovenske nacionalno-politične zavesti 1861–1918 // Zgodovinski časopis. 1970. № 1–2. S. 43, 48.

стьян, рабочих, мелких собственников к капиталистическому укладу. «После смерти Я. Блейвейса, — отмечает Л.А. Кирилина, — никакой другой политик не смог завоевать такого авторитета среди словенцев, как Креку»¹¹³. Социальная программа Крека была принята Католической национальной партией, что и обеспечило ей поддержку самых широких народных масс. В первое время клерикалы осуждали Хорватскую партию права за антисербскую направленность. Но уже в 1898 г. на съезде Хорватской партии права в Трстате словенские клерикалы заключили с нею союз. В соглашении подчеркивалось, что союз базируется на трех принципах — христианство, хорватское государственное право и создание экономических организаций для народа. Программа Объединенной Словении объявлялась неотъемлемой частью хорватского государственного права.

Вслед за клерикалами либералы тоже оформили свою политическую организацию. В 1891 г. было основано либеральное Словенское общество. В ноябре 1894 г. прошел первый съезд либералов, на котором вновь образованная партия получила название Национальная партия (с 1905 г. — Национально-прогрессивная партия). Ее первый съезд задумывался как попытка обновления сотрудничества с консерваторами. Один из лидеров эластичаров — Лука Светец призвал католиков: «Давайте объединимся снова под именем Национальной партии». Однако католики на обновление сотрудничества не пошли. Отказались присоединиться к крайним либералам и приехавшие на съезд либералы Триеста, Истры и Штирии. Таким образом, Национальная партия начала действовать как чисто крайнская¹¹⁴. Возглавили ее бывшие радикалы Хрибар и Тавчар. В городе ее поддерживали либеральная интеллигенция и мелкая и средняя буржуазия, в селах — учителя и зажиточные крестьяне. Главной для либералов являлась

¹¹³ Кирилина Л.А. Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны (90-е гг. — 1918 г.) // История Словении. М., 2011. С. 254.

¹¹⁴ Pleterski J. Nekaj vprašanj slovenske zgodovine. S. 8, 9.

национальная программа. Либералы считали, что вера — дело личное и к политике отношения не имеет, резко критиковали клерикализм. Они требовали национальной автономии, всеобщего, хотя и неравного, избирательного права. Уже с 1880-х годов либералы стали создавать крестьянские кооперативы, но те объединяли преимущественно зажиточных крестьян. Масса бедных крестьян оставалась за их границами. А в конце XIX в. «Словенски народ», в интересах богатых крестьян, начал настоящую кампанию против кооперативного движения и даже призывал провинциальные власти Крайны запретить его. Пренебрежение к нуждам широких крестьянских масс привело к потере Национально-прогрессивной партией опоры среди крестьянского населения, а также рабочих. Уже на выборах в крайнское провинциальное собрание в 1895 г. либералы, победив в городах, потерпели полное поражение в деревне.

По примеру словенских политиков в 1894 г. немцы создали Немецкую народную партию. Ей сочувствовали почти все дворяне словенских земель, половина населения городов и часть богатого крестьянства. Главными своими врагами Немецкая партия считала черных (клерикалов), красных (социал-демократов) и желтых (еврейских либералов)¹¹⁵.

В связи с ростом пролетариата происходило его оформление как самостоятельного класса, осознающего свои классовые интересы. В конце 1870-х годов в Любляне возникло Люблянское просветительское рабочее общество, в 1888 г. в другом важном центре словенского рабочего класса — Триесте возник Рабочий союз Триеста, состоявший из трех секций: немецкой, итальянской и словенской. В 1896 г. в Триесте же была учреждена Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП), которая должна была объединить всех югославян Австро-Венгрии. Однако в нее вошли только словенские и хорватские рабочие Триеста, Крайны,

¹¹⁵ Melik V. Volitve na Slovenskem. S. 211–215.

Истрии, Далмации и Цельского округа Штирии. На первом съезде ЮСДП по предложению Э. Кристана была принята специальная резолюция по национальному вопросу, в которой говорилось, что социал-демократия «не безнациональна и не противонациональна, а интернациональна»¹¹⁶.

Однако подавляющее большинство словенцев шло за Католической или Национальной партиями. Именно они имели четкую национальную программу, и их деятельность определяла политический климат в словенских землях.

Вслед за политическим размежеванием произошло размежевание и в национально-культурных словенских обществах. Так, в противовес Словенской Матице католики создали свое научное общество св. Леона (1896), а в противовес спортивной организации Сокол — свою спортивную организацию Орел.

Католическая партия объединяла в своих рядах людей, принадлежавших к различным сословиям — от высшего духовенства до наемных рабочих. Организационным ядром партии являлось духовенство, однако оно довольно быстро пополнялось за счет светской интеллигенции. Особую популярность Католическая партия приобрела среди крестьян — самого многочисленного класса словенского общества. Причиной этого была активная деятельность в рядах Католической партии христианских социалистов во главе с Янезом Евангелистом Креком. Крек считал, что все зло и несчастья народа происходят от капитализма. Возвеличивание идеи свободы — ошибочно, оно приводит к исчезновению христианской любви и справедливости, к преобладанию эгоистических интересов в обществе. Капитализм приносит бедствия населению, особенно низшим слоям: крестьянам, рабочим, ремесленникам. Крек являлся противником классовой борьбы и диктатуры пролетариата, он полагал, что путь к освобождению от капитализма лежит в создании крестьянских, ремесленных и рабочих

¹¹⁶ Rdeči prapor. Trst. 05.06.1898.

кооперативов. Кооперативы, по его мнению, должны будут развиваться во всеобщую организацию при поддержке государства. Крек и его сторонники не только пропагандировали создание кооперативов, но и активно способствовал их установлению.

Национально-прогрессивная партия либералов возглавлялась бывшими радикалами И. Тавчаром и И. Хрибаром. Она объединяла в своих рядах словенскую буржуазию, средние городские слои, большинство светской интеллигенции. Либералы выступали за всеобщее, но неравное избирательное право.

После изменения политики газеты «Словенски народ» по отношению к России словенские радикалы не успокоились. По их инициативе, прежде всего Хрибара, была основана новая газета «Словански свет». «Грибар, — писал Хостник историку Русской православной церкви И.С. Пальмову 7 сентября 1896 г., — приостановил своего «Слована», и он, самый честный и самый умный из теперешних патриотов и политиков, натолкнул Подгорника на издание «Slov. sveta» и писал мне, вот где продолжай!»¹¹⁷. В «Люблянском звоне» было опубликовано заявление издателей «Слована» Хрибара и Тавчара, в котором они призывали литературных сотрудников «Слована» писать в «Люблянски звон», а прочих — в «Словански свет» (Slovanski svet). Все подписчики, уже уплатившие за «Слована», передавались «Слованскому свету». Рядом с заявлением Хрибара и Тавчара было помещено объявление о начале выхода «Слованского света». В объявлении указывалось, что целью газеты является сообщать словенцам все интересное, что происходит в славянском мире в области культуры и политики¹¹⁸.

Издателем и редактором «Слованского света» стал словенский либеральный журналист Фран Подгорник (1846–1904), друг Хостника. «Словански свет» издавался в 1888–1899 гг.: в 1888–1889 гг. — в Любляне, в 1890–1894 гг. —

¹¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 11.

¹¹⁸ Ljubljanski zvon. 1888. № 1. S. 56.

в Триесте, в 1895–1999 гг. — в Вене. Активными сотрудниками газеты являлись Целестин, словенские эмигранты в России Д. Хостник (Рощин), Ф. Штифтар (Творцов), Л. Лесковец (Ламурский). Но душою газеты, ее редактором и основным автором был Подгорник. «Словански свет» и его окружение принадлежали к словенскому либеральному лагерю, однако не во всем с ним соглашались.

Сами сотрудники издания, хотя и имели расхождение по некоторым вопросам с либералами, все же составляли с ними в идеологическом отношении единую группировку, имевшую общее мировоззрение.

Определенное внимание «Словански свет» уделял существующему положению в Австро-Венгрии, высказывая свое мнение о ее политике. Австро-Венгрия должна проявлять одинаковую заботу обо всех своих народах, и тем самым она будет укреплять свое единство. Русофилы считали, что в силу своего географического положения и особенностей своего исторического развития Габсбургская монархия объединила в своих границах народы, принадлежащие к двум разным культурам: латино-немецкой и греко-славянской. Ради укрепления государства правительство должно одинаково относиться к этим культурам и поддерживать их¹¹⁹. Подгорник был уверен, что без решения национального вопроса Австро-Венгрия не сможет упрочить своего международного положения. Правительство должно одинаково относиться ко всем народам, населяющим страну, добиться того, чтобы ни один народ не угнетал другого. Пока это не будет проведено в жизнь, балканские народы не пойдут за Австро-Венгрией¹²⁰.

Главными врагами славян Подгорник и его окружение считали немцев. В том, что немецкие националисты провозглашали немцев лидерами всего цивилизованного мира, они не видели большого зла. Злом, которое несли немцы, было их стремление навязать свою культуру славя-

¹¹⁹ Slovanski svet. 1889. № 1. S. 4–6.

¹²⁰ Slovanski svet. 1890. № 1. S. 2, 3.

нам, которые сами имели достаточно высокую культуру, обладали большим талантом созидания и восприимчивостью к прогрессу. Подгорника возмущало открытое требование немцев ассимилировать словенцев и чехов, их попытка доказать им выгодность для них этой ассимиляции¹²¹. Русофилы справедливо обращали внимание на деятельность немецких обществ Шулферайн и Зюдмарк, активно проводящих германизацию словенцев, особенно в Штирии. Но наибольшую опасность для славян, по мнению Подгорника, представляла группировка Г. Шенерера.

Уже в первых номерах газеты «Словански свет» появилось имя Шенерера. Подгорник характеризовал его как строгого антисемита и националиста, мечтающего об объединении Австрии с Германией. С одной стороны, Подгорник подчеркивал, что политические цели Шенерера неприемлемы для славян, так как предполагают потопление чехов и словенцев в немецком море, но с другой — он проявил полное понимание таких черт шенерианцев как антисемитизм и национализм¹²². Вообще антисемитизм был характерен для многих русофилов, группировавшихся вокруг газеты «Словански свет», особенно для Штифгара и Подгорника. В своих статьях они доказывали, что евреи являются врагами славянского, романского и германского народов, что особенно много вреда они принесли славянам, способствуя немцам в Австро-Венгрии угнетать славян, а в России они создали нигилизм, чтобы подорвать ее могущество¹²³. В 1895 г. «Словански свет» даже провозгласил антисемитизм одним из пунктов своей программы¹²⁴.

В 1894–1897 гг. произошел взрыв немецкого национализма, явившийся реакцией на законы Бадени–Гауча, расширявшие права чешского языка в чешских землях. Во главе немецкой антиславянской пропаганды встали

¹²¹ Slovanski svet. 1892. № 22. S. 329, 330.

¹²² Slovanski svet. 1888. № 3. S. 39.

¹²³ Slovanski svet. 1894. № 11. S. 203–205.

¹²⁴ Slovanski svet. 1895. № 1. S. 1.

шенерианцы, к которым примкнули немецкие либералы и даже немецкие социал-демократы из чешских земель. В это время Подгорник стал отзываться о немецких националистах более резко. Если бы немецкие националисты достигли одной десятой провозглашенных ими целей, указывал он, то не только все малые славянские народы, но и большая часть русского народа попали под власть Великой Германии в сферу немецкой культуры. Поэтому Подгорник призвал славян отнестись к пангерманской агитации со всей ответственностью и вести активную борьбу против нее¹²⁵. Подгорник обращал внимание на сходство идей Мольтке и Бисмарка с идеями шенерианцев — и те и другие желают отнять у Австро-Венгрии немецкие земли, и те и другие стремятся включить чехов, словенцев, хорватов в сферу немецкой культуры¹²⁶. Хотя из-за цензурных соображений критика австрийских властей обычно велась во вполне легитимных тонах, но иногда корреспонденты позволяли себе и достаточно резкие высказывания. Так, «В-с», например, утверждал, что вся система внутренней и внешней политики Австро-Венгрии направлена против славянских народов и мелкие подачки со стороны правительства дела не меняют¹²⁷.

В противовес программам австрийского правительства и немецких пангерманистов, которые не могли удовлетворить словенцев, «Словански свет» выставлял свою программу, в которой четко прослеживалось несколько направлений. Первое направление, всеславянское, включало два пункта — создание общеславянского языка и возрождение кирилло-мефодиевской церкви. Второе направление касалось славян Габсбургской монархии и предусматривало борьбу за их национальные права, а именно: достижение равноправия для славянских языков, установление в государстве национальной автономии. Третье направление

¹²⁵ Slovanski svet. 1896. № 3. С. 25.

¹²⁶ Slovanski svet. 1896. № 11. С. 121.

¹²⁷ Slovanski svet. 1892. № 23. С. 347.

относилось непосредственно к самим словенцам и включало защиту прав словенских женщин и учащейся молодежи, распространение опыта кооперативов, рабочий вопрос. Наконец, четвертое направление — знакомство читателя с другими славянами, прежде всего с Россией.

Подгорник и его соратники считали всех славян единым народом. Только их внутренние раздоры и несогласия стали причиной их разъединения на мелкие народности, в результате чего они были завоеваны чужеземцами. Славяне претерпели много бед из-за того, что каждое племя поддерживало своих вождей, которые защищали свои личные интересы и даже иногда были предателями своего народа¹²⁸. Из-за этой политики своих вождей славянский народ делился, слабел, часть его была ассимилирована другими народами. Оставшимся славянам враги вбивали в голову местный патриотизм с той целью, чтобы они позабыли о своем единстве. Славян разъединили по религии, языку, культуре, стали их натравливать друг на друга для того, чтобы их было легче ассимилировать¹²⁹. Взгляды подгорниковцев на славян соответствовали взглядам многих славянских просветителей конца XVIII — первой половины XIX в. и были характерны для немногих славянских политиков конца XIX столетия.

Подгорник и его соратники считали, что славянская культура представляет собою единое целое, отличное от культур других народов. Поскольку славяне являются особым культурным типом, их нельзя осчастливить по общему шаблону. Вместе с тем Подгорник подчеркивал, что славянская культура не отвергает мирового гуманизма, но включает его в себя¹³⁰. Главным врагом славянской культуры и ее развития Подгорник считал немцев, которые всегда стремились к ассимиляции славян, навязав им свою культуру. Для того чтобы выжить, славяне должны

¹²⁸ Slovenski svet. 1888. № 1. S. 3, 4.

¹²⁹ Slovenski svet. 1891. № 15. S. 233.

¹³⁰ Slovenski svet. 1897. № 1. S. 8.

создать свою общую культуру, которая смогла бы противостоять немецкой культуре. Для этого они должны иметь общий литературный язык и общую славянскую церковь¹³¹. Как можно видеть, эти положения пропагандировались корреспондентами «Словенского народа» в конце 1880-х годов.

Один из корреспондентов «Слованского света», писавший туда под псевдонимом «Rnu», дал развернутую характеристику того, что он подразумевает под славянской культурой. Он писал, что во времена язычества славяне имели общую мифологию, а в начале раннего христианства у них был общий литературный язык, общее славянское право («Русская правда», «Закон судный людям», «Законник Стефана Душана»), общие социально-экономические учреждения (задруга, община-мир), общая азбука — кириллица. «Rnu» указывал, что главной задачей для славян является не создание новой культуры, но обновление и оживление старой, и это является не чисто культурным вопросом, а вопросом «политической самобытности и независимости нашего народа»¹³².

Думали ли словенские русофилы из окружения Подгорника о создании единого славянского государства? Надо иметь в виду, что в 90-х годах XIX в. ни в российских правительственных кругах, ни у большинства славянофилов таких мыслей не возникало. И Подгорник решительно отвергал стремление к этому своих сторонников. Вхождение в Австро-Венгрию не подвергалось сомнению. «Россия не требует себе западных славян, — писал «Словански свет», — и эти славяне не стремятся политически к России»¹³³. Подгорник утверждал, что политическое объединение славян невозможно по ряду причин. Во-первых, у них отсутствует общее политическое самосознание. Во-вторых, обеспечить славянам политическое объединение может только революционное вос-

¹³¹ Slovanski svet. 1888. № 16. S. 250.

¹³² Slovanski svet. 1889. № 5. S. 78, 79.

¹³³ Slovanski svet. 1892. № 15. S. 170.

стание, на что славяне не могут пойти¹³⁴. Поэтому, указывал Подгорник, среди словенцев не может быть панславистов в политическом смысле, а политический панславизм, в котором немцы упрекают славян, является только пугалом¹³⁵.

Понятно, что иначе Подгорник не мог писать, ведь свои статьи он публиковал в Габсбургской монархии, где стремление к созданию всеславянского государства рассматривалось как государственная измена.

Подгорник и его сторонники считали Россию главной опорой для славян. Подгорник подчеркивал, что Россия меньше нуждается в славянах, чем славяне в России, поскольку она «имеет достаточно сил, чтобы развиваться в культурном отношении самостоятельно, собственными средствами». Другие же славяне нуждаются в России, в духовной связи с нею, поскольку именно русская культура сохранила и развила традиции старославянской культуры Кирилла и Мефодия (русский литературный язык, русская церковь)¹³⁶.

Однако значение России для славян Подгорник не ограничивал областью культуры. Он отмечал и важность существования России для славян в политическом смысле. «Эти (западные. — *И. Ч.*) славяне, — писал Подгорник, — радуются, что Россия могущественна, так как благодаря ее мощи они могут сами без ее непосредственной поддержки бороться за свое собственное существование и за свои собственные права. Малые славянские народы без существования России были бы настоящими ничтожествами ... При существовании же могущественной России остальные славяне получают моральную опору своему мужеству, необходимому им в национальной борьбе». При этом Подгорник снова посчитал нужным подчеркнуть, что «Россия не требует себе западных славян, а эти славяне не стремятся политически к России»¹³⁷. Но одновременно Подгорник все

¹³⁴ Slovanski svet. 1888. № 16. S. 252.

¹³⁵ Slovanski svet. 1893. № 15. S. 281.

¹³⁶ Slovanski svet. 1888. № 12. S. 185, 186.

¹³⁷ Slovanski svet. 1896. № 15. S. 170.

же отмечал, что только политическая деятельность русского народа имеет значение для будущего славян, остальные же славяне не могут оказать на него влияния¹³⁸.

Можно с уверенностью утверждать, что в перспективе роль России для славян не ограничивалась моральным фактором. На это указывают помещенные в газете «Словански свет» материалы. В частности, в 1891 г. в ней был опубликован пересказ книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», сделанный Целестином. В своем пересказе он особенно подчеркнул мысль Данилевского о том, что Россия и славяне не принадлежат европейской цивилизации, их предназначение — создать новый культурный тип. Поэтому, продолжал Целестин, идея славянства должна стать главной для каждого славянина, а уже вслед за ней должны следовать идеи свободы, просвещения, науки. Славянский мир имеет важные отличия от романо-германского. Во-первых, для романогерманцев характерен индивидуализм, что ведет их к безграничной свободе и политической раздробленности, в то время как славяне отличаются терпимостью, нелюбовью к насилию, у них более развиты общественные начала. Во-вторых, русским и другим славянам присуще социальное и экономическое равенство, что совсем не соответствует характеру романогерманцев, имевших рабство, феодализм и пр. Подробно пересказывал Целестин взгляды Данилевского на Австрию и австрийских славян. Особенно он подчеркивал его вывод о том, что австрийским славянам может помочь только создание славянской федерации (с включением в нее Греции, Венгрии, Румынии) под главенством России. Он полагал, что народы, входящие в нее, должны пользоваться широкой автономией типа Финляндии, сохранять свои национальные особенности. Целестин останавливался также на выводе Данилевского о том, что славянский культурный тип, соединив в себе лучшие черты предшествующих типов,

¹³⁸ Slovanski svet. 1894. № 1. S. 1.

сможет решить и общественно-экономические проблемы. Пересказав те выводы Данилевского, которые он считал наиболее важными, Целестин отмежевывался от них, подчеркивая, что теперь времена изменились. Однако он не исключал возможности развития особого славянского культурно-исторического типа¹³⁹.

Так же подробно, как и книга Данилевского, на страницах газеты «Словански свет» пересказывалась статья Ламанского «Три мира» (Славянское обозрение. 1892. № 1–4). В этой статье Ламанский выдвигал теорию существования трех миров, трех типов культуры: европейского, азиатского и среднего между ними. В средний тип входили Россия, славянские земли, венгерские, румынские, греческие территории, а также прибрежная полоса Малой Азии с Константинополем и Сирией. Азиатский мир, по мнению Ламанского, безнадежно устарел, европейский находится в стадии расцвета, но с признаками старения, будущее за средним миром. На это указывает такое обстоятельство, как образование новых государств — Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии — с помощью России. Для расцвета среднего мира, по мнению Ламанского, необходимо сохранить его многообразие и обеспечить самостоятельное развитие малых славянских и неславянских народов¹⁴⁰. Близкие по духу Ламанскому и Данилевскому идеи генерала Р.А. Фадеева также высоко оценивались газетой «Словански свет», как идеи, завоевавшие себе право на будущее.

Несомненно, что идеи русских панславистов потому так подробно освещались в газете «Словански свет», что близки были взглядам Подгорника и его окружения.

Одним из главных средств создания единой общеславянской культуры русофилы считали принятие славянами единого общеславянского языка. «Язык является, — указывал Подгорник, — характерной чертой национальности: он выражает то, что народ чувствует, осмысляет и тво-

¹³⁹ Slovanski svet. 1891. № 12. S. 196.

¹⁴⁰ Slovanski svet. 1892. № 20. S. 304–306.

рит». Язык является лучшим средством, способствующим развитию того народа, который его создал, ибо каждый народ вкладывает в язык свой темперамент, свой характер. Подгорник утверждал: «Славяне были так счастливы в истории, что кроме славянских церковных обрядов получили свою особую азбуку и литературный язык, каких в такой полноте не было у других европейских народов, и азбука их сохранилась в литературе до сегодняшнего дня на востоке»¹⁴¹. Подгорник был убежден, что необходимость общеславянского языка особенно очевидна для малых славянских народов. Как и другие народы, они начинают литературную деятельность, но им не хватает живых сил, поскольку часто наиболее талантливые их представители стремятся искать счастье в чужих землях. «Не легкомыслие, не своеволие, — утверждал Подгорник, — но основательные размышления о национальных границах отечественной литературы заставляют патриотов малых славянских народов советовать им принять язык большого славянского народа». Причину этого он видел в том, что большой народ имеет больше средств для развития своей литературы¹⁴². Подгорник считал, что «величина народа — первое непеременимое условие самостоятельного развития национального языка, национальной литературы и национальной культуры». Из всех славянских народов, по его мнению, ни один народ, кроме русского, не имеет необходимых условий для полноценного развития своего языка¹⁴³.

В газете «Словански свет» нередко публиковались статьи славянских деятелей о необходимости для славян общеславянского языка. Несколько заметок редакция поместила о взглядах чеха К. Живны. Его выступление на заседании С.-Петербургского Славянского благотворительного общества приводилось почти полностью. «Русский язык, — заявлял Живны, — один может стать общеславян-

¹⁴¹ Slovanski svet. 1888. № 4. S. 53–56.

¹⁴² Slovanski svet. 1888. № 22. S. 355.

¹⁴³ Slovanski svet. 1888. № 23. S. 321, 322.

ским языком, потому что он развился из старославянского церковного литературного языка, потому что он принадлежит самому большому славянскому племени, признается теперь мировым языком и имеет великую литературу»¹⁴⁴.

«Словански свет» активно пропагандировал труды об общеславянском языке. Так, в нем были напечатаны заметка о сочинении А.Ф. Гильфердинга «Общеславянская азбука», статья А.И. Добрянского об общеславянском языке, пересказ основных положений книги А.С. Будиловича «Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы». Особенно подробно Подгорник останавливался на труде Будиловича, подчеркивая его научность и актуальность. «Вопрос об общеславянском литературном языке, — писал Подгорник, — с появлением исследования Будиловича окончательно и навсегда решен. Теория теперь не может сделать принципиального прогресса»¹⁴⁵.

Вторым столпом общеславянской культуры подгорниковцы считали кирилло-мефодиевскую церковь. И это не было случайным. С конца 1880-х годов в словенских землях резко возросла активность католической церкви. Связано это было как с началом гонений австрийских властей против русофильски настроенных либералов, так и с новой политикой Ватикана. В словенских землях Католическая партия имела значительный успех, отвоевывая сторонников у либералов.

Отчасти в противовес католическому наступлению русофилы выдвинули идею создания славянской кирилло-мефодиевской церкви, призванной стать одним из столпов общеславянской культуры. Возвращение к традициям Кирилла и Мефодия проповедовали в XIX в. многие славянские национальные деятели, однако упор ими делался на общеславянскую азбуку и общеславянский язык. Вопрос о кирилло-мефодиевской церкви впервые подняли словенские и хорватские либеральные католики в 40-е годы XIX в.

¹⁴⁴ Slovanski svet. 1891. № 15. S. 235,

¹⁴⁵ Slovanski svet. 1892. № 6. S. 77.

Русофилы считали, что кирилло-мефодиевская церковь станет одним из звеньев, которые соединят католических и православных славян. Православные восточные славяне сумели сохранить старославянскую церковь, а западные — нет, но они также имеют на нее право. В настоящее время у западных славян церковь базируется на латинском обряде. Она отвечает потребностям романских народов, но не отвечает индивидуальности славян. Восточный же обряд ее укрепляет. «Нет учреждения в народе, — подчеркивал «Словански свет», — которое могло бы в большей степени оживлять, укреплять или равным образом ослабить национальную индивидуальность, чем церковный обряд»¹⁴⁶. Ослабление кирилло-мефодиевской традиции у западных славян, по мнению сторонников Подгорника, привело их к утрате своей независимости. В качестве примера приводились поляки и словенцы¹⁴⁷. Наоборот, восточные славяне, сумевшие сохранить свою церковь, добились больших успехов — Россия отразила опасность с Востока и с Запада и превратилась в могущественное государство, болгары и сербы сохранили свою национальную сущность. Выступая против латинской церкви, русофилы отрицали пригодность для славян и протестантской церкви, которая, по их мнению, соответствовала немецким национальным особенностям и немецкой культуре¹⁴⁸. Описывая великие успехи России «Словански свет» указывал на одну из причин этих достижений. «Вера в России, — писала газета, — имеет национальную церковь, и вера и национальность у русского народа соединены в единое целое»¹⁴⁹.

Основными чертами кирилло-мефодиевской церкви русофилы считали греческий обряд и старославянский язык в качестве языка богослужения. Достигнуть этого можно словенцам или путем унии, или путем принятия православия¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Slovanški svet. 1891. № 15. S. 235, 236.

¹⁴⁷ Slovanški svet. 1893. № 13. S. 241, 242.

¹⁴⁸ Slovanški svet. 1895. № 1. S. 1.

¹⁴⁹ Slovanški svet. 1896. № 15. S. 169.

¹⁵⁰ Slovanški svet. 1894. № 15. S. 283.

Все приведенные выше суждения газеты «Словански свет», как и другие высказывания на его страницах, дают возможность предполагать, что под кирилло-мефодиевской церковью Подгорник и его соратники подразумевали православную, хотя прямо об этом они нигде не говорили из-за цензурных соображений. Но в частной переписке это провозглашалось открыто. «Всегда меня одушевляла только одна идея: идея православного славянства, — писал Хостник к И.С. Пальмову 7 сентября 1896 г., — и как ни маскирует эту идею “Slovanski svet”, ее можно видеть везде между строк»¹⁵¹.

Все же надо отметить, что Русская православная церковь не абсолютизировалась русофилами. Так, Хостник выступал на страницах газеты против Спектатора (Н.А. Рубакин), который в своих статьях в русской прессе утверждал, что для России православие выше национальности. «Для славян, — отвечал Хостник, — Россия имеет значение только как славянское государство». Православие же привлекательно для славян не с точки зрения религиозной, а с точки зрения национальной, поскольку богослужебный язык и обряды там славянские. «Не православная Россия нам дорога, но славянская Россия. Пока она останется такой, мы будем черпать в ней свою нравственную силу», — заключал Хостник¹⁵².

Православные тенденции газеты «Словански свет» вызывали яростные нападки со стороны словенских клерикалов, обвинявших его в измене католичеству. Поэтому время от времени в ней появлялись заявления, опровергавшие эту точку зрения. Так, некто Рожински писал, что славянская кирилло-мефодиевская церковь всегда будет верна Папе¹⁵³. Подгорник также разъяснял, что истинной религией славян может быть только «католическое православие св. Кирилла и Мефодия в смысле энциклик Папы Льва XIII»¹⁵⁴.

¹⁵¹ ПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 12.

¹⁵² Slovanski svet. 1890. № 22. С. 358–360.

¹⁵³ Slovanski svet. 1889. № 5. С. 71.

¹⁵⁴ Slovanski svet. 1891. № 3. С. 54.

Помимо всеславянской программы, исполнение которой рассчитывалось на отдаленное время, «Словански свет» выдвигал программу, которая отвечала насущным потребностям словенцев. Политическая программа Подгорника и его окружения менялась. Хотя он указывал, что «национальная автономия в нашей программе является первым и самым необходимым условием развития языка и национальности»¹⁵⁵, но само понятие национальной автономии определялось им не всегда одинаково.

Подгорник желал солидаризироваться с чехами и хорватами, борющимися за исторические права своих народов, однако он понимал, что словенцы в своей политической программе могут базироваться только на естественном праве. Он пытался совместить эти два противоречащие друг другу понятия. Подгорник писал, что национальную автономию можно осуществить в Австрии двумя способами: или в национальных границах, или в границах исторических земель. Понимая, что словенцы не имеют исторического права, он иногда доказывал, что они имеют место в хорватском историческом праве,¹⁵⁶ а иногда по-своему объяснял национальное право. Так, в 1888 г. он определял национальное право как право создавать национальные организации, должные следить за национальными школами¹⁵⁷.

Через три года Подгорник развил эту идею полностью. Он предложил оставить неприкосновенными провинциальные границы, однако с тем условием, чтобы внутри каждой провинции каждый народ мог создать свой юридический орган, который бы заботился о законодательстве, касающемся национальных вопросов: языка, школы и пр. Этот орган должен действовать наряду с провинциальными органами, но имел бы свой круг вопросов, в которые бы не вмешивались провинциальные власти, и свои средства. Затем постепенно часть дел от провинциальных органов

¹⁵⁵ Slovanski svet. 1892. № 24. S. 380.

¹⁵⁶ Slovanski svet. 1893. № 19. S. 361.

¹⁵⁷ Slovanski svet. 1888. № 5. S. 70.

перешла бы к национальным, провинциальным же органам оставались только экономические вопросы¹⁵⁸. Практически Подгорник один из первых среди европейских политиков выдвигал программу культурно-национальной автономии.

Одновременно Подгорник высказывался и за территориальную национальную автономию. В начале 1890 г. он выступил за предоставление автономии каждому народу, насчитывающему 1 млн человек¹⁵⁹. А в 1894 г. он стал защищать программу Объединенной Словении. Так, он обрушился в своей газете на депутата Ферьянчича, который, выступая перед своими избирателями в Идрии, заявил, что таборы со своей программой шли по неправильному пути. Ферьянчич утверждал, что словенцам сначала надо объединиться духовно, а затем уже требовать Объединенной Словении. Подгорник же в ответе Ферьянчичу указывал, что сначала надо словенцам объединиться территориально, а потом уже духовно. Программу таборов он полностью поддерживал¹⁶⁰. «Словански свет» отметил двадцатипятилетний юбилей со дня проведения самого большого табора в Вижмарье и полностью приводил программу, принятую на нем: объединение словенских земель, введение словенского языка в школы и учреждения, создание словенского университета в Любляне, установление сберегательных касс для крестьян и др. Статья оканчивалась заявлением, что подобные таборы необходимы и сейчас, ибо национальное существование словенцев еще не обеспечено¹⁶¹. Как можно видеть, Подгорник в конце концов пришел к убеждению о необходимости для словенцев бороться за Объединенную Словению.

Подгорник полагал, что Словения должна стать автономной единицей в федеративном государстве, ибо он, как и Левстик, считал образование самостоятельного словенс-

¹⁵⁸ Slovanski svet. 1891. № 18. S. 282, 283.

¹⁵⁹ Slovanski svet. 1890. № 1. S. 10.

¹⁶⁰ Slovanski svet. 1894. № 7. S. 122, 123.

¹⁶¹ Slovanski svet. 1894. № 10. S. 195, 196.

кого государства невозможным и нецелесообразным. Подгорник утверждал, что малые народы могут быть подлинно независимыми только на островах посреди океана, а на материке о самостоятельности того или иного народа можно говорить, если он насчитывает по крайней мере 30 млн человек¹⁶². Подгорник высмеивал политиков, которые расхваливали независимость малых Балканских государств, указывая, что «в действительности формальная политическая свобода малых народов в настоящее время более чем когда-либо является только видимостью». Рано или поздно все они попадут в зависимость от своих могущественных соседей. «Сейчас даже государство с 30 млн и более населения не может остаться полностью независимым, если не имеет вместе с тем природных ресурсов, с помощью которых может развивать самостоятельную государственную экономику»¹⁶³. В статье «Переоценка собственных сил» редакция газеты подчеркивала: «Ни один славянский народ Австро-Венгрии не имеет достаточно сил и условий, чтобы по достижении относительной самостоятельности мог бы культурно развиваться так, как это необходимо для его существования и соревнования с другими, более многочисленными и культурными народами». И далее в статье утверждалось: «Кроме русского народа ни один славянский народ в настоящее время не имеет необходимых условий для своего существования и необходимого культурного развития». При этом указывалось, что все, сказанное о малых народах, относится и к полякам¹⁶⁴.

В этом вопросе, как и в вопросе об общеславянском языке, Подгорник был солидарен с В.И. Ламанским. Ламанский в своей речи по поводу смерти царя Александра III сказал, что малые народы могут быть самостоятельны только во внутренней, но никак не во внешней политике. Чтобы стать независимыми и во внешних вопросах, малые

¹⁶² Slovanski svet. 1893. № 9. S. 161.

¹⁶³ Slovanski svet. 1895. № 32. S. 297.

¹⁶⁴ Slovanski svet. 1893. № 9. S. 161.

народы должны объединиться в содружества. Эта речь Ламанского была подробно пересказана Подгорником в его газете¹⁶⁵. Подгорник шел дальше Ламанского: он утверждал, что политическая самостоятельность малых народов не только невозможна, но даже вредна, так как эти народы попадут неизбежно не только в политическую, но и в культурную зависимость от соседних великих народов, что подготавливает их ассимиляцию¹⁶⁶. Поэтому Подгорник полностью соглашался с Ламанским по поводу необходимости создания малыми народами федерации. Он выступал за переустройство Австрии на началах федерализма. Эта идея пропагандировалась Подгорником с 1885 г. в еженедельнике «Parlamentär», издававшемся чехом К. Живны при поддержке русина А.И. Добрянского. В этом издании Подгорник писал, что каждый народ Габсбургской монархии должен объединиться в этнических границах и сам решать свои национальные дела¹⁶⁷. Спустя несколько лет уже в газете «Словански свет» Подгорник высказался определеннее. Он предложил создать федеративную Австрию, в которую должны были войти автономные единицы, организованные по национальному принципу: 1) немецкая, 2) югославянская, 3) чешская, 4) польская, 5) галицко-русская, 6) венская (г. Вена с округой), 7) румынская, 8) венгерская. В югославянскую единицу должны были войти — Крайна, Триест, Горица, Градишка, словенские части Штирии и Каринтии, словенские части Прекмурья, Истрия, Далмация, Хорватия, Славония, Риека, сербская Воеводина, Босния и Герцеговина¹⁶⁸. Такую же программу Подгорник опубликовал и в 1892 г.

Развивая свою федералистскую программу, основанную на национальном принципе, Подгорник одновременно разрабатывал и программу культурно-национальной

¹⁶⁵ Slovanski svet. 1894. № 23. S. 141, 142.

¹⁶⁶ Slovanski svet. 1891. № 15. S. 236.

¹⁶⁷ *Kermavner D. Slovenska politika...* S. 184.

¹⁶⁸ Slovanski svet. 1890. № 1. S. 7.

автономии. Скорее всего, эта последняя являлась его программой-минимумом в решении национального вопроса, а федералистскую программу Подгорник рассматривал как главный вариант. Обращает на себя внимание тот факт, что федералистская программа Подгорника включала в себя и югославянский вариант, Словения в ней выступала не как самостоятельная единица, а как часть югославянского единого образования.

«Словански свет» имел и четкую социально-экономическую программу. В ней он решительно выступал защитником прав крестьянства. Уже в его первых номерах провозглашалось: «Сохранение среднего крестьянского сословия желательно не только с экономической, но также и с социальной, и с политико-государственной точки зрения». Критикуя правительственный законопроект о неделимости крестьянского надела и о передаче его в руки единого наследника, Подгорник указывал, что подобный закон будет способствовать нищете остальных наследников, превращая их в пролетариат: «Таким образом, увеличится пролетариат на пользу заводскому капиталу, который чем дальше, тем больше будет иметь выбор рабочих рук по самой низкой цене». Подгорник считал, что только снижение государственных налогов может улучшить положение крестьян. Другой способ укрепления крестьянского хозяйства Подгорник видел в возрождении общины-мира или задруги, где, по его представлению, «имеет место соответствие работы выгоде». В газете «Словански свет» нередко публиковались статьи, расхваливающие эти патриархальные институты. Так, один из его корреспондентов утверждал, что «задруга является учреждением, с помощью которой, а также и других славянских социально-экономических организаций можно было бы создать, развить и укрепить целую экономическую систему»¹⁶⁹.

Главным пропагандистом распространения общины среди славян являлся, по мнению М. Боршник, Целес-

¹⁶⁹ Slovanski svet. 1888. № 21. S. 338.

тин. Он видел спасение славянских народов как от капитализма, так и от социализма в общине, полагая, что с ее помощью можно решить социальный вопрос. «Я в русском мире, — писал он Раевскому 17 июня 1883 г., — (конечно, не недвижимом, но на своем принципе развивающемся) вижу фундамент, на котором должна развиваться и далее самобытная культурная жизнь, но так, чтобы и остальное, не крестьянское общество согласно развивалось, чтобы оно не теряло живого смысла за совокупное развитие всего народа»¹⁷⁰. Несомненно, такая вера в общину ему была внушена знакомством с трудами русских славянофилов.

Решение социального вопроса в пользу мелких крестьянских собственников словенские русофилы считали важнейшим условием успешного развития словенской нации. Целестин, например, в 1889 г. призывал в журнале «Люблянски звон» укреплять экономическую самостоятельность словенцев, ибо, по его мнению, «в противном случае, мы не спасем столпа своего — крестьянского сословия, а с ним потеряем и все остальное»¹⁷¹.

Будучи выразителями интересов крестьян, словенские русофилы ненавидели дворянство и партии, выражавшие их интересы. В этом отношении они были близки Левстику и младословенцам 1860–1870-х гг. Подгорник был убежден, что славянам вообще не были присущи феодальные отношения до их завоевания иноземцами. «Славянин не знал ни господина, ни слуги, — писал он, — это различие ему было привнесено насильно». И конечно, оно было привнесено с Запада германскими завоевателями. Подгорник считал, что между германскими и романскими народами, с одной стороны, и славянскими, с другой, в основе национального антагонизма лежат социально-экономические различия¹⁷². В этом отношении Подгорник следовал за Левстиком, который одним из первых словенских нацио-

¹⁷⁰ Зарубежные славяне и Россия. С. 460.

¹⁷¹ *Boršnik V. Fran Celestin*. S. 251, 252.

¹⁷² *Slovanski svet*. 1888. № 9. S. 135.

нальных деятелей был убежден, что в основе национальных противоречий между словенцами и немцами лежит классовый антагонизм. Поэтому Подгорник критиковал словенских депутатов рейхсрата, которые вступили в клуб дворянского политика графа Гогенварта, считая, что «граф Гогенварт был и есть антиславянский политик». Осуждал он и деятельность чешского лидера Ф. Ригера, в котором видел вождя консервативного чешского дворянства¹⁷³. В 1895 г. «Словански свет» выступил против создания коалиции против немецких либералов, состоящей из чешских и польских дворянских политиков в союзе с немецким дворянством¹⁷⁴. Русофилы были убеждены, что свои сословные интересы дворянство всегда будет ставить выше интересов государства и всего народа¹⁷⁵.

Наиболее полно выражала интересы дворянства, по мнению русофилов, Католическая партия, хотя они и указывали, что помимо аристократов ее поддерживают многие крестьяне и почти все духовенство. В связи с этим и социально-экономические взгляды ее членов неоднородны. Одни близки взглядам либералов-немшкutarов, другие объявляют себя христианскими социалистами, третьи являются решительными противниками последних. Но все эти группировки объединяют ярый клерикализм, слепая преданность католической церкви¹⁷⁶. «Словански свет» подчеркивал, что Католической партией правит высшее духовенство, близкое дворянству, по своей сути антиславянское и антисловенское, вредящее национальному развитию словенцев¹⁷⁷. Особенно бескомпромиссно русофилы клеймили религиозный фанатизм клерикалов, главным идеологом которого был А. Махнич. Почти в каждом номере их газеты помещались статьи против сторонников Мах-

¹⁷³ Slovanški svet. 1894. № 3. S. 56.

¹⁷⁴ Slovanški svet. 1895. № 29. S. 269.

¹⁷⁵ Slovanški svet. 1888. № 7. S. 106, 107.

¹⁷⁶ Slovanški svet. 1895. № 10. S. 91.

¹⁷⁷ Slovanški svet. 1894. № 17. S. 323, 324.

нича. Их называли кликой, отличающейся бесстыдными поступками и терроризмом¹⁷⁸, убивающей в народе любовь к ближнему и дискредитирующей веру в глазах всех мыслящих людей¹⁷⁹. В частной переписке Махнич получал еще более резкую характеристику. «Махнич, — писал Хостник Пальмову в марте 1898 г., — иезуит самого гнусного закала, ярый ненавистник православия»¹⁸⁰. Клерикалы вызывали особую неприязнь русофилов тем, что ставили веру выше национальности, натравливали народ на тех словенских национальных деятелей, которые не были религиозными фанатиками. «Словански свет» называл клерикалов латинизаторами и германизаторами. Русофилы спорили с ними по всем вопросам: по основным положениям национальной программы, по вопросам религии, отношению к школе, к женскому вопросу, по отношению к различным литературным словенским деятелям. В защиту словенских писателей в газете «Словански свет» выступали Хостник, Целестин, Подгорник и особенно А.И. Добрянский, видный национальный деятель русинов, активно сотрудничавший в газете Подгорника, особенно яростно боровшийся против клерикалов. Кермавнер считает, что Добрянский оказал большое влияние на идеологию Подгорника¹⁸¹.

Отношение к другой крупной партии словенцев — к либералам, у Подгорника и его соратников было сложнее. Они, безусловно, видели в немецких либералах, проводивших энергичную германизаторскую политику, своих главных врагов. Немецких либералов они называли партией крупных промышленников и торговцев. «Эта партия, — писал «Словански свет», — в своих интересах подрывает основы благосостояния среднего и мелкого крестьянства, эксплуатирует рабочие массы на фабриках и уничтожает мелкое ремесло и торговлю, монополизирует их в своих

¹⁷⁸ *Slovanski svet*. 1891. № 5. S. 75.

¹⁷⁹ *Slovanski svet*. 1891. № 13. S.212.

¹⁸⁰ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 30.

¹⁸¹ *Kermavner D. Slovenska politika...* S. 183, 200, 454, 455.

руках»¹⁸². Крупный капитал русофилы считали космополитичным и антинациональным. «Люди действуют против государства и народов, — писал Подгорник, — где они обогатились и среди которых они даже сами были рождены и воспитаны, если им иноземцы пообещают выгоду»¹⁸³.

Словенскую либеральную партию подгорниковцы считали национальной партией, необходимой для словенцев. Они приветствовали ее создание, высоко оценивали выступление И. Тавчара с ее программой, особенно им нравилось в ней стремление наладить духовные связи со всеми славянскими народами¹⁸⁴. Вместе с тем взгляды либералов не полностью удовлетворяли русофилов. Так, Хостник не одобрял их равнодушия к религии, полагая, что пока светская и духовная власть неразрывно связаны друг с другом, нужно принимать во внимание и религиозные чувства народа¹⁸⁵. Заявляя, что изложенная программа Тавчара полностью его удовлетворяет, он сожалел, что либералы частично отреклись от своей прежней программы, что они изменили свое отношение к России, не поняли своей главной задачи, а именно — выбить оружие веры из рук клерикалов и этим завоевать на свою сторону простой народ. Выбить оружие веры Хостник полагал с помощью кирилло-мефодиевской церкви¹⁸⁶.

В результате экономического кризиса уже в 1890-х годах оформился словенский рабочий класс, чего не могли не заметить словенские либералы. Первым высказал положение, что большинство словенцев принадлежат к сословию рабочих, Левстик. Но это было в то время, когда в словенских землях рабочее движение только начало отделяться от общедемократического и рабочий класс еще не сформировался как самостоятельная сила. Подгорник же действовал

¹⁸² Slovanski svet. 1894. № 20. S. 382.

¹⁸³ Slovanski svet. 1888. № 1. S. 5, 6.

¹⁸⁴ Slovanski svet. 1891. № 11. S. 180, 181.

¹⁸⁵ Slovanski svet. 1891. № 13. S. 212.

¹⁸⁶ Slovanski svet. 1891. № 22. S. 250–253.

тогда, когда рабочий класс уже определился и даже образовал свою социал-демократическую партию.

Либеральная газета «Единост» (*Edinost*), издававшаяся в Триесте, в 1890 г. подчеркивала свои симпатии к рабочим: «Врагами этого сословия мы не являемся и не можем быть уже по той причине, что оно есть главный столп словенства в Триесте»¹⁸⁷. Среди русофилов Подгорник являлся главным теоретиком по рабочему вопросу. Еще в 1884 г. он выпустил в Горице брошюру «Делавски prijatelj» (*Delavski prijatelj*. Друг рабочих). В 1890 г. он переселился из Горицы в Триест. В это время он уже издавал «Словански свет» и одновременно сотрудничал в газете «Единост», где подписывался «Делавски prijatelj». В ноябре 1890 г. — январе 1891 г. он опубликовал в газете «Единост» серию статей о рабочем движении. Уже в первой статье он писал: «Весь словенский народ принадлежит рабочему сословию». На основании этого он делал вывод, что «не может быть народа, у которого бы было больше симпатий и дружеского отношения к рабочим, чем у словенского народа»¹⁸⁸. Позднее, в 1893 г., в статье, опубликованной в газете «Словански свет», Подгорник уточнял, что он подразумевает под рабочими: крестьян, мелких промышленников, ремесленников, поденщиков, ибо все они страдают от крупного капитала, все эксплуатируются им¹⁸⁹. В своих статьях Подгорник указывал, что имеющиеся различия между богатыми и бедными существуют уже тысячелетия и добиться их ликвидации сразу не удастся. Поэтому рабочие пока должны стремиться к тому, чтобы им полностью оплачивали их труд, сокращали рабочий день¹⁹⁰. Однако Подгорник никогда не выдвигал требования установления восьмичасового рабочего дня. Позднее он так объяснял это: для некоторых видов работы возможен и девятичасовой рабочий день, а для осо-

¹⁸⁷ *Kermavner D. Začetki slovenske socialne demokracije*. S. 242.

¹⁸⁸ *Kermavner D. Začetki...* S. 255–261.

¹⁸⁹ *Slovanski svet*. 1893. № 21. S. 403.

¹⁹⁰ *Kermavner D. Začetki...* S. 256.

бо тяжелых работ и восьмичасовой рабочий день слишком велик¹⁹¹. Для осуществления своих требований Подгорник предлагал рабочим основывать свои организации: профсоюзы по образцу английских тредьюнионов, кассы взаимопомощи, кооперативы¹⁹². Такие организации должны выступать не против всего общества, а против наиболее несправедливых капиталистов¹⁹³.

Подгорник не выступал против частной собственности вообще. Он утверждал, что богатство является не только плодом труда рабочих, но и результатом деятельности собственника. Поэтому цель уничтожения частной собственности Подгорник считал не только не реальной, но и несправедливой. Она, по его мнению, была поставлена перед рабочими еврейскими агитаторами, действующими в пользу еврейского капитала. Они нацеливали рабочих на далекое будущее и отвлекали их от борьбы за насущные интересы¹⁹⁴. В качестве таких агитаторов он указывал на Маркса и Лассалья. Подгорнику не нравились не только их выступления против частной собственности, но и их интернационализм, который он определял как «космополитизм рабочего сословия»¹⁹⁵. Подгорник не отрицал, что рабочие могут иметь свои собственные сословные (классовые) интересы. Но в то же время он утверждал, что «интересы наций настолько влиятельны, что сословия не могут хорошо защитить своих интересов, если они идут вразрез с национальными интересами»¹⁹⁶. При таких убеждениях социал-демократическая партия вызывала острую критику русофилов. Подгорник видел в социал-демократах плод немецко-романской культуры и считал их идеологию вредной для национального, экономического и религиозного развития славян. «Социал-демократия, какой она является

¹⁹¹ *Slovanski svet*. 1895. № 18. S. 158.

¹⁹² *Kermavner D. Začetki...* S. 259.

¹⁹³ *Slovanski svet*. 1895. № 18. S. 158.

¹⁹⁴ *Slovanski svet*. 1895. № 18. S. 157.

¹⁹⁵ *Kermavner D. Začetki...* S. 258.

¹⁹⁶ *Slovanski svet*. 1895. № 5. S. 42.

в настоящее время, — писал он, — не способна действительно улучшить материальное положение рабочих и еще менее — облагородить рабочие массы»¹⁹⁷. В статье о Пражском съезде австрийской социал-демократии «Словански свет» с сочувствием писал о борьбе социал-демократов за всеобщее избирательное право, но решительно критиковал те решения съезда, в которых подчеркивалась необходимость интернационализма для рабочих¹⁹⁸. Вместе с тем Подгорник сумел подметить и слабые стороны идеологии австрийских социал-демократов. Так, он справедливо указывал, что социал-демократия Австрии наносит вред рабочему движению, не обращая внимания на национальные стремления угнетенных народов¹⁹⁹.

Рабочие организации, связанные с национальным движением, поддерживались русофилами. Так, Подгорник приветствовал образование в Триесте Рабочего общества взаимопомощи, развивавшегося в тесной связи со словенским национальным движением. В газете «Словански свет» рассказывалось о праздновании членами общества годовщины со дня его основания. Началось празднование с богослужения в церкви, а затем торжество превратилось в настоящий национальный праздник, на котором присутствовали все национальные словенские общества Триеста, рабочие и интеллигенция. Особенно расхваливалась деятельность местного Сокола, который, по словам газеты, «является крепким связующим звеном между рабочими кругами и интеллигенцией»²⁰⁰.

Кроме Рабочего общества взаимопомощи особые симпатии у русофилов вызывало Рабочее читальническое общество в Идрии. «Словански свет» подчеркивал, что в праздновании десятилетия со дня его основания приняли участие представители всех слоев словенского общества в

¹⁹⁷ Slovanski svet. 1897. № 16. S. 248.

¹⁹⁸ Slovanski svet. 1896. № 11. S. 131.

¹⁹⁹ Slovanski svet. 1895. № 18. S. 158.

²⁰⁰ Slovanski svet. 1894. № 16. S. 315.

Идрии, поскольку за годы своей деятельности оно привлекло к себе всеобщие симпатии²⁰¹. Подробно о деятельности Рабочего читальнического общества рассказывал на страницах газеты Подгорника корреспондент «-й», по-видимому, являющийся жителем Идрии. Он писал, что к 1895 г. общество насчитывало 200 членов и имело более 1000 гульденов годового дохода. Оно выписывало либеральные газеты «Словенски народ» и «Единост». Общество проводило беседы о необходимости объединения и просвещения народа, о Кирилле и Мефодии и влиянии их деятельности на славян. Идрийский корреспондент сообщал об образовании в Идрии нового словенского общества Еднакоправност, которое должно объединить все рабочее сословие, в которое, по его мнению, входили кроме наемных рабочих и крестьяне. В следующем номере газеты «Словански свет», возможно, тот же корреспондент описывал первое собрание общества Еднакоправност. На нем была провозглашена цель общества: «содействовать политическому, материальному и духовному сословному и национальному прогрессу, особенно рабочего и крестьянского сословия, а также национальному и сословному равноправию». Достигнуть этого общество предполагало легальными путями — проведением собраний, лекций, выступлениями в печати²⁰².

Русофилы призывали словенских национальных деятелей уделять самое пристальное внимание рабочим. Корреспондент «Ресницолоуб» (Resnicoljub, Правдолюб) в июне 1897 г. сетовал, что либералы на очередных выборах не получили поддержки низших слоев населения. Так, крестьяне долины Дравы голосовали за словенских либералов, а работники — за социал-демократов. «Ресницолоуб» упрекал словенскую интеллигенцию за то, что она на собрания национальных обществ привлекает только крестьян, оставляя за бортом работников и ремесленников. Корреспондент

²⁰¹ Slovanski svet. 1894. № 16. S. 316.

²⁰² Slovanski svet. 1895. № 1. S. 6, 7; № 2. S. 18.

призывал крестьян включаться в национальную агитацию, вести ее среди своих работников, внушая им, что «крестьянин и работник — одно и то же»²⁰³.

Четвертым направлением деятельности газеты «Словански свет» было ознакомление словенцев с Россией, с ее социально-экономическим строем, обычаями ее народа, его культурой. О России писали сам Подгорник, Целестин, словенские эмигранты в России Хостник, Штифтар, Лесковец и др. При этом сама Россия и жизнь в ней всячески идеализировались. Особое внимание уделялось крестьянскому вопросу, и это понятно, ибо большая часть словенцев являлись крестьянами, а словенская интеллигенция также вышла из крестьянского сословия.

Подробно рассказывали о русском крестьянстве Штифтар и Лесковец. Штифтар расхваливал крестьянскую реформу, утверждая, что она была справедливой, поскольку не оставила ни одного крестьянина без надела. Он указывал, что в случае необходимости крестьянин не должен был идти к ростовщику, а мог взять ссуду в Крестьянском банке. Штифтар вынужден был признать рост количества безземельных крестьян, однако объяснял его увеличением численности сельского населения. Однако тут же он пояснял, что безземельные крестьяне могут брать у помещиков участки земли в аренду за очень умеренную плату²⁰⁴. В декабре 1893 г. «Словански свет» писал, что русское правительство сделало для низших слоев очень много, а именно: создало для крестьян кредитные банки, способствовало приобретению ими паровых машин²⁰⁵. Практически перечислялись те меры, которые отвечали интересам крепких хозяев, а не низших слоев населения.

Несколько статей о русском крестьянстве опубликовал Лесковец. Он подчеркивал, что русское правительство больше всего заботится о крестьянстве, которое составляет 92 %

²⁰³ Slovaniski svet. 1897.

²⁰⁴ Slovaniski svet. 1890. № 9. S. 144.

²⁰⁵ Slovaniski svet. 1893. № 24. S. 461.

населения России. Именно крестьянам дана такая широкая автономия в общественных делах, которую не имеют никакие другие крестьяне в мире, эту автономию осуществляют община и общинное самоуправление. Лесковец признавал разорение крестьян, но тут же отмечал, что разорившиеся крестьяне могут отправиться в Сибирь и получить там бесплатно 80 десятин земли, двух волов и на 10 лет освобождение от всех налогов²⁰⁶. Сравнивая положение русского крестьянина с положением словенского, Лесковец приходил к выводу, что положение первого значительно лучше: он не имеет задолженности словенца, не знает борьбы политических партий, а знает лишь одного царя-батюшку²⁰⁷. Даже в этих идеальных описаниях положения русского крестьянства Штифтар и Лесковец вынуждены были признать существование сельского пролетариата.

Восхвалял русскую общину и Целестин, опираясь на труды русского ученого Н.П. Семенова. Он ближе всего в своей оценке русской общины стоял к русским славянофилам, видя в ней не только залог развития русской национальной жизни, но и установления известного социально-экономического равенства в деревне. В своих корреспонденциях о русской деревне Штифтар, Лесковец, Целестин были гораздо менее объективны, чем Хостник в газете «Словенски народ» в конце 1880-х годов. Также и русское дворянство получило у Целестина значительно более высокую оценку, чем в корреспонденциях Хостника. Целестин с удовлетворением писал, что Александр III вернул некоторые права дворянству, отнятые у него во время реформ, что русская интеллигенция раньше слишком мало ценила «великие заслуги дворянства перед русской жизнью и прогрессом»²⁰⁸. Русские цари в статьях Подгорника, Целестина, Штифтара выступали в безупречных одеждах героев и законодателей. Россию «Словански свет» рисовал

²⁰⁶ Slovanski svet. 1895. № 30. S. 282.

²⁰⁷ Slovanski svet. 1895. № 46. S. 427.

²⁰⁸ Slovanski svet. 1890. № 3. S. 40.

как некую идеальную утопическую страну, где каждый имеет свой надел, свободно получает кредит, а если разорится, то может получить бесплатно землю в Сибири, где царь — великодушный и щедрый радетель своего народа. Истинная Россия с ее нищетой народных масс, засильем бюрократии, отсталостью, огромными социальными противоречиями оставалась неизвестной читателю.

Поскольку существовавшая в то время Россия признавалась корреспондентами газеты «Словански свет» идеальным государством, то и общественные движения в ней оценивались с этой точки зрения. Наибольшую их симпатию вызывали славянофилы. На страницах газеты помещались статьи о С.-Петербургском Славянском благотворительном обществе, в которых рассказывалось о его деятельности. Так, в статье, посвященной его двадцатилетнему юбилею, указывалось, что «общество по целям и деятельности носит культурный и цивилизаторский характер в благороднейшем значении этого слова», что оно никогда не давало средств на поддержку ассимиляции неславянских народов и в этом отличается от подобных немецких и итальянских обществ²⁰⁹. Подобной статьей было отмечено и двадцатипятилетие Славянского общества. Особенно почитали подгорниковцы первое поколение славянофилов, группировавшихся вокруг А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Целестин писал о них как о представителях не только национальной, но и общечеловеческой идеи, поскольку они выступали против культа насилия, критиковали деятельность таких деспотов, как Иван IV и Петр I²¹⁰. Что касается русского либерализма, то Штифтар оценивал либеральные реформы Александра II отрицательно, в то время как Хостник о либералах отзывался положительно. Целестин в спорах между западниками и славянофилами принимал сторону славянофилов. При этом он указывал, что даже

²⁰⁹ Slovanski svet. 1889. № 5. S. 75–77.

²¹⁰ Slovanski svet. 1890. № 19. S. 306, 307.

некоторые западники разочаровались в европейских порядках, а их глава — Герцен «высказал хваленой западной культуре несколько действительно горьких истин»²¹¹.

Революционное движение подгорниковцами оценивалось отрицательно. Целестин осуждал революционеров за то, что они пытались ввести в России европейские порядки. Штифтар, как и Целестин, видел в революционерах чужеродное для славян явление, вызванное стремлением подражать Западу. Гибель русских демократических журналов «Отечественные записки» и «Современник» он воспринимал как законный результат их «чрезмерной приверженности Западу и его порядкам, особенно крайнему социализму и нигилизму»²¹². Вместе с тем «Словански свет» помещал статьи, в которых высоко оценивалась деятельность некоторых русских революционеров. Так, в статье посвященной памяти Н.Г. Чернышевского, он характеризовался как великий русский мыслитель и социалистический писатель, величию духа которого удивляются иностранные теоретики социализма. «Был он одним из величайших духовных титанов современности вообще», — заключал «Словански свет»²¹³. С симпатией отзывался «Словански свет» также о народнике С.М. Степняке-Кравчинском.

Не все корреспонденты газеты придерживались подобных взглядов на Россию. Но их статьи на эту тему в газете не публиковались. Так, Хостник относился к российским порядкам отрицательно. «Я как сказал, — писал он российскому ученому М.Н. Сперанскому 31 декабря 1897 г., — отнюдь не увлекаюсь политической Россией и душевно скорблю о том, что ее внутренние дела находятся в обратной пропорции с ее политическим могуществом, но люблю русских и всегда любил»²¹⁴. Близкого мнения придерживались и некоторые сотрудники «Веснь». Так, «Fr. G.» писал

²¹¹ Slovanški svet. 1891. № 14. S. 228.

²¹² Slovanški svet. 1893. № 1. S. 12.

²¹³ Slovanški svet. 1889. № 21. S. 351; № 18. S. 303.

²¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 256. Л. 2 об., 3.

в «Весне» в 1892 г.: «Мы никоим образом не воодушевлены русскими внутривосточными отношениями, но это не может уменьшить наши симпатии к народу и языку»²¹⁵.

Хостник в 1891 г. писал, что круг газеты «Словански свет» представляет собой третью маленькую словенскую партию, которая не борется за парламентские места и полностью придерживается программы старых либералов времен таборов и которую за это преследуют как клерикалы (в большей степени), так и либералы (в меньшей степени), обвиняя ее в русофильстве. «Мы, стоящие за полную, действительно всеславянскую программу и культурную славянскую программу, — продолжал Хостник, — единственные, которые могут спасти словенский народ от гибели»²¹⁶.

Хостник несколько преувеличивал. Лица вокруг газеты «Словански свет» представляли собою достаточно сплоченную группу, имевшую свой печатный орган и свою программу. Все же они по своим политическим взглядам являлись либералами, однако по социально-экономическим вопросам они находилась на самом левом крыле либеральной партии.

Своих сторонников русофилы имели в кругах наиболее радикально настроенной интеллигенции, прежде всего словенского студенчества. За развитием студенческого движения русофилы следили с особой симпатией. Они были убеждены, что молодежь — будущее нации и поэтому заслуживает пристального внимания. Русофилы видели, какую напористую пропаганду ведут среди молодежи пангерманисты, и опасались ее. «Немецкие националы все[й] нашей монархии работают всюду в пангерманском духе, — писал Подгорник И.С. Пальмову 5 января 1897 г., — пропаганда сильна, и студен[че]ство мыслит более и более все по-русски. Для нас это очень опасно, и для того нам должно молодежь готовить за нашу программу»²¹⁷. Уже в третьем

²¹⁵ Vesna. 15.07.1892.

²¹⁶ Slovanski svet. 1891. № 3. С. 214, 215.

²¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 211. Л. 6 с об.

номере своей газеты Подгорник опубликовал статью о студенческих обществах Граца. В газете приветствовалось образование совместного славянского общества Славин, в которое входили словенские, хорватские, сербские, чешские, болгарские и польские студенты, всего более 100 человек, и которое провозгласило своей целью «укреплять дружбу славянских студентов Граца и готовить его членов к деятельности в области славянской литературы»²¹⁸. На страницах газеты «Словански свет» подробно освещалась деятельность словенского студенческого общества Словения, описывались его наиболее значительные мероприятия. Особенно приветствовались интерес членов общества к русской культуре, устройство ими общеславянских праздников. Так, корреспондент «Словански света» с гордостью описывал устроенный Словенией концерт, на котором присутствовало 600 человек словенцев, хорватов, чехов, болгар, сербов, в том числе чешский лидер Ригер и видный деятель сербов Д. Стратимирович, а также 17 болгарских журналистов²¹⁹. С воодушевлением корреспондент «Слованского света» рассказывал о праздновании 25-летнего юбилея Словении, которое происходило 31 января 1894 г. и в котором участвовали представители всех славянских студенческих обществ в Вене. Помимо них праздник посетили министерский советник Иричек, профессор Венского университета Ягич, русский архиерей А. Николаевский. Весной 1894 г. снова отмечали юбилей общества Словения. На этот раз его провели за городом. По словам корреспондента, на празднике снова участвовали члены всех студенческих обществ за исключением польского. В корреспонденции указывалось, что из 700 членов Словении, которые в нем состояли за эти 25 лет, только один предал интересы своего народа²²⁰.

«Словански свет» публиковал на своих страницах объявления с призывом к словенским студентам вступить в

²¹⁸ Slovanski svet. 1888. № 3. S. 40, 52.

²¹⁹ Slovanski svet. 1893. № 4. S. 77.

²²⁰ Slovanski svet. 1894. № 3. S. 57; № 9. S. 175.

Словению. Так в объявлении, помещенном в 1895 г., говорилось, что Словения является центром словенского передового студенчества, очагом для словенских студентов на чужбине, воспитывающим их в духе старого лозунга либералов: «Все за свободу и национальность»²²¹.

Особенно тесные связи со словенским студенчеством у газеты «Словански свет» сложились в 1894–1896 гг. В 1892–1894 гг. в Целье раз в месяц выходила радикальная газета словенских учащихся «Весна» (*Vesna*). Она активно выступала против клерикалов, особенно против их газеты «Даница» (*Danica*). Вскоре из-за нападков клерикалов и потери большей части подписчиков «Весна» прекратила свое существование. В последнем номере, прощаясь со своими подписчиками, ее редакция призывала их хранить верность идеалам словенского либерализма: «Все за народ и свободу», «Все за славянство и прогресс». «Будем славянами телом и душою, станем трудиться, — призывала редакция, — ради прогресса и достижения автономии для своего народа». Далее редакция объявляла: «“Словански свет” будет в будущем нашим знаменем»²²². Со своей стороны, «Словански свет» тоже заявил, что считает себя органом тех учащихся, которые остались верными принципам «Веснь»²²³.

С приходом в «Словански свет» сотрудников «Веснь» оппозиционность органа русофилов возросла. Уже в начале февраля 1895 г. в нем появилась обширная статья за подписью «Учащийся-прогрессист» (*Naprednjak-dijak*) «Клерикальная и Национальная партии и словенские студенты». В ней автор с горечью отмечал распространение клерикальных взглядов среди словенцев, причину этого он видел в бездеятельности либералов и в активной наступательной тактике клерикалов. Махнич и его клика всячески мешали «Весне», которая занимала национальные и всеславянские позиции, создали против нее свою студенчес-

²²¹ *Slovanski svet*. 1895. № 28. S. 268.

²²² *Vesna*. Celje. 1894. № 12.

²²³ *Slovanski svet*. 1894. № 24. S. 461; 1895. № 1. S. 1.

кую газету «Зора». В результате «Весна» потеряла большую часть своих подписчиков среди гимназистов. «Учащийся-прогрессист» упрекал либералов в том, что они не только не поддержали «Весну», но и сами нападали на нее. В результате «Весна» погибла, а студенческое общество Словения находится на краю гибели²²⁴.

Другой корреспондент «Непомук» (Nepomuk) был настроен не менее пессимистически. Прекращение издания «Веснь», возникновение католического студенческого общества Даница и католической газеты «Зора» он воспринимал как начало черной ночи мракобесия в словенских землях²²⁵. «Непомук» поместил в газете «Словански свет» несколько заметок. Во всех бедах студенческого движения в Вене он обвинял клерикалов и верхушку либеральной партии. Так, он критиковал словенский клуб в Вене, куда допускались только словенцы, занимающие солидное положение в обществе. На заседания этого клуба не допускались ни студенты, ни мелочные словенские торговцы апельсинами, каштанами и пр. «Непомук» считал необходимым создать общий словенский клуб, куда могли бы ходить словенцы, постоянно живущие в Вене, и студенты, а для мелочных словенских торговцев организовать словенскую читальню, где бы они могли читать словенские газеты и слушать беседы на разные темы, которые там проводили бы образованные словенцы²²⁶. Член общества Словения, подписывавшийся «Квидам» (Quidam), указав, что в своем большинстве члены Словении примыкают к либералам, обвинял либеральную партию в гибели «Веснь». «Квидам» был убежден, что словенцы имеют будущее только в культурной связи с остальным славянством. Он призывал руководителей либерального движения не критиковать радикализм студентов, а отнестись к нему благожелательно и согласованно с ними «действовать на пользу и славу отечества»²²⁷.

²²⁴ Slovanski svet. 1895. № 6. S. 55, 56.

²²⁵ Slovanski svet. 1895. № 10. S. 90.

²²⁶ Slovanski svet. 1895. № 35. S. 327.

²²⁷ Slovanski svet. 1895. № 19. S. 175.

Из корреспондентов газеты «Словански свет», связанных с «Весной», полностью подписывался своим именем Янко Венцайз, сын судьи из Шент Вида. Он опубликовал две статьи «Наша светская интеллигенция и студенческая молодежь» и «Заметки учащегося». Первая статья критиковала оппортунизм лидеров словенского либерализма, а вторая была посвящена истории словенского студенчества. Сам Венцайз активно участвовал в деятельности словенских студенческих обществ в Вене (Словения, Сава, Славянская беседа), сотрудничал в «Словенском народе», являлся одним из создателей «Веснь». Его единомышленниками были Владимир Равнихар, Ф. Говекар, Ф. Гестл²²⁸.

Близки сторонникам «Веснь» были «Домолюб» (Domoljub) и «Х», выступавшие в «Слованском свете» осенью 1895 г., когда проходили выборы в провинциальное собрание Крайны. «Домолюб» был уверен в победе на этих выборах клерикалов, ибо либеральная партия «без настоящего руководства, без ясной программы не завоевала ничьих симпатий». Она не пошла к народу, не вела агитацию среди пролетариата, в то время как клерикалы действовали в этом отношении очень активно²²⁹. Спустя несколько дней «Х» критиковал воззвание либералов к избирателям, в котором не нашла своего отражения их программа, а слышится бессилие, равнодушие, безнадежность²³⁰.

Итоги выборов в крайнское собрание подтвердили пессимистические прогнозы указанных корреспондентов: либералы потерпели полное поражение в крестьянской курии, получив некоторую поддержку у горожан. Корреспондент «Видененсис» (Videnensis) прокомментировал этот частичный успех в городе, подчеркнув, что он стал возможен только потому, что ни одна партия во время выборов не выступила с четкой социально-экономической программой. «Видененсис» пришел к неутешительному выводу:

²²⁸ Slovanski svet. 1895. № 36. S. 339, 340.

²²⁹ Slovanski svet. 1895. № 42. S. 392, 393.

²³⁰ Slovanski svet. 1895. № 45. S. 418, 419.

«Отечественная либеральная партия в истинном смысле является партией буржуазии», а в новом провинциальном собрании есть только партия буржуазии и партия аграрно-социальных клерикалов. Интеллигенция, по мнению корреспондента, перестала быть вождем народа и превратилась в генерала без армии. Либералы впали в окончательный маразм — у них нет опоры в народе, нет авторитета среди молодежи, нет экономической и социальной программы, нет славянского самосознания²³¹. В этой корреспонденции «Видененсис» дал наиболее резкую критику словенским либералам.

Кроме студенческих обществ «Словански свет» уделял внимание спортивному обществу Сокол, объединявшему патриотически настроенную словенскую молодежь. О деятельности филиалов Сокола «Словански свет» не раз помещал заметки. Особой симпатией его пользовался люблянский Сокол, старостой которого был Иван Хрибар, а почетным членом известный поэт Антон Ашкерц. С вниманием следил «Словански свет» за деятельностью Сокола в Триесте. В ноябре 1894 г. он с гордостью отмечал, что в нем около 500 членов, больше, чем в любой другой сокольской организации в словенских землях. На открытии нового помещения Сокола его староста Грегорин утверждал, что нет различий между рабочими и хозяевами, так как все словенцы — рабочие. Это утверждение вполне соответствовало взглядам Подгорника. «Словански свет» с удовлетворением отмечал, что у триестинского Сокола хорошее будущее, так как он опирается на средние слои, «которые не стыдятся быть в дружбе с аристократами духа и капитала»²³².

О поддержке этого издания молодежью писал из Вены и «Непомук», который подчеркивал, что за «Слованским светом» не стоят массы, но многие словенские и славянские патриоты, особенно из молодежи и женщин²³³. Об этом же с

²³¹ Slovanski svet. 1895. № 47. S. 435.

²³² Slovanski svet. 1894. № 21. S. 134.

²³³ Slovanski svet. 1895. № 50. S. 465.

гордостью сообщал Хостник в письме к Пальмову в 1896 г.: «Довольно уже того, что молодежь на нашей стороне»²³⁴. То же писал и Подгорник Пальмову 5 января 1897 г., указывая, что по просьбе молодежи он в 1897 г. будет публиковать материалы по философии, экономике, социализму²³⁵.

«Словански свет» был создан в то время, когда начались гонения на русофильские издания как со стороны властей, так и со стороны католической церкви. Многие лица, придерживавшиеся русофильских взглядов, отказались от них, одни — из-за того, что поддались антирусской агитации и на основании ее изменили свое отношение к России, другие — из-за боязни неприятностей со стороны как государственных учреждений, так и церкви. Поэтому высказывания Хостника и Подгорника не отвечали настоящему положению дел. «Словански свет» с самого начала являлся дефицитным изданием. Подгорник частично вкладывал свои деньги, но, будучи небогатым человеком, содержать свою газету без поддержки извне он, конечно, не мог. Газете материально помогали некоторые его сотрудники и подписчики, в том числе и из России. Так, Хостник в письме от 19 января 1896 г. в Издательскую комиссию С.-Петербургского Славянского благотворительного общества просил в счет своего гонорара за словари отослать Подгорнику 40 руб. В письмах к Пальмову Хостник упоминал Ивана Коса, словенского эмигранта в Петербурге, ведшего там удачную торговлю, который ежегодно давал на издание 60 руб.²³⁶

Конечно, все это были небольшие взносы. Но, как показывает переписка Хостника с Пальмовым, имелись и другие источники помощи. Так, 4 июня 1896 г. Хостник просил Пальмова похлопотать перед В.К. Саблером о помощи «Слованскому свету», поскольку он пока получил только 2/3 субсидии. Владимир Карлович Саблер занимал должность товарища прокурора Св. синода и одновременно яв-

²³⁴ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 10 об.

²³⁵ Там же. Д. 211. Л. 4 с об.

²³⁶ Там же. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 64 об.

лялся активным членом С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. Одна из этих организаций — Славянское благотворительное общество или Св. синод, выдавали субсидии словенской газете. Однако ее не хватало. В 1896 г. Подгорник отправился в Россию в поисках дополнительных средств для своего издания. Главной его целью была встреча с членами Славянского благотворительного общества. Об этой поездке Хостник хлопотал перед Пальмовым. Средства на эту поездку предоставляла российская сторона. В письме от 28 июня 1896 г. Хостник благодарил Пальмова. «Участие глубокоуважаемого Владимира Карловича и Ваше, — писал он, — в судьбе “Slovanskega sveta” глубоко меня тронуло, и у меня ожила надежда, что близкое моему сердцу издание не пропадет». В этом письме Хостник называл и сумму, необходимую для поездки Подгорника и на его неотложные расходы — 1000 руб. 7 сентября 1896 г. Хостник сообщал Пальмову, что Подгорник выехал из Рыльска, где он пробыл три дня, в Петербург. 24 октября 1896 г. Хостник благодарил Пальмова за внимание, оказанное Подгорнику, и за представление последнего Саблеру²³⁷. В январе 1897 г. Подгорник лично благодарил Пальмова «за Вашу мне документальную благосклонность словом и делом» и сообщал, что многие патриоты приветствовали возрождение газеты «Словански свет» и обещали в ней сотрудничать. Спустя полгода он снова жаловался Пальмову на то, что не получил всех обещанных денег²³⁸. В это же время Подгорник вновь обращался к Хостнику с просьбой о посредничестве в новом получении средств. Но тот отказался это сделать. В письме к Пальмову от 23 августа 1897 г. Хостник объяснял свое решение тем, что он и Саблер и так много сделали для Подгорника, который не должен рассчитывать только на одни субсидии, и если газета не окупает себя, лучше ее закрыть²³⁹. Однако, несмотря

²³⁷ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 288. Л. 4 об., 5, 7, 8, 9 с об., 13 об., 14.

²³⁸ Там же. Д. 211. Л. 1 с об., 2, 7, 8 с об.

²³⁹ Там же. Д. 288. Л. 19 с об.

на мнение Хостника, Подгорнику были отправлены средства. Он получил через русинского национального деятеля Д.А. Маркова 2 тыс. руб. Но они не спасли положение. Согласно письму Подгорника Пальмову от 12 июня 1900 г., ему было необходимо для продолжения издания «Слованского света» по меньшей мере 10 000 гульденов²⁴⁰. В 1899 г. Подгорник вынужден был прекратить издание своей газеты. Отсутствие достаточного числа подписчиков не могли возместить и субсидии. «Словански свет» стал последним изданием словенцев, пропагандирующим открыто русофильские идеи, близкие панславизму.

---

²⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 105. Оп. 2. Д. 211. Л. 20.

Накануне Великой войны

В 1900-е годы положение в словенских землях изменилось. С одной стороны, окончился экономический кризис, начался подъем экономики. Сельское хозяйство в значительной степени модернизировалось. В промышленности прогрессировал ряд областей: металлургия, добыча каменного угля, пищевая, бумагоделательная, текстильная промышленность, оснащавшиеся новейшей техникой. В 1900 г. был открыт Люблянский кредитный банк на средства, предоставленные чешским Живностенским банком, в 1910 г. — Крайнский провинциальный банк. К началу XX в. словенские земли покрыла довольно густая сеть железных дорог. Сравнительно крупными промышленными и культурными центрами стали Любляна, Триест, Марибор. Все это способствовало укреплению позиций словенской буржуазии, однако они были более слабыми, чем позиции в словенской экономике немецкой, итальянской, чешской, французской буржуазии. По подсчетам словенских историков Ф. Гестрина и В. Мелика, соотношение в промышленности между словенским и инациональным капиталом составляло 1:10. Большую часть инационального капитала представлял немецкий капитал¹.

Вместе с тем усилилась германизация словенских земель. Опорой ее было господство в экономике немецкого капитала. Уже с 80-х годов XIX в. еще более резкой становится аргументация германизаторов. Если еще в 1870-е годы они прикрывали свои действия «Борьбой за культуру» словенцев, то в 1880-е они прямо писали о их неполноценности. Идеологами всех австрийских немцев выступали в том

---

¹ *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. S. 236.*

числе и немецкие националисты из штирийского города Целье. О словенцах в их статьях говорилось жестко: словенского языка вообще не существует, его выдумали и на нем говорят адвокаты и интеллигенты. Основное же славянское население Штирии и Каринтии — винды (виндишары), которые говорят на своем языке и для которых немецкий язык является мостом к европейской культуре².

Немецкие националисты в словенских землях опирались на активную деятельность немецких националистов в других габсбургских владениях. В 1899 г. немецкие партии Австро-Венгрии выступили против признания всех языков в стране равноправными. Немецкие партии в словенских областях не отставали от других. В 1908 г. в Целовце ими была проведена демонстрация с требованием использовать в учреждениях только немецкий язык. В том же году на митинг в Птуе, организованном словенским просветительским обществом св. Кирилла и Мефодия, напали местные немцы и разогнали его. В ответ 20 апреля 1908 г. в Любляне прошла антинемецкая демонстрация, в ходе которой погибло два человека.

Особенно быстро германизация происходила в пограничных районах Каринтии и Штирии. Так, в словенских районах Каринтии, согласно переписи 1880 г., проживало 102 тыс., а в 1910 г. — 84 тыс. словенцев³. Таким результатом содействовала политика местных властей. В Каринтии в 1913 г. на словенской и смешанной словенско-немецкой территории в государственных и провинциальных учреждениях словенцы составляли всего 4,3% из всех служащих, а на железных дорогах их было всего 3%⁴.

Усиление германизаторского натиска беспокоило словенскую политическую элиту, как клерикалов, так и либералов. И если до конца 1880-х годов и те и другие возлага-

² *Cvirn J. Celjsko nemštvo // Zgodovinski časopis. 1992. № 4. S. 452–453.*

³ *Melik V. O razvoju slovenske kulturno-politične zavesti. 1861–1918 // Zgodovinski časopis. 1970. № 1–2. S. 45.*

⁴ *Графенауер Б. Национальное положение в Каринтии. Любляна, 1946. С. 11.*

ли определенные надежды на помощь России, то в 1890-е годы положение изменилось. Во-первых, укрепилось международное положение Австро-Венгрии, вопрос о ее распаде в связи с образованием Германии отпал. Объединенная Германия предпочла включению в свой состав немецких областей Австро-Венгрии заключить с ней союз. Он был заключен в 1879 г., а окончательно оформился как военно-политический блок Тройственный союз в 1882 г. с вхождением в него Италии. Габсбурги настолько уверенно чувствовали себя на международной арене, что в 1908 г. объявили об аннексии Боснии и Герцеговины. Позиции России, на которую так надеялись словенские политики, видя в ней после победы в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. могучую державу, способную защитить славян, пошатнулись. В 1904 г. она потерпела поражение в русско-японской войне, а в 1905–1907 гг. в ней разразилась революция. И хотя в результате ее в России были введены определенные конституционные нормы (представительное выборное собрание Государственная Дума, ослабление цензуры и др.), но ее положение в Европе как могущественной державы было поколеблено. Во-вторых, в Австро-Венгрии с конца 1880-х годов началось решительное наступление государственных структур и католической церкви против русофильски настроенных политиков. Словенское политическое общество раскололось на либералов и клерикалов, которые стали по-разному смотреть на способы борьбы словенцев за свои национальные права.

И еще один момент был характерен для развития национального движения у словенцев. С конца XIX в. в словенских землях резко возросло влияние католической церкви. Связано это было с изменением политики римского Папы. В 1878 г. им стал выдающийся религиозный деятель Лев XIII. Он поставил перед собою цель укрепить положение католической церкви путем приспособления ее политики к новым условиям, ее активного вмешательства в светскую жизнь. Он издал ряд энциклик на эту тему. Са-

мая знаменитая из них Рерум новарум (*Rerum novarum*), вышедшая в свет в 1891 г., ознаменовала решительный поворот католической церкви к социальным проблемам. В ней Папа осуждал новейшее рабство, созданное капитализмом, но одновременно выступал и против отмены частной собственности. Он указывал, что решить социальный вопрос можно лишь на основе христианства при тесном взаимодействии церкви, государства, работодателей и рабочих⁵.

Уже первые энциклики Льва XIII активизировали католическое движение в словенских землях. Идеи католицизма, не пользовавшиеся особым успехом у словенцев в 1850–1870 годы, к началу 1890-х годов приобрели большое количество сторонников. Не случайно поэтому первой словенской партией в современном смысле этого слова стала Католическая национальная партия (с 1905 г. — Словенская народная партия). Благодаря своей социально-экономической политике к началу Первой мировой войны она стала самой влиятельной партией в словенских землях: при выборах в рейхсрат в 1911 г. она получила 19 мандатов, в то время как либералы получили всего 2 мандата⁶.

Католики, как и либералы, стремились к созданию автономии словенских земель в пределах Австро-Венгрии. Многие политические события они оценивали одинаково. Так, и те и другие приветствовали аннексию Боснии и Герцеговины, сочувствовали Ильинденскому восстанию в Македонии, радовались свержению короля Александра Обреновича в Сербии. И те и другие считали, что словенцы должны опираться в борьбе за свои права на славянскую взаимность. Однако католики подчеркивали, что рамки этой взаимности должны ограничиваться теми славянами, которые исповедуют католичество⁷. И своих ближайших

⁵ *Pirc I. Utopija »nove kršćanske družbe«* // *Cerkev, kultura in politika 1890–1941*. Ljubljana, 1993. S. 109, 110.

⁶ *Кирилина Л.А.* Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны (90-е гг. XIX в. — 1918 г.) // *История Словении*. СПб, 2011. С. 266.

⁷ *Gantar Godina I. Neoslavizm in slovinci*. Ljubljana, 1994. S. 143–146.

союзников они видели в хорватах⁸. Глава словенских католиков И. Шуштершич в 1908 г., приветствуя аннексию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, в венском рейхсрате выдвинул требование объединить словенские и хорватские земли с новыми провинциями в единое политическое целое, которое бы получило равные права с Австрией и Венгрией. Об этом же говорил и Я. Крек на крайнем провинциальном собрании в январе 1909 г. Свой проект преобразования Австро-Венгрии на триалистической основе католики представили 25 июля 1909 г. в меморандуме наследнику престола эрцгерцогу Францу Фердинанду. В нем говорилось, что государственной программой Словенской народной партии является триализм, который чрезвычайно важен не только для словенцев и южных славян, но и для династии. «Объединение южнославянских провинций и областей, — подчеркивалось в нем, — в третий государственно-правовой субъект в рамках монархии является необходимостью для династии, так как этим создается успешный противовес трем опаснейшим врагам династии — венгерскому шовинизму, итальянскому и сербскому ирредентизму. Югославянское государство в рамках монархии, включающее Хорватию и Славонию, Боснию и Герцеговину, сербские земли Венгрии, словенские и хорватские провинции и области Цислейтании, а именно: Далмацию, Приморье, Крайну, словенские части Штирии и Каринтии, поставило бы день ото дня возрастающие югославянские национальные стремления на службу международной политике династии»⁹. В меморандуме указывалось, что габсбургское югославянское государство стало бы привлекать к себе малые югославянские государства на Балканах. Как можно видеть, в 1909 г. католики допускали вхождение в югославянское объединение сербов и даже болгар, отойдя

⁸ Чуркина И.В. Национальный вопрос в программах словенских партий накануне Первой мировой войны // На путях к Югославии: за и против. М., 1997. С. 272.

⁹ Grdina I. Nekaj opazk o šušteršičeve politiki pred in med Prvo svetovno vojno // Zgodovinski časopis. 1999. № 3. S. 357.

от прежнего чисто католического югославизма. Крек полагал, что долг словенцев и хорватов привести православных славян к католичеству.

Клерикалы своей важной задачей считали борьбу за национальные права словенцев. И для этой борьбы представители маленького народа с самого начала словенского Возрождения искали себе союзников. Они нашли их в славянских народах Габсбургской монархии, которые были в том же положении, что и словенцы. Помимо этого среди возможных союзников уже с конца XVIII в. считалась Россия, единственное независимое славянское государство. Однако с конца XIX в. клерикалы под влиянием католической церкви и австрийских государственных структур стали рассматривать Россию в качестве врага. В качестве союзников они по-прежнему видели славян, но не всех, а тех, кто исповедовал католицизм. Это были поляки, хорваты, отчасти чехи и словаки.

Отношение к России не у всех католиков было одинаковым. Наиболее непримиримую позицию по отношению к ней занимал словенский теолог Л. Ленард. Он долгое время жил в Кракове, вследствие чего на него значительное влияние оказали взгляды польских национальных деятелей, в частности А. Спаровского, издавшего в 1906 г. на немецком языке книгу «От деспотизма к конституции в России». Ленард в своей оценке роли России исходил из утверждения, что с Россией нельзя сблизиться, поскольку ее даже нельзя называть европейской страной. Русских и европейцев, указывал Ленард, разделяют религиозные «догматы, политика, история, образ жизни, культура; православие отделяет от нас целая группа понятий, которые можно обозначить общим словом “византизм”»¹⁰. В 1906 г. Ленард опубликовал брошюру о панславизме на немецком языке, в которой подчеркивал иллюзорность надежд словенских панславистов на плодотворное сотрудничество с Россией.

¹⁰ *Gantar Godina I. Novoslovanska ideja in slovenci // Zgodovinski časopis. 1989. № 4. S. 538–540.*

В России правит бюрократия, лишенная патриотических чувств и находящаяся под немецким влиянием. Ленард критиковал неославизм, подчеркивая, что это последняя попытка возродить старый панславизм. Он указывал, что культурные связи, выдвигаемые на первый план неославистами, не помогут славянам. «Зачем нам искать культурного сближения с государством, которое донныне в течение многих столетий лишь уничтожало культуру», — писал Ленард. Он предлагал словенцам поддерживать идеи, которые провозглашает выходящая в Кракове польская газета «Свят словянски» (*Świat Słowiański*). Именно эта газета пропагандировала идею, что центр славянства находится в Австрии, а не в России. Возможно, предполагал Ленард, наступит момент, когда Австрия должна будет освободить Россию от бюрократизма и абсолютизма. Ленард выступал за новый панславизм, независимый от России.

В отдельной статье Ленард рассматривал вопрос об объединении католической и православной церкви при условии полного подчинения православной церкви Папе. Католики должны содействовать тому, чтобы пропитать православие западной культурой. В России западную культуру представляют поляки. Ленард предлагал установить специальное общество для распространения католичества в России, прежде всего в Литве, Белоруссии, Украине. Рассуждая о будущем России, он видел четыре варианта ее дальнейшего развития. Первый вариант — Россия реформируется правительством. Этот путь Ленард считал нереальным. Вторым вариантом — путь революционного развития России. Но он тоже мало осуществим, хотя в России немало «самоотверженных героев, которые не боятся ни виселиц, ни смерти». Однако среди революционеров много людей сомнительных моральных качеств. Третий вариант — в России все остается по-прежнему, Ленард считал возможным, но нежелательным. Наиболее реальным являлся, по мнению Ленарда, четвертый вариант: Россию завоюет Германия с помощью поляков. «Не стоит думать, — утверждал

Ленард, — что тогда еще много миллионов славян утонет в немецком море: произойдет обратное: русские приобщатся к западной культуре, окрепнут экономически и затем прогонят чужеземцев прочь или ассимилируют их, как они уже сделали со многими другими народами»¹¹. Взгляды Ленарда были наиболее откровенно неприязненными по отношению к России среди словенских католических идеологов.

Центром пропаганды словенских клерикалов был журнал «Час». Кроме Ленарда в нем публиковались статьи других идеологов клерикализма. По словам Л.А. Кирилиной, изучавшей этот журнал, статьи в нем «были призваны выполнять не только информативную, но и пропагандистскую функцию, показать словенской общественности, насколько велики различия между католическими словенскими землями и православным российским государством, убедить ее в беспочвенности надежд на Россию»¹². В нем начинал свою деятельность словенский теолог А. Ушеничник, находившийся под влиянием Махничя. Вслед за ним Ушеничник утверждал, что «христианство учит, что также и искусство может вести человека к богу». Он считал, что «христианство — высшее выражение этики и религии», что для художника разрешено все, что «не находится в противоречии с ... нашей нравственностью и религиозностью»¹³. В «Часе» Ушеничник помещал пересказы тех статей немецких или других философов, с которыми был согласен. Так, он представил пересказ труда немецкого профессора Меркеля, в котором тот подчеркивал пагубное влияние Византии и татарского ига на Россию, вследствие чего в ней не сложились благоприятные условия для развития. Главными недостатками Российского государства Меркель считал несправие крестьян, раковую опухоль бюрократии, абсолютизм. Вместе с тем

¹¹ Кирилина Л.А. Словенские католики в конце XIX — начале XX в. // Идея славянской взаимности и отношение к России и православию. М.—СПб, 2013. С. 208.

¹² Там же. С. 209.

¹³ *Pogačnik J. Razvoj misli o literaturi pri katoličanih // Cerkev, kultura in politika 1890–1941. Ljubljana, 1993. S. 184.*

Россия является, по его мнению, естественным посредником между Западом и Востоком, ее миссия заключается в том, чтобы принести на Восток христианство. В пересказе статьи Меркеля, сделанном Ушеничником, подчеркивалось успешное развитие русской культуры и даже предлагалось в старших классах гимназий ввести изучение русского языка¹⁴. Таким образом, Ушеничник, в отличие от Ленарда, видел и положительные стороны в России, а именно ее культуру, с которой он предлагал знакомить и словенскую учащуюся молодежь. Вместе с тем он считал, что Россия может быть полезной только для Востока, неся туда христианство.

Среди словенского католического духовенства в начале XX в. зародилось и экуменистическое течение, которое выступало за всехристианское единство путем сближения всех христианских конфессий. Его создателем и лидером в словенских землях в течение нескольких десятилетий был Фран Гривец (1878–1963). Он получил духовное образование в Инсбруке и там же познакомился с чешскими экуменистами, чьи идеи увлекли его. Экуменисты полагали, что христианская церковь должна вернуться к временам, существовавшим до раскола. Идеалом для славянских экуменистов являлась церковь, созданная Кириллом и Мефодием. В память о них экуменисты каждый год совершали паломничество в Велеград (ныне — Старе Место, Чехия), центр Паннонской епархии, где епископом в IX в. был Мефодий. Там же проходили и конгрессы экуменистов. Гривец впервые отправился в Велеград в 1903 году по приглашению своих чешских друзей и затем посещал Велеград вплоть до 1947 г.¹⁵ С 1902 г. Гривец преподавал в Люблянском иезуитском колледже (затем богословский факультет в университете) вплоть до 1962 г. Многие его ученики ходили в Велеград вместе с ним. За это время Гривцем было воспитано в духе экуменизма несколько поколений

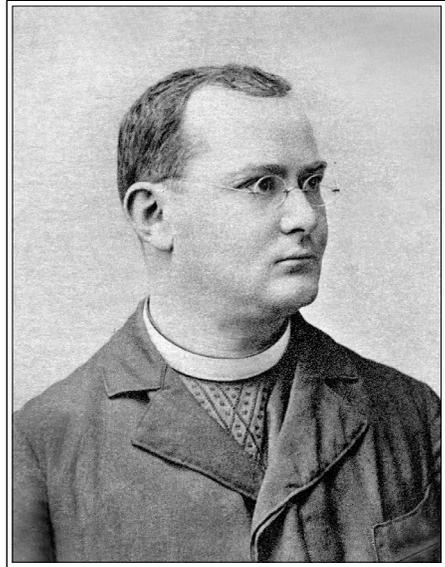
---

¹⁴ *Кирилина Л.А.* Словенские католики. С. 206.

¹⁵ *Benedik M.* Slovenska teološka misel ob koncu 19. In v začetku 20. stoletja // *Cerkev, kultura in politika*. S. 152.

словенских священников¹⁶. Гривец занимался историей славян периода деятельности Кирилла и Мефодия. Он перевел и издал Жития Кирилла и Мефодия, опубликовал книгу «Словенский князь Коцел», статью о Черноризце Храбре. Особое внимание он уделял изучению Восточной, т.е. православной, церкви. В своих статьях он утверждал необходимость славянским народам заботиться о мирном сосуществовании православного Востока и католического Запада. С докладами на эти темы Гривец нередко выступал на конгрессах в Велеграде.

Левое крыло Словенской народной партии возглавлял Янез Евангелист Крек (1865–1917). Он родился в семье учителя. После окончания Люблянской семинарии он был послан люблянским епископом Я. Миссией в высшее богословское заведение в Вене Августинуум. Во время пребывания в Вене Крек познакомился с учением немецкого христианского социалиста К. Фогельзанга. Фогельзанг предлагал решить социальный вопрос, базируясь на христианских принципах. Он призывал создавать профессиональные корпорации, которые оберегали бы людей от неограниченной конкуренции. Большое влияние на Крека оказали взгляды другого немецкого христианского социалиста — Ф.В. Райфайзена, создававшего небольшие

Янез Крек

¹⁶ Dolinar I. Praktično duhovno oblikovanje slovenskega katoličana 1890–1941 // Cerkev, kultura in politika. S. 164.

кооперативы для крестьян с небольшим вступительным взносом. В 1895 г. Крек опубликовал в газете «Словенец» статью «Ссудно-сберегательные кассы Райфайзена», в которой утверждал, что каждый должен иметь только одну долю в кооперативе, чтобы кооператив не превратился в орудие богачей¹⁷. Кроме немецких христианских социалистов на идеологию Крека, по мнению словенской исследовательницы И. Гантар Годины, значительное влияние оказал русский философ В.С. Соловьев¹⁸.

Еще находясь в Вене, Крек опубликовал несколько статей против капиталистических отношений, в которых подчеркивал, что долг католиков — бороться против неограниченной собственности и эгоистического богатства¹⁹. Социально-экономическая программа Крека, ставшая и программой Словенской народной партии (католиков), предусматривала отмену долгов, ограничение процентов при займе, создание ссудно-сберегательных и закупочно-сбытовых кооперативов, повышение заработной платы рабочих, сокращение рабочего дня, страхование, создание справедливого рабочего законодательства. Эти требования не только провозглашались, но и активно пропагандировались Креком. По подсчетам словенского историка Ф. Авсеца, за весь период своей деятельности он произнес приблизительно 3 тыс. речей и написал около 6 тыс. статей²⁰. Крек сам активно участвовал в создании в словенских землях кооперативов, которые объединяли низшие слои населения. К началу Первой мировой войны при его содействии было организовано около 800 кооперативов — задруг, объединявших мелких собственников и рабочих²¹. В 1897 г. был ос-

¹⁷ *Avsec F. Dr. Janez Ev. Krek in združništvo // Dr. Janez Evangelist Krek ob 90. obletnici smrti. Ljubljana, 2007. S. 120, 121.*

¹⁸ *Gantar Godina I. Neoslavizm in slovinci. S. 9*

¹⁹ *Кирилина Л.А. Янез Евангелист Крек — идеолог и организатор христианских социалистов в словенских землях // Славянский мир в поисках идентичности. Историко-слависты. МГУ. Кн. 8. С. 414.*

²⁰ *Avsec F. Dr. Janez Ev. Krek in združništvo. S. 120.*

²¹ *Potočnik V. Krek in socialna misel pri slovenskih katoličanih // Cerkev, kultura in politika. S. 82.*

нован Словенский социально-христианский союз, объединявший как рабочих, так и крестьян. С 1900 г. Крек стал его председателем. Центром Союза была Любляна, но его филиалы имелись в Штирии, Горице, Каринтии, Триесте. Целью его было просвещение народа. Словенский ученый В. Райшп высоко оценивает его роль. «Роль Словенского христианско-социального союза, — пишет он, — в процессе роста и утверждения словенского национального самосознания, несомненно, была очень велика»²². Крек выступал и за всеобщее избирательное право.

Крек, как многие словенские национальные деятели, большое внимание уделял России. Главное препятствие к сотрудничеству словенцев с нею он видел в разности вероисповедания русских и словенцев. «Свободная церковь невозможна в России, — утверждал он, — без оживляющей мощи религиозного и общественного единения с римско-католической церковью. Из всех европейских государств настоящего социального равенства проще всего достичь в России, если она станет таким государством, то Европа пойдет за ней. Но этого не произойдет без религиозного единства»²³.

Крек изучал труды российских революционных деятелей. Определенные симпатии у него вызывал А.И. Герцен. Он указывал, что Герцен доказал, что «социалистическо-коммунистическая идея, которая в Европе кажется новой, в России в действительности уже давно привычна и что стареющая Европа в этом отношении должна бы учиться у России». Идею Герцена о создании европейской федерации «на коммунистических началах по образцу российского аграрного коммунизма» во главе с Россией и объединенными с ней славянами Крек характеризовал как «панславизм, объединенный с демократическими и социалистическими идеями». Во взглядах анархиста М.А. Бакунина Крек не находил позитивного содержания, но хвалил его

²² *Rajšp V. Janez Evangelist Krek in Slovenski krščansko-socialna zveza // Janez Evangelist Krek. S. 143.*

²³ *Krek J.E. Socializem. Ljubljana, 1901. S. 558, 559.*

за борьбу против Маркса. У нарождавшихся российских социал-демократов Креку не нравился интернационализм, из-за которого «прежний русский патриотизм полностью забыт»²⁴. Вообще идея славянской взаимности была близка Креку. В 1899 вышла его статья «Славянская взаимность». В ней Крек писал, что панславизм выдуман врагами славян. Вместе с тем он полагал, что культурная общность славян является здоровой идеей, к осуществлению которой славяне должны стремиться. «Каждый образованный славянин, — указывал Крек, — должен знать хорватский, чешский, польский и русский языки». Одновременно он считал, что, «где нет взаимности в религиозном и нравственном мировоззрении, там будет мало пунктов для общей позитивной программы»²⁵. Неославизм интересовал Крека. Он участвовал во втором заседании славянских депутатов рейхсрата, состоявшемся 10 апреля 1908 г. в Вене. Правда, он был только на одной из встреч. И. Хрибар, присутствовавший на этом заседании, высказывает предположение, что причиной того, что Крек оставил заседание, было недовольство главы Словенской народной партии (католиков) Шуштершича²⁶.

«В начале XX в., — отмечает Кирилина, — словенские католики имели очень смутные и искаженные представления о России, почерпнутые из иностранных (немецких, итальянских, польских) источников. На Россию и православие они смотрели сквозь призму австрославизма и католицизма»²⁷.

Во время Балканских войн большинство словенских клерикалов сочувствовало сербам, несмотря на их православное вероисповедание. Отношение к ним резко изменилось летом 1914 г. после покушения в Сараево на эрцгерцога Франца Фердинанда.

²⁴ Кирилина Л.А. Словенские католики в конце XIX — начале XX в. // Идея славянской взаимности и отношение к России и православию. М.—СПб, 2013. С. 202–204.

²⁵ Там же. С. 204.

²⁶ *Gantar Godina L. Neoslavizem in slovinci.* С. 95.

²⁷ Кирилина Л.А. Словенские католики. С. 209.

Либералы в 90-е годы XIX в. резко ослабили свои позиции у словенцев. Причин этому было несколько. Во-первых, большую роль сыграла пропаганда властных австрийских структур и католической церкви против словенских либералов, начавшаяся с конца 1880-х годов. Во-вторых, Национальная партия либералов не имела столь выгодной для низших слоев населения социальной программы. Хотя ее видный деятель М. Вошняк стал создавать первые кооперативы уже в 1880-е годы, но они отвечали интересам прежде всего зажиточных крестьян, поскольку взносы для вступления в них были высокими, среди широких крестьянских масс и рабочих они успеха не имели. Опасаясь кооперативного движения, организованного католиками, на рубеже веков либералы стали вести кампанию против кооперативного движения в своем органе «Словенски народ», а их лидер И. Тавчар даже призвал крайние власти запретить его. Слабость словенских либералов объяснялась слабостью кругов, на которые они опирались: слабая словенская буржуазия, светская интеллигенция, часть зажиточного крестьянства.

Национальная программа либералов была близка католической. Они выступали за автономию словенских земель в рамках Габсбургской монархии, за введение словенского языка в школы и учреждения, за преобразование Австро-Венгрии на триалистических началах. Однако они решительно ратовали за свободу творчества, за ограничение роли церкви в школах и культурной жизни словенцев. Как и католики, либералы считали главным подспорьем в борьбе за права словенцев славянскую взаимность. Но они рассматривали ее гораздо шире, чем католики. Они полагали, что она должна охватывать не только католических славян, но и православных. Поэтому отношение либералов к России было гораздо благожелательнее, чем у католиков.

В начале XX в. у чехов сформировался новый вариант славянской взаимности, исходивший из новых условий существования Австро-Венгрии, значительно укрепившей

свои позиции на международной арене. Создателем его стал младочех К. Крамарж. После введения в России в результате революции 1905–1907 гг. некоторых конституционных норм у ряда славянских политиков возникли надежды на изменение внешней политики России. Крамарж стал проповедовать неославизм еще в конце XIX г. Согласно его постулатам, славяне должны оставаться в тех государствах, в которых они находятся в настоящее время. Исходным моментом неославизма был принцип лояльности как по отношению к существующим государствам, так и по отношению к режимам в них. Вместе с тем славяне должны налаживать между собою культурные и экономические связи. Неослависты стремились разрушить политический союз, сложившийся между Австро-Венгрией и Германией, и установить союзные отношения между Австро-Венгрией и Россией²⁸. Чешский историк Й. Колейка следующим образом кратко сформулировал программу Крамаржа: «1. Россия поддерживает сильную Австрию против «Дранг нах Остен» Германии; 2. Россия и Австрия выступают за статус-кво в Царьграде; 3. Австрия превращается в триединую монархию, южные славяне в славянской части монархии образуют свою автономную единицу»²⁹. Одной из своих важных задач неослависты считали достижение примирения всех славянских народов: сербов с болгарами и хорватами и, главное, — русских с поляками.

Неославизм пользовался популярностью у чехов и словенцев, ему сочувствовали некоторые деятели из русинов, словаков, хорватов, сербов, болгар, он встретил понимание у ряда либеральных и консервативных кругов в России.

В России в начале XX в. тоже наблюдался некоторый всплеск славянских настроений. Помимо С.-Петербургского Славянского благотворительного общества в Петербур-

²⁸ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм 1898–1914. М., 1984. С. 94.

²⁹ *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. Praha, 1964. С. 89.

ге было основано Общество славянской науки, а в Москве появилось Общество славянской культуры. С июля 1900 г. в Вене стал выходить на русском языке журнал «Славянский век», редактором которого был Д.Н. Вергун, представитель С.-Петербургского телеграфного агентства в Австро-Венгрии и на Балканах. В журнале печатали свои статьи В.И. Ламанский, пропагандировавший принятие русского языка в качестве языка межславянского общения, лидер хорватской Крестьянской партии С. Радич, профессор Краковского университета М. Здзеховский и многие другие русские и славянские деятели.

Хрибар возглавлял словенских неославистов. Самый горячий сторонник славянской идеи у словенцев, он всегда поддерживал наиболее радикальные русофильские группировки в словенском национальном движении. В успехе неославизма он видел возможность создания славянской Австрии, которая заключит союз не с Германией, а с Россией. Неославизм, по его мнению, должен был способствовать усилению роли славян в Габсбургской монархии, а также укреплению общеславянского сознания у славян с помощью культурных и экономических связей, что создавало бы условия и для политического сотрудничества³⁰. К этому времени он уже приобрел известность и уважение у русских кругов, сочувствующих славянам. Так, когда 10 сентября 1905 г. в Любляне открыли памятник Ф. Прешерну, приветствие по этому случаю от Славянского общества и городской Думы Петербурга было послано на имя Хрибара. «Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» в 1906 г. поместили отчет о заседании словенской Национально-прогрессивной (либеральной) партии. При этом указывалось, что оно происходило под председательством городского главы Любляны Ивана Грибаря (Хрибара). В отчете подчеркивалось, что партия «стремится к организации словенцев на основах национализ-

³⁰ *Gantar Godina I. Neoslavizem in slovinci.* S. 92.

ма, демократизма и свободомыслия». Главным считалось создание для словенцев свободной национальной жизни и культурного благосостояния, полного равноправия всех граждан. Способ достижения этого словенцы видели в автономии словенских земель и их объединении с другими славянами, прежде всего с сербохорватами³¹.

Хрибар являлся самым активным деятелем неославизма среди словенцев. Он принимал участие во всех встречах неославистов, особенно часто происходивших в 1907–1908 гг. Хрибар присутствовал на собрании сокольских организаций в Праге в июле 1907 г. 27 октября 1907 г. по инициативе русинского депутата Д. Маркова была организована встреча славянских депутатов рейхсрата. На ней была избрана делегация в составе Крамаржа, Хрибара и русинского политика Н. Глибовицкого, которая должна была поехать в Петербург, чтобы договориться с русскими представителями о съезде неославистов, который должен был произойти в Праге в июле 1908 г. Избрание Хрибара в указанную делегацию говорит об уважении, которым он пользовался среди неославистов. Второе заседание славянских депутатов рейхсрата произошло 10 апреля 1908 г. На нем от словенцев присутствовали И. Хрибар, Ф. Роблек, А. Штрекель, М. Мандич, Я. Крек. В заседании принимали участие помимо словенцев и чехов поляки и русины, а также была сформулирована программа неославистов: свобода, равенство, братство, единство всех славян³².

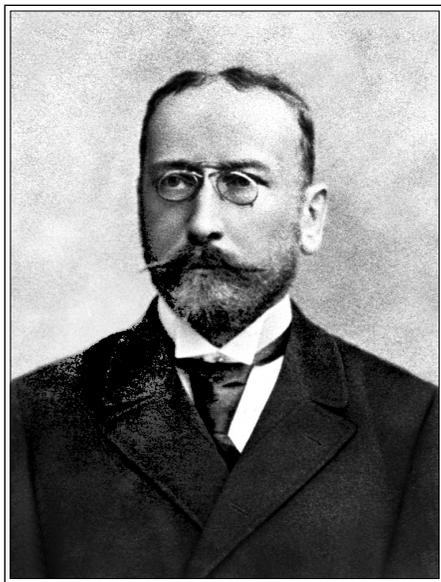
Приезд в Петербург в мае 1908 г. Хрибара отметила русская пресса. Многие газеты поместили на своих страницах его краткую биографию. «Иван Францевич Грибарь, — писалось в ней, — также доктор юриспруденции, словенец, 40–50 лет. Он также старый член парламента и председатель либерального словенского клуба в рейхсрате и в крайнском сейме. Главная заслуга Грибаря — его стремле-

---

³¹ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1906. № 6. С. 479, 480.

³² *Gantar Godina I. Neoslavizem in slovensci*. S. 93, 94.

ние привить среди южных славян различного рода финансовые и торгово-промышленные учреждения. Им, например, основаны судно-сберегательные кассы в ряде городов: Любляне, Триесте и т.д. Вместе с тем д-р Грибарь состоит почти 25 лет городским головой в Любляне, которая своим благосостоянием во многом обязана ему. Он много путешествовал и прекрасно знает все славянские языки, ввиду чего и был избран председателем 1-го съезда словенских журналистов, бывшего в

Иван Хрибар

1898 г. Орган Грибаря — либеральная газета “Словенский народ”³³. Как можно видеть, Хрибар был представлен русскому обществу весьма благожелательно, хотя ряд данных его биографии не отличались точностью.

В программе пребывания Крамаржа, Хрибара и Глибовицкого в Петербурге главное место занимали их встречи с членами Клуба общественных деятелей. Этот Клуб был образован в начале октября 1905 г. по инициативе М.В. Красовского, председателя Петербургской городской Думы, одного из руководителей октябристов. Он возглавлял Клуб до 1911 г. Целью Клуба провозглашалось объединение «всех русских граждан, искренно желающих мирного обновления отечества, торжества в нем порядка и законности, всех, одинаково отвергающих застои и революционные потрясения». Клуб общественных деятелей

³³ Слово. СПб. 11.05.1908; Россия. СПб. 13.05.1908.

объединял крупных промышленников и банкиров, высшее чиновничество.

Клуб общественных деятелей и пригласил неославистов в Петербург. Одной из целей этой поездки, как указывал впоследствии Крамарж, было «проследить, найдет ли новая программа подходящую почву в России, присоединятся ли к ней не только русские, но и поляки». При этом о целях этой поездки в Россию были оповещены премьер-министр Цислейтании М.Бем и министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь. По словам Крамаржа, Эренталь поддержал идею сближения России и Австрии, а также и мысль о примирении поляков и русских³⁴.

Принять участие во встречах со славянскими политиками изъявили желание все фракции Государственной Думы, за исключением трудовиков (представителей крестьян) и социал-демократов. Правда, на приеме в честь славянских гостей, проводившемся Городской управой, наряду с представителями других партий присутствовали и трудовики. Значительное внимание славянским гостям уделили и официальные лица, в том числе председатель Совета министров П.А. Столыпин, министр иностранных дел А.П. Извольский, министр финансов В.Н. Коковцов, председатель Государственной Думы Н.А. Хомяков, председатель городской Думы Н.А. Унковский и др.

Всего произошло четыре встречи славянских гостей в Клубе общественных деятелей с представителями русских либеральных и консервативных политиков. На них присутствовали и поляки, считавшие необходимым найти пути примирения с русскими. Русско-польские отношения вообще были одними из главных обсуждавшихся вопросов. На всех этих встречах выступал И. Хрибар со своей программой развития связей между Россией и австрийскими и балканскими славянами. Наиболее полно она была отражена в его выступлении на третьем совещании в Клу-

³⁴ *Ненашева З.С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984. С. 85, 86.

бе общественных деятелей 16 мая. Хрибар предложил учредить Славянский банк и организовать поездку русских крестьян в наиболее культурные славянские земли для ознакомления с современными приемами в сельском хозяйстве. Славянский банк, по его мнению, имел бы своей целью способствовать, с одной стороны, развитию торговли между славянскими землями, а с другой — отделения Славянского банка дали бы толчок промышленному развитию в этих землях. Славянский банк должен был изучать вопросы, касающиеся обмена и индустрии, и давать соответствующие рекомендации, например — в какой стране какую отрасль промышленности следует развивать и т.д.³⁵

На четвертой встрече в Клубе общественных деятелей, состоявшейся 17 мая, Хрибар выступил по вопросу о культурном обмене между славянами. Он подчеркнул, что для этого необходимо: 1) Правильно организовать книжное дело, создав для продажи славянских книг биржу вроде лейпцигской. 2) Создать бюро славянской печати в Петербурге и его филиал в Вене. 3) Собирать съезды славянских журналистов. 4) Основать в России сокольские общества, которые бы вошли в Союз славянских сокольских обществ, способствовать поездкам русской молодежи в славянские земли. 5) Распространять и далее в Габсбургской монархии изучение русского языка в средних школах. 6) В русских учебниках заменить немецкие названия славянских местностей славянскими. Изучать в русских школах историю и географию славянских народов. В конце речи Хрибар выразил надежду, что в России перестанут называть Любляну Лайбахом³⁶.

Как можно видеть, программа, изложенная Хрибаром, была вполне четкой: она переводила общие разговоры о необходимости новой славянской взаимности на вполне конкретную почву.

³⁵ С.-Петербургские ведомости. 18.05.1908; Слово. СПб. 17.05.1908; Речь. СПб. 17.05.1908.

³⁶ С.-Петербургские ведомости. 18.05.1908; Слово. СПб. 18.05.1908.

16 мая на собрании представителей петербургских газет, состоявшемся в редакции газеты «Слово», Хрибар пригласил русских журналистов принять участие в съезде славянских журналистов Австро-Венгрии, который должен был произойти в сентябре 1908 г. в Любляне. В тот же день, на банкете, данном Клубом общественных деятелей в честь славянских гостей, Хрибар произнес тост, в котором, в частности, сказал: «С тех пор, как Россия стала конституционной державой, славянская идея получила твердую почву. Занялась славянская заря и встает славянское солнце»³⁷.

Помимо официальных встреч славянские гости присутствовали на совещаниях, происходивших на частных квартирах. Так, 7 (14) мая (так в тексте документа. — *И. Ч.*) на квартире члена Государственного Совета М.М. Ковалевского состоялся обмен мнениями славянских деятелей с представителями некоторых российских партий. Председатель Польского кола в III Государственной Думе Р. Дмовский произнес речь, в которой одобрил цели совещания и заявил, что славянское дело является и польским делом без оговорок. Крамарж писал 28 мая в письме, что, когда поляки сказали, что они хотят быть славянами и отдать все силы славянству, «все мы были счастливы»³⁸.

Предложения Хрибара пропагандировались русской прессой, которая явно относилась к ним благожелательно.

Сам Хрибар остался доволен своей поездкой. Обычно, вспоминая впоследствии он, славяне приезжали в Россию, чтобы о чем-нибудь попросить, «в этом случае впервые мы приехали не с просьбами, а с позитивными реальными предложениями»³⁹.

На подготовительное совещание в Петербурге откликнулась и словенская печать. «Словенски народ» 28 мая 1908 г. поместил заметку о встрече неославистов в Петербурге. В ней говорилось, что полякам угрожает германиза-

³⁷ Слово. СПб. 17.05.1908; Речь. СПб. 17.05.1908.

³⁸ *Ненашева З.С.* Указ. соч. С. 87.

³⁹ *Hribar I.* Moji spomini. Del. 1. Ljubljana, 1983. S. 223.

ция, и «поэтому делегаты польского народа решили участвовать во всеславянском конгрессе и высказались за идею славянской взаимности». И далее в заметке указывалось, что славянскую делегацию принял Столыпин и на встрече с ним Крамарж говорил о необходимости решить споры между поляками и русскими, сербами и хорватами, сербами и болгарами.

Неославистский съезд в Праге состоялся 13–17 июля. На нем не присутствовали сторонники Т.Г. Масарика, ибо он был против сотрудничества с правыми и скептически относился к опоре на Россию. Правда, он приветствовал в своей газете «Час» участников съезда и с некоторыми из них встречался. Однако чешская делегация (25 чел.), как и русская (29 чел.), были самыми крупными на съезде. Довольно большой была польская делегация, которую возглавляли Р. Дмовский и М. Здзеховский. Из хорватов на съезд приехали Степан Радич и А. Тресич Павичевич, из русин — Глибовицкий и Марков. Словенцев представляли Хрибар, А. Габрщек, О. Рыбарж, Б. Вошняк. Креку и Шупштершичу были посланы приглашения, но они на съезд не поехали. На съезде присутствовали болгары, сербы из Королевства и из Воеводины, словаки. Наибольший интерес вызвало обсуждение проведения славянской выставки в Москве и создание Славянского банка. Наряду с этим рассматривались вопросы славянского туризма, развития спорта у славян, торговли славянскими книгами. Принятая резолюция была расплывчатой. В ней говорилось, что съезд признает жизненность и животворность идеи славянского единения и необходимость для этого «прекращения несогласий между славянскими народами, что может быть достигнуто только всеобщим признанием и применением начал равноправия и свободного развития каждым народом его национальных и культурных особенностей»⁴⁰. Стоит отметить, что вопрос о Славянском банке, поднятый на предварительном совещании в Петербурге Хрибаром,

⁴⁰ *Ненашева З.С. Указ. соч. С. 112.*

на Пражском съезде был выдвинут Я. Прейссом, управляющим чешского Живностенского банка. Согласно плану Прейсса главный Славянский банк должен был находиться в Москве или Петербурге, а его филиалы — во всех славянских землях, а также — в Константинополе, Салониках, Париже и, возможно, в Лондоне и Нью-Йорке. Эти филиалы, полагал Прейсс, должны были служить опорой для славянских предпринимателей при заключении ими займов и торговых сделок. Славянский банк должен был стать «мощным кредитным учреждением, которое бы пробуждало интерес к упрочению межславянских экономических связей, взяло бы на себя решение всех вопросов, касающихся дальнейшей славянской эмансипации». Самой важной задачей банка, по мнению Прейсса, являлась бы поддержка мелких торговцев и производителей, что способствовало бы установлению крепкого среднего сословия у славянских народов. Прейсс считал, что Славянский банк взял бы на себя постройку железных дорог на Балканах. Каждый славянский народ должен был внести свой денежный вклад в банк, но главная надежда была на Россию. По вопросу о Славянском банке выступило несколько человек, в том числе Хрибар. Как трезво мыслящий практик, он полагал, что учреждение Славянского банка возможно лишь при участии английского и французского капитала, однако при сохранении большинства вложений за славянами. Хрибара поддержал польский делегат И. Монтвил, заявивший, что с капиталом в 50–60 млн рублей Славянский банк не сможет конкурировать с немецкими банками, имеющими миллиардные капиталы⁴¹. Кроме Хрибара из словенцев на Пражском съезде выступил А. Габршек по вопросу о книжной торговле. Его выступление впечатлило русского делегата Бехтерева, который в своей статье о Софийском съезде неослави́стов положительно отзывался о нем⁴².

⁴¹ *Ненашева* З.С. Указ. соч. С. 110, 111.

⁴² *Бехтерев* В. Софийский съезд и вопросы славянского сближения // *Славянский мир*. 1910. № 10/11. С. 8–20.

Следующий съезд неославистов было решено провести в Софии.

Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией нанесла удар по планам неославистов. После нее стало ясно, что установление союзнических отношений между Россией и Австро-Венгрией невозможно, тем более невозможно создание славянской Австрии. Скорее всего, это поняли неослависты, в том числе и их глава Крамарж. Современный словенский историк И. Грдина пишет, что планы Крамаржа были гораздо радикальнее: он мечтал о создании Славянской федерации, охватывающей русские, польские, чешские, сербские, словенские и прочие славянские земли. Федерация должна была быть конституционной монархией во главе с российским государем, который одновременно являлся бы монархом польским и чешским. При нем действовали бы императорский совет и дума. Общими для членов федерации должны были быть армия, флот, финансы, таможня, торговля. Этот план был передан Крамаржем в мае 1914 г. министру иностранных дел России С.Д. Сазонову через главу венского отделения Петербургского телеграфного агентства В.П. Сватковского. Грдина не убежден, что Хрибар знал об этом плане⁴³

Однако словенские неослависты не прекращали своей деятельности и после аннексии Габсбургской монархией Боснии и Герцеговины. И. Хрибар, как человек практического склада, сумел провести два съезда славянских журналистов в Любляне — в 1902 г. и в 1908 г. На съезде в 1902 г. присутствовал от России только Д.Н. Вергун. Второй съезд славянских журналистов в Любляне состоялся осенью 1908 г., после поездки Хрибара в Петербург, во время которой он лично пригласил русских журналистов в Люблян.

Хрибар был среди словенцев самым последовательным и деятельным неославистом. «Он участвовал в подготовке и проведении, — указывает Л.А. Кирилина, — всех нео-

⁴³ *Grdina I. Ivan Hribar, «jedini resnični radikalec slovenski» // Hribarjev zbornik. Ljubljana, 2010. S. 34, 55.*

славистских мероприятий, пропагандировал это течение в прессе, пояснял его цели и мотивы. В успехе неославистского движения он видел единственную возможность создания славянской Австрии, выступал за переориентацию австрийской политики с Германии на Россию»⁴⁴.

После Пражского съезда неославистов Хрибар еще несколько раз побывал в России: в 1909, 1910, 1913 и 1914 гг. Он участвовал в совещаниях по подготовке съезда неославистов в Софии, пытался осуществить свои предложения, выдвинутые им в 1908 г. на предварительном совещании в Петербурге. Ему удалось организовать поездку русских молодых крестьян в лучшие крестьянские хозяйства в словенских и чешских землях. По отзыву Хрибара, работой и поведением этих крестьян их работодатели в большинстве случаев были очень довольны. Главная польза этих стажировок, по мнению Хрибара, заключалась в том, что словенские крестьяне больше узнали о русских, о которых они до этого почти ничего не знали, а русские стажеры познакомились со словенцами и их культурой⁴⁵. Кроме того, он по договоренности с Комиссией по организации образовательных экскурсий при Учебном отделе Общества распространения технических знаний сумел отправить на экскурсию в славянские земли Австрии в 1909 г. 126 русских учителей и 217 учительниц⁴⁶. В Любляне они пробыли три дня, где были радушно встречены ее бургомистром И. Хрибаром. 8 (21) октября 1909 г. председательница Комиссии графиня В.Н. Бобринская благодарила Хрибара «за то участие, которое Вы оказали русским учителям-экскурсантам минувшим летом». «Несмотря на Ваши прямые обязанности, — писала графиня, — Вы находили возможным лично встречать каждую прибывающую группу. Ваши сердечные встречи и радушный прием долго будут храниться в памя-

⁴⁴ Кириллина Л.А. Иван Хрибар и Россия // Slovenica II. Славянский межкультурный диалог в восприятии русских и словенцев. М., 2011. С. 115.

⁴⁵ Там же. С. 116.

⁴⁶ Там же. С. 117.

ти Комиссии и всех экскурсантов. Только при Вашем сердечном содействии народные учителя России могли почерпнуть так много из своей заграничной поездки»⁴⁷.

Некоторых успехов удалось добиться Хрибару и в налаживании торговых отношений. В своих воспоминаниях Хрибар отмечает, что в 1908 г. он привез в Россию заказ на воск и восковые свечи в обмен на словенское вино. Эта частная сделка имела успех⁴⁸.

Хрибаром были предприняты попытки наладить книгообмен и торговые связи между словенцами и русскими. В апреле 1913 г. Хрибар посетил Петербург и Москву. Это было время, когда после Первой Балканской войны разгорался конфликт из-за Македонии между Сербией и Болгарией. По просьбе графа В.А. Бобринского, одного из видных российских неославистов, Хрибар отправился в Софию и Белград, чтобы уговорить сербских и болгарских политиков прийти к соглашению. Этому ему сделать не удалось.

Во время своей последней поездки в Россию Хрибар пытался привлечь внимание к учреждению Славянского банка и словенцам таких крупных российских чиновников, как председатель Совета министров России (1906–1914) В.Н. Коковцов и министр иностранных дел (1910–1916) С.Д. Сазонов⁴⁹. Согласно воспоминаниям Хрибара, Коковцов одобрил его предложение о создании Славянского банка, но был против его учреждения в Петербурге и на русские деньги, так как считал, что австрийское правительство в этом случае будет считать своих подданных славян, имеющих контакты с ним, предателями. Поэтому Коковцов предложил основать Славянский банк в Белграде, Софии, Праге или даже в Париже с привлечением в него французского капитала. Коковцов обещал, что русское правительство со своей стороны вложит в него несколько миллионов рублей, а также будет рекомендовать российским частным

⁴⁷ Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 196.

⁴⁸ *Hribar I. Moji spomini.* D. 1. S. 235–237.

⁴⁹ *Кирилина Л.А.* Иван Хрибар и Россия. С. 118–120.

банкам принять в нем участие. Хрибару он посоветовал обсудить вопрос о Славянском банке с членом правления Петербургского международного банка А.И. Вышнеградским (у Хрибара — председатель Петербургского счетного и ссудного банка Вышнеградцев. — *И. Ч.*). При разговоре с русским банкиром тот прямо заявил Хрибару, что русские банки не заинтересованы в создании Славянского банка, поскольку он может составить им конкуренцию. Хрибару создать Славянский банк не удалось. В своих воспоминаниях он прямо указывает, что «русское правительство отнеслось к этому предложению сочувственно». Его также поддержали некоторые крупные российские промышленники. Однако петербургские банки выступили против создания Славянского банка, поскольку они, как пишет Хрибар, боялись конкуренции с его стороны⁵⁰.

Беседа с Сазоновым была еще менее результативна. Хрибар предложил ему, чтобы Россия взяла словенцев под «свою могучую защиту». Однако он обнаружил, что Сазонов ничего не знает о его народе. Тогда словенский политик рассказал русскому министру о нем, однако понял, что не сумел его заинтересовать, поскольку Сазонов посчитал словенцев и территорию их обитания слишком незначительными. Но рассказ Хрибара о Триесте подействовал на русского министра. «Я ушел от Сазонова, — заключал Хрибар свой рассказ, — с твердым убеждением, что спас Триест для Югославии»⁵¹. Но эти беседы уже не имели никакого значения, ибо вскоре началась Вторая Балканская война, а за ней — Великая война. Воспоминания Хрибара о своем разговоре с Сазоновым указывают на то, что в 1913 г. он стремился к тому, чтобы Россия взяла под свое политическое покровительство словенцев. Его неославизм уже включал в себя то, что открыто он называл панславизмом. В этом отношении Крамарж и Хрибар тоже были едины. К началу

⁵⁰ *Hribar I. Moji spomini. Del. II. S. 59.*

⁵¹ *Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия. С. 119.*

Великой войны они поняли, что культурное единство славян не спасет их народы от германизации.

Из всех русских государственных деятелей наибольшее впечатление на Хрибара произвел П.А. Столыпин (1862–1911). 7 декабря 1911 г. он опубликовал очерк о русском реформаторе, в котором описывал две встречи с ним, произошедшие в 1908 г. и 1909 г. Хрибар подчеркивал, что его удивила осведомленность Столыпина об австрийских делах. Русского премьер-министра Хрибар характеризовал как видного государственного деятеля, у которого душа болела за Россию и который все свои силы направил на утверждение в ней конституционных начал, в чем видел необходимое условие для культурного и экономического развития русского народа⁵².

Такая активная деятельность Хрибара в неославистском движении, его нескрываемые симпатии к России не прошли мимо внимания австрийских властей. Когда в 1910 г. Хрибар был в шестой раз избран бургомистром (жупаном) Любляны, император не подтвердил его избрание из-за его неославистских симпатий и поездок в Россию. В связи с отказом императора утвердить его избрание бургомистром Хрибар выступил 30 августа 1910 г. на Совете общины Любляны. «Что касается моей поездки в Петербург, то моя совесть чиста как у младенца. Политические причины ей приписывают только международные подстрекатели, — сказал он, — цель которых представить австрийских славян как государственно опасный элемент». Хрибар указал, что сам он является австрийским патриотом, однако это не мешает ему следить за всеми явлениями в огромном славянском мире и быть убежденным в культурной миссии славян, которая, несомненно, их ожидает. Хрибар выразил недоумение, почему поездка в Россию считается злом, ведь с нею Австрия живет в мире и дружбе. «Об этом свидетельствует, — продолжил он, — тост царя Николая

⁵² Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия. С. 118.

Александровича на торжественном обеде в Царском селе в честь 80-летнего юбилея императора Франца Иосифа), а также военная помощь, оказанная Россией Австрии в 1849 г. Речь Хрибара не раз прерывалась бурными аплодисментами и одобрительными выкриками⁵³.

Менялись времена, сходили с исторической сцены одни государства и появлялись новые, а Хрибар, проживший долгую жизнь, оставался верен своим симпатиям к русскому народу, убеждению, что только с его помощью славяне могут добиться освобождения. В 1941 г. накануне вторжения фашистских войск в Югославию он возглавил Общество друзей СССР в Словении.

Ближайшим сподвижником Хрибара был горицкий либерал А. Габрщек (1864–1938), который являлся одним из последовательных приверженцев Подгорника. До 1889 г. он учительствовал в Горице, в 1889–1892 годах издавал газету приморских словенцев «Нова Соча» (Nova Soča), возглавляя горицких либералов. В 1893 г. Габрщек основал типографию, в которой издавал ряд серий книг на словенском языке. В них публиковались художественная литература словенцев, переводы произведений славянских писателей, в том числе русских. Через Подгорника Габрщек получил заказ от С.-Петербургского Славянского благотворительного общества на издание «Русско-словинского словаря с русской грамматикой» (1897) и «Словинско-русского словаря со словинской грамматикой» (1901). Оба словаря были созданы М.М. Хостником и получили самую высокую оценку со стороны Петербургской Академии наук.

Габрщек примыкал к неославистам. Вместе с Хрибаром он присутствовал на Пражском съезде. На нем он выступил с планом организации книжной торговли славян. Габрщек представлял словенцев на съезде неославистов в Софии, Хрибар на него не поехал. На этом съезде большое внимание уделялось славянскому культурному взаимодействию.

⁵³ Русско-словенские отношения. С. 505, 506.

«Программа Софийского съезда, — пишет З.С. Ненашева, — показывает, что здесь, в отличие от Пражского форума, значительно больше внимания отводилось вопросам сотрудничества в области культуры: много говорилось о созыве съезда славянских филологов, об установлении тесных связей между славянскими академиями и учеными обществами, обмене славянскими профессорами, о составлении славянского словаря, общеславянской научной и торговой терминологии, о допущении во все славянские университеты молодежи, выполнившей часть учебной программы в учебных заведениях славянских стран и ряд других»⁵⁴. В Софийском съезде приняли активное участие основоположник русской психоневрологии В.М. Бехтерев, видный русский славист П.А. Лавров. Бехтерев выступил на съезде с докладом. В нем он указал, что именно культурная рознь привела славян к культурной отсталости. «Нужно, — продолжал Бехтерев, — чтобы в славянской среде для урегулирования взаимных интересов везде и всюду действовала не сила, а право и справедливость». Он предлагал укреплять взаимные связи славян «на почве культурной свободы, истинного братства и равенства национальных интересов». В статье об итогах съезда в Софии он особенно отмечал выступление Габрщека на съезде в Праге⁵⁵.

Либеральное движение, как и католическое, было неоднородным по своему составу. Политика лидеров Национальной партии в социальных вопросах вызвала недовольство либеральной молодежи. В 1902 г. студенческое общество в Вене Словения разделилось. Из него вышли наиболее радикально настроенные студенты, получившие название национальных радикалов. Новую организацию возглавили Г. Жерьяв и А. Равнихар. Национальные радикалы учредили свою газету «Омладина». Они сочувствова-

⁵⁴ Ненашева З.С. Софийский съезд в 1910 г. // Славянское движение. М., 1998. С. 217.

⁵⁵ Бехтерев В. Софийский съезд и вопросы славянского сближения // Славянский мир. 1910. № 10/11. С. 8–20.

ли идеям Масарика. Главными своими врагами они считали клерикалов. Желая привлечь к себе широкие народные массы, национальные либералы стали создавать кооперативы, которые в 1907 г. объединились в Союз словенских задруг. Однако им не удалось переманить в них широкие массы крестьян и рабочих. Национальные радикалы провели четыре своих съезда: в 1905, 1907, 1909 и 1912 гг. Национальные радикалы сочувствовали неославизму. Их представитель М. Вошняк в мае 1908 г. в газете «Омладина» опубликовал статью «Словенское студенчество и идея неославизма». В ней он приветствовал неославизм как культурную идею, которую радикальное студенчество обязательно должно поддерживать, поскольку она приемлема для левых и для правых⁵⁶. Равнихар тоже одобрял неославизм. Он писал, что неославизм борется за то, чтобы «каждое племя было тем, какое есть, и там, где оно находится, и пусть будет свободно в своем национальном, культурном и экономическом развитии»⁵⁷. На съезде в Любляне в 1909 г. национальные радикалы обсуждали югославянский вопрос. В принятой резолюции они призвали словенскую молодежь укреплять связи с югославянской молодежью в университетах Вены, Граца, Праги, Загреба, Белграда, Софии. Дальше призыва к культурному объединению славян они не шли, солидаризируясь с неославистами. Национальные радикалы никогда и нигде не высказывались о том, что словенцы могут существовать вне пределов Габсбургской монархии. В 1912 г. они вновь объединились с либералами, от которых и раньше находились в финансовой и политической зависимости⁵⁸.

Близкой к либералам была группа новоиллиров, возглавлявшаяся председателем Словенской Матицы, историком Ф. Илешичем. Члены ее мечтали о создании единого

⁵⁶ *Gantar Godina I. Novoslovenska ideja*. S. 529.

⁵⁷ *Ibid.* S. 522.

⁵⁸ *Gantar Godina I. Narodno-radikalno dijaštvo // Zgodovinski časopis*. 1982. № 3. S. 219–229.

иллирского народа. Общим языком этого народа Илешич предлагал сделать сербохорватский язык. Однако Илешич не считал, что словенцы должны полностью отказываться от своего языка и предлагал использовать сербохорватский язык по преимуществу в научных трудах. Таких же взглядов придерживались и некоторые социал-демократы, и даже католики (например, А. Ушеничник)⁵⁹.

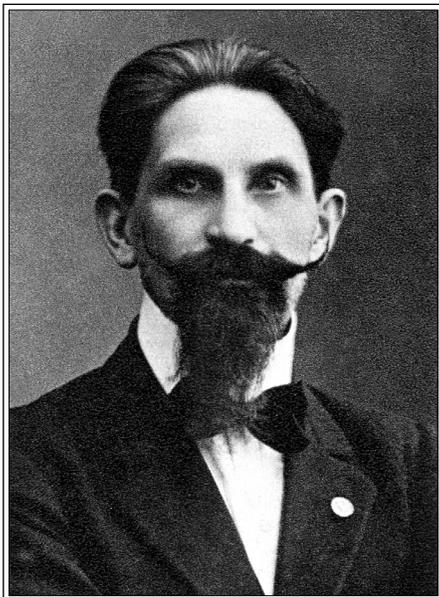
Накануне Первой мировой войны появилось новое левое течение — препородовцы. Общество Препород (Возрождение) возникло в 1912 г. в Любляне. Его организовали словенские гимназисты и студенты. Они имели контакты с радикальными группами учащихся в Хорватии, Далмации, Боснии. Возглавляли препородовцев Ф. Фабиянчич, Л. Клеменчич, А. Енко. Препородовцы считали словенцев, хорватов, сербов единым народом, насильственно разъединенных из-за неблагоприятных исторических событий. В отличие от католиков и либералов, они были убеждены, что австрийское правительство никогда ничего не даст южным славянам, поэтому они должны сначала создать свое государство вне Габсбургской монархии и против нее. И уже после этого произойдет постепенное слияние их языков и культур в единое целое⁶⁰.

Наконец, свое отношение к славянской идее имели словенские социал-демократы. Югославянская социал-демократическая партия (ЮСДП) образовалась в 1896 г. Предполагалось, что она объединит всех южных славян Австро-Венгрии, но практически в нее вошли только словенские рабочие и рабочие из Далмации и Истрии. На своем первом съезде ЮСДП приняла программу австрийских социал-демократов — Гайнфельдскую программу. Ее председателем стал журналист Этбин Кристан (1867–1953), который руководил ею до Первой мировой войны. В некоторых национально смешанных районах словенские рабочие

⁵⁹ Кирилина Л.А. Словенские земли накануне и в период Первой мировой войны. С. 273.

⁶⁰ Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina. S. 324, 325.

входили в состав немецко-австрийской и итальянской социал-демократических партий. ЮСДП стояла на позициях австро-марксизма. Э. Кристан являлся идеологом словенских социал-демократов. Он подчеркивал, что ЮСДП стремится к культурному единению славян, однако выступал против государственных программ буржуазных партий. По его мнению, между самодержавием, конституционной монархией и республикой практически нет различия. Народы должны быть равноправны и

Этбин Кристан

свободно развивать свою культуру, в каком бы государстве они ни жили. Свои национальные права народы должны защищать с помощью культурно-национальной автономии. Программа культурно-национальной автономии Кристана отличалась от культурно-национальной автономии австрийского политика К. Реннера. Реннер полагал, что она должна укрепить австрийское государство и ее нужно проводить в жизнь только мирными способами. Кристан же был уверен, что она может быть воплощена в жизнь только вместе с решением социального вопроса и только путем уничтожения австрийского и других государств с помощью революции⁶¹.

В 1905–1906 гг. ЮСДП превратилась в массовую партию. В ее рядах все больше распространялись идеи юго-

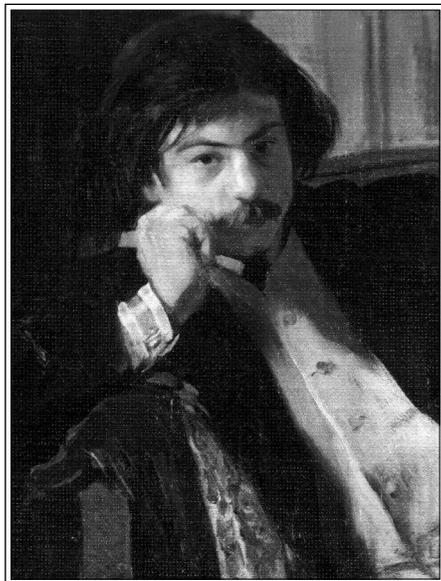
⁶¹ Чуркина И.В. Программа культурно-национальной автономии: создание и варианты // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 75–79.

славизма. В 1909 г. на Тивольской конференции Кристан поднял вопрос об объединении всех южных славян в единый народ. Он заявил, что югославянам грозит гибель, если они не консолидируются в единую нацию с единым языком и письменностью, которая будет насчитывать 15–16 млн человек. На основании доклада Кристана была принята резолюция, гласившая, что югославяне Австро-Венгрии должны стремиться к национальному объединению, невзирая на различные диалекты, письменность и религии. В выступлениях на конференции представителей социал-демократии Сербии Д. Туцовича и Ю. Деметровича высказывалась мысль о необходимости объединения в один народ не только югославян Австро-Венгрии, но сербов и болгар, находящихся за их пределами в новых государствах — в Сербии и Болгарии⁶². Не все словенские социал-демократы поддержали Тивольскую резолюцию. Против создания единого южнославянского народа выступал А. Препелух, который считал, что словенцы не должны отказываться от программы Объединенной Словении. Х. Тума поднял вопрос о создании Балканской федерации, присоединившись к популярному в то время среди политиков лозунгу: «Балканы — балканским народам!». Россия не вызывала особого интереса у социал-демократов. Так, один из их лидеров, Х. Тума, был убежден, что сотрудничество австрийских славян с Россией невозможно как с географической, так и с национальной, политической и социальной точек зрения. Россия может нести цивилизацию только в Азию. Австрийские славяне создадут для себя общий язык, «который никогда не может быть русским языком». Тума считал, что поляки и русские сильно отличаются от чехов и южных славян по своим обычаям и интересам. Особую роль среди славян он отводил чехам, которые преградили немцам путь на Балканы⁶³.

⁶² Zgodovinski arhiv KPI. T. V. S. 192–201.

⁶³ *Gantar Godina I. Novoslovenska ideja in slovinci*. S. 536.

Представляет интерес национальная программа Янко Лаврина (1887–1986), словенца, с юных лет жившего в эмиграции, но не порывавшего связей со своей родиной. Он родился в Белой Крайне, словенской области, заселенной в XV–XVII вв. беженцами из хорватских и сербских земель, захваченных турками. Власти Священной Римской империи им предоставляли надель, оружие, определенную автономию, и за это они должны были охранять границы империи от набегов турок. Белокрайцы в

Янко Лаврин

XX в. отличались особым характером по сравнению с другими словенцами: они приняли католичество, однако сохранили некоторые обычаи своих православных предков.

Янко Лаврин окончил гимназию Сушака, недалеко от хорватского города Риека, но вскоре после этого, опасаясь призыва в армию, продал полученное им наследство, уехал из Австро-Венгрии. М. Юнггрен, английский друг и биограф Лаврина, так рассказывает о его настроениях в то время: «Он ненавидел габсбургскую правящую верхушку, терпеть не мог немецкий язык и видел себя участником единого славянского фронта против кайзеровской империи»⁶⁴. Покинув Австро-Венгрию, Лаврин путешествует по Европе: посещает Норвегию, Париж, слушает лекции в Пражском университете. В Россию Лаврин приехал

⁶⁴ Юнггрен М. Янко Лаврин и «славянская идея»: воспоминания о России // Янко Лаврин и Россия. М., 2011. С. 14.

осенью 1907 г. Желание обосноваться в России он объяснял впоследствии тем, что у него было несколько знакомых в Петербурге. Помимо этого он «хотел избавиться от мелочности словенских отношений, особенно зависти. Он был уверен, что в России найдет все возможности для осуществления своих идей»⁶⁵.

В Петербурге Лаврин слушал лекции в университете, в 1913 г. посещал лекции в университетах Осло и Гельсингфорса (Хельсинки). Однако получил ли Лаврин высшее образование, окончил ли он какое-либо высшее учебное заведение — вопрос остается открытым. Во всяком случае, необыкновенная любознательность Лаврина, его выдающиеся лингвистические способности сделали его одним из образованнейших людей, серьезным знатоком литературы, искусства, истории, прежде всего славянских народов.

Во время пребывания Лаврина в России славянское движение здесь приобрело новый импульс. Прежние славянские теории вытеснил неославизм. Лаврин интересовался новым учением, общался с его сторонниками и противниками. Он с самого начала своего приезда в Россию стал активно проповедовать славянские идеи. В 1908–1911 гг. Лаврин являлся издателем и соредактором журнала «Славянский мир». Его соредакторами были сначала Матрона Шильдер, а затем польская пианистка и переводчица Мария Хруцкая. Они, по-видимому, оказывали журналу финансовую поддержку, идеологом же его был Лаврин, который и писал в него под псевдонимами «Лев Савин», «И. Г. Л.», «Л.», «Л. С.» и др.⁶⁶. В первом номере «Славянского мира» редакция заявляла, что будет знакомить русских с лучшими произведениями современных славянских писателей, помещать статьи о культурной жизни русского и других славянских народов. «Мы будем ка-

⁶⁵ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Хронология жизни Янко Лаврина в России: 1907–1917 // Янко Лаврин и Россия. С. 309, 310.

⁶⁶ Созина Ю.А. Восприятие работ Янко Лаврина в современной России // Янко Лаврин и Россия. С. 11, 12; Мудрова О.В. Журнал «Славянский мир» (1908–1911) и вопросы культуры славян // Вестник Московского университета. Серия X. Журналистика. М., 1981. № 1. С. 34–43.

саться, — указывала редакция, — наиболее прогрессивных сторон жизни, наиболее культурных начинаний, освещающая их с научно-объективной, вполне беспристрастной точки зрения. В политическом отношении мы беспартийны». В журнале приняли участие демократически настроенные русские слависты А.И. Яцимирский, А.Л. Погодин, профессор Петербургского университета П.А. Лавров, основоположник русской неврологии В.М. Бехтерев и др. Активно сотрудничали в журнале представители других славянских народов: Л. Пиштелич, Н. Костеж, Л. Лесковец, М. Делянов, А. Младенович, М. Гржибовский, И. Бочковский и др. Для журнала переводили лучшие переводчики со славянских языков: Н.Н. Бахтин (псевдоним Нович), А.Н. Сиротинин, С.В. Штейн. В журнале участвовал видный член С.-Петербургского Славянского благотворительного общества — критик и литературовед В.Н. Кораблев. В «Славянском мире» печатались переводы крупнейших славянских писателей: словенцев А. Ашкерца и И. Цанкара, сербов Б. Нушича и Р. Домановича, хорватов А. Шеноа и Р. Каталинича-Еретова, чехов Я. Врхлицкого, С. Чеха и Я. Неруды и др.

Статьи, опубликованные в журнале Лавриным, дают представление о эволюции его взглядов на славянский вопрос с начала выхода журнала «Славянский мир» и до Первой мировой войны. В первом номере журнала была опубликована большая статья Лаврина «Русский язык и славяне». Указывая, что славянство могло бы стать огромной культурной силой, он с горечью отмечал, что вместо этого «тянется красною нитью, заполняя целые века, взаимная ненависть, рознь и братская вражда». Эта вражда существует и в настоящее время между русскими и поляками, болгарами и сербами, сербами и хорватами и т. д. Помимо этого славянам пришлось потратить много сил и энергии для борьбы с внешним врагом: татарами, турками, немцами, Римом. Именно поэтому они стали той пищей, которой кормились различные политические спруты вроде

Австрии. Но теперь, продолжал Лаврин, славяне поняли, что улучшить свое положение они смогут, лишь прекратив свои междоусобные распри и объединившись «в совместной работе для лучшего будущего, которое должно принадлежать им». Лаврин подчеркивал, что речь идет не о политическом слиянии славян, эти идеи остались в далеком прошлом, «но зато тем сильнее обозначается стремление к объединению культурному». Для культурного объединения необходим единый дипломатический язык. Лаврин считал, что им может стать русский язык, язык Тургенева, Толстого, Достоевского. «Язык, на котором говорят 2/3 всех славян, понимаемый от Балкан до Ледовитого океана, от Австрии и Германии до границ Китая, язык, давший миру одну из лучших литератур, больше всех имеет право сделаться языком взаимных сношений всех славян»⁶⁷.

Как можно видеть, взгляды неославистов оказывали в это время значительное влияние на Лаврина, для которого были характерны тот же отказ от политического объединения славян, а призыв к объединению культурному, то же стремление побороть вражду между отдельными славянскими народами. Несомненно и влияние на идеологию Лаврина трудов Ламанского, который в течение нескольких десятилетий пропагандировал принятие русского языка в качестве общеславянского. Лаврин был хорошо знаком с произведениями Ламанского, на что указывает тот факт, что он применял в своих статьях то же название для словенцев, которое ввел Ламанский, — «словинць».

Спустя три года введение общеславянского языка уже не стало для Лаврина конечной целью. В очерке «Славянская идея и мь» он рисовал картину развития мировой культуры. В начале очерка Лаврин решительно отвергал навешивание на современную славянскую идею отрицательных ярлыков «панславизм» и «москвофильство». «Наша славянская идея, — писал он, — заключается не в отделе-

⁶⁷ Славянский мир. СПб, 1908. № 1. С. 43–45.

нии нас от неславян, не в отрицательном противопоставлении нас, славян, всем другим неславянам, как врагам, а в объединении, в «собирании» всех славян независимо от их собственных национальных противоречий и взаимных антагонизмов и в объединении не на почве вражды к «чужим», а на почве интереса к своим». Цель новой славянской идеи «не разделять человечество на враждебные и непримиримые лагеря, а объединять наиболее родственные части человечества по линии наибольшего родства и взаимного понимания». Объединение должно происходить на основе «взаимного уважения, взаимного знания и знакомства, взаимной справедливости и прежде всего равенства для всех без исключения». Исходный пункт развития исторического прогресса — человек, завершающий — человечество. Нации являются изменяющимися величинами, они без ущерба могут объединиться в более крупные группы на основе близости языков. «Язык, — утверждал Лаврин, — мы считаем наиболее ценным достоянием каждой национальной группы, незаменимым орудием их объединения и проявителем их человеческого достоинства». В данной статье Лаврин отошел от своего утверждения, что общеславянским языком должен стать русский язык. Он подчеркивал, что «славяне должны особенно тщательно обсудить вопрос о выборе языка для своих общих дел» и предлагал сделать им какой-нибудь нейтральный язык, не указывая, какой именно. Славянское объединение он представлял себе «одной из необходимых желательных и полезных подготовительных группировок на пути к вышеозначенному идеальному результату». Идеальный результат, по мнению Лаврина, — единое человечество, которое образуют, слившись, все языковые группы. Единое человечество должно базироваться на христианской морали, не принимая во внимание различий между разными ветвями христианской религии, оно должно впитать в себя все лучшие стороны и продукты так называемой христианской культуры⁶⁸.

⁶⁸ Славянский мир. 1911. № 1. С. 1–7.

Хотя в данной статье Лаврин вроде бы был толерантен по отношению ко всем христианским церквям, но его высказывания в других статьях показывают, что все же он отдавал предпочтение католицизму. В статье, посвященной иллирскому движению, он писал, что борьба между сербами и хорватами по своей сути является борьбой православия и католицизма. Первое возникло на развалинах дряхлой византийской империи, а второе питалось духовным достоинством передового Запада⁶⁹.

Мечты о «всечеловечестве» имели хождение в начале XX в. в некоторых кругах русской интеллигенции, в частности о нем писал русский философ В.С. Соловьев, его пропагандировала Е.П. Блаватская. Идеи «всечеловечества», или глобализации, как они называются теперь, захватили одно время и Лаврина, который пытался связать ее со славянской идеей. Но уже в 1912 г. Лаврин от них отказался. Соотношение национального и общечеловеческого в искусстве и литературе он рассматривал в исследовании, посвященном чешской литературе. «Вне национальности, — указывал Лаврин, — могут существовать лишь школы, живого искусства вне национальности, вне расы — нет... Величайший гений — это воплощенный синтез души и духа своей расы, типичнейший ее представитель, а не представитель той или иной школы, того или другого литературного течения»⁷⁰. Еще более резко Лаврин выступил против увлечения части русской интеллигенции «всечеловечеством» в статье «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение», сделав вывод, что именно увлечения «всечеловечеством» «больше всего мешают русскому видеть самого себя». «Русский интеллигент, — продолжал Лаврин, — культурный евнух: в своем лакейском ухаживании за Европой он настолько обезличил себя, что утерял всякую органическую, живую связь со своим народом». Лаврин утверждал: «Каждая нация, каждая раса может внести в

⁶⁹ Славянский мир. 1911. № 3. С. 16, 17.

⁷⁰ Баян. 1912. № 7.

сокровищницу общеевропейских ценностей новые ценности, только оставаясь сама собою, исходя из своей самобытности, из своей индивидуальности и развивая ее, а не из подражания, из жизни за чужой счет, которая всегда приводит к культурному паразитизму, культурной беспомощности, лени и лакейству». В связи со своими новыми взглядами Лаврин затронул вопрос о культуре и цивилизации. Он считал, что культура не может быть интернациональной, интернациональной может быть только цивилизация. Лаврин опасался смешения культуры с цивилизацией, полагая, что цивилизация в этом случае «съест» культуру, что приведет к «новому, самому ужасному варварству — варварству цивилизованному». И это, несомненно, должно отрицательно сказаться на культурном развитии человечества, «творчество таланта может быть космополитичным, творчество гения всегда национально»⁷¹.

Таким блужданиям словенца способствовали его необыкновенная коммуникабельность, умение найти общий язык с представителями разных слоев интеллигенции. Российские исследователи жизненного пути Лаврина В.И. Барановский и И.Б. Хлебникова отмечают, что «по приезду в Россию Лаврин необъяснимо быстро, с поистине удивительной активностью включается в литературную жизнь Петербурга»⁷². Легче всего ему удавалось завязывать контакты в художественно-богемных кругах литераторов и художников. В письме к О.В. Мудровой от 15 января 1982 г. Лаврин упоминал как о своих друзьях о писателях В. Хлебникове, Андрее Белом, о художниках Б.М. Кустодиеве, М.В. Ле-Дантю⁷³. В 1912–1913 гг. Лаврин вместе с поэтом С.М. Городецким издал первый альманах русских и инославянских писателей «Велес». Он был в дружеских

⁷¹ Лаврин Я. Славянский вопрос и художественно-литературное сближение // Славянский вопрос в его современном значении. СПб, 1913.

⁷² Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Художественно-литературная группа «Бескровное убийство» и Янко Лаврин как основной персонаж одноименного журнала // Янко Лаврин и Россия. С. 55.

⁷³ Письма Янко Лаврина к О.В. Мудровой // Янко Лаврин и Россия. С. 274.

отношениях с издателем и редактором официозной газеты «Новое время» М.А. Сувориным. Во всех контактах Лаврина решающую роль играл интерес данного человека к славянскому вопросу. Лаврин писал статьи во все издания, занимавшиеся им: «Славянин», «Баян», «Аргус», «Перун», «Молодая Русь».

Кроме лиц из числа художников и писателей, Лаврин общался и с русскими научными кругами. Вместе с видными научными деятелями академиками В.М. Бехтеревым и М.М. Ковалевским, профессорами М.П. Чубинским и Д.И. Семизом, славистом П.А. Лавровым, а также членом 4-й Государственной Думы А.М. Александровым Лаврин стал одним из семи учредителей Общества славянского научного единения. Мысль о создании этого общества родилась у Бехтерева и Лаврова после посещения ими Софийского съезда неославистов, а Лаврин горячо ее поддержал. Устав Общества славянского научного единения Министерство внутренних дел утвердило 13 июля 1912 г. В уставе общества были определены его цели: «а) способствовать знакомству между собою ученых различных специальностей и взаимному ознакомлению с их трудами; б) содействовать их общению для совместной научной работы и в) распространению в обществе сведений о научно-культурной и художественной жизни славянства»⁷⁴. В 1913 г. силами общества был издан сборник «Славянский вопрос в его современном значении». Статья Лаврина «Славянский вопрос и художественно-литературное сближение», о которой говорилось выше и в которой он отказывался от своих глобалистских взглядов, скорее всего была написана не без влияния слависта П.А. Лаврова. Определенное влияние на изменение взглядов Лаврина оказало и начало Балканских войн, которые прогрессивная интеллигенция рассматривала как последний бой славян с турками за свое освобождение.

⁷⁴ Барановский В.И., Хлебникова И.Б. Хронология. С. 316.

В 1913 г. у Лаврина завязываются сношения с представителями радикального словенского движения Препород, объединявшего студентов и гимназистов старших классов. В Петербург к Лаврину приезжал один из руководителей Препорода — Ловро Клеменчич, который уговаривал его написать что-нибудь для их журнала, а также посетить Любляну для знакомства с членами общества. После путешествия по Европе в 1913 г. Лаврин нелегально перешел границу Австро-Венгрии, в которой он мог быть арестован за уклонение от воинской службы. Сначала Лаврин остановился в Триесте, а затем перебрался в Любляну. Здесь он встретился со словенским публицистом и переводчиком И. Лахом, с которым договорился о распространении русских книг в Словении, познакомился с писателем И. Цанкаром, вел переговоры с препородовцами⁷⁵.

После Любляны Лаврин по поддельному паспорту отправился в Белград, где ему удалось договориться с издательством Книжара Напредок и Белградским университетом о доставке туда русских книг. Об этом он сообщал Михаилу Васильевичу Аверьянову, заведовавшему книжным складом книгоиздательства писателей в Москве. 7 октября 1913 г. Лаврин писал Аверьянову об установленных им контактах по поводу распространения русских книг в Белграде и Загребе. Особенно радовал его заказ на русские книги, сделанный владельцем книжного магазина Славенска Книжара в Загребе Ст[епаном] Радичем, которого он характеризовал как одного из самых известных и популярных хорватских политических и культурных деятелей⁷⁶. По-видимому, поручение Аверьянова по распространению русских книг на Балканах стало одной из причин поездки Лаврина на Балканы.

К началу Первой мировой войны Лаврин уже стоял на позициях славянского патриота.

⁷⁵ Юнгрен М. Янко Лаврин... С. 18.

⁷⁶ Письма. Я. Лаврин к М.В. Аверьянову // Янко Лаврин и Россия. С. 253, 254.

* * *

Несмотря на агитацию против России, которую вели католическая церковь и австрийское правительство, интерес к ней сохранялся в словенском обществе, прежде всего у молодежи. В 1899 г. по инициативе врача Людевита Енко был установлен и утвержден крайними властями Русский кружок. Его члены изучали русский язык, знакомились с русской культурой. Приезжавшие в Любляну русские ученые обычно читали лекции членам кружка. Так, русский филолог и археолог Г.А. Ильинский, проживавший в Любляне в январе–феврале 1903 г., 5 февраля прочитал в Русском кружке лекцию о Н.В. Гоголе. В ней он рассказал об отношении Гоголя к русским писателям, особенно к романтикам⁷⁷. О деятельности русских кружков писал в 1907 г. П.А. Заболотский. В них не только изучали русский язык, но там устраивались чаепития с разговорами на русском языке, музыкально-вокальные вечера с исполнением произведений русских композиторов, ставились русские пьесы⁷⁸.

Создание подобных кружков пропагандировалось либеральной печатью. В феврале 1900 г. в журнале «Люблянски звон» была опубликована статья А.А. Калашникова, рассказывавшая о мировом значении русского языка, о необходимости для славян изучать его⁷⁹. Спустя несколько месяцев в журнале появилось объявление об открытии 2-го года обучения русскому языку. «Не должно быть ни одного молодого образованного словенца, — писал «Люблянски звон», — который бы не знал русский язык настолько, чтобы читать русских писателей в оригинале»⁸⁰.

По примеру Любляны русские кружки были созданы в Идрии, Триесте, Целье, Мариборе, Горице и других местах. Организации и деятельности русских кружков содейство-

⁷⁷ Ljubljanski zvon. 1903. № 3. S. 193.

⁷⁸ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1907. № 4. С. 320.

⁷⁹ Ljubljanskii zvon. 1900. № 2. S. 135, 136.

⁸⁰ Ljubljanski zvon. 1900. № 11. S. 715.

вал лидер словенских либералов жупан Любляны И. Хрибар. Он с самого начала своей деятельности проявлял большой интерес к организации обучения словенцев русскому языку, знакомству их с русской культурой. В 1884 г. он попросил руководство С.-Петербургского Славянского благотворительного общества прислать русские книги для бесплатной их раздачи словенским учащимся. На следующий год он снова попросил С.-Петербургское Славянское общество послать еще книги, объясняя причину этого. «Я распределяю каждый год по нашим гимназиям и среди слушателей университета, — писал он, — некоторое количество русских книг, но потребность в них так велика, что я не могу удовлетворить и десятой части просящих». В следующем письме Хрибар снова благодарил общество за присылку книг и обещал позаботиться о том, «чтобы на всякой гимназии собрался кружок с целью изучения русского языка»⁸¹. В сношениях с С.-Петербургским Славянским благотворительным обществом Хрибару помогал М.М. Хостник. Свое стремление распространять русский язык среди словенской интеллигенции Хрибар впоследствии объяснял желанием ослабить на нее влияние немецкой культуры⁸².

Таким же сторонником распространения изучения русского языка словенцами был и Людовит Енко. В 1869 г. молодой русский филолог Ф.Е. Корш, совершая путешествие по Австрии, попал в венскую больницу, в которой работал Л. Енко. Коршу пришлось пролежать в больнице три месяца. За это время он подружился с Енко. Именно от Енко Корш получил сборник стихов Ф. Прешерна, который стал для него главным пособием в изучении словенского языка. Со своей стороны Корш помогал словенцу овладеть русским языком⁸³. Енко не только изучил русский язык, но и стал его горячим пропагандистом в Словении. А Ф.Е. Кор-

⁸¹ Кирилина Л.А. Иван Хрибар и Россия. С. 111, 112.

⁸² *Hribar I. Moji spomini*. D. 1. Ljubljana, 1928. S. 190, 191.

⁸³ *Ljubljanski zvon*. 1901. № 1. S. 53.

ша увлек Прешерн, сделавшийся одним из его любимых поэтов. В течение многих лет Корш работал над переводом стихов великого словенского поэта. Первые свои переводы Корш опубликовал в 1881 г., а в 1889 г. в журнале «Русская мысль» он поместил свой перевод одного из значительнейших произведений Прешерна «Венок сонетов»⁸⁴. Л. Енко имел много друзей в России, с некоторыми русскими славистами он был знаком лично. П.А. Кулаковский в своей речи 1 февраля 1912 г. в Галицко-русском обществе в Москве почтил память незадолго до этого умершего Л. Енко теплыми словами, отметив, что он прослужил делу сближения словенцев со всем русским более 30 лет⁸⁵.

В последней четверти XIX — начале XX в. словенская либеральная пресса (журналы «Слован», «Люблянски звон», газеты «Словенски народ», «Словански свет» и др.) стала уделять повышенное внимание русской культуре и общественным движениям в России. В этих изданиях были опубликованы статьи о А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, Н.В. Гоголе, В.А. Жуковском, А.С. Грибоедове, В.Г. Белинском, Н.А. Некрасове, И.С. Тургеневе, А.К. Толстом, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, А.П. Чехове, В.Г. Короленко, М. Горьком и многих других русских писателях. Горячими пропагандистами русской литературы были А. Ашкерц, И. Весел, И. Приятель, Ф. Целестин, М. Хостник, К. Штрекель. В словенской прессе печатались заметки и о других ведущих деятелях русской культуры: о художниках (В.В. Верещагин, В.Г. Перов, И.К. Айвазовский, И.Е. Репин), о композиторах (П.И. Чайковский, А.Г. Рубинштейн, Н.А. Римский-Корсаков) и др.

На страницах указанных изданий появлялись переводы на словенский язык значительного числа произведений русских писателей. Переводчиками выступали М. Хостник, И. Весел, Ф. Ремец, А. Ашкерц, А. Подгоричанин, М. Самец, И. Приятель и др.

⁸⁴ Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России. М., 1979. С. 200.

⁸⁵ Отдел рукописей Института Русской литературы и искусства (ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 25. Л. 10.

Словенский либерал из Горицы и ближайший соратник И. Хрибара Андрей Габршек начиная с 1893 г. издавал серию «Славянская библиотека», в которой вышли многие произведения русских писателей: «Капитанская дочка» и «Гробовщик» Пушкина; «Ночь перед Рождеством» и «Шинель» Гоголя; «Воскресение», «Где любовь, там и бог», «Три смерти» Л. Толстого и др. Помимо этого отдельными изданиями были выпущены «Евгений Онегин» Пушкина, «Первая любовь» И.С. Тургенева, «Записки из мертвого дома» и «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского, «Иуда Искариот» Л.Н. Андреева и др. В 52-м томе серии «Славянская талия» (регулярный сборник оригинальных и переводных драматических произведений, издававшийся Драматическим обществом) был опубликован «Ревизор» Гоголя в переводе И. Весела. В 1892 г. его представило на люблянской сцене Драматическое общество. Эту постановку хвалил «Люблянски звон», оценив ее как одну из лучших на люблянской сцене. В 1899 г. «Ревизор» был дважды поставлен в Любляне (16 и 20 ноября)⁸⁶. 27 октября 1904 г. на люблянской сцене прошла пьеса М. Горького «На дне», 14 марта 1905 г. — «Власть тьмы» Л. Толстого⁸⁷. В 1894 г. в Любляне была основана Музыкальня матица. Уже на первом ее концерте наряду с произведениями Вагнера, Дворжака, Сметаны и Листа исполнялись произведения русских композиторов: А.Г. Рубинштейна и Н.А. Римского-Корсакова. В начале 1899 г. Музыкальня матица познакомила словенских любителей музыки с 5-й симфонией П.И. Чайковского, которая была встречена с большим одобрением. 6 декабря 1903 г. люблянцы увидели на сцене оперу Чайковского «Евгений Онегин», а 17, 10, 24 октября 1905 г. — его же оперу «Пиковая дама»⁸⁸.

Несколько раз в словенские земли приезжал на гастроли знаменитый хор А.Д. Агренева-Славянского. 12 и

⁸⁶ Ljubljanski zvon. 1893. № 1. S. 61; 1900. № 1. S. 58.

⁸⁷ Ljubljanski zvon. 1904. № 12. S. 765; 1905. № 4. S. 253.

⁸⁸ Ljubljanski zvon. 1894. № 12. S. 762; 1899. № 2. S. 125; 1904. № 1. S. 60–62; 1905. № 11. S. 702.

13 января 1895 г. им было дано два концерта в Любляне. «Люблянски звон» отмечал, что теперешний состав хора несколько проигрывает по сравнению с предыдущим, так как в нем женские голоса заменены голосами мальчиков. Но все же, по словам рецензента, главная красота хора, заключающаяся «в неопишуемой прелести и грустной веселости русских народных песен», осталась. 6 марта 1903 г. в Любляне со своим хором выступила дочь А.Д. Агренева-Славянского Надин Славянская. Но ее хор имел значительно меньший успех. «Люблянски звон» отмечал прекрасное исполнение русских народных песен с технической стороны, но указывал на отсутствие у хора теплоты и одушевленности. На следующий день, 7 марта, на люблянской сцене пела русская певица М.И. Горленко-Долина. Рецензент отмечал у нее прекрасный голос, художественное чутье, горячий темперамент. 20 и 22 декабря 1904 г. группа Надин Славянской дала два музыкальных представления в Любляне: «Свадьба русских бояр» и «Жизнь за царя». И на этот раз особого успеха она не имела⁸⁹.

Бывали на гастролях в России и словенские артисты. Так известно, что выдающийся словенский певец и один из основателей словенского Драматического общества Йосип Ноли выступал в Одессе, Киеве, Москве, Петербурге.

В словенской печати появлялись и оригинальные работы словенских литераторов, посвященные русской культуре, прежде всего русской литературе. Одним из первых ее исследователей стал Фран Целестин. Еще до своего отъезда в Россию он опубликовал в 1869 г. статью «Иван Тургенев, первый русский новеллист», в которой с большим сочувствием писал о великом русском писателе⁹⁰. В 1873 г. Целестин вернулся на родину, разочарованный в русских порядках. Он стал преподавать славянские языки в только что открывшемся университете в Загребе, где работал до своей смерти. Целестин читал студентам лекции по рус-

⁸⁹ Ljubljanski zvon. 1895. № 2. S. 125; 1903. № 4. S. 247; 1905. № 1. S. 61.

⁹⁰ Boršnik M. Fran Celestin S. 46, 47.

ской литературе, знакомя их с творчеством Грибоедова, Кольцова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. На основе этих лекций он написал историю русской литературы. Об этом он сообщал М.Ф. Раевскому 4 июня 1881 г., добавив, что надеется издать книгу с помощью Матицы Хорватской или Матицы Сербской⁹¹. Этим надеждам не суждено было осуществиться. Уже 16 марта 1881 г. Целестин замечал в письме к Ф. Левцу, что Матица Хорватская отказалась печатать его труд. Тогда Целестин обратился с этим предложением к Матице Словенской. 3 апреля 1884 г. он сообщал Левцу, что Матица Словенская на его письмо даже не ответила. И все же Целестину удалось опубликовать некоторые главы своей книги. С помощью Левца, редактора журнала «Люблянски звон», он напечатал в журнале несколько материалов, из которых наиболее интересным была статья «Виссарион Григорьевич Белинский». «Писал я ее с радостью, — сообщал Целестин Левцу 17 апреля 1884 г., — но не знаю, будут ли ее словенцы радостно читать». Целестин указывал, что использовал при работе над статьей две книги, написанные Пыпиным о Белинском. «Но смею сказать, — добавлял он, — что мое общее понимание характера и деятельности Белинского — самостоятельно»⁹². В статье о Белинском Целестин наиболее точно выразил свое отношение к литературе, ее содержанию и задачам. Белинский для Целестина — идеал литературного критика, ибо он требовал, чтобы литература отражала жизнь и воспитывала общество. Белинский видел спасение России «в успехах цивилизации, просвещения, человечности, в пробуждении у народа чувства человеческого достоинства», он «страстно стремился к свободе мысли и жизни, как условия здорового прогресса». Великий критик много сделал для того, чтобы русская культура и литература приобрели огромное значение в русском обществе, оказали большое влияние на всю мировую литературу. Для Целестина деятельность Белин-

⁹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 345. Д. 77.

⁹² Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. m. VIII/B.

ского — яркое доказательство того, что культурные деятели дают своему народу гораздо больше, чем политики. «Мы смеем выразить твердую уверенность, — заканчивал свою статью Целестин, — что наших потомков объединит общее чувство признательности к гениальному учителю, выдающемуся будителю, до сих пор непревзойденному, русскому воспитателю, неустрашимому, самоотверженному, страстному борцу — В.Г. Белинскому»⁹³.

Новейшими изданиями по русской литературе Целестина снабжали его русские корреспонденты, и прежде всего М.Ф. Раевский, с которым он переписывался с февраля 1869 г. до июля 1883 г.⁹⁴. Так, в мае 1880 г. Целестин получил через русского священника по несколько экземпляров «Русской грамматики» Востокова, «Краткой русской грамматики» Лебедева, «Русской хрестоматии» Ф. Гилярова, а кроме того, два тома сочинений С.Т. Аксакова, пять томов В.А. Жуковского и др. В январе 1883 г. Раевский послал Целестину несколько экземпляров хрестоматии Ф. Гилярова и А. Кирпичникова, немного позднее — сочинения Пушкина и Гоголя, «Историю русской литературы» П. Полевого. Большинство этих книг покупалось для Целестина С.-Петербургским Славянским благотворительным обществом⁹⁵. Он их раздавал студентам, изучавшим русский язык. «Мои студенты, — писал Целестин Раевскому 19 декабря 1881 г., — охотно читают русские книги, а покупать их трудно им, потому что они большею частью бедны и живут или лекциями, стипендиями, или другими пособиями». В феврале 1883 г. Целестин вновь сообщал русскому корреспонденту: «Студенты довольно охотно берут у меня книги и читают русские книги, какие у меня есть». Получал Целестин русские книги и от В.И. Ламанского⁹⁶.

⁹³ Ljubljanski zvon. 1886. № 1. S. 396–419; № 2. S. 100–104; № 3. S. 165–168; № 4. 223–225; № 5. S. 278–281.

⁹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 77.

⁹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 250. Л. 2; ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 9.

⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1513.

Из русских ученых кроме Ламанского Целестин лично знал И.И. Срезневского, с которым познакомился по приезду в Петербург в 1869 г. Позднее, уже работая в Загребе, он узнал историка Русской православной церкви И.С. Пальмова. Среди русских знакомых Целестина был и А.С. Будилович⁹⁷. Но самыми долговременными после Раевского у Целестина были отношения с П.А. Кулаковским. Целестин переписывался с ним с декабря 1880 г. по сентябрь 1895 г., т.е. практически до самой своей смерти. Их знакомство состоялось в то время, когда Кулаковский преподавал русский язык и литературу в Великой школе в Белграде (1878–1882). Первые письма касались книгообмена. 19 марта 1882 г. Целестин благодарил Кулаковского за присылку его книги о Вуке Караджиче (Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.). «Она меня очень заинтересовала, — писал Целестин. — Я специально предмета не изучал, но могу сказать, что Ваше сочинение представляет вообще верную, объективную, если можно так сказать, картину деятельности В[ука] К[араджича]. Книга Ваша получена и другими». Сам Целестин послал Кулаковскому брошюру о Прешерне, обещал его записать в археологическое общество, чтобы он мог получать все его издания. Целестин доставлял русскому ученому и сочинения хорватских историков: Ф. Рачко-го, В. Клаича, Т. Смичикласа и других, с середины 1882 г. стал ему пересылать «Люблянски звон»⁹⁸. Отъезд Кулаковского на родину не прервал его связи с Целестином. По-прежнему Кулаковский стремился через него получать интересующие его издания. Так, 22 ноября 1882 г. Целестин просил Левца купить для Кулаковского «Историю словенской литературы» Клейнмайра, том 1. «Езичника» Марна и все другие его тома, начиная с 15-го тома. На приобретение этих книг Целестин выслал Левцу деньги. В ок-

⁹⁷ Göstl F. Dr. Fran Celestin // Ljubljanski zvon. 1896. № 3. S. 147.

⁹⁸ РО ИРЛИ. Ф. 572. Д. 250. Л. 5–8, 13.

тябре 1883 г. Целестин вновь обратился к Левцу с просьбой достать для Кулаковского «Летопис Матице Словенске» за 1871–1880 гг. 8 декабря он уже отослал Кулаковскому указанные книги, объяснив задержку в их отправлении тем, что Левец хлопотал о бесплатном получении книг от Матицы для русского ученого, что ему и удалось добиться⁹⁹. 28 января 1884 г. Целестин уже благодарил Левца за подаренные книги и снова просил его достать несколько изданий для Кулаковского. («Люблянски звон». 1889. № 12; «Летопис Матицы Словенской» 1867 и 1868 гг.). «Он хочет в качестве “платы” написать статью о Словенской Матице», — пояснял Целестин¹⁰⁰. В феврале 1884 г. Целестин уже отправил Кулаковскому просимые им книги, заметив при этом в письме к нему: «Очень Вас благодарю за Ваше решение писать о деятельности Сл[овенской] Матицы; мы все будем Вам благодарны»¹⁰¹. Обещанной статьи о Матице Словенской и ее изданиях Кулаковский не написал. Однако два года спустя вышел очерк молодого слависта Т.Д. Флоринского «Словенская Матица и ее издания»¹⁰².

Со своей стороны Целестин, работая над «Историей русской литературы», просил Кулаковского достать для этой цели монографии Буслаева, Пыпина, Миллера, Потебни. Часть этих книг Целестин получил от русского ученого, в том числе «Историю славянских литератур» Пыпина и Спасовича, которую Целестин послал на рецензирование Левцу в «Люблянски звон». В письме от 25 января 1895 г. Целестин благодарил Кулаковского за его книгу «Иллиризм» (Варшава, 1894). «Как уверяют, — добавлял Целестин, — хорваты Вашей книгой довольны... Но недовольны, что и Вы говорите, что иллиры приняли язык от сербов»¹⁰³.

⁹⁹ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. S. VIII/B; PO ИРЛИ. Ф. 572. Д. 250. Л. 15.

¹⁰⁰ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. M. VIII/B.

¹⁰¹ PO ИРЛИ. Ф. 572. Д. 250. Л. 17, 17 об.

¹⁰² Флоринский Т.Д. Словенская Матица и ее издания // Университетские известия. Киев, 1886. № 2.

¹⁰³ PO ИРЛИ. Ф. 572. Д. 250. Л. 20 об., 27 об.

Вслед за Целестином о русской литературе стал писать Карел Штрекель (1859–1912). Историк словенской литературы Ш. Барбарич называет его лучшим знатоком Тургенева среди словенцев в 80-е годы XIX в. Штрекель перевел ряд произведений русского писателя («Пунин и Бабурин», «Степной король Лир» и др.), и его переводы отличались корректностью, тонким языковым чутьем¹⁰⁴.

Штрекель не только переводил произведения Тургенева, но и написал о нем большую статью. В ней он подчеркивал, что Тургенев стоял на позициях Белинского в своих взглядах на роль литературы в обществе, что он был противником крепостного права. Штрекеля привлекало стремление русского писателя отразить в своих произведениях наиболее актуальные вопросы русской действительности. Так, в «Рудине» Тургенев показал героев фразы, неспособных на активные действия, в «Отцах и детях» развенчал нигилистов, в «Дыме» — панславистов 60-х годов, в «Нови» — хождение в народ интеллигенции. Из всех героев-мужчин Тургенева Штрекелю наиболее симпатичен практический деятель фабрикант Соломин, «здоровый элемент русской жизни», некий русский Шульце-Делич. В нигилистах Штрекель видел опасную социальную партию, герои хождения в народ возбуждали его симпатии, но он считал их легковверными, не приспособленными к жизни людьми, обреченными на неудачу. Русские люди, по мнению Штрекеля, из всех своих неудачных поисков должны сделать единственный правильный вывод: «западная культура должна быть для народа славянского, особенно русского, несколько изменена, переделана и в таком виде вступить в возможно более тесную связь с отечественной цивилизацией». Таким образом, произведения Тургенева Штрекель рассматривал с позиций либерала, видевшего вершину прогресса в буржуазном развитии общества. В этом отношении он стоял на более правых позициях, чем Целестин. Штрекель высоко оценивал художественное

¹⁰⁴ Барбарич Ш. Тургенев в переводах на словенский язык // Югославо-русские литературные связи 2-й половины XIX — начала XX вв. М., 1975.

мастерство Тургенева, считал, что он «среди всех новейших писателей больше всех сделал для развития и формирования русского языка на основе народного говора»¹⁰⁵.

Несколько меньшим по объему было исследование Штрекеля о Н.А. Некрасове. По словам Штрекеля, Некрасов был «мужичьим поэтом», любимцем русского общества. Восхищаясь им, Штрекель ставил его ниже Пушкина. Он видел величие Некрасова в том, что он в свои стихи «вложил всю свою горячую любовь к народу»¹⁰⁶.

Как Целестин, так и Штрекель были первыми серьезными исследователями русской литературы в словенских землях. Оба они печатались главным образом в журнале «Люблянски звон». Либеральный «Люблянски звон» стал одним из пропагандистов русской культуры и литературы. Помимо статей, посвященных отдельным русским писателям, в журнале публиковались многочисленные рецензии на труды русских ученых.

Труд Р. Брандта «Начертание славянской акцентологии» (СПб, 1880) вызвал у анонимного словенского рецензента ряд замечаний, в частности относительно теории Шкрабца о тройном ударении в словенском языке, которой придерживался Брандт. Зато словарь В.И. Даля получил безусловное одобрение рецензента «Р». «Этот труд, отмечал он, — важен не только для русских, но и для всех, кто изучает русский язык». Особенно понравилось рецензенту то, что Даль не только приводил слова в их разных значениях, но и давал некоторые моменты из народной жизни¹⁰⁷. Получил положительный отклик и «Сборник статей по славяноведению», изданный в честь 25-летия научной деятельности Ламанского его учениками. «Лучшего памятника любимому и трудолюбивому учителю не могли поставить благодарные ученики», — резюмировал журнал¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Ljubljanski zvon. 1884. № 2. S. 106–110; № 3. S. 174–179; № 4. S. 237–241; № 5. S. 297–304; № 6. S. 361–367; № 8. S. 493; № 9. S. 557–563; № 11. S. 685–689; № 12. S. 749–755.

¹⁰⁶ Ljubljanski zvon. 1883. № 9. S. 586–593; № 10. S. 655–657; № 11. S. 717–718; № 12. S. 785–790.

¹⁰⁷ Ljubljanski zvon. 1881. № 4. S. 258.

¹⁰⁸ Ljubljanski zvon. 1882. № 1. S. 64.

Много печаталось в журнале «Люблянски звон» некрологов о русских писателях и ученых, сообщений о выходе в свет различных русских книг и журналов. Так, были опубликованы некрологи о Ф.М. Достоевском, П.И. Мельникове-Печерском, И.С. Аксакове, В.В. Макушеве, об археологе А.С. Уварове и др.

После того как в конце 1880-х годов в словенских землях на русофилов обрушились репрессии со стороны властей и католической церкви, в журнале «Люблянски звон», как и в других периодических изданиях словенцев, резко уменьшилось количество материалов о России. По-прежнему печатались некрологи русским ученым: профессору Варшавского университета И. Первольфу, историку-слависту Н.А. Попову, академику Я.К. Гроту. Публиковались в журнале и небольшие очерки о русских писателях: А.С. Грибоедове, Н.С. Лескове, Н.В. Гоголе, А.А. Фете и др. Отмечались в журнале вышедшие в России книги, особенно те, которые касались словенцев.

Большое значение в развитии русско-словенских культурных связей сыграла стажировка молодых словенских ученых в России. Если в 1830–1840-е годы русские слависты отправлялись на стажировку в земли австрийских славян, ибо славяноведение в Габсбургской монархии находилось на значительно более высоком уровне, чем в России, то к 1880-м годам положение изменилось, и русские ученые-слависты приобрели мировое признание.

Первым отправился в Россию Матия Мурко (1861–1951), историк славянской литературы и этнографии, ученик Ф. Миклошича. После окончания Венского университета, где он изучал германистику и славистику, он был отправлен в 1887 г. на средства университета на стажировку в Россию. В России Мурко пробыл 18 месяцев. В Петербурге он слушал лекции известного славянофила О.Ф. Миллера, в котором ценил «благую душу человеколюбивого, искреннего друга молодежи и очень умного человека, одного из главных борцов за свободу и человеческое общение

в университете», а также лекции В.И. Ламанского и А.Н. Веселовского. Ламанский отпугнул Мурко плоскими анекдотами о различных славянских народах и языках, зато общение с А.Н. Веселовским, профессором западных литератур, дало ему много¹⁰⁹. Сам Мурко называл Веселовского великаном русской науки, стоявшем не только на уровне лучших европейских ученых того времени, но и в ряде случаев превосходившем их. Именно Веселовский подсказал Мурко тему для дипломной работы — изучение русской средневековой «Повести о семи мудрецах»¹¹⁰.

Матия Мурко

Высоко ценил Мурко и другого русского ученого — А.Н. Пыпина, которого считал лучшим знатоком русской литературы и народности, великим критиком¹¹¹. Позднее Мурко признавался, что при работе над своей темой он опирался на сочинение Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских», а также на его «Историю славянских литератур». Свое огромное уважение к Пыпину Мурко выразил в поздравительном письме к нему по случаю пятидесятилетия его научной деятельности (10 апреля / 28 марта 1903 г.): «Желаю Вам от души прожить еще долго и наслаждаться нынешним общим признанием и успехами Ваших научных трудов... Очень доволь-

¹⁰⁹ *Slodnjak A. Matija Murko // Slavistična revija. 1954. № 5'7. S. 46.*

¹¹⁰ *Murko M. Spomini. Ljubljana, 1951. S. 72, 73.*

¹¹¹ *Murko M. V provinciji na Ruskem // Ljubljanski zvon. 1889. № 11. S. 670.*

ны можете быть и тем, что славянский вопрос развивается в Вашем направлении везде в славянском мире. Вы лучше всех русских славистов указали на индивидуализм славянских народностей, отметили верно также их слабости и недаром утверждали, что значение России, ее языка, литературы и науки сделает большой прогресс без обоюдных увлечений и разочарований»¹¹².

В Петербурге Мурко прожил 10 месяцев, затем летом 1888 г. путешествовал по Волге. В июле 1889 г. Мурко некоторое время гостил в поместье Веселовского, семья которого, по его впечатлению, сочетала европейскую культуру с русской простотой. Потом по рекомендации Веселовского он две недели работал в библиотеке поместья П.С. Уваровой, в которой имелось несколько старинных русских рукописей. П.С. Уварова была вдовой известного русского археолога А.С. Уварова, сама также занималась археологией и в 1885–1917 гг. являлась председателем Московского археологического общества.

Осенью 1888 г. Мурко прибыл в Москву, где прожил шесть месяцев. О своей работе там он сообщал Веселовскому в письме от 30 декабря 1888 г. «Занимаюсь главным образом, — писал Мурко, — с повестью о семи мудрецах, для которой я нашел здесь неожиданное число рукописей, только в Румянцевском музее — 10»¹¹³.

В Москве Мурко познакомился с Р.Ф. Брандтом, А.А. Шахматовым, Ф.Е. Коршем. Но особенно близко он сошелся с молодыми московскими славистами В.Н. Щепкиным и Б.М. Ляпуновым, которые брали у него уроки словенского языка. Сохранилось письмо Мурко Щепкину по поводу этих уроков от 12 декабря 1888 г. «Я все-таки очень рад быть к Вашим услугам при изучении словенского языка, — писал он. — ... Финансовая постановка уроков мне неприятна, но если это для Вас даже *conditio sine qua non* (непременное условие — лат.), тогда я не буду противиться»¹¹⁴.

¹¹² СПФ АРАН. Ф. III. Оп. 1. Д. 46. Л. 22–23.

¹¹³ РО ИРЛИ. Ф. 45. Оп.3. Д. 548. Л. 2, 2 об.

¹¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 254. Оп. 1. Д. 50. Л. 1, 1 об.

Поездка в Россию оказала на Мурко большое положительное влияние, хотя ему многое там не понравилось. Однако с учеными он нашел общий язык. Позднее он отмечал, что много работал в библиотеках, посещал ученых, «где меня повсюду и всегда принимали самым лучшим образом»¹¹⁵. Общение с учеными пробудило у Мурко интерес к истории славянской литературы, расширило его научный кругозор. Это отмечает и А. Слодняк. «Мурко в России развился в научном отношении, — пишет он, — и обогатился по своей специальности: только в школе Веселовского и Пыпина он получил ... возможность стать из узкого слависта и германиста венской школы историком славянской литературы в сравнительном плане, этнографом и публицистом с широкими взглядами»¹¹⁶.

О своей поездке в Россию Мурко опубликовал в журнале «Люблянски звон» серию статей «В русской провинции», в которой осуждал многие порядки в Российской империи. «Повсюду, — писал он, — видите новое рядом со старым, величайшую ученость рядом со страшно распространенным невежеством, высочайшую культуру с допотопной первобытностью, пробуждающуюся общественную жизнь со старым деспотизмом и беспробудным сном»¹¹⁷. Еще ранее 3 (15) ноября 1887 г. Мурко делился со своим другом Я. Бабником первыми впечатлениями от России. «И если не придет второй Петр Великий, — замечал Мурко, — она еще долго не будет тем, чем должна стать»¹¹⁸.

Из общественных деятелей в России Мурко особенно разочаровали славянофилы. Он считал их консерваторами, любящими средневековую мистику и крестьянскую первобытность. И если московские славянофилы, по его мнению, имели какие-то патриархальные черты, то петербургские были лишены их совершенно. Особенно резко критиковал

¹¹⁵ Slovanski svet. Trst. 1895. № 48. S. 444.

¹¹⁶ Slodnjak A. Matija Murko. S. 49.

¹¹⁷ Murko M. V provinciji na Ruskem // Ljubljanski zvon. 1889. № 5. S. 278.

¹¹⁸ Pokrajinski arhiv Maribora. Privata. J. Babnik.

Мурко В.И. Ламанского, его теорию о существовании трех миров, поскольку она выдвигала на первый план религиозный, а не национальный признак. Но утверждение Ламанского, что не только Россия приносит пользу славянам, но и славяне — России, и она должна им быть благодарной за их борьбу с германизацией, эту мысль русского ученого он считал плодотворной¹¹⁹.

С русскими учеными, которые отличались либеральными взглядами и строгой объективностью в научных изысканиях, Мурко и после отъезда из России стремился поддерживать контакты. Так, он не прерывал связи с Веселовским. 5 декабря 1890 г. Мурко послал русскому ученому свое исследование о семи мудрецах и просил написать на него рецензию в «Журнал Министерства народного просвещения»¹²⁰. С А.А. Шахматовым Мурко переписывался полтора десятка лет (1897–1913). Первые письма ученого касались просьбы Шахматова к Мурко написать для «Известий Отделения русского языка и словесности» (далее — Известия ОРЯС) отзыв на статью чешского ученого Вондрака о Фрейзингских отрывках. Мурко отказался сделать это, сославшись на свою некомпетентность по этому вопросу¹²¹. Последующая переписка ученых также касалась научных проблем. Так, Мурко рассказывал о затруднениях К. Штрекеля с Матицей Словенской по поводу издания его публикации «Словенские народные песни», а Шахматов интересовался результатами экспедиции двух учеников Мурко — Царича и Будса — в ту часть хорватских земель, где господствует кайкавское наречие. Материалы Царича были посланы Шахматову 22 мая (4 июня) 1904 г., а Будса — летом 1905 г., ибо только к этому времени Будс написал докторскую диссертацию, которой Мурко был очень доволен. «Теперь знаем, — делился он с Шахматовым в июне 1905 г., — что такое чакавское и вообще хорвато-

¹¹⁹ Ljubljanski zvon. 1892. № 9. S. 571–575.

¹²⁰ РО ИРЛИ. Д. 16223.

¹²¹ СПФ АРАН. Ф. 34. Оп. 3. Д. 1019. Л. 1 об.–3 об.

сербское ударение, так как замечания Будса о штокавском ударении, несомненно, верны». Мурко проявлял интерес к съездам славистов и деятельности Славянского благотворительного общества в Петербурге. Он хотел написать статью о славянском съезде в апреле 1903 г. в «Люблянский звон», одобрял культурных и общественных деятелей. В сентябре 1909 г. состоялся конгресс филологов в Граце. Попытка организовать на нем секцию славистов окончилась неудачей. «Славянское самосознание, — с грустью сообщал Мурко Шахматову, — которому надо радоваться, не знает всегда меры. Я говорил нашим словенцам, что следует присмотреться [к] так[ой] древней и хорошей организации, как Philologstag, и потом устраивать подобные съезды по крайней мере для южных славян, но мои увещания были напрасны». Большое место в письмах Мурко Шахматову отводилось книгообмену. В последнем письме от 19 (5) декабря 1913 г. он просил русского ученого прислать ему книгу «Русские писатели в академических изданиях». В конце письма Мурко добавлял: «Я не желаю получать ответа, тем более что нас правительство все более стесняет в прямом сообщении с учен[ыми] учреждениями иностранных государств»¹²². Как следует из последней фразы, переписка двух ученых оборвалась из-за политических осложнений.

После отъезда Мурко продолжал сношения и с московским славистом Б.М. Ляпуновым, которому он посылал свои книги и статьи. Когда Ляпунову понадобились материалы для некролога об В. Облаке, он обратился за ними к Мурко, и последний прислал сведения о нем и его фотографию¹²³. Когда Мурко исполнилось 70 лет в 1931 г., Ляпунов написал о нем статью. В ней Ляпунов отзывался о юбиляре как об одном «из наиболее известных славистов», талантливом ученике Ф. Миклошича, отличающемся горячим интере-

¹²² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1019. Л. 1–45 об.

¹²³ Ляпунов Б.М. Др. Ватрослав Облак. Харьков, 1896. С. 1.

сом к исследованию современной культурной и общественной жизни славянских народов». Автор отмечал его талант популяризатора, его преподавательскую деятельность в Граце, Вене, Лейпциге, Праге. «В заключение не могу не выразить, — подчеркивал Ляпунов, — своего удивления той энергии и неутомимой деятельности, которую обнаруживает Мурко в области изучения культурной жизни южного и западного славянства в его прошлом и настоящем, глубокой благодарности за сделанные им крупные вклады в изучение славянства и пожелания с такою же энергией продолжать свою полезную деятельность»¹²⁴.

Через Ляпунова Мурко заочно в 1896 г. познакомился с видным этнографом и литературоведом Н.Ф. Сумцовым, профессором Харьковского университета, завязал с ним переписку. Сумцов попросил у Мурко материал для статьи о нем, которую он готовил в энциклопедический словарь. Мурко исполнил его просьбу. 12 января 1901 г. он поздравил Сумцова с 25-летием его научной деятельности. Спустя 5 лет он поздравил Сумцова и с 30-летием его деятельности. В последнем поздравлении Мурко подчеркивал: «Вы были всегда на верном пути, — писал Мурко, — когда вы защищали духовный и общественный прогресс и свободное развитие всех народных сил, благодаря которым могла бы Россия занимать уж совсем иное место в свою пользу и в честь всего славянства». Особенно высоко оценивал Мурко труды Сумцова по этнографии¹²⁵.

В 1890-е годы в Вене побывал молодой русский славист М.Н. Сперанский. Он познакомился с Мурко и активно общался с ним. Об этом он сообщал 20(8) июня 1890 г. В.Н. Щепкину. «Мурко благодушествует по-своему, — замечал он, — т. е. весел, забавен, вносит оживление всюду, куда ни придешь ...Разумеется исповедовал я его за его “V provincijj na Ruskem”». Он очень наивно и откровенно

¹²⁴ Ляпунов Б.М. Профессор, д-р М.М. Мурко // Труды Института славяноведения АН СССР. Т. 2. Л., 1934. С. 505, 506.

¹²⁵ Центральний державний історичний архів України (Харків). Ф. 794. Д. 828, 829, 831.

кался и объяснялся, что побудило его к подобному тону и т. д., ну теперь мы уже и не вспоминаем об этом». Далее Сперанский сообщал, что каждый день обедает с Мурко и тот много говорит о политике. «У него, — продолжал русский ученый, — к сожалению, есть замашки публициста; это бы еще не беда, если бы это не сказывалось на его ученых работах ... в ущерб делу. Таково мое мнение. А все-таки он премилый человек, мы с ним в большой дружбе пока»¹²⁶. После Вены Сперанский отправился в Венгрию, Хорватию, Сербию. К некоторым славянским деятелям Мурко дал ему рекомендацию. Переписка ученых продолжалась и после возвращения на родину Сперанского. В декабре 1897 г. и феврале 1898 г. Мурко написал письма Сперанскому, в которых рассказывал об отрицательном отклике на его статью «В русской провинции» в газете «Словански свет» и о своем ответе на эту критику, в котором он использовал выдержки из писем Сперанского¹²⁷.

Мурко опубликовал свое исследование «Повести о семи мудрецах» на немецком и словенском языках, но интереса оно не вызвало. Зато его книга «Немецкое влияние на зарождение чешской романтики», вышедшая в свет в Граце в 1897 г. удостоилась 47 рецензий. По мнению А. Слодняка, за небольшими исключениями они носили объективный характер¹²⁸.

В России отзыв на эту книгу Мурко написал филолог и палеограф Н.К. Грунский. Он похвалил главы, посвященные Шафартику, Коллару, Челаковскому, отметил обильный фактический материал, приведенный в книге. Вместе с тем Грунский считал, что Мурко слишком преувеличивает немецкое влияние на Славянское Возрождение, преуменьшая тем самым влияние других народов. В частности, он не останавливается на воздействии на Крайну французской оккупации, хотя «значение занесенных идей

¹²⁶ СПФ АРАН. Ф. 254. Оп. 1. Д. 69. Л. 9, 9 об.

¹²⁷ СПФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 157. Л. 4–8 об.

¹²⁸ *Slodnjak A. Matija Murko. S. 53.*

французской революции и особенно упомянутое присвоение Крайны имели важное значение для развития словенской литературы и вообще словенского народа»¹²⁹.

Вторую рецензию на книгу Мурко написал историк-славист Н.В. Ястребов. Он также отметил богатство использованного в книге материала, но отвергал основной вывод Мурко, что главную заслугу в Возрождении чешского народа якобы имеют Гердер и немецкие романтики. К такому выводу Мурко мог прийти, по мнению Ястребова, только потому, что видел «в Возрождении не самостоятельное народное движение, а подражательное, немецкое». Рецензент отмечал, что Мурко не показал жизнь чешского народа, связав ее с Чешским Возрождением, что он ничего не сказал о влиянии на него других славян, в том числе русских. Ястребов советовал Мурко больше внимания уделять иным, нелитературным процессам народной жизни и меньше увлекаться теорией литературных заимствований¹³⁰.

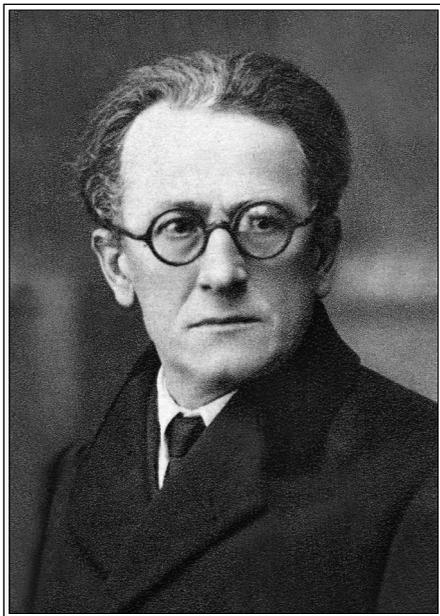
С точкой зрения Грунского и Ястребова, по-видимому, были согласны многие рецензенты, особенно из славянских земель. Слодняк отмечает, что книгой Мурко были значительно более довольны немцы, чем славяне. Мурко воспринял критику, и в следующих своих трудах не в такой степени преувеличивал роль немецкой романтики в развитии славянских литератур¹³¹. Его статьи о юношеских годах Миклошича, о Ватрославе Облаке были положительно оценены русскими рецензентами. Положительного отзыва слависта Н.М. Петровского удостоились работы Мурко о профессоре Загребского университета и популяризаторе русской литературы среди хорватов М. Шрепеле, а также его очерк о югославянской литературе.

¹²⁹ Грунский Н.К. Отзыв об исследовании М. Мурко «Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik». Graz, 1897 // Известия ОРЯС. СПб, 1897. № 4. С. 1109–1117.

¹³⁰ Ястребов Н.В. Рец. на кн.: Dr. Mattias Murko. Deutsche Einflüsse auf die Anfänge der böhmischen Romantik. Graz, 1897 // ЖМНП. 1898. С. 221–227.

¹³¹ Slodnjak A. Matija Murko. S. 55, 56.

Особое место в развитии не только русско-словенских связей, но и современной словенской науки занимает еще один стажер Венского университета в России — Иван Приятель (1875–1937). Его деятельность высоко оценивается словенскими учеными. «Несмотря на различные изменения и перемены, — пишет его ученик Ш. Барбарич, — которые приносят время, его деятельность уже более полстолетия остается живой, стимулирующей и плодотворной, является неотъемлемой составной частью словенской культурной традиции, частью нашего современного сознания»¹³².

Иван Приятель

Иван Приятель родился в 1875 г. в крестьянской семье, учился в Люблянской гимназии, где в 1894 г. вместе со своим однокашником Францем Гривцом стал изучать русскую литературу. В 1897 г. к ним просоединился Йосип Мурн (Александров), будущий замечательный поэт, и другие гимназисты. Они организовали тайное литературное общество, члены которого в 1898 г. выпустили в Горице альманах «На расстанку» (На рассвете) с помощью Габрщека. С 1898 г. Приятель стал изучать в Венском университете славистику. Его руководителем был известный хорватский славист В. Ягич, который в 1872–1874 гг. и в 1880–1886 гг. преподавал в русских университетах (Новороссийском и

¹³² *Barbarič Š. Srečanja in soočenja // Prijatelj zbornik. Ljubljana, 1975. S. 5.*

Петербургском). Во время пребывания в России Ягич подружился с рядом выдающихся русских ученых: А.Н. Пыпшиным, А.Н. Веселовским, Ф.Е. Коршем, П.А. Кулаковским. Общение с Ягичем укрепило интерес Приятеля к России.

Уже в первой своей работе — рецензии на русско-словенский словарь и русскую грамматику Хостника — Приятель выступил с главной идеей своей деятельности, которой он оставался верен всю свою жизнь. «На основе русского языка, — подчеркивал он, — должна развиваться у нас культурная жизнь, национальное возрождение, на его основании должно произойти освобождение нашего духа от чуждого влияния, от чужих оков... Будем учиться русскому языку особенно в настоящее время, когда нас хочет поглотить чужое море, теперь, когда чужие “ученые” отказывают нам во всяком праве на будущее»¹³³. Приятель считал, что русский язык и литература станут важным средством борьбы против германизации словенцев.

С этого времени Приятель активно сотрудничает в журнале «Люблянски звон». По заказу А. Ашкерца, словенского поэта и убежденного русофила, являвшегося в то время редактором журнала, Приятель написал статью «Русский роман и новейшая французская литература». Она не отличалась оригинальностью, сам Приятель признавал, что она написана на основании статьи З. Венгеровой, опубликованной в «Вестнике Европы» (февраль, 1899)¹³⁴. По заказу Ашкерца Приятель написал статью «Толстой и его роман “Воскресенье”». Когда Ашкерц попросил Приятеля сократить ее, Приятель решительно воспротивился этому. В своем письме к Ашкерцу от 30 января 1900 г. он писал, что нащупал главную идею русской литературы. «И я ее нашел, — писал Приятель, — в отношении русской литературы (и Толстого вместе с ней) к иностранной литературе и культуре». Приятель считал, что всю русскую литературу

¹³³ *Semjon Semjonovič B. Ruski slovar in ruska slovnica // Ljubljanski zvon. 1898. № 8. S. 504, 505.*

¹³⁴ *Prijatelj I. Ruski roman in moderna francoska književnost // Ljubljanski zvon. 1900. № 2. S. 101.*

пронизывает одна главная идея — борьба против офранцуживания. Эту идею он прослеживал и у Гоголя, и у Достоевского, и у Толстого¹³⁵. Найдя в русской литературе орудие борьбы против немецкого влияния, Приятель гипертрофировал в ней те черты, которые наиболее отвечали его взглядам. Статья о «Воскресении» стала рассказом Приятеля о всем творчестве Толстого. «Всю свою жизнь, — подчеркивал он, — Толстой искал истину. Сотни раз он падал и сотни раз опять вставал за правду». В конце статьи Приятель приходил к выводу: «Творчество Толстого выходит за религиозные, политические и национальные рамки, оно принадлежит всему человечеству, ибо человечность — его отличительная черта»¹³⁶.

Российский литературовед М.И. Рыжова высоко оценивает статью Приятеля о Толстом. «Работа Приятеля, — пишет она, — содержит немало свежих, оригинальных мыслей, собственных наблюдений и заключений, возникших в результате тщательного изучения молодым литературоведом творчества великого русского писателя»¹³⁷.

Большой интерес проявил Приятель к творчеству А.П. Чехова. Переводы ряда рассказов русского писателя он поместил в 1901 г. в журнале «Люблянски звон». Они сопровождались краткой характеристикой его творчества. «Рассказы Чехова, — писал Приятель, — кратки, кратки его мгновения, но это мгновения духовности... И поэтому на кратких мгновениях лежит печать вечности»¹³⁸. В том же году вышел сборник рассказов Чехова в переводе Приятеля и с его предисловием. Статья Приятеля о Чехове вызвала одобрение П.А. Заболотского. Он отмечал у Приятеля дарование поэта в сочетании с талантом ученого-исследователя. Приятель, по мнению Заболотского, умел широко поставить

¹³⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M. VIII.

¹³⁶ Ljubljanski zvon. 1900. № 4. S. 218; № 11. S. 692.

¹³⁷ Рыжова М.И. Русская литература в словенском журнале «Люблянски звон» (1881–1918) // Зарубежные славяне и русская культура. Л., 1978. С. 141.

¹³⁸ Prijatelj I. A.P. Čehov // Ljubljanski zvon. 1901. № 4. S. 259–262.

вопрос и разобраться в нем. Рецензент сожалел, что Приятель не знал последних произведений Чехова — «Вишневого сада» и «Трех сестер». «Краткая, но содержательная и художественно написанная монография д-ра И.Ф. Приятеля» — таково было заключение Заболотского¹³⁹.

К столетию со дня рождения А.С. Пушкина Приятель опубликовал статью «Пушкин в словенских переводах». В сокращенном виде она была напечатана в сборнике «Пушкин в южнославянских литературах», выпущенном С.-Петербургской Академией наук под редакцией Ягича. В статье Приятель рассказывал об отношении к русской культуре деятелей Словенского Возрождения, начиная с В. Водника и кончая А. Жакелем (Радолубом Лединским). Затем он перечислил все переводы Пушкина на словенский язык, начиная с первого (Р. Лединского) и кончая «Русской антологией в словенских переводах», вышедшей в свет в 1902 г.¹⁴⁰.

В 1902 г. в журнале «Люблянски звон» была напечатана статья Приятеля о Н.В. Гоголе. Гоголь, по мнению автора, отразил в своих произведениях характер русского человека. Самым замечательным произведением Гоголя Приятель считал роман «Мертвые души». «В нем, — писал словенский критик, — он рассказывал о России, о том, что она представляет собою на самом деле. И эти его размышления стали грандиозной и страшной картиной, проповедью, доходящей до самого сердца». Гоголь, по мнению Приятеля, «нецивилизованный, но полнокровный славянин. В нем все от чувства и фантазии, и ничего — от разума». Все русские реалисты имеют свои истоки в творчестве Гоголя. Тургенев взял от него беспокойство о судьбах России, Достоевский — интерес к патологической религиозности, Л. Толстой — сомнения, Салтыков-Щедрин — смех сквозь слезы¹⁴¹.

¹³⁹ *Заболоцкий П.А.* Словинский ученый об А.П. Чехове. Dr. I. Prijatelj. Momenti iz spisov A.P. Čehova // Русский филологический вестник. 1906. №. 1–2. С. 349–352.

¹⁴⁰ Пушкин в южнославянских литературах. СПб, 1901. С. 369–395.

¹⁴¹ Ljubljanski zvon. 1902. № 5. S. 347–351.

В марте 1903 г. Приятель отправился в Россию как стипендиат Венского университета. Его учитель Ягич так определял его задачи в письме от 10 апреля 1903 г.: «Я бы желал, чтобы Ваше пребывание в России способствовало бы расширению Вашего кругозора, без чего нет успеха ни в науке, ни в политике. Поэтому старайтесь познакомиться с людьми разных направлений, разных партий»¹⁴².

Петербург, куда Приятель прибыл для учения, ему не понравился. Он видел на нем печать официальной России, «самодержавную, роскошно украшенную столицу». В июле 1903 г. Приятель вернулся на родину, а уже в начале 1904 г. снова отправился в Россию, на этот раз в Москву. «Она мне бесконечно больше нравится, — сообщал Приятель своему другу Р. Нахтигалу, — чем он (Петербург. — *И. Ч.*), смелый, дерзкий, однообразный, как море, одетый по-рабочему или по-чиновничьи Петров бастард. Москва же настоящая здоровая русская баба, как их рисует в последнее время Малявин, сильная, раскинувшаяся в свободной широте, в цветастой, почти расписной одежде, украшенная старинными домиками, как драгоценностями. И Кремль, в действительности, украшение не только Москвы, но всей России. Не знаешь, то ли это музей, то ли ризница, то ли светлый предел, то ли все вместе взятое»¹⁴³. Во второй раз Приятель был в России год, до конца июля 1904 г. Последнюю часть этого времени он провел в Петербурге и Варшаве. Приятель по совету своего учителя внимательно изучал не только русскую литературу, но и современную русскую общественную мысль. В письмах к Ягичу из Москвы он сообщал, что штудирует философские основы славянофильства и западничества, эстетические основы русской критики, реформы 1860-х годов. Его интересовало творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, он заново открывал для себя А.Н. Островского. Приятель делился

¹⁴² Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XI.

¹⁴³ Rokopisna zbirka NUK. Ms. XXIV.

с Ягичем своими планами изучения новейших политических учений, в том числе марксизма¹⁴⁴.

В письмах к Нахтигалу Приятель перечислял тех русских критиков и писателей, которых он изучал: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, поэты 1870–1880 годов, а также — Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Григорьев. Помимо реформ 1860-х годов, его интересовала русско-турецкая война 1877–1878 гг. «Из истории русской мысли, — признавался Приятель Нахтигалу в письме от 23 мая (5 июня) 1903 г., — меня интересует славянофильство, первая целостная, последовательная философская доктрина в России, которая пережила разные этапы, как и общество вместе с ней. Позитивизм 1860-х годов и социализм 1890-х значительно менее оригинальны»¹⁴⁵.

Изучение славянофильства помогло Приятелю написать для журнала «Люблянски звон» статью о А.С. Хомякове. Приятель видел причину появления славянофильства в России как реакцию на засилье французского и немецкого влияния на русское общество. Приятель осуждал поддержку Хомяковым идей православия и самодержавия, однако он отмечал как положительные черты его идеологии борьбу за освобождение личности, любовь к своему народу. Хотя славянофильство уже не существует, но жив призыв славянофилов к пробуждению духа и мысли народа. В 1860-е годы он был подхвачен просвещенными позитивистами, в 1870-е годы — субъективистскими народниками, в 1890-е годы — марксистами. Стремление понять и изучить народ — вот главное, что, по мнению Приятеля, объединяло все эти течения¹⁴⁶. Хотя Приятель смешивал разные в классовом отношении течения, все же важным

¹⁴⁴ Rokopisna zbirka NUK. Ms. XXIV.

¹⁴⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.

¹⁴⁶ *Prijatelj* I. K stoletnici Homjakova // Ljubljanski zvon. № 6. S. 331–334; № 7. S. 407–411.

в его высказывании была его высокая оценка стремления русских общественных деятелей понять и изучать народные массы.

В современной ему России наибольшее сочувствие у Приятеля вызывало русское студенчество. В письме к Нахтигалу от 23 мая (5 июня) 1903 г. он называл его «единственным передовым элементом в России». Полицейский произвол, продажность российской прессы вызывали отвращение у молодого словенца.

Русско-японская война, начавшаяся в 1904 г., застала Приятеля в России. По его признанию Нахтигалу, он настолько сросся с русской жизнью, что чувствовал щемящую боль, когда слышал о поражениях русских, хотя «я знаю (из здешних честных кругов), что несколько поражений русского оружия только бы принесли пользу России». Как и русские «честные круги» (несомненно, либерально настроенные ученые, с которыми общался Приятель), он полагал, что после неудачной русско-японской войны, как после Крымской войны, Россия вступит в полосу либеральных реформ. В современных русских писателях Приятель видел гораздо больше, чем просто литераторов. «Я часто думаю, — размышлял он в том же письме к Нахтигалу, — как тяжело быть русским писателем! Поэтому я удивляюсь, как могут такие свежие, открытые, несвязанные таланты иметь успех в этом мандаринском государстве! Удивляюсь смелому Горькому, который для меня был до сих пор слишком грубым, теперь я его понимаю и понимаю также воодушевление, которое он вызывает в России»¹⁴⁷.

Основной круг общения Приятеля составляли ученые. Самые близкие отношения сложились у него с Ф.Е. Коршем. Впервые Приятель обратился к нему 17 февраля 1900 г. Указав, что от Мурко он узнал, что Корш перевел на русский язык все произведения Ф. Прешерна, Приятель советовал ему «издать их целиком на русском языке к его

¹⁴⁷ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.

столетию». В том же письме Приятель просил русского ученого написать, кто переводил Прешерна на русский язык, так как он собирает материал для статьи «Прешерн в славянских переводах»¹⁴⁸. Корш ответил Приятелю 19 февраля (2 марта) 1900 г. Ему понравилась мысль издать на русском языке произведения Прешерна отдельным сборником, и для этого он собирается перевести на русский язык те произведения поэта, которые им еще не были переведены. Уже в сентябре 1900 г. Корш сообщил Приятелю, что перевел все стихи поэта, которые могут иметь интерес для русского читателя. Опираясь на сочинения Стритара о Прешерне, Корш написал и предисловие к сборнику. Однако Корш чувствовал недостаток материала и просил Приятеля ответить ему на ряд вопросов по биографии и творчеству Прешерна, «чтобы моя статья достигла своей цели и смогла сделать великого словенца возможно более близким русским». Письма Приятелю Корш писал по-словенски.

Приятель с лихвой выполнил просьбу Корша. 30 октября 1901 г. С.-Петербургская Академия наук послала словенскому ученому 100 руб. «за исполненную Вами работу по собиранию материалов для полного собрания сочинений Прешерна». Однако 8 ноября Академия отослала эти материалы обратно Приятелю. В сопроводительном письме говорилось, что полное критическое издание сочинений Прешерна может предпринять только словенский ученый и это предприятие «встретило бы нравственную и материальную поддержку» со стороны Академии¹⁴⁹. Предложение С.-Петербургской Академии осталось неосуществленным. Однако есть сведения, что Корш, получив материалы о Прешерне Приятеля, помог ему в сборе данных о А.П. Чехове для вступительной статьи к сборнику его произведений, изданных на словенском языке¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. M. XXIV.

¹⁴⁹ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XIII.

¹⁵⁰ *Заболотский П.А.* Словинский ученый об А.П. Чехове. С. 351.

Когда в марте 1903 г. Приятель приехал в Петербург, Корш стал его своеобразным опекуном. Они вместе составили план работы Приятеля на год. Однако им не удалось найти общий язык. В письме от 23 мая (5 июня) 1903 г. Приятель рассказывал Нахтигалу о своих впечатлениях от Корша: «простой, надежный, ученый и искусный». Но тут же замечал, что план его работы еще не ясен, «ибо русские ученые исследуют литературу прошлых времен, а новой занимаются только журналисты».

Приятель встречался и с Бодуэном де Куртенэ, который показался ему очень любезным человеком, ученым с головы до ног. Через него Приятель познакомился с финским профессором Микколой, что дало ему возможность побывать в Финляндии. Приятель общался с А.А. Шахматовым, А.Н. Веселовском, Ф.Ф. Фортунатовым, А.Н. Пыпиным, Р.Ф. Брандтом. «Алексей Александрович, — писал он Нахтигалу о Шахматове, — человек, у которого, как говорится, везде глаза — не любопытные, но спокойно внимательные, глубокие. И поэтому я уверен, что он все помнит, что увидит хотя бы однажды»¹⁵¹. Словенский ученый довольно часто бывал у Шахматова дома.

Приятель был приглашен на съезд русских славистов, проходивший 10–15 апреля 1903 г., — сохранилось приглашение ему принять участие «на заседании предварительного комитета», подписанное А.Н. Веселовским¹⁵².

На съезде было решено издать славянскую энциклопедию под редакцией Ягича. Средства на это давала С.-Петербургская Академия наук. Прежде чем уехать из Петербурга, Приятель зашел к Шахматову. О своей беседе с ним он сообщил Ягичу в письме из Варшавы, написанном, вероятно, в июне 1903 г. Приятель отмечал, что Академия во главе с Шахматовым и Веселовским по-прежнему воодушевлена идеей создать славянскую энциклопедию. «А во-

¹⁵¹ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.

¹⁵² Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. 1.

обще все академики за энциклопедию и также за то, чтобы дать Вам неограниченные полномочия»¹⁵³.

На одном из вечеров у Шахматова Приятель познакомился с Фортунатовым, который ему очень понравился человечностью и простотой. С юмором Приятель описывал Нахтигалу встречу с Брандтом, нагрузившим его таким количеством своих сочинений, что Приятель едва донес их до своего дома. Особенное значение для молодого словенского ученого имело его общение с А.Н. Веселовским и с А.Н. Пыпиным. С Веселовским он встретился в Москве, нередко бывал у него дома. «До сих пор я лучше всего чувствую себя у Веселовского, — делился Приятель с Нахтигалом. — В его салоне так хорошо ощущаешь широкие горизонты современности. И кроме того, он элегантный человек, именно такой, каким я представляю себе современного профессора: внешне и внутренне в гармонии»¹⁵⁴.

Пыпина Приятель считал великим ученым. Через несколько лет после его смерти он опубликовал большую статью о нем. В статье Приятель подчеркивал, что Пыпин является последователем позитивистской школы, главою которой был Н.Г. Чернышевский. Приятель отметил, что Пыпин слушал лекции И.И. Срезневского, В.И. Григоровича, В.И. Ламанского, что он изучал европейскую литературу в Берлине, Лейпциге, Париже, Лондоне. Приятель рассматривал его «Историю славянских литератур», написанную совместно со Спасовичем, не как научный труд, а как факт русской общественной жизни, как сочинение, направленное против славянофилов. Отсюда не всегда верное понимание развития некоторых славянских народов, например словенцев. Главным трудом Пыпина Приятель считал «Историю русской литературы», в которой он исследовал развитие идей в русском обществе на протяжении нескольких столетий. С удовлетворением Приятель указывал, что методы Пыпина поддержаны и немецкими учеными.

---

¹⁵³ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. M. XXIV.

¹⁵⁴ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.

Последнюю часть своей статьи Приятель посвятил личным встречам с русским ученым. «Всю свою жизнь он стремился, — отмечал словенец, — чтобы приблизить Россию Европе, доказать разным теоретикам географическую, историческую и культурную истину, что Россия принадлежит Европе и что ей должны светить те же путеводные звезды, что и Западу». Но все помыслы Пыпина принадлежали России, во время встреч с Приятелем он не сказал ни слова о Европе, «только Россия и славянство у него на уме». И еще одну особенность подметил словенец: перед своими Пыпин критикует Россию, но если ее начинает ругать иностранец, он встает горой на ее защиту. «Эту русскую особенность я замечал повсюду среди русских. Но больше всего она меня удивила у двух известных западников: у московского профессора западных литератур Алексея Веселовского и Пыпина». Критику Пыпиным некоторых славянских ученых, например Мурко, которые приезжали в Россию не изучать ее, а судить ее, Приятель воспринимал скептически. Он полагал, что она означает, что прежнее русофильство славян, базировавшееся на близости языков и могуществе России, справедливо уступает место вере в прогресс, попытке славян выяснить, что осталось неизменного и общего у западных и восточных славян, чтобы сделать это базой реального единения. Пыпин учит, что прошлое нужно изучать, чтобы понять настоящее. Входявшего в то время в моду немецкого философа Ф.В. Ницше, он резко критиковал, указывая, что человек, презирающий доброту и милосердие по-русски, называется не «уберменш» (сверхчеловек — нем.), а негодяй¹⁵⁵.

Пыпин и его труды оказали большое влияние на Приятеля. Это отмечает, например, ученик Приятеля Ш. Барбарич. «Позитивистская школа, — подчеркивает он, — развила у Приятеля убежденность, что литературоведение, как историческая наука, не может довольствоваться не-

¹⁵⁵ *Prijatelj I. A.N. Pypin // Ljubljanski zvon. 1908. № 1–4.*

обоснованными суждениями и утверждениями, какими бы блестящими и привлекательными они ни были»¹⁵⁶. Влияние на Приятеля Пыпина и Веселовского отмечает и А. Слодняк¹⁵⁷.

В России Приятель занимался не только учебой, но и популяризацией словенской литературы. Еще до съезда в Петербурге им была написана статья о словенской литературе для венгерской энциклопедии. Но ее не использовали по назначению, очевидно, из-за ее размеров. В письме от 19 апреля 1903 г. Приятель просил Нахтигала прислать ему рукопись его статьи, которую Г.А. Ильинский обещал перевести на русский язык¹⁵⁸.

В 1904 г. труд Приятеля стал печататься в «Славянских известиях», окончание его вышло в первом номере 1906 г. В начале своего сочинения автор характеризовал Фрейзингские отрывки, затем останавливался на деятельности Приможо Трубара. При этом Приятель подчеркивал, что она была направлена не только на распространение протестантизма, но и на национальное возрождение словенцев. Приятель приводил сведения и о деятелях Словенского Возрождения, начавшегося в последнюю треть XVIII в. У Линхарта Приятель подчеркивал его вольнодумство, у Кумердея — его проект по обучению детей на родном языке. С особой симпатией Приятель описывал деятельность кружка альманаха «Краньска чбелица» и прежде всего великого словенского поэта Франце Прешерна. Из писателей второй половины XIX в. автор выделял Ф. Левстика, Й. Юрчича, Й. Стритара, С. Грегорчича, которым он дал краткую характеристику. Большое место он отвел рассказу о современном ему поэте — А. Ашкерце. Для Приятеля он человек, «стоящий вровень со своим веком, и реалист до мозга костей с убеждениями демократа и социалиста». «К славянскому миру, — продолжал автор, — поэт относит-

¹⁵⁶ *Barbarič Š. Temelji Prijateljeva literarnega nazora // Prijatelj zbornik. S. 64.*

¹⁵⁷ *Slodnjak A. Ivan Prijatelj med slovstvenimi zgodovinarji svoje dobe // Prijatelj zbornik. S. 25.*

¹⁵⁸ *Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.*

ся с энтузиазмом, так как он горячо стоит за уничтожение исторических привилегий и за общее равенство народов и отдельных лиц, и не менее также за ту силу, которая открывается в соединенных славянах». В обрисовке Ашкерца чувствовалась горячая симпатия к нему Приятеля, полное сочувствие его творческой и общественной деятельности. Высоко оценивал Приятель представителей словенской модерна: Ивана Цанкара, обладавшего «величайшей отвагой в самобытном творчестве», Отона Жупанчича, Драготина Кетте, Й. Александрова-Мурна¹⁵⁹.

Труд молодого словенского ученого вызвал интерес в научной общественности. Мурко в письме от 1 ноября 1905 г. просил Приятеля прислать отгиски его статьи. О сочинении Приятеля сообщил своим читателям «Люблянски звон». Отмечено оно было Н.М. Петровским в ЖМНП¹⁶⁰.

Еще находясь в России, Приятель послал в «Люблянски звон» рецензию на постановку в Московском художественном театре пьесы Чехова «Вишневый сад». «Русский любит театр, — писал он, — как ребенок игру и верующий божий храм». Приятель с большой симпатией рассказывал о деятельности Московского художественного театра, подчеркивая, что на его сцене ставятся шедевры мировой драматургии. Постановка «Вишневого сада» стала триумфом русского писателя: «Сейчас Чехов — самое знаменитое имя в России». В гибели вишневого сада, по мнению рецензента, автор символически показал гибель старого дворянского мира, на смену которому приходят две новые силы. С одной стороны — Трофимов, «всегда русский, всегда слабый, всегда — ничто, но всегда верящий в счастье через двести—триста лет», а с другой — купец Лопахин, огромная, элементарная, слепая, неизведанная сила. В отличие от Трофимова, он ничего не читает и ни во что не верит, эти

¹⁵⁹ *Приятель И.* Словенцы и их литература // Славянские известия. СПб. 1904. № 1, 2; 1905. № 5–6; 1906. № 1.

¹⁶⁰ ЖМНП. 1908. Янв. С. 146; Rolopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XIX; Ljubljanski zvon. 1904. № 12. S. 767; 1905. № 6. S. 381.

две противоборствующие тенденции, согласно Приятелю, и есть русская действительность, лучшим психологом которой является А.П. Чехов¹⁶¹.

После возвращения в Вену, Приятель получил место в Придворной библиотеке в отделе славистики, где и прослужил до 1919 г., когда был приглашен в качестве профессора в новый Люблянский университет. Во время жизни в Вене Приятель не порывал связей с родиной. В 1909 г. Словенская Матица опубликовала его перевод «Евгения Онегина» Пушкина. В то же время он написал в «Люблянски звон» большую статью о А.Н. Пышине. Кроме того, он напечатал в этом журнале несколько рецензий на словенские книги по русской тематике.

В 1911 г. Приятель в связи со смертью Л.Н. Толстого напечатал статью о нем. Словенский ученый рассматривал творчество Л. Толстого «как аттестат зрелости славянской культуры перед лицом всего мира». Он восхищался великим русским писателем и как художником, и как мыслителем, подчеркивая, что он «всегда исследовал, не просто рисовал, но сопоставлял факт с фактом».

Словенский литературовед Ф. Задрavec, отмечая страстную любовь Приятеля к русской литературе, совершенно справедливо указывал на причины этого. «Своими русскими исследованиями, — пишет Задрavec, — он хотел обогатить и стимулировать словенскую культуру вообще, литературу же в особенности, так как он писал свои литературно-критические труды, пытаясь поднять разнообразные проблемы в словенской литературе, вырвать ее из провинциализма и мелочного субъективизма и направить ее по пути смелого исследования противоречий личной и национальной жизни»¹⁶².

Близким другом Приятеля являлся выдающийся лингвист, тоже ученик Ягича, Райко Нахтигал (1877–1958). В

¹⁶¹ Ljubljanski zvon. 1904. № 4. S. 231–236.

¹⁶² Zadravec F. Ivan Prijatelj in ruska literatura // Prijateljjev zbornik. S. 178, 179, 185, 186.

1895 г. он поступил в Венский университет, изучал там сравнительную лингвистику и славистику. В 1900–1902 гг. Нахтигал был в России, где усовершенствовал свои знания в области русского языка и славистики вообще. «Мое более близкое знакомство с Россией, — вспоминал позднее Нахтигал, — приходится на 1901–1902 годы, когда я в качестве молодого доктора славистики, ученика В. Ягича, два года учился в России, более года — в Москве, несколько месяцев в Ленинграде, а во время каникул — в деревнях Дмитровского и Подольского уездов Московской губернии, а также Трубачевского уезда Орловской губернии. В последнем близко соприкасаются все три наречия или языка восточных славян: велико, бело и малорусский или украинский языки... В Москве я имел возможность общаться прежде всего с великим русским языковедом Ф.Ф. Фортунатовым, в Ленинграде — со знаменитым русистом А.А. Шахматовым, а сверстниками моими были, наряду с другими, известные позднее русисты Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов». Нахтигал активно участвовал во всех начинаниях русских филологов, в частности, много работал в Московской диалектической комиссии, исследуя с ее членами русские диалекты. Впоследствии эта комиссия была присоединена к С.-Петербургской Академии наук, которая и взяла на себя публикацию результатов ее исследований. Главным из них была «Диалектическая карта русского языка в Европе». Одновременно Нахтигал являлся членом комиссии славистов при Московском археологическом обществе, читал там лекции¹⁶³.

Труды Нахтигала получили положительный отклик в русских научных кругах. Его статья «К вопросу об исследовании так называемой “Беседы трех святителей”», помещенная в «Архиве славянской филологии» (Archiv für slavische Philologie) Ягича, была одобрена Т.Д. Флоринским. «Работа основана, — пишет он, — на внимательном изуче-

¹⁶³ *Nahtigal R. Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči. Ljubljana, 1946. S. VII, VIII.*

нии сохранившихся текстов памятника и посвященной ему литературы. Она еще не кончена. Автор представил историко-литературный обзор предшествующих исследований и анализ известных текстов данного апокрифа»¹⁶⁴.

Из молодых русских славистов Нахтигал, по-видимому, имел контакты с Н.Н. Дурново. Во всяком случае, он переведил совместно с Ягичем его библиографический обзор трудов о русских диалектах, помещенный затем в «Архиве...» Ягича¹⁶⁵. Общался Нахтигал и с Ламанским, которому в письме к Приятелю передавал привет наряду с Шахматовым и Фортунатовым. К ученым славянофильского направления Нахтигал относился скептически. «Славянофилы, — писал Нахтигал Приятелю 31 мая 1903 г., — правда, возможно очень симпатичные и интересные, даже очень необходимые люди, но несчастье в том, что их так много среди...славистов... Такие люди настолько понимают в науке, в ее холодной объективности, беспристрастности и единственном стремлении следовать истине, насколько это понимает последний священник... Да, действительно, слависты славянофилы...скорее реакционные журналисты, чем ученые»¹⁶⁶.

В центр своих научных интересов Нахтигал поставил исследование старославянского и русского языков. Русские ученые А.А. Шахматов и Ф.Ф. Фортунатов способствовали углублению его взглядов в области лингвистики, особенно русистики. Нахтигал был прекрасно знаком с работами русских ученых предшествующих поколений. Из них он особенно высоко оценивал А.Х. Востокова и И.И. Срезневского¹⁶⁷.

Вплоть до 1913 г., когда Нахтигал с помощью Мурко получил место экстраординарного профессора славистики в Грацком университете, он преподавал русский язык в различных высших учебных заведениях Вены. И потом

¹⁶⁴ *Флоринский Т.Д.* Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению // Университетские известия. 1902. № 9. С. 107, 108.

¹⁶⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XI.

¹⁶⁶ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XX.

¹⁶⁷ *Nahtigal R.* Uvod v slovansko filologijo. S. 20, 23.

русистика занимала важное место в исследованиях словенского ученого. В 1916 г. он попытался издать в Любляне книгу «Введение в изучение русского языка», однако министр просвещения Габсбургской монархии запретил сделать это, несмотря на хлопоты Мурко, убеждавшего его в глупости подобных мер¹⁶⁸. После Второй мировой войны Нахтигал опубликовал две книги, посвященные русскому языку и литературе: в 1946 г. — «Русский язык в научно-популярном освещении» и в 1954 г. — «Древнерусский эпос “Слово о полку Игореве”».

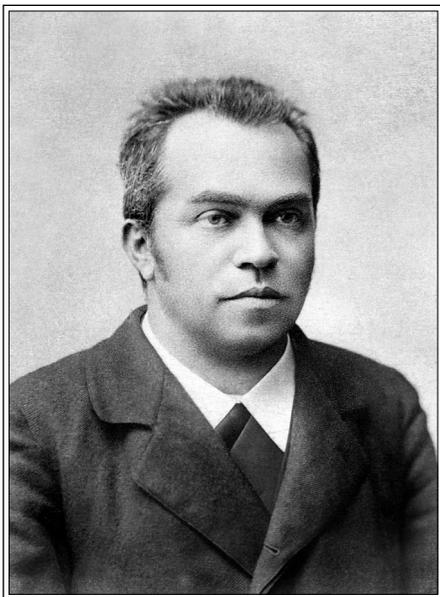
И наконец, нельзя обойти молчанием деятельность словенского поэта Антона Ашкерца (1856–1912), который много сделал для укрепления русско-словенских культурных связей. Крупнейший словенский поэт, он принадлежал к тем деятелям словенской культуры, которые видели возможность ее дальнейшего успешного развития только во взаимодействии с русской культурой. Средством лучшего познания России он считал русский язык и призывал молодежь изучать его. Он дважды посетил Россию в 1901 году. Эти поездки организовал ему Иван Хрибар, который хотел, «чтобы Ашкерц узнал великий славянский мир и его мощь»¹⁶⁹. О своих путешествиях в Россию Ашкерц оставил брошюру «Две поездки в Россию». Во время первого путешествия Ашкерц посетил Петербург, Москву, Киев. Согласно его воспоминаниям, это являлось его мечтой с юности: «Только Царьград и Рим я хотел бы посетить с такой радостью, как Москву, но Москву еще больше: ведь она наша, славянская»¹⁷⁰. Пребывание в России наполнило Ашкерца гордостью. «Наш братский язык господствует на всем огромном пространстве, — писал он, — от Вислы до Тихого океана, от Ледяного моря до Индии. Мощь и власть этого братского языка, в чьем волшебном кругу ты находишься, как только пересекаешь русскую границу, — это именно то, что сразу

¹⁶⁸ *Murko M. Spomini. S. 145.*

¹⁶⁹ *Hribar I. Moji spomini. S. 171, 172.*

¹⁷⁰ *Kozak K.J. Pod egido ruskega orla. S. 153.*

должно привлечь каждого словенца». Всякого истинного славянина, считал Ашкерц, должен привлекать тот факт, что Россия самая большая страна, где славянин сам себе хозяин. Вместе с тем он с горечью указывал, что русские совсем ничего не знают о словенцах. В этом он винил происки немцев, которых много в русских учреждениях и школах¹⁷¹. Вторая поездка Ашкерца произошла в том же году. На этот раз он побывал в южных городах Российской империи, где проживало значительное количество не-

Антон Ашкерц

русского населения, а именно: в Одессе, Севостополе, Ялте, Керчи, Батуми, Тбилиси, Владикавказе. Посещение Кавказа особенно удивило его. Поездка по Закавказской железной дороге, где ему пришлось столкнуться с людьми самых разных национальностей (грузины, армяне, татары, евреи, курды, персы и др.) привела его к выводу: «Да, русские много сделали для распространения европейской культуры на Кавказе, на границе так называемой Азии. Это признают даже немцы и англичане». По мнению Ашкерца, «с восточными людьми они (русские. — *И. Ч.*) умнее обращаются, чем британцы, поэтому и достигли большего успеха». И здесь он снова подчеркивает роль русского языка в этом: «Наш братский русский язык как духовная связь, которая сплачивает все эти чуждые нам народы в новую семью»¹⁷².

¹⁷¹ Kozak K.J. Pod egjdo ruskega orla. S. 159.

¹⁷² Там же. С. 157, 158.

Однако два путешествия в Россию все же несколько охладили русофильские мечты Ашкерца. Он с любовью писал о России и с ненавистью о самодержавии, характеризуя его как «страшный кошмар, который пригибает к земле свободную мысль в России». Удручала его и необразованность простых русских людей. «По сравнению с русскими, — писал он, — мы, словенцы, карлики, но наш народ в культурном отношении и всеобщей грамотности самое меньшее на 300 лет впереди русских». Этого мнения Ашкерца придерживались и другие словенские путешественники, например Б. Вошняк, который тоже писал о большей образованности простых словенцев по сравнению с низшими слоями русского народа. Ашкерц считал, что для победы панславизма необходимо, чтобы у русских укрепилось славянское самосознание и чтобы в России был уничтожен абсолютизм, ибо «мы хотим, чтобы славянство и свобода не были противоположными понятиями»¹⁷³.

Уже в 1890-е годы Ашкерц активно популяризировал русскую литературу. В 1901 г. вышла в свет «Русская антология в словенских переводах», в создании которой Ашкерц принял активное участие, продолжив труд Ивана Весела. Он перевел более 120 стихотворений русских поэтов, написав о последних небольшие биографические справки. Среди поэтов, переведенных Ашкерцом, были такие выдающиеся демократы, как Н.П. Огарев, Н.А. Добролюбов, В.С. Курочкин, Д.Д. Минаев. «Русская антология» вызвала одобрительные отклики в России. «В общем, — писал Ф.Е. Корш, — “Русская антология” производит на читателя самое благоприятное впечатление и должна найти себе глубокое сочувствие во всяком, кто дорожит взаимным сближением славянских народов как для совокупного развития особенностей славянского духа на пользу общечеловеческого мышления и творчества»¹⁷⁴.

¹⁷³ Kozak K.J. Op. cit. P. 163, 164.

¹⁷⁴ Корш Ф.Е. Рец. на кн.: Ruska antologija v slovenskih prevodih // Известия ОРЯС. 1902. № 4. С. 430.

В 1899 г. Ашкерц был соредактором, а в 1900–1902 годах — редактором журнала «Люблянский звон». В эти годы русская тематика особенно активно присутствовала на страницах журнала. О русских писали Приятель, сам Ашкерц и др. Ашкерц пытался привлечь к сотрудничеству в журнале русского литературоведа. Он обратился к Ф.Е. Коршу с просьбой найти русского критика, который бы согласился написать для журнала очерк о русской литературе. 16 (29) ноября 1900 г. Корш сообщил Ашкерцу, что уже имеет на примете человека, который может сделать это¹⁷⁵. В то же время Корш написал известному критику и искусствоведу А.Л. Волынскому (Флексеру) письмо, в котором сообщал ему о предложении редактора журнала «Люблянский звон» и которое он оканчивал словами: «Больших выгод от этого дела ожидать, разумеется, нельзя ... но тут уж речь должна быть об идее»¹⁷⁶. Волынский написал для журнала «Люблянский звон» две обзорные статьи: «Русская поэзия» и «Русские новеллисты».

В первой статье Волынский давал характеристику русским поэтам, начиная от Пушкина и кончая Бальмонтом и Брюсовым. Всех русских поэтов он делил на два направления: пушкинское, имевшее общечеловеческое значение, и лермонтовское, откликающееся прежде всего на общественные вопросы своего времени. Вторая статья Волынского — «Русские новеллисты» тоже была очень интересна. В центре ее стояли Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов, В. Короленко, М. Горький. Волынский справедливо отмечал, что Л. Толстой — «истинный сын крестьянского духовного элемента, его живое выражение, его язык и его психология; он трезв, ясен, он истинный трудолюбивый пахарь на ниве идей». Поэзия Толстого — поэзия простоты и высшей человечности. Достоевского Волынский характеризовал как гениального сумасшедшего. «Это сумасшествие, высокое и

¹⁷⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M. VII.

¹⁷⁶ Рыжова М.И. Письма Антона Ашкерца. С. 207.

гениальное в своих проявлениях, такая же черта русского характера, как и трезвая нормальность Толстого... Во главе нашей современной литературы стоят нормальный Толстой и сумасшедший Достоевский». Волынский указывал, что в будущем Россия будет лучше понимать Достоевского»¹⁷⁷.

Трактовка Волынским творчества двух великих русских писателей оказала влияние на И. Приятеля. Последний не только читал статьи русского критика, но, будучи в России, слушал его лекции. В письме к Нахтигалу от 17 февраля 1904 г. Приятель писал, что Тургенев и Толстой «являются в действительности гениями здоровой Московии, в то время как Достоевский — гений больного Петербурга»¹⁷⁸.

С искренней симпатией Волынский писал о Чехове, восхищаясь глубокой правдивостью и искренностью его творчества. М. Горького критик характеризовал как одного из оригинальнейших талантов современности, нетерпеливого, горячего и свободолюбивого, однако негармоничного и риторичного в своем творчестве. Наконец, декаденты явно не импонировали Волынскому, который подчеркивал, что хотя они кричат о красоте, но в их душе нет красоты, так как красота связана с жизнью и ее нельзя создать искусственно¹⁷⁹.

Ашкерц сам перевел статью Волынского на словенский язык и написал две краткие рецензии на две его книги: «Борьба за идеализм» (СПб, 1900) и «Царство Карамазовых. Н.С. Лесков. Заметки» (СПб, 1901). Первая книга представляла собою сборник очерков о 43 писателях, русских и западных. В числе их были Ф.М. Достоевский, А.В. Кольцов, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, А.М. Горький, а также Г. Сенкевич, Э. Золя, Ф.В. Ницше, М. Метерлинк, О. Уайлд и др. Ашкерц отмечал в работах Волынского эрудицию и прекрасный вкус, подчеркивал, что автор видит смысл деятельности этих писателей в борьбе за идеалы¹⁸⁰.

¹⁷⁷ Ljubljanski zvon. 1902. № 1. S. 28, 31, 32.

¹⁷⁸ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 592.

¹⁷⁹ Ljubljanski zvon. 1902. № 2. S. 88–92; № 3. S. 156–158.

¹⁸⁰ Ljubljanski zvon. 1901. № 8. S. 571.

В августе 1902 г., после возвращения из России, Ашкерц был вынужден уйти из редакции. Он так писал о причинах этого: «Я чувствую, что высшему начальству мои убеждения не нравятся, так как они чересчур словенско-радикальны и чересчур панславистичны». Кроме того, Национальная типография считала необходимым сделать журнал более легкого содержания, что также не устраивало Ашкерца¹⁸¹.

Ашкерц поддерживал связи с некоторыми русскими учеными, в частности с Ф. Коршем. В качестве редактора «Люблянского звона» Ашкерц обратился к Коршу, сообщив, что весь декабрьский номер (1900 г.) он решил посвятить столетнему юбилею Ф. Прешерна. Ашкерц попросил Корша прислать в журнал статью или какие-либо материалы о поэте. Письмо Коршу Ашкерц написал на русском языке¹⁸². Корш ответил ему на словенском языке, выразив свое удовлетворение знакомством со столь знаменитым поэтом. Он послал статью об изданиях стихов Прешерна, предоставляя Ашкерцу право сократить ее по своему усмотрению. В следующем письме от ноября 1900 г. Корш сообщил о высылке ему нескольких экземпляров сборника своих переводов Прешерна¹⁸³ и просил их раздать словенцам. Здесь же Корш предлагал свое содействие в установлении обмена между редакцией журнала «Люблянский звон» и редакциями русских журналов «Русская мысль», «Русский вестник» и «Вестник Европы». Корш сообщал Ашкерцу, что редакция «Русского вестника» согласилась начать обмен с «Люблянским звоном». Осенью 1901 г. Корш получил от Ашкерца «Русскую антологию в словенских переводах». Большинство переводов ему очень понравилось, особенно переводы Ашкерца и Приятеля¹⁸⁴.

¹⁸¹ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. 1.

¹⁸² Рыжова М.И. Письма Антона Ашкерца. С. 203, 204.

¹⁸³ Корш Ф.Е. Стихотворения Франца Прешерна. М., 1900.

¹⁸⁴ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M. VII.

Несколько лет Ашкерц переписывался с молодым русским славистом В.А. Францевым. Начало этой переписки опять-таки положило желание Ашкерца привлечь русского ученого к участию в «Альбоме Прешерна». 26 октября (8 ноября) 1900 г. Францев ответил ему из Варшавы. «Благодаря любезному разрешению сына нашего знаменитого слависта Измаила Ивановича Срезневского, — писал он, — я имею возможность сообщить Вам прилагаемое при сем пятистишие Ф. Прешерна для готовящегося юбилейного номера «Люблянски звона». Насколько мне известно, оно еще нигде не было напечатано». Речь шла о стихах, которые Прешерн написал на память Срезневскому, когда тот приезжал в 1841 г. в Любляну. В последующих письмах Францев сообщал своему словенскому корреспонденту о посылке ему книг о Горьком, просил литературу о Прешерне. В 1901 г. он, по-видимому, послал ему рукопись заговоров, собранных Маяром и отправленных им в Россию в 1869 г. после его посещения Московской этнографической выставки. В письме от 8 декабря 1901 г. Францев интересовался возможностью их публикации¹⁸⁵.

Поклонником творчества Ашкерца был редактор «Известий С.-Петербургского Славянского благотворительного общества», литературовед и публицист В.Н. Кораблев. В августе 1902 г. он находился в Любляне по делам Всеславянской художественной выставки, которую Славянское благотворительное общество предполагало организовать в Петербурге в 1904 г. Целью ее провозглашалась демонстрация прогресса славянского искусства. Возможно, именно тогда Кораблев познакомился с Ашкерцем. Именно Кораблев, по словам переводчика со словенского языка С. Штейна, побудил последнего заняться переводом стихов Ашкерца на русский язык¹⁸⁶. Позднее, в 1908 г., Штейн издал сборник «Славянские поэты», в котором поместил свои переводы 31 стихотворения Ашкерца, а также небольшой очерк о нем.

¹⁸⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M. VI.

¹⁸⁶ Rokopisna Zbirka NUK. Vs. 972. M. VIII.

Несомненно, Ашкерца нельзя причислить ни к одной из либеральных словенских группировок того времени. Козак так определяет его политические взгляды: «Ашкерц в свое время считался самым убежденным сторонником широко понимаемого экуменистического панславизма и славянского братства»¹⁸⁷.

Значительную роль во взаимном ознакомлении словенцев с русской культурой и русских — со словенской сыграла словенская эмиграция в России. Первые словенские эмигранты появились в России в конце 60-х годов XIX в., когда там действовал Славянский учительский институт. Он был создан в связи с реформой образования, проводимой в России. После покушения на Александра II Д.В. Каракозова в апреле 1866 г. решено было провести эту реформу. Цель ее заключалась в замене в средней школе предметов «политических» предметами «неполитическими». К политическим предметам относились: литература, история, естествознание, современные иностранные языки. К неполитическим — математика и древние языки. Количество уроков древних языков резко возросло, учителей по этим предметам не хватало, особенно учителей по древнегреческому языку и латыни. Для того, чтобы быстро подготовить их, был учрежден Славянский учительский институт, просуществовавший с 1866 по 1882 г. Туда приглашались славяне, окончившие филологический факультет на родине и желавшие получить место работы в России. Им давали стипендию в 450–600 руб. в год, а после 2-летнего обучения присваивали звание учителя древних языков и отправляли в гимназии различных городов России. Некоторые кончали курс значительно раньше — за год и даже за меньший срок. Всего Славянский учительский институт окончило 213 человек, в том числе 14 словенцев. Словенские стипендиаты по преимуществу были из бедных семей, для них переезд в Россию представлял собою единственный шанс

¹⁸⁷ Kozak K.J. Pod egido ruskega orla. S. 153.

достойно устроится в жизни. С этой точки зрения словенская эмиграция носила экономический характер. Вместе с тем подавляющее большинство из них были русофилами и ехали в Россию они вполне осознанно, некоторые из них имели неприятности с австрийскими властями из-за своих убеждений. И для них эмиграция являлась политической. Некоторые словенцы уезжали в Россию самостоятельно. Самыми известными из последних являлись Даворин (Матвей Матвеевич) Хостник и Иван Кос. Большинство словенских стипендиатов постепенно теряли связи со своей родиной. Но несколько из них стремились содействовать более близкому знакомству словенцев с Россией, русских со словенцами. Много сделал для этого Ф. Целестин.

Первое время своего пребывания в России сотрудничал с газетой «Словенски народ» Й. Клеменчич. В России он сделал наиболее успешную карьеру: свою деятельность он закончил в качестве директора Кронштадтской гимназии. Клеменчич активно сотрудничал в газете «Словенски народ» с ноября 1874 г. до октября 1875 г. В это время в ней появилось несколько его корреспонденций с подписью «К». В них Клеменчич пересказывал материалы из русской прессы. Особенно его занимал немецкий вопрос. Клеменчич видел в объединенной Германии опасность не только для славян, но и для всей Европы. Он призывал всю Европу во главе с Россией и Англией объединиться против немцев.

Постоянным корреспондентом словенских газет являлся Франц Штифтар, уроженец Штирии. Во время учебы в Грацком университете он являлся председателем студенческого общества Слога, за что подвергся репрессиям со стороны властей. С помощью Раевского, ведавшего набором стипендиатов для Славянского учительского института, в 1874 г. он уехал в Россию. После его окончания он был определен учителем в гимназию г. Калуги. Уже с 1874 г. Штифтар пишет в словенскую прессу. В конце 1874 г. он опубликовал в журнале «Славян», издававшемся М. Мажаром, заметку о защите докторской диссертации о бал-

тийских славянах А.А. Котляревским. В 1875 г. «Славян» прекратил свое существование. В 1875–1879 гг. Штифтар сотрудничал в газете «Словенски народ». В своих статьях Штифтар представлял Россию как единственную естественную защитницу славян. Он занимался и переводами русской литературы на словенский язык. В 1875 г. он опубликовал в газете «Словенски народ» перевод повести Пушкина «Барышня-крестьянка», а в 1878 г. в ежегоднике «Летопись Матице Словенске» Штифтар издал перевод романа Тургенева «Новь». С появлением газеты «Словански свет» Подгорника Штифтар стал его постоянным корреспондентом. Начиная с 1890 г. в нем почти в каждом номере публиковались его статьи под псевдонимом «Божидар Творцов». Вместе с Целестином он вел один из разделов газеты «Русские мелочи», в котором давалась хроника русской жизни по русским газетам (главным образом по «Московским ведомостям», «Русскому вестнику» и др.). Целью статей Штифтара было показать благополучие и силу России. Он сочувствовал порядкам, существовавшим в ней. О либералах Штифтар отзывался как о проводниках немецко-еврейской политики. Еще большую неприязнь у него вызывали демократы. О русских демократических журналах «Современник» и «Отечественные записки» он писал: «Оба эти журнала давно погибли, умерли из-за своей собственной глупости, из-за чрезмерной приверженности к Западу и его порядкам, так как вдохновлялись крайним социализмом, даже, если хотите, нигилизмом»¹⁸⁸.

Крестьянский вопрос Штифтар не мог не затрагивать в своих статьях. Пересказывая материалы из «Нового времени», он приводил цифры обезземеливания русского крестьянства, указывая, что многие тысячи крестьян вынуждены работать на железных дорогах, горных и соляных промыслах. С симпатией он пересказывал меры для предотвращения обезземеливания крестьян, которые предлагало

¹⁸⁸ Slovanski svet. 1893. № 1.

«Новое время»: колонизация Крыма и Алтайского края разорившимися крестьянами, запрещение мелким собственникам продавать свои наделы¹⁸⁹. Много писал Штифтар о строительстве железных дорог в России и приветствовал выкуп их государством у частных лиц. Он хвалил русское просвещение, хотя в числе его недостатков отмечал наличие в начальных школах, особенно в Петербурге, слишком большого количества учителей с либеральными взглядами. С большим удовлетворением Штифтар приветствовал развитие женского образования в России, подчеркивая, что для этого много делают правительство и русское общество. В культурной хронике Штифтар уделял большое место деятелям и обществам, связанным со славянскими идеями. Так, он писал об изданиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества, о стихах А.А. Фета, близкого, по его мнению, к славянофилам, о Каткове, Достоевском, в которых Штифтар видел «двух величайших великанов русской мысли» и т.д. Особо останавливался он на сочинениях известного панслависта генерала Р.А. Фадеева, идеи которого, по его мнению, «победили смерть и завоевали себе право на будущее».

Штифтар пытался ознакомить с положением словенцев и русское общество. В 1890 г. он опубликовал статью о Д. Трстеньяке, в которой высоко оценивал Трстеньяка как «образец пламенного и истинно-национального священника-патриота», чуждого религиозной нетерпимости, горячего сторонника идеи славянской взаимности. Особо автор отмечал тот факт, что дом Трстеньяка посетили десятки русских ученых, относившихся к нему с искренним уважением. Штифтар подчеркивал, что, будучи католическим священником, Трстеньяк «защищал православие, искренно и глубоко чтит все русское»¹⁹⁰.

¹⁸⁹ Slovanski svet. 1890. № 11.

¹⁹⁰ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1890. № 17. С. 335, 336.

Наиболее интересная статья Штифтар была опубликована в журнале «Гимназия», выходившем в Прибалтике. Она называлась «Средние учебные заведения в Каринтии и их разнородующее влияние на словенский Горотан»¹⁹¹. Статья знакомила с германизацией в Каринтии словенского населения и ролью в этом начальной и средней школ. С грустью Штифтар отмечал, что местная славянская интеллигенция в Каринтии «сознание своего словенского происхождения отчасти уже значительно утратила, отчасти же стыдится его и с презрением относится ко всему, что указывает на явную связь с еще не столь давним прошлым их словенских родителей, дедов и прадедов». Штифтар приходил к выводу, что для полной ассимиляции словенцев понадобится несколько десятков лет. Он привел ряд важных причин этого: строительство железных дорог, связывающих словенскую Каринтию с немецкой; массовый наплыв иностранных (немецких. — *И. Ч.*) рабочих, большое количество германизаторских обществ; вся школьная система. О последней он говорил: «Школа вообще, а средняя в особенности, представляет один из весьма важных, а если угодно, один даже из самых важных двигателей этой печальной, так сказать вековой метаморфозы славянского племени в германское». Вместе с этими обоснованными причинами быстрой ассимиляции словенцев в Каринтии Штифтар выдвигал и довольно спорные: прирожденные свойства словенцев, сельскохозяйственного народа, с презрением относящегося к промышленности, в частности к горному делу, так как по их пониманию грешно проникать в недра матери-земли. Никаких социальных и политических причин успехов германизации в Каринтии, связанных с развитием словенского народа и словенского национального движения, Штифтар не приводил. Свою статью он посвятил Андрею Эйншиллеру, который «принадлежал к лучшим культурно-политическим деятелям среди горотанских словенцев».

¹⁹¹ Гимназия. Ревель, 1893. № 6–7. С. 243–259.

Публицистическая деятельность Штифтаря способствовала знакомлению словенцев с русской жизнью, хотя и в одностороннем виде, через призму его взглядов. Что касается информации русского читателя о словенцах, то здесь он выступал хотя и несколько поверхностным, но все же более объективным информатором.

Штифтар пользовался уважением у своих земляков. В некрологе, посвященном ему и подписанным «Р», он оценивался чрезвычайно высоко: «золотое сердце, просветленная душа с широчайшим кругозором», «великан по духу и сердцу»¹⁹². А его землякам в Савинских Альпах положение Штифтаря в России представлялось уж в совсем фантастическом свете. В 1968 г. появилась статья В. Видера о Штифтаре, в которой он, опираясь на свидетельства старожилов, отмечал, что, по их воспоминаниям, он остался как «тайный советник и первый за царем человек»¹⁹³.

Из всех словенских эмигрантов в России больше всех сделал для укрепления отношений и для взаимного знакомления с культурой друг друга словенцев и русских Даворин (Мартын Матвеевич) Хостник (1853–1928). Он родился в Нижней Крайне в крестьянской семье. Окончил 6 классов Люблянской гимназии, после ухода из нее работал сотрудником газеты «Словенски народ». Затем три года прослужил в армии и вернулся на родину в 1877 г. В 1878 г. Хостник уже учился в Венском университете, где играл активную роль в студенческих обществах. Так, он принял участие в издании общеславянского альманаха, вышедшего в свет в 1879 г. Из-за него у Хостника начались неприятности с венскими властями, так что в самом конце 1879 г. он должен был уехать тайно в Россию в качестве домашнего учителя помещицы Теплово́й, вдовы двоюродного брата И.С. Тургенева. Его ей рекомендовал один из первых стипендиатов Славянского учительского

¹⁹² Ljubljanski zvon. 1913. S. 279.

¹⁹³ Vider V. Malo spomina na velikega moža // Planinski vestnik. 1968. № 12. S. 582.

института В. Брезовар. В 1880 г. Хостник выдержал экстерном экзамен в Харьковском университете и получил русский диплом. Это дало ему возможность преподавать в гимназиях иностранный язык. Сначала он преподавал в Борисоглебске, а затем переехал в г. Рыльск Курской губернии, где был учителем французского и немецкого языков с 1882 по 1923 г.

Очутившись в России, Хостник не прервал своих связей с родиной. Он активно сотрудничал в либеральном «Словенском народе» с марта 1886 г. по ноябрь 1887 г. В 1890-е годы он много писал в «Люблянски звон», в триестинскую «Единост», в «Словански свет» Подгорника¹⁹⁴.

Хостник старался ознакомить русскую общественность со словенцами, их культурой, их национальным движением, их положением в Габсбургских владениях. Он опубликовал в 1888 г. серию статей под названием «Письма о словенцах» в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества». В них он писал о положении словенцев в Австро-Венгрии, стремясь пробудить у русских читателей интерес к ним. «Все словенцы, — писал он, — одинаково искренно относятся к идее славянской взаимности, одинаково любят своих славянских братьев, и, может быть, ни одна славянская народность так крепко не убеждена в том, что Россия наша единственная нравственная опора... Сознание, что русское общество относится со вниманием к национальной борьбе своих единоплеменников в Австрии, придадо бы им много нравственной силы»¹⁹⁵.

Горячо нападал Хостник на германизаторскую политику австрийского правительства, на антинациональную политику словенских клерикалов, с горечью отмечал холопское отношение многих либералов к властям. «Какая же может быть причина этому холопству словенцев? — восклицал Хостник. — Причина весьма простая, словенский на-

¹⁹⁴ Об этом подробнее см. главу 4.

¹⁹⁵ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества (далее — Известия). 1888. № 2. С. 61.

род бедный и вся интеллигенция так или иначе находится в зависимости от правительства»¹⁹⁶. С грустью смотрел Хостник на словенское национальное движение. «Где таборы, где соединенная Словения, где восторженные отзывы о всем русском, поскольку оно касается всего славянства». И Хостник приходил к выводу, что перед словенцами стоит выбор: или идти со всем славянством, или погибнуть¹⁹⁷.

Корреспонденции Хостника в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» отражали его настроения после расправы австрийских властей с либеральным изданием «Словенски народ».

«Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» редактировал в это время В.И. Ламанский. У него сложились добрые отношения с Хостником. Их переписка носила дружеский характер. Хостник откровенно высказывал свои взгляды на русские порядки, на словенцев, на словенских эмигрантов в России. «Что я привык к Австрии, — писал он Ламанскому 16 апреля 1888 г., — это ошибка. Я ее ненавижу ото всей души, от всего помышления. Это старая, нахальная дура со всеми замашками обветшалой девы, которую давно бы следовало “подшить к делам” истории. ...Я люблю Россию, люблю и мужика, с которым беседую в деревне, люблю все, что достойно любви». Сотрудничество с Ламанским доставляло Хостнику истинную радость. В 9, 11, 12-м номерах «Известий С.-Петербургского Славянского благотворительного общества» Ламанский поместил цикл своих статей, в которых писал о необходимости внутренних преобразований в России в либеральном духе как условия ее успеха во внешней политике, в частности, в восточном и славянском вопросах. Относительно будущности австрийских славян, прежде всего чехов и словенцев, Ламанский высказался пессимистически. Многие русские газеты подвергли за это Ла-

¹⁹⁶ Известия... 1888. № 3. С. 132.

¹⁹⁷ Известия... 1888. № 10–12. С. 531

манского критике. Хостник же в основном согласился с его мнением. В уже цитированном письме от 16 апреля 1888 г. он все-таки вносил свою поправку к высказыванию Ламанского о словенцах: «Единственно, что я не нахожу совсем верным, то это, что словенцы рабски повинуются немцам и итальянцам. Что делать! Сила у них, а нас-то горсть!». По словам Хостника с мнением Ламанского в известной мере были согласны Хрибар и Подгорник. Все же Хостник не терял оптимизма. 1 октября 1888 г. он писал Ламанскому: «Рано или поздно наша возьмет, я в этом убежден: на нашей стороне все свежие головы»¹⁹⁸.

Статья Ламанского вызвала возмущение многих членов Славянского благотворительного общества, а также ряда чешских деятелей. Ламанский вынужден был оставить место редактора, а им стал В.В. Комаров. Сотрудничество с ним у Хостника не наладилось.

Вообще к началу XX в. Хостник прекратил публицистическую деятельность. «Когда человек видит, — писал Хостник в июне 1898 г. сыну своего друга, — что на сцену выступило уже новое поколение с новыми идеалами (или же безо всяких идеалов), тогда хоть мысленно разговаривает ... с людьми, которых он всегда безгранично уважал и которые всегда оставались верными началам истины и честности, считая любовь к отечеству первым и величайшим законом»¹⁹⁹. Хостник понимал, что его идеи и идеи его друзей не могут удовлетворить новое поколение. Он попытался заняться научной деятельностью. Его несколько заметок по языкознанию были опубликованы в «Филологических записках» в Воронеже. Однако главным его делом стало составление словенско-русского и русско-словенского словарей и кратких грамматик к ним.

В 1890-х годах С.-Петербургское Славянское благотворительное общество решило издать за свой счет несколько

¹⁹⁸ Русско-сдовенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М., 2010. С. 469, 471.

¹⁹⁹ Rokopisna zbirka NUK. Pisma Hostnika Zabretam.

русско-славянских и славянско-русских словарей. Составление словенско-русского и русско-словенского словарей было поручено Хостнику. Для него эта работа была не только интересным делом как для филолога, но она полностью отвечала его идейным воззрением как словенского патриота и горячего русофила. В предисловии к русско-словенскому словарю Хостник так определял его значение для словенцев: «В настоящем труде предлагаю своим землякам пособие, которое даст им возможность научиться языку величайшего и могущественнейшего славянского племени и черпать неизмеримые богатства русской литературы из ее первоисточника»²⁰⁰.

Получив заказ на написание русско-словенского словаря, Хостник сразу же взялся за дело. Он работал над ним с энтузиазмом. Особенно много сил у него отняло составление русской грамматики для словенцев. «Вообще я подробно обработал все то, — сообщал он 19 января 1896 г. Издательской комиссии Славянского благотворительного общества, — что для меня при изучении русского языка составляло затруднения или сомнения, полагая, что в таком же положении, как я, очутится каждый словенец»²⁰¹.

После написания «Русско-словинского словаря» встал вопрос о том, чтобы найти типографию для ее издания. После долгих поисков удалось найти в Горице типографию, способную взяться за это дело. Это была типография Андрея Габрщека, для которого издание словаря, как и для Хостника, было не столько коммерческим предприятием, сколько делом, полностью отвечающим его идейным взглядам. К концу 1897 г. русско-словенский словарь вышел в свет. Словенская либеральная печать встретила словарь Хостника с воодушевлением. «Люблянски звон» горячо рекомендовал словарь сразу после его выхода всем образованным словенцам. Спустя несколько месяцев в том же журнале была по-

²⁰⁰ *Hostnik M.M.* Ручной русско-словинский словарь. Краткая грамматика русского языка. Ročni rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskega jezika. V Gorici. 1897. S. III.

²⁰¹ СПФ АРАН. Ф. 241. Оп. 1. Д. 28. Л. 63.

мещена рецензия на него И. Приятеля. В ней он с радостью констатировал, что словенцы получили важное пособие для изучения русского языка. Приятель хвалил Хостника за использование им в труде материалов из сочинений Пушкина, Грибоедова, Крылова, русского фольклора, за точные переводы. К недостаткам труда Приятель относил тот факт, что грамматика не очень приспособлена к учебным целям и хорошо понятна только тем словенцам, «которые имеют ясное представление о грамматической теории». «Но это все мелочи, — заключал Приятель, — вообще же нужно признать, что словарь и грамматика Хостника — важное явление, замечательный труд в нашей литературе»²⁰².

«Русско-словинский словарь» и грамматика русского языка были одобрены и русскими учеными. Т.Д. Флоринский отмечал, что «словинцы... получают теперь хорошее пособие при изучении русского языка»²⁰³. В Воронеже приветствовал выход словаря Хостника А.И. Степович. «Нельзя не приветствовать от всей души, — писал он, — подобного рода книг, облегчающих славянам взаимное ознакомление с их наречиями»²⁰⁴.

Второй словарь «Словинско-русский» Хостник начал составлять сразу же после окончания работы над первым. В ноябре 1897 г. он в основном был закончен. Его печатали также в типографии Габрщека. Однако он был издан только в феврале 1901 г. В письме к А.И. Соболевскому от 10 февраля 1901 г., посланному ему вместе с экземпляром словаря, Хостник писал, что надеется, что в будущем учебном году студенты будут иметь на руках и словарь и грамматику словенского языка²⁰⁵. Новые словарь, и грамматика, как можно видеть, предназначались прежде всего для российских студентов.

²⁰² Ruski slovar in ruska slovnica (Semjon Semjonovič+B) // Ljubljanski zvon. 1898. № 8. С. 504–507.

²⁰³ Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяноведению // Университетские известия. 1899. № 3. С. 146, 147.

²⁰⁴ Степович А.И. Рец. на кн.: Hostnik M. Ročni rusko-slovenski slovar in kratka slovnica ruskega jezika. Gorica, 1897 // Филологические записки. 1898. Вып. V. С. 23.

²⁰⁵ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 486.

Словенский словарь и словенская грамматика вызвали положительный отклик в России. П.А. Лавров, видный специалист по старославянскому языку, приветствовал появление словенско-русского словаря и словенской грамматики. Он высоко оценивал и словарь, и особенно словенскую грамматику²⁰⁶. Грамматике словенского языка Хостника была присуждена премия Академии наук. «Присуждение мне премии Академии наук — отраднейший момент в моей жизни, — писал Хостник Соболевскому 10 февраля 1901 г., — лучше моя любовь к слав[янскому] языкознанию не могла быть оценена»²⁰⁷.

Словенцы «Словинско-русский словарь» Хостника тоже встретили с воодушевлением. «Новая книга Хостника, — писал рецензент, — имеет огромное культурное значение для славян. Русское благотворительное общество, которое эту книгу издало, хотело сказать: мы, русские, которых более 80 миллионов, не забыли, что вы, словенцы, которых всего полтора миллиона, наши братья. И вы также не забудьте, что русский язык для каждого образованного словенца, если он хочет быть истинным славянином, необходим!»²⁰⁸.

О значении словарей и грамматик, созданных Хостником, хорошо сказал П. Миклавец, словенский этнограф-самоучка и фольклорист. «Этими двумя книжками, — подчеркивает он, — автор и издатель дали словенцам ключ к богатой русской литературе, и можно надеяться, что русские книги в непродолжительном времени найдут себе среди словенцев большее число читателей, чем до сих пор было»²⁰⁹.

Помимо Хостника в России учительствовал Ловро (Лаврентий Матвеевич) Лесковец. Он, как и Хостник, также попал туда не через Славянский учительский институт. В 1860-е годы он выступал на стороне Левстика, считая, что

²⁰⁶ Лавров П.А. Рец. на кн.: Хостник М. Словинско-русский словарь. Горица, 1901. Хостник М. Грамматика словинского языка. Горица, 1900 // ЖМНП. 1902. Янв. С. 182–187.

²⁰⁷ СПФ АРАН. Ф. 176. Оп. 2. Д. 486.

²⁰⁸ Ljubljanski zvon. 1902. № 1. С. 351.

²⁰⁹ Миклавец П. Словенская литература в 1897 г. // Известия ОРЯС. 1898. № 2. С. 563.

словенская политическая газета должна быть на словенском языке. В 1864 г. Лесковец уехал из Любляны²¹⁰. Окончив Венский университет, он эмигрировал в Россию. Там Лесковец сдал экзамен в Московском университете на звание учителя древних языков и с 1875 г. работал в Кишиневе сначала в прогимназии, а затем в гимназии. С 1882 г. Лесковец постоянно проживал в Одессе²¹¹. В 1890-е годы он сотрудничал в «Слованском свете» Подгорника. Наиболее любопытной являлась его статья «Россия и западные славяне», направленная против очерка в целовецкой газете «Мир» (Mir). В нем говорилось о малой образованности русских, содержалась критика русского правительства. В своей статье Лесковец указывал, что в 1848 г. Габсбургскую монархию спасли от гибели именно славяне, что цель статьи в «Мире» состояла в том, чтобы словенцы не гордились своим родством с русскими и не ожидали от России никакой поддержки²¹².

Как можно видеть, накануне Первой мировой войны, несмотря на репрессии со стороны австрийских властей и антирусскую пропаганду клерикалов, интерес к русской культуре и вообще к России возрос прежде всего среди интеллигенции и молодежи. Одним из доказательств этого явилось увлечение русской литературой. Переводом русских классиков на словенский язык занималось большое количество словенских литераторов.

Помимо Пушкина словенские литераторы активно переводили М.Ю. Лермонтова, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого и др. Особенный успех в 1880-е годы имели произведения И.С. Тургенева. Студент-медик М. Самец, сделавший перевод его романа «Дым», объяснял это желанием «ознакомить словенскую публику с духовным великаном, пробудить подлинную любовь к братскому народу, взрастившего

²¹⁰ *Prijatelj I*. Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. T. 3. S. 444–456.

²¹¹ *Лашков Н.В.* Кишиневская областная, впоследствии губернская, ныне первая гимназия (1853–1908). Кишинев, 1908. С. 127, 132.

²¹² *Slovanski svet*. 1895. № 45, 46, 47, 48.

такого корифея». Практически все произведения Тургенева были переведены на словенский язык. Не все переводы отличались хорошим качеством. Из многих переводчиков Тургенева словенский литературовед Ш. Барбарич наиболее удачными считает переводы К. Штрекеля и И. Пинтара. Пинтар помимо Тургенева перевел на словенский язык Пушкина («Дубровский»), Лермонтова («Герой нашего времени»), А.К. Толстого («Князь Серебряный») и др.

Барбарич высоко оценивает практику переводов на словенский язык русских писателей. Они не только знакомили словенцев с русской литературой и русским народом, но и способствовали обогащению словарного запаса словенского языка. «Сам процесс перевода произведений русского писателя, — пишет он, — в какой-то мере содействовал полному выразительных средств в словенском языке». Это касалось прежде всего описания природы, портретов²¹³.

В начале XX в. наибольшую популярность среди словенских образованных кругов приобретают Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, М. Горький. В романах словенского писателя Я. Керсника (1832–1897), чье творчество М.Л. Бершадская считает вершиной словенской реалистической прозы в XIX в., прослеживается влияние Гоголя, Тургенева, Л. Толстого²¹⁴. Ведущий словенский прозаик начала XX в. И. Цанкар (1876–1918) испытал огромное влияние Достоевского и Горького, которое особенно четко прослеживается в его первом сборнике «Виньетки», в котором он рассказывал о людях униженных и оскорбленных, мечтателях и бродягах, отвергнутых обществом²¹⁵.

Много значила русская поэзия для формирования поэтов «словенской модерны»: Й. Мурна (псевдоним — Александров), Д. Кетте, О. Жупанчича, И. Цанкара. Й. Мурн

²¹³ Барбарич Ш. Тургенев в переводах на словенский язык // Югославо-русские литературные связи 2-й половины XIX — начала XX вв. М., 1975.

²¹⁴ Бершадская М. Литература между романтизмом и реализмом (50-е — 80-е гг. XIX в.) // Словенская литература от истоков до рубежа XIX–XX веков. М., 2010. С. 174, 175.

²¹⁵ Чепелевская Т.И. Очерки словенской литературы в историко-культурном освещении. М.—СПб, 2013. С.172, 185.

(1879–1901), один из виднейших словенских лириков, увлекался поэзией Лермонтова и Кольцова, которые оказали воздействие на формирование его эстетических взглядов. «Я восхищался русскими поэтами и учился у них», — признавался Мурн²¹⁶. Драготин Кетте (1876–1893), человек демократических убеждений, переводил на словенский язык Крылова, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова.

Наиболее сильное воздействие русская литература, прежде всего поэзия, оказала на А. Ашкерца, который в 1890-е годы являлся духовным вождем молодого поколения словенских литераторов. Отечественная исследовательница словенской литературы М.И. Рыжова пишет: «Для Ашкерца характерно осознанное программное обращение не к Западу, не к немецкой культуре, а к славянскому миру». И в этом славянском мире Россия занимала главное место. Ашкерц стал одним из инициаторов создания «Русской антологии», для которой перевел стихотворения русских поэтов, в том числе А.Н. Майкова, А.Н. Плещеева, В.С. Курочкина, Д.Д. Минаева, Н.А. Добролюбова, С.Я. Надсона, А.Н. Апухтина, Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта и др. Ашкерц был хорошо знаком и с русской прозой — в его статьях упоминаются имена Гоголя, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького²¹⁷.

---

²¹⁶ Рыжова М.И. Йосип Мурн и русская литература // Югославско-русские литературные связи.

²¹⁷ Рыжова М.И. Йосип Мурн и русская литература. С. 193.

Русские о словенцах

Значительный интерес к словенцам проявляли русские ученые. Хотя никто из них не внес такой крупный вклад в развитие словенистики, как И.И. Срезневский и И.А. Бодуэн де Куртенэ, но ряд ее проблем были ими удачно исследованы. Эти проблемы касались не только лингвистики и этнографии, но и истории, истории литературы и культуры у словенцев.

В начале 1880-х годов Словению посетил И.С. Пальмов. Он был командирован в славянские земли для научных занятий по истории славянских земель. Пальмов побывал в Загребе и Любляне весной 1883 г. после путешествия по Галиции и Чехии. Во время пребывания в Вене М.Ф. Раевский, как всегда, снабдил его рекомендательными письмами к различным славянским национальным деятелям. В Загребе он дал письмо Пальмову к Целестину. 12 (24) мая 1888 г. русский ученый сообщал Раевскому, что выполнил его поручения в Загребе, в том числе познакомился с Целестином, «который в свою очередь познакомил меня и с другими хорватскими учеными деятелями. Передал я от Вас поклон Рачкому и Матковичу»¹. Из Загреба Пальмов отправился в Люблян, где пробыл неделю. В Лицейской библиотеке он ознакомился с трудами Вальвасора «Слава герцогства Крайны» (1689) и «Опыт истории Крайны, Каринтии и Штирии» Линхарта (1788–1791), а также с книгами, вышедшими во второй половине XIX в. — «Историей словенского народа» Я. Трдины (1866), сборником «Славянство». Интерес к словенской тематике не угасал у Пальмова и по возвращении на родину. Через русско-сла-

---

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 57.

вянский книжный склад К. Геруца в Петербурге он выписывал книги, выпущенные Словенской Матицей. Хотя Пальмов почти ничего не написал о словенцах, но он сыграл значительную роль в организации издания «Словинско-русского» и «Русско-словинского» словарей Хостника.

В 1878 г. вышла в свет книга приват-доцента по кафедре славянской филологии в Киевском университете А.А. Соколова «Зарождение литературы у словенцев». Она была посвящена истории словенцев, начиная с принятия ими христианства и вплоть до деятельности словенских реформаторов по созданию словенского литературного языка. Резко осудив католическую церковь и ее роль в словенских землях, Соколов с симпатией остановился на деятельности Приможа Трубара и его сподвижников, подчеркнув, что «он первый возвел словинское наречие на степень литературного языка». Он указал, что благодаря Трубару и его соратникам, Юрию Далматину, Севастьяну Креллю, Адаму Богоричу, словенцы, «и народность, и язык выдержали все последующие удары судьбы». «И если словенскую народность, — заключал Соколов, — не постигла судьба поморян и кашубов, то этим она, быть может, всецело обязана Трубару и его сподвижникам»².

Русская научная критика встретила книгу Соколова холодно. Приват-доцент Варшавского университета В.В. Качановский в своей рецензии на нее подчеркивал новизну и важность проблемы, исследуемой Соколовым. Однако Качановский упрекал Соколова в том, что он в своей книге не использовал всех трудов, написанных по этой теме, а именно: сочинений Копитара, Дайнко, Метелко, Мурко, Янежича, Клуна, Срезневского, Шафарика, Миклошича, Бодуэна де Куртенэ. Незнание их работ привело к тому, что этапы деятельности Трубара оказались неоправданными, характеристика его трудов — совершенно недостаточной, исследование языка переводов Трубара — филологически

---

² Соколов А.А. Зарождение литературы у словенцев. Киев, 1878. С. 74.

слабым. Качановский заключал, что желание автора ликвидировать пробел по рассматриваемому вопросу, «исполнилось в весьма малой степени»³.

В 1879–1881 гг. вышло второе издание книги А.Н. Пыпина (1833–1904) и В.Д. Спасовича «История славянских литератур». Ученик Чернышевского Пыпин являлся человеком передовых, демократических убеждений. В желании славянских народов культивировать свой родной язык, создавать свою собственную литературу, Пыпин видел их естественное стремление освободиться духовно от чужеземного гнета. Он указывал на две стороны процесса создания собственных литератур у славянских народов: опору на национальные традиции и усвоение лучшего из того, что было создано мировой культурой.

Наряду с другими славянскими литературами в книге рассматривалась и история словенской литературы. Она была написана неравномерно. Если о словенских деятелях Реформации и Словенского Возрождения Пыпин говорил достаточно подробно, то словенская литература XIX в. освещена была значительно слабее. На первый план здесь была выдвинута фигура Я. Блейвейса, много сделавшего для развития словенской литературы в качестве долговременного редактора единственной газеты на словенском языке, но мало значительного писателя. Более подробно Пыпин остановился на деятельности словенских ученых Е. Копитара и Ф. Миклошича. У Копитара Пыпин особенно подчеркнул его заслуги перед славяноведением: создание им словенской грамматики для всех словенских наречий, издание старейшего глаголического памятника старославянского языка Глаголиты Клоцианус, исследование Реймского евангелия, помощь В. Караджичу в создании нового сербского правописания⁴.

³ Качановский В.В. Заметки о словенском языке XV и XVI вв. Зарождение литературы у словенцев. Примус Трубар // ЖМНП. 1878. Сентябрь.

⁴ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. Т. 1. СПб, 1879. С. 298–302.

Книга Пыпина и Спасовича была положительно встречена словенской общественностью. Ф. Левец опубликовал на нее рецензию. Книгу ему прислал Целестин вместе с письмом. «Пыпин, — писал Целестин 10 декабря 1880 г., — член Петербургской Академии наук, но не профессор университета. Он известен как один из предводителей западников и, по моему мнению, первый из живущих сейчас русских литературных критиков. Не думаю, что он по злому умыслу писал неточно или неверно о Прешерне, он случайно не имел под руками лучшего материала. Я его очень уважаю, хотя он не славянофил, но здраво и справедливо пишет о славянофильстве и панславизме в “Вестнике Европы” за этот год»⁵.

В своей рецензии Левец подчеркнул, что книга Пыпина — «первая критически и прагматически написанная история всех славянских литератур». Однако он отметил, что раздел о словенской литературе написан слабо. Так, он называет лучшим словенским поэтом Косеского, Прешерна — верхнекрайним поэтом, Маяра и Муршеца — хорватскими писателями. Особенно не понравилось Левцу утверждение Пыпина, что словенцам грозит скорое онемечивание. «Онемечивание народа нам грозит не так уж сильно, — подчеркивал рецензент, — как думает плохо осведомленный Пыпин». Все же мнение Целестина оказало влияние на оценку Левцем книги Пыпина. В конце рецензии он указал, что, не будь этих ошибок, книга была бы достойна благодарности со стороны славян⁶. На немецкое издание «Истории славянских литератур», вышедшее в 1884 г., написали рецензии Ф. Висталер и М. Мурко. Оба они высоко оценили книгу, указав все же на слабость разделов о словенцах⁷.

Вклад в русскую словенистику сделал профессор Киевского университета Св. Владимира Т.Д. Флоринский, уче-

⁵ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 973. VIII/B.

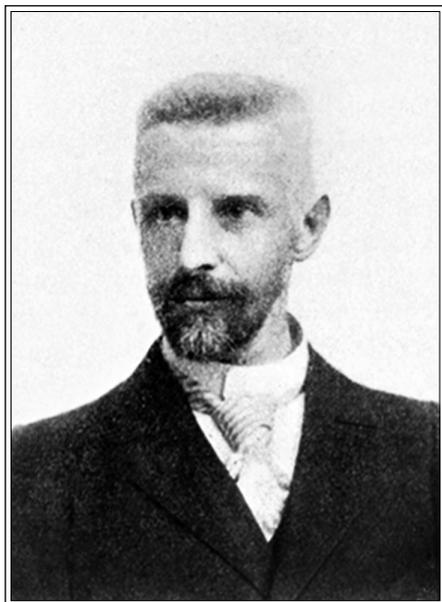
⁶ Ljublanski zvon. 1881. № 2. S. 128–130.

⁷ Ljubljanski zvon 1884. № 9. S. 563–567; 1886. № 4. S. 251.

ник В.И. Ламанского и известного русского византиниста В.Г. Василевского. В 1895 г. Флоринский издал книгу «Лекции по славянскому языкознанию», в которой описал южнославянские языки — сербскохорватский, болгарский, словенский. Словенский раздел делился на две части. В первом из них он характеризовал все словенские грамматики, начиная с Богорича (1584) и кончая Шуманом (1881). Флоринский высоко оценивал грамматику Богорича, в которой «замечательно верно понят дух словинского языка». Лучшими из всех словенских грамматик XIX в. он считал грамматики Копитара, Метелко, Янежича и Шумана. Помимо грамматик Флоринский перечислял все словенские словари вплоть до только что начавшего выходить словенско-немецкого словаря М. Плетершника (с 1893 г.), а также издания словенских памятников литературы. Флоринский отметил заслуги всех словенских ученых, внесших вклад в изучение словенского языка и литературы. Особенно высоко он оценивал деятельность «двух известных словинцев, знаменитых славистов-филологов Копитара и Миклошича». Русский ученый дал краткую характеристику многим словенским просветителям и культурно-просветительским словенским обществам. Вывод Флоринского о судьбе словенцев был противоположен мнению Пыпина. «В настоящее время, — заключал он, — положение словинского языка как органа духовной и общественной жизни народа можно считать более или менее обеспеченным. На словинском языке имеется небольшая, но заслуживающая полного внимания литература... Изучение народности в ее прошлом и настоящем ведется на народном языке». Вторая часть раздела о словенском языке посвящалась наречиям и говорам словенцев. Указав на далеко еще не полную их изученность, Флоринский дал в своей работе ту их систематизацию, которую предложил в 1840-х годах И.И. Срезневский⁸.

⁸ Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. Т. 1. Киев, 1895. С. 382, 383, 384, 387, 406, 504.

Книга Флоринского, несмотря на то, что он не проводил в ней никаких новых исследований, получила высокую оценку русской научной общественности и была представлена на Ломоносовскую премию. В рецензии на нее Р.Ф. Брандт подчеркивал, что автор хотел создать пособие для студентов, изучающих славянские языки, и ему удалось прекрасно решить эту задачу. Особенно отмечал Брандт богатую библиографию⁹.

*Тимофей Дмитриевич
Флоринский*

Положительный отклик вызвала книга Флоринского и у словенцев. В. Облак отметил в своей рецензии, что этот труд является первой русской книгой, в которой исследуются славянские языки и автор использовал для нее всю новейшую литературу. Главы о словенском языке Облак оценивал достаточно высоко, указав, однако, на их некоторую фрагментарность. «Вообще же, — подводил итоги рецензент, — историческое развитие словенского языка представляется лучше и о словенских наречиях в этой книге собрано больше данных, чем в книгах Миклошича»¹⁰.

Значительно позднее Р. Нахтигал подтвердил высокую оценку книги Флоринского Облаком. Он назвал Флоринского многосторонним критическим исследователем, подчеркнув, что «труд Т. Флоринского после труда Мик-

⁹ Брандт Р.Ф. Отзыв о 1-ой части труда орд. проф. Т.Д. Флоринского: Лекции по славянскому языковедению. Киев, 1895 // 1898. С. 1, 9.

¹⁰ *Oblak V. Ljubljanski zvon*. 1896. № 2. S. 127, 128.

лошича¹¹ — вторая вызывающая уважение, написанная на основе достигнутых результатов и для своего времени хорошо использованная попытка создания сравнительной славянской грамматики в форме параллельных грамматик отдельных славянских языков»¹².

Флоринский в конце 1880-х годов — начале XX в. вел библиографический раздел в «Университетских известиях», издававшихся Киевским университетом. В 1886 г. там была опубликована его статья «Словенская Матица и ее издания». Указав, что судьба словенцев сложилась весьма печально, поскольку они не создали своего государства, Флоринский все же констатировал, что «словенцы теперь уже возродились как нация». Причину этого он видел в национальном самосознании народа, чему способствовала самоотверженная деятельность словенских писателей, которые «при давлении двух сильных культур, немецкой и итальянской, сумели на скудные средства, какие может дать миллион с небольшим душ простого бедного люда, и создать народную литературу, и упрочить ее существование». Развитие литературы у словенцев Флоринский объяснял наличием у них множества обществ, среди которых ведущую роль играет Словенская Матица. Матица издала многие учебники, книги по разным отраслям знания, а ее «Летопис Матице Словенске» — «единственный ученый журнал, посвященный изучению родной страны и народа». Из статей, которые «Летопис» опубликовала за 1885 г., Флоринский особо отметил работы Й. Вошняка «Социальная проблема и крестьянское сословие», Ф. Ремеца «Свадебные обычаи на Гореньском», И. Навратила «Словенские народные верования и суеверия сравнительно с другими славянскими и неславянскими народами», И. Апиha «Жига Герберштейн» и др. Помимо этих трудов Флоринский остановился на сочинениях И. Врховца о старой Любляне, С. Рутара о Павле Дьяконе¹³.

¹¹ *Miklosih F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1852.*

¹² *Nahtigal R. Uvod v slovansko filologijo. S. 16.*

¹³ *Флоринский Т.Д. Словенская Матица и ее издания // Университетские известия. 1886. С. 1–26.*

Статья Флоринского о Матице была с удовлетворением встречена словенцами. «Люблянски звон» писал: «Сообщение Флоринского имеет целью обратить внимание русского мира на словенцев, на их литературу и особенно на плодотворную деятельность нашей Матицы»¹⁴.

Флоринский написал рецензию на «Зборник Матице Словенске», вышедшей в свет в 1899 г., в которой особо похвалил статью И. Куншича о словенско-чешских литературных связях. Получили отклик с его стороны и некоторые книги словенских ученых: сборники народных песен, издававшиеся К. Штреклем, словари М.М. Хостника, книга М. Мурко о В. Облаке, «История словенской литературы» К. Глазера и др.¹⁵

Два тома труда К. Глазера вышли в свет в 1894 и 1895 гг. В своей рецензии Флоринский характеризовал его как систематический свод историко-литературных фактов, представляющий подробный биографический и библиографический материал. Русский ученый указывал, что он не раскрывает развитие духовной и умственной жизни словенского народа и «не определяет, как и в чем выразилось влияние идей и направлений той или другой эпохи в произведениях словинской литературы». Причину этого Флоринский видел в том, что история словенской литературы еще не разработана монографически. Книга Глазера описывала события до 1848 г., Флоринский советовал автору довести изложение до настоящего времени¹⁶.

Определенное внимание словенской тематике уделял и Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943), исследователь проблем формирования и развития старославянского языка. В начале 1890-х годов он опубликовал «Вводную лекцию к курсу “Краткий обзор словенской литературы”», читавшемуся им в Харьковском университете. Это был в

¹⁴ Ljubljanski zvon. 1886. № 5. С. 319.

¹⁵ Университетские известия. 1901. № 9. С. 87; 1902. № 9. С. 108; 1904. № 8. С. 59.

¹⁶ Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов по славяноведению // Университетские известия. 1898. № 6. С. 102–104.

какой-то степени компилятивный труд, по признанию самого автора. В нем он заявлял: «Всякая и самая мелкая народность, а следовательно, и ее язык, письменность, как главнейшие ее проявления, имеют весьма важное значение как с чисто научной точки зрения, так и с точки зрения общечеловеческого развития». Поэтому, по мнению Ляпунова, как для общечеловеческого, так и для общеславянского движения вперед «желательно не только сохранение, но и дальнейшее распространение отдельных наречий и литератур». Таким образом, русский ученый решительно выступал против немецких германизаторов, считавших, что дальнейшая судьба малых славянских народов — их ассимиляция более сильными этносами, прежде всего немцами. «Словенцы могут гордиться, — продолжал Ляпунов, — тремя весьма даровитыми и несколькими хорошими поэтами, появившимися в новое время, в XVIII и XIX веках, могут указывать на значение, какое имела литературная деятельность их представителей в эпоху Реформации в печатании славянских книг, а главное и всего более они с гордостью могут указывать на то, что из их среды вышли такие гиганты славянской филологии, правда писавшие по-немецки и по-латыни, как Б. Копитар и Фр. Миклошич». С удовлетворением Ляпунов указывал на развитие литературы на словенском языке по вопросам истории, фольклора, диалектологии, исторической грамматики. В начале статьи Ляпунов выражал признательность В. Ягичу, М. Мурко, В. Облаку за присылку их сочинений, особенно отметив «несколько прекрасных монографий даровитого словенского молодого ученого В. Облака, посвященных разработке древнейших памятников словенского языка и письменности»¹⁷.

Особенно интенсивные связи наладились в 1890-е годы между Ляпуновым и Облаком. Ляпунов признавал, что ему

¹⁷ Ляпунов Б.М. Краткий обзор словенской (хорутанской) литературы вместе с введением об отношении словенского языка к старославянскому и другим славянским // Записки императорского Харьковского университета. 1893. № 1. С. 165–186.

были важны не только научные труды словенского ученого, но и его богатые научным содержанием письма. В качестве примера он приводил письма Облака о юнском и зильском говорах Каринтии¹⁸.

Летом 1901 г. Ляпунов две недели провел в словенских землях, где встречался с лингвистами: С. Шкрабцем, М. Валььявцем, М. Плетершником. Продолжительная переписка у Ляпунова сложилась с К. Штрекелем. Сохранилось несколько писем Ляпунова словенцу от апреля 1901 г. до марта 1912 г. Все они касались книгообмена. Штрекель регулярно посылал русскому корреспонденту свои тома «Словенских народных песен», а тот в ответ — сочинения Р.Ф. Брандта, «Сборник русских народных песен» Кишенинской и др.¹⁹.

Ляпунов написал рецензию на «Словенско-немецкий словарь» Плетершника. Он считал его одним из крупнейших явлений в области славянского языкознания за последние десять лет, указывая, что он «должен быть настольною книгою не только у занимающихся словенским языком, но и у исследователей сравнительной фонетики славянских языков вообще». В той же рецензии Ляпунов давал высокую оценку деятельности и других словенских лингвистов и филологов: С. Шкрабцу, К. Штрекелю, В. Облаку, М. Валььявцу²⁰.

Таким образом, Ляпунов не только знакомил русскую научную общественность со словенской филологией и историей, но и с ее выдающимися учеными.

Некоторое внимание словенской лингвистике уделил и крупнейший русский лингвист, исследователь древнейших славянских языков и литературы А.А. Шахматов. В своей статье «Русское и словенское аканье» он доказывал, что старорусское и словенское аканье имеют разное

¹⁸ Ляпунов Б.М. Ватрослав Облак // Известия ОРЯС. 1896. № 4. С. 932.

¹⁹ Pokrainski arhiv Maribora. Privata. Ljapunov — Štreklju.

²⁰ Ляпунов Б.М. Несколько замечаний о словенско-немецком словаре Плетершника. Одесса, 1903. С. 1, 2.

происхождение²¹. В 1901–1902 гг. Шахматов вел переписку со С. Шкрабцем. Шкрабец посылал ему сборник «Цветы из садов св. Франциска» (*Cvetje z vrtov sv. Frančiška*), где печатались его статьи, а взамен получал от русского ученого «Известия ОРЯС». Для Шкрабца переписка с Шахматовым имела помимо всего прочего и большое моральное значение. «С огромной благодарностью подтверждаю, — писал он Шахматову 6 февраля 1902 г., — что я принял с благодарностью присланную мне Вашу книгу, а также и Ваше любезное письмо. Нас, бедных словенцев, по праву должно радовать, что выдающиеся русские ученые с таким интересом относятся к нашему языку, к нашей скромной литературе. Если нам суждено через некоторое время исчезнуть среди живых славянских народов, то нас тревожит только одно: чтобы мы не исчезли бесследно, чтобы нас в будущие столетия наши более жизнеспособные братья вспоминали бы только добром»²².

Кроме лингвистики у русских ученых вызывала интерес словенская этнография. В 1901 г. словенские земли посетил известный русский этнограф и археолог А.Н. Харузин (1864–1931)²³. Результатом его поездки стали две этнографические статьи «Крестьянин Австрийской Крайны» и «Жилище словинца Верхней Крайны»²⁴.

В этих статьях Харузин кратко останавливался на истории словенцев, а также характеризовал их современное положение. Указав, что помещичье землевладение в словенских областях незначительно, а крестьяне владеют наделами на правах полной собственности, он обращал внимание на неравномерное распределение земли среди крестьян, на кризис в сельском хозяйстве, превративший

²¹ Шахматов А.А. Русское и словенское аканье // Русский филологический вестник. 1902. № 3–4. С. 1–91.

²² СПФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1700. Л. 1–5 об.

²³ Подробнее см.: Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. М., 2011.

²⁴ Харузин А.Н. Крестьянин Австрийской Крайны и его постройки // Живая старина. СПб, 1902. № 1. С. 1–31; Харузин А.Н. Жилище словинца Верхней Крайны // Живая старина. 1902. № 3–4. С. 259–367. Харузин, как Ламанский и Флоринский, называет словенцев словинцами.

некогда богатую провинцию в бедную. Главным бичом Харузин считал большую задолженность крестьян, вызывающую их разорение и эмиграцию в чужие земли. Все же Харузин выражал уверенность в лучшем будущем словенского крестьянина. «Словинец Крайны, — писал он, — трудолюбив, трезв и находчив ... Свободный и поэтому гордый крайнский словинец самолюбив и одинаково способен как к сельскому хозяйству, так и к промыслу и торговле, а равно к развитию умственному. Все эти качества словинца делают из него жиз-

*Алексей Николаевич
Харузин*

неспособного человека, сумевшего не только отстоять свою народность и ее самобытные черты, но сделаться хозяином своей страны, взяв в свои руки как материальные богатства, так и руководство духовного и политического развития». Харузин описывал различные крестьянские постройки. В его исследовании подробно характеризовалась словенское село: способ его застройки, важнейшие его центры — церковь, трактир, лавка. Харузин описывал каждый тип жилого дома, а также различные хозяйственные постройки крестьян. Самым старым типом крестьянского дома Харузин считал деревянный дом на каменном фундаменте с очагом, сохранившийся в наиболее отдаленных районах.

Статьи Харузина вызвали одобрение в словенских научных кругах. Ф. Илешич подчеркивал в своей рецензии, что русский ученый исследовал то, чему сами словенцы

не уделяли внимания. «Мы, словенцы, — заключал он, — должны быть благодарны Харузину за описание нашего дома, показ его в рисунках всему миру»²⁵.

В том же 1902 г. Харузин опубликовал статьи в «Русском вестнике», где делился своими впечатлениями о Крайне и ее природе. В заметке «Крайнский кряж и его чудесные явления» Харузин описывал Крас и карстовые явления, наблюдавшиеся там. Особо подробно он останавливался на Постоянской пещере и Циркницком озере. Вторая статья «Национальная эволюция словенцев» касалась современного положения словенских земель. Он видел в господстве немецкого капитала в словенской промышленности опасность для национального развития словенцев. Отметив, что германизация словенских земель усилилась с конца XVIII в., Харузин указал, что только во второй половине XIX в. словенцы вступили в открытую борьбу с ней. За последние 50 лет эта борьба, по мнению Харузина, увенчалась успехом: полностью словенизированы начальные школы, словенский язык активно вводят в средние школы, в администрацию и в суд. «В Крайне, — делал вывод Харузин, — строго говоря, уже нет словинско-немецкой борьбы», но она пока существует в Штирии и Каринтии. Харузин полагал, что в районе Триеста и Приморья также приостановлена романизация словенского населения. Включаясь в спор словенцев о месте будущего словенского университета, Харузин отдавал предпочтение Триесту перед Любляной. В Триесте, подчеркивал он, столичная жизнь и студенты не будут замкнуты в сферу провинциальных интересов, как в Любляне.

Подробно останавливался Харузин на различных словенских обществах. На первое место среди них он ставил Общество св. Мохора, которое объединяло 76 тыс. человек. И только на второе место он поставил Словенскую Матицу, которая, по его мнению, являлась по преимуществу общест-

²⁵ Ljubljanski zvon. 1904. № 10. S. 639–640.

вом образованных людей. Упоминал Харузин читальни, Сокол, Драматическое общество, Музыкальную матицу, кружки по изучению русского языка. Он сетовал на раскол в словенском национальном движении, который пагубно отражается на «национальном саморазвитии»²⁶.

Последней статьей Харузина остались недовольны словенские национальные деятели. Так, А. Ашкерц писал в рецензии на нее, что своей статьей автор «выполняет благородный культурный труд и действительно распространяет славянскую взаимность», что он «добросердечный друг» словенцев. Вместе с тем Ашкерц упрекал Харузина в том, что из-за неверной информации он смотрит слишком оптимистично на положение словенского языка, не по заслугам расхваливает Общество св. Мохора, неправильно выступает за создание словенского университета в Триесте, а не в Любляне²⁷.

В письме к Д.Н. Вергуну, одному из переводчиков на русский язык его стихотворений, Ашкерц высказывался более резко. «Харузину показали какие-то потемкинские деревни, — с горечью отмечал он. — Школы средние в старших классах полностью немецкие, Люблянская учительская школа — немецкая! А Харузину сказали, что слов[енский] язык в Крайне употребляется абсолютно повсюду!»²⁸. Год спустя Ашкерц в целом оценил статьи Харузина положительно, подчеркнув, что они положили начало ознакомлению русских со словенцами²⁹.

Известный русский филолог и археограф Г.А. Ильинский побывал в Любляне в январе–феврале 1903 г. Словенские сюжеты привлекали его еще до этой поездки. В «Известиях ОРЯС» он опубликовал обзоры о «Летописи

²⁶ Харузин А.Н. Крайнский кряж и его чудесные явления // Русский вестник. 1902. № 3–4. С. 306–314; Харузин А.Н. Национальная эволюция словинцев // Русский вестник. 1902. № 7. С. 76–100; №. 8. С. 536–560.

²⁷ Aškerc A. Russkij vestnik // Ljubljanski zvon. 1902. № 9. S. 645, 646; № 10. S. 215, 216.

²⁸ Рыжова М.И. Письма Антона Ашкерца А.В. Суворову, Ф.Е. Коршу, А.Л. Волынскому, Д.Н. Вергуну // Литература славянских народов. Вып. 5. М., С. 212.

²⁹ Aškerc A. Dva izleta na Rusko // Ljubljanski zvon. 1903. № 12. S. 729, 730.

Словенской Матицы» за 1897 и 1898 гг. В первом из них ему особенно понравились статья Ф. Коса «Заметки о нашем отечестве до прихода словенцев» и очерк И. Врховца «Французская народная школа в Крайне». Во втором обзоре он упомянул статью Ф. Видица, исследовавшую переводы Катехизиса на словенский язык Трубара и на хорватский язык Далматина³⁰.

Основной целью посещения Ильинским Любляны являлось изучение кирилловских рукописей в Лицейской библиотеке. Результатом его работы там стала статья «Рукописи Копитара в люблянкой Лицейской библиотеке», вызвавшая благожелательный отзыв у Т.Д. Флоринского³¹. Помимо пребывания в Лицейской библиотеке Ильинский общался со словенскими национальными деятелями.

Среди словенских культурных деятелей второй половины XIX в. наибольший интерес у русской научной общности вызывал Ф. Миклошич, ведущий славист того времени. Уже с конца 1840-х годов он завязал сношения с русскими учеными Н.И. Надеждиным, М.П. Погодиным. Но особенно прочные связи у Миклошича установились с И.И. Срезневским, который в 1852–1863 гг. являлся редактором сборника «Известия Отделения русского языка и словесности». Срезневский же представлял словенского ученого на звание члена-корреспондента Российской Академии наук, которое он и получил в 1857 г.³²

Миклошича рецензировали и другие русские ученые. Его книга «Этимологический словарь славянских языков» получила отзыв Р.Ф. Брандта, языковеда и историка литературы, профессора Московского университета. Отметив, что книга, «как прежние произведения Нестора, современных славистов, есть труд весьма основательный и ценный, который делается настольной книгою всякого языковеда»,

³⁰ Известия ОРЯС. 1898. № 3. С. 941–946; Известия ОРЯС. 1899. С. 1498.

³¹ Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению // Университетские известия. 1904. № 8. С. 91.

³² См. главу 2.

Брандт все же упрекнул автора в отсутствии полнокровной полемики на его страницах³³.

Несколько другого рода была рецензия на словарь Миклошича В.И. Ламанского. Он указал, что этот словарь был заказан Миклошичу русским вельможей принцем П.Г. Ольденбургским. Ламанский сожалел, что словенский лингвист не учел живое знание русского языка, многие толкования слов сделаны им неверно. «Словарь же этот, — делал вывод Ламанский, — не имеет строго научного характера и не представляет интереса для ученых»³⁴. Ученик Ягича Мурко назвал критику Ламанского тенденциозной. Но спустя много лет он все же согласился с замечанием Ламанского, что словарь Миклошича не имеет научного значения³⁵.

Положительные отклики вызвала книга Миклошича «Изобразительные средства славянского эпоса», которая вышла в свет на немецком языке в 1890 г. в Вене и на русском языке — в 1895 г. в Москве. Киевский славист А.И. Степович писал о работе Миклошича, что она принесет большую пользу русским филологам «не только по богатству своего содержания, обильного фактическим материалом, но и по самому методу изложения»³⁶.

В 1884 г. в Москве к сорокалетнему юбилею научной деятельности Миклошича был издан перевод его книги «Сравнительная морфология славянских языков». Перевод сделал Н.В. Шляков, редактором перевода стал Р.Ф. Брандт. В предисловии к переводу Брандт выразил пожелание, чтобы эта книга стала лишним листком в лавровом венке почтенного юбиляра³⁷.

Флоринский опубликовал о Миклошиче статью, подчеркнув, что он превзошел своего учителя — Е. Копитара.

³³ Брандт Р.Ф. Об этимологическом словаре Миклошича // Русский филологический вестник. 1887. № 19. С. 1–40.

³⁴ Ламанский В.И. Словарь шести славянских языков // ЖМНП. 1885. № 12. С. 239–250.

³⁵ Murko M. Miklošičeva novejša dela // Ljubljanski zvon. 1886. № 4. S. 249–252; Murko M. Spomini. Ljubljana, 1951. S. 40.

³⁶ Степович А.И. 93 отзыва о новейших книгах по славяноведению. Воронеж, 1897. С. 153, 154.

³⁷ Миклошич Ф. Сравнительная морфология славянских языков. М., 1884.

«Он не только много потрудился, — отмечал русский ученый, — для уяснения судеб старославянского языка, но и с большою тщательностью и глубиной изучил все славянские языки, положив в своих сочинениях прочное основание сравнительной славянской грамматике... В лице Миклошича славянская филология обладает лингвистом всесторонним, глубоким, каким, например, для германской филологии был Яков Грим, а для романской — Дитц. Сверх того, у Миклошича чисто лингвистические занятия соединяются с историческими и литературными ... Ему принадлежит заслуга издания многих памятников языка, истории и литературы»³⁸.

Более критическую оценку со стороны русских ученых получил способ издания Миклошичем старославянских памятников. А.А. Котляревский уже в 1876 г. замечал, что Миклошич выступает против русского принципа издания памятников, т. е. публикации их в таком виде, как они есть «буква в букву, знак в знак»³⁹. В 1856 г. русский палеограф и археограф А.Ф. Бычков заметил ряд неточностей и ошибок в издании Миклошичем Супрасальской рукописи. Спустя 30 лет Флоринский снова указал на неточности этого издания⁴⁰.

И все же, несмотря на ряд серьезных замечаний, российская научная общественность высоко оценила заслуги Миклошича. Он был избран членом-корреспондентом С.-Петербургской Академии наук, почетным членом всех российских университетов. В честь сорокалетнего юбилея его научной деятельности Миклошич был награжден русским императором орденом Св. Станислава Второй степени со звездой.

³⁸ Флоринский Т.Д. Юбилей Франца Миклошича // Славянский ежегодник. Киев, 1884. № 6. С. 312, 313.

³⁹ Котляревский А.А. Обзор успехов славяноведения за последние три года (1873–1875) // Университетские известия. 1876. № 7. С. 296, 297.

⁴⁰ Бычков А.Ф. Известие о Супрасальской рукописи XI века // Известия ОРЯС. 1856. Л.19–21. С. 335, 336; Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению // Университетские известия. 1905. № 5. С. 39.

Смерть Миклошича вызвала отклик у русских ученых. В некрологе, посвященном ему, Ламанский назвал его слабой Академией наук в Вене. Он указывал на трезвый, положительный ум словенского ученого, на то, что Миклошич оставил труды, «хотя лишенные творческой мысли, глубины и особенного ясновидения, все ж таки поистине монументальные, отмеченные чрезвычайной силою». Ламанский указывал и на высокие человеческие качества словенского ученого: доброжелательность, прямоту, благородство⁴¹.

Полную характеристику дал Миклошичу в некрологе Т.Д. Флоринский. Он подчеркнул, что Миклошич занимает почетное место в истории славянской филологии наряду с Добровским, Востоковым, Копитаром, Шафариком, Срезневским, Григоровичем. Флоринский указывал на его заслуги в области славянской лингвистики, в которую он внес «строго научные методы, выработанные наукой о языке на Западе». Флоринский писал, что труды Миклошича по истории, этнографии и фольклору славян по своим научным достоинствам равны его лингвистическим трудам. «Имя Миклошича, — заключал Флоринский, — будет записано золотыми буквами в истории славистики ... Для нас, русских, имя это надолго останется дорогим, как имя великого ученого славянина, который не только много потрудился для изучения всего славянского мира, но, в частности, в своих многочисленных сочинениях отвел немало места русскому слову ... был тесно связан с русской наукой и близко принимал к сердцу ее успехи»⁴².

Другие словенские филологи также привлекали внимание русской научной общественности, в частности, ученик Миклошича профессор славянской филологии Грацкого университета Грегор Крек (1840–1905). В 1874 г. он издал свой главный труд «Введение в историю славянских литератур». Уже в 1876 г. он был частично опубликован в переводе Задератского в «Славянском ежегоднике», из-

⁴¹ Ламанский В.И. Франц Миклошич // Живая старина. 1891. № 3. С. 251–253.

⁴² Флоринский Т.Д. Памяти Миклошича (1813–1891). Киев, 1891.

дававшемся в Киеве. Этим переводом Крек остался недоволен, о чем и сообщил 27 декабря 1876 г. А.А. Потебне. «Некоторые вещи г. Задерацкий, — писал Крек, — понял плохо, другие — повернул по-другому, многое выпустил из того, что я считал очень важным»⁴³.

В воронежских «Филологических записках» также появилась рецензия на книгу Крека, носившая благожелательный характер. «Автор написал свое “Введение” на основании исследований новейших ученых, и это делает его книгу в известной степени сводом данных науки славянской филологии, — писал рецензент. — ...Все это делает сочинение Крека весьма интересным и полезным трудом»⁴⁴.

Второе издание книги вышло в свет в 1887 г. А.С. Будилович поместил свою рецензию на нее в «Русском филологическом вестнике», издававшемся в Варшаве. Особую ценность труд Крека, по мнению Будиловича, представлял для специалистов и студентов благодаря хорошей библиографии и метким критическим замечаниям. Указав на здоровый консерватизм автора в оценке славистических трудов, Будилович все же упрекнул его в чрезмерности этого консерватизма, в частности в признании им норманнской теории, теории паннонского происхождения старославянского языка. Особой похвалы удостоился библиографический аппарат книги, составлявший, по мнению Будиловича, «самую блестящую его сторону»⁴⁵. Скорее всего, именно монография Крека «Введение в историю славянской филологии» послужила причиной его избрания членом-корреспондентом С.-Петербургской Академии наук в 1887 г. Положительный отзыв Будиловича заслужил отдел «malenkosti» (слов. мелочи), который вел Крек в журнале «Крес» (Kres)⁴⁶.

⁴³ Центральний державний історичний архів України. Київ, Ф. 781. Д. 92. Л. 7.

⁴⁴ Филологические записки. 1876. № 4. С. 2.

⁴⁵ Русский филологический вестник. 1887. № 17. С. 409–415.

⁴⁶ Апель К. Библиографические заметки // Русский филологический вестник. 1881. № 5. С. 384, 385.

Крек проявлял интерес к русской славистике и славистам. С Раевским он начал переписку с 1869 г., получал от него русские книги, рекомендовал ему своих студентов для Славянского учительского института. В течение нескольких лет он переписывался с профессором Харьковского университета А.А. Потебней, обменивался с ним трудами. Долговременную переписку Крек вел с Бодуэном де Куртенэ. Сохранилось несколько писем Крека Ламанскому. 2 апреля 1887 г. он отправил русскому ученому свою книгу и попросил его взамен послать ему даром или за малую плату все вышедшие тома издания «Записки Русского географического общества по отделению этнографии». Вообще Крека интересовала славянская этнография, и он регулярно подписывался на журнал «Живая старина», издававшийся В.И. Ламанским, по крайней мере в первые пять лет.

Крек являлся сотрудником «Русских филологических вестей», издававшихся в Варшаве, — уже в № 3 за 1880 г. редакция журнала информировала об этом читателя. Но, очевидно, в журнале была помещена только одна его работа «Славянские библиографические заметки». Указанная статья не была подписана, но некоторые моменты говорят о том, что ее автором был именно Крек. В ней говорилось о словенской литературе, особенно о журнале «Крес», в котором сотрудничал Крек, что свидетельствует о том, что статью написал словенец, а в «Русских филологических вестях» сотрудничал только один словенец — Крек.

«Славянские библиографические заметки» носили глубоко информативный характер. В них давалось подробное перечисление всех статей, вышедших в журнале «Крес» со времени его основания, то есть с января 1881 г. Особое внимание автор обращал на публикации историко-этнографического характера и по истории словенской литературы. Остальные заметки о словенских книгах были невелики.

Смерть Крека вызвала отклик в русских научных кругах. Молодой славист В.А. Францев указывал в некрологе, опубликованном в «Русском филологическом сборнике»,

что монография Крека известна каждому слависту. В числе заслуг покойного Францев отмечал постановку им в Грацком университете преподавания славянской филологии на должную высоту⁴⁷. В некрологе Г. Креку, помещенном в «Известиях С.-Петербургского Славянского благотворительного общества», говорилось о Креке как об известном словенском ученом и писателе, приобретшем известность своим трудом «Введение в историю славянской литературы»⁴⁸.

Большой интерес к России и русской науке проявлял Ватрослав Облак (1864–1896), один из талантливейших словенских филологов. Еще гимназистом в 1882 г., он написал письмо М.Ф. Раевскому, в котором просил о предоставлении ему стипендии в России для окончания гимназии и завершения там университета, чтобы по окончании обучения остаться в России⁴⁹. Это письмо было связано с исключением Облака из Цельской гимназии за организацию им исполнения учениками австрийского гимна на словенском языке. Письмо не имело последствий. Аттестат зрелости Облак получил в Загребе. Еще до окончания гимназии Облак завязал контакты с Бодуэном де Куртенэ.

Поступив в Венский университет, Облак проявил незаурядные способности к филологии и стал ближайшим учеником профессора В. Ягича. Впоследствии Ягич высоко оценивал возможности своего ученика, указывая, что он «принадлежал бесспорно к самым даровитым представителям славянской филологии из младшего поколения славистов»⁵⁰. С Ягичем Облака связывали самые близкие личные отношения. «Ягич справедливо называл его любимейшим своим учеником, — писал Ляпунов, — действительно, трудно себе представить большую гармонию между учителем и учеником по самым основным вопросам славянской филологии»⁵¹.

⁴⁷ Францев В.А. Профессор Григорий Крек // Русский филологический сборник. 1905. № 4. С. 408.

⁴⁸ Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1906. № 1. С. 94.

⁴⁹ Зарубежные славяне и Россия. С. 330.

⁵⁰ Ягич И.В. История славянской филологии. С. 837.

⁵¹ Ляпунов Б.М. Ватрослав Облак // Известия ОРЯС. 1896. № 4. С. 929, 930.

Первой работой, доставившей Облаку известность, стала его рецензия на книгу К. Штрекеля. Он послал ее Бодуэну де Куртенэ, и она была опубликована вместе с рецензией Ягича. Успешно работая под его руководством, Облак не оставлял надежды побывать в России, познакомиться с русскими учеными, поработать в богатых книгохранилищах Москвы. Однако, опасаясь, что он не выдержит из-за слабого здоровья сурового русского климата, он отказался по настоянию Ягича от поездки в Россию. Тот направил молодого ученого сначала в экспедицию в Македонию, а затем устроил его на место приват-доцента в Грацком университете у профессора Крека. Однако интерес к России у Облака не угас. Он завязал сношения с молодыми русскими славистами. «Между прочим, я надеюсь в течение года иметь честь познакомиться с Вами, если мне удастся поехать в Россию, — писал он 15 (28) августа 1890 г. русскому ученому В.Н. Щепкину, — что в известной степени зависит от моего непрерывного нездоровья. Еще не знаю, будет ли мое посещение связано с Петербургом или Москвой, это зависит — над какими вопросами филологии и рукописями я буду там работать. Мурко часто рассказывал мне, что у молодых московских славистов научная жизнь более оживлена и привлекательна, чем в Петербурге, и поэтому меня влечет больше туда. Ягич всегда хвалит мне своих русских студентов, как образцы большого прилежания». Спустя месяц Облак вновь делился своими мечтами о посещении Москвы. «Также и меня самого больше влечет в Москву, чем в С.-П[етербург], — замечал он Щепкину. — И не только потому, что найду в Москве целый круг молодых славистов и там мне представится больше возможности беседовать о разных научных вопросах, но и потому, что тамошние профессора мне более нравятся. Кроме Фортунатова, Тихонравова и Брандта, многому можно было бы научиться от старика Буслаева (думаю, что он не преподает). Хотя я слышал, что Буслаев теперь заброшен, что мало кто

о нем заботится и что он теперь одинок, но это меня не пугает»⁵².

Облаку так и не удалось осуществить свою мечту и посетить Москву и Россию. Однако он вел оживленную переписку с рядом ученых. Кроме Бодуэна де Куртенэ Облак активно переписывался с харьковским ученым Б.М. Ляпуновым: посылал ему новейшие труды, делился научными выводами, к которым приходил в результате своих исследований. Ляпунов свидетельствовал, что в письмах Облак проявлял большой интерес к работам А.А. Шахматова, ко всей русской филологической школе Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова, что он с глубоким уважением относился к А.А. Потебне⁵³. Последнему он писал еще в юности, просил у него книги по фонетике славянских языков.

Обширной была переписка Облака с В.Н. Щепкиным (1863–1920), славистом, палеографом, историком болгарского языка и историком древнеславянского искусства. Судя по письмам к нему, Облака интересовали труды Брандта, Соболевского, Фортунатова и особенно А.А. Шахматова. «Больше года тому назад, — писал Облак Щепкину 15 (28) августа 1890 г., — он (Ягич. — *И. Ч.*) сообщил мне, что, вероятно, Шахматов во время своей научной поездки приедет в Вену. Не могу сказать, как я этому по-детски радовался». Шахматов так и не приехал в Вену. Однако и дальше Облак пытался узнать о нем у Щепкина. Он интересовался публикацией древнерусской грамматики Шахматова, выражал надежду, что он со временем напишет историческую русскую грамматику. Спрашивал Облак и о «Лекциях по фонетике старославянского языка» Фортунатова. «Очень жду этой книги, — писал он 26 декабря 1890 г. Щепкину, — так как знаю, что по многим вопросам славянской фонетики проф. Фортунатов имеет свое особое мнение». Очень волновали Облака публикации русских источников, он постоянно спрашивал об издании Брандтом

⁵² Документы к истории славяноведения в России. М.—Л., 1948. С. 138, 141, 142.

⁵³ Ляпунов Б.М. Ватрослав Облак. С. 936, 937.

Григоровичева Парамейника, о возможности издания Новгородской летописи, сборника Успенского собора XVII в. и т.д.⁵⁴. В последнем письме Щепкину из Целя 12 мая 1893 г. он рассказывал о своем путешествии по Македонии, а также о своей поездке на далматинские острова Хвар и Крку, где он думал найти глаголические грамоты⁵⁵.

С М.Н. Сперанским Облак встречался в Абации у Ягича. Облак умер молодым, но за свою короткую жизнь успел сделать ряд замечательных исследований. Он провел большую работу по изучению македонских диалектов, исходив пешком всю Македонию при самом неблагоприятном отношении местных турецких властей к его занятиям. В Македонии он получил действительную поддержку со стороны русского консула И.С. Ястребова. «Ястребов мне говорил, — писал Облак Ягичу из Солуни (Салоники) 12 декабря 1891 г., — что он мне не советует в некоторых областях, граничащих с албанцами и частично населенных ими, делать письменные заметки». Ястребов же рекомендовал ему идти на Афон только после Пасхи⁵⁶.

Монография Облака о македонских диалектах была опубликована уже после его смерти. Она вызвала восторженный отклик со стороны русских ученых. «Прекрасный талант и строгая научная мысль, которыми была отмечена его ученая деятельность, — писал об Облаке Щепкин, — имели в указанной области самое плодотворное влияние». По мнению Щепкина, труд Облака по диалектам Македонии должен стать своеобразным мериллом для оценки последующих изданий диалектических текстов. «К этим тщательным, живым и беспристрастным наблюдениям слависты будут обращаться с самыми различными вопросами языка», — заключал Щепкин⁵⁷.

⁵⁴ Документы к истории славяноведения в России. С. 138–141, 145, 146.

⁵⁵ Ляпунов Б.М. Ватрослав Облак. С. 936, 937.

⁵⁶ Dr. Oblak v Makedoniji // Ljubljanski zvon. 1897. № 1. С. 19, 20.

⁵⁷ Щепкин В.Н. Macedonische Studien von dr Vatroslav Oblak // Известия ОРЯС. 1897. № 1. С. 216, 217, 229, 230.

Положительную оценку у русских ученых вызвал труд Облака «К истории именных склонений в словенском языке». По словам Ляпунова, он давал больше, чем обещало его название⁵⁸. Автор рецензии в «Русском филологическом вестнике» отмечал, что Облак тщательно собирал материал по словенским печатным книгам XVI в., постоянно их сравнивал с данными других славянских языков, старых и новых. «Труд выполнен автором вполне добросовестно, и объяснения его в большинстве случаев, кажется, достаточно основательны»⁵⁹. Глубоко изучил Облак болгарский язык. Его рецензия на две книги А. Калины «Исследования по истории болгарского языка» вызвала восторженный отклик со стороны Флоринского, который писал, что автор рецензии «справедливо может считаться одним из лучших ученых знатоков болгарского языка», что его рецензия «превратилась в самостоятельное изложение некоторых отделов болгарской грамматики». Флоринский призывал Облака подарить науке полную историческую грамматику болгарского языка, «такой труд ему по силам более, чем кому-либо другому из славистов»⁶⁰.

Много внимания уделял Облак изучению сербохорватских диалектов. Такое полное исследование всех южнославянских диалектов привело Облака к выводу, что существует постепенный переход одного южнославянского языка к другому через окраинные диалекты. Он заключил, что сербохорватский язык значительно ближе по своему строю и лексике к словенскому, чем болгарский. Этим выводом Облак наносил удар паннонской теории, краеугольным камнем которой было утверждение об особой близости словенского и болгарского языков, якобы происходящего от того, что словенцы и болгары составляли некогда, до вторжения сербских и хорватских племен на Балканы, единый

⁵⁸ Ляпунов Б. М. Ватрослав Облак. С. 933.

⁵⁹ Библиографические заметки // Русский филологический вестник. 1890. № 24. С. 162.

⁶⁰ Флоринский Т. Д. Обзор важнейших трудов по славяноведению за 1895 г. // Университетские известия. 1896. № 5. С. 32–35.

народ. В письме к Щепкину от 17 декабря 1890 г. Облак писал, что он давно отказался от паннонской теории и может кое-что привести против нее⁶¹.

Облак следил за русской филологической литературой, откликнулся на новые русские книги в «Архив фюр слависте филологи» (*Archiv für slavische Philologie*). Он написал рецензии на работы А.И. Соболевского, на лекцию Б.М. Ляпунова «Краткий обзор главных явлений словенской литературы», на монографию Т.Д. Флоринского «Лекции по славянской филологии» и др.

Безвременная смерть Облака вызвала искреннее сожаление его русских коллег. «Наука славянской филологии понесла значительную утрату в лице скончавшегося молодого выдающегося слависта д-ра Ватрослава Облака», — писал Ляпунов⁶². Теплый некролог об Облаке написал Т.Д. Флоринский. «В лице покойного, — отмечал он, — славянская наука лишилась одного из своих наиболее даровитых, энергичных, широко образованных деятелей. Труды Облака, посвященные ... старославянскому, словинскому и болгарскому языкам, представляют собой крупные явления в современной разработке славянской филологии. А сколько новых ценных работ и научных открытий можно было ждать от такого огромного дарования, от такого сильного критического ума!»⁶³.

Большую симпатию у русских ученых вызывала деятельность Карла Штрекеля, профессора Грацкого университета, издателя «Словенских народных песен». Отклик со стороны русских ученых вызвал уже первый том публикации Штрекеля. Флоринский считал ее весьма важной, ибо в нее вошли все народные словенские песни, взятые им не только из известных публикаций Корытко, Кастелица, Браза, Маяра, Янежича и др., но и из различного рода рукописных собраний. Флоринский был согласен с боль-

⁶¹ Документы к истории славяноведения. С. 141.

⁶² Ляпунов Б.М. Др. Ватрослав Облак. С. 928.

⁶³ Флоринский Т.Д. Некролог // Университетские известия. 1896. № 5. С. 52.

шинством научных принципов, которыми руководствовался словенский ученый, а именно: представить словенские народные песни возможно полнее; воспроизводить песни в том виде, в каком они находятся в источнике; печатать в первую очередь более старые и исправные редакции, отмечая позднейшие прибавления и подновления; все варианты песен приводить точно, указывая место записи и источник, из которого она попала в сборник, где возможно, приложить напевы. «Едва ли можно что-либо возразить против правильности метода, принятого г. Штрекелем, — заключал Флоринский. — Несомненно, что в его труде наука получит до известной степени критическое издание словенских народных песен. Нужно только пожелать, чтобы оно возможно скорее было доведено до конца»⁶⁴.

Второй том «Словенских народных песен», вышедший в Любляне в 1903 г., тоже был отрецензирован Флоринским. Рецензент отмечал полноту собранного материала, строгую научность аппарата. «Тексты песен печатаются с возможной точностью, с соблюдением всех диалектических особенностей, — подчеркивал Флоринский. — Такой научный метод, требующий массы кропотливой работы, еще не применялся при издании народных песен ни у одного славянского народа». Далее русский ученый выражал пожелание, «чтобы проф. Штрекелю удалось возможно скорее довести до конца издание его замечательного сборника. Только тогда станет возможным научное исследование словенских народных песен»⁶⁵.

В том же духе писал о втором томе «Словенских народных песен» и Н.М. Петровский. В своем обзоре он выделил его из всех прочих изданий Словенской Матицы. «От души желаем, — подчеркивал Петровский, — этой прекрасной книге скорейшего окончания, независимо от таких сужде-

⁶⁴ Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению // Университетские известия. 1898. № 6. С. 102, 103.

⁶⁵ Флоринский Т.Д. Критико-библиографический обзор новейших трудов и изданий по славяноведению // Университетские известия. 1905. № 5. С. 44, 45.

ний, какие г. Штреклю иногда приходится выслушивать от своих соотечественников, например, будто некоторые из печатаемых им песен оскорбляют нравственное и эстетическое чувство читателей или что изобилие вариантов непроизводительно повышает цену книги»⁶⁶.

Пожелание Петровского не было случайным. В 1902 г. в «Летопис Матице Словенске» высказывались мнения, приведшие к рецензии русского ученого. А весной 1903 г. даже встал вопрос об отказе от публикации «Словенских народных песен». Об этом 5 апреля 1903 г. М. Мурко писал А.А. Шахматову: «Невероятно, но факт, что я уже второй раз побежал (так в тексте. — *И. Ч.*) в Любляну защищать Штреклевые Слов[енские] нар[одные] песни. Хотя в прошлом году в полном собрании Matic-ы Slovensk-й благодаря моему приезду было решено выдавать далее Slov[enske] nar[odne] pesni, все-таки в январе, когда Вы выбрали Штрекля в члены-корреспонд[енты] Русской академии, крайние попы и некоторые гимн[азические] учителя, которые по разным причинам недовольны Штреклем в književno-м odsek-e, сделали предложение всей рукописи, которую предложил Штрекель за тот год, не издавать “iz moralnih, estetičnih in finančijalnih ozirov”, и победили». Мурко все же удалось и на этот раз отстоять публикацию Штрекеля. «Причем мне очень помогал голос Русской академии», — заключал он⁶⁷.

В 1900 г. словенская общественность отметила 100-летнюю годовщину со дня рождения великого словенского поэта Франца Прешерна. Этот юбилей не остался без отклика и со стороны русских образованных, прежде всего научных кругов. В 1900 г. усилиями А. Ашкерца в Любляне был издан «Альбом Прешерна» — сборник в честь поэта, включавший не только его неопубликованные стихотворения, переводы их на другие языки, но и многие научные статьи о его жизни и творчестве. В нем приняли участие многие

⁶⁶ Петровский Н.М. Slovenica // ЖМНП. 1906. № 1. С. 156, 157.

⁶⁷ СПФ РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1019. Л. 6–6 об.

словенские ученые и писатели, а также некоторые литераторы других славянских народов. Среди последних было трое русских: В.А. Францев, подготовивший публикацию неизвестного стихотворения Прешерна, подаренного им И.И. Срезневскому в 1841 г., В.Н. Щепкин, поместивший в «Альбоме» несколько своих переводов стихотворений Прешерна на русский язык, и Ф.Е. Корш. Последний написал небольшую статью «Нечто о тексте Прешерновых стихотворений», в которой сравнивал три издания стихов Прешерна: прижизненное 1847 г., издание 1866 г., подготовленное Ф. Левстиком, и 1900 г. — под редакцией Л. Пинтара.

По просьбе Ашкерца Корш написал обширную рецензию, в которой подробно знакомил русского читателя с содержанием «Альбома Прешерна». Вывод рецензента гласил: важность сборника заключается «не только в сообщении до сих пор неизвестных материалов, но и в том, что он освежил некоторые старые вопросы и поставил новые»⁶⁸. Ашкерц в журнале «Люблянски звон» сообщил словенским читателям об этой рецензии, поблагодарив за нее Корша⁶⁹. «Альбом Прешерна» вызвал живой интерес со стороны таких крупных русских ученых, как А.Н. Пыпин и А.А. Шахматов.

С именем Корша связано и появление первого сборника стихов Прешерна, переведенных на русский язык. Ф.Е. Корш (1843–1915) — академик, блестящий лингвист, историк литературы и переводчик, занимался этимологией, правописанием, морфологией и фольклором; его интересовали классические языки и персидское стихосложение, пушкиноведение и славистика. По словам крупнейшего советского лингвиста С.Б. Бернштейна, история русской филологии не знает равного Коршу полиглота⁷⁰.

⁶⁸ Корш Ф.Е. Рец. на кн.: Prešernov album. 1800–1900. Ljubljanski zvon. 1900. XX. December // Известия ОРЯС. 1900. № 4. С. 1332–1346.

⁶⁹ Ljubljanski zvon. 1901. № 7. С. 497.

⁷⁰ Бернштейн С.Б. Корш Федор Евгеньевич // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 190.

В сферу интересов этого чрезвычайно одаренного человека попала и словенская литература, и прежде всего ее поэт Ф. Прешерн. О нем Корш узнал еще в 1869 г. во время его пребывания в Вене и знакомства там с Л. Енко. Корша увлек Прешерн, ставший одним из его любимых поэтов⁷¹. В течение многих лет Корш работал над переводом его стихов на русский язык⁷².

В 1901 г. Корш выпустил сборник «Стихотворения Франца Прешерна» с большой вступительной статьей. В ней он подчеркивал, что Прешерн является лучшим словенским и одним из лучших славянских поэтов, излагал биографию Прешерна, его взгляды на развитие словенской литературы. Корш одобрял борьбу Прешерна против иллиров за самостоятельную литературу на словенском языке. Поэзия Прешерна выражала идеалы свободы, человечности, национальности, то есть, по мнению Корша, была созвучна идеалам революции 1848 г.⁷³ Корш показал глубокое понимание сущности поэзии Прешерна, ее демократизма и свободолюбия.

В честь юбилея Прешерна в Киеве была опубликована брошюра А.И. Степовича «К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна». Будучи сторонником колларовской концепции славянской взаимности, Степович осуждал выступления Прешерна против иллиризма, указывая, что он «оказался слишком узким националистом и не понял исторического значения данной эпохи и предпринятой иллирами борьбы». Иллиризм, по мнению Степовича, явился бы для словенцев оплотом в их борьбе с германизацией, но Прешерн не смог понять этого из-за своего немецкого воспитания. Вместе с тем Степович высоко оценивал поэтическое творчество словенского поэта, считая, что оно «выдающееся явление, делает честь своему

⁷¹ Подробнее см. главу 3.

⁷² *Беляева Ю.Д.* Литературы народов Югославии в России. М., 1979. С. 200.

⁷³ *Корш Ф.Е.* Предисловие переводчика // Стихотворения Франца Прешерна. М., 1901. С. V, XVIII–XX.

народу». Степович подчеркивал свежесть дарования Прешерна, сочетание в нем трезвого реализма изображения с отсутствием ходульности, напыщенности, с высоким техническим мастерством. «Все, что он ни создал, — писал русский славист, — прямо вылилось из его страстного, измученного сердца»⁷⁴.

Н.Н. Бахтин (псевдоним Н. Нович. 1866–1940) в 1904 г. в своем сборнике «Словинские поэты»⁷⁵ характеризовал Прешерна как самого выдающегося из словенских поэтов, творца словенского литературного языка. Он подчеркивал, что Прешерн был воспитан на европейской литературе и сумел все богатство ее поэтических форм ввести в словенскую литературу, заложив тем самым основание самостоятельному развитию последней⁷⁶. Всего в сборнике были представлены 50 стихотворений, 27 из них были переведены Бахтиным. В предисловии он писал: «Словенская литература сделала громадные успехи в области поэзии, к именам Прешерна и Левстика прибавились еще имена Енко, Стритара, Грегорчича и в особенности Ашкерца». Бахтин подробно характеризовал Ашкерца, которого считал величайшим после Прешерна словенским поэтом. «Это певец, — писал Бахтин, — лучшего будущего, полный идей и тенденции, зовущий к борьбе против тирании и тьмы, но к борьбе не мечом и кровью, а просвещением и культурой»⁷⁷.

В 1905 г. статью о Прешерне опубликовал А.И. Яцимирский (1873–1925), ученый широкого профиля, занимавшийся историей, этнографией, археологией, фольклором, историей литературы и т.д. Статья Яцимирского, несмотря на свой небольшой объем, отличалась глубиной и рядом тонких замечаний. Прешерна он считал талантливейшим из словенских поэтов, задумчивым и изящным певцом люб-

⁷⁴ Степович А.И. К столетию рождения словинского поэта Франца Ксаверия Прешерна. Киев, 1902. С. 8–11.

⁷⁵ Рябова Е.И. Антология Н.Н. Бахтина «Словинские поэты» // Югославно-русские литературные связи 2-й половины XIX — начала XX вв. М., 1975. С. 4.

⁷⁶ Нович Н. Словинские поэты. СПб, 1904. С. 93.

⁷⁷ Рябова Е.И. Антология Н.Н. Бахтина «Словинские поэты». С. 10.

ви и красоты. Яцимирский подчеркивал народность поэзии Прешерна, которая отразилась прежде всего в его языке. «Язык его стихотворений, — писал русский славист, — всегда образен, гибок, меток, язвителен в сатире, трогательно нежен в лирике, словом, мы встречаем мельчайшие оттенки народной речи. Содержание произведений Прешерна всегда отличается здоровым естественным реализмом». В этом здоровом реализме, чуждом беспочвенным мечтаниям, бесплодным порывам и фальшивым эффектам, Яцимирский видел опять-таки близость Прешерна к народному пониманию и восприятию жизни. По-иному, чем Корш и Степович, Яцимирский смотрел на отрицание им иллюризма. «Он думал, — подчеркивал русский ученый, — что славяне призваны вести свою культурную деятельность совместно с западноевропейскими народами». Яцимирский видел в поэзии Прешерна объединение национальных принципов с готовностью принять все лучшее, что создала мировая культура. Так же, как и Яцимирский, рассматривают деятельность Прешерна и современные словенские литературоведы. Яцимирский отмечал у Прешерна многие элементы романтизма, прежде всего глубокое недовольство действительностью и пессимизм наряду с тем, что он верил в лучшее будущее. Яцимирский справедливо утверждал, что Прешерн имеет большие заслуги в создании словенской художественной литературы⁷⁸.

Яцимирский и в дальнейшем проявлял интерес к словенистике. В 1909 г. он попытался наладить сотрудничество с журналом «Люблянски звон» и прислал в его редакцию две рецензии на две русские книги: «Чтения по новейшей русской литературе» (вып. 2. Киев, 1907) и труд Н. Котляревского «Старинные портреты» (СПб, 1907). В журнале были опубликованы не сами рецензии, а только их краткий пересказ⁷⁹. Такая форма сотрудничества, по-видимо-

⁷⁸ Яцимирский А.И. Франц Прешерн и его лирика // Известия С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. 1905. № 8. С. 653–665.

⁷⁹ Ljubljanski zvon. 1909. № 4. S. 254.

му, не устраивала Яцимирского, и сведений о присылке им своих сочинений в «Люблянски звон» больше не имеется.

В 1910 г. Яцимирский с женой были на Бледе, куда приехали на отдых. В июне 1910 г. он послал письмо И. Приятелю. «Устроились мы очень недурно, — писал он, — изучаем словенский язык, читаем Ваш перевод «Евгения Онегина»⁸⁰. После посещения Бледа Яцимирские поехали в Любляну, где помимо Приятеля встречались с супругами Енко, А. Ашкерцом, И. Хрибаром.

Из новейших словенских писателей особой популярностью в русских образованных кругах пользовался Антон Ашкерц, имевший много друзей среди русских славистов и известный своей любовью к русской культуре. «Русская антология в словенских переводах», составленная Иваном Веселом и Антоном Ашкерцом, которые одновременно были главными переводчиками стихотворений русских поэтов, вызвала одобрение со стороны русских славистов. П.А. Драганов, библиограф, историк и этнограф, особо отмечал в своей рецензии переводы Весела и Ашкерца. Ашкерца Драганов характеризовал как признанного на своей родине поэта и убежденного славянофила «в самом широком и благородном значении этого слова». Краткие характеристики, данные Ашкерцом русским поэтам, тоже понравились Драганову, указавшему на их сжатость, рельефность и меткость⁸¹.

Откликнулся на «Русскую антологию» П.А. Заболотский. «На фоне не особенно многочисленных и далеких в большинстве случаев от совершенства иностранных антологий русской поэзии, — писал он, — выделяется как одно из светлых исключений «Русская антология в словенских переводах», составленная Ив. Веселом и А. Ашкерцом». Для Заболотского Ашкерц — «виднейший из представителей не только словенской, но и вообще славянской современной поэзии... Вдохновенный поэт своей чудной

⁸⁰ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. 10.

⁸¹ ЖМНП. 1904. Январь. С. 244–249.

словенской земли; любитель и знаток русской поэзии и литературы, находящийся при том в полном расцвете жизненных и поэтических сил». По мнению Заболотского, из всех переводов русских стихов самыми лучшими, самыми художественными являются переводы Ашкерца. Он хвалил также и краткие характеристики, данные Ашкерцом русским поэтам. Общий вывод Заболотского был таков: «Русская антология» является «весьма ценным приобретением для словенской литературы и заслуживает внимание с нашей стороны, как показатель растущего у словенцев интереса к нашей литературе»⁸².

Заболотский в отличие от других русских славистов интересовался словенскими литераторами из клерикального лагеря. Он написал обзор католического литературного журнала «Дом ин свет» (*Dom in svet*) за 1906 г., ставя его по художественности и содержательности на одну доску с литературными изданиями либералов «Слован» и «Люблянски звон». Заболотский указывал на интерес журнала к славянам, и в том числе к русским, на благожелательное отношение его редакции к пропаганде русского языка и литературы либералами, в частности, к деятельности Русского кружка Л. Енко, к переводам с русского А. Ашкерца⁸³.

Согласно переписке Заболотского с Приятелем, он общался с Р. Нахтигалом, А. Дермотой, Ф. Видицем.

Обстоятельную статью об Ашкерце написал филолог и переводчик А.Н. Сиротинин (1864—1922). В ней он называл Ашкерца первым после Коллара всеславянским поэтом и гуманистом, которому дороже всего «святое чувство любви брата к братьям людям». Вместе с тем Сиротинин, человек глубоко религиозный, сожалел, что у словенского поэта подрезан «религиозный корень истинного гуманизма». Спустя десять лет Сиротинин объяснял снижение уровня

⁸² Заболотский П.А. Рец. на кн.: *Ruska antologija v slovenskih prevodih*. Zbrala in uredila Ivan Vesel in Anton Aškerc. V Gorici, 1901 // ЖМНП. 1905. № 5. С. 174—181.

⁸³ Заболотский П.А. Русский элемент в словенском литературно-художественном журнале «Дом и свет» за 1906 г. // Русский филологический вестник. 1907. № 1—2. С. 215, 216.

художественности произведений Ашкерца в последний период его жизни дальнейшим его отходом от христианства. Сиротинин сделал несколько интересных наблюдений о духовном родстве Ашкерца с некоторыми его героями⁸⁴.

В журнале «Люблянски звон» Ф. Илешич, написавший заметку о статье Сиротинина, подчеркивал его мнение об Ашкерце как об истинном гуманисте и всеславянском поэте. «Мы ему благодарны, — заключал Илешич, — за его посещение и за его добрые и открытые слова. Ашкерц сам не может себе пожелать более благородного почитателя и друга»⁸⁵.

В 1908 г. С. Штейн издал небольшую антологию «Славянские поэты». Из словенских поэтов в ней были представлены О. Зупанчич и А. Ашкерц. Об Ашкерце был дан небольшой очерк, для которого поэт написал свою автобиографию. «Я глубоко верю, — писал Ашкерц, — что истинным поэтом может быть лишь тот, кто стремится к солнцу, свету свободы и прогрессу. И мое перо всегда боролось против реакции и тьмы». Сам Штейн добавлял к автобиографии поэта и свою характеристику, опираясь на выводы Приятеля и Сиротинина. У Сиротинина он брал его суждение о вере Ашкерца в светлую и благородную природу человека. Из отзыва Приятеля Штейн цитировал место, где говорилось о борьбе Ашкерца за уничтожение исторических привилегий, за равенство народов и отдельных лиц. Сам Штейн считал Ашкерца многогранным поэтом, наделенным исключительным творческим воображением, близким природе, воспевающим радостную и бодрую жизнь. «Труд, культура и любовь к ближнему, — отмечал Штейн, — это три кита, на которых покоится мировоззрение Ашкерца». Особо останавливался Штейн на любви Ашкерца к России. И здесь он подчеркивал, что поэта привлекает к ней не ее государственность и не особенности русского быта, но мощь национального характера, его потенциальная энергия, ко-

⁸⁴ Сиротинин А.Н. Россия и славяне. СПб, 1913. С. 349–370; Сиротинин А.Н. Антон Ашкерц // Славянские известия. 1904. № 2. С.117–142.

⁸⁵ Ljubljanski zvon. 1905. № 3. С. 186, 187.

торая «лишь по временам выносит на поверхность истории таких титанов человеческого гения, как Пушкин, Достоевский и, столь любимый Ашкерцом, Лев Толстой»⁸⁶.

Творчество великого словенского писателя Ивана Цанкара сразу же привлекло к себе внимание в России. В начале XX в. на русский язык были переведены несколько его рассказов и повесть «Дом Марии заступницъ». Главными переводчиками их были М. Хостник и Я. Лаврин. Бахтин перевел несколько стихотворений Цанкара, но в примечаниях к ним отметил: «значение Цанкара как прозаика, пишущего ярким и звучным языком, гораздо выше его поэтических заслуг»⁸⁷. На Цанкара оказали влияние русские писатели, из которых он особенно чтит Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского. На словенский язык Цанкар перевел рассказы «Дама с собачкой» Чехова и «Двадцать шесть и одна» Горького⁸⁸.

В начале XX в. молодой славист, сначала доцент, а затем профессор Казанского университета Нестор Мемнович Петровский (1875–1921) увлекся исследованием деятельности крупнейшего словенского филолога первой половины XIX в. Ернея (Варфоломея, Бартоломеуса) Копитара. Монография Петровского «Первые годы деятельности В. Копитаря» стала его докторской диссертацией. Она была высоко оценена русскими славистами. Так, А.М. Селищев писал, что Н.М. Петровский «со свойственной ему основательностью исследует с изумительной тщательностью собранный им материал, относящийся к деятельности Копитара 1807–1818 гг. и всесторонне разъясняет нам этот материал. В результате мы знаем теперь, как много обязано Славянское Возрождение и славяноведение первому периоду деятельности Копитара»⁸⁹.

⁸⁶ Штейн С. Славянские поэты. СПб, 1908. С. 95–101.

⁸⁷ Нович Н. Словинские поэты. С. 111.

⁸⁸ Krefc B. Cankar in ruska književnost // Slavistična revija. 1969. № 1. S. 72–85.

⁸⁹ Селищев А.М. Памяти профессора Нестора Мемновича Петровского // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 1.

Книга Петровского, изданная сто лет тому назад, и сейчас является лучшим, что было написано о Копитаре. Это признает и современный исследователь жизни и деятельности Копитара Й. Погачник. «Книга этого казанского профессора, — пишет он, — выразительный пример позитивистского научного исследовательского метода: в ней приводится огромное количество драгоценного материала, который надо только интерпретировать и исторически осмыслить»⁹⁰. К этому отзыву можно только добавить, что материал, собранный Петровским, получил определенную интерпретацию. Деятельность Копитара давалась им на широком фоне Словенского и Славянского Возрождения, и ее в указанный период Петровский рассматривал как подвиг на благо всех славянских народов. Опираясь на труды Копитара, а именно на его введение к «Грамматике славянского языка в Крайне, Каринтии и Штирии» (1808/1809 г.) и статью «Патриотические фантазии славянина» (1810), русский ученый доказывал, что именно Копитар выдвинул идею литературного панславизма как форму протеста против германизации. Огромной заслугой словенского ученого Петровский считал создание им словенской грамматики, его помощь Вуку Караджичу в проведении реформы сербского языка⁹¹.

*Нестор Мемнонович
Петровский*

⁹⁰ *Pogačnik J. Jernej Kopitar. Ljubljana, 1977. S. 10.*

⁹¹ *Петровский Н.М. Первые годы деятельности В.Копитара. Казань, 1906. С. 759, 751.*

Издав книгу, Петровский не оставил исследование жизни и трудов Копитара и опубликовал еще ряд статей о нем, в том числе обширную работу «Копитар и Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris Добровского», посвященную отношениям между Копитаром и замечательным чешским ученым Й. Добровским, исследования «О занятиях Копитара болгарским языком», «Библиографический список трудов Копитара» и т. д.⁹² Работы Петровского о Копитаре получили высокую оценку со стороны В. Ягича. Когда последнего И. Приятель попросил стать редактором полного издания статей Копитара в Сербии, он написал Приятелю, что желает, чтобы это издание отвечало требованиям «строгого критика Петровского»⁹³.

В первый раз Н.М. Петровский побывал в Любляне в конце мая — начале июня 1900 г. со своим отцом М.П. Петровским. Последний в письме из Любляны П.А. Кулаковскому сообщал, что им понравилась столица словенцев и здесь им удалось купить несколько словенских книг, а Нестору Мемноновичу — познакомиться с несколькими люблянцами. Работая над монографией о Копитаре, Н.М. Петровский снова посетил летом 1905 г. Любляну. «Вернувшись на родину, — писал он в августе 1905 г. из Казани Ашкерцу, — я продолжаю жить воспоминаниями о прекрасной стране и близких сердцу людях, среди которых я так приятно проводил время летом текущего года. С особым удовольствием вспоминаю я о Любляне и о беседах с Вами в “Иллирии”». Спустя год Н.М. Петровский в письме к Ашкерцу снова вспоминал о своей жизни в Любляне. «Мне кажется, — писал он, — что исчерпать интересные для меня книжные и рукописные сокровища Вашего города я мог бы лишь в течение полугода; к сожалению, обстоятельства не позволяют мне провести у Вас столько времени». В том же письме Петровский просил Ашкерца

⁹² Петровский Н.М. Копитар и Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris Добровского // ЖМНП. 1911. С. 6–109.

⁹³ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 198; Rokopisna zbirka NUK. Ms. 895. M. XI.

прислать его рецензию на книгу о Копитаре⁹⁴. Эта рецензия была опубликована Ашкерцом в журнале «Слован» (Slovan) за 1906 г. В ней он подчеркивал, что труд Петровского является первой большой монографией о Копитаре. В предисловии к своей книге Н.М. Петровский выражал благодарность словенским ученым, оказавшим ему помощь в работе над ней. «За некоторые весьма полезные указания для разработки биографии Копитара, — писал русский ученый, — считаем приятным долгом выразить глубокую признательность г. скриптору люблянкой Лицейской библиотеки д-ру Л. Пинтарю и г. библиотекарю Люблянского музея (Rudolphinum) П. фон Радичу»⁹⁵.

Путешествие в Люблянку оставило свой след на дальнейшей деятельности Н.М. Петровского. Он завязал сношения с рядом известных словенских деятелей: с Л. Пинтаром, П. Радичем, А. Ашкерцом. С последним он обменивался книгами. Вел переписку Петровский и с И. Приятелем.

С помощью своих словенских друзей Нестор Мемнович энергично продолжил начатое его отцом собирание славянских книг. К концу его жизни библиотека Петровских насчитывала свыше 8 тыс. томов. Из них 240 трудов относились к Словении, в том числе такие редкие издания, как словенские грамматики Похлина, Шмигоца, Копитара, Водника, прижизненные издания стихотворений Водника и Прешерна, «Опыт истории Крайны» Линхарта, 4 выпуска альманаха «Краньска чбелица» и т.д.⁹⁶.

Петровский активно рецензировал новейшую литературу о словенцах. В 1906 г. он опубликовал обзор словенской литературы «Slovenica»⁹⁷. В нем упоминалась статья Приятеля «Словенцы и их литература», сборник стихов Прешерна, переведенных Коршем, сборник стихов словенс-

⁹⁴ Rokopisna zbirka NUK. Ms. 972. M.VIII9.

⁹⁵ Петровский Н.М. Первые годы деятельности В. Копитара. С. XVI–XVII.

⁹⁶ Список книг библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, некоторые материалы к биографии Н.М. Петровского были предоставлены Марианной Нестеровной Петровской, за что автор выражает ей самую искреннюю признательность.

⁹⁷ Slovenica // ЖМНП. 1906. № 1. С. 145–148; 152–156; 159–160.

ких поэтов, изданных Бахтиным, а также работы, написанные словенцами, в том числе «Словенские народные песни» Штрекеля, статья Ф. Илешича о «*Bibliotheca carnioliae*» Марка Похлина и др. Петровский приветствовал основание в Мариборе Словенского исторического общества и хвалил первые тома его издания «*Casopis za zgodovino in narodopisje*» (Журнал по истории и этнографии). В обзоре «*Slovenica*» Н.М. Петровский рассказывал о деятельности штирийского Словенского исторического общества. «В достаточно онемеченной Штирии, — писал он, — недавно возникло учреждение, которому, вероятно, суждено сделаться одним из очагов народного самосознания штирийских словенцев — мы разумеем Словинско-штирийское историческое общество (*Zgodovinsko društvo za slovensko Štajersko*), основанное в 1903 г. в Мариборе». Цель его — изучать местную историю. «Общество предполагает, — продолжал Петровский, — разрабатывать словинскую этнографию, историю словинской литературы, словинский язык, а также сообщать о раскопках и древностях южной Штирии и о литературе — местной и иностранной, — касающейся предметов его деятельности». За первый год в журнале опубликован разнообразный материал: исторические статьи: «Замок и поместье лютомерские», «О пожаловании земского маршалства в Штирии в 1560 г», а также лингвистические и историко-литературные очерки. В журнале за 1904 г. особый интерес у Петровского вызвали статья К. Штрекеля о переводе на словенский язык императорского указа, статья Илешича о словенском словаре, изданном в 1789 г., и его же статья «Из первых времен романтики». В последней статье рассказывалось об истории возникновения трудов по лингвистике словенского языковеда Антона Мурко. «Обе статьи, — заключал Петровский, — по богатству собранного материала и тщательности его обработки могут служить образцом для подобных исследований». Содержание журнала за 1905 г. показалось Петровскому более однообразным, но в целом его вывод о нем был благожелательным: «Мы говорили не

обо всех статьях, помещенных в вышедших до сих пор выпусках «Časopisа», но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы показать, сколько важного и интересного материала найдет для себя историк словинского языка и литературы в молодом журнале».

Непосредственным продолжением этого обширного библиографического обзора стал очерк Н.М. Петровского «О некоторых новых изданиях Словенской Матицы». В нем он, в частности, разобрал содержание «Сборника Матицы Словенской», том 4, в котором особый интерес возбудила у русского ученого публикация Илешичем «Корреспонденция др. Й. Муршеца». «Историк Славянского Возрождения вообще, — указывал Петровский, — и 1848 г., в частности, будет глубоко признателен г. Илешичу за обнародование этих ценных материалов, снабженных важными замечаниями хронологического характера и тщательно составленными указателями к обеим частям». В ЖМНП Петровский часто публиковал библиографические обзоры, включавшие и разделы о словенской литературе. Так, в большом обзоре изданной в Восточной Европе научной литературы, помещенном в ЖМНП в 1909 г., Петровский остановился на работе М. Мурко о югославянской литературе. Он охарактеризовал ее как удачную, но вместе с тем не согласился с утверждением автора, что литературные периоды являются общими для всех четырех югославянских племен. Русский ученый утверждал, что уже образовались четыре югославянских народности с тремя литературными языками. Петровский приходил к выводу, что для изложения духовной жизни этих племен предпочтителен бы иной порядок: литература — 1) болгарская, 2) сербская, 3) хорватская, 4) словенская. «Даже совместное рассмотрение сербской и хорватской литературы не представляется удобным»⁹⁸.

В 1909 г. в Любляне вышла книга известного впоследствии словенского литературоведа и фольклориста Ивана

⁹⁸ Петровский Н. Die Osteuropaschen Literaturen und die slawischen Sprachen. Berlin // ЖМНП. 1909. С. 195–197.

Графенауера «История новейшей словенской литературы». Петровский написал о ней обширную рецензию. У Петровского на руках была только первая книга труда Графенауера, охватывающая два первых этапа, согласно периодизации автора, истории словенской литературы: Просвещение (1765–1810) и романтизм (1810–1848). Петровский подчеркивал, что это первый труд, излагающий полностью историю словенской литературы. Однако он выражал недовольство тем, что Графенауер пишет только о литературных трудах, оставляя в стороне сочинения научные, что неправильно, особенно для первых этапов развития словенской литературы. Не нравилось Петровскому и то, что в разделе о романтизме почти весь текст посвящен Прешерну (82 страницы из 132-х). Несмотря на эти и другие замечания, Петровский указывал, что серьезных ошибок в книге он не обнаружил. «В общем, — заключал он, — однако, I том «Zgodovine novejšega slovenskega slovstva» может быть признан полезным пособием для первоначального ознакомления со словенской литературой нового периода»⁹⁹.

Не все труды словенских ученых получали положительную оценку Петровского. В частности, его отзыв на I том «Словенской библиографии (1550–1900)», написанной кустосом университетской библиотеки в Вене Ф. Симоничем, был достаточно суров. Главным недостатком его библиографии он считал то, что названия всех книг в ней были расположены в алфавитном порядке, где рядом с переводным романом стояла книга о портняжном ремесле. Помимо этого в библиографии не были указаны книги о словенцах, написанные Димитцем, Долинаром, Радичем, Бодуэном де Куртенэ. Вывод Петровского гласил: «Общее впечатление от первых двух выпусков «Словенской библиографии» не может быть благоприятным ни в каких отношениях»¹⁰⁰.

⁹⁹ Петровский Н.М. Рец. на кн.: Zgodovina novejšega slovenskega slovstva. Ivan Grafenauer. Ljubljana. 1909 // ЖМНП. 1910. № 5. С. 395–398.

¹⁰⁰ Петровский Н.М. Slovenica.

В 1915 г. Петровский опубликовал статью «Словинский поэт о России», посвященную памяти его умершего друга. В ней Петровский пересказывал брошюру Ашкерца «Две поездки в Россию», особо останавливаясь на высказываниях поэта о русском народе. Петровский приводил и те его высказывания, где он говорил о вопиющих противоречиях российской действительности. Указав, что за две краткие поездки Ашкерц не мог узнать русский народ, Петровский отмечал: «Зато к русской интеллигенции, русским мыслителям, художникам, поэтам и вообще писателям, Ашкерц относился с глубоким уважением; такое же чувство внушает ему и первое в хронологическом порядке духовное произведение русского народа — русский язык»¹⁰¹.

Русские ученые писали рецензии и на научную литературу, выходящую в словенских землях. В 1874–1875 гг. в Любляне вышла трехтомная «История Крайны с древнейших времен до 1813 года», написанная А. Димитцем и изданная на немецком языке. Она получила похвальную рецензию в «Славянском сборнике». Автор рецензии отмечал большое количество источников, использованных Димитцем, его научную добросовестность, беспристрастность в исследовании религиозных и национальных отношений. Вместе с тем в рецензии отмечалось, что на страницах книги почти нет упоминаний о словенцах, составляющих основное население Крайны, за исключением XVI в., когда происходили восстания словенских крестьян и протекала деятельность словенских реформаторов¹⁰².

Положительно были приняты русской научной общественностью и выпуски сочинения И. Марна «Езичник»¹⁰³.

Этнографические изыскания Я. Пайка привлекли внимание А.Н. Веселовского. В статье «Новые книги по народной словесности» он писал, что в последнее время интерес

¹⁰¹ Н.П. Словинский поэт о России // Славянские известия. 1915. № 5. С. 67.

¹⁰² Славянский сборник Т. 2. СПб, 1877. С. 27, 28.

¹⁰³ Славянский ежегодник. Т. 2. Киев, 1877. С. 296, 297; Русский филологический вестник. 1885. № 13. С. 218.

к изучению древних памятников стал уступать место методическому изучению фольклора. В качестве примера он приводил книгу о словенском фольклоре Пайка «Черты из духовной жизни штирийских словенцев» (*Črtice iz duševnog žitka štajerskih slovencev*. Ljubljana. 1884). По мнению Веселовского, она отличалась смешанным содержанием: наряду с песнями и сказками в ней приводился разнообразный этнографический материал, библиография шла попеременно с фактическими сведениями по этнографии. Веселовский останавливался на сопоставлениях, сделанных Пайком, некоторых этнографических черт штирийских словенцев (обрядов, праздников, поверий) с подобными же чертами у других народов: австрийцев Тироля и украинцев. Недостатком труда Пайка Веселовский считал, что описания циклов аграрных и святочных праздников не были даны автором целостно, но в разных местах¹⁰⁴.

Славянским этнографии и фольклору уделял внимание журнал «Живая старина», издававшийся В.И. Ламанским. В нем была отрецензирована статья Янко Б. о свадебных обычаях белых крайнцев, опубликованная в сборнике «Летопись Матице Словенске» за 1889 г.¹⁰⁵ Большую рецензию на издание каринтийского ученого Янеза Шейнига «Народные песни каринтийских словенцев» написал чешский ученый Юрий Поливка. Поливка отмечал, что Шейниг напечатал уже много материалов по этнографии словенцев. В рецензируемом сборнике Шейниг делил все песни на две категории — лирические и эпические. Первые характеризовались наличием значительного количества германизмов, вторые — их отсутствием. Поливка делал вывод, что первые песни записаны народным говором, а вторые — литературным словенским языком¹⁰⁶.

При всей симпатии русских славистов к словенцам, они довольно резко откликнулись на те труды словенских авторов,

¹⁰⁴ Веселовский А.Н. Новые книги по народной словесности // ЖМНП. 1886. № 3. С. 210–212.

¹⁰⁵ Живая старина. 1890. № 1. С. 24–29.

¹⁰⁶ Живая старина. 1890. № 2. С. 200–203.

которые не отвечали научным требованиям. Так, молодой славист А.Л. Погодин (1872–1947) отрицательно отозвался о книге И. Тополовшека о свойствах баскского и славянского языков, вышедшей на немецком языке. Тополовшек доказывал, что баски являются славянами, а основу их языка составляют диалекты Крайны и Нижней Штирии. Погодин отметил ненаучность изысканий Тополовшека, который на основании случайных совпадений составил свою теорию и «со смелостью незнания» предрек ей вечную славу¹⁰⁷.

В последней четверти XIX — начале XX в. между словенскими и русскими учеными и обществами не прекращался книгообмен. В центре книжных сношений стояли Словенская Матица и Славянское благотворительное общество в Петербурге. Согласно отчету М.Ф. Раевского за 1875/76 г., Матица получила из России 66 книг и 16 годовых комплектов журналов¹⁰⁸. Со своей стороны Словенская Матица, по сведениям ее секретаря Андрея Прапортника, отправила русским только в апреле 1879 г. 16 экземпляров сборника «Летопис Матице Словенске» — три из них предназначались отдельным лицам, а 13 — различным русским обществам и университетам¹⁰⁹. В 1892 г. Матица из 260 книг, добытых ею путем книгообмена, 116 получила из России¹¹⁰. Однако к концу 1890-х годов наблюдается общее снижение уровня контактов Словенской Матицы с русскими учреждениями. Если в 1873 г. она вела обмен с 12 русскими научными учреждениями, то в 1899 г. число их упало до 6¹¹¹.

Словенские сюжеты не только разрабатывались в публикациях российских ученых, о них читались лекции в российских университетах. К 1890-м годам во всех универси-

¹⁰⁷ Погодин А.Л. Рец. на кн.: Iohan Topolovšek — Die basko-slaviše Sprachenheit. Bd. 1. Wien. 1894 // ЖМНП. 1894. № 9–10. С. 403–405.

¹⁰⁸ Центральный государственный архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 400. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

¹⁰⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 347. Д. 61.

¹¹⁰ Славянское обозрение. СПб, 1892. № 2. С. 488.

¹¹¹ Чуркина И.В. Матица словенская и русские славянофилы // Славяне и Россия. М., 1972. С. 119.

татах, кроме Томского, существовали кафедры славянской филологии (в Московском, С.-Петербургском, Харьковском, Казанском, Киевском, Новороссийском, Юрьевском и Варшавском). Обычно каждый университет имел единственную славянскую кафедру с одним, редко с двумя профессорами. Только в Варшавском университете было несколько славянских кафедр: славянского права, славянских наречий и литератур, славянских древностей, истории польской литературы. В университетах обычно читались общие курсы по славянской филологии, в которые входили и разделы по словенскому языку и литературе.

В Петербургском университете много лет читал лекции П.А. Лавровский. Часть его курса составляли лекции по истории сербской, хорватской и словенской литературы. В Московском университете 34 года работал славист Р.Ф. Брандт. Он читал лекции о славянских языках, а также по истории славянских литератур, в том числе и словенской¹¹².

В конце XIX — начале XX в. в Киевском университете вел лекционный курс по славянскому языкознанию Т.Д. Флоринский. Часть его лекций была посвящена словенскому языку. Курс Флоринского был затем опубликован отдельной книгой, о которой уже говорилось выше.

В Варшавском университете в последней трети XIX в. работали такие видные слависты, как И. Первольф, В.В. Макушев, К.Я. Грот, П.А. Кулаковский. В 1881/82 учебном году Первольф вел курс по славянским древностям. Восьмая лекция этого курса была посвящена древней истории словенцев: их поселению на Балканах, государству Само, истории Великой Карантании, утрате словенцами независимости и принятия ими христианства. В тот же год Макушев читал лекции по истории славянских литератур, в том числе и словенской литературы. Он делил ее на три этапа: 1. Время создания Фрейзингских отрывков. 2. Реформация. 3. Возрождение¹¹³.

¹¹² Беляева Ю.Д. Литературы народов Югославии в России. С. 70, 91, 92.

¹¹³ Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С. 1–4.

В 1888 г. лекции по литературе южных славян читал К.Я. Грот. В той части, которая касалась истории словенцев, он рассматривал паннонскую теорию Копитара и Миклошича, останавливался на деятельности словенских писателей периода Реформации, рассказывал о национальном Возрождении словенцев, особо отмечая в нем заслуги В. Водника, Ф. Прешерна, Я. Блейвейса. В конце Грот уделял внимание некоторым современным словенским писателям, кратко характеризовал словенскую журналистику и деятельность Словенской Матицы¹¹⁴.

В 1890-е годы курс по славяноведению в Варшавском университете стал вести П.А. Кулаковский. Для студентов первого и второго годов обучения он читал лекции по славянской этнографии, славянскому языкознанию и по истории литературного Возрождения югославян. Во всех трех курсах имелись разделы, посвященные словенцам. Для студентов 3-го и 4-го годов обучения Кулаковский ввел специальный курс по истории словенской литературы. В начале его Кулаковский кратко рассказывал о древнейшей истории словенцев: от поселения их на Балканах до потери ими независимости и принятия христианства. Он подробно характеризовал Фрейзингские отрывки, перечислял все тексты на словенском языке, которые встречались в латинских и немецких рукописях вплоть до XVI в. С горячей симпатией Кулаковский писал о деятельности Трубара, считая ее важной не только для словенцев, но и для сербов и хорватов. Высоко оценивались в лекциях и другие писатели-протестанты: Ю. Далматин, А. Богорич и др. Отметив отрицательное влияние контрреформации на развитие словенской литературы, Кулаковский остановился на деятельности И.В. Вальвасора. «Едва ли какая другая славянская народность, — подчеркивал он, — может представить такое капитальное описание страны и народа, как описание Крайны, сделанное Вальвасором». Русский уче-

¹¹⁴ Варшавские университетские известия. 1888. № 1. С. 3.

ный превозносил заслуги первых деятелей Словенского Возрождения: М. Похлина, О. Гутсмана, Ю. Япеля, Б. Курмердея, А. Линхарта и особенно В. Водника, который «был для своего времени и народа замечательная личность по энергии, глубине знания и интересу к просвещению» и который «может быть назван народным поэтом словенцев». Ф. Прешерна Кулаковский называл словенским Пушкиным или Мицкевичем, народным словенским поэтом по духу и мотивам своих произведений.

Большое внимание Кулаковский уделял словенским ученым. «Появление таких глубоко просвещенных ученых, — писал он, — как Чоп, Копитар и Миклошич, несомненно, свидетельствует о том, что среди такого маленького народа, как словенцы, сохранилось немало сил духовных, несмотря на вековое рабство чужой, немецкой культуре». Кулаковский характеризовал Копитара, с одной стороны, как выдающегося ученого, обнаружившего громадный запас знаний и замечательную способность к критике, с другой — как верного католика и австрийца, отрицательно относившегося к идее славянского сближения. Миклошич, по мнению Кулаковского, являлся прямым преемником Копитара. «Все, — подчеркивал русский ученый, — занимающиеся славянской филологией, историей, древностями, этнографией, всегда должны будут обращаться к трудам Миклошича, в ко[тор]ых найдут решение многих вопросов и указания пути для этого решения». Далее Кулаковский перечислял, давая им краткую характеристику, наиболее видных словенских деятелей второй половины XIX в., в том числе Я. Блейвейса, И. Косеского, А. Янежича, С. Енко, Й. Стритара, Ф. Левстика. Но особое внимание Кулаковского привлекли такие горячие сторонники славянской взаимности, как Матия Маяр и Фран Подгорник, хотя они не оказали заметного влияния на словенскую литературу. В этом сказались личные симпатии Кулаковского.

В рукописи лекций Кулаковского сохранились ссылки на литературу, которой он пользовался. Это прежде всего

«Езичник» И. Марна, статьи из сборников «Летопис Матице Словенске», некоторые работы Целестина, сочинения Ф. Прешерна, С. Врза, работы И. Первольфа и А. Гильфердинга, словенские периодические издания и альманахи («Лубланске новице» «Краньска чбелица», «Кметийске ин рокоделске новице» и др.)¹¹⁵.

Еще один специальный курс лекций по словенской литературе читал в Харьковском университете Б.М. Ляпунов. Журнал «Люблянски звон» с удовлетворением отмечал этот факт, подчеркивая, что лекции имели большой успех. «Мы, словенцы, — писал корреспондент журнала, — не приучены, чтобы история нашей литературы читалась в университете»¹¹⁶.

Статьи и книги русских ученых о словенцах отличались глубиной, прекрасным знанием материала, доброжелательным отношением к словенским культурным деятелям. Они рассматривали произведения словенских авторов с позиций равноправия, не делая скидок на то, что они представляли небольшой народ с культурой, которая стала развиваться на европейском уровне позже, чем у других народов. И такое отношение ценилось словенской интеллигенцией, усиливало ее симпатии к России и русским культурным деятелям.

* * *

В первый период Словенского Возрождения, вплоть до конца XVIII в., русофильство охватывало только небольшой круг словенских просветителей и использовалось ими как аргумент для утверждения права словенского народа на существование, создание и развитие своей собственной культуры. В XVIII — первой половине XX в. большое значение для обоснования этого права имело существование исторических традиций или исторического права, которые

¹¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). Ф. 1836. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–89.

¹¹⁶ Ljubljanski zvon. 1892. № 6. S. 86.

имел народ и которые бы показывали способность этого народа к самостоятельному развитию. В эти традиции входили: создание собственного государства, собственной культуры, признанной окружающими народами. Что касается государственности, то словенцы могли только сослаться на существование в VII–IX вв. княжества Карантании и княжества Нижняя Паннония Коцеля, о которых было известно так мало, что с уверенностью нельзя было утверждать, что их жители являлись предками словенцев. Что же касается культурной традиции, то кирилло-мефодиевские ее корни были еще более проблематичны. Во-первых, они не сохранились в словенских землях, во-вторых, словенцы не только не использовали алфавит и литературу первых славянских просветителей, но и в XVI в., когда словенские протестанты создавали словенский алфавит и словенскую литературу, они создали их на основе латиницы, традиции же старославянской литературы ими не были учтены.

Именно поэтому свои исторические права, свое право на собственную идентификацию словенские просветители обосновывали тем, что они являются частью славянского мира, в котором наибольших успехов добились русские, основавшие свое собственное независимое и сильное государство и свою оригинальную культуру. Интерес к России распространился среди довольно широких кругов словенского народа уже на первом этапе Словенского Возрождения, благодаря проходу через словенские земли армии А.В. Суворова (1799) и моряков Д.Н. Сенявина (1810), и особенно победе русских войск над Наполеоном.

Но русофильство являлось для словенцев не только способом утвердить свое право на существование как самостоятельного народа со своей собственной культурой. Оно стало для них важным орудием в борьбе против германизации, особенно угрожавшей им во второй половине XIX в.

В появлении панславистских теорий у словенцев сыграла большую роль революция 1848/1849 гг. Она показала,

что в борьбе за национальные права они не могут рассчитывать ни на помощь остальных славян, которая была недостаточной для этого, ни на австрийские власти, которые защищали интересы немецкого населения.

Определенную роль в распространении русофильства сыграли русские властные и общественные круги. Россия после поражения в Крымской войне и разочарования в своих союзниках по Священному союзу изменила свое отношение к славянам. В правящих кругах появилась значительная группировка, стремившаяся использовать влияние на славян для укрепления позиций России в международных отношениях. К этим «славянолюбцам» принадлежали и некоторые члены императорской фамилии, в том числе и царствующие особы, например Александр II и Николай II. Но еще большую симпатию к славянам начиная с XVIII в. испытывали некоторые представители общественности. В конце 30-х годов XIX в. из этой среды выделилась группировка, получившая название «славянофиль», целью которой наряду со стремлением добиться проведения реформ в России являлась помощь зарубежным славянам, находившимся под чужеземной властью. В 1850–1870-е годы правящая элита использовала деятельность славянофилов, создавших свои организации — славянские благотворительные комитеты, занимавшиеся по преимуществу благотворительной деятельностью. С их помощью русское правительство провело в 1860-х годах два мероприятия (Тысячелетие России и Этнографическую выставку), которые подняли авторитет России у славян.

Политика России способствовала появлению у словенцев панславистских теорий различного толка. Однако главной причиной этого было усиление германизаторского натиска со стороны венских властей и немецких националистических организаций. Кроме того, из-за поражений Австрии в войнах против Франции и Пьемонта (1859 г.) и особенно против Пруссии (1866 г.) встал вопрос о дальнейшем существовании Габсбургской монархии как самостоя-

тельного государства. Особенно увеличилась опасность ее исчезновения в 1871 г., когда после победы над Францией и провозглашения в Версале Германской империи возникла угроза присоединения ее немецких областей к Объединенной Германии. После создания Германской империи все немецкие земли были объединены, вне ее границ остались только немецкие земли Австро-Венгрии.

Для словенцев возникла альтернатива: или вместе с немецкими областями войти в состав Германии и в ближайшее время потерять свою идентичность, или войти в другое государство. Этим другим государством могла быть или Россия, или новое Югославянское объединение. Более реальным для многих словенских политиков казалась опора на Россию, которая уже являлась могущественным государством, чем на проблематичную Югославию.

Пик русофильских настроений у словенцев падает на 1870–1880-е годы XIX в., время, когда с помощью России балканские славяне освободились от турецкого ига и воссоздали свою государственность. И хотя надежды словенцев на освобождение от власти Габсбургского государства с помощью России в то время не осуществились, русофильские настроения способствовали созданию их национальной культуры, в известной степени удержали ее от копирования немецких образцов, содействовали укреплению у словенцев национального самосознания, уважения к своему языку, культуре. Помимо того, обретение балканскими славянами независимости с помощью России оставляло надежду словенцам на возможность получения независимости с ее помощью. Попытка создать славянскую Австрию, предпринятая словенскими национальными деятелями в революцию 1848 г., а затем накануне Великой войны, перспектив не имела, что они достаточно быстро поняли.

Русофильские идеи на протяжении рассматриваемого периода меняли свою форму, но неизменно оставались, охватывая то узкую прослойку словенской интеллигенции, то широкие народные массы.

Словенские ученые, исследовавшие историю Словении, не могли не обратить внимание на русофильские настроения словенских национальных деятелей. И. Прияatelj разъясняет это следующим образом: «Русофильство давало младословенцам и младочехам силу и опору в их борьбе против пангерманизма австрийских властей»¹¹⁷. Еще более глубоко объяснил живучесть русофильства словенских политиков В. Мелик. «В этом чувстве, — пишет он, — не было существенным абсолютистская или демократическая Россия, такая она или другая, но было важно, что она существует, что своим существованием она дает опору национальной борьбе, будит надежду на лучшее будущее»¹¹⁸.

Эти выводы словенских ученых вполне справедливы. Оценивая роль русофильства, которое было характерным не только для словенцев, но и для других малых славянских народов, отечественный историк В.К. Волков подчеркивает: «Отношение к России представляло в тех условиях не какую-либо конкретную политическую программу, а было одним из элементов национально-освободительной идеологии этих самых славянских народов»¹¹⁹. С этим выводом автор монографии согласна.

---

¹¹⁷ *Prijatelj I.* Slovenska kulturnopolitična in slovstvena zgodovina. Zv. 3. Ljubljana, 1958. S. 172.

¹¹⁸ *Melik V.* Slovenska politika ob začetku dualizma. S. 49.

¹¹⁹ *Волков В.К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи. М., 1959. С. 35.

Именной указатель

А

Аверьянов М.В. 447
Авсец Ф. 415
Агрнев-Славянский А.Д. 451
Аделунг Л. 35, 56, 60
Аделунг Ф.П. 23, 95
Айвазовский И.К. 450
Александр Македонский 17
Александр Обренович 408
Александр I Романов 58, 89, 90–93
Александр II Романов 231, 239, 248–249, 257, 316, 352, 394, 491, 556
Александр III Романов 343, 381, 393
Александров А.М. 446
Аксаков И.С. 201–202, 252, 255, 280, 294, 307, 338, 343, 459
Аксаков К.С. 338, 394
Аксаков С.Т. 454
Акэ Б. 24, 28
Амброж М. 149
Андраши Д. 332
Анна св. 217
Антон К.Г. 35
Апих Й.А. 139, 512
Апшель К. 524
Априлов В. 125
Атанацкович П. 204

Ауэрсберг А. 31, 156
(*Анастасиус Грюн*)
Ашкерц А. 361, 401, 441, 450, 469, 479–480, 484–491, 505, 519, 533–534, 536, 538–541, 543–544, 548

Б

Бабник Я. 461
Бабукич В. 132
Бадени К. 368
Бакунин М.А. 416
Балабин В.П. 138, 216
Балакирев М.А. 248
Баллог К. 274
Бантыш-Каменский Н.Н. 93
Барановский В.И. 440, 445, 446
Барбарич Ш. 7, 457, 468, 479, 504
Барсуков Н.П. 122
Бахтин Н.Н. (*Нович Н.*) 441, 536, 541, 545
Белый А. 445
Беляева Ю.Д. 450, 535, 551
Бельгард 54
Бенари А. 109
Бенедейчич А. 8
Бенедик М. 413
Березин Л.В. 237, 262–263, 289–290
Берник Ф. 223
Бернштейн С.Б. 534

Бершадская М.Л. 7–8, 171, 309, 504
Бессонов П.А. 251
Бехтерев В.М. 427, 434, 441, 446
Биллярский П.С. (П.Б.) 205
Бисмарк О. 224, 353–354, 356, 369
Блаватская Е.П. 444
Блаж Г. 6, 218, 238, 256–258, 265–266, 270, 292–293, 323
Блазник 212
Блейвейс Я. 43, 81–82, 123, 133, 139, 145, 148, 197, 199, 200–202, 216–218, 220–223, 227, 237, 241, 244–246, 256, 280–282, 285–286, 289, 298, 363, 508, 552–553
Блудов Д.Н. 177
Блудова А.Д. 177–182, 216, 248
Бобринская В.Н. 429
Бобринский В.А. 430
Бобровский М.К. 52, 85–89, 99, 103–105
Боборыкин П.Д. 317–318
Богорич А. 12, 16–17, 20, 25, 27, 55, 59, 72, 82, 86, 127, 190, 507, 510, 552
Бодуэн де Куртэнэ И.А. 100, 116, 270–272, 276–277, 285–289, 297, 317, 322, 349, 476, 506, 525–528, 547
Бодянский О.М. 88, 107–108, 125, 183, 290
Боле Д. 298
Болховитинов Е. 93
Бомарше П. 33
Борис св. 207

Боршник М. 7, 172, 298, 300, 316, 317, 337, 383
Брандт Р.Ф. 458, 461, 476–477, 511, 515, 520–521, 527–528, 551
Брауди Ю. 262
Брезовар В. 497
Броневский В.Б. 62–63
Бугаев Н.Б. 255
Будилович А.С. 122, 279, 282–283, 290, 313, 347, 376, 455, 524
Будс 463–464
Булгарин Ф.В. 175
Буслаев Ф.И. 183, 456, 527
Бучар Ф. 14, 156
Бычков А.Ф. 522

В

Вавра Э. 247
Вагнер Р. 451
Валуев П.А. 243
Вальвасор И.В. 127, 191–192, 506, 552
Вальявец М. 515
Варламов А.Е. 182
Вега Ю. 47–48
Венелин Ю.И. (Г. Хуца) 125–127, 206
Венцайз Я. 400
Вергилий 163
Вергун Д.Н. 420, 428, 519
Верещагин В.В. 450
Весел Косески И. 127, 450–451, 509, 538, 553
Веселовский А.Н. 460–461, 463, 469, 476–479, 548–549
Видененсис
(*Videnensis*) 400–401

Видер В. 496
 Видиц Ф. 520, 539
 Вильхар И. 245–246
 Вильхар М. 223, 227
 Виндишгрец А. 145, 152
 Винклер А. 218, 244
 Висталер Ф. 359, 509
 Владимир св. 58, 217, 509
 Владимир Романов 239
 Вовк Й. 268–270
 Водник В. 26, 30, 39–45, 48–55,
 60, 62, 65, 69–71, 81, 87, 124,
 127, 182, 213, 282, 471, 544,
 552–553
 Водопивец П. 7, 22
 Волков В.К. 558
 Волконский П.М. 89, 92
 Вольтер Ф. 24
 Вольф 279
 Волынский А.Л. 487–488
 Вончина Л. 237, 282
 Воронов А.Д. 338–339
 Востоков А.Х. 60, 93, 95–100,
 103–106, 108–109, 116, 119,
 208, 454, 483, 523
 Вошняк Б. 426, 486, 561
 Вошняк Й. 172, 236, 246, 286,
 293–294, 322–323, 331–332,
 512
 Вошняк М. 418, 435
 Враз С. 77, 79–81, 84–85,
 108, 115–117, 119, 127–128,
 130, 132–133, 139–140, 146–147,
 149, 152–153, 159, 163, 197,
 212, 251, 531, 554
 Врхлицкий Я. 441
 Врховец И. 512, 520
 Вукотинович Л. 132

Г

Габршек А. 426–427, 433–434,
 451, 468, 500–501
 Гавличек Боровский К. 306
 Гай Л. 79–80, 253
 Ганка В. 99, 102, 106, 112–115,
 119, 127, 177, 305
 Гантар Година И. 7, 408, 410,
 415, 417, 420, 421, 435, 438
 Гантарь 269
 Гауч П. 368
 Герберштейн К. 22, 31, 40
 Герберштейн С. 14–15, 17,
 189, 512
 Гердер И.Г. 23, 60, 78, 127, 467
 Герман М. 263
 Гестл Ф. 400, 455
 Гестрин Ф. 221, 224, 336,
 360, 361, 405, 436
 Гиляров Ф.А. 454
 Гильфердинг А.Ф. 122, 184,
 210–211, 216–217, 277, 285,
 376, 554
 Главачка М. 243
 Глазер К. 513
 Глеб св. 207
 Глибовицкий Н. 421, 426
 Глобочник А. 135, 140, 148
 Глушковский П. 175
 Говекар Ф. 400
 Гоголь Н.В. 113, 163, 171,
 355, 448, 451, 454, 459, 470–471,
 473, 504–505, 541
 Голоб М. 287
 Головацкий Я.Ф. 115, 217,
 251, 255
 Гомер 163

Гончаров И.А. 355, 473
Горленко-Долина М.И. 452
Городецкий С.М. 445
Горчаков А.М. 182, 243–244,
248
Горький М. 450–451, 474,
487–488, 490, 504–505, 541
Горьюп 150–151
Горше 172
Грасели П. 245–246, 275–276,
286, 316
Графенауер Б. 45, 52, 61, 406
Графенауер И. 100, 547
Грановский Т.Н. 338
Гранда С. 8
Грдина И. 15, 345, 357, 408,
428
Гржибовский М. 441
Грегр Э. 247
Грибоедов А.С. 450, 453, 459,
501
Гривец Ф. 413–414, 568
Григорович В.И. 88, 105, 107,
123–125, 225, 523, 529
Григорьев И.А. 288, 473
Гримм Я. 122, 252
Грот К.Я. 551–552
Грот Я.К. 459
Грубер Г. 24–25
Грунский Н.К. 466–467
Гспан А. 26, 31–34, 37–39,
42, 51
Гундулич И. 163
Гурбан Й.М. 305
Гутсман О. 27, 36–37, 60, 69,
71, 120, 127, 553
Гус Ян 11

Д

Дайнко П. 72, 100, 116, 120,
127, 507
Далматин Ю. 12, 16, 28, 87,
100, 119, 190, 507, 520, 552
Даль В.И. 458
Данилевский Н.Я. 373–374
Данило И. 237
Данченко С.И. 2
Даринка Петрович 255
Дворжак А. 451
Дев Ф. 26, 28, 40
Делянов М. 441
Деметр Д. 132–133
Деметрович Ю. 438
Дермота А. 539
Дибиц И.И. 89
Димитц А. 547–548
Дмитриев А.С. 74
Дмовский Р. 426
Добровский Й. 26, 46, 49, 51,
53–56, 60–61, 63–68, 72, 86–88,
94, 96–99, 101–106, 109, 112,
119, 122, 305, 523, 543
Добролюбов Н.А. 473, 486, 505
Добрянский А.И. 217, 376,
382, 386
Доленц Й. 130
Долинар И. 414, 547
Домай Т. 27
Доминцель 269
Домолюб (*Domoljub*) 400
Доманович Р. 441
Достоевский Ф.М. 355, 442,
451, 459, 471, 473. 487–488,
494, 504–505, 541

Драганов П.А. 538
Драгони-Крженовский Й.
140, 156
Драшкович Я. 132
Дрновшек Д. 8
Дубровский П.П. 127, 129
Дурново Н.Н. 482–483
Дьякон П. 512

Е

Екатерина II Романова 46,
352
Енко А. 436
Енко Л. 448–450, 538–539
Енко С. 171–172, 536, 553
Еран Л. 85, 132, 163
Ериша Ф. 171
Ермолов А.П. 89
Ермолаев А.И. 99

Ж

Жакель А. 85, 130, 471
(*Родолуб Лединский*)
Жегар М. 23
Железникар И. 341
Жерьяв Г. 434
Живны К. 375, 382
Жуковский В.А. 163, 450, 454
Жупанчич О. 480, 504, 540

З

Заболотский П.А. 448, 470–
471, 475, 538–539
Забрет А. 349
Задератский 523
Задравец Ф. 481

Закотник Й. 26
Зарник В. 172, 236, 238, 341
Зах Ф. 140
Захаров 116
Здзеховский М. 420, 426
Зеленко 127
Золя Э. 488
Зупан Я. 63–64, 66, 77, 87,
90, 116

И

Ибровац М. 61
Иван Грозный
Рюрикович 157
Иванов В.В. 285
Игнатъев Н.П. 183
Извекова А.К. 1
Извольский А.П. 423
Илешич Ф. 159, 160, 162,
435–436, 517, 540, 545–546
Ильинский Г.А. 448, 479, 520
Иноземцев Ф.И. 183
Иоанн Златоуст св. 88
Иосиф II Габсбург 21–22, 34,
36, 69
Ишполит (*Я.А. Гайгер*) 19–20,
49
Исламов Т.М. 131, 141, 149,
152, 155

Й

«-й» 391

К

Кавелин К.Д. 338
Кавчич М. 149

-
- «К.Г.» 348
Калайдович К.Ф. 93
Калан Ф. 29, 30, 34, 37, 39
Калачев Н.В. 253
Калашников А.А. 448
Калина А. 530
Кападистрия И. 89
Караджич В.С. 79, 95, 99,
102, 105–106, 111, 115, 162,
177, 203–204, 217, 268, 455,
508, 542
Каракозов Д.В. 315, 491
Кардель Э. 29, 39, 80, 309, 319
Кастелиц М. 19, 123–124, 531
Каталинич-Еретов Р. 441
Катанчич М.П. 197
Катков М.Н. 183, 215, 255,
338, 350, 352–353, 494
Качановский В.В. 507–508
Квидам (*Quidam*) 399
Кепшен П.И. 88, 93–102, 106
Кепшен Ф.П. 95, 102
Кермавнер Д. 6, 257, 266, 309,
311–312, 323, 343, 348, 350, 357,
359, 386
Керстник Я. 266
Керимова М.М. 8, 516
Кетте Д. 480, 504
Кидрич Ф. 29, 46
Кирилл св. 57–59, 68, 104,
106, 110, 189, 306, 372, 376,
378, 391, 406, 413–414
Кирилина Л.А. 2, 8, 89–92,
132, 135–138, 140–141, 149–152,
156–157, 344–345, 347, 363,
408, 412–413, 415, 417, 428–432,
436, 449
Кирпичников А.И. 454
Киттары М.Я. 183
Клабьян Б. 8
Клаич В. 455
Клейнмайер Ю. 83, 455
Клеменчич Й. («К») 492
Клеменчич Л. 436, 447
Клун В. 154–155, 184–196, 507
Кмецл М. 309
Кнафл 151
Княжевич Д.М. 110–111
Кобе Ю. 85
Ковалевский Е.П. 183
Ковалевский М.М. 446
Кожевников В.Ф. 183
Козак К.Я. 7, 484, 485, 486, 491
Козлер П. 140, 228, 234–235
Коковцов В.Н. 423, 430
Колейка Й. 419
Коллар Я. 78–79, 99, 114,
130, 155, 162–163, 165, 177,
188, 204, 303, 305, 466, 539
Кольцов А.В. 453, 488, 505
Комаров В.В. 499
Копитар Е. (*В.*, *Б.*) 7, 29, 49,
51–73, 75–77, 86–88, 93–106,
108–112, 115–116, 122, 124,
127, 136, 138, 163, 177, 188–
190, 205–208, 282, 507–508,
510, 514, 520–521, 523, 541–
544, 552–553
Кораблев В.Н. 441, 490
Короленко В.Г. 450, 487
Корошец С. 83
Коруза Й. 20, 25
Корш Ф.Е. 449–450, 461, 469,
474–476, 486–487, 489, 519,
534–535, 537, 544
Корытко Э. 77–78, 212, 531

Кос 282, 289
 Кос И. 402, 492
 Косески И. см. Весел Косески И.
 Косик О.В. 8, 440, 445
 Коста Х. 90, 92
 Коста Э. 241, 244–246, 275
 Костеж Н. 441
 Котляревский А.А. 284, 290, 314, 493, 522
 Котляревский Н. 537
 Кочевар Ф. («-р-») 238, 294
 Коцель 57, 414, 555
 Кочубинский А.А. 7, 47, 66, 96–97, 99, 101–102, 281–282
 Кошелев А.И. 184–185, 192
 Крайнци Й. 142, 144, 149, 151, 156
 Крамарж К. 419, 421–423, 425–426, 428, 431
 Красовский М.В. 422
 Крек Г. 283–285, 341, 523–527
 Крек Я. 362–363, 365–366, 409–410, 414–417, 421, 426
 Крелль С. 507
 Кремпль А. 128
 Крефт Б. 541
 Крефт Я. 151
 Крижник Г. 288
 Криль М.М. 24
 Кристан Э. 365, 436–438
 Крылов И.А. 501, 505
 Кукульевич-Сакцинский И. 139
 Кулаковский П.А. 108, 347, 450, 455–456, 469, 543, 551–553
 Кумердей Б. 27, 46–47

Куральт М. 30, 34–35
 Курочкин В.С. 486, 505
 Куторга М.С. 105, 109–110
 Куршат 105, 109–110
 Кустодиев Б.М. 445
 Кушелев-Безбородко 248

Л

Лабынцев Ю.А. 89
 Лаврин Я. 7, 439–447, 541
 Лаврич К. 238, 270, 286
 Лавров П.А. 434, 441, 446, 502
 Лавровский П.А. 195, 242, 250, 255, 502, 551
 Ламбл В.Д. 253
 Ламанский В.И. 108, 124, 195, 203, 222, 228–230, 234–235, 247, 277–280, 282–283, 290–291, 312, 345–346, 374, 381–382, 420, 442, 454–455, 458, 460, 463, 477, 483, 498–499, 510, 516, 521, 523, 525, 549
 Лаптева Л.П. 247
 Лах Е. 234
 Лах И. 447
 Лашков Н.В. 503
 Лев XIII 360, 407
 Левец Ф. 74, 76, 171–172, 239, 266–267, 314, 336, 340–341, 358, 453, 455–456, 509
 Левстик Ф. 170, 223, 225, 227–228, 230, 236, 238, 266, 278–280, 283–284, 286, 290, 298, 308–314, 361, 380, 384, 387, 479, 502, 534, 536, 553
 Легиша Л. 7, 94, 172

Ле-Дантю М.В. 445
Лейбниц Г.В. 35
Лелевель Й. 85
Ленард Л. 410–413
Ленчек Р. 60–61
Леопольд II Габсбург 34
Лермонтов М.Ю. 171, 355,
450, 453, 473, 503–505
Лесар А. 228, 273, 280, 282
Лесков Н.С. 459, 488
Лесковец Л.
(*Ламурский*) 367, 392–393,
441, 502–503
Лесковшег 83
Лессинг Г.Э. 31
Лещиловская И.И. 79, 132–133
Линде С.Б. 55, 99
Линхарт А.Т. 28–41, 60, 69,
87, 127, 192, 310, 479, 506,
544, 553
Лист Ф. 451
Ломоносов М.В. 51
Лончар Д. 127, 246
Лукович 322, 323
Лукшич А. 240
Лютер М. 11–12
Лютман М. 287
Ляпунов Б.М. 461, 464–465,
513–515, 526, 528–531, 554

М

Мажуранич А. 132, 217
Максимов С.В. 202
Макушев В.В. 280–281, 356,
455, 548, 554
Мал Й. 89, 92
Малавашич Ф. 41, 44

Малиновский А.Ф. 93
Малявин Ф.А. 472
Мандич М. 421
Марек В. 260–261
Мария Терезия Габсбург 21,
69
Марков Д.А. 404, 421, 426
Маркс К. 389, 417
Марн Й. 228, 280–281, 356,
455, 548, 554
Масарик Т.Г. 426, 435
Матешич Й. 21, 27
Маткович С. 506
Маурер Л. 23
Махнич А. 361–362, 385–386,
398, 412
Мацевский В.А. 127
Мацун И. 160
Машек 306
Маяр М. 8, 79–84, 115–116,
118–119, 132–137, 139–141,
142–149, 152–153, 155, 158–164,
167–170, 173, 199, 220–221, 224,
241–242, 244–246, 248–259,
270, 272, 288, 292, 300–308,
341–342, 490, 509, 531, 553
Мелик В. 6, 221, 224, 259, 321,
323, 331, 332, 336, 360, 361, 363,
364, 405, 406, 436, 558
Мерецкая Ю.С. 2, 4
Метелко Ф. 52, 72, 77, 84,
100, 109–110, 116–117, 120,
123, 127, 507, 510
Меттерних К. 53, 70, 152,
158–159
Мефодий св. 57–59, 97, 104,
106, 110, 179, 189, 306, 342,
372, 376, 378, 391, 406, 414
Мещерский В.П. 324

Мельников-Печорский П.И. 459
 Миккола 476
 Миклавец П. 502
 Миклошич Ф. 106, 136, 139–141, 149, 151, 189–190, 195–196, 203–211, 216–217, 282–283, 464, 467, 507–508, 510–511, 514, 520–523, 553
 Милан Обренович 354
 Милетич С. 237
 Миллер О.Ф. 456, 459
 Милутинович К. 237, 238, 258
 Минаев Д.Д. 486, 505
 Миссия Я. 357, 361, 414
 Михаил, митрополит 321
 Михаил Романов 95
 Михаил св. 118
 Мицкевич А. 163, 553
 Михаил Обренович 255
 Михелич Я. 26
 Младенович А. 441
 Могор св. 173, 199–200
 Мольтке Г.К. 369
 Монтвил И. 427
 Мразович А. 86
 Мразович М. 236–237
 Мудрова О.В. см. Косик О.В.
 Мурко А. 77, 109, 116, 120, 545
 Мурко М. 459–467, 474, 478, 480, 483–484, 507, 509, 513–514, 521, 527, 533, 546
 Мурн Й. (Александров) 468, 480, 504–505
 Мурник Й. 274–275, 279, 298
 Муршец Й. 139, 151–152, 159–160, 162, 509, 546

Мусин-Пушкин М.Н. 123
 Мушицкий Л. 61
 Мюллер И. 203–204

Н

Навратил И. 68
 Навратил Я. 148, 512
 Наглич М. 26
 Надеждин Н.И. 110–112, 121, 203–204, 290, 520
 Наполеон I Бонапарт 42, 44–45, 49–51, 63–64, 66, 69–70, 85, 173, 292, 555
 Нахтигал Р. 99, 472–474, 476–477, 479, 481–484, 488, 511, 512, 539
 Некрасов Н.А. 450, 458
 «Некто» 335
 Ненашева З.С. 419, 423, 425–427, 434
 Непомук (*Непотук*) 399, 401
 Неруда Я. 441
 Нессельроде К.В. 89, 182
 Нессий П. 82, 242
 Нестор 58, 111, 189, 209, 520
 Никитин С.А. 24, 183, 241–243, 246, 255, 321–322
 Никифоров К.В. 8
 Никола Петрович 255
 Николаевский А. 397
 Ницше Ф.В. 478, 488
 Новиков Е.П. 331
 Новикова (*Киреева*) О.А. 299
 Новосильцев Н.Н. 66
 Ноли Й. 275–276, 279, 452
 Нушич Б. 441

О

Облак В. 288, 464, 467, 511, 513–515, 526–531
Облак Ф. 267
Оболенская С.В. 137
Обрадович Д. 67
Огарев Н.П. 298, 486
Огринец 267
Орбини М. 17
Орел Погачник И. 54, 61
Орожен Й. 83
Оссолинский 66
Островский А.Н. 56, 276, 355, 472
Оторепец 83

П

Павел Романов 26
Павлич Й. 92
Паганини 230
Паглавец 192
Пайк Я. 548–549
Палаузов К. 256
Палацкий Ф. 106, 138–139, 147, 149, 151, 155–156, 240, 247–248, 250, 253, 255, 280, 306
Пальмов И.С. 366, 378, 386, 396, 402–404, 455, 506–507
Патера А. 247
Патерну Б. 75, 309, 361
Первольф И. 459, 551, 554
Перов В.Г. 450
Перониевич А. 253
Петкович К.Д. 180–181

Петр I Романов 164, 172, 394, 462
Петровская М.Н. 544
Петровский М.П. 225–226, 544
Петровский Н.М. (*Н.П.*) 7, 26, 49, 55, 59–60, 62, 64, 67–68, 94, 467, 480, 532–533, 541–548
Пикл М. 84, 134
Пинтар И. 504
Пинтар Л. 85
Пинтар Лука 534, 544
Пирц Й. 361, 408
Пирьевец Й. (*Пьерацци*) 6, 8, 155, 185
Писемский А.Ф. 355
Пиштелич Л. 441
Плетерски Я. 7, 133, 134, 260, 360, 363
Плетершник М. 52, 265, 346, 510, 515
Плетнев П.А. 102, 121–122
Плотникова О.С. 7, 22, 77
Погачар Я. 25, 42, 361
Погачник Й. 53, 72, 94, 412, 542
Погодин А.Л. 441, 550
Погодин М.П. 102, 104–108, 122, 125, 174–175, 183, 203–205, 243, 249, 253–255, 258, 300–302, 520
Погорелец Б. 17
Подгоричанин А. 450
Подгорник Ф. 6, 348, 366, 372, 374–397, 401–404, 433, 493, 497, 499, 503, 553
Поклукар Й. 357
Поливка Ю. 549

П.Л. (*Петр Лопухин?*) 90
 Полевой П. 454
 Попов Н.А. 204, 239–242, 250, 252–253, 255, 259, 267–269, 274, 282–283, 296–297, 300–302, 305–308, 459
 Попович Я.Ж. 20–21, 38, 49, 60
 Потебня А.А. 283, 456, 524–525, 528
 Потепалов С.Г. 95, 101
 Поточник 189, 415
 Похлин М. 25–28, 40–41, 71, 86, 127, 192, 544–545, 553
 Поццо ди Борго К.О. 89
 Прейс П.И. 88, 105, 107–111, 121, 125, 290
 Преисс Я. 427
 Препелух А. 438
 Прешерн Ф. 74–78, 80, 85, 117, 123, 163–164, 237, 282, 361, 420, 449–450, 455, 474–475, 479, 489–490, 509, 533–537, 544, 552–554
 Прибичевич В. 17
 Примиц Я. 49, 61, 63, 65–66
 Приятель И. 6, 85, 142, 161, 163, 171, 195, 201, 220, 230, 239, 259, 264, 266, 267, 300, 313, 348, 350, 357, 358, 450, 468–481, 483, 486–489, 501, 538–540, 543–544, 558
 Протасов Н.А. 178
 Пуркине И.К. 127–128
 Пушкин А.С. 171–172, 355, 450–451, 453–454, 458, 471, 473, 481, 487, 493, 501, 503–505, 541, 553
 Пьшин А.Н. 126, 195, 284, 291, 453, 456, 460, 462, 469, 476–479, 481, 508–510, 534

Р

Равлич Й. 83
 Равникар М. 61, 71, 73, 87
 Равнихар А. 400, 434–435
 Радич П. 544, 547
 Радич С. 420, 426, 447
 Радослав 113
 Раевский М.Ф. 123, 176–181, 184–185, 187, 192–194, 196, 203–204, 206–207, 210–211, 216–218, 222, 231–235, 240–242, 245–246, 251, 255, 257–258, 266–267, 269–270, 273–276, 282–283, 285, 299, 307, 338–339, 384, 453–455, 492, 506, 525–526, 550
 Разлаг Р. 166, 178–181, 236, 241, 244, 286
 Раич Б. 181, 197–202, 341
 Райфайзен Ф.В. 414–415
 Райшп В. 416
 Раковац Д. 132
 Рамовш Ф. 120
 Рант Б.М. 269
 Рачки Ф. 236, 455, 506
 Раячич Й. 177–178
 Ревертера 243–244
 Ремец Ф. 450, 512
 Реннер К. 437
 Репин И.Е. 450
 Ресницолоуб 391
 Ригельман Н.А. 129
 Ригер Ф. 149, 247–248, 250, 253, 255, 306, 333, 385, 397
 Римский-Корсаков Н.А. 450–451
 Рихтер Й. 33

Робида К. 84
Роблек Ф. 421
Рожински 378
Рожнай 61
Рокина Г.В. 155
Ростислав 57
Рубакин Н.А. (*Спектатор*)
378
Рубинштейн А.Г. 450–451
Рудеж Д. 171, 228, 312
Рудеж К.О. 226–227
Румянцев Н.П. 93, 96–98,
101–102
Рупел Д. 8
Рупел М. 16
Руссо Ж. 24, 35
Рыбарж О. 426
Рыжова М.И. 7, 470, 487, 489,
505, 519
Рябова Е.И. 7, 536

С

Саблер В.К. 402–403
Сазонов С.Д. 428, 431
Салтыков-Щедрин М.Е. 475,
505
Самарин Ю.Ф. 183
Самец М. 450, 503
Светец Л. 170, 172, 222, 245–
246, 363
Светокрижский Янез 20
(*Т. Лионелли*)
Свечин 230
Святоплук 57
Севре 61
Семенов Н.П. 393

Селищев А.М. 541
Семиз Д.И. 446
Семрайц М. 135, 148, 154
Сенкевич Г. 488
Сенявин Д.Н. 62, 555
Сернец Й. 295–297
Сернец Я. 324
Симонитти В. 19
Симонич Ф. 547
Сиротинин А.Н. 441, 539–540
Скополи А. 24
Славянская Н.А. 452
Слодняк А. 7, 20, 23, 61, 66, 71,
172, 309, 460, 462, 466–467, 479
Сломшек А. 82, 128, 132,
134–135, 163, 173
Смоле А. 77–78
Смолер Я. 115, 127
Смолька Ф. 149
Смотрицкий М. 49, 51
Соболевский А.И. 501–502,
528, 531
Созина Ю.А. 8, 440
Соколов А.А. 507
Соколов И.М. 183
Соколов Н.Н. 482
Соловьев В.С. 415, 444
Соловьев С.М. 183, 253
Спасович В.Д. 456, 477,
508–509
Сперанский М.Н. 252, 395,
465–466, 529
Срезневская (*Кускова*) Е.И.
115
Срезневский И.Е. 113
Срезневский И.И. 88, 97–100,
103–105, 107, 109–110, 113–121,

123, 125, 128–130, 181, 194,
203, 205–210, 212–213, 243,
280, 285 290, 455, 477, 483,
490, 506–507, 510, 520, 523,
534

Стабей Й. 52

Стамболов С. 354

Станкевич Н.В. 338

Станоник Й. 51

Старикова Н.Н. 7–8

Степняк-Кравчинский С.М.
395

Степович А.И. 501, 521,
535–537

Стефан Душан 371

Стаханова И.Г. 8

Стольпин П.А. 423, 426, 432

Стратимирович Д. 397

Стратимирович С. 55

Стремоухов П.Н. 262–263

Стритар Й. 170, 172, 267,
293, 297–298, 309, 315, 317,
358–359, 361, 475, 479, 536,
553

Строев П.М. 93

Стулли 49

Суботич Й. 253, 255

Суворин М.А. 446

Суворов А.В. 45, 519, 555

Сумцов Н.Ф. 465–466

Т

Таафе Э. 340, 360

Тавчар И. 340–341, 363, 366,
387, 418

Таушл Й. 83

Теплова 496

Терновец Б. 267

Тестен П. 7

Тихонравов Н.С. 527

Ткалчевич Е. 157

Тобин 89

Толстой А.К. 450, 503–504

Толстой Д.А. 248

Толстой Л.Н. 355, 442, 450–
451, 469–473, 481, 487–488,
503–505, 541

Толстой Н.И. 55, 116

Томазео Н. 154

Томан Л. 170, 227, 233, 241,
244–246, 276

Томиншек Й. 218

Томич П. 324

Томшич А. 236

Топоришич Й. 57, 58

Трдина Я. 91, 163, 172, 194,
201–202, 361, 506

Тресич Павичевич А. 426

Трофимов П. 480

Трстеняк Д. 79, 110, 135, 148,
160, 194, 197–200, 202, 227,
236, 244, 276–278, 283–287,
322, 341, 494

Трубар П. 12–16, 59, 76, 87,
100, 124, 190, 479, 507–508,
520, 552

Тургенев И.С. 7, 100, 355,
442, 450–451, 453, 457–458,
471–473, 488, 493, 496, 503–
505

Тума Ф.Л. 92

Тума Х. 438

Турнер П. 299, 327–328

У

- Уайлд О. 488
Уваров А.С. 183, 459, 461
Уваров С.С. 175
Уварова П.С. 461
Унгнад 100
Унковский Н.А. 423
Урбанчич Й. 163, 172, 179–182
(*Турноградская*)
Устиянович К. 222
Учащийся-прогрессист 398–399
(*Naprednjak-djak*)
Ушаков Д.Н. 482
Ушеничник А. 412–413, 436

Ф

- Фабиянчич Ф. 436
Фадеев Р.А. 374, 494
Феконя А. 197, 359
Ферьянчич 380
Фердинанд I Габсбург 131, 152
Фет А.А. 459, 494
Филарет, митрополит 249
Флоринский Т.Д. 55, 122, 457, 481, 483, 501, 510–514, 521–524, 531–533, 552
Фогельзанг К. 414
Фома Аквинский св. 19
Фореггер Р. 261–262, 406
Фортунатов Е.Ф. 225–227, 290
Фортунатов Ф.Ф. 476–477, 482–484, 528–529

- Франц Габсбург 34
Франц Иосиф Габсбург 152, 335, 343, 357, 433
Франц Фердинанд Габсбург 409, 417
Францев В.А. 52, 87, 119, 121, 490, 525–526, 534
Франциск св. 516

Х

- Харузин А.Н. 516–519
Хафнер С. 68
Хевролина В.М. 352
Хладник 148
Хлебников В. 445
Хлебникова И.Б. 440, 445–446
Хомяков А.С. 394, 473
Хомяков Н.А. 423
Хорват Й. 83
Хорошкевич А.Л. 14
Хостник М.М. (*Д.*) (*Круторогов*) 346, 348–358, 366–367, 378, 386–387, 392–396, 402–404, 433, 450, 469, 492, 496–502, 507, 513
Хрен Т. 191
Хрибар И. 7, 202, 226, 314, 318, 340–342, 344–348, 357, 363, 366, 401, 417, 420–433, 449, 451, 484, 499, 538
Хруцкая М. 440
Худец А. 245–246

Ц

- Цанкар И. 441, 447, 480, 504, 541

Царич 463

Цаф О. 139–140, 151, 181,
197–198, 202, 228

Цветко 61

Цвирн Й. 261, 262, 406

Цвиттер Ф. 7, 36, 39, 51–52,
300

Цейтлин Р.М. 96

Целестин Ф. 293, 299, 315–
318, 336–339, 343, 367, 373–
374, 383–384, 386, 392–395,
450, 452–458, 492–493, 506,
509, 554

Цигале М. 52, 228

Цимперле Й. 28

Цойс Ж. (С.) 28–29, 32, 38–42,
48–49, 52–53, 61, 86–87, 123

Ч

Чаадаев П.Я. 111

Чарторьский А. 87

Челаковский Ф.Л. 76, 115,
305, 466

Чепелевская Т.И. 7–8, 85,
202, 504

Черняев М.Г. 255

Чех С. 441

Чехов А.П. 450, 470–471, 475,
480–481, 487–488, 504–506, 541

Чижев Ф.В. 192–194, 253

Чоп М. 74–78, 163, 553

Чубинский М.П. 446

Чуркин В.С. 1

Чуркина И.В. 3–4, 177, 182,
204, 234, 242, 250, 253, 409,
437, 550

Ш

Шафарик П.И. 75, 99, 102,
105–106, 109–112, 127, 129,
163, 177, 196, 211, 253, 305,
466, 507, 523

Шахматов А.А. 114, 463–464,
476–477, 483, 515–516, 528,
533–534

Шевченко Т.Г. 113

Шевырев С.П. 106, 125–126

Шейниг Я. 549

Шенерер Г. 320, 368

Шенлебен И.Л. 191

Шеноа А. 441

Шереметьев 248

Шидак Й. 139

Шиллер Ф. 23, 31

Шильдер М. 440

Шишков А.С. 47, 66–67, 102

Шлегель Ф. 74

Шлёцер А.Л. 14, 23, 35, 55,
57, 127

Шляков Н.В. 521

Шмерлинг А. 220

Шмигоц 127, 544

Шмидт В. 13

Шнайдер М. 63

Шпаровец А. 140

Шрепель М. 467

Штейн С.В. 441, 490, 540–541

Штифтар Ф. (*Б. Творцов*)
367–368, 392–395, 492–496

Штрекель К. 252, 287, 359,
421, 450, 457–458, 463, 504,
513, 515, 527, 531–533, 545

Штросмайер Й. 177–178,
321, 328, 344

Штур Л. 115, 155, 177
Шукље Ф. 267
Шульце-Делич Ф. 457
Шуман Й. 510
Шуштершич И. 409, 417, 426

Щ

Щепкин В.Н. 461, 465, 527–529, 531, 534
Щуровский Г.Е. 251

Э

Эдлинг И. 26–28, 31
Эгер М.Т. 42
Эгер Я.Ф. 42
Эйншпиллер А. (*Свечан*) 140, 148, 154, 158–159, 162, 164–165, 169, 173, 199–200, 221, 224, 228, 242, 244, 294, 495
Эрбен Г. 255
Эрбен К.Я. 251
Эренталь А. 423
Эрьявец Ф. 172, 270, 286

Ю

Юнггрен М. 8, 439, 447
Юнгман Й. 106, 113–114, 305
Юрий св. 324
Юрчич Й. 266, 296, 313, 315–316, 318, 322–323, 361, 479

Я

Яворник П. 84, 139–140
Ягич В. (*И.В.*) 47, 53, 63–64, 66–67, 88, 94–95, 101–105, 112, 115, 252, 397, 468–469, 471–473, 476, 481–483, 514, 521, 526–529, 543
Янежич А. 162–163, 165–166, 168, 170, 173, 199, 212–213, 228, 244, 251, 507, 510, 531, 553
Янко Б. 549
Япель Ю. 28, 30, 46, 48, 60, 124, 192, 553
Ярник У. 49, 61, 63, 79, 110, 116–120
Яроцкий В.Я. 227–228, 290
Ястребов И.С. 529
Ястребов Н.В. 467
Яцимирский А.И. 441, 536–538

«В-» 369
«Fr.G.» 395
«P.» 458, 496
«P.V.» 167
«R.» 325
«Rny» 371
«R.P.» 326
«S-n» 326, 333
«X» 400

Научное издание

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Чуркина Искра Васильевна

Россия и славяне
в идеологии словенских
национальных деятелей
XVI в. — 1914 г.

Компьютерная верстка

П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 15.08.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 36 печ. л.

Заказ № 72.

Тираж 500 экз.